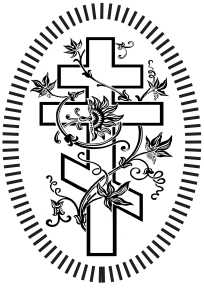
РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ



РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Москва – Третий Рим
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Шишков А. С.
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Коялович М. О.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Игнатий (Брянчанинов)
Феофан Затворник
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Суворин А. С.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Трубецкой Е. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.
Кожинов В. В.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

РОССИЯ! ВСТАНЬ И ВОЗВЫШАЙСЯ!

МОСКВА
Институт русской цивилизации
Родная страна
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1
П 91

Пушкин А. С.

П 91 Россия! встань и возвышайся! / Сост., отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2013. — 976 с.

В книге великого русского поэта, мыслителя, публициста Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) собраны его главные идеологические произведения, выражающие духовные ценности нашего Отечества. Пушкин первый стал смотреть на литературу как на служение национальному идеалу русского народа. Безраздельно и беззаветно слился он с народной стихией.

Пушкин преклоняется перед русским прошлым, гордится им, видит в нем огромные духовные богатства, глубокие нравственные начала, которые делают русских одним из величайших исторических народов мира. Ему присуща православная вера в добро, в его победу над злом.

Своим непревзойденным гением Пушкин с изумительной глубиной и точностью определил зло масонства, его ложь, предательство, бесчестность и жестокость, которые с откровенным цинизмом проповедовали творцы так называемой Великой французской революции.

ISBN 978-5-4261-0040-4

© Институт русской цивилизации, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий русский поэт, мыслитель, публицист, один из высочайших выразителей духовных ценностей русской цивилизации Пушкин Александр Сергеевич (26.05/6.06.1799–29.01/10.02.1837) родился в Москве, образование получил в Царскосельском лицее. Одаренный гениальными способностями, впечатлительностью, живостью и энергией, Пушкин в течение всей своей краткой жизни был поставлен в крайне неблагоприятные условия, но сила и яркость его исключительного таланта поборола все препятствия и сделала его творцом новой русской литературы, ее языка и бессмертных по красоте форм и глубине содержания художественных произведений. Основная черта его поэзии – это ее глубокая искренность и правдивость; всякий стих выражает подлинное пережитое настроение и чувство; в каждой строке – стремление к реальному, правдивому изображению действительности в художественной форме. Пушкин первый стал смотреть на литературу как на служение национальному идеалу русского народа.

Не как надменный ментор, не как высокомерный наставник шел Пушкин к народу с тем, чтобы его чему-то научить, в чем-то его обличить. Он шел к нему с открытою душою, как равный к равному, с тем чтобы черпать из неиссякаемого родника русского национального духа ту, как червонное золото, неподдельную самобытность, которою обвеяны все его творения.

Безраздельно и беззаветно он слился с народною стихией, и затем он уже был просто не в состоянии отделить себя от той России, в которой он родился, в которой вырос и возмужал и которую возлюбил бесконечно, как сын любит свою мать. И принял он свою Родину всю, целиком, без остатка, с ее пленительной природой,

с трудной ее историей, во всей ее безграничной шири, безудержной удали и задумчивой печали. Какой-то всепобедной бодростью и верой в конечное торжество истины и гуманности дышит все творчество поэта.

Пушкин преклоняется перед русским прошлым, гордится им, видит в нем огромные духовные богатства, глубокие нравственные начала. Он дает спокойно-величавый образ монаха-летописца, олицетворяющий собой древнюю, московскую Русь, глубоко жизненный образ Пимена, пишущего свои правдивые сказания:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

Поэзии Пушкина присуща христианская вера в добро, в его победу над злом. В сложную драму жизни властно вторгаются и темные силы порока, малодушия и греха. Пушкин не отворачивается от них. Он встречает их с ясным взором в твердом убеждении, что рано ли иль поздно проснется совесть и воздаст коемуждо по делам его: страшным привидением совесть ломится в ворота, скребется под окном крестьянина, оттолкнувшего утопленника от берега крутого и тем лишившего покойника могилы и креста; тяжким пожатьем каменной десницы обрекает она на гибель великого грешника Дон-Жуана; как молотком в ушах, стучит она упреком царю Борису, убийце тайному царевича Димитрия; когтистым зверем впивается она в черствое сердце Скупого Рыцаря; кровавой тенью стоит она перед Онегиным, мутя и муча его воображение, и волнами моцартовского Реквиема вливается она в черную душу завистника Сальери. Раскаянье и совесть восстанавливают нравственное равновесие, нарушенном злом, которое, по мысли Пушкина, в конечном счете не в силах победить добро.

До конца дней своих Пушкин оставался русским патриотом и противником западной системы ценностей. Незадолго до своей гибели, когда вокруг него все более и более стягивались сети заго-

вора, приведшего его к смерти, в октябре 1836 года Пушкин писал философу Чаадаеву, в ответ на высказанное им безнадежное мнение о прошлом России, как о бесплодной пустыне, лишенной героизма и ярких образов: «Что касается до нашего исторического ничтожества, то никак не могу присоединиться к вашему мнению. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та же жизнь кипучей удали… которая отличает юность всех народов? Нашествие татар – печальная и великая картина. Пробуждение России, развитие ее могущества. Движение к единству (русскому единству, конечно), оба Ивана.. как, неужно это не история, а бледный полузабытытй сон? А Петр Великий, который один – целая всемирная история!.. Я далеко не восхищаюсь всем, что вижу вокруг себя… но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков…»

В другом месте того же письма Пушкин писал: «Нет сомнения, что мы не участвовали ни в одном из великих событий, которые волновали Европу; но у нас было свое собственное призвание. Это Россия с ее громадными пространствами поглотила монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они удалились в свои пустыни, и европейская цивилизация была спасена… Наше мученичество избавило от всяких препятствий энергетическое развитие Западной Европы».

Запад должен быть благодарен России за спасение, а он клевещет на нее. Пушкин отмечает холодное варварство и эгоизм Запада. Рассуждая об Англии, он пишет: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы думаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смидта или об иголках г-на Джаксона».

В статье 1836 года «Джон Теннер» Пушкин дал резко критическую характеристику демократии США «в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». «Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (комфорту)… рабство негров посреди образованно-

сти и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со строны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному изгнанию… – такова картина Американских Штатов». Эта картина, нарисованная великим русским поэтом, сохраняет свою силу и теперь – только темные стороны этой лжедемократии стали еще темнее.

Тяжелым испытанием для Пушкина становится его столкновение с космополитическими силами, и прежде всего масонством, стремившимся столкнуть великого поэта с национального пути. Делаются попытки вовлечь его в масонскую ложу «Овидий», весной 1821 года его даже записывали в ее списки, но уже осенью ложа распадается, так и не начав работать. Старались вовлечь Пушкина в свое преступное сообщество и декабристы, состоявшие также преимущественно из масонов. Под влиянием глубоких размышлений и работы над собой Пушкин пришел к выводу, что избранный декабристами путь усовершенствования жизни – путь гибели России. Он не мог не видеть грозной опасности масонства, т. е. той идеологии, которая была основой движения декабристов. Пушкин окончательно и бесповоротно осудил масонство как страшную и разрушительную силу жизни. Своим непревзойденным гением Пушкин с изумительной глубиной и точностью определил зло масонства, его ложь, предательство, бесчестность и жестокость, что с откровенным цинизмом проповедовал идеолог и творец «великой» французской революции 1789 года Адам Вейсгаупт.

«Я как-то изъявил свое удивление Пушкину, – пишет С. А. Соболевский, – о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежит ни к какому другому тайному обществу. «Разве ты не знаешь, – отвечал Пушкин, – что все филантропические тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним?»

Согласно исследованиям специалиста по масонству В. Ф. Иванова, именно закулисные интриги масонов стали главной причиной высылки Пушкина из Петербурга сначала на юг (1821), а затем в Михайловское, откуда он вернулся лишь в 1826.

Опала раскрыла Пушкину «презренный, робкий эгоизм» космополитического окружения, подстрекавшего его к конфликту с царской властью и церковью и отшатнувшегося от него в дни испытаний. На этой почве выросло разочарование в людях, сроднившее поэта с байронизмом. Однако попытка разобраться в своих настроениях, выраженных им в типах «Кавказского пленника», «Братьев-разбойников», «Бахчисарайского фонтана» и «Цыган», привела Пушкина к признанию мизантропии признаком узкого эгоизма, искания воли лишь для себя. Истинный свободолюбец не может уйти от людей; суть духовности – вера в грядущее торжество добрых начал в людском обществе («Андрей Шенье»). Поэт и есть носитель этой грядущей правды, которую отрицают по непониманию современники. Поэтому поэт не должен «презирать страны родной», должен верить в «ее предназначенье» и, поборов чувство личного раздражения против «хладных скопцов», должен спокойно и самоотверженно будить в их душе «чувства добрые». Индивидуальность, лишенная добрых чувств, хотя бы и могучая, есть явление отрицательное («оставь герою сердце… он будет без него тиран»); у истинного героя яркость личности сочетается с способностью полного самозабвения в деле служения своему народу и государству (антитеза Петра и Мазепы). Стремлением отыскать красоту и правду в неприкрашенной русской действительности проникнуты произведения Пушкина, начиная с «Евгения Онегина» и кончая «Капитанской дочкой» и «Повестями Белкина». Пушкин был создателем и русской критики (журнал «Современник»), которая, по его мнению, служит безупречным показателем духовного прогресса народа.

Впечатление огромного ума Пушкин производил на всех, близко его знавших и имевших возможность наблюдать воистину феноменальный рост его идейного диапазона. Император Николай Павлович в 1826 году после первого своего разговора с Пушкиным, которому тогда едва исполнилось 27 лет, заметил графу Блудову: «Сегодня утром я беседовал с самым замечательным человеком в России».

В. А. Жуковский, как-то встретив у Смирнова Н. В. Гоголя, жадно вслушивавшегося в речи Пушкина, сказал: «Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь... потому что каждое слово Пушкина драгоценно».

Барант, французский посол при русском Императорском Дворе, человек тонкой культуры, в петербургском обществе часто встречавший Александра Сергеевича, не раз свидетельствовал об его исключительном и всестороннем знании Священного Писания, особенно Евангелия.

В 1832 Гоголь писал: «Пушкин есть явление необычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, каким он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой же очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

И. С. Тургенев назвал Пушкина «учителем» России. Ф. М. Достоевский в своей знаменитой речи на открытии пушкинского памятника в Москве указал на то, что наиболее ярким показателем мудрости нашего поэта было его необыкновенное свойство вмещать в себе и художественно воплощать в своих произведениях дух каждого народа, неповторимые, как общечеловеческие так и индивидуальные черты быта каждой нации. В самом деле, достаточно упомянуть такие произведения, как «Подражания Корану», «Каменный гость», анакреонтические стихотворения, «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Борис Годунов» и «Пир во время чумы», чтобы убедиться во всеобъемлемости пушкинского художественного кругозора.

Жизнь Пушкина трагически оборвалась в 37 лет. Космополитические силы не могли простить поэту разрыва с масонством и критику декабристов, его любви к Родине и русскому народу. Травля поэта, которую вели масонские конспираторы, переросла в заговор против него. Под видом дуэли было совершено убийство русского гения. Как показали исследования, «Диплом рогоносца», ставший одной из главных причин дуэли и гибели поэта, был составлен высокопоставленным масоном кн. П. Долгоруковым. Крупным масоном был и убийца Пушкина Э. Дантес.

Борис Бразоль, В. И.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ[1]

(1831)

О чем шумите вы, народные витии?[2]
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,[3]
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;[4]
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;[5]
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы[6]
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?[7]
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

(1831)

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русской штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь[1] –
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:[2]
Через ее шагнете кости!...»

Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена[3]
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;[4]
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат[5],
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,

Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?[6]
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?[7]
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?[8]
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?[9]

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт[10], и внешних бурь напор[11]
Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: все стоит она!
А вкруг ее волненья пали –
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,[12]
Могучий мститель злых обид,

Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,[13]
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань[14].

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего[15].

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ

(1815)

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин[1]
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.

Бежит... и мести гром слетел ему вослед;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.

Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» – раздался клик, и вихрем понеслись,
Знамены, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
Сыны Бородина, о кульмские герои![2]
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,

Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд –
Все лица радостью, любовию блестят.

Внемли – повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит – ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вкруг старца соберутся,

Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА

(1827)

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, <говенный> капитан,
Как помнятся у нас в простонародье
Над нехристем победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебена твоя мать>?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов[1]
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебена твоя мать>?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих <жопу>,
Да и твою, <говенный> капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебена твоя мать>?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебена твоя мать>?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатской штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебена твоя мать>?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал <да еб>?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебена твоя мать>?

ОРЛОВУ

(1819)

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который с каждым днем

Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача,
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля – суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,

С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов
И буду ждать. Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены

Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

ОЛЕГОВ ЩИТ

(1829)

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах[1].

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

* * *

(1829)

Опять увенчаны мы славой,[1]
Опять кичливый враг[2] сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне[3] мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла[4]
В свои объятия тугие.

* * *

(1831)

Перед гробницею святой[1]
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал – и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм – в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

НАПОЛЕОН

(1821)

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,

И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный –
Свободы яркий день вставал, –

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:

Европа гибла – сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) –

Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливца душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб – наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!

Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу

Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ

(1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напенясь под рулями,
Меня помчит покорная волна,
И спящих вод прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!

Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами,
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вкруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?..
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..
Полнощи царь младой![1] ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне – позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,

Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.

И тихо все кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье –
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;
Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай – твой бич восстал – и все падет во прах,
Все сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал;
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Все смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

СТАНСЫ

(1826)

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой[1].

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

К МОРЮ

(1824)

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной

Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,[1]
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,[2]
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...[3]
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,[4]
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран[5].

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

ДРУЗЬЯМ

(1828)

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил[1]
Войной, надеждами, трудами[2].

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод –
Разврат и некий дух мятежный![3]

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу[4].

* * *

(1836)

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(1814)

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,[1]
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской[2] храм?

Не се ль Элизиум[3] полнощный,[4]
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены[5]
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными брегами

Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник[6]. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой[7].
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров[8] героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать – есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани

Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич[9] – и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут – их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,[10]
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! –
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышат,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,

И се – пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский – победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;[11]
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи

Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут – и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России[12] вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,

И струны гордые посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

* * *

(1836)

Exegi monumentum*

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа[1].

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу[2]
И милость к падшим призывал[3].

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

* Я воздвиг памятник (*лат.*).

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

(1824)

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной

В часы ночного вдохновенья!..
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам,
Меж тем как пыльные громады

Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;[1]
Жуковский то же говорил;[2]
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?

Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!.. душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
. . . . . .
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,

Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей!..

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

ПРОРОК

(1826)

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, –
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

ПОЭТ

(1827)

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

ПОЭТ И ТОЛПА
(1828)

Procul este, profani*.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

* Прочь, непосвященные (*лат.*).

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; –
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, – полезный труд! –
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ ОТЧЕСТВА

ИСТОРИЯ ПЕТРА I
(1831–1837)

Подготовительные тексты

ОЧЕРК ВВЕДЕНИЯ

Введение – Россия извне
Россия внутри
Подати
Торговля
Военная сила
Дворянство
Народ
Законы
Просвещение
Дух времени

§ 1

Россия, долго терзаемая междуусобиями и притесняемая хищными соседами, отдыхала под управлением Романовых. Михаил Феодорович заключил[1)] etc., Алексей Михайлович присоединил[2)] etc.

Феодор пекся о подтверждении успехов и о внутреннем улучшении[3)] etc.

Отношения России 1) к Швеции и Польше
2) к Турции
3) к прочей Европе.

1) Склонна к Польше, уже обессиленной, неприязненна к Швеции, усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украйну.

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии и нужна как достаточно мощная соперница Турции.

§ 2

Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

Бояре беспечные.

Их дьяки алчные.

Народ taillable à merci et miséricorde[4].

Правосудие отдаленное, в руках дьяков.

Подати многосложные и неопределенные.

Беспорядок в сборе оных.

Пошлины и таможни внутренние:

a) притеснения

b) воровство

Внешняя торговля:

a) Архангельская младенческая

b) Персидская

c) Волга

Военная сила начинала получать регулярное образование.

Стрельцы, казаки, образ войны и вооружения.

Законы, более обычаи, нежели законы, – неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые etc.

Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется о науках. Духовенство. Его критический дух.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ВВЕДЕНИЯ»[5]. ШТРАЛЕНБЕРГ

Голиков. Введение. Philipp Johann von Stralenbergs nord- und östlicher Theil von Europa und Asien. Stokholm. 1730[6].

Штраленберг говорит о двух сторонах, существующих в России, за и против Петра I. Оппозиция негодует:

1) на возведение на высокие степени людей из низкого звания, без различия с дворянами,

2) что государь окружил себя молодыми людьми, также без разбору,

3) что дозволяет им осмеивать бояр, наблюдающих старые обычаи,

4) что офицеров, выслужившихся из солдат, допускает к своему столу и с ними *фамильярно* обходится (в том числе Лефорт),

5) что сыновей боярских посылает в чужие края для обучения художествам, ремеслам и наукам, недостойным дворянского званья,

6) что записывает их в солдаты и употребляет во всякие работы,

7) что дал князю Ромодановскому власть неограниченную. Все сие бояре почитали истреблением знатных родов, унижением дворянства и безнравственностию.

Прочие причины негодования суть:

1) Истребления стрельцов.

2) Учреждение Тайной канцелярии.

3) Данное холопьям дозволение доносить на господ, укрывающихся от службы, и описывание их имения в пользу доносителей.

4) Новые разорительные подати.

5) Построение С.-Петербурга, чищение рек и строение каналов.

6) Военные суды, жестокость и невежество судей.

7) Отменение в определениях и приговорах изречения: государь указал, а бояре приговорили. Следствием сей меры было, говорит Штраленберг, то, что никто не смел государю говорить правды.

8) Славление Христа о святках, государя и первых бояр, ругательство веры, училище пьянства.

9) Принуждение, чинимое купцам, товары привозить в Петербург, и торговые казенные караваны в Пекин – разорительные для торговли.

10) Перемена русского платья, бритье бород, немецкие обычаи, иностранцы – причины мятежей и кровопролития.

11) Суд над царевичем.

Густав Ваза, узнав, что королева Елисавета прислала царю Ивану Васильевичу пушки в подарок, жаловался ей на то. На большом сейме в Любеке 1563 году определено не впускать в Россию корабельных мастеров, что ими было исполнено, когда до 300 художников и мастеров прибыли было в Любек морем. Герберштейн был того же мнения.

Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: действительный тайный советник сенатор и кавалер Иван Иванович Неплюев, адмиралы Алексей Иванович Нагаев, Семен Иванович Мордвинов, Иван Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин и московские купцы Сериков, Евреинов, Полуярославцев и Ситников и олонецкий купец Барсуков. Незнакомые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосходительные господа *граф* Андрей Иванович Ушаков, Федор Иванович Соймонов, барон Иван Антонович Черкасов и Абрам Петрович Ганнибал.

Князь Ромодановский был истинный бич горделивости боярской.

Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинное платье и возил их по разным домам *под разными именами* (?). Их потчевали по обычаю вином и вод-

кою и принуждали пьянствовать, а молодые любимцы приговаривали: пейте, пейте: старые обычаи лучше ведь новых.

«Я, как поехал от Вас, не знаю; понеже зело удоволен был Бахусовым даром. Того для – всех прошу, если кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, да не напамятует всяк сей случай и проч.» *(Письмо Петра к гр. Апраксину).*

За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдаляя их от Православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных за море, надели траур (синее платье) *(Фамильное предание).*

Народ почитал Петра антихристом.

Подати при Петре:

1) Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба и других съестных припасов, со *всего* продаваемого в городах на ярмонках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питьев, с извозчиков, с найму работников, с постоялых дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески-рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.

2) Пошлина со всяких крепостей, с явки (за явление) духовных и отпускных, с подачи челобитен исковых и явочных, с записки и *печатания* (печати), контрактов, договоров, писем (заемных) и всяких сделок, с венечных памятей, свадеб иноверческих и со вновь введенной гербовой бумаги.

3) Сбор денег на содержание войска с тех, кои прежде обязаны были служить, с жалованых поместий и сбор с губерний на флот и армию.

4) *Подушная* (перепись генеральная государству) по 80 коп., потом по 70, с однодворцев и купцов по 1 р. 20 коп. Иностранцы, торгующие в Сибири, сравнены в оброке с русскими.

5) Сбор для Ладожского канала.

6) Сбор *временный* с хлебопашцев по одному четверику с двора, а *единожды* с души (на магазины).

7) Сбор на один год со всех получающих жалование, от фельдмаршала до солдата и от министра до подьячего – также и с духовных, состоящих на жаловании (кроме иностранцев, служащих по контрактам и без контрактов).

Примечание Голикова:

Большая часть сих податей уже существовала, иные взимались не для государя – четверть хлеба была от 25 до 30 коп.

С венечной памяти взималось по 25 коп.

Рыбий клей и *икра*, соболи, ревень, поташ, смольчуг и табак были казенной монополией. *Первыми* пользовалось духовенство.

Соболями – сибирское начальство, чиновники и купцы (продавались в Сибирском приказе).

Поташ и смольчуг были губительны для лесов.

Доходы питейные, соляные и таможенные издревле принадлежали казне. – Петр пресек корчемство, воровство в со-

ляных промыслах, потаенный провоз etc. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай казенных товаров.

Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долгу, платит Швеции 2 000 000 руб., прощает государственные долги и недоимки и персидскую войну оканчивает без новых налогов (с пошлиной на получающих жалование). По смерти своей оставляет до 7 000 000 руб. сбереженной суммы.

Годовой расход его двора не превосходил 60 000.

Петр I, когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул.

Петр замышлял о соединении Черного моря с Каспийским – и предпринял уже ту работу.

Отпуск в Пекин казенных караванов принес пользу русским купцам, ибо китайцы дешевле покупали товары на нашей границе, чем в Пекине от комиссаров казенных. Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин.

Петр, получив от Апраксина *слишком учтивое письмо* (пишет Голиков), отвечает, что он сомневается, к нему ли оно писано; *ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как к компании своей писать*. В другом письме запрещает он ему слово величество.

В «Деяниях Стоглавого собора» (при царе Иване Васильевиче в 7059 г.) между прочим: «Творящие брадобритие ненавидимы от Бога, создавшего нас по образу своему». – Далее *правило св. апостолов*: «Аще кто браду бреет и преставится тако, недостоит над ним пети, ни просфоры, ни свещи по нем в церковь приносити, с неверными да причтется» etc. («Обличение неправды раскольничей». 1745 г.).

Царевич Алексей Петрович родился 1690 г., февраля 29. До 699 находился он при матери своей, царице Евдокии Федоровне, когда была она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и приставники ожесточили его противу отца, а духовные особы, при обучении его Православию, вкореняли в нем ненависть к нововведениям. При чтении священных книг останавливали его при некоторых текстах, выводя разные из оных политические заключения etc. Петр до самого того времени не имел времени им заняться. По истреблении же стрельцов и заключении царицы, обратил он на него свое внимание и приставил к нему двух господ Нарышкиных, ошибочно полагая их к себе приверженными. В 1701 году Петр назначил Меншикова обергофмейстером к царевичу, а гофмейстером министра своего статского и военного советника фон Гизена (или Гуйсена). Сей Гизен написал Историю Петра I, но не кончил оной. Петр дал ему письменную инструкцию (от 3 апреля 1703 г.), чему должен он обучать царевича; между тем ожесточенный отрок выучился только притворствовать. Потом Петр произвел его сержантом гвардии, брал его с собою в походы; в разных сражениях, при взятии Ноттенбурга (Шлиссельбурга), Копорья, Ямбурга и Нарвы царевич находился при нем, но в безопасности. Он сопровождал отца во время его путешествий в Польшу, в Архангельск etc. Петр употреблял его и

в государственные дела, а перед турецким походом поручил ему и главное правление.

Государь после казни ростовского архиерея Досифея отправился в Петербург. Занялся учреждением коллегий, определил в сенат генерал- и обер-прокуроров, издал указ о строении домов, печей, труб и кровель, безденежно роздал петербургским жителям парусные и гребные суда и установил по праздничным и *повсенедельным* дням *экзерсиции* на воде. По вскрытии Невы занялся он еще более флотом и корабельными работами, беспрестанно разъезжая из Петербурга в Кронштадт и обратно. Все полагали, что дело царевича кончено и предано забвению. Вдруг оно возобновилось. *Пойманы были* письма, и у некоторых найдены в платьях, и Петр велел снова начать следствие.

Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (*Ломоносов*).

Петр звал к себе Лейбница и Вольфа, первому пожаловал почетный титул и пенсию.

Лейбниц уговорил славного законоведца и математика Голдбаха Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями. Первый из них прорек за девять месяцев до рождения Петра славные его деяния и письменно утвердил, что «по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно

видел и как бы в книге читал, что зачеиншийся в утробе царицы Наталии Кириловны сын его (царя) назовется Петром, что наследует престол его и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может» и проч.

Сохранилась при Академии наук в императорской библиотеке переписка двух ученых; один бывший тогда в Москве посланником соединенных Нидерландов Николай Гейнзиус пишет в Утрехт Иоанну Георгию Гревиусу от 1 июля 1672 о рождении царевича и о предречениях. Гревиус от 9 апреля 1673 отвечает следующим письмом: (том I, введение, с. 135) etc. В самый день рождения Петра Людовик XIV перешел через Рейн, а турецкий султан через Днестр, и первый завоевал четыре провинции соединенных Нидерландов, а второй Подолию и Каменец.

Астроном Лексель, член Петербургской Академии наук, исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 месяцев до оного какое-нибудь небесное необыкновенное явление. «Пресветлой звезды близ Марса (правда) не оказалось, но прочее планет течение было весьма благополучным предзнаменованием».

При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным ее астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось).

1672–1689

Петр родился в Москве в 7180 г., мая 30 (1672).

Рождение царевича праздновали трехдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь в знак своей радости даровал прощение осужденным на смерть, возвратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню,

простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключенных за долги.

Царевич был окрещен июня 29, в субботу, на праздник верховных апостолов Петра и Павла, в Чудовом монастыре, от патриарха Иоакима. Восприемниками были брат его царевич Феодор Алексеевич и тетка его, царевна Ирина Михайловна. Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда в день именин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *потешные*. Перед своею кончиною царь назначил приставниками к царевичу боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина и при нем окольничих князя Петра Ивановича Прозоровского, Федора Алексеевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трех лет и осьми месяцев.

Царь Феодор Алексеевич оставил при вдовствующей царице весь ее *штат*. В 1677 году она имела при себе 102 стольников. Потешные, большею частию, были дети их. Петр начал учиться грамоте 12 марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был Челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец к вдовствующей царице. Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также к царевичу: Лефорт и Тимерман, учили его геометрии и фортификации.

Милославские во время царствования Феодора утесняли Нарышкиных, из них ни один не был произведен в большие чины. Дед царевича, Кирил Полуехтович, определенный

Алексеем Михайловичем главным судиею в Приказе большого дворца, был отставлен.

Боярин Иван Максимович Языков предложил однажды вдовствующей царице, под предлогом тесноты, перебраться в другой дворец, отдаленный от царского двора. Царица не захотела и подослала Петра с своим учителем к царю Феодору. Петр поцеловал его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя с царевичем Димитрием, а боярина с Годуновым. Царь извинился перед Натальей Кириловной и отдал ей Языкова головою. Языков был на время отдален.

Царица жила обыкновенно в Потешном дворце царя Алексея Михайловича, отчего и Петр его предпочитал.

15 августа 1680 г. Зотов был от него удален по *наветам*. Он был послан с полковником стрелецким, стольником Василием Тяпкиным в Крым для заключения мирного договора на 20 лет, что и случилось 15 января 1681 г. Зотов воротился 8 июня. Неизвестно, продолжал ли он учить царевича.

Штраленберг и «Рукопись о зачатии» повествует, что царица, едучи однажды весною в один монастырь, при переправе через разлившийся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшего у ней на руках. Петр до 14 лет боялся воды. Князь Борис Алексеевич Голицын, его обер-гофмейстер, излечил его. Миллер тому не верит.

Когда слабому здравием Феодору советовали вступить во второй брак, тогда ответствовал он: «Отец мой имел намерение нарещи на престол брата моего, царевича Петра, то же сделать намерен и я». Сказывают, что Феодор то же говорил и Языкову, который ему сперва противоречил и наконец отвратил разговор в другую сторону и уговорил его на второй брак. В самом деле, 1682 г. февраля 16 Феодор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но в тот же год апреля 27 скончался, наименовав Петра в преемники престола (в чем не согласен Миллер. См. «Опыт трудов Вольного российского собрания». Ч. V, с. 120). Царевичу Иоанну было 16 лет, а Петру 10 лет.

О избрании см. «Опыт трудов Вольного российского собрания». Ч. V, с. 123.

Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиной, и черных сотен, и иных имен люди единогласно избрали царем Петра.

Патриарх говорил потом боярам и окольничим и думным и ближним людям, и они были того же мнения.

Петр избран был 10 мая 1682 г., и в тот же день ему присягнули; царица Наталья Кириловна наречена была правительницею, но чрез три недели все рушилось. Боярин Милославский и царевна София произвели возмущение. План их был:

1) Истребить приверженцев Петра.
2) Возвести царем Иоанна.
3) Царя Петра лишить престола (?).

Сумароков и князь Хилков утверждают, что Милославский удержал стрельцов от присяги – Голиков, дабы согласить их с летописью, говорит: многих стрельцов.

Главные сообщники Милославского были племянник его Александр, Щегловитый, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров, Санбулов и главные из стрелецких начальников: Петров, Чермнов, Озеров и проч. Сумароков в числе приверженцев Софии именует и Иоакима.

Санбулов начал возмущение. Он закричал в толпе стрельцов, что бояре отняли престол у законного царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александр Милославский и Петр Толстой рассеяли слухи, что Иоанн уже убит, и роздали стрельцам письменный список мнимым убийцам, приверженцам царицы Натальи Кириловны.

Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ Божьей Матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое вторгаются в Кремль.

Деда Петра, Кирила Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили.

Убиты в сей день братья Натальи Кириловны Иван и Афанасий, князья Михайло Алегукович Черкасский, Долго-

рукие Юрий Алексеевич и сын его Михайло, Ромодановские Григорий и Андрей Григорьевичи, боярин Артемон Сергеевич Матвеев, Салтыковы, боярин Петр Михайлович и сын его стольник Федор, Иван Максимович Языков (?), стольник Василий Иванов, думные люди Иван и Аверкий Кириловы, Иларион Иванов с сыном; подполковники: Горюшкин, Юренев, Докторов и Янов; медики фон Гаден и Гутменш. Стрельцы, разбив Холопий приказ, разломали сундуки, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям. Но дворовые к ним не пристали.

Мая 18. Стрельцы вручили царевне Софии правление, потом возвели в соцарствие Петру брата его Иоанна. 25 мая царевна правительница короновала обоих братьев. София уже через два года приняла титло самодержавицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всех делах после обоих царей («Древняя российская Вивлиофика». Ч. VII, с. 400).

Стрельцы получили денежные награждения, право иметь выборных, имеющих свободный въезд к великим государям, позволение воздвигнуть памятник на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатьми, переименование из стрельцов в надворную пехоту. Выборные несли сии грамоты на головах до своих съезжих изб, и полки встретили их с колокольным звоном, с барабанным боем и с восхищением. Сухарев полк один не принял участия в бунте.

Царевна поручила Стрелецкий приказ боярам князьям Хованским, Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам Аввакумовской и Никитской ереси.

Вскоре после того (?) стрельцы под предводительством расстриги попа Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство, которое скрывается в Грановитую палату. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрении с Никитой. Стрельцы входят с налоем и свечами и с каменьями за пазухой, подают царям челобитную. Начинается словопрение. Патриарх и

холмогорский архиепископ Афанасий (бывший некогда раскольником) вступают в феологический спор. Настает шум, летят каменья (сказка о Петре, будто бы усмирившем смятение). Бояре при помощи стрельцов-нераскольников изгоняют наконец бешеных феологов. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6 июня. Царица Наталья Кириловна, по свидетельству венецианского историка, удалилась с обоими царями в Троицкий монастырь. После того Петр удалился в село Преображенское и там умножает число потешных (вероятно, без разбору: отселе товарищество его с людьми низкого происхождения). Старый Хованский угождал всячески стрельцам. Он роздал им имение побитых бояр. Принимал от них жалобы и доносы на мнимые взятки и удержание *подможных денег*. Хованские взыскивали, не приемля оправданий и не слушая ответчиков.

София возвела любимца своего князя Голицына на степень великого канцлера. Он заключил с Карлом XI (1683 г.) мир на тех же условиях, на коих был он заключен 20 лет прежде. Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которым были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре.

Бояре, приверженные к Петру, назначили ему в обергофмейстеры князя Бориса Алексеевича Голицына. Он овладел доверенностию молодого царя и делал перевес на его сторону. Многие бояре, а особливо дети их, перешли на сторону Петра.

Царевна в сие время женила брата своего Иоанна на Прасковье Федоровне Салтыковой (1684 г., января 9). Петру I, бывшему по 12 году, дана была полная свобода. Он подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23 (?) годами старше его) научил его голландскому (?) языку. Он одел роту потешную по-немецки. Петр был в ней барабанщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов. В сие время князь Василий Голицын, бывший главным в комиссии о разобрании дворянских родов и о составлении родословной книги, думал возобновить местничество, уничтоженное царем Феодором в 1681 г. Комиссия

была учреждена под начальством боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и окольничего Чаадаева.

Бояре с неудовольствием смотрели на потехи Петра и предвидели нововведения. По их наущению сама царица и патриарх увещевали молодого царя оставить упражнения, неприличные сану его. Петр отвечал с досадою, что во всей Европе царские дети так воспитаны, что и так много времени тратит он в пустых забавах, в которых ему, однако ж, никто не мешает, и что оставить свои занятия он не намерен. Бояре хотели внушить ему любовь к другим забавам и пригласили его на охоту. Петр сам ли от себя или по совету своих любимцев, но вздумал пошутить над ними: он притворно согласился; назначил охоту, но приехав объявил, что с холопями тешиться не намерен, а хочет, чтоб господа одни участвовали в царском увеселении. Псари отъехали, отдав псов в распоряжение господ, которые не умели с ними справиться. Произошло расстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, седоки падали, собаки тянули снуры, надетые на руки неопытных охотников. Петр был чрезвычайно доволен – и на другой день, когда на приглашение его ехать на соколиную охоту господа отказались, он сказал им: «Знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское».

В день Преполовения (того ж 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха о установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда приехал он с боярами на пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, несмотря на представления бояр, запалил пушку и, узнав, что поручик Франц Тимерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тимерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя, велел отвести ему комнату подле своей и с той поры по нескольку часов в день обучался

геометрии и фортификации. Он в рощах Преображенского на берегу Яузы повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тимерману расставлять пушки и назвал крепость Пресбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал учение стрелецкому Тарбеева полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михаиловича (см. ч. I, с. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомандовал по-своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление (Крекшин).

Миллер относит учреждение потешного войска к 1687 году, потому что в разрядных книгах продолжительное пребывание царя в Преображенском начинается с того году. Но наборы начались уже в 84 году. Записные книги доказывают, что в 87 году увеличилось число потешных, ибо царь уже начал набирать из придворных и конюшенных служителей, и вскоре их прибавилось так много, что уже должно было часть оных поселить в селе Семеновском. Отселе *Семеновский* и *Преображенский*. Петр из Бутырского полка взял 15 барабанщиков (в 1687 г.). Лефорт (в том же году) произведен в полковники. Учреждена конница. («Опыт трудов Вольного российского собрания». Ч. IV, «О начале гвардии»). Петр, находясь однажды на Сокольничьем дворе, узнал, что всех охотников до 300 человек. С согласия брата, взял из них молодых в потешные.

1684 г., мая 14. Посольство от цесаря Леопольда.

Целью оного было склонить Россию на войну с Турцией. Отвечали, что заключенного царем Феодором 20-летнего мира нельзя нарушить и что Россия ничего не может предпринять, пока Польша не отречется от своих притязаний на Смоленск, Киев и всю Украйну и не заключит вечного мира.

1684 г., июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью.

Стрельцы между тем продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника Афанасия Барсукова и солдатского полковника Матвея Кравкова, мучили их на правеже за мнимые долги и домы их разорили. Своего заслуженного полковника Янова, негодуя на его строгость, они с похода вытребовали в Москву и казнили. У Хованских с Милославским завязалась ссора. Милославский принужден был скрываться по своим деревням и оттоле посылать царям и правительнице доносы на Хованских, обвиняя их в потворстве стрельцам, у коих, говорил он, готовится новый бунт противу обоих царей, патриарха и ближних бояр. Он доносит, что Федор Хованский, хвастая своею породою, происшедшей от королей польских Ягеллов, похваляется браком сочетаться с царевной Екатериной Алексеевной. Правительница поверила Милославскому. Государи укрылись в село Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое к дворцовым дверям письмо, в коем объявлено было намерение Хованских истребить весь царский дом и овладеть государством. Государи уехали в Саввин монастырь, послали оттуда грамоты в Москву и во все города, повелевая войску и палатным людям (и всякого звания) быть как можно скорее в село Воздвиженское, куда они и отправились. Все сие сделано было в величайшей тайне. Хованскому послана была особая похвальная грамота, в коей повелевалось ему и сыну немедленно для нужных советов отправиться к государям (куда?). Феофан говорит, что Хованский не хотел прежде сего отлучиться от стрельцов, подозревая недоброжелательство двора. 17 сентября (в день св. Софии) боярин кн. Михаил Иванович Лыков схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкине и сына его на реке Клязьме в его отчине и привел обоих в оковах в село Воз-

движенское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы.

Между тем оба царя прибыли в Троицкий монастырь. Туда собралось и множество войск изо всех городов (иные говорят до 30, а другие до 100 тысяч). Дан указ боярину князю Петру Семеновичу Урусову идти с замосковскими городовыми дворянами в Переяславль-Залесский. Боярину Алексею Семеновичу Шеину с коломенскими, рязанскими, путивльскими и каширскими дворянами – в Коломну. Боярину князю Владимиру Дмитриевичу Долгорукову с серпуховскими, алексинскими, тарусскими, оболенскими и калужскими – в Серпухов; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сын Хованского, комнатный стольник царя Петра, прибежал в Москву и объявил стрельцам о казнях воздвиженских; стрельцы взбунтовались. Они овладели царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрепились в Москве, расставили всюду караулы и никого не стали пускать ни в город, ни вон из города. Они громко грозились пойти к Троице. Известясь о том, двор укрепился в монастыре. В сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отрава, от которой страдал он целую жизнь. Царевна не знала, что делать. По совету Голицына, она думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) иностранный полк и послала офицеров оного в монастырь для получения о том указа от государей.

18 сентября из Троицы прибыл к патриарху стольник Зиновьев с грамотою о винах и казнях Хованских. Стрельцы потребовали, чтоб грамота была им прочтена, и чуть было не убили Зиновьева, крича: пойдем к Троице и всех побьем. Услышав, однако, что государи повелевают забрать и других князей Хованских, именно: двух Петров и Ивана да спальников Федора и Ивана, дабы, сняв с них боярство и дворянство, сослать, – пришли в робость. И боярин Михаило Петрович Головин, прибывший из Троицы для принятия Москвы в свое ведение, успел их укротить. Патриарх по просьбе их за них

заступился. Им прислано было повеление выдать зачинщиков бунта. Они их перехватали и сверх того отрядили из всех полков десятого на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор. Милославский остановил следствие и суд. Государи простили виновников. Хованского привели в монастырь. Он сослан был в Сибирь, и 30 человек казнены.

Началась реакция. Головин собрал проданные стрельцами пожитки бояр, убитых в первом бунте, и возвратил их наследникам.

Государи наградили войско и чиновников за их верность и усердие.

Перед выездом повелено всем, кроме стрельцов, быть вооруженным. Государи остановились в селе Алексеевском. Стрельцы прибегнули опять к патриарху, и он с выборными приехал умолять государей. Выборные просили позволения столб сломать и жалованные грамоты возвратить.

Тогда двор поднялся в Москву. От самого села до Москвы стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями, – Иоанн оказывал тупое равнодушие, но Петр быстро смотрел на все стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрелецкие начальники поднесли государям хлеб-соль и отдали пожалованные грамоты.

Петр уехал в Преображенское.

София же повелела Голицыну произвести новое следствие. Несколько их были казнены. Четыре полка посланы служить на границах. Приближенным своим (не из знатных) роздала места. Стрелецкий приказ поручила в ведение Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюродного брата любимца, пожаловала главным судьей Казанского дворца.

Китайский император Кан-Хий прислал государям грамоту с мирными предложениями. Назначен посольский съезд, и главным выбран окольничий Федор Алексеевич Головин («Ежемесячные сочинения», 1757 г. Ч. II – 206).

Во Францию отправлен посланник – стольник Семен Алмазов, с дьяком Дмитриевым. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти из России хлеба 100 000 четвертей.

1686 г. австрийский император, не успев заключить союза с Россией, обратился к Собескому, который в 1676 г. принужден был уступить Каменец и заключить с Портою невыгодный мир. Негоциации сии имели успех и были весьма выгодны для России, ибо 26 апреля 1686 г. Польша утвердила вечно за Россией Смоленск, Киев, Новгород-Северский и всю по сей стороне Днепра лежащую Украйну.

По словам же «Поденной записки»: *Смоленск, Киев и Северския и Малыя России областей 57 городов по Черный лес и по Черное море.*

Россией заплачено Польше 1 500 000 польских злотых (или 187 500 рублей) и заключен в пользу Австрии оборонительный и наступательный союз. Россия обязалась также через посольство предложить о вступлении в сей же союз Англии, Франции, Испании, Голландии и Дании.

Мир сей утвержден присягою в *Ответной* (посольской палате). После того послы и бояре вошли в Грановитую палату, где сидели на тронах оба царя, а перед ними был налой с Евангелием. Дьяк Емельян Украинцев принял Евангелие из рук царского духовника, и послы вторично присягнули. После того оба государя говорили речь и дали обещание хранить тот мир ненарушимо. Вельможи, заключившие условия с нашей стороны, были бояре: князь Вас. Вас. Голицын, Бор. Петр. Шереметев, Ив. Ив. Бутурлин, окольничие: Скуратов и Чаадаев и думный дьяк Украинцев. Голицын получил золотую чашу весом в 9 фунтов, кафтан в 500 рублей да в Нижнем Новгороде волость Богородицкую (3000 дворов).

Вследствие сего, в следующем 1687 году были отправлены послами: в Англию – Василий Семенович Подсвинков, во Францию и Испанию – стольник ближний князь Яков Федорович Долгорукий и стольник князь Мышецкий, к Голландским штатам – дьяк Василий Постников, в Данию – дьяк Любим Домнин, в Швецию и Бранденбургию – дьяк Борис Протасов

(«Поденная записка»). Посольства сии не имели успеха. Папа объявлен был от австрийского императора покровителем и защитником союза.

Петр продолжал между тем свои изучения и потехи. Одно из них происходило на Пресне. Петр стрелял *из всех пушек.*

Петр занимался строением крепостей и учениями. Иоанн, слабый здравием и духом, ни в какие дела не входил. Вельможи, страшась ответственности в последствии времени, уклонились от правления, и царевна София правила государством самовластно и без противуречия.

В совете царском положено было: когда Венеция нападет на Морею, поляки на границы Подолии, Волыни, а цесарцы в Венгрии и Трансильвании вооружатся – тогда нам идти в Крым. Тут же объявлен был от Петра главнокомандующим князь Голицын. *В большом полку* назначен начальником сей же Голицын[7)], (? боярин) князь Константин Щербатов, окольничий Аггей Шепелев и думный дьяк Украинцев. *В новгородских полках*: боярин Алексей Шеин, окольничий князь Данило Барятинский. *В Рязанском разряде:* боярин князь Влад. Долгорукий, окольничий Петр Скуратов. *В Севских полках:* окольничий Леонтий Неплюев. В Низовых полках: стольник Ив. Леонтьев и Вас. Дмитриев, Мамонов (кн.?). *В Белогородских:* боярин Борис Шереметев и малороссийский гетман Иван Самойлович. Генералу Гордону (под начальством Голицына) поручен был *от Петра* особый отряд (сколько?), из лучшего войска состоявший. Государь осмотрел его сам и изъявил Гордону свое благоволение. Армия состояла (по мнению некоторых) из 400 000, а по свидетельству двух летописей, известных Голикову, из 200 000.

Крымский поход был бесполезен для России. Войско возвратилось ни с чем, ибо степи на 200 верст были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича в тайном согласии с татарами.

Он был лишен гетманства и сослан с сыном своим сперва в Нижний, а потом в Сибирь. Старший сын его казнен в Севске за возмущение. Генеральный есаул (?) Иван Мазепа избран малороссийским гетманом (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всех начальников и даже простых воинов. Первый получил 1000 дворов крестьян и золотую *братину*; все офицеры получили золотые медали (каждая была в 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей поход принес большую пользу Австрии, ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30 000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров.

В летописи «История царя Михаила Феодоровича и его преемников» сказано, что Петр был недоволен походом и упрекал князя Голицына в том, что он только что раздражил татар, а отступлением обнажил границы. Тогда повелено трем полкам (30 000) стать по *Белогородской черте* под начальством боярина князя Михайлы Голицына, боярина князя Михайлы Ромодановского и думного дворянина Авраама Хитрова.

Между тем (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана III. Но как Польша не воспользовалась внутренними смятениями для начатия войны, то и Россия оставалась в покое.

Хан собрал меж тем войско с намерением вторгнуться в Россию. 25 января 1689 года в царском совете положено его предупредить. Князь Голицын опять выступил в поход и при впадении Самары в Днепр заложил крепость Богородицкую, по плану голландца архитектора (?). Петр в сей поход посылал своего любимца Лефорта, дабы, говорит Голиков, ведать поведение начальников. Перед его отъездом взял он себе в лакеи (несправедливо) Меншикова и записал в потешные (см. Голиков, ч. I, с. 205).

Супруга царя Иоанна сделалась беременна: сие побудило царицу Наталью Кириловну и приближенных бояр *склонить* и Петра к избранию себе супруги. Петр 27 января (по друг. – 17-го) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и в следующем 1690 году родился несчастный Алексей.

Брак сей совершился противу воли правительницы. Петр уже чувствовал свои силы и начинал освобождаться от опеки. Прибывшего из похода князя Голицына он к себе не допустил. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодого государя, который хотя, наконец, и допустил Голицына к руке своей, но сделал ему строгий выговор за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствие, ибо видела уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а некоторые говорят, что доносы офицеров подтвердили обвинения), будто бы он был подкуплен ханом. Царевна успела выпросить у Петра согласие на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сих щедрот и видя опасность прямо приступить к удалению Голицына и к лишению власти правительницы, избрали (говорит Голиков) дальнейшую, но безопаснейшую к тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубийстве. Она стала советоваться с князем Голицыным (раскольником, замечает Голиков), открыла ему намерение Петра заключить ее в монастырь (?). Голицын, помышлявший уже о престоле, с нею согласился во всем и на всякий случай отослал сына своего в Польшу с частию своего имения.

Но гроза уже готовилась. 8 июля (1689 г.) во время соборного крестного хода в церкви Казанской Богородицы, когда государи вышли из собора за крестами, тогда правительница пошла вместе с ними. Петр с гневом сказал ей, что она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора. Царевна его не послушалась, и Петр, не дошед еще от Успенского до Архангельского собора, оставил торжество и уехал в село Коломенское, а оттоле в Преображенское.

Царевна приступила к исполнению своего умысла. Она снеслась с Щегловитым и предначертала с ним новый мятеж.

Щегловитый в ночь на 5-е (по друг. – на 9-е) августа собирает до 600 стрельцов на *Лыков* двор (где ныне арсенал) и дерзкой речью приуготовляет их к бунту противу *Петра,* который *вводит немецкие обычаи*, одевает войско в немецкое платье, имеет намерение истребить Православие, а с тем и царя Иоанна и всех бояр и проч. Разъяренные стрельцы требуют, чтоб их вели в Преображенское; но двое из них, Михаил Феоктистов и Дмитрий Мельнов, успели прибежать прежде и через князя Бориса Алексеевича Голицына открыли Петру весь заговор. Петр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь (без штанов,— говорит Гордон). Перед восходом солнца прискакал Щегловитый с убийцами, но, узнав об отсутствии царя, сказал, что будто приезжал он для смены стражи и поспешил обо всем уведомить царевну. Она не смутилась и не согласилась последовать совету князя Голицына, предлагавшего ей бежать в Польшу.

Скоро все приближенные к государю особы приехали к нему в Троицкий монастырь, откуда послал он в Москву указ к своим боярам и иностранцам быть немедленно к нему с их полками. 10-го явились к Петру Стремянного полка полковник Цыклер и пятисотный Ларион Ульфов, да пятидесятник Ипат Ульфов, да с ними пять стрельцов с доносом на Щегловитого.

Царевна, притворясь ужаснувшейся новому мятежу, втайне, однако ж, старалась разжечь оный через Щегловитого. Она именем царя Иоанна не допустила исполнить требования Петра, приславшего к Иоанну стольника Ивана Велико-Гагина, *чтоб позволил царь Иоанн быть изо всех полков выборным стрельцам*; так и от себя Петр посылал в стрелецкие полки *свой государев указ,* чтоб были к нему выборные *для подлинного розыску, и с ними полковники такожде и гостям и гостиной сотни посадским людям и чернослободцам* («Поденная записка»). Царь Иоанн (говорит *венецианский историк*) дал указ под смертною казнию не отлучаться из Москвы. Мятежа, однако ж, не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра час от

часу становятся сильнее, прибегнула к посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестер своих царевен Марфы и Марии, дабы примириться с Петром. Они прибыли к Троице и пали к стопам государевым, повторяя затверженное оправдание. Петр, их выслушав, стал доказывать преступление правительницы. Царевна Татьяна осталась с ним в монастыре, а другие две царевны, возвратясь к правительнице, объявили о неудаче своего посредничества.

София прибегнула к патриарху; старец отправился к Троице. Но Петр не только его не послушал, но и дал ему знать, что сам он должен быть лишен своего сана и на место его уже назначен архимандрит Сильвес. Патриарх задержан был в монастыре. Царевна в ужасе поехала сама, в сопровождении знатных особ, держа в руках икону Спасителеву. Но Петр, узнав, что она остановилась в селе Воздвиженском, послал к ней стольника Ивана Ивановича Бутурлина сказать, что в монастырь ее не впустят и чтоб она поехала назад. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочет увидеть своего брата. Петр послал ей князя Ивана Борисовича Троекурова с последним словом, что буде она не повинуется, то поступлено будет с нею нечестно. Царевна в отчаянии возвратилась в Москву.

Петр вторично писал брату своему о присылке к нему выборных, а им послал опять указ, и 5 сентября все прибыли в монастырь. Петр вышел пред них на крыльцо с царицей Натальей Кириловной, с теткою царевной Татьяной и с патриархом и приказал вслух читать доносы стрелецкие о злодейских умыслах Щегловитого и главных его соучастников: полковника Семена Резанова и выборных стрельцов Обросима и Никиты Гладковых, Козьмы Черного и друг. По прочтении, все предстоящие *приговорили* казнить осужденных.

Петр благодарил за усердие и половину к нему прибывших послал в Москву с двумя стами солдат (потешных?) при

Б. П. Шереметеве и полковнике Нечаеве с повелением схватить преступников, а боярам послал указ явиться к нему. Бояре поспешили повиноваться. Князь Голицын и сын его, Леонтий Неплюев и восемь окольничих были в том же числе, но их не впустили, а велели стать на постоялых дворах и дожидаться указа. Посланные в Москву не могли отыскать Щегловитого, сокрытого самою царевною в ее тереме. Они возвратились с прочими его сообщниками. Петр послал опять за Щегловитым полковника Сергеева с 100 выборными и писал брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодею. Царевна, видя гибель несчастного ее сообщника, велела ему в *запас* приобщиться Св. Таин. Сергеев прибыл и требовал от нее выдачи изменника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергеев объявил ей, что по указу Петра будет он принужден обыскивать ее покои, а царь Иоанн через князя Петра Ивановича Прозоровского прислал сказать ей, что он не только за вора Щегловитого, но и за нее с братом своим ссориться не намерен и приказывал ей выдать Щегловитого. София в слезах повиновалась и вместе с изменником (говорит Голиков) выдала и беспрекословное свидетельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярам на суд (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня он ни в чем не признавался. Стали его пытать голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался и подал свои показания *на письме за своей рукою.* Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить. Он и двое из его сообщников (?) были колесованы; прочим отрезали язык, других ссылали. Из них Обросим Петров, когда вели его на казнь, громко винился перед народом, увещевая всех научиться от его примера.

Князь Троекуров, человек умный, *ярый и строгий*, принял в ведение свое Стрелецкий приказ. А розыскные дела поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу.

Вскоре казнен монах Сильвестр Медведев, бывший в *Приказе татейных дел* подьячим. Он пойман был близ Смоленска в Бизюкове монастыре.

Князь Голицын приведен был в Троицкий монастырь. Его не допустили до царя. На крыльце, в присутствии боярина Стрешнева, прочтены ему его вины, за которые он и сын его лишены боярства и имения и сосланы в недальние города. После, однако, сосланы они в Сибирь, в Пустозерск, потом переведены на Мезень, после же на Пинег, где старый князь умер, а сын его наконец прощен. Боярин Леонтий Романович Неплюев осужден был точно так же.

Голиков прибавляет следующие подробности и объяснения:

8 июня (в день крестного хода) голова Стрелецкого приказа окольничий <Щегловитый> с стрелецкими полковниками и другими чиновниками – Оброською Петровым, Кузькою Черным, Сенькою Резановым, Ивашкою Муромцевым, Демкою Лаврентьевым, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовым, Егоркою Романовым – собрались и начали заговор.

Дабы озлобить стрельцов, избрали они некоего подьячего Шошина, станом и лицом схожего с боярином Л. К. Нарышкиным. Нарядив его в боярское платье (?) и придав ему *свиту*, заставили его разъезжать по караулам, нападать на стрельцов, бить их и мучить. Шошин ломал их составы, отсекал пальцы и, нападая в рощах на простой народ, многих бил кнутьями и палками и иным резал языки, приговаривая; что он боярин Нарышкин и что он, мстя за братьев, шел их истребить, а сестра-де моя (Наталья Кириловна) и Петр меня послушают. Стрельцы, приходя в приказы, я*вляли свои раны и записывали.*

Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обросим Петров на то и покусились. Первый приехал в Преображенское (когда?), расставил *в тайных* местах и в буераках стражу и сам (по праву звания своего) явился к государю и, прошедши до спальни, вышел. В полночь загорелось одно строение, но вскоре было утушено; в ту же ночь пожар возобновился и снова был утушен. Люди придворные и народ возымели подозрение, целую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились в Москву до рассвету.

Поутру донесено о пожарах царю. Петр, еще не подозревая истины, но полагая зажигателей ворами, велел всюду расставить стрельцов Сухарева полка. Щегловитый представлял ему, что надежнее и удобнее стражу составить изо всех полков стрелецких. Но (NB) Петр на то не согласился. После были еще разные покушения. Заговорщики думали совершить цареубийство в Кремлевском дворце или на дороге из Преображенского; стерегли его на пути, в Кремль вводили ночью стрельцов, которые должны были дожидаться на Лыковом и на Житенном дворах.

Сам Щегловитый забирался иногда на верх Грановитой палаты, а другие препровождали ночи на верху церкви Распятия Христова.

Когда же Петр, известясь (8 августа) о злоумышлении, скрылся в Троицком монастыре, тогда бывшие настороже вестники дали знать о том Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всех стрельцов по домам.

Петр повелел: имена приезжающих бояр (в монастырь) записывать, благодаря их за усердие, и они расставили около монастыря и по московской дороге стражу.

Царь Иоанн призывал (получив письмо от Петра) к себе Щегловитого и его сообщников, расспрашивая их о смятении. Они во всем отперлись, а доносили о злодействах Нарышкина. Иоанн им поверил, и тогда они купно с царевною просили его: *да един он царствует*. Царь с гневом ответствовал, что он брату, яко достойнейшему, самовольно уступает престол. Вы же всуе мятетесь... и повелел их, сковав, отослать в монастырь.

По привезении их Петр повелел патриарху *допросить их по духовенству.* Они принесли повинную и отдали написанную к Софии челобитную от имени всех стрельцов о принятии ею единовластного правления. Петр сию челобитную и расспросные речи за патриаршим свидетельством отослал в Москву к Иоанну.

Вины князей Голицыных сказаны были, что они без указу великих государей имя сестры их, царевны Софии Алексе-

евны, во всех делах и посольских грамотах установили обще с именами государей писать самодержицею и что в Крымском походе пользы никакой не учинили (тут есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятений сестра обоих царей, правительница София. Петр послал ей приказ добровольно удалиться в монастырь. Царевна отклонилась от исполнения воли своего брата и готовилась бежать в Польшу. Тогда Петр послал Троекурова в Москву с повелением взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее в Новодевичий монастырь. Троекуров в точности исполнил приказание Петра; для виду предварительно отнеслись о том к Иоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лет с половиною. На монетах и медалях изображалась она (по другую сторону царей) в короне, порфире и со скипетром с надписью: «Божиею Милостию Великие Государи Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и Благоверная Государыня Царевна (а иногда и Царица) и Великая Княгиня София Алексеевна, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержцы». Титул сей давался ей во всех грамотах, указах и письменных делах.

Изданы во время ее правления писцовый наказ о межевании земель, о разборах по *сортам* людей и войска, о распределении дворцовых чернослободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до 150 указов. Между сими указ, повелевающий казнить смертью лекаря, уморившего своего больного.

---

7 сентября от имени обоих царей состоялся указ, чтобы ни в каких делах имени бывшей правительницы не упоминать.

Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В селе Алексеевском встретили его все чины московские при

бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге на плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед царским домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись, и старший в доказательство своей невинности уступил меньшому все правление и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное.

1695—1698

ОТ ПЕРВОГО АЗОВСКОГО ПОХОДА ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦАРЯ ИЗ ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

1695

Первый Азовский поход

В начале весны войско, изо 100 000 состоящее, отправилось под начальством боярина Б. П. Шереметева. В сию же весну были взяты им турецкие города Кизы-Кермень, Нустриг-Кермень и Мурабек; первый был вновь укреплен, прочие разорены. На Днепровском острове Таване построена вновь крепость Тавань. Боярин кн. Алексей Семенович Шеин с 31 000 осадил Азов. В сем отряде находился и государь. В первом действии взяты были две каланчи, коих пушки очищали Дон, через который пролегала тройная цепь. Одну из сих каланчей взяли *новые* солдаты приступом, вступив в воду по плечи. Другая, в коей было гарнизону 6000 отборного войска, брошена была неприятелями. В ней найдена 21 пушка. Одна-

ко ж осада была неудачна. 1) Петр не имел еще флота, коим мог бы препятствовать привоз воинских и съестных припасов (воронежские корабли не были готовы). 2) В войске не было искусных инженеров, а начальствовавший артиллерией гвардии капитан голландец Якоб Янсен, ночью заколотя пушки, бежал в Азов. Осенью Шеин отступил, оставя в завоеванных каланчах по 3000 войска для задержания города в осаде. Войско разведено было по ближним городам, а в крепости и шанцы по Днепру определены гарнизоны.

По указу государя отправлен из приказа Большия Казны в Индию купчина *Маленький* с юфтью, рыбьей костью и сукнами. Ему дана была подробная инструкция. *Маленький* был в Испагани, в Агре и в Дели, имел свидание с шахом и Великим Моголом, путешествие его продолжалось пять лет, он умер на возвратном пути («Журнал Петра Великого». Ч. II – 345).

1696

Петр в начале года возвратился в Москву.

Генваря 29 скончался брат его царь Иоанн Алексеевич на 30-м году от рождения.

Петр до самой его смерти оказывал ему свою любовь и во всю жизнь свою сохранял глубокое уважение ко вдовствующей царице и дочерям ее. *(Не отличая их от своих чад, пишет Голиков.)*

Испытав нужду в искусных инженерах и артиллеристах, Петр отправил в чужие края многих дворянских детей (в том числе двух братьев боярина Шереметева) *для обучения*. А к австрийскому императору и курфирсту бранденбургскому и к Голландским штатам послал с просьбою о присылке инженеров и минеров. В начале весны Петр вывел из Воронежа 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галеаса и 4 брандера (о построении сего флота Петр писал к Апраксину в Архангельск) (когда?): «По причине невзятия Азова, в консилии гг. генералов указано мне к будущей весне делать корабли» (Голиков).

9-го мая Петр прибыл с сим флотом и с 4000 войска в Черкасск и, уведомясь о появлении в море турецких кораблей, пошел к каланчам. Оттоле на галерах прибыл в Куньюрмирское морское устье и, сев на легкое казачье судно, с казаками, осмотрел все прочие устья. С Караянского острова увидел он девять турецких кораблей и несколько галер, идущих к Азову *с подможньм* войском и с запасами. Петр повелел казакам притаиться. На другой день 14 турецких *тумбасов*, нагруженных снарядами, отправились к Азову. Казаки, по повелению царя, на них напали, девять из оных потопили, других взяли в плен и, выгрузя, сожгли и два привели к острову. За остальными же судами погнавшись к турецкому флоту, отбили два больших корабля, которые сожгли за невозможностию вести оные к Азову. Несколько судов, однако ж, во время битвы прошли в Азов и доставили осажденным 3000 бомб, 5000 гранат, 500 ружей, 700 копий (?), 86 бочек пороху и на 3000 человек запасов. (Все это рассказано Голиковым очень сбивчиво.) Добыча отдана казакам.

16 мая началась Азову *формальная атака* (Голиков).

Войско расположено было следующим порядком: в средине (?) стоял Шеин с 15 000 пехоты и с 10 000 конницы. Гордон *имел лагерь* с правой стороны с 14 000. Между *ими* заняли место бомбардиры с артиллерией и амуницией (Вагенбург?). На левом крыле стоял генерал-майор Рихман с 7000. Позади его Мазепа с 10 000 пехоты и 6000 конницы. Подле него с левой стороны 4000 донских казаков. Калмыкам назначено было место при каланче (внутрь циркумвалационной линии).

С другой стороны реки для атаки – наведен был мост, с берегу прикрытый двумя укреплениями, а со стороны реки новым нашим флотом под начальством Лефорта. Да при реке же против Азова сделаны были *одни большие*, а двое малые шанцы, в коих находилось 1800 пехоты при 12 пушках и 17 мортирах. Казацкие военные лодки стояли в устье Дона, их прикрывали особо поставленные на берегу войска.

Река укреплена была переложенною через нее цепью и шанцем и пушками по обоим берегам.

Турецкий флот стоял в море против устья в бездействии, а прибывший из Константинополя каймакан с 40 фрегатами был праздным зрителем осады.

Крымская и кубанская сила под начальством кафимского паши, Нурадин-султана и ханских детей шесть раз на лагерь наш нападала и шесть раз была прогоняема до реки Кагальника. Одних дворян у нас убито, ранено и пропало без вести 96 человек.

Шереметев между тем действовал вниз по Днепру против татар. Запорожцы на Черном море взяли восемь турецких кораблей, шедших в Очаков с хлебом, и другие девять с разными товарами.

Во время осады прибыли к Азову от австрийского императора посланные: артиллерии полковник де Гарг, четыре главных инженера – барон Боргсдорф, Лавалл, Шмидт и Урбан да минерный унтер-офицер с шестью рядовыми. От курфирста бранденбургского инженеры Розен, Гольцман и канонеры Шустер, Кобер-Гак и Гизивес. Прежде их от Голландских штатов артиллеристы фон Стамм Гусков, Гордес, Шмидт и Шпаррейстер (последний при осаде был от артиллерии генерал-майор).

Наконец Азов принужден был сдаться на следующих условиях:

Гарнизону выйти с женами, детьми и с имением, сколько кто на себе унести может, прочее оставить в крепости.

Изменника Янсена выдать.

Турки на 18 стругах отправлены при двух наших галерах до реки Кагальника. Начальник азовский стал на колена перед Шеиным и, поцеловав полу его кафтана, благодарил за верное исполнение договора. 19 июля русское войско заняло Азов – в нем найдено 96 пушек. Вслед за Азовом сдалась крепость Лютик (в оной было до 40 пушек).

Петр, во все время принимавший деятельнейшее участие в сражениях и в работах, повелел исправить укрепления и с австрийскими инженерами приступил к устроению гавани. Государь, уведомив патриарха о взятии Азова, повелевал принести Господу Богу торжественное благодарение.

Между тем по царскому повелению генерал-майор фон Менгден вымерил и описал землю, а капитан артиллерии Яков Вилимович Брюс (впоследствии генерал-фельдмаршал) сочинил по той описи карту, от Москвы к югу до берегов Малой Азии, и Крымскую Татарию (достать из Главного штаба); сочинена другая карта – землям между Доном и Днепром. Петр положил соединить Волгу и Дон и велел начать уж работы, положив таким образом начало соединению Черного моря с Каспийским и Балтийским.

После того, оставя в возобновленном Азове четыре стрелецких и четыре же солдатских полков под начальством кн. Львова, отправился он с войском к Москве, куда и прибыл 30 сентября. Петр учредил триумф, в коем главное лицо было Лефорт, а по нем уже Шеин. Первый ехал на колеснице, окруженной 3000 морских офицеров и матросов; у триумфальных ворот встретила его пушечная пальба и пропета похвальная песнь; другая подобная пропета была Шеину, в ней предрекали ему победу над Измаиловым родом. Третья песнь пета была в честь чиновникам и воинам. Триумф наконец украшен был и Якобом Янсеном, который ехал под виселицей, обвешенной кнутами.

В честь сего похода выбита медаль с изображением Петра и с надписью: *молниями и водами победитель.*

Когда государственные чины пришли поздравлять государя с победою, то он сказал им, что победу сию должно приписать флоту, им выстроенному, хотя и в малом числе. Он тут же объявил о намерении своем умножить его 66-ю новыми кораблями, расписал им математический размер, 10 кораблей взялся построить на свой счет, 6 повелел строить на счет патриарха, 5 на счет духовенства, на бояр положил 34, а бомбардирные и брандеры, числом 11, разложил на города. В три года, несмотря на общий ропот, флот был выстроен, снащен и вооружен 2506 пушками да 11 мортирами. Войска на нем было 16 800 чел. (из сих кораблей линейных было 14, второго ранга 15, третьего 5, четвертого 19, пятого 2). Прибавляют к сему числу 200 бригантинов, множество

гальотов и буеров, кроме 300 бригантинов *простой работы* да 300 барок на Волге.

Сверх воронежской Петр устроил другую верфь в Брянске, на реке Десне, на коей строились галеры.

Крымский хан прислал посла в Москву с мирными предложениями, но Петр не принял их, повелел послу выехать немедленно и отослал его к австрийскому императору. С Леопольдом заключил новый союз на три года, по коему без общего согласия обе державы обязывались с Турцией не входить ни в какие переговоры. Венецианская республика приступила к тому же союзу; а к Петру прислала многих литейных и крабельных мастеров, конопатчиков и матросов.

В сие время Петр назначил 35 боярских и дворянских детей, которых и отослал в чужие края для изучения инженерству, корабельному искусству, архитектуре и другим наукам. Он дал им *рекомендательную и просительную* грамоту к цезарю, королям, Генеральным голландским штатам, курфирстам, принцам, графам и другим начальным людям и подданным и морским вольным добычникам о свободном их проезде, о покровительстве и вспоможении. Петр обещал с своей стороны всякое покровительство их подданным, приезжающим в его государство. Грамоты сии были писаны на русском и на латинском языке. Голиков имел у себя копию с грамоты, данной дворянину Колычеву. Б. П. Шереметев, угождая государю, в то же время просил его о дозволении объездить часть Европы и отправился в путь со многими молодыми дворянами и с письмами от государя к разным государям (к королю польскому, к императору австрийскому, к папе, к венецианскому дожу и к мальтийскому гроссмейстеру).

Отсылая молодых дворян за границу, Петр, кроме пользы государственной, имел и другую цель. Он хотел удержать залоги в верности отцов во время своего собственного отсут-

ствия. Ибо сам государь намерен был оставить надолго Россию, дабы в чужих краях учиться всему, чего недоставало еще государству, погруженному в глубокое невежество,

Скоро намерение государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование. Духовенство видело в сообщении с еретиками грех, воспрещаемый Священным Писанием. Народ жадно слушал сии толкования и злобился на иноземцев, почитая их развратниками молодого царя. Отцы сыновей, отправляемых в чужие края, страшились и печалились. Науки и художества казались дворянам недостойным упражнением. Вскоре обнаружился заговор, коего Петр едва не сделался жертвою.

Указы 1696 (28)[8)]

Судные дела всем служивым отсрочить до их возвращения (кроме татейных и разбойных).

Всем сибирским городам, уездам и селам и деревням учинить описание и чертеж.

Издано пожарное учреждение, как кому поступать.

Повелено брать пошлины с приезжих в Москву крестьян, *принадлежащих московским соборам* (NB).

Торопецким купцам дана сумма (?) ефимков etc.

Отказано сибирскому митрополиту, просившему вместо жалования Ницынскую слободу.

Запрещено купцам брать *по комиссии* у воевод и чиновников соболей и прочую рухлядь (монополия казны).

Повелено Сибирскому приказу узнать от купцов и их приказчиков, сколько они при воеводах князей Гагариных заплатили пошлин и десятины и какие воеводские товары привезены были ими в Китай и сколько.

Указано сибирские таможенные дела ведать не воеводам, а выборным из купечества головам и высылать их для счетов в Москву.

Указано путь в Сибирь и из Сибири *через Верхотурье*, а тут учреждена крепкая таможня.

Дан указ никого в Сибири без ведома Сибирского приказа смертью не казнить и никому не делать обид и приметок.

Издан наказ илимскому воеводе.

Таковой же и нерчинскому в 31 статью.

Установил порядок с пошлинных сборов (*красная юфть полагалась 1 пуд по 4 рубли*).

Прочие указы относятся к торговле.

1697

Окольничий Алексей Соковнин, стольник Федор Пушкин и стрелецкий полковник Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 января 1697 (*Берхман* – 2 марта. См. Туманский. Ч. V).

Иные писатели утверждают, что жена Ф. Пушкина (дочь Цыклера) донесла на мужа своего государю, но по делу видно, что доносителями были два стрельца: пятисоцкий Ларион Елизаров и пятидесятник Григорий Силин.

В *Истории Меншикова* сказано, что некоторые из оппозиционных вельмож приближились к нему, стараясь и его привлечь на свою сторону: что таким образом узнал он о заговоре и донес о том государю (*невероятно).*

Петр приказал гвардии капитану Лопухину в назначенный час быть с командою в *такой-то дом* (к Соковнину?), а сам, не дождавшись, приехал туда же с одним денщиком. (Здесь произошел славный случай: *пора? – нет не пора!* и две пощечины, одна заговорщику, другая вошедшему Лопухину.) Заговорщики захвачены были в Преображенск и казнены четвертованием 5 марта.

Петр во время суда занемог горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования (девять человек). Но Петр был непреклонен; слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить Богу правосудием, нежели потворством.

При сем случае Голиков рассказывает анекдот о царском лекаре Тирмонде, в запальчивости убившем слугу своего и

прощенном у государя с условием тем, чтоб он *утешил* и обеспечил жену и детей убитого.

Петр поручил правление государства боярам князю Ромодановскому и Тихону Никитичу Стрешневу, придав к ним в помощники бояр Льва Кириловича Нарышкина, князя Голицына (?) и князя Прозоровского. Князю Ромодановскому дан титул кесаря и величества, и Петр относился к нему как подданный к государю. Преображенский и Семеновский полки с несколькими другими (?) отданы под начальство боярина Шеина и Гордона. Учредив таким образом правление, Петр отправился путешествовать.

Назначено было Петром посольство в Европу. Главной особою был генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, тайный советник Федор Алексеевич Головин и статский секретарь (думный дьяк) Прокофий Богданович Возницын. При них четыре секретаря; 40 *господских детей* знатных родов (в том числе и Меншиков) и 70 выборных солдат гвардии с их офицерами, всего 270 человек. Петр скрылся между дворянами посольства. Посольство отправилось из Москвы 9 марта 1697.

Путь лежал через Лифляндию, принадлежавшую тогда Швеции. Королю дано было предварительное известие о путешествии (через шведского резидента Книпер-Крона) государя с требованием безопасного проезда, без церемоний, подобаемых его сану.

Шведский двор принял слова сии в буквальном смысле, и когда посольство вступило в шведские владения, то оное принято было простым дворянином, присланным генерал-губернатором рижским Дальбергом. По дороге не было ни малейшего наряду, так что посольство принуждено было все нужное доставать с трудом и за большие деньги. Шведский же дворянин имел за посольством присмотр и содержал его как бы под честным караулом (следовательно, был воен-

ный отряд?). На замечание недовольных послов он отвечал, что поступает по приказанию начальства.

По приезде в Ригу губернатор не встретил посольства, не отвел квартир – и оно принуждено было нанять негодные дома в предместии; были около их расставлены караулы, умножены дозоры, учреждены разъезды. Послы от себя отправили к губернатору жалобы и просили, чтоб с ними поступали по древнему обычаю, но губернатор, под видом болезни извиняясь, что не посетил послов, принял посланного в постеле, а для покупок позволил в крепость входить только шести человекам вдруг, и то под присмотром военных людей, и с тем, чтобы они к валам и к укреплениям близко не подходили. Послы вторично требовали объяснения столь неприличным и грубым подозрениям о знатнейших особах государства. На сие губернатор отвечал прямо, что подозрения его имеют многие основательные причины, ибо получено уведомление, что под видом посольства скрывается тайное намерение. За сим обидные поступки губернатора усилились. Русских останавливали у мостов, осматривали, приставили к каждому по два человека с ружьями. Более двух часов не дозволялось им оставаться в городе. Однажды Петр поехал осматривать голландские корабли, с намерением нанять один из них для переезда, а как дорога шла около контрэскарпа, то расставленные на валу часовые закричали ему, чтоб он мимо крепости не ездил, и хотели в него стрелять. Им отвечали, чтоб они показали другую дорогу; другой не было, и государя наконец пропустили. Губернатор жаловался, говоря, что люди русские, идучи мимо крепости, снимали с нее чертеж, и грозился, что в подобном случае впредь прикажет по них стрелять. В это время известили Петра, что губернатор намерен его задержать и что уже заказано никого из русских за реку не перевозить. Петр, оставя посольство, нанял за 60 червонцев два малые бота и тайно выехал в опасное время оттепели в Курляндию и в Митаве дождался своего посольства, которое и было с великою честию принято.

Феофан пишет, что когда из Курляндии послан был курьер Суровцев, то был он три дня задержан губернатором, который, расспросив его, обобрал, обругал и едва отпустил.

Посольство из Курляндии намеревалось отправиться морем в Голландию; но либавские жители представляли об опасности плавания по причине французских каперов. Но Петр не утерпел и с шестью особами, сев на корабль, уехал тайно в Кенигсберг, где имел свидание с бранденбургским курфирстом Фридериком I (incognito).

Послы не знали, куда девался государь; наконец известились, что он в Кенигсберге, и отправились туда же. Их приняли с пушечной пальбою, дана им аудиенция. Послы одеты были в русское платье с бриллиантовым гербом на шапках; послы от имени Петра благодарили курфирста за присланных инженеров, уверяли его в высокопочитании и искренней приязни царя. Курфирст слушал, стоя без шляпы, и спросил их о здравии государя (стоявшего от него в нескольких шагах). Послы отвечали, что оставили его в Москве в добром здоровии. Потом послы вручили царскую грамоту, поднесли дары и торжественно были отпущены.

13 мая была конференция, ввечеру сожжен фейерверк – с вензелем царя и с гербом России. Транспарант представлял взятие Азова.

Петр под именем обер-командира (он имел тогда чин десятника, см. «Журнал Петра Великого») посещал часто курфирста и имел с ним откровенные разговоры; он обучался артиллерии. Записывал все достопамятное в свою дневную записную книжку; разговаривал с ремесленниками и с профессорами etc.

Между тем послы протестовали о обидах рижского губернатора.

22 мая послы имели прощальную аудиенцию и, отужинав в Фридерихсгаме, отправились в Амстердам через бранденбургские, люнебургские и вестфальские владения.

В Берлине Петр остановился, и занимался там артиллерией, и получил аттестат. Посольство везде принято было с

честию. Но в Ганновре был недоволен приемом. Петр зато никогда не любил бывшего курфирста, а впоследствии английского короля Георгия I.

Во время сего путешествия государь однажды в пьянстве выхватил шпагу противу Лефорта и просил потом у него прощения.

Петр выходил часто из коляски, обращая свое внимание на земледелие, срисовывал незнакомые орудия, расспрашивал и записывал.

В Любеке и в Гамбурге начальники городов (бургомистры) старались угостить и угодить посольству, выгадывая пользу себе в торговле с Архангельском. Но государь спешил в Голландию. Он отправил наперед известительную грамоту к Штатам, а сам, оставя посольство, с семью из своих дворян отправился по почте в Амстердам и прибыл туда 14 дней прежде посольства.

Приехав, нарядился он со своею свитою в матросское платье и отправился в Саардам на ботике; не доезжая, увидел он в лодке рыбака, некогда бывшего корабельным плотником в Воронеже; Петр назвал его по имени и объявил, что намерен остановиться в его доме. Петр вышел на берег с веревкою в руках и не обратил на себя внимания. На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками. Рыбак, по приказанию Петра, никому не объявил о его настоящем имени, Петр знал уже по-голландски, так что никто не замечал или не хотел дать вид, будто бы его замечает. Петр упражнялся с утра до ночи в строении корабельном. Он купил буер и сделал на нем мачту (что было его изобретением), разъезжал из Амстердама в Саардам и обратно, правя сам рулем, между тем как дворяне его исправляли должность матросскую. Иногда ходил закупать припасы на обед и в отсутствие хозяйки сам готовил кушание. Он сделал себе кровать из своих рук и записался в цех плотников под именем Петра Михайлова. Корабельные мастера звали его Piter Bas, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь,

Петр жил в Саардаме полтора месяца; после переехал он в Амстердам и, наняв близ Адмиралтейства домик, жил в нем под именем корабельного мастера. Тут заложил он собственными руками 60-пушечный корабль и ежедневно ходил на работу с топором за поясом. «Мы, последуя Слову Божию (*писал он к патриарху от 10 сентября*), бывшему к праотцу Адаму, трудимся; что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, могли возвратиться и противу врагов имени Иисуса Христа победителями, благодатию Его, быть».

Народ знал его и всегда толпился около него. Петр однажды в Саардаме оттолкнул мальчика, который бросил в него гнилым яблоком, что Петр перенес терпеливо.

15 сентября посольство въехало в Гаагу. Петр соединился с ним за две версты от города. Встречены были послы *двумя из Генеральных штатов*; 50 карет, напряженных цугами, ожидали их. Петр сел в одну из них с молодым князем Голицыным. Въезд был встречен пушечной пальбой. Народ провожал послов до самого их дома. Председатель с семью генеральными штатами прибыл в шести каретах для поздравления. Послы встретили их у крыльца. Председатель угощал их столом. 16-го приехал г. Витсен, бургомистр амстердамский, с двумя штатами и также угощал, что и продолжалось до дня аудиенции.

Аудиенция происходила таким образом: послы в русских платьях ехали в великолепной карете, перед которой шли 10 пажей и 25 лакеев. Дворяне посольства ехали вслед по два человека в карете. Петр сидел опять с князем Голицыным в самой последней. При въезде на двор (?) караул отдал честь при барабанном бое и музыке. Два штата приняли послов у крыльца. 37 сидевших за столом в аудиенц-зале Генеральных штатов встали при входе послов и посадили их за свой стол, а дворяне стали за их креслами. Послы говорили речи, а Возницын подал грамоту. По прочтении грамоты послы поднесли в дар штатам 600 соболей и провожены обратно двумя же штатами. В тот же день все штаты посетили послов; а послы наши были у штатгалтера.

Министры иностранных дворов, бывшие в то время в *Ризвике* на конгрессе, съехались в Гаагу из любопытства и посетили наших послов. Один французский министр не приехал: двор его досадовал на Петра за предпочтение Августа перед принцем Конти в деле о польской короне.

Когда после взаимных визитов послы наши отправились домой из театра, то провожаемы были гвардией штатгалтерской и двадцатью факелами.

Петр на другой день отправился в Лейден, где осмотрел университет и анатомический театр. Профессора поднесли ему описание оному на латинском языке. Возвратясь в Гаагу, Петр ездил с Лефортом в карете, заплаченной 1800 червонцев, со всею свитою в загородные сады, при стечении многочисленного народа. 28 октября праздник, фейерверк и иллюминация.

Петр потом ездил в Амстердам, где осмотрел кунсткамеру, математические инструменты и минц-кабинеты, звериные и птичьи дворы (menagéries), церкви, между коими очень полюбилась ему квакерская; в синагоге видел обрезание младенца; посетил он и зазорные дома (бордели) с их садами; видел 20 сиротских домов, дом сумасшедших; собрание ученых; слушал их диспуты. В главном трактире обедал со своим посольством (за столом сидело 32 человека и за стол заплачено 207 ефимков). Наконец амстердамские чины дали морское примерное сражение. После того государь был в Роттердаме, где заметил он статую Эразма, в Лейдене и Делфе и возвратился в Гаагу, где снова принялся за корабельное строение, посещая меж тем фабрики, на коих делались якори, канаты etc., везде принимаясь сам за работу. На бумажной фабрике, осмотрев и исследовав раствор, он сам вычерпнул лист бумаги, который все мастера нашли удивительно тонким и чистым. Государь обучался анатомии, хирургии, инженерству, географии, физике etc.

Получив известие, что в Польше произошли смятения в пользу принца Конти, Петр из плотнического сарая послал повеление войску своему двинуться на помощь Августу.

В то же время получил он известие от Шеина, который 1 августа разбил соединенных турков и татар, шедших противу Азова. Калга-салтан, предводительствовавший крымскими, ногайскими, черкесскими и кубанскими ордами, был прогнан до Кагальника. Сражение продолжалось 11 часов. Русские взяли город Кубань. Татаре через *Шефкала* и Аюку-хана просили дозволения кочевать у какой-нибудь реки, обещаясь в случае нужды служить России и выставить до 100 000. Татарский флот, состоящий из множества гальотов и *саек*, подходил к Азову, но с уроном также был прогнан.

Корабль Петра был готов. Царь, наименовав «Петр и Павел», отправил его в Архангельск. Сей корабль был первый из российских, явившихся в Белом море.

В Саардаме государь полюбил матроса по имени Мус (Mousse?) и, взяв его в Россию, определил шкипером на одном военном корабле. Под его ведомством Петр прошел все степени морской нижней службы, начиная с должности *каютного хлопца* (см. Голиков, Ч. I – 313).

В Амстердаме государь часто беседовал с бургомистром Витсеном, который и посвятил ему изданную им географическую карту северо-восточной Татарии. Витсен однажды просил амстердамским жидам позволения селиться в России и заводить там свою торговлю. «Друг мой Витсен, – отвечал государь, – ты знаешь своих жидов, а я своих русских; твои не уживутся с моими; русский обманет всякого жида».

Карты Менгдена и Брюса были тогда напечатаны на голландском языке у Иоанна Тиссинга.

Послы протестовали и перед республикой об обидах Далберга. А бывший там шведский посланник барон Рот уверял, что от шведского короля получат они удовольствие. Но того не исполнено.

Петр, узнав, что морская архитектура в Англии более усовершенствована, чем в Голландии (см. Голиков. Ч. I, с. 315), повелел посольству иметь прощальную аудиенцию. Послы получили: Лефорт – золотую цепь с голландским гербом в 10 фунтов, Головин – в 8, Возницын – в $5^1/_2$ и все прочие цепи во 120 червонцев.

Указы 1697-го (34)

Послан грек Леводиас с 10 товарищи отыскивать в Сибири серебряные руды.

О постройке в Сибири железных заводов – с особой инструкцией.

Пожалованы Строгонову пермские соляные заводы (из приказа Большия Казны) за 11 000 р. в год и за 100 000 <пуд.> соли.

44 статьи воеводе кн. Волконскому о службе в гор. Терках.

Устав о порядке в судопроизводстве. О свидетелях, о присяге, о смертной казни лжесвидетелям (семь статей).

Беглых стрельцов повелел бить кнутом и ссылать в Азов, а людей, присужденных к ссыпке, записывать в службу или отсылать в Азов же.

Сыщикам быть в ведомстве у думного дворянина Степана Ловчикова.

Наказ выборному голове о питейных сборах.

О сборе пошлин с весов и мер хлеба и овощей.

Учреждение о казенном табаке. Продавать оный *явно* в *светлицах* при кабаках (тайная продажа запрещена), кроме Малороссии.

До 1 декабря пошлины с табаку употреблять на постройку оных *светлиц*.

Дозволить иноземцу Томасу торговать табаком беспошлинно год.

О торге табаком в Сибири *на деньги, а не на товар.* О ведении табачного сбору в Преображенском приказе князю Ромодановскому.

Устав о пошлинном сборе, о виноградных винах.

Несколько указов о соболях etc.

О не-езде в Сибирь без ведома Сибирского приказа.

О собирании в *Плесе* пошлины с лесу и дворов etc.

Первый указ о наборе рекрут.

1698

В начале года Петр отправился в Англию на яхте и на трех английских военных кораблях, присланных от короля, с частию своего посольства. Лефорта оставил он в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал, вероятно будучи пьян.

10 января принято посольство в Лондоне и расположилось в Темплбаре; а Петр с Меншиковым в Дептфорте, близ Лондона на Темзе. Король Вильгельм в тот же день его посетил.

Петр осматривал однажды Гренвичский госпиталь – и, в тот же день обедая у короля, сказал ему: «*Советую вам переменить дворец ваш на госпиталь, а госпиталь на дворец*». Лондон ему нравился, «потому что в нем богатые люди одеваются просто». – Увидевшись с датскою принцессою Анною, он подвинул ей стул и сел, сказав ей: «так нам будет покойнее».

12-го апреля Петр посетил парламент. Король был на троне посреди лордов (?).

Между тем он неусыпно учился морской архитектуре. Время провожал он, как и в Голландии. Король подарил ему 25-пушечную яхту и модель военного корабля и велел дать морское примерное сражение. Тогда-то, восхищаясь маневрами, сказал он: «Если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом».

Потом ездил он в Гордервик и видел там такие же морские эволюции. На возвратном пути претерпел он бурю. Петр, ободряя с ним бывших, говорил им: «Слыхали ль вы, чтоб царь когда-либо утонул?»

В Лондоне нанял он множество корабельных плотников и матросов и при двух мастерах, Дене и Нае, отправил их в Россию.

В числе их (по свидетельству Катифора) находилось 23 шкипера (из оных 3 для военных судов), 30 квартермейстеров, 30 лекарей, 60 подлекарей, 200 пушкарей, 4 компасных мастеров, 2 парусных и 2 якорных, 1 резчик, 2 кузнеца, 2 конопатчика, 20 корабельных работников etc.

Петр с тамошними купцами заключил договоры, между прочим о продаже табака.

Король советовал ему через Швецию не ездить.

Приехав в Амстердам, Петр продолжал нанимать разных художников и мастеров. Старался разведовать тайны голландского банка, а с банкирами заключил условия корреспонденции *(Savary).* Также начал он собрание птиц, рыб, уродов и анатомических препаратов, накупил он многие картины; нанял гравера *Петра Пикарда*, который на меди вырезал потом его военные походы и виды петербургские и украшал виньетами печатаемые в России книги. У него были и несколько русских учеников.

Петр в Дрездене посетил курфиршескую фамилию, кунсткамеру и цейгаузен. В Вену прибыл 5 июня.

Посольство принято было со всевозможной торжественностию. Петр имел свидания с Леопольдом, при графах Валленштейне и Дидрихштейне. Рассуждали о войне с Турцией и положили не заключать мира без обоюдного согласия Австрии и России. Петр во все время стоял с непокрытою головою; и Леопольд принужден был делать то же.

Президент военного совета граф Штаренберг угощал посольство, и в день Петра и Павла послы давали цесарю и двору его обед и фейерверк.

Петр получил от кн. Як. Фед. Долгорукого донесение о победе под Перекопью, где убито до 40 000 человек и взято в добычу лошадей до 30 000 (serrez, serrez!)[9].

10-го Леопольд дал царю праздник: вся императорская фамилия и все гости были в костюмах разных народов и званий. Цесарь представлял *простого хозяина дома* (трактирщика?), Петр с графиней девицей Турн – фризландских крестьян. За столом хозяин встал и поднес покал вина Петру, говоря: «Я знаю, что русский царь вам знаком, выпьем же за его здоровье». – «Правда, – отвечал Петр, – я его знаю, как и то, что он вам приятель, а вашим недругам – недруг».

В Вене Петр продолжал осматривать все достойное его любопытства. Он объездил и окрестные места, Пресбург, Ба-

ден etc. – и с дозволения цесаря взял к себе в службу многих *рудокопных мастеров*, живописцев, токарей etc.

Петру не полюбились одни иезуиты. Он им не дозволил приехать в Россию.

Июля 17 послы имели прощальную аудиенцию. Лефорт говорил речь по-русски, а камергер виц-канцлер граф Кауниц от имени цесаря – по-немецки. Разменялись подарками.

Шереметев между тем с таковым же великолепием путешествовал с своей стороны и принят был везде с честию и торжеством. Папа и венецианский сенат оказали ему мало разницы в приеме с коронованными главами; а в Мальте принят он был в число кавалеров, несмотря на то, что он был греческого вероисповедания и женат.

Петра ожидали в Италию, как вдруг получил он через присланного из Москвы гонца известие о новом стрелецком бунте, и государь поспешил возвратиться в Россию с Лефортом и с Головиным, поруча Возницыну присутствовать с цесарскими и венецианскими министрами на Карловицком конгрессе.

До 1700
(от казни стрельцов)

1698 – (июль)

Петр в начале своего путешествия получил известия о неспокойствии стрельцов и 9-го мая писал князю Ромодановскому, укоряя его в том, что следствия над виновниками не взял он на себя. Беспокойства усилились. Наконец четыре полка: Чубаров, Колзаков, Гундемарков и Чернов *(по другим известиям 12 полков)*, стоявшие в Великих Луках и по границе литовской, свергнув начальников и избрав новых, пошли к Москве, надеясь возмутить и тамошних стрельцов.

На дороге Петр узнал о разбитии их Шеиным и Гордоном. Но он продолжал свой путь, готовясь к ужасному пред-

приятию. В Польше имел он свидание с Августом и смотрел на учения саксонского войска.

Разбитие стрельцов происходило 18-го июня у Воскресенского монастыря. Мятежники, отслужив молебен и освятя воду, не внемля увещеваниям, пошли на войско, состоявшее из 2000 пехоты и 6000 конницы. Попы несли впереди иконы и кресты, ободряя мятежников. Генералы, думая их устрашить, повелели стрелять выше голов. Попы закричали, что сам Бог не допускает оружию еретическому вредить православным, и стрельцы, сотворив крестное знамение, при барабанном бое и с распущенными знаменами, бросились вперед. Их встретили картечью, и они не устояли. 4000 положено на месте и в преследовании. Прочие бросили оружие и просили помилования.

25 августа ночью Петр прибыл в село Преображевское; никто не знал о его приезде. На другой день явились к нему бояре. Петр осмотрел свою гвардию; и за верность наградил ее деньгами. Ночью был он в Кремле (NB), где свиделся со своим сыном, и тот же час возвратился в Преображенское; потом в доме Лефорта дал публичную аудиенцию австрийскому послу фон Квариенту.

Следствие началось. Мятежники признались, что имели намерение сжечь Москву, истребить немцев и возвести на престол царевну Софью до совершенного возраста царевича Алексея. Они думали также в помощники ей взять из заточения Голицына. О царе сказано было им, что он за границею умер. Заводчицею мятежа оказалась царевна, имевшая переписку с стрельцами посредством нищей старухи, которая носила письма, запеченные в хлебах. Царя положено было, на возвратном пути его, убить.

Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя. Многие стрельцы были спасены его ходатайством и разосланы в Сибирь, Астрахань, Азов и проч.

Государь в то же время сослал и супругу свою Евдокию Феодоровну в монастырь.

Учрежден орден св. Андрея Первозванного августа 30.

Указы 1698 (3 устава, указов 34)

О переписке в Сибири иностранцев и о положении их в оброк, *смотря по пожиткам.*

Об отдаче корабельных деревьев на 10 лет голландцу Данилу Артману (вычисля из платежа за деревья по семь ефимков).

О невывозе тех дерев, <кроме> как через архангельскую гавань.

О явных судейских недружбах и о переносе дел из приказа в другой.

О невыдавании без докладу судейского дел челобитчикам.

О поручных записях с истцов, как и с ответчиков.

О пошлинах по гривне с рубля по розыскным делам. С мировой же челобитной (буде тяжущиеся помирятся) пошлину пополам.

О закреплении указов и дел самим судьям.

О выморочных поместьях (подтверждение).

О беглых – за одного брать четырех с семействами и имуществом, кто их принимал, да 20 руб. за год штрафу – да приказчиков и людей (кто их принимал) бить кнутом.

О счете старых воевод новым.

Наказ верхотурским воеводам.

Прочие указы, притеснительные весьма, относятся до торговли.

Сверх того наказ Московской таможне, 40 статей.

Устав о управлении питейными сборами.

1699

Петр занялся внутренними преобразованиями. Примером своим (и указами?) уменьшил он число холопей. Он являлся на улице с одним или тремя денщиками, скачущими за ним. Бояре принуждены были распустить своих дворовых. Сии разжиревшие тунеядцы разбрелись, впали в бедность и в распутство. Петр, обещая им ненаказанность, призвал их в службу. Собралось их множество.

Рекрут набрано было до 32 032. Петр из оных составил 29 полков пехоты и конницы. Полки разделены на три дивизии под начальством генералов Автонома Михайловича Головина, Вейда и кн. Репнина. Офицеры взяты из русских дворян, а отданы на обучение иностранцам. Войско одето было по немецкому образцу. Пехота имела мундиры зеленые с красными обшлагами, камзолами и штанами. А конница – синие, с красными же, etc.

Петр, рассматривая роспись боярам и дворянам и видя многих неслужащих, повелел всех распределить по полкам, а других во флот, послав в Воронеж и Азов для обучения морской службе. Петр обнародовал, чтоб никто не надеялся на свою породу, а доставал бы чины службою и собственным достоинством.

Шведский резидент Книпер-Крон в сильной ноте спрашивал о причинах заведения регулярного войска. Ему отвечали, что по уничтожении стрельцов нужно было завести новую пехоту.

22-го октября Петр, отобедав у Лефорта, отправился в Воронеж с вице-адмиралом Крейцем, с польским адмиралом Карловичем и с бригадиром Вейдом. Лефорт оставался, страдая от трудов и ран, им полученных под Азовом. Из Воронежа Петр поехал в Белгород; там осмотрев армию, отправился в Азов.

В Азове так он был недоволен сделанными укреплениями, что инженера Лавала отослал под стражею в Москву.

Петр возвратился в Москву через Воронеж. Здесь он сведал о Карловицком мире между Австрией, Польшей, Венецией и Турцией. Возницын один тому противился и заключил с Портою только перемирие на 2 года. Петр был недоволен, но отменил тотчас рекрутский набор. И, дав аудиенцию бранденбургскому послу, опять уехал в Воронеж.

Между тем установил он быть в ратушах бургомистрам из гостей, независимо от воевод, и из гостиной сотни и из слобод по одному человеку, из коих президентом быть одному на месяц, всех же через год переменять (15 статей).

Болезнь Лефорта тревожила государя. Он почти ежедневно посылал курьеров из Воронежа осведомляться о его состоянии. Наконец получил известие о его кончине. Петр заплакал и сказал: «Я потерял лучшего друга, и в то время, как он более был мне нужен». Он в два дня прискакал в Москву и следовал за его гробом. Лефорт умер 1 марта, 43 лет от рождения. Петр *после него* поручил правление Москвы кн. Михаилу Алегуковичу Черкасскому, а сам отправился в Воронеж.

В Воронеже узнал он, что семь полков стрелецких, находящиеся в Азове, возмутились и призвали к себе в помощь татар, которые и разорили окрестности. Подозрение пало и на князя Львова, бывшего одним из любимцев Софии. Петр на место Лефорта пожаловал в генерал-адмиралы Федора Алексеевича Головина, чрезвычайным послом назначил в Турцию дьяка Украинцева, а сам поехал в Азов. Своим присутствием без суда и наказаний усмирил он возмущение.

У Таганрога плавали потом новых 10 кораблей и 2 галеры, на коих было 360 пушек. Начальствовал новый адмирал. Государь на сем флоте пошел к Керчу, где стоял турецкий паша с 4 кораблями и 9 галерами. Петр принудил его пропустить посла Украинцева на сорокапушечном фрегате *«Ласткe»* с 200 гвардейских солдат прямо к Константинополю; Украинцев прибыл нечаянно и пальбою изумил и испугал весь Константинополь, где все полагали, что сам Петр находится на фрегате. Украинцев представил государю журнал пути своему от Азова до Константинополя, и капитан фрегата Памбург морскую карту берегам Черного моря и входа в Константинополь. Карта сия в том же году издана, а с нею и 17 других, представляющих течение реки Дона от Воронежа до ее устья, канал между Доном и Волгою или реками Камышенкою и Иловлою. Петр повелел Крейцу сочинить карту и Азовскому морю.

Петр завоеванием Азова открыл себе путь и к Черному морю; но он не полагал того довольным для России и для намерения его сблизить свой народ с образованными государствами Европы. Турция лежала между ими. Он нетерпеливо

обращал взоры свои на северо-запад и на Балтийское море, коим обладала Швеция. Он думал об Ижорской и Карельской земле, лежащих при Финском заливе, некогда нам принадлежавших, отторгнутых у нас незаконно во время несчастных наших войн и междуцарствия. Уже обиды рижского губернатора казались Петру достаточным предлогом к началу войны. Молчание шведского двора в ответ на требования удовлетворения подавало к тому ж новый повод.

Между тем от Карла XII прибыло посольство с извещением о его вступлении на престол и с требованием подтверждения вечного мира.

Русские министры отвечали, что государь готов подтвердить прежние договоры, но не прежде, как по удовлетворению за обиды, причиненные посольству и Возницыну, который на возвратном пути через Ригу был *ограблен* и обижен тем же Далбергом. Петр требовал великого посольства с извинениями etc., также город Нарву или Нейшанец (Канцы) с окрестной землею. С ответной грамотою и с поздравлением послан нарочный. Между тем о сем удовлетворении Петр указал своим министрам напоминать при иностранных дворах находившимся шведским министрам и просил о том как прусского короля, так и Генеральные штаты*.

Ответ Карла XII получен уже в 1700. Король отвечал, что рижский губернатор был совершенно прав, а жалобы русского двора неосновательны. В требовании же пристани на Балтийском море отказано.

Между тем, узнав о стараниях Швеции через польского посла <в Константинополе> Лещинского не допустить заключения <Турцией> мира с Россией по прошествию двухлетнего перемирия, Петр приступил к союзу с королями польским и датским, недавно противу Швеции заключившими тайный союз. 16-го июля Петр с датским королем через посла его Павла Гейнса заключил союз, с уговором к исполнению оного не приступать прежде заключения мира между Россией и Турцией.

* В Гааге был послом шведским барон Лилиенрот (*Прим. Пушкина*).

Ноября 11-го заключен наступательный союз и с польским королем через посла его тайного советника фон Паткуля с тем, чтоб Польше начать войну того же года, а России по замирению с Турцией. Петр должен был действовать в Ингерманландии и Карелии, а польский король с саксонскими войсками в Лифляндии и Эстляндии, обещая склонить на то ж и Речь Посполитую.

Петр занялся заведением и исправлением типографии. Начались переводы с иностранных книг инженерных, артиллерийских, механических etc., также исторических. Печатать начали новыми гражданскими литерами (также и календари) (?). Учреждено Навигаторское училище, заведены школы наукам и языкам, а латинские умножены.

Тогда же состоялся указ – всем русским подданным, кроме крестьян (?), монахов, попов и дьяконов – брить бороду и носить платье немецкое (сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее – саксонское и французское, а нижнее и камзолы – немецкие (?) (с ботфортами?). Женскому полу – немецкое). Ослушникам брать пеню в воротах (московских улиц), с пеших 40 коп., с конных – по 2 р. – Запрещено было купцам продавать и портным не шить русского платья под наказанием (кнутом?).

Указы стал Петр подписывать собственноручно.

Повелено с наступающего года вести летосчисление с Рождества Христова, а уже не с сотворения мира, а начало году считать с 1-го января 1700 года, а не с 1-го сентября. Для доброго начинания приказано было в Москве все дома украсить зелеными ветвями (елкой) и друг друга поздравлять с новым годом и новым столетием (столетним веком). Никогда новое столетие от старого так и не отличалось.

Обозрение указов 1698 и 1699 годов

О мытенном пошлинном дворе (24 статьи), какую с кого брать пошлину.

О неторговании на Красной площади и о сломании всех на оной лавок и шалашей. Торговать же в указанных местах.

О продаже вина по указным (?) ценам для хлебного недороду.

О винокурении в Сибири и о казенном винокурении 10 статей.

О сибирских пошлинах 22 статьи.

О непропуске в Сибирь и из Сибири сибирских воевод и их семейств без указу Сибирского приказа. Письма же и товары, при их находящиеся, отсылать в тот Приказ.

О должности выборного и о *ларечных* пошлинах в Архангельске (21 статья).

За фальшивые деньги отдавать иноземцев на поруки. Не обменивать старых денег на новые немецкие; под смертною казнию не покупать на те деньги немецких товаров. Иноземцам не продавать вин *в розницу.*

Наказ корчемный, 14 статей.

Об установлении в Нерчинском сбору пошлины.

Об определении в Тобольск дворян и боярских детей для унятия *проезда.*

NB. *Об отдаче стрелецких земель в оброк с торгу.*

NB. О взятии с Новгородского полку (по суду) с военных людей *деньгами.*

О принятии жалоб о бережении от морового поветрия (из Европы).

О привилегии голландцам Бранту и Любсу овечьей шерсти 12 лет *без перекупу повальною ценою.*

О гербовой бумаге (NB) (впоследствии переменено) – пошлина установлена за *столбец.*

Об обложении бурмистров податями по числу платимых пошлин.

При бурмистрах быть подьячим и солдатам.

О невписывании посторонних слов в дела.

О посылке осужденных в Азов (кроме холостых, мастеровых и посадских).

О смертной казни зажигальщикам.

О наказании кнутом за бой караульных.

О правеже за бесчестие и увечие стрельцов вдвое противу их оклада.

За стреляние из ружей и за пускание ракет: 1) батоги, 2) кнут и ссылка в Азов.

О поместиях выморочных, даточных etc.

Статьи о сборе пошлин по торжкам (базарам).

О взятии в посады звонарей, *ямских охотников*, пушкарей, *воротников*, кои имеют торги и промыслы.

О смертной казни земским, таможенным и бурмистрам за исключения из сборов крестьян etc., то же и за взятки (обеим сторонам).

О компаниях купеческих (*в супрядке не пряжа, в складчине не торг*).

NB. *О расписании провинций* к губернским городам и о приписании малых городов и уездов.

О учреждении постоялых дворов в Москве на проезжих улицах.

О приписании дворцовых истопников в слободы (т. е. в подати).

О неподавании челобитен государю (кроме неправды судей и дьяков – на таковых бить челом самому государю).

NB. О небытии в Сибири бурмистрам, но таможенным и кабацким головам.

О взятии пошлин с разных бумаг.

О бытии дворовых и мостовых дел в *Стрелецком приказе.*

О неправеже вдов и детей, по кабалам (коли не записаны в кабале).

О уничтожении Земского судного и Володимирского приказов – дела их решать в Стрелецком и в Судном московском.

С хомутов деньги сбирать с бурмистров.

В московской ратуше установлена печать: весы из облаков.

В Астрахани о выдаче вина служилым о празднике.

О строении в Москве каменных лавок под одну кровлю.

О избавлении бурмистров от постоя.

Уничтожение разных печатей по приказам, всем одна: *орел*, кроме Посольского (?) и ратуши.

О бесчестии грекам противу других иноземцев по 50 руб. NB.

О письме купчих и проч. в Поместном приказе, а не на Ивановской площади, как было прежде.

В городах, где нет *разрядов*, не писать крепостей свыше 100 р.

О даче квартир сыщикам.

О проезжих листах (passe-port).

Дать неделю для ответа ответчикам, коли оба не явятся – отказать; буде ответчик, обвинить; буде истец, отказать.

Etc.

1700

ВОЙНА СО ШВЕДАМИ. НАРВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1700

Петр указом от 15 декабря 99 года обнародовал во всем государстве новое начало году, приказав праздновать его торжественным молебствием, пушечной и ружейной пальбою, а в Москве для украшения улиц и домов повелел заготовить ельнику etc.

Накануне занял он московскую чернь, ропщущую на всякую новизну, уборкою улиц и домов. В полночь началось во всех церквах всенощное бдение, утром обедня с молебном при колокольном звоне. Между тем из разных частей города войско шло в Кремль с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою. Петр выстроил его на Ивановской площади и со всем своим двором слушал в Успенском соборе обедню, которую служил первенствующий митрополит Рязанский Стефан. По окончании обедни митрополит гово-

рил проповедь, в коей доказывал необходимость и пользу перемены в летосчислении. Потом совершено молебствие с коленопреклонением. При возглашении царю и царскому дому многолетия пошел по всей Москве колокольный звон, загремела пушечная пальба и войско произвело троекратный беглый огонь. Петр поздравил всех с новым годом.

Потом государь угощал как духовных, так и светских знатных особ; придворные с женами и дочерьми были в немецком платье. Во время обеда пели придворные и патриаршие певчие. Для народа перед дворцом и у трех триумфальных ворот, нарочно для торжества сооруженных, поставлены были столы и чаны с вином. Вечером весь город был освещен, сожжены были фейерверки при беспрерывной пушечной пальбе – и торжество заключилось во дворце балом и ужином.

Народ, однако, роптал. Удивлялись, как мог государь переменить солнечное течение, и веруя, что Бог сотворил землю в сентябре месяце, остались при первом своем летосчислении. В присутственных местах во всем государстве новое летосчисление было принято.

Петр послал в чужие края на казенный счет не только дворян, но и купеческих детей, предписав каждому являться к нему для принятия нужного наставления. Мещанам указал он учиться в Голландии каменному мастерству, жжению кирпичей etc. Дворянам приказал в Амстердаме, Лондоне, Бресте, Тулоне etc. обучаться астрономии, военной архитектуре etc. Своим послам и резидентам подтвердил он о найме и высылке в Россию ученых иностранцев, обещая им различные выгоды и свое покровительство. Русским начальникам предписал принимать их и содержать. Возвращающихся из чужих краев молодых людей сам он экзаменовал. Оказавшим успехи раздавал места, определял их в разные должности. Тех же, которые по тупости понятия или от лености ничему не выучились, отдавал он в распоряжение своему шуту Педриеллу (Pedrillo?), который определял их в конюхи, в истопники, несмотря на их породу.

Кстати о фейерверках. Голиков приводит слова Петра к прусскому министру барону Мардфельду: «Я жгу фейерверки, чтоб приучить народ мой к военному огню» (шутка, из которой Голиков выводит глубокие заключения).

Петр указал, чтоб женщины и девицы имели в обращении с мужчинами полную свободу, ходили бы на свадьбы, пиршества и проч., *не закрываясь*. Он учредил при дворе и у бояр столы, балы, ассамблеи etc., повелел быть в Москве театральным представлениям, на коих и сам всегда присутствовал.

Жениху и невесте прежде брака повелено иметь свидания и запрещены браки по неволе (о театре и о Потешном дворце см. любопытное примечание в Голикове. Ч. II – 11–12).

Наместники имели почти неограниченную власть, определяя от себя областных правителей и царским именем реша все дела. Правители налагали и собирали подати по своей воле etc.; на сих правителей приносить жалобы должно было в *канцелярии* наместников, пребывающих обыкновенно в Москве, что и было всегда напрасно. Государь <ограничил> такую власть, предоставя себе право избирать судей и других правителей. Для сборов податей учредил особое присутствие (?), сборы возложил на бургомистров, избираемых *градским обществом*, etc.

Петр признавал себе начальников по чину и писал к Апраксину (27 июля 1700): «При сем посылаю к вашей милости „Рассуждение о кораблях“, которое мы по указу вашему чинили на Воронеже», а подписывает: Питер Адмиралтец-верфа бас.

Крымский хан старался всеми силами воспрепятствовать миру между Россией и Турцией. Он писал к султану, что Петр, ниспровергая древние обычаи и самую веру своего народа, учреждает все на немецкий образец, заводит новое многочисленное войско, строит флот и крепости на Днепре и на других реках, что ежели султан не закончит мира, то сей опасный нововводитель непременно погибнет от своих подданных, в удостоверение ж слов сих просил он, чтоб прислан был верный человек. В самом деле, посланный от султана

донес о строении флота и крепостей. Вследствие сего верховный визирь был свержен, и султан под влиянием Швеции готов уже был объявить войну. Однако же наш посланник Возницын, подкрепленный английским и голландским, успел заключить тридцатилетний мир 3 июня 1700, по коему Азов со старыми и новыми городками оставлен за Россиею, а новые крепости, взятые от Порты, положено разорить, а землю возвратить Порте с тем, чтоб уже никому не иметь на ней ни жительства, ни укреплений. Петр торжественно праздновал заключение сего мира 18 августа.

19-го августа Петр повелел шведскому резиденту Книпер-Крону через месяц выехать из Москвы, а кн. Хилкову объявить войну с объяснением причин оной и выехать в Россию. Объявив о том же во всех европейских странах через своих резидентов, Петр, однако, присовокуплял, что он готов утвердить мир, если: 1) шведский двор даст ему удовлетворение за обиды, нанесенные посольству и Возницыну, 2) если изо всех земель и городов, неправедно захваченных Швецией, король уступит ему одну Нарву (за что обещал он и удовлетворение), 3) если король удовлетворит союзников в праведных их требованиях.

Карл вспыхнул. Кн. Хилков был задержан, все служители от него отлучены, серебряная посуда отдана на монетный двор, секретарь посольства и все русские служители арестованы. То же воспоследовало со всеми русскими купцами, с их приказчиками и работниками (несколько сот человек). Имения их конфискованы, и сами они, лишенные способов к пропитанию, были употреблены в тяжкие работы. Все почти умерли в темницах и в нищете. В объявлении о войне Карл называл царя вероломным неприятелем etc.

Петр был столь же озлоблен; и когда английский и голландский министры вздумали было от войны его удерживать, то он, в ярости выхватив шпагу (см. Катифорос), клялся не вложить оной в ножны, пока не отомстит Карлу за себя и за союзников. Если же их державы вздумают ему препятствовать, то он клялся пресечь с ними всякое сообщение и

обещался удержать у себя (в подражание Карлу) имения их подданных, находящихся в России.

Петр, однако, всем шведским подданным позволил выезд из России, удержав одного резидента, который и сам просился остаться на полгода. Но и тот был впоследствии отпущен с условием, чтоб освобожден был и Хилков (увидим, что Хилков умер в плену).

22 августа Петр с новыми своими полками выступил из Москвы (с генерал-майором Иваном Бутурлиным, с Семеновским полком, с старым Лефортовским, да новоприборных три полка – всего 8000 человек) (письмо царя к Апраксину).

В тот же день писал он к Апраксину о 10 плотниках, посылаемых им в Архангельск, о четырех англичанах и одном маштмакере, также едущих в Архангельск, наказывал ему убедительно (зело прошу), чтоб им не было никаких от приказных людей задержек и обид etc.

В Новегороде принял он в свою службу герцога (?) фон Кроа и под Нарву отправил новогородского губернатора кн. Трубецкого с шестью полками (в том числе старой службы два Новогородские и два Псковские – стрелецкие).

23 сентября Петр со своею гвардией прибыл под Нарву и повелел делать апроши и батареи.

14 октября прибыл генерал-фельдмаршал граф Головин с 5000 нерегулярной конницы московских и смоленских дворян с их слугами, также и генерал Автоном Головин с достальными полками его дивизии. С нерегулярной конницею отправился боярин Шереметев по ревельской дороге для наблюдения неприятеля и в девяти верстах от Нарвы, напав на 600 шведов, разбил их и взял в плен майора Паткуля, одного капитана и 26 рядовых.

Нарву бомбардировали. Несколько раз она загоралась. Надеялись на скорую сдачу города. Но у нас оказался недостаток в ядрах и в порохе. По причине дурной дороги подвозы остановились. Открылась измена. Бомбардирский капитан Гуморт, родом швед, бывший в одной роте первым капитаном с государем, ушел к неприятелю. Петр, огорченный сим

случаем, всех шведских офицеров отослал внутрь России, наградив их чинами, а сам 18 ноября наскоро отправился в Новгород, дабы торопить подвоз военных снарядов и припасов, в коих оказывалась уже нужда. Главным под Нарвой оставил он герцога фон Кроа, а под ним генерала комиссара князя Якова Федоровича Долгорукого.

Иные утверждают, что причиной скорого отъезда Петра был также ложный слух о собранных 50 000 в шведской Лапонии и шедших будто бы противу Архангельска.

Петр, думая также свидеться с Августом, взял с собою графа Головина.

Между фон Кроа и Долгоруким произошло несогласие. Осажденные, будучи хорошо обо всем извещены через изменника Гуморта, послали гонца к Карлу, уверяя его в несомненной победе и умоляя его ускорить своим прибытием.

Карл прибыл 18 (?) ноября с 18 000 (?) отборного войска и тотчас напал на наших при сильных снеге и ветре, дующем нашим в лицо... (Все описание Нарвского сражения в Голикове ошибочно.)

С одной стороны, линия наша (по неискусству или несогласию начальников) поставлена была в один человек, и тут на расстоянии сажени и более один от другого. С другой стороны, фон Кроа с присланными от Августа генерал-поручиком Аллартом, генерал-майором Лангом и с инженерными офицерами при первом нападении шведов, выехав из укреплений, сдались полковнику графу Штейнбоку. Феофан и Щербатов называют это изменою. За ним вслед убежал и полковник Блюмберг.

Первое нападение шведов было (вероятно, по указанию Гуморта) на стрельцов, которых разбив без труда, шведы вломились в упомянутую линию, а за нею и дивизию Трубецкого и близ нее стоявшие несколько полков дивизий Вейдовой и Головиной расстроили и прогнали.

Шведы, раздвоясь, пошли одни на дивизию Вейда, а другие на дивизию Головина. Первую было смяли, но храбрый Вейд успел ее остановить и дал отпор. Победа могла еще остаться на

нашей стороне, но наша конница бежала, бросясь вплавь через Нарову; Вейд был ранен, человек до 1000 потонуло.

Дивизия же Головина не устояла ни пяти минут и бежала к мосту, который обрушился, и множество погибло тут же.

Неприятель, их преследуя, дошел до двух гвардейских полков; тут шведы встретили неожиданный отпор: полки дивизии Головина успели присоединиться к гвардии и до самой ночи удерживали неприятеля, подкрепленного уже и частию войска, победившего дивизию Вейда.

Карл, видя себя посреди нашего войска (гвардии и дивизии Вейда), трубою дал знак своим к отступлению, *а нашим к перемирию (показание Шафирова).* В ту же ночь посланный от Бутурлина предлагал шведам перемирие и на следующий день и требовал свободного отступления. Следующие условия утверждены были Карлом:

1) Всем русским генералам, офицерам и войску с шестью полевыми пушками свободно отступить.

2) С обеих сторон обменять пленных и похоронить тела.

3) Всю тяжелую артиллерию и всю остальную полевую оставить шведам, все же прочее, багаж полковой и офицерский etc. свободно с войском отвести.

На сие генералы согласились, ибо войско было в крайнем расстройстве, сообщение между двумя отрядами пресечено и переправа через реку затруднительна.

Наши генералы хотели слышать подтверждение договора из уст самого короля; Карл на то согласился. Условия повторены были в его присутствии, и в соблюдении договора король дал руку свою князю Долгорукому.

Гвардия и вся дивизия Головина с военной казною, с оружием, с распущенными знаменами и барабанным боем перешли через мост; остальные последовали за ними сквозь шведское войско. Тогда шведы на них напали, обезоружили, отняли знамена – и потом отпустили за реку. Обоз был ограблен, даже некоторые солдаты были ими раздеты. Наши хотели противиться. Произошло смятение. Множество русских было убито и потоплено. Выговоренные пушки и амуниция были захваче-

ны. Все генералы, многие офицеры и гражданские чиновники под различными предлогами удержаны в плену. Их обобрали, заперли в Нарве в холодном доме и, целый день продержав их без пищи, послали в Ревель, а потом и в Стокгольм, где вели их в триумфе по улицам до тюрем, им определенных.

Петр протестовал. Сии захваченные особы были, кроме герцога фон Кроа, князь Яков Федорович Долгорукий, генерал-фельдцехмейстер принц Имеретинский, генералы Автоном Михайлович Головин, Адам Вейд (раненый лечился в Нарве), князь Иван Юрьевич Трубецкой, Иван Иванович Бутурлин, 7 полковников, 4 подполковника, 6 майоров, 25 офицеров да польской службы 2 генерала (Алларт и Ланг), один обер-инженер, капитан-инженер и полковник (все полковники, кроме князя Мещерского, были иноземцы).

Русских под Нарвою убито, потонуло и дорогою до Новгорода от голоду и холоду пропало 6000 человек. Нерегулярные спаслись все. У шведов убито 3000. Пушек больших досталось шведам 63, полковых 50, мортир 25, гаубиц 7. По свидетельству Александра Гордона, войска нашего было 34 000.

Карл, оставя часть своих войск на границах русских, с прочими обратился в Ригу, на короля польского. Он до весны оставался в Дерпте. Из Нарвы распустил он свои *манифесты* (3 декабря 1700), в коих возбуждал он россиян к бунту противу царя, описывая его жестокости etc., обещая всем свою королевскую милость и грозясь в случае ослушания истребить все огнем и мечом. Но русские остались верны.

Петр получил известие о поражении в то время, как он спешил под Нарву с 12 000 войска с амуницией и с военными снарядами. Он не упал духом и сказал только: «Шведы наконец научат и нас, как их побеждать» (см. любопытное рассуждение его о сем в «Журнале Петра Великого» – также и письмо Мазепы). 5 декабря уже писал он строгое письмо к Шереметеву, повелевая ему идти на неприятеля с новгородскою и черкасскою

конницею. «Болота замерзли, – писал Петр, – людей довольно; отговариваться нечем, разве болезнию, полученной меж беглецами – из коих майор** на смерть осужден».

В Новегороде, когда все войско туда прибыло, государь наградил свою гвардию, не положившую ружья даже по лишению своих начальников. Офицеры получили знаки с надписанием года и числа сражения. Шереметева наименовал генерал-аншефом и отправил его подо Псков. Генерала Репнина оставил на зиму в Новегороде с повелением беспрерывно обучать новые полки. Шереметев разорил Ливонию, Репнин привел войско в исправность.

Петр с гвардией отправился в Москву; там за неимением меди он повелел отобрать ото всех монастырей и городов часть колоколов, и в ту же зиму вылито пушек 100 больших, 143 полевых, 12 мортир и 13 гаубиц. Все было отправлено к Новугороду.

Казанскому и астраханскому губернатору боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну повелел он в низовых городах набрать драгунских 10 полков, выучить и к весне доставить во Псков Шереметеву.

Все полковники, вновь назначенные, были уже русские, кроме двух новогородских полков.

Указы 1700

О отобрании записных книг с поморских и других городов (для справок о сборах).

О 2-х копейках с *явочных* челобитен.

О гербовой бумаге.

О ведомстве иноземных торговых людей в ратуше.

О высылке из Москвы *остаточных* стрельцов и о недержании их никому.

Именитый человек Григорий Строганов пожалован *вичем.*

О сибирских пошлинах.

Об отдаче стрелецкой земли за Тверскими воротами на дворы красносельским *тяглецам.*

О пошлинах с хлеба на винокурение.

Об отпускных. Людей отпущенных, годных, отсылать в Преображенский приказ в солдаты.

Прямо государю подавать одни *челобитни* о делах *государственных* (доносы?) и о неправых решениях (чувствителен недостаток *cour de cassassion*)[10].

О пошлинах с торжков etc.

О посылке Сибирских грамот.

О *поверенных* в судных делах.

О тупых ножах.

О рассмотрении у помещиков *отговорных людей* (освобожденных от рекрутства?), – штраф, конфискация недвижимого имения.

О пошлинах с донских казаков и малороссиян (наравне с русскими).

О рассмотрении *в ратушах* взяток воеводских.

О пошлине на пиво.

О пошлине со сделанных записей *с рубля по три деньги* и о людях выговоренных – поголовных денег три алтына, а с земель по указу.

О сборе мостовых денег.

Объезжие ведают торговых людей.

О недаче в городах подвод под воевод.

О недаче солдатам суда на торговых людей в брани и в бесчестии.

Наказ астраханским воеводам, 38 статей.

О оценке соболям в *Расценной палате.*

70 пунктов о сборах в Архангельске.

О правеже исков за бесчестие. Буде нет денег, чинить наказание (телесное).

О переписке дворцовых мест в селе Покровском и в Басманной слободе.

О отставке грамоты 207 году, апреля 10 (*о стрельцах*).

О пошлине с *тарханов* (освобожденных от пошлин).

О соболях сибирских.

О взятье пошлин с товаров Макарьевской ярмонки.

О гербовой бумаге (уничтожение столбцов).

О заемщиках и о поручателях.

О беглых (в пользу беглых).

О бытии *усольцам* посадским людям в службе и в окладах.

О непринимании не дельных челобитен. Например: стольник Алымов просил в бесчестии на Батурина, говорившего ему, что он смотрит на него зверообразно.

Об отсрочке в пользу служивых истцовых дел.

О сборе на ямскую гоньбу и даче подвод по подорожным из ратуши (для торговых?).

О пошлинах с товаров в Китай.

О писании вместо *послухов* свидетелей.

NB. Уничтожение Патриаршего приказа и разряда – дела разослать по приказам, какое куда следует, а церковные ведать Стефану, митрополиту Рязанскому.

О правеже; кто даст на себя заемное письмо *подставою* (фальшиво), того бить кнутом и сослать на каторгу.

Пошлины в поместных делах: *3 деньги с четверти земли.* NB.

О даче жалования выходцам из полону за *полонное терпение и за рану.*

О пробах золотых и сребряных.

Года 1701 и 1702

1701

Новый год отпразднован опять.

12 января в Копенгагене нашим послом заключен с Данией союз; в случае войны Франции с Англией Дания должна была действовать противу Швеции. Король обязался дать Петру солдат и драгун по 3 полка. Но хотя война между Англией, Голландией и Францией и началась, но Дания не исполнила своих условий.

С нашим послом отправлено в Данию до 50 человек дворянских детей.

20 января послан Шереметеву для советов судья воинских дел Стрешнев, тогда же к Апраксину отправлены корабельные мастера Никлас и Ян. Государь повелевал ему построить для его приезда корабль и приготовить 150 собачьих шапок и башмаков.

В январе Петр ездил в *Бирж* для свидания с Августом. Петр обещал ему дать взаймы 200 000 ефимков да 15 или 20 тысяч войска. Петр рад был, что его войско служило вместе с саксонским.

Оба государя ездили в Митаву и в Динаминд (взятый[11)] в начале войны).

Петр из Москвы (куда возвратился 8 марта) выслал 19 полков под начальством князя Репнина в Лифляндию. Они соединились с саксонским генерал-фельдмаршалом Штейнау близ Копенгаузена. Петр послал на *сейм* чрезвычайного посла с выгодными предложениями для польской республики, т. е. предлагал в помочь 20 000 войска и 2 000 000 ефимков.

Но партия принца Конти восторжествовала (в ней находился и примас кардинал Радзиевский). Сейм положил ничего не предпринимать, пока Август не отошлет своего саксонского войска.

Карл перезимовал в Дерпте и, умножа 25 000 нового войска[12)], оставил у Дерпта генерал-майора Шлиппенбаха, а сам с остальным (?) войском пошел противу Штейнау. Саксонский фельдмаршал стоял на берегу Двины. Карл переправился и разбил его, овладев его обозом. В то же время восемь полков шведов (в Митаве?) напали на польские магазины, овладели королевской канцелярией и всех польских офицеров больных и раненых перерезали (в Митаве).

Карл с 30 000 овладел Курляндией и препятствовал убегающему Штейнау соединиться с князем Репниным, шедшим к нему на помощь. Штейнау ушел в Польшу, а Репнин 15 августа соединился во Пскове с Шереметевым. Карл взял Биржу, где было множество артиллерии и запасов, а потом сдался и Динаминд.

Польша разделена была на две партии: примас и Сапеги, преданные Швеции; другая – дом Огинских. Первая, изнемогая в борьбе, позвала Карла. Карл вступил в Литву, наложил контрибуцию, выжег множество деревень и отправился в Польшу.

Петр, предвидя, что польские дела долго займут его деятельность, занялся обозрением своих нововведений и истреблением сил шведских, оставшихся в Лифляндии. Воронежская верфь была перенесена на другое место, при впадении р. Воронежа в Дон, и при оном заложен гор. Тавров. Св. Митрофан 4000 руб. экономии отдал на жалование морских солдат, в Воронеже бывших (1700 г.), а в следующий год дал еще 3000. Царь пожаловал ему две грамоты. Впоследствии повелел к его дому приписать многие крестьянские дворы.

Петр в Пруссию послал Измайлова поздравить его[13)] с титлом королевским. Псков и Новгород укрепил при себе. Повелел Шереметеву из Новагорода быть к нему в сутки во Псков, оставя четыре полка в Новегороде. Тут же известился он о нападении шведского флота (5 фрегатов и 2 яхты) на строящуюся на Малой Двине крепость – и о победе русских: офицер Животовский сел на малые суда, взяв из оных один фрегат и одну яхту. Прочие ушли. О нападении флота Петр был уже осведомлен через копенгагенского нашего посла Измайлова, и Петр писал о том к архангельскому воеводе князю Прозоровскому и архиепископу Афанасию (смотри «Книгу о троекратном путешествии его величества в Архангельск»).

Осенью, возвратясь в Москву, в Заиконоспасском монастыре Греческое училище, заведенное царем Федором Алексеевичем, поручил он рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Повелел завести и Латинскую академию, определив архимандриту и ректору по 200 руб., а учителям по 100 (потом, в 1709-м, за поднесенную латинскую службу на Полтавскую победу архиепископом и ректором Феофилактом Лопатинским, первому по 300, а другим по 150 руб.).

Петр 26 сентября подтвердил права, данные в 1694 киевским училищам, освободил от гражданской управы, под-

чиняя их в ведение киевского митрополита (журнал «Старина и новизна»).

В Лифляндии Шереметев одерживал верх над шведами. Два полка драгун разбили у мыз Левкои, Печинской и Порецкой 4000 неприятеля, сожгли мызы и разорили батареи. Сын Шереметева Михаил Борисович у *Ряпиной мызы* побил неприятеля, шедшего на приступ к Печерскому монастырю, а потом, за рекою Выбовкою, под мызами Резвою и Озерецкою, напал на 600 человек под командой майора Розена. Все были побиты, кроме одного прапорщика и майора с 80 солдатами, обоз, две пушки, три штандарта достались победителю.

1702

Наконец сам Борис Петрович Шереметев в 1702 января 1 одержал под деревнею Ересфера полную победу над 7000 шведов под командою Шлиппенбаха. 3000 неприятеля легло на месте. Весь обоз и артиллерия были взяты в плен, взято 14 штаб- и обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых 356. С нашей стороны убито до 1000.

Царь праздновал сию победу в Москве и пожаловал Шереметева фельдмаршалом, а через Меншикова послал ему Андреевскую ленту.

9 февраля государь писал к Шереметеву и послал ему решения на 33 пункта[14)].

Посланный от окольничего Петра Апраксина полковник Тыртов разбил на Ладожском озере эскадру виц-адмирала Нумберса, сжег две *шкуты*, одну потопил и две с шестью пушками взял в плен. Сам же Апраксин в Ингрии на р. Ижоре разбил генерала Крониорта.

В 1701 году учрежден *Монастырский приказ*, отдав в ведение боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, подчинив сему приказу все церковные и монастырские вотчины etc., определив каждому монастырю оклад, оставя слуг монастырских *самое малое число* (слова Петра), *окладную дачу* хлебом повелел выдавать в *общежительство*, а не каждому

особо. Пресек покупку и дачу в монастыри деревень. Доходы с владений монастырских повелел (в аренду?) желающим, и те доходы взять в казну.

Повелел полуименем не писаться.

Для обучения к пилованию дерев повелел десятую сажень дров не рубить, а пилить. (Сим средством сохранил он и мелкий лес.)

Петр из Польши, Саксонии и Шлезии выписывал овец <и> овчаров – для суконных фабрик, им заводимых. Через свои манифесты приглашал он из Германии всяких мастеров и художников, пришельцы являлись толпами и были всюду употреблены.

1701 года 16-го ноября скончался последний патриарх Адриан. Петр, отложив до удобнейшего времени избрание нового патриарха, определил митрополита Рязанского Стефана Яворского к управлению Церкви, повелев ничего важного без ведома государя не решить.

Учреждение Монастырского приказа (1701 г.) подтверждено, а казна монастырей обращена в пользу отставных воинов.

Петр принялся за духовенство: запретил пострижение прежде 50 лет. Монахиням велел заниматься рукоделием и смотреть за ранеными. Устроил при монастырях богадельни etc., etc.

Ропот ужасно усилился. Появились подметные письма и пророчества (изъяснения?), в коих государя называли антихристом, а народ призывали к бунту. Петр запретил монахам иметь в келиях бумагу и чернила – и настоятели должны были отвечать за тех, кои сие дозволяли. Типографщик Талицкий, обличенный в напечатании подметных писем, был казнен с своими соучастниками (?).

Указом от 10 марта 1702 года повелело дворянству избрать из среды своей трех или четырех человек в больших городах, для подмоги воеводам. А воеводам без сих дворян ничего не решить.

Слово *холоп* в письменных делах на имя государя уничтожено, заменено рабом *(serviteur)*. Вольтер совершенно прав; см. в Священном Писании: Слово *раб* везде приемлется в смысле *serviteur*.

За поединок и за обнажение шпаги положена смертная казнь.

В Сухареву башню переведена Навигационная и Математическая школа и названа *школою Адмиралтейской.*

На бывшем Стрелецком Сборном месте (доме Лыковом) построен Большой *Цейгауз*, в коем помещен двойной запас всякого оружия и запасов.

Свадьба шута царского Шанского. Насмешки над старыми обычаями etc. – Царя в старинном одеянии представлял князь Ромодановский, Зотов – патриарха; царицу (в особой палате) жена Ив. Бутурлина. Петр был в числе морских офицеров.

Шведский флот приготовлялся вновь напасть на Архангельск; Петр поехал туда с царевичем Алексеем и с пятью батальонами гвардии. Он укрепил устье Двины да на взморье заложил новую крепость *Новую Двинку.*

Он помышлял о взятии Ноттенбурга (Шлиссельбурга) и послал указ князю Репнину (куда?) с дивизией его и с двумя баталионами гвардии идти к Ладоге (откуда?), повелев туда ж отправить и артиллерию.

В Троицын день спущены им два фрегата, сделанные английскими мастерами. Заложены новые. Петр осматривал с обыкновенным любопытством, даже посещал и простые холмогорские барки, разговаривая с мужиками (*анекдот о разбитых горшках, рассказанный Ломоносовым*).

Из Архангельска писал Петр к Апраксину, уведомляя его о спуске фрегатов и о строении корабля «Св. Илии», посылал собственноручный чертеж Таганрожской гавани, уведомлял, что Автоном Головин набрал *вольницы* 2330, а жен, детей и стариков их (4390 ч.) отправил на Воронеж. (Петр повелевал Апраксину их *упокоить*.) Корабли приказывал вывести на Дон, торговлю таганрожскую устанавливает, советует подкупить турецких чиновников, ибо *пистоли и в Европе много пользуют*. При жалобе Ная на виц-адмирала (?) повелевает Наю не находиться в ведении виц-адмирала – etc., etc. (*от июля 5, 27 и августа 5. Одно без числа*).

Шереметеву предписывал воспользоваться недосугом Карла XII.

Шлиппенбах снова собрал *сильный* корпус, всячески уклонялся от сражения, но Шереметев, достигнув его за рекою Амовжею, разбил его у мызы Гумоловой. Шлиппенбах бежал к Пернову, но Шереметев его догнал и снова разбил. Шведов (кроме погибших в лесах и болотах) убито 5490, пушек взято 15, знамен 16, штаб- и обер-офицеров 13, унтер-офицеров и рядовых 302. Наш урон – 411 человек.

Вследствие сего, города, крепости и укрепленные мызы Мариенбург (в коем было 2500 гарнизону), Валмер, Трикат, Кригедербен, Гемелтлай etc. – взяты и разорены. В Мариенбурге взята Катерина, впоследствии императрица.

Более 600 мыз и деревень были выжжены нерегулярным войском по рижской дороге. Наши доходили до самых рижских ворот, где разбит был шведский отряд под начальством сына губернаторского.

Генерал-майор Гулиц на Чудском озере разбил четыре шкуты да на Ладожском взял их две, а на устье р. Амовжи разорил укрепление.

Петр, узнав, что экспедиция на Архангельск отменена 5-го (августа?), отправился к Соловецкому монастырю на четырех своих и шести нанятых голландских кораблях со своею гвардией, оттоле прибыл в деревню Нюхчи и 17-го августа благодарил письменно Шереметева, подтверждая прежнее приказание. Потом, отпустив корабли, пустился новою дорогою через мхи и болота к реке Онеге (160 верст), оттоле Онежским озером и рекою Свирью до Ладожского озера (через сии 160 верст Петр указал перетянуть две яхты, на коих и отправился к Ладожскому озеру). Здесь опять писал он к Шереметеву и к адмиралу Апраксину, жалея о смерти Яна и извещая его о победах Шереметева.

От озера до *Ладоги* по причине бури Петр поехал сухим путем и прибыл 5 сентября, где его дожидался уже Репнин со своею дивизией.

Оттоле Петр приехал в лагерь окольничего Петра Апраксина, при реке Назии. Туда же прибыл и Шереметев. Государь осмотрел корпус Апраксина, оставил у него один полк стрелецкий и конницу, прочее войско присоединил к большому корпусу и 25 сентября отправился под Ноттенбург. Артиллерию, за неимением лошадей, везли людьми.

Сентября 26 государь прибыл под Nottenburg и в ожидании войска приказал делать шанцы.

27 прибыло Ладожским озером и остальное войско на 50 судах. На пути оно прогнало к Выборгу шведские суда. Лагерь, приуготовленный Петром, был занят. Суда повелено через лес на $^1/_2$ мили перетащить в Неву (что 27 и исполнено).

1 октября Петр с 1000 гвардии на судах переправился на остров. Шведы, дав залп, оставили шанец, который без потери был нашими занят. Крепость осаждена со всех сторон. Прежде бомбардирования Петр предложил коменданту сдаться на честных условиях. Комендант просил четыре дня сроку и дозволения дать знать о том нарвскому обер-коменданту. – Вместо ответа загремели наши пушки и полетели в город бомбы. Осажденные прислали барабанщика (когда?) к Шереметеву с письмом от *комендантши* и всех офицерских жен, просящих о позволении выйти из крепости.

Барабанщик приведен был на батарею к бомбардирскому капитану между крепостью и нашими апрошами. Петр отправил его с письменным ответом, в коем сказывал, что «не может допустить его до фельдмаршала, ибо он верно не захочет опечалить супругов разлукою. Ежели же благоволят они выехать, то пускай с собою выводят и мужьев».

Из крепости целый тот день стреляли по батарее Петра.

Наконец крепость после отчаянного супротивления, приведенная в крайность (в стене сделаны были три пролома, и наши были уже почти на стенах), сдалась 11 октября. Петр позволил всему гарнизону выйти с воинскими почестями и со всем имуществом, на что дал им три дня, дозволя и караулу их остаться в крепости. – По подписанию условий,

ночью наши заняли проломы, по стене и внутрь крепости остался шведский караул.

На другой день получено известие, что генерал Крониорт идет на помочь Nottenburg. Петр явился в проломе, объявил о том генерал-майору Чамберсу, повелев немедленно шведские караулы по городу сменить, особенно у порохового погреба. Комендант не хотел было на то согласиться; Петр употребил силу (?). Чамберс и Петр пошли по стенам для смены караулов, первый направо, другой налево, и сами расставили караулы. Потом комендант и гарнизон вышли из крепости сквозь пролом с распущенными знаменами, с барабанным боем, с пулями во рту и с четырьмя железными пушками. Им даны суда, и они отпущены к Канцам (Нейшанц).

Наших убито 2 майора, 23 офицера, сержантов, унтер-офицеров и рядовых – 484; ранено офицеров 22, рядовых с унтер-офицерами 913. Пушек и мортир взято 138 – с припасами, etc.

Крепость занимала почти весь остров, так что нашим не было места у проломов, где бы во время приступа могли они выстроиться. Осажденные удобно побивали наших, так что русские уже обратились было в бегство; но князь Михаил Михайлович Голицын (чин?) велел судам отвалить от берега и 24 часа держался у проломов.

Петр назвал Nottenburg Шлиссельбургом, как ключ, коим отопрутся и другие лифляндские города, и пожаловал бомбардирского поручика Меншикова губернатором как Шлиссельбурга, так и лифляндским, корельским и ингерманландским. Леопольд, как любимца государева, уже пожаловал его (когда?) графом Римской империи. «Вы сим мне не одолжены, – сказывал однажды ему Петр, – возвышая вас, думал я не о вашем счастии, но о пользе общей – кабы я знал кого достойнее, конечно вас бы не произвел» (Голиков, со слов Неплюева). (О Меншикове см. «Диплом, пожалованный на достоинство *ижорского светлейшего* князя». 1707. Июня 1.) (Также синодик царя Ивана Васильевича – и дело о убиении царевича Дмитрия. Меншиков происходил от дворян бело-

русских. Он отыскивал около Орши свое родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину.)

Князь Голицын пожалован гвардии Семеновского полка полковником, 300 крестьянских дворов и 3000 руб. Майор гвардии Карпов – подполковником, 150 дворов и 1500 руб. etc., etc.

Офицерам даны золотые медали, капитанам дано по 300, поручикам 200, прапорщикам – 100, сержантам 70, капралам по 30 <рублей>; вторые солдаты пожалованы капралами, а молодым дано жалованье против старых. – Всем – серебряные медали. Несколько десятков беглецов наказаны сквозь строй, а иные казнены смертью.

После молебствия Петр повелел новыми болверками окружить крепость. К каждому болверку приставил, для поспешения, надзирателя, именно: адмирала и канцлера Головина, генерал-губернатора Меншикова, думного дворянина Зотова и кравчего Кирила Нарышкина.

Петр о сем писал в Воронеж к Апраксину.

Оконча работы, Петр оставил в Шлиссельбурге три полка под начальством полковника и коменданта Юнгора и в ту же осень со взятыми трофеями поехал в Москву.

17 ноября писал он к Шереметеву, чтоб он учинил суд над теми, кои не удовольствовали кормами лошадей, а на их места выбрать других, чтоб он выслал пленных (для триумфа?) etc. *«Уже шесть дней живу праздно, а сам ты ведаешь, колько мне в Москве дел».*

6 декабря Петр с торжеством въехал в Москву, с несколькими баталионами напольных, конных и пехотных войск (см. Голиков. Ч. II – 92).

В тот же день Петр писал к Шереметеву, что, переменив прежнее намерение, повелевает ему быть в Москву.

Медаль на взятие Шлиссельбурга: портрет государя – город бомбардированный с надписью «Был у неприятеля 90 лет».

После торжества Петр принял посланного от литовских гетманов Вишневецкого и Огинского с просьбой о помощи.

Петр послал в Литву два стрелецких полка и несколько (?) денег («Журнал Петра Великого». Ч. I – 65).

31 декабря посланный от Шереметева кн. Вадбольский разбил у Иван-города 2000 неприятеля, у самой Нарвы сжег четыре шкуты и взял в плен несколько офицеров и рядовых. – Олонецкий поп Иван Окулов ходил с *охочими людьми* за шведский рубеж, побил до 400 человек и возвратился с *рейтарскими* знаменами etc.

В сем 1702 году сыскана в Нерчинске серебряная руда и *первая* была выплавка серебра.

В Камчатке построено 3 городка: Верхний, Нижний и Большерецкий.

Сняты капитаном Памбургом карты Дону от Воронежа до устья, каналу между Доном и Волгой, Черному и Азовскому морям с окольностями Азова.

Указы 1701 (за 50)

Черные сотни и слободы и новонемецкой слободы людей ведать в Стрелецком приказе.

О четвертном жребии из пожитков вдове или вдовцу, хотя и вступят прежде года в другой брак.

О письме крепостей в Палате Ивановской etc.

О ведении крепостных дел в Оружейной палате.

О приводе подьячих к присяге, о жаловании им etc.

О нехождении писцам на дворы для крепостей.

(О Монастырском приказе см. в 1702 г.)

О нечистке под пашню лесов по рекам, по коим леса гонят в Москву, а чистить их в 30 верстах выше.

О беглых девках.

О выборе грамотных людей в городах для письма.

О сделании приказных изб и столов.

О неделании своими руками крепостей, но через писцов приказных.

О взятии с записей промышленников и работников по 3 деньги; и с товаров по четыре деньги с рубля.

О неотпуске на воеводство без именного указа.

Переименован приказ *Иноземческий* и *Рейтарский* в Приказ военных дел, а *Стрелецкий* – в Приказ земских дел.

О строении в Москве на пожарищах каменных домов и мазанок по образцу, о городьбе домов, о крытии их черепицею и дерном.

О неотпуске за моря бобрового пуху.

Боярским детям и дворянам городовым поместьями не меняться.

О наказании воеводам, по трем грамотам, не высылающим дел к Москве.

О присылке из Сибири живых соболей и магнита.

Уничтожение новой печати в Московской ратуше.

О Печатном приказе (где ставили печать на всех грамотах etc.).

Указано в подорожных писать, кто именно и для какого дела едет, – и печатать оные в Печатном приказе.

Об уничтожении *Сыскного* приказа (о беглых?).

О ношении немецкого платья NB.

Etc., etc.

Указы 1702 (26)

Запрещение иностранцам поединков и драк.

О смертной казни ложных свидетелей.

Об отдаче пустошей монастырских в *оброк*.

Об отдаче в Трубчевский монастырь вместо *ружного* жалования мельницы.

О гербовой бумаге.

О уничтожении в городах *губных старост и сыщиков*; ведать оные дела воеводам и выборным из дворян.

О сроке крепостей.

О неписании *рядных и сговорных записей*.

О *свободе брака*, о невозвращении по смерти бездетной жены недвижимого имения etc.

О порядке приказных книг.

О привозе из Сибири в Московскую аптеку трав.

О записывании из вольницы в новоприборные <солдаты>, а иноземцев-татар и крестьян-калмык etc. не записывать.

О привилегии купцу Вестову на 10 <лет> торговать клеем.

О нечелобитье, о службе и об окладе (под смертною казнию).

О подрядчиках на войско.

Сказывающих за собою *слово и дело* отсылать в Преображенский приказ, не расспрашивая на месте.

О пошлине с крепостей.

О присылке в Монастырский приказ сведений воинских и всяких для напечатания курантов (nouvelles courantes).

О *Клинском Яму*, о бытии 30 *вытям*.

О жаловании ямщикам 20 руб. *на выть*.

Etc.

1703

Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностию. Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург (*одной рукою заложив крепость, а другой ее защищая*. Голиков). Он разделил и тут работу. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, третий – графу Головину, четвертый – Зотову (? *Канцлеру*, пишет Голиков), пятый – князю Трубецкому, шестой – кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близ оной, на месте, где стояла рыбачья хижина, деревянный же дворец на девяти саженях в длину и трех в ширину, о двух покоях с сенями и кухнею, с холстинными

выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра в сем виде сохраняется и поныне.

В крепости определен комендантом полковник Рен. Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся городом. Отведено место для гостиного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, саду и домов знатных господ. Город Нейшанц был упразднен, и жители оного переведены – и были первые петербургские поселенцы.

Петр послал Шереметева взять крепость Копорье, а генерал-майора фон Вердена под Ямы. Обе крепости вскоре сдались на капитуляцию; гарнизоны выпущены в Нарву.

Когда народ встречался с царем, то по древнему обычаю падал перед ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже сие *под жестоким наказанием, дабы*, пишет Штелин, *народ ради его не марался в грязи.*

Петр ездил в Ямы и Копорье, наименовал первый Ямбургом и повелел его укрепить. Там узнал он, что Кониорт из Лифляндии идет с 12 000 в намерении напасть на Петербург. Петр его предупредил с полками своей гвардии и четырьмя драгунскими и, нашед его в крепких местах у реки Сестры, прогнал его до Выборга, положив 2000. В то же время под Ямбург подступал нарвский комендант генерал-майор Горн, но прогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы были побиваемы.

Вслед за сим на Олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложены шесть фрегатов; отправлено к Шереметеву четыре наставления, между прочим о вымерении Ладожского устья и как подымается полая вода, *понеже зело нужны и там некоторые суда.* К Апраксину писал он, чтоб к весне *исправлялся пушками* и заготовлял *сие* для кораблей, но не зачинал их строить.

Из Олонца прибыл государь на новопостроенном фрегате «Штандарте» с *шестью ластовыми* судами в Петербург, куда вскоре пришел первый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Петр велел отвести шкиперу и матросам постой в доме Меншикова; они обедали за его столом, и Петр сидел с ними («С.-Петербургские ведомости», 1703 года, декабря 15), подарил шкиперу 500 червонцев, а каждому матросу 300 ефимков; второму кораблю вперед обещано тоже (300 червонцев шкиперу). Товары по приказанию государя тотчас были раскуплены.

Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, не любили. (Анекдот об оладьях. Кухмистер государев звался Фелтен. Летний дворец. См. *Штелина и Голикова*.)

1-го октября в третий раз Петр заключил условия с Августом, обязавшись усилить его саксонцев 12 000 пехоты да дать 300 000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы с оберкомиссаром кн. Дмитрием Голицыным.

Петр видел еще нужду в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли, и в крепости для прикрытия Петербурга. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он вымерил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся; на той мели, в море, определил построить крепость, а на острову сделать гавани и оные укрепить и сам сделал тому *план и проспект.*

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставя у Ямбурга окольничего Петра Апраксина с пятью полками.

В Москву въехал он торжественно. По указу его сделаны были трое триумфальных ворот. Четвертые выстроил Меншиков. Потом занялся гражданским устройством государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионов (?). Беер и другие (?). Щербатов.* NB.

1704

Султан Ахмет III, с извещением о своем восшествии на престол, через посла своего жаловался Петру на построение крепостей: Троицка, Каменного Затона, Таганрога etc., как на нарушение договора. Петр в феврале давал послу публичную аудиенцию, но ответ обещал отдать после.

В прошлом (1703) году Петр из-за Волги перевел к Азову калмыков, отдав им выгодные земли для кочевья. Донские казаки стали их обижать, отгоняя у них скот. Мунко-Темир-тайша и брат его Черкес-тайша откочевали за Волгу. Азовский губернатор Толстой послал им грамоты, выговаривая им за непослушания. Письмо калмыка любопытно (см. Голиков. Ч. II – 126).

Казаки задержали калмыцкого гонца и заключили его в оковы.

Петр обещал разобрать все дело – неизвестно, чем оно кончилось. Прибыли к Азову другие тайши, их одарили деньгами, парчою, камкою etc. (*Из Воронежского архива.*)

Из Москвы Петр отправился в Олонец и 19 марта прибыл в Петербург.

В начале мая привез он в Кроншлот артиллерию и сам ее расставил. Против оной на Котлине поставил батареи и укрепления. Скоро все было окончено, и Петр повелел Шереметеву идти со псковским корпусом под Карелу.

Шведы умножили в Дерпте войско. Виц-адмирал Лошер вывел в Чудское озеро 13 фрегатов (98 пушек). Россияне не имели на том озере военных судов. Шереметев послал генерал-майора фон Вердена с частию пехоты, повелевая ему при взломании льда эскадру из устья Амовжи не выпускать. Фон Верден посадил войско свое на простые лодки и у города Кастерека напал на эскадру. Три часа продолжалось сражение. Все фрегаты были полонены, кроме адмиралтейской, которую Лошер сам взорвал на воздух (взято пушек 98 (?) и 140 офицеров и матросов).

20 мая Петр пожаловал Романа Брюса обер-комендантом С.-Петербургской крепости и с генералом князем Репниным, с полками гвардии и с Ингерманландским (Меншиковским?) отправился было под Карелу.

Но у Шлиссельбурга получил он <от> окольничего Петра Апраксина известие, что вице-адмирал де Пруа (?) с флотом пришел к устью Наровы – и атаковал его с намерением, отбив его, ввезти в Нарву провиант, куда сухим путем от Ревеля идет и генерал-майор Шлиппенбах.

Петр обратился к Нарве, повелел войску из Шлиссельбурга и Петербурга идти туда же. Шереметеву (25 мая) подтвердил взять Дерпт и, когда Шлиппенбах минует город, напасть на него с тыла.

Войска собрались под Нарвою – 30 мая; ждали из Петербурга артиллерии. Нарва знала о приближении Шлиппенбаха (в чем через перехваченное письмо Петр был известен). Государь на ревельской дороге выставил два конных полка в синих мундирах и со шведскими знаменами. Кн. Репнин и Меншиков их притворно атаковали; мнимые шведы дали лозунг осажденным, на что им тем же было ответствовано. Меншиков и Репнин начали отступать. Из города вышло войско на помощь своим. Тут они увидели хитрость. Подполковник Маркварт взят был в полон; несколько сот их убито, 4 офицера и 41 унтер-офицер и рядовых взяты в плен. Остальные бежали. Полковник Рен ударил на них из засады с драгунами и с пехотой – и гнал их до контрэскарпы – за что был произведен в генерал-майоры.

Осада Нарвы поручена *фельдмаршалу*-лейтенанту Огильвию, 60-летнему шотландцу, вступившему тогда в нашу службу. В начале осады прибило бурею к устью Наровы два галиота с провиантом. 2 офицера и 70 человек солдат и матросов взяты были тут же на них.

Петр съездил в Петербург, осмотрел работы и возвратился под Нарву.

Шереметев осаждал Дерпт. Петр послал ему 7 повелений с наставлениями, заключая одно из них сими словами: «Коли

так не учинишь, не изволь на меня пенять». – 3 июня прибыл он сам к Дерпту, недовольный медлительностию осады, переменил план оной, и 12-го июня, в присутствии государя, солдаты, прорубя палисад, взяли равелин, взяли пять пушек и, обратя оные к городу, разбили ворота и после девяти часов жестокого сражения вошли в город. Комендант сдался на условия, гарнизон отпущен без знамен и без ружей, но после Петр офицерам возвратил шпаги, а трети солдат ружья. Петр въехал торжественно в город, подтвердил жителям их права, освободив на (?) лет от повинностей etc. Пушек взято 132, великое число снарядов etc. На приступе мы потеряли одного полковника, 16 офицеров и до 300 унтер-офицеров и рядовых, да 400 ранено, у неприятеля побито до 2000 – до 3000 вышло (Голиков. Ч. II – 134).

Петр, отпраздновав победу, на шведских фрегатах, со шведскими знаменами и штандартами – Чудским озером возвратился под Нарву.

Артиллерия была привезена. Петр в воинском совете положил сделать пролом с Ивангородской стороны в бастионе, именуемом *Виктория*. В тот же час построены батареи и *кетели*. Прибывшему из-под Дерпта фон Вердену повелено по ту сторону Нарвы вести шанцы. Шереметев прибыл потом с пленными шведами и с дерптским комендантом Шките. Он стал у тех шанцев выше Нарвы. 30 июля, после молебствия, началась канонада в тот бастион и бомбардирование города – произвели пожары; лаборатория с треском была взорвана. В 9 дней сделан был в бастионе широкий пролом. С другой стороны бастион *Гонор* был обрушен и засыпал собою ров. Для мортир прибавлены новые кетели; два фланка были бомбами разорены; из 70 пушек оставалась одна.

В сей крайности Петр предложил через дерптского коменданта Шките о сдаче города на условие; и от Огильвия послано к Горну письмо. Но Горн не захотел и видеть дерптского коменданта, а на письмо обещал отвечать на другой день с тем, чтоб пальба меж тем была унята. Петр отвечал, что он ведает положение города и не сумневается в том, что его

возьмет, что предложение о сдаче сделал из человеколюбия, что комендант волен дать ответ, когда ему будет угодно, но что прежде того пальба не перестанет, чтоб русские не могли подумать, что унятием действия дается ему время исправить разоренное. – Между тем апроши доведены были до самого городского рва, через контрэскарп против пролома и обрушенного бастиона.

Ответ Горна, пришедший на другой день, был гордый и обидный отказ. Петр повелел его прочесть перед войском. Озлобленные солдаты требовали, чтоб их вели на приступ. Военный совет определил быть приступу.

8 августа *приступные* лестницы тайно принесены в апроши. Все гренадеры посланы туда с повелением при начале приступа метать гранаты на бастионы. Против Виктории сделана новая батарея. – 9-го армия вся выступила из лагеря к апрошам. В ров с лестницами, по повелению Петра, посланы солдаты, бывшие в бегах и заслужившие казнь. Им приказано ставить их к обрушенному бастиону, по данному знаку лестницы были поставлены, и солдаты под начальством генерал-поручика Шенбека и генерал-майоров Чамберса и Шарфа полезли со всех сторон на стены. Осажденные открыли огонь, взорвали подкоп и осыпали русских бочками, бревнами и каменьями. Русские не хладели и в три четверти часа со всех сторон взошли на стены и погнали шведов до самого *старого города*, куда Горн скрылся вместе с ними. Он запер ворота и в знак сдачи повелел ударить в барабаны. Но рассвирепевшие солдаты ничего не слышали; Горн сам кулаками бил в барабан. Солдаты наши лезли на стену и кололи шведских барабанщиков. Другие устремились за бегущими до самых Ивангородских ворот и менее нежели в два часа овладели всеми около него укреплениями. В Нарве поднялся грабеж. Солдаты били по улицам всех, кто им ни попадался, не слушая начальников, повелевающих пощаду. Петр кинулся между ими с обнаженной шпагою и заколол двух ослушников. Потом, сев на коня, обскакал нарвские улицы, грозно повелевая прекратить убийства и грабеж, расставил повсюду караулы (особенно по

церквам и лучшим домам) и прибыл к ратуше, наполненной трепещущими гражданами. Петр, между ими увидев и Горна, в жару своем дал ему пощечину, и сказал с гневом: «Не ты ли всему виноват? не имея никакой надежды на помочь, никакого средства к спасению города, не мог ты давно уже выставить белого флага?» – Потом, показывая шпагу, обагренную кровью, «смотри, – продолжал он, – эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтобы <удержать> бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством».

До 15 августа Петр трудился о установлении порядка в городе и о безопасности жителей. В сей день Петр принес благодарственный молебен при троекратной пушечной пальбе. 16-го сдался и Иван-город. Петр дозволил гарнизону выйти без знамен и барабанов. Часть их провожена сухим путем, вторая морем в Ревель. Третья – в Выборг.

В Нарве взято пушек, мортир и гаубиц 425, фальконетов и дробовиков 82, ружей 11 200 etc. (2 000 000 пуль (?)).

В плен взято: генерал-майор Горн, 5 полковников, 4 подполковника, 5 майоров, 97 обер-офицеров, 125 артиллерийских офицеров и служителей, 1600 <солдат> (коих в начале осады было 4555).

В Иван-городе пушек взято 95, мортир и дробовиков 33 etc.

Наших побито: 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор, 6 обер-офицеров; унтер-офицеров и рядовых 350, ранено: 6 штаб-офицеров, 26 обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых 1406.

Шлиппенбах, шедший к Нарве, разбит был генерал-майором Реном: из 2800 его конницы спаслося 400. Полковник, несколько офицеров и две пушки взяты (во время Нарвской осады).

Меншиков в то же время послан был из-под Нарвы в Польшу для ободрения стороны, доброжелательствующей Августу, также и для осмотрения войск, отправленных из

Киева, под начальством Паткуля, в помочь Августу. Меншиков ободрил начальников Сендомирской конфедерации, обещав им помощь Петра, и возвратился под Нарву. Он был пожалован губернатором нарвским. На взятие сего города выбиты были две медали и розданы чиновным людям, бывшим при осаде.

Карл XII скрежетал, но не хотел оставить Польши, не свергнув прежде короля Августа. Он самовластно правил в Польше; примас, многие из знатных и *лютеране* были на его стороне. Он несколько раз побеждал саксонское войско, артиллерию и контрибуцию пересылал в Швецию и содержал на счет Польши свои войска. В 1703, июня 19, король на сейме, в присутствии хитрого примаса, усиленный представлениями Петра, установил все по-своему. Но собрание варшавское (1704, февраля 14), где первенствовал примас, заключило низложить Августа. Карл предложил в короли Якова Собиеского. В том же месяце краковское собрание уничтожило положения варшавского (состоявшего из 10 сенаторов и из депутатов двух воеводств: Великопольского и Мазовецкого), члены оного объявлены бунтовщиками. Составилась особая, Сендомирская конфедерация, в пользу Августа. Петр ободрил ее через письмо. Яков Собиеский схвачен был саксонцами и увезен ими в Лейпциг. Большая часть коронной армии присоединилась также к Августу. Карл повелел Рейншильду и Левенгаупту предавать все в Польше огню и мечу и принудил малую Польшу и шляхетство литовское пристать к конфедерации, противной Августу. Поляки просили мира. Карл (14 апреля) повелел им избрать нового короля, обещая вывести войско свое etc. 2 мая примас обнародовал междуцарствие и для избрания короля назначил быть собранию в Варшаве к 19 июня. Август протестовал. Сендомирская конфедерация усилилась. Она объявила примаса, епископа познанского и маршала варшавского изменниками; прочим дала 14 дней сроку одуматься. Варшавский сейм был не согласен. Примас желал избрать Любомирского или кого из французских принцев. Но Карл назначил неожиданно Станислава Лещинского и приближил

войска к Варшаве. Поляки испугались, и 12 июля избран Станислав 30-ю или 40 шляхтичами, и то одной Великопольской провинции. Сендомирская конфедерация осталась во всей своей силе. Петр ободрял ее через Меншикова. 28 июля они протестовали против избрания Станислава, объявив участников в оном врагами отечества.

Август и Речь Посполитая прислали к Петру уполномоченным послом Дзялинского. Вслед прибыл и полный гетман литовский Огинский и *стражник* Заранок с просьбой о помощи. Петр 19 августа заключил с Августом четвертый трактат, обязавшись дать ему еще 12 000 на своем иждивении. Речь Посполитая обещалась к будущему 1705 <году> выставить 21 800 конницы и 26 200 пехоты во все продолжение войны. В случае вытеснения шведов из Польши войско должно было быть перенесено внутрь Швеции, и тогда до конца войны Петр ежегодно обязывался давать по 200 000 руб. – По заключению уже договора Дзялинский успел выпросить у Петра еще 12 000 войска (пехоты и конницы). Репнин с оным и отправился в Польшу. Если верить венецианскому историку, Август сам приезжал в Нарву и Петр обещал ему по завоевании Лифляндии отдать Речи Посполитой те города, кои некогда принадлежали Польше; наши летописцы о том молчат.

Петр того 19 августа со всеми своими генералами отправился в Дерпт. Оттуда, отпустив их обратно в Нарву, поехал один во Псков, Новгород, Ладогу (повелев переселить в нее жителей из Старой Ладоги и учредя в ней пристань для товаров, идущих в Петербург водой и сухим путем), оттоле на Олонецкую верфь. Там нашел шесть фрегатов и девять шнав, почти уже готовых, спустил их при себе, заложил новый корабль и 1-го октября с сими фрегатами и шнавами отправился в Петербург.

Тут заложил он адмиралтейскую верфь и крепость (?).

(Анекдот о якорном мастере и его подмастерье, которого Петр велел высечь за неблагодарность).

12-го ноября Петр прибыл в Нарву, куда из Петербурга приехал и турецкий посол для прощальной аудиенции. Петр

дал ему грамоту к султану; на требования его ответствовано послу, что государь на своей земле волен, как султан на своей; что крепости около Азова и флот строятся не вопреки договора и что подробное объяснение обо всем подаст министр наш Толстой. Султан не возражал, и в тот же год воспоследовало разграничение земель.

Комиссары при сем были: азовский губернатор Толстой и Хасян-паша, положено быть границей от Азова 10 часов (50 верст).

Петр недоволен был за что-то братом адмирала Апраксина и писал о том сему последнему (Голиков. Ч. II – 156).

Отряженный от князя Репнина полковник Флюк, соединясь с гетманом Вишневецким, напал на Сапегу, разбил конницу, несколько сот пехоты и шесть пушек взял.

При выезде своем из Нарвы в Москву Петр повелел генерал-майору от артиллерии Якову Брюсу в Нарве и в Петербурге прибавить военных снарядов (7000 трехпудовых и 700 девятипудовых бомб, а артиллеристов умножить 600 человек).

Петр в Вышнем Волочке остановился, осмотрел реки Тверцу и Мсту и определил соединить их, а тем и Балтийское с Каспийским, открыл таким образом Индии путь в Петербург. Он тут же повелел начать работу и сделал все нужные учреждения.

14 декабря имел он торжественный въезд в Москву – было семь триумфальных ворот (из коих одни сооружены Меншиковым, пожалованным тогда же в генерал-поручики). Ведены были генерал-майор Горн и 159 офицеров, несено 40 знамен и 14 морских флагов, везено 80 пушек. При одних воротах митрополит Стефан Яворский говорил речь, при других – ректор Заиконоспасской Академии с учителями и с учениками. Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями.

Тогда же изданы географические карты, в коих Петр предозначил будущие границы России («Ежемесячные сочинения», 1761 г. Ч. II – 429).

Указы 1704 (57)

Повелено воеводам с понятыми переписать перевозы, рыбные ловли etc. для точного узнания доходов.

Подтверждается ненаказание смертью (люди были нужны).

Приказано стольнику Синявину покупать на казну по 300 пудов ревеню в Сибири (ревень – монополия).

О постройке бань в Новгороде и Пскове – и о отдаче оных в оброк. (Петр почитал бани лекарством; учредив все врачебные распоряжения для войска, он ничего такого не сделал для народа, говоря: «*с них довольно и бани*») (Медик Соншес, с. 46).

Устав о банном сборе, 13 статей.

С бань брать оброк с бояр, окольничих, думных <людей> и гостей – три рубля; со стольников и со всяких служилых, с помещиков и вотчинников, с церковных причетников etc. по одному р.; с крестьян, казаков и стрельцов по 15 коп. *в год.*

О ведении рыбных ловель в Семеновском приказе.

О пошлинах с пчелиных заводов etc.

О пошлинах со свадеб, с венечных памятей etc.

О строении в Кремле и в Китае-гроде каменного строения по улицам и переулкам, *а не посреди дворов* – деревянные продать.

О пошлинах с крепостей.

О мельничном сборе (в Семеновском приказе).

Устав о том 18 статей.

(NB брать четвертую долю доходов в казну.) Хлеба не молоть без *помолных* денег etc.

О оброке на рыбные ловли.

Устав о рыбной ловле, 41 статья. (Рыбная ловля в ведении Ингерманландской канцелярии) (отселе ненависть казаков к Меншикову.)

Обоброчить вновь рыбные ловли по 10 денег с рубля.

Пруды помещичьи – свободны.

Устав о постоялых дворах, 16 статей (четвертую долю найма в казну).

Все стоялые дома брать в казну, заплатя хозяевам что стоят.

О объявлении о беглых без утаения под смертною казнию.

Повелено быть промыслу моржовому и иных морских зверей и салу их *в компании г-на Меншикова*. NB.

О пошлине с отпускных писем.

NB. Распущенных стрельцов и их детей собрать вновь и в службу годных послать в Смоленск.

Подтверждение о немецком платье.

О невывозе иностранного табаку.

Льгота ямщикам.

NB. Об особых канцеляриях для сборов конских, рыбных, мельничных, банных, медовых и с постоялых дворов.

О даче проезжих грамот отъезжающим иноземцам.

О *казенщиках,* с ясачною казною посланных – не давать им кормовых денег etc.

1705

Петр получил известие об общем бунте башкирцев, к коим пристали татары, мещеряки etc. Поводы к оному были притеснения бывшего в Уфе комиссаром Сергеева в отыскании беглых рекрут и в забирании их лошадей. Мятежники доходили до Казани, однако были прогнаны казанским вице-губернатором Кудрявцевым (убитым в Пугачевщину на 110 году). Петр отправил боярина кн. Хованского с восемью полками для успокоения мятежа.

17 февраля в Польшу отправлены полки под начальством Меншикова. А государь с адмиралом Головиным и Апраксиным отправился в Воронеж. В день Пасхи в Таврове спущен 80 пушечный корабль «*Старый дуб*». Дано Апраксину повеление <к> 1706 году к марту изготовить 36 военных кораблей,

семь бомбардирских и три брандера; построить около работ корабельных крепость по данному плану; вымерить глубину всего Дона и приискать удобное место для верфи.

Построить в Романовском уезде по реке Воронеже Липский железный завод, приписав в ведомство адмиралтейское (что скоро и исполнено, и государь на нем сам ковал якори etc.).

Тут же повелел государь Шереметеву не вступать с неприятелем в генеральное сражение, но вредить ему всячески при переправах и трудных местах и действовать с согласия Огильвия и Паткуля.

19 апреля Петр уехал в Москву.

Там получил он <известие> о победе генерала Рена над тремя отрядами шведов и поляков. Он повелел Шереметеву стать между Полоцком и Брестом; Огильвию – о сближении с главным корпусом; Паткулю – то же. (Уведомляет Огильвия, что мосты, понтоны, рогатки etc. отправлены.) Петр собрался ехать в Польшу, но 5 мая занемог лихорадкою – и успел выехать не прежде, как в конце мая. По пути к Полоцку, осматривая сад и костел в местечке *Микалишки* у пана Брестовского, получил он известие о том, что шведы морем и сухим путем идут к Петербургу; Петр отправил туда Меншикова, но сей скоро возвратился, узнав на дороге, что шведы уже прогнаны.

Шведский флот, состоявший из 22 военных кораблей (от 54 до 64 пушек), 2 брандеров, 2 бомбардирных кораблей и 2 судов о 40 пушках, приходил под Котлин остров под командой адмирала Анкерштерна, вице-адмирала де Пруа и шаутбенахта Шпара. Но вице-адмирал Крейс их отбил, а высадку на Котлине полковник Толбухин, лежавший в закрытии, побил, прогнал и перетопил, так что волнами прибитых к берегу тел сочтено до 950. Пленных взято 7 офицеров и 59 унтер-офицеров и рядовых, по их словам, побито более 1000 (по Феофану, более 2000). У нас убито 46 да ранено 88. Эскадра наша состояла из восьми кораблей о 24 пушках и четырех шнав о 12 пушках, двух брандеров и семи больших галер. Шведский флот удалился в море. Крейс погнался было за

ним, но в $2^1/_2$ милях от острова, за сильным ветром, мешавшим галерам идти на гребле, возвратился.

Генерал-майор Менгден в то же время с 10 000 войска приближился к Петербургу. – Но обер-комендант Брюс прогнал его. Менгден близ Шлиссельбурга (?) соединил свои силы и перешел Неву, но снова был прогнан. Он остановился у одной пильной мельницы, в коей сидело 200 русских солдат. Он выстроил батарею и требовал их сдачи. Но русские отсиделись и троекратный приступ его отбили.

В Полоцке Петр нашел Шереметева, Огильвия и Репнина уже соединившимися. В военном совете положено:

Шереметеву с генерал-поручиками Чамберсом и Розеном идти в Курляндию на Левенгаупта, дабы отрезать его от Риги, и для того идти *одной коннице* (11 полков) и как можно скорее (или всем на подводах?). Если Левенгаупт будет отрезан и, избегая сражения, пойдет в Польшу, то идти за ним. (От Польши же отрезан он Реном и Паткулем). Если же Левенгаупт засядет в Митаве и в Боуску, то осадить его. А потом идти в Гродно и запастись там провиантом. Войску под смертной казнию запрещено жителей обижать.

Петр повелел провиантскому начальнику Ромодановскому (не князю), когда войско тронется, продавать вино от казны – не допуская к тому польских шинкарей. Полякам же позволить продажу других напитков, но в обозе и за караулом.

1 июля Петр с главным корпусом выступил к Вильне. С похода прислал он Рену повеление, чтоб он в Гродно не шел, ибо Левенгаупт пробирается в Литву; но стал бы около Ковны. Если же Левенгаупт подлинно пойдет на соединение с Карлом XII, то чтобы Рен, соединясь с саксонским войском, старался до того не допустить; Петр обещал прислать к нему несколько еще пехоты.

Между тем государь писал к Апраксину о переделке кораблей, к Стрешневу – о посылке в Ингрию новоприборных солдат etc.

Петр прибыл в Вильну 15 июля и писал два письма к Апраксину и к корабельному мастеру Скляеву о кораблях,

о их украшениях, о том, что нельзя ли будет спустить их и прежде весны, о запрещении жечь степи, яко о порче лесам, о деле калмыков с казаками etc., о двух счастливых делах в Ингрии и Курляндии etc.

Шереметев 11 июля отправил к Митаве генерал-майора Боура с 1400 войска. Боур до солнечного восхода нечаянно напал на предместия и до 100 неприятелей побил; предводитель едва сам спасся. Взято в плен шесть офицеров, унтер-офицеров и рядовых 72, знамен восемь, две пушки. После того Боур отступил и снова соединился с Шереметевым. Петр благодарил за то Шереметева, повелевая ему не выпускать Левенгаупта из рук. Он писал о том и к Рену, повелевая ему, если Левенгаупт войдет в Пруссию, войти за ним (ибо Пруссия, будучи нейтральна, впустив Левенгаупта, должна будет впустить и нас).

Фельдмаршал Шереметев, преследуя Левенгаупта, сошелся с ним в Курляндии у Мур-мызы. 19-го июля произошло сражение. Из 7000 шведов пришло в Митаву не более 3000. Шведских офицеров убито 137, наших убито около 1000. Но конница наша, бросясь грабить обоз неприятельский, дала шведам удержать место сражения и взять (на другой день битвы) наши 13 пушек, тут оставленных. «Если бы, – писал Петр к Огильвию, – наши на другой день ударили, то победа была бы нам полная». Левенгаупт ночью ушел в Ригу. Петр утешал и ободрял Шереметева (узнав по слухам о его мнимом поражении) и 1-го августа, предоставя начальство над войском в Вильне Огильвию и оставя там Головина и Головкина, сам пошел в Курляндию преследовать Левенгаупта. Он повелел Шереметеву судить виновников и требовал сведений о Левенгаупте. С пути писал он к Головкину о высылке доктора Каштенца, о железных лопатках, о размене пленных через посредничество прусского короля etc.

6-го августа Петр прибыл в Биржу, отколе он писал:

1) к Рену, повелевая ему соединиться с Шереметевым в местечке Барбарах,

2) к Брюсу, чтоб он Двиною в Полоцк под новую Ригу отправил пять или более мортир.

3) Головину, чтоб он при тех мортирах отправил 500 солдат с полковником, без знамен; о том, чтоб он писал к Мазепе взять у неприятеля лошадей, коих по крайней мере нужно 5000; чтоб гетман старался Рейншильда утомить набегами; чтоб Головин приготовил в Гданск посланника etc.

10-го августа Петр соединился с драгунскими полками генерала Рена. Но узнав на пути, что Левенгаупт обессиленный, оставя Курляндию, заперся в Риге, он отправился туда и подходил под самые пушки. Три часа, невзирая на сильную пальбу из Кобор-шанца, он осматривал укрепления. Потом пошел к Митаве, где находился шведский артиллерийский магазин и сильный гарнизон. Кругом шведского войска было 12 000. Несмотря на сие, замок митавский был осажден и взят, в нем найдено 290 пушек, 58 мортир и гаубиц etc., ядер осталось 13 505, бомб – 2125 etc.

Комендант Кнорринг свидетельствовал перед сменою караулов, что тела курляндских герцогов, в погребу под церковью находившиеся, ограблены и выброшены были не русскими. Во время осады, в предосторожность от поляков, Петр писал дерптскому коменданту Нарышкину, чтоб он с инженером ехал от Пскова до Смоленска и осмотрел от Великой реки до Днепра, где возможно сделать линию; также броды, болота etc.

Шведы меж тем под Варшавою разбили наголову 7000 саксонского и польского войска под начальством несчастного Паткуля, который тут же попался в плен. Карл XII был уже там; Петр опасался, чтоб он не обратился к Лифляндии и Курляндии и повелел Огильвию укрепить город Тикотин и самому около *Гродни* осмотреть мосты etc. (ибо город сей был очень нам нужен, как важный пост от Неменя), чтоб он не со спехом приближился с драгунами к Тикотину для соединения с саксонцами. А сему-де есть еще время, ибо Карл XII, вероятно, в Варшаве промешкает. Там происходили договоры о короновании Станислава.

Подполковник Ифлант разбил шведского наездника подполковника Лоренса (60 офицеров и 200 драгун).

Петр во время осады писал шесть писем к канцлеру Головину: о том, чтоб отказать Августу в просьбе его о деньгах, коих в том году получил он уже довольно, что шведское войско раздвоено, что против Августа действует один Рейншильд, Карл же занят в Варшаве; повелевает Мазепе всю контрибуцию отдавать в казну; по письму Хилкова протестовать при всех дворах; чтоб гетман действовал, пока нет еще противу его сильного войска; что может он напасть на генерала Стромберга, у коего всего 3000 войска. Уведомляет, что граф Трунсель и князь саксонский Вейсенфельс хотят в нашу службу; генерал-поручика Шенбека отпустить (NB *замечание кн. Щербатова об иностранцах*).

К Шереметеву Петр писал, требуя артиллерии, пороху к Друе и 150 пудов песку в Митаву etc.

Меншикову, уведомляя его об действиях, повелевает в Польше всячески мешать усилению войска шведского, дабы не принуждены были снять осаду Митавы. Негодует на Августа, который не пользуется расторжением шведского войска etc.

Огильвию (в трех письмах) советует соединиться (с кем?), 1) артиллерию, провиант etc. в Гродне положить на суда, 2) коннице и четырем батальонам соединиться с Шуленбургом у Тикотина, и когда неприятель пойдет сильно, то провиант отправить в Вильну, а оттоле в Ковно. А что меж тем государь Митаву возьмет. Деньги приказал он раздать саксонцам по рукам, а не начальникам, дабы не сделали они, как Паткуль, взяв деньги, истратил их на провиант, который можно взять было даром etc.

Взятие Митавы было для нас важно, ибо неприятель тем отрезан был от Лифляндии; и нам далее в *Польшу безопасен есть* (письмо Петра к Ромодановскому).

Из-под Митавы Петр отправил к крепости Боуск бомбардирского капитан-поручика Керхина и полковника Балка с двумя пехотными и одним драгунским полками, предписав первому, в случае сильной обороны, уговаривать к сдаче на капитуляцию; в противном случае – на *дискрецию* etc.

Крепость сдалась почти без супротивления на *акорд*; Петр был недоволен условиями и писал, что если они еще не

подписаны, то требовать сдачи на дискрецию. Но все было уже кончено, и гарнизон, как и митавский, отпустили в Ригу. Пушек в Боуске было 58.

На взятие Митавы выбита медаль.

В сие время Петр получил от боярина князя Бориса Алексеевича Голицына, начальника Казанского дворца (из Москвы), известие о новом возмущении.

30 июля в ночи астраханские стрельцы взбунтовались; убили воеводу Ржевского с его детьми и до 300 дворян. – Вскоре потом Петр узнал, что к ним пристали стрельцы Красного и Черного Яру и пошли под Царицын, от коего, однако ж, отбиты, что, глядя на них, взбунтовали гребенские казаки и стрельцы терские, которые убили полковника своего Некрасова, и что от них посланные хотели взбунтовать Дон и Яик, оставшиеся, однако, верными. Из Москвы послан был противу их боярин кн. Хованский с войском из дворян.

Петр тотчас отправил на усмирение стрельцов самого Шереметева, приобщив к нему окольничего Петра Апраксина с *его* полком; вслед за ним отправлен Щепотьев, с дополнительными наставлениями.

11 октября из Гродни Петр послал увещевательную грамоту в Астрахань, жителям.

Петр писал к Шереметеву, как ему в походе и в деле с бунтовщиками поступать. С черноярцами и другими повелевал обходиться без жестокости, дабы тем не устрашить и не воспламенить астраханцев. Заняв Астрахань, обнародовать милость, а над заводчиками без указу казни не чинить.

1706, января 3, бунтовщики, получа царскую грамоту, пришли в раскаяние и послали от себя с повинною восемь человек единомышленников. Петр, по обещанию своему, даровал им простительную грамоту и семь человек отослал к Шереметеву, повелевая задержать их в случае неверности в астраханцах.

Между тем сии последние возмутились пуще прежнего. Тамошний архиерей Самсон и наместник Троицка Дашков уведомили о том Шереметева. Шереметев удержал выборных. Злодеи, не допустив его до Астрахани, снова прислали к нему с повинною; их обнадежили в царской милости и отпустили с повелением в знак раскаяния встретить фельдмаршала под Астраханью (без оружия?). Мятежники не послушались – заперлись в городе, расставили по стенам пушки, роздали всем ружья и порох, выжгли предместие и меж собою присягою утвердили обещание обороняться до смерти.

Шереметев занял Ивановский монастырь. Мятежники окружили его и стали бомбардировать; к ним из города подоспела помощь с пушками и знаменами. Шереметев дождался своих полков и, вышед из монастыря, первыми выстрелами принудил их отступить; мятежники бросили свои пушки, побежали, разметали мосты и в городе оборонялись отчаянно. Шереметев взял приступом земляной вал, овладел пушками и осадил каменный город; отбитый сильною пальбою, он отступил и принужден был город бомбардировать. Наконец мятежники вышли с повинною. 13 марта Шереметев вошел в город со всею, однако ж, осторожностию.

Заводчик бунта Носов и 273 человека отосланы в Москву, остальные прощены.

Предлогом бунта было Православие, угрожаемое погибелию через бритье бород и немецкое платье. Намерение их было идти на Москву, разорить ее, побить всех правителей, немцев, офицеров и солдат, отомстив тем за казни 1698 года, а потом бить челом государю, *чтоб велел быть старой вере.*

За утушение семимесячного бунта принес Богу благодарение, уподобив оное важнейшей победе (*см. письма его к Шереметеву и к Апраксину*).

По совершенному усмирению сего бунта Шереметев, оставя в Астрахани воеводою кн. Хованского, возвратился к Петру в Киев. Государь пожаловал тогда его графом и сына его Михаила Борисовича полковником.

1705—1706

Обратимся к воинским делам:

По взятии Митавского замка и по очищении всей Курляндии, 12-го сентября Петр отправился в Гродню. В Митаве оставил он генерал-майора Боура с несколькими кавалерийскими полками, комендантом в замке бригадира Айгустова, дав повеление: первому – заняться укреплением замка, другому – отыскать погреб для безопасного хранения пороху, и на осады от Левенгаупта собрать жерновых и других каменьев. Огромную митавскую артиллерию повелел отправить в Москву по зимнему пути.

Огильвию со всеми полками повелел быть в Гродню, куда приказал следовать и Репнину.

Близ Ковны Петр осматривал католический монастырь.

16-го государь прибыл в Гродню.

Ромодановскому писано присланных от донских казаков астраханских возмутителей держать под караулом и проч. (*Голикова примечание. Ч. II – 196*). NB.

22-го сентября в Тикотине смотрел саксонское войско Шуленбурга и литовский корпус, стоявший недалеко. 2-го октября Петр возвратился в Гродню, оставя в Тикотине Меншикова с частью кавалерии для поиску над шведами, под Варшавой стоящими.

Войску определены зимние квартиры.

(Анекдот о плачущей иконе, рассказанный гр. Алексеем Петровичем Бестужевым.)

(Слова Петра из Давида: «*Светильник стезям моим закон Твой, Боже*!»)

Карл меж тем короновал торжественно Станислава Лещинского и заключил с конфедератами союз противу России.

Отряженный от Меншикова полковник Горбов с 500 русскими и 200 саксонцами у р. Вислы разбил поляков.

С ним соединился и польский генерал-майор Синицкий, также отряженный Меншиковым; оба в Праге порубили гвардию Станислава и отступили за неимением пороху, разбив прежде тут же 700 шведов при переправе через реку. Получив порох от подоспевшего полковника Гейскина, вновь обратились они на неприятеля, который ушел в укрепленные места. 1 полковник, 12 офицеров, 362 унтер-офицера и рядовых, 4 пушки, 6 знамен гвардии взято нами. У нас убито: 1 капитан и 13 рядовых.

Петр от Ромодановского потребовал присылки возмутителей астраханских и стрелецких полковников, бывших в Азовском походе (без отговорок), также о станках, о слоновой кости и о дереве etc.

Курбатов и Ершов, *одни из нижайших его подданных* (слова кн. Щербатова), советами своими доставили нуждающемуся в деньгах государю способы оные достать (какие способы? монополия? притеснения?..). Они пользовались его доверенностию. Курбатову сообщал он жалобу английского посла о забранных его пожитках и запечатанных от ратуши в анбаре Гутвелеве, повелевая Курбатову извиниться и вещи возвратить.

В Архангельск к Стельсу писал он о позволении, данном английскою королевою, нанимать мастеровых etc., приказывает выписать 150 шапок кожаных и приделать к каждой перья, как у старинных железных бывали etc.

К Огинскому, чтоб он поступил по предложению Мнишка.

Кн. Борису Алексеевичу Голицыну, чтоб он наградил царицынцев за верность, *также и калмыков* мягкой рухлядью и чтобы он на Терек послал грамоту к черкасским князьям, требуя их содействия в усмирении стрельцов etc.

Виц-адмиралу Крейсу Петр писал подробно о строении кораблей, об укреплении Котлина, Выборга и Кексгольма, выговаривал за то, что учение молодых матросов пренебрежено под предлогом, что «все корабли и шнавы (кроме двух) негодны к ходу». «Но сие, – пишет Петр, – есть великой важности, и я буду оное свидетельствовать, ибо не до-

бро есть брать серебро, а дела делать свинцовые». (*Тетради записные,* с. 37.)

13 октября Петр был в Тикотине, оттоле в местечке Нур. Отселе послал в Митаву Боуру повеление о запасе провианта и о сборе оного с курляндцев *не добром, так силою*, о укреплении скорейшем крепости палисадами, о повелении литовскому войску о соединении с нашим на зимовье, а Розену быть не мешкая в Гродню etc.

Продолжение переписки с Крейсом; государь все еще был им недоволен.

Также Огильвию, Репнину и поручику Писареву о разных воинских распоряжениях.

В Тикотин прибыл Август. Петр, утешая его, подарил ему шведские знамена. Оба государя в Гродне присутствовали при учении полков. Август дал Меншикову орден Белого орла. Петр чертил планы кораблям etc., etc.

Письмо Стрешневу Петр заключает сим: «Писать рад, только истинно не всегда досуг; ибо во все свое время столько не переездил верхом и прочие перенес тягости, как сей год в сей проклятой земле».

«*Понеже*, – пишет он в другом письме, – *подводчики разбежались, которые были у солдатских и артиллерийских подвод – и впредь быть им и держать оных зело трудно*», то из рекрут выслать нужное число, дав им серые кафтаны etc. и по 5 рубл. жалования, а число их в 3700 чел. etc.

На содержание саксонского войска отпустить 160 000 рублей.

Азовскому губернатору пишет о чертеже крепости, об унятии калмыков, нападающих на татар, etc.

NB. Бутурлину о удержании посылки в низовые города указов о бритии бород и о немецком платье etc.

К Боуру (между прочим) о сборе с Курляндии рекрут 1894 человек, с 10 дымов по человеку и чтоб, когда станет Двина, шел он разорить Рижский уезд.

К Курбатову о учинении в Архангельске браковщиков.

В Петербург к Ивану Матвеевичу (?) *о изведении воды к фонтанам и чтоб перебить ту речку, которая идет мимо моего двора.*

Петр поручил в полную власть корпус Огильвия и Репнина – Августу (*Указ Огильвию 5-го декабря).* Пожаловал Меншикова генералом над кавалерией, простился с королем и 7 декабря поехал в Москву, куда с торжеством и въехал 19 декабря.

В тот же день писал он Меншикову, что в случае, если то правда, что Карл намерен идти к Гродне, то приготовить на станциях от 15 до 20 лошадей для него. Рекрут в Польшу отправил Петр 4000, в Смоленск – 9000, к Рену – 500 (?), к Боуру – 3000. Меж тем осмотрел он фабрики etc., был весьма доволен и над суконными фабриками директором и попечителем учинил Меншикова; «*из сих сукон*, – пишет он к Меншикову, – *и я сделал кафтан к празднику*».

В Ингрию Брюсу – повелел двум полкам из Шалонской и Вотской пятины идти во Псков – и подтвердил Розену по зимнему пути идти в Финляндию, не дожидаясь Меншикова.

Указы 1705 (61)

Пошлина с бань уменьшена (вместо рубля – 50 коп., вместо 15 коп. – 10).

Пошлин на бороды с царедворцев и дворян etc. – 60 рубл., с гостей *1-й статьи* – по 100 (?), *с средней и меньшей* (которые платят за десятые деньги менее 100 руб.), с ямщиков, с посадских и проч. – по 30 рублей, и в платеже давать им знаки.

NB. NB. Душеприказчикам никого не отпускать и отпускных не писать.

Запрещение рубить заповедные леса без челобитья.

За побег из войска из трех казнить одного по жребию – и двух бить кнутом и отсылать на каторгу. Явившихся из бегов бить кнутом и ссылать на 5 лет. Потом снова принимать.

Постоялые дворы отданы вновь хозяевам (с найма взяв четвертую долю).

К походной канцелярии брать с 20 дворов по человеку (в городах: Дмитрове, Переяславле-Залесском, Рузе и Звенигороде).

О пошлине в Ингерманландскую канцелярию с ведра и полуведра по копейке, а с кружки по деньге (вина, меда, etc.).

Разные торговые постановления (*между прочим за затейный* донос наказание, равное тому, какое довелось бы терпеть и виновному).

О рекрутах с 20 дворов по человеку.

О знаменах на торговых судах по рекам.

О присылке в Приказ военных дел списков фельдмаршалам, генералам и всем офицерам для подлинного написания в журнале.

О даче жалования Вейдову полку и Бутырскому за их поход в Троицкий монастырь в 1698 году. NB.

О табаке *витом* и *тертом* и о черкасском.

И продавать табак целовальникам и кабацким бурмистрам по 25 коп. (?) фунт (фунтовой), а *витой* – по 2 коп. аршин.

О клаже в тертый табак золы на фунт по фунту и 38 золотников, бумаги на обертку 56 золотников, итого привесу на 1 ф. – 2 ф. 79 з.— продавать оный по 18 коп.

За корчемную продажу табаку описывать имение и ссылать с женами и детьми; доносителю – четвертую часть имения.

Ведавшему и не донесшему – наказание: описание половины всего имения etc., etc.

То же и за корчемную продажу вина.

О взятии под артиллерию в Смоленск с 179 дворов по две лошади; с приморских городов брать деньгами.

Ссылки установлены на 25, 20 и 15 <лет> – менее, как на три, не ссылать.

О каменном строении в Кремле и в Китай-городе, а в других частях каменных никому не строить, пока не обстроится Кремль и Китай.

О пошлине на *садки*.

О наборе конных рекрут с 80 дворов по человеку. За одного беглого брать двух, а пени по 16 руб. с человека.

О новом наборе etc. (не подтверждение ли прежнего?).

О беглых заводчиках (подводчиках?): десятого казнить, а прочих кнутом; вместо умерших от тех же дворов брать братьев, племянников etc.

О ведении царя Имеретинского людей и крестьян в Посольском приказе.

О ввозе в Москву камня и песку из городов, на 100 верст отстоящих от оной.

1706
(до 5 июля)

1706

Петр при реке Яузе повелел по собственному плану выстроить первую в России военную госпиталь (в том же году оная и была окончена). Он выписал иностранных лекарей и учредил при гошпитале анатомическое учение, обогатив театр анатомический разными *уродами* человеческими и проч., развел тут же ботанический сад, в коем сам иногда трудился.

Между тем занимался он воинскими приуготовлениями. Воинский совет, состоявший из Тихона Никитича Стрешнева, кн. Федора Алексеевича Голицына и Федора Матвеевича Апраксина, по повелению Петра послал Сумской полк в Ламов, 1 пехотный в Астрахань, в Польшу рекрут 4000 да в Воронеж два полка; кн. Юрия Долгорукова в Азов, а азовские полки в Польшу же.

Петр зимовать приказал Шереметеву в Саратове. И послал к нему в *надзиратели* (род французских commissaire de la Convention)[15)] Щепотева, дав ему особую инструкцию (тайную), Щепотеву же повелел он послать в Уфу воеводу, доброго человека, а полк из Мензелинска выслать в Муром.

Петр писал в Петербург к Брюсу, чтоб он из-под Пскова послал два полка (куда?) и сообщил бы к ним своего войска;

пленных же из Нарвы (от капитана и ниже) послать в Москву, а от майора и выше – в разные города.

Розену писал он гневное письмо, негодуя на его сонность; ибо неприятель безопасно разоряет Дерптский и Псковский уезды etc., etc.

Петр наконец получил от Меншикова уведомление (12 января), что Карл идет к Гродне. 13-го Петр уехал, уведомив Меншикова, что чрез неделю прибудет etc.

На каждой станции Петр писал письма, из Вязьмы – к Меншикову и адмиралу Головину, из Смоленска – к Долгорукому, торопя его быть с Преображенским полком в Смоленск; Меншикову, чтоб он уступал к Вильне; из Дубровны – к смоленскому губернатору Салтыкову о вооружении шляхты etc., к Шереметеву, к Нарышкину – о плане дороги от Смоленска до Пскова etc., etc.

25 января в Дубровне Петра встретил Меншиков с донесением, что Гродню осадил король. 14-го и 15-го, по показанию шведских историков, русские при переправе его через Немен были побиты и отступили. (Сие было по повелению Петра, не хотевшего в Польше сразиться с Карлом.) Голиков оспоривает и сие показание.

Август, услыша о намерении Карла, уехал в Саксонию со своим войском и с четырьмя нашими драгунскими полками.

В Гродне осталось: главный пехотный корпус да два конных полка. В провианте нуждались.

Карл быстрым приходом пресек всякое сообщение с генерал-поручиком Реном, с идущими из Курляндии шестью драгунскими полками при генерал-майоре Боуре – наконец и самому Петру.

Петр, остановясь в Дубровне и с воинского совету, послал в Митаву чрез Александра Кикина – повеление Боуру и Розену не отлучаться далеко от Митавы; Репнину быть осторожну и, буде король станет дожидаться Рейншильда, то б непременно отступить.

Услыша, что Карл хочет уж идти к Вильне, Петр писал другое письмо к Кикину, повелевая до того короля не допу-

скать; если же того не возможно будет, то, замки Митавский и Боуский подорвав, идти – пехоте в Полоцк, а коннице – вслед за Левенгауптом и мешать ему соединиться с Карлом; и потом соединиться с гродненским нашим войском. Артиллерию же отпустить заранее в нашу границу.

NB. Кикин был тогда в малом чине. В 1696 году послан он был в Амстердам обучаться мачтовому делу. В 1705 году был он сержантом в гвардии. Он был в числе *надзорщиков*, как и Румянцев, Ушаков, Волков, Писарев, Щепотев, Пискорский etc.

Петр кн. Радзивилла просил о доставлении в Гродню провианта.

Астраханские дела поручил Стрешневу и Апраксину, повелев им распечатывать письма Шереметева.

Мазепе повелел ближиться к Минску, отрядив две доли своей конницы вперед (Карл при себе конницы не имел).

Огильвию Петр пенял за его недоумение. Он повелевал ему, буде саксонское войско приближается и буде провианту достаточно, оставаться в Гродне; в противном случае отступить к русской границе, не упуская времени, ибо Карл если идет к Вильне, то уже почти отрезал войско наше от границ.

(*Собственные слова Петра*. Голиков. Ч. II – 235.)

Огильвий жалуется. Петр за то ему пеняет, но и обнадеживает своею милостию.

Казанскому вице-губернатору Кудрявцеву пишет о порядке сбору податей *ради астраханского смятения.*

Графу Головину *советует* взять из Петербурга капитана Рейса, 25 немецких и 75 русских матросов, послать в Казань, выбрать там пять судов (из шмаков и катов) и, поставя на них по 8 или 12 пушек, сплыть к Царицыну по вскрытии рек, что лучше будет 10 000 войска. В Казань же послать 500 замосковных рекрут в команду Кудрявцеву etc.

В Смоленске Петр пробыл три дня, будучи чрезвычайно занят. 4-го февраля прибыл он в Оршу и, слыша, что Карл от Гродни отбит или отступил, пишет о том гвардии майору Керхину, повелевая ему точные доставить сведения etc.

К князю Репнину, стоящему в Орше, пишет он, что если Карл отошел и можно будет нашим отступить, то шли бы к своим рубежам, а тяжелую артиллерию разорвав потопили; если же взятые Августом четыре полка не далеки еще, то и их взять бы с собою. Петр заключает: *«О, зело нам печально, что мы не могли к вам доехать и в какой мысли ныне мы есмь, то Богу единому известно»* etc.

Огильвию повторяет он то же. Уведомляет его, что в Орше и в Минске не более 2000 солдат, поставленных (по предписанию Огильвия) на самой границе, почему и прибыть не могли, что гетман скоро прибудет; обещает разобрать дело его с генерал-поручиком Репом, повелевает *шпионку* не казнить, для открытия других шпионов.

«*О дворянах*, – пишете вы, – *20 000 поставить на рубежах? сие зело удивительно; где их взять? то же и о 50 000 нового войска; воистину легко писать и указывать, а самому не делать*».

К Августу пишет не оставить войско в Гродне, в столь великой опасности.

Благодарил за верность Огинского и Вишневецкого.

В Митаву к Кикину и Розену повелевает не взрывать крепостей, покаместь Карл не вступил в Вильну. Огильвия не слушать, артиллерию отправить в Россию etc.

Здесь Петр узнал о раскаянии астраханских бунтовщиков. Петр принес благодарственный молебен при пушечной *вечерней* пальбе; и писал о том Августу и всем своим начальникам.

Головину Петр повелел прислать к себе в Польшу астраханских депутатов; и простительную грамоту написал *манеров на пять*, но все в едином смысле: чтоб они вины свои заслужили. Хованскому повелевал ввести в Астрахань два или три полка, *только не* Бильсова, не Абрамова и не фельдмаршалова (?).

Щепотеву давал наставление, как обходиться с присланными к Шереметеву из Астрахани двумя человеками: осторожно, но с *почтением* etc.

Войско гродненское было отрезано и окружено. Поручик гвардии Яковлев, одевшись польским мужиком, доставил в Гродно государевы письма.

Петр боялся сразиться в Польше с Карлом, ибо в случае неудачи опасался легкомыслия и перемены в своих союзниках.

Петр получил от Августа, через министра его Аренштета, объяснение странного поведения его. Август писал:

1) что Гродно оставил он, уехав за помощью. (Петр собственноручно приписал: «За сие благодарствуем, однако ж не без сомнения, дондеже делом сие исполнится».)

2) Что, вероятно, король шведский в Россию зимою не вторгнется. Петр отвечал: «Не знаем; но видим, что наши от границ наших отрезаны».

3) Требует денег. Петр ответствует пространно, что не успел разведать в Москве о том, сколько может он собрать денег, что в деньгах никогда отказу не было etc.

4) Требует деньги для содержания русского войска в Саксонии и полную власть над войском. На сие государь пишет, что решение уже дано – притом жалуется на жестокие слова, которые получает вместо благодарности за дело, предпринятое им в пользу же Августа etc.

5) Король замечает: «*Дело г. Паткуля многою причиною похода короля шведского*». На сие Петр не отвечал.

Петр дал знать польским вельможам, что о завоеваниях он не помышляет, а желает единственно иметь порт на Балтийском море.

Петр послал всем начальникам, особенно гетману, приказ поспешать к Минску. И сам, дождавшись 6000 старого и новонабранного войска, отправился в Минск же, пробыл неделю в Орше, где оставил гвардии поручика Норова для заготовления магазинов.

Король, по совету Лещинского и Сапеги, приготовлялся к приступу. Советники его утверждали, что нельзя будет склонить Литву на их сторону, пока россияне будут в ней находиться. Отступил от недоконченных гродненских укреплений и, обложив Гродню, пресек всякое с нею сообщение.

Август, уехав из Гродни, поручил Шуленбургу идти на Рейншильда, стоявшего на зимних квартирах в Великой Польше. Шуленбург перешел Одер, Рейншильд вывел войско свое к Фрауштадту и, пришед на границы Шлезии, стал противу Шуленбурга, стоявшего за рекою Славою между реки и лесом. Рейншильд, дабы выманить его из крепкого сего положения, притворно стал отступать, Шуленбург вышел для его преследования и настиг его у Фрауштадта. Рейншильд, имевший у себя 15 000 войска, стеснясь, выказал оного как можно менее. Шуленбург не сумневался в победе; он имел 10 000 саксонского, 6000 русского и три баталиона французского. (Петр в письме своем говорит 30 000.)

Шуленбург правым крылом примкнул к Фрауштадту, куда поставил и французские батальоны с 12 пушками. Главный корпус составил из русских войск, а остальными саксонцами продолжил линию до деревни Рорсдорф; конницу расставил на обоих крылиях, а пехоту оградил рогатками. Рейншильд послал свою конницу и большую часть правого своего крыла к Рорсдорфу, дабы, обойдя саксонцев, напасть на них с тыла. А сам напал на французов, которые тот же час и сдались. Рейншильд обратил взятые пушки противу русских. В самое сие время отряд, обошедший саксонское войско, ударил в него с тыла, и победа была довершена. Убито саксонцев до 4000; в плен взято до 2000 со всем обозом. Правое саксонское крыло, не сразясь, бежало к Шлезии. Наши противу шведов (под начальством генерал-майора Востромирского) стояли более четырех часов. 1600 из них спаслись в Саксонию. Остальные вместе с Востромирским погибли. Сие сражение произошло 13 февраля. Русских Рейншильд приказал колоть; их клали одного на другого и кололи штыками и ножами. – Таково было повеление Карла.

(Сюда относит Голиков свои показания о жестокости шведов в 1704 году и проч. Ч. II – 254).

В Малороссии появились зажигатели, подосланные шведами; таковых же поймали и в Азове и Воронеже.

Петр прибыл в Минск 15 февраля.

Отступление нашего войска из Гродни совершилось. Заблаговременно мосты и переправы были всюду готовы и исправлены. Петр не только главным начальникам, но и баталионным командирам предписал, кому что делать. Петр с несколькими драгунами и нерегулярными тревожил неприятеля с одной стороны; с другой – Рен, с третьей – Розен у Ковна, с четвертой – Боур, с пятой – гетман, с шестой, наконец, и самые гродненские войска. Среди сих беспрестанных тревог и нападений Петр, при вскрытии Немена, вдруг повелел гродненскому войску выступить тайно и, поспешно дойдя до лесистых мест, разделиться на малые отряды и врозь продолжить отступление. Исполнение сего плана Петр поручил Меншикову и 13 марта отправился в Смоленск.

NB. (Здесь у Голикова подробное описание всему, что Петр в 28-дневное пребывание свое в Минске сделал, Ч. II, с. 259–295.)

15 марта Петр прибыл в Смоленск и тотчас, осмотрев город, повелел Головкину письменно перед мостом сделать горнверк с фланками, а по сию сторону бруствер для очищения; под пятью или семью башнями у Днепра сделать пороховые погреба; посад перенести на другое место.

К гр. Головину писал, чтоб он позаботился о Киеве, куда, вероятно, обратится неприятель.

К Стрешневу – о лошадях для конницы, пропадшей в Гродне от бескормицы, о присылке войска из Азова в Киев etc.

К Головину снова писал о кн. Трубецком, отпущенном на воды; *о разговоре* (? кого) *с Карлом*, коими он весьма доволен.

О нужном перемирии etc.

Розену и Кикину повелевает обо всем писать в Смоленск к Головкину.

Боуру (несогласному с Розеном, на коего он и доносил) приказывает собирать провиант и фураж etc.

16-го марта Петр отправился в Петербург через Торопец и Нарву.

20-го марта прибыл он в Нарву, там отпраздновал Пасху и остался до 28. – Оттоле писал он к Автоному Иванову о

работниках, определенных в Петербург, Ромодановскому – о тележках с двумя мортирцами, также о пушках etc.

К Любсу в Архангельск – благодарит за кафтаны, требует красного сукна, колбас, два или три буера etc.

В Смоленск Головкину приказывал обнародовать королевские письма к Аренштету; чтоб через него присылаемые к государю письма он распечатывал и делал, где можно, свои распоряжения etc.

1 апреля Петр прибыл в Петербург.

Уже адмиралтейство, кронверк, аптека, подзорный дворец, многие дома, также кофейный, трактирный и два питейные, называемые явстреями, были выстроены. Все сии здания были вначале брусчатые, мазанковые. (*Описание С.-Петербурга*, с. 158.)

Петр все корабли свои вывел к Котлину, где осмотрел все работы, сделал похороны шаутбенахту Рейсу, отобедал у Крейса, возвратясь в Петербург, занялся делами, писал всем начальникам войск и воеводам о затмении, долженствовавшем быть 1 мая, для расславления о том в суеверном народе etc.

В апреле же писал он в Дерпт Нарышкину о засеках по линии, о вооружении крестьян косами, о поголовной работе для укрепления городов etc.

Благодарил Шереметева за усмирение бунта, также и Щепотева, и звал к себе.

Стрешневу, чтоб бежавших из Азова шведских солдат отдал вечно на каторгу, а сержанта их повесил. Опробовал присланные рогатины. *Ибо все то пика, чем заколоть можно.* В Смоленск над солдатами определил *годных из царедворцев* etc.

Быховскому коменданту повелевает допустить туда Мазепу, в случае ослушания повелевает гетману бомбардировать город.

Меншикову об Астрахани: злодеев было в городе более 10 000; а наших всего 3000 – однако etc.

Петр ездил в Копорье, оттуда в Котлин. Там на корабле «Элефанте» получил от Меншикова известие, что войско из

Гродни со всею артиллериею благополучно вышло и уже переправилось за Припять и что Карл погнался было за ним, но по трудности пути не мог уже его достигнуть.

Петр день сей *сделал торжественным*, благодарил Меншикова и повелел через князя Долгорукова объявить негодующим полякам, что пушки вывезены из Бродов потому, чтоб они не попались шведам, ибо город сей принадлежит воеводе киевскому, их союзнику[16)]. Пушки же повелевает отослать в польские крепости – Могилев и Быхов.

Головкину в Смоленск пишет он, чтоб конница не ходила в Минск, чтоб Розен остался в Смоленске, что в Петербурге все хорошо и весело, а что о неприятеле нет и слуху.

3 мая заложена в С.-Петербурге каменная крепость; первый камень оной положил митрополит Стефан рязанский, а другой – сам государь. По случаю сему выбита медаль.

4-го мая повелел Мазепе вывести свое войско домой, и *по траве* занял бы снова заграничные места.

Петр повелел графу Головину быть в Петербурге и приказал адмиралтейству принять его с тою почестию, какою водится в Венеции.

К Апраксину писал о корабельных работниках.

В Амстердам о 10 000 бочках смолы.

В Ладогу к Порошину о присылке пушек.

В Новгород к коменданту Татищеву о разыскании, кто бил инженера Бреклина etc.

В Дерпт Нарышкину о выводе рекою Амовжею двух шкут, против Гдова.

NB. Стрешневу повелел устарелых и увечных дворянских детей отсылать учиться по своим домам, взяв их людей вместо их в службу, сверх сего указом повелел нигде не записанных недорослей из дворян, укрывающихся, записывать в службу.

Меншикову и Огильвию, давая им разные наставления, объявил он о скором своем к ним прибытии.

Но, узнав, что Карл пошел к Волыни, Петр тот же час решился отправиться в Украйну.

1 июня осмотрел он Кроншлот и Котлин, дал различные повеления, до Петербурга касающиеся (между прочим Матвееву о фонтанах), и 3-го, отправя гр. Головина в Москву, сел на корабль «Штандарт» и с Апраксиным доехал до Нарвы, откуда Апраксин поехал в Воронеж, а государь сухим путем до Гдова, оттуда водою во Псков.

16-го июня прибыл он в Смоленск и писал к Меншикову, что если он не очень отдалился от Припяти, то б не ходил к Быхову. Однако Меншиков 19-го прибыл навстречу Петру в Смоленск.

Петр к Шереметеву писал, чтоб он с полками спешил.

К Стрешневу – требовал драгунских полков.

К кн. Ромодановскому – о пушечных *станках*, колесах etc.

19-го июня выехал Петр из Смоленска и 21-го прибыл в Оршу, где осмотрел баталион Преображенский и другие полки.

22-го прибыл в Могилев и смотрел Боурово войско.

23-го водой отправился к Быхову. Обер-комендант оного генерал-поручик Синицкий звал государя, но Петр отказался, подозревая его в тайных сношениях с Карлом. Он на почтовых отправился до Гомля, а свиту отпустил водою. В Гомле встретил его князь Репнин, с пехотными полками гродненскими.

Огильвий с генерал-поручиком Аллартом и генерал-майором Чамберсом и 6000 пехоты отправился пред тем к Киеву.

30 июня, приказав Репнину следовать за собою в Киев, отправился к Чернигову. С дороги писал к Шереметеву, повторяя свои приказания (в день Петра и Павла сын Шереметева был произведен в полковники).

4-го июля прибыл в Киев.

Петр в самый сей день прибыл при пушечной пальбе в соборную Софийскую церковь, принес благодарственный молебен, посетил митрополита Варлаама, осмотрел Печерский монастырь и пещеры. Ученое киевское духовенство, встречая государя со крестами, приветствовало его речьми.

На другой день (5 июля) получил он известие, что король шведский уже в 40 милях от Киева. Петр послал повсюду по-

веления своим войскам поспешить к Киеву. 8-го июля Огильвий, Алларт и Чамберс и прибыли. Но Петр уведомился, что слух был ложный и что Карл не к российским, а к саксонским границам обратился. Небольшой шведский отряд принят был за передовое его войско и был причиною ложной тревоги.

1706
(Вторая половина года)

Петр отрядил в Саксонию Меншикова со всею регулярною и нерегулярною конницею. Получил от нашего посланника в Дании Измайлова известие, что слух есть, будто бы Россия заключила со Швецией перемирие на три года, не включая в договор короля Августа; Петр писал к нему, уверяя в искренности своего союза. Кн. Василию Лукичу Долгорукому, капитану гвардии, пребывающему при Августе в качестве министра, писал: 1) о 20 000 регулярной и о столько же нерегулярной конницы, посланной в Саксонию, за коими последует и пехота, 2) о замедлении, происшедшем от изнурения войска в Гродне, 3) обещался писать к папе, просил короля чаще с ним сноситься, для чего учредил он и тайную почту через Волосскую землю. Наконец для Бога, просил достать поносительное о нем письмо Аренштета, не жалея для того тысячу-другую червонцев.

Вслед за тем 5000 пехоты отправлены. А с ними гвардии капитан Иван Измайлов; Петр через него просил Августа, чтоб пехота русская, от границ далее 50 миль не отдалялась, дабы не быть ей отрезанной. Петр советовал употреблять более конницу.

Из-под Могилева 3000 конницы отправились в Великую Польшу; и у Львова разбили кн. Любомирского, а в Люблине отбили шведскую контрибуцию и взяли в плен 600 человек.

Генерал-майору фон Вердену поручены границы от Смоленска до Пскова. Ему инструкция: 1) идти в Полоцк и оттоль разведовать *паче через шпионов* о движениях Левен-

гаупта и стараться вредить ему без генерального сражения, 2) в случае нападения и крайности разорить полоцкий замок и уступать к границе, 3) непрестанно сноситься со Смоленском и Псковом и действовать оборонительно, 4) в Ригу ничего не пропускать, 5) сноситься с дерптским комендантом Нарышкиным etc.

Петр писал к тайному секретарю Шафирову и к графу Головину о возможности мира через англичан, в случае если мы вступили бы в союз противу Франции (см. у Голикова ответ Шафирова. Ч. II – 323, примеч.).

Август прислал к Петру генерал-майора Гольца с предложениями:

1) Дать 8 полков конницы и 4000 калмыков, и нерегулярных отдать в начальство генералу Броузе, а пехоте действовать близ рубежей (на сие Петр с удовольствием соглашается).

2) О субсидиях. Петр пишет, что они зело тягостны; ибо содержит он по иным краям более 60 000 войску, кроме гарнизонов, именно: в большом корпусе 35 000 пехоты и 21 000 драгун; в Полоцке 5000 пехоты и 3000 драгун, в Ингерманландии 22 000 пехоты и морских и 5000 конницы. – *Однако же* повелено уже в Архангельске о продаже хлеба с голландцами заключить условия, и требование Августа скоро исполнено будет.

3) О Паткуле; Петр требует, чтоб его ему выдали на суд, etc., etc.

Наследственная война между Францией, с одной, а с Австрией, Англией и Голландией – с другой стороны, была во всей силе. Полагали, что Карл, вступая в Шлезию и в Саксонию, действовал по тайному союзу с Францией. Он пошел к Саксонии с Лещинским и в 22 000 войска, в Польше оставя Мардофельда с сильным (?) корпусом.

Петр своему министру в Вене спешил повелеть, чтобы он предложил цесарю его союз, о чем объявлено и посланникам английскому, датскому и польскому.

При сем он приказывал ему стараться о найме добрых генералов, особенно двух для пехоты и для кавалерии, искусных и *из знатных родов, чтоб можно было их и в советы призы-*

вать, обещая им (тайно) сверх жалования 1000 и 2000 рублей. Также повелевает пресечь союз, будто бы начинающийся между Швецией и Ганновром и Пруссией.

Шафирову Петр писал о том же; предписывая ему *якобы от себя* спросить у английского посланника, не надобно ли будет России вступить в союз противу Франции, и в случае согласия объявить, что указ о том он уже имеет.

Устав о жаловании войску: получать оное из ратуши по наряду Военного приказа к комиссарству – на 44 полка солдатских и драгунских по 849 870 руб. 93 коп. в год (сюда не включены морские, гарнизонные и *отдаленные* полки. По свидетельству Штелина, армия состояла из 200 000 и более – сверх того гвардия, инженерные и артиллерийские корпуса и морские полки).

Петр определил рекрут отдавать конных Меншикову и пеших – Репнину. Росписи же рекрутам закреплять судье Военного приказа – Стрешневу.

От 4 июля до 20 августа Петр разослал более 50-ти повелений.

В ответ на одно из них Ромодановский отвечает, что *некропкого* железа остается мало, а что ни в Большой Казне, ни в артиллерии (Артиллерийский приказ?) денег нет.

В другом князя Кропоткина, взятого под стражу за измену его племянника, Петр повелевает не пытать etc.

В Петербург к Брюсу послал он повеление *тайно* приготовлять в Котлине все нужное для взятия Выборга.

К Меншикову пишет наставления, особенно о провианте; повелевает судить Розена по доносам Боура и Кикина. К Успенью ожидает Меншикова в Киев etc.

Стрешневу повелевает с негодных в службу москвичей и с девок и вдов брать оброк, противу новогородских. Помещикам готовиться на отпор неприятеля, с которой стороны вступит, – etc., etc.

К Стельсу в Архангельск писал о шпанском табаке и о двух стенных часах (для Петербурга) и о паре веергласов (для Киева) etc.

К Любсу о сте мортир; *и о найме типографщиков.*

К корабельному мастеру Скляеву о лилеях для Петербургского сада.

К Шафирову о цветах, и звал его в Киев.

В Архангельск к Яковлеву о бобровых покрышках на сумы Преображенского полка.

От 2 августа Петр извещал Апраксина о смерти графа Федора Алексеевича Головина: «сея недели генерал-адмирал и друг наш от сего света пресечен смертию в Глухове, того ради извольте, кроме Посольского приказа, который он ведал, присмотреть, а деньги и прочие вещи запечатать до указу. Сие возвещает печали исполненный Петр».

Петр в день Успения Богородицы заложил новую, по собственному плану, крепость около Печерского монастыря. Повелел оную кончить гетману с малороссийскими войсками и дал ему в помощь полковника Гейсена, а до того не отлучаться.

В августе Карл вступил в Саксонию, взяв со всего народа контрибуцию. Петр послал к Августу прибывшего в Киев Меншикова; армию поручил Шереметеву и Огильвию (по условию), дал в особую команду 13 полков.

В Киеве для скорейших сношений с Августом и проч. оставил он виц-канцлера Гаврилу Ивановича Головкина при армии неотлучно; также и Аренштета. Шафирова послал в Москву, где пребывали прочие иностранные министры. Мазепе предписал сноситься с Головкиным.

Ромодановский произвел Петра из капитанов в полковники в бытность государя в Киеве. За сию фарсу Петр его благодарил письменно. 20 августа Петр отправился в Петербург через Стародуб, Смоленск, Великие Луки и Нарву, куда прибыл 4 сентября и морем отправился в Петербург. У Котлина осмотрел флот и 8 сентября прибыл в Петербург.

Фон Вердену в Полоцк повелел он, буде нет в том опасности, подаваться к Динабургу.

К Меншикову, между прочим, что было в Петербурге наводнение и вода в покоях его стояла на 21 дюйм, что по

улицам ездили на лодках, что продолжалось три часа etc. Кланяется *всем*, как оружие носящим, так и иглу имеющим (Екатерине).

В Архангельск к Яковлеву (хозяйственные распоряжения).

Хованскому в Астрахань о перемещении двух Керейтовых полков в Казань и о переводе с Терка московских стрельцов в Астрахань.

К Апраксину о гнили, оказавшейся в кораблях Наевой работы (потому что не вовремя с соком леса рублены).

О липах для Петербурга (Корсакову (куда)?).

К майору Глебову – повелевает казнить беглых астраханских стрельцов.

К Ромодановскому – о перелитии старых пушек etc.

Повелевает выдать князю Дмитрию Голицыну на оплату его долгов 500 руб.

(*Багинетами* назывались штыки.)

По требованию (довольно наглому) Аренштета Петр через Головкина отвечал, что немедленно к Дубне приближится (с пехотою).

Что четыре моста на Днепре и Припяти будут устроены.

Что кавалерия русская соединится у Люблина с кавалерией саксонской.

Что к папе послом назначен голландский наш министр князь Борис Куракин (или другой).

О деньгах и о русских рекрутах обещает поговорить при свидании.

Аренштету, на просьбу его, отвечать, чтоб об отпуске своем снесся он со своим королем, а в случае, если не захочет он дождаться ответа, то взять с него расписку в том, что едет он от нашего двора по своей доброй воле.

В том же письме государь повелел от службы своей уволить Огильвия (который однажды только рассудил явиться к Шереметеву за паролем). Петр повелел заплатить сполна ему все жалование, также сердится на присылку какого-то венецианского проходимца Контия; утешает Головкина о кончине

его матери, умершей в преклонных летах, и проч. etc. В другом письме посылает образцовую к папе грамоту.

К Шафирову о Лите (Лит), нашем поверенном при прусском дворе, о принятии его в нашу службу. Повелевает Матвееву из Парижа ехать в Голландию, а оттоле в Англию (*главное место всего аллианса).* Измайлова из Дании послали мы в Пруссию (для подтверждения неутралитета).

О Книпере и других шведах; не пускать их в Немецкую слободу – и пастора для молитвы дать им на дом. Книпера не худо и отпустить, ибо он только что в России не родился и есть лучший для шведов шпион etc.

Целию посольства в Лондон был мир со Швецией.

NB. (Смотри Инструкцию в Голикове. Ч. II. – 352).

Pierre faisait bon marché d'Auguste. Il ne demandait pas mieux à ce qu'il parait d'élire un autre roi[17)] (с согласия союзников), мира же хотел он искренно и готов был заключить его на одном даже условии: иметь *единый* порт на Балтийском море. Вообще инструкция есть chef d'oeuvre дипломатии и благоразумия.

Петр, отправя под Выборг войско под командою генерал-майора Брюса и бригадира Шонбурга, дал им инструкцию, которая сделалась законом. Петр подписал ее 3 октября.

Пред отъездом своим в Выборг Петр послал к Меншикову бланкет и 4 октября отправился в путь. За милю от Выборга неприятель в двух шанцах при двух пушках остановил наш авангард при переправе. Но русские заняли шанцы, пушки взяли и неприятеля прогнали.

Пехота пришла под Выборг 12-го числа.

Петр писал виц-адмиралу Крейсу, чтоб он отправил пять или более бригантин в море до Беркен-Ейланта для перенятия семи шкут, вышедших от Выборга, etc.

Того числа отряженные Преображенского полку сержант Михаил Щепотев, бомбардир Автоном Дубасов и флотские офицеры Скворцов и Синявин на пяти лодках с 48 солдатами вместо купеческих судов напали в туман на адмиральский военный бот «Эсперн» и оным овладели, побив 5 офицеров и

73 солдата, остальных заперли под палубу. – Синявин и 4 других одни остались живы.

Петр тела их препроводил в Петербург и приказал Зотову погребсти с воинским торжеством.

Осадная артиллерия стала на дороге в глубокой осенней грязи. Воинским советом положено поворотить ее в Петербург, а под Выборг привезти одни мортиры.

22 октября началось бомбардирование, продолжавшееся четверо суток. Но за неимением артиллерии и морских судов положено оставить осаду до весны. Петр досадовал на тех, которые ему не доставили настоящих сведений о местоположении Выборга.

Подполковнику Керхину Петр повелел отпускать офицеров только до 25 декабря, не позже, под опасением потери чести и живота.

К Мусину-Пушкину писал, справляясь, по скольку старцы получают жалования. 23 октября Петр написал план отступления, повелевая 1) за день до прекращения действий три мортиры отпустить вперед с нерегулярными на волах. 2) Отступить вечером, а где огни, там, заготовя дров на сутки, дабы по отступлению пехоты конница их раскладывала, офицера с барабанщиком на рассвете послать в город (для ложных переговоров). Коннице, не мешкав, идти прочь. 3) В первый день идти как можно дале, прочие дни – по воле, мосты портить, в узких местах делать засеки.

Сего же 23 октября Петр отправился в Петербург и, повстречав артиллерийские снаряды, обратил их назад.

Прибыв в Петербург (по «Журналу Петра Великого» 4 ноября, а по «Запискам государя» – 24 или 25 октября), Петр спустил бригантин своего изобретения.

К Меншикову послал он тайно предложение английского посланника, приказывая ему разведывать тайно же мнение о том австрийского двора.

Шафирову приказал Петр разменять Книпера и о освобождении Паткуля всевозможное приложить старание. О мире со Швецией повелевает непременно переговоры вести с ино-

странными министрами и *довольствоваться, что от них определится, хотя б мы и великую победу над шведами одержали.*

К Стрешневу – о доходах и о продажных товарах etc., требуя ведомость о том к будущему январю.

То же и Автоному Иванову etc.

Петр ездил по морю на своем бригантине и потом, быв им доволен, заложил еще два.

Петр благодарил Нарышкина за разбитие неприятеля высланным из Дерпта отрядом.

Петр получил известие о перемирии (sic) Августа с Карлом и писал о том Меншикову, предписывая ему быть весьма осторожным. Советует ему с пехотою вступить в Литву, загнать Левенгаупта в Лифляндию и, расположась близ Риги, весною ее бомбардировать. В декабре Петр думал быть у Меншикова etc.

Чамберсу и Вердену пишет, чтоб, в случае нападения Левенгаупта на Полоцк, они, соединясь, до того его не допустили.

Керхину повелевает беглых расстреливать в Могилеве, Полоцке и в большой армии. Если же будет их более 20, то по жребию – одному казнь, другому – каторга, – также о треугольных шляпах, о петлях, обшитых золотом у *гобоистов*, о полумесяцах на их же плечах, о золотых галунах, о шерстяных (у барабанщиков) etc.

Между тем уже в августе месяце король Август посылал тайно к Карлу Имгофа и Фингстейна, уполномоча их для переговоров. Министр наш при польском дворе тайный советник фон Паткуль, узнав о том, воспротивился. Он зазван был тайно саксонскими министрами для совещания, схвачен и посажен в Зонненштейнскую крепость. Ему предложили свободу на следующих условиях: 1) не мстить Августу, ни его министрам, 2) из Саксонии выехать не прежде года и 4 месяцев. Паткуль не согласился. Петр через своего министра кн. Дмитрия Голицына протестовал, но тщетно.

Наконец в Альтранштадте, главной квартире Карла, заключен трактат, коего главные условия:

1) Августу отказаться от польского престола, признав королем Станислава Лещинского,

2) отступить от союза с Петром,

3) выдать *изменника* и *беглеца* Паткуля в руки Карлу,

4) остаточное помощное русское войско выдать же ему.

Вследствие сего Паткуль в оковах был 9 сентября выдан шведскому королю и в следующем, 1707 году, колесован. Ренцеля ожидала та же участь, но правительство саксонское выслало его с войском его заблаговременно; по свидетельству других писателей, Ренцель ушел тайно через Богемию и Шлезию, за что Карл XII у Иосифа I требовал еще удовлетворения. По прибытии его в Россию Петр пожаловал в генерал-майоры, а потом и в генерал-поручики.

Меншиков, еще ничего не ведая о договоре, заключенном Августом, донес Петру о некоторых успехах, полученных нашими отрядами в Польше. Наконец и о славной битве под Калишем.

Генерал Мардофельд, начальствующий над шведскими и польскими войсками, отступая несколько времени от нас, перешел Просну и стал в крепком месте, окруженном реками и болотами. Меншиков перешел Просну же и 18 напал на неприятеля. На правом крыле стал Меншиков, а на левом король Август с своими саксонцами. С русскими находился гетман Ревуцкий (Ржевуцкий?), с саксонцами гетман Синявский. Корпус неприятеля состоял из шведов, а по крылиям из поляков при воеводе киевском Потоцком и троцком <Сапеге>.

В 2 часа пополудни началось сражение. Наша кавалерия смешалась было от натиска шведской пехоты, но Меншиков с несколькими шквадронами драгунов успел остановить неприятеля и с правого крыла велел ударить коннице своей. Через три часа все было кончено. Часть неприятельской конницы успела спастись, прочее перебито и взято в плен. Шведов было (по Меншикову) – 8000 (а по «Журналу Петра» – 7000) да поляков до 20 000. Шведов убито до 5000 да поляков и волохов до 1000. В числе их шведский генерал Красов.

В плен взят Мардофельд, 4 полковника, 6 подполковников, 5 майоров, штаб- и обер-офицеров 142, унтер-офицеров и рядовых – 1788, в том числе 493 француза, весь обоз etc.; в преследовании и в Калише взято еще 829 шведов. На другой день взяты почти все поляки с их предводителями. Наших было регулярных 10 000, отряд казаков, да саксонцев и поляков 13 000.

Август был в затруднительном положении. Он столь же боялся Карла, как и Петра. Не зная, что делать, он сообщил Мардофельду планы Меншикова, объявил ему о своем замирении с Карлом и советовал в сражение не вступать. Мардофельд, не быв предуведомлен, ему не поверил. После сражения Август взятых польских предводителей освободил и Меншикова уговорил отдать ему и шведов, будто бы для размена, что и обещал он совершить в три месяца, в противном случае обязываясь возвратить их. Он письменно просил у Карла прощения в своей победе. В замешательстве своем заехав в Варшаву, отпел он, однако ж, благодарственный молебен, а потом, 16 декабря прибыв в Лейпциг к Карлу, предался его воле, обедал у него со Станиславом Лещинским и 20-го подписал вышеупомянутый трактат.

Петр три дня праздновал победу своего любимца, благодарил Меншикова, велел в честь его выбить медаль и приказал, не упуская случая, отрезать Левенгаупта от Риги.

Август, однако, требовал еще денег. Но Петр уже ему их не посылал; и, не зная еще о его трактате, подозревал, что польские пленники дали ему за себя выкуп.

Об Левенгаупте, *который в Вильню так дерзновенно пришел* (письмо Петра к Головкину), Петр писал и к Шереметеву и к генералам Алларту, Рену, Чамберсу и князю Голицыну.

Петр приказал ему же разгласить о скором своем прибытии в армию для обозрения Августовой стороны.

Кн. Ромодановскому приказал прислать в Киево-Печерскую крепость 136 пушек.

В Смоленск губернатору Салтыкову – о судах, подъемных для 150 000 пудов к весне.

Указ дан о наряде 15 000 работников для Петербурга.

Указ во всей России заступов не делать и не продавать, а делать лопаты.

Указ Стрешневу собрать с городов, кроме низовых, 4579 <рекрут>. Провиант поставить в Петербург, о запасах в Азов etc.

Кудрявцева уведомляет, что башкирцы просятся в союз к крымскому хану etc.

Купцу Любсу пишет о домашних потребах etc.

Апраксину дал указ о производстве по морской службе: первые чины за выслугу лет, а верхние по рассмотрению.

10-го декабря Петр уехал в Нарву, дав подробный Брюсу указ касательно укреплений петербургских, строения домов, приуготовлений к осаде Выборга, о рекрутах, наконец, *о провианте, яко о главном деле.*

Из Нарвы Петр хотел отправиться в Москву, но, получив накануне письмо от Меншикова, коим уведомлял он его о союзе Карла с Августом, Петр немедленно поскакал в Польшу, взяв с собою царевича Алексея.

В Смоленске Петр, осмотрев город, дал несколько повелений.

24 декабря прибыл в Киев – и в ту же ночь отправился в Острог и в Дубну, где стоял кн. Репнин.

Из Дубны приехал он в Жолкву, где находился Шереметев, Меншиков etc.

Указы 1706 года

Несколько подтверждений о бурмистрах, о беглых людях, о книгах для записей, о приложении руки, о торгах, об оброке вод.

О постройке мостов в Немецкой слободе на счет той слободы.

О записке недорослей из дворян в драгуны.

(В разное время)

О рекрутских наборах:

1) крестьянских, бобыльских с 300 дворов по человеку,

2) с дворян – со 100 дворов по человеку,

3) с бояр и окольничих с 300 по человеку,

4) (по указу 1705 – с 20 дворов по человеку) брать деньгами, хлебом и одежей.

NB NB. (В год на прокормление человека $1^1/_2$ руб.)

1707

В Жолкве Петр оставался до 30 апреля.

К Апраксину писал он о призыве двух или трех тысяч калмыков к Днепру, о старом лесе, о строении бригантинов, о приятии от Меншикова поташных заводов, о погребении адмирала Головина в Москве, о пересмотре школьников, назначенных в Англию; etc.

Дает указ, чтоб от границ на 200 верст поперек и в длину от Пскова, через Смоленск, до черкасских городов, – хлеба на виду ни у кого не было, а зарывать его в ямах или скрывать в лесах. Объявить о том заранее в начале апреля, ободрив их и растолковав сию меру.

Ушакову писал о присылке лошадей в Острог, для Преображенского батальона, и пороху в Киев.

Петр определил в Польше генерального сражения не давать; если же обойтиться без него будет невозможно, то сразиться при своих границах. В Польше же стараться только о вреде неприятелю партизанскою войною.

Поляки, державшиеся Августовой стороны, прибегли к покровительству Петра; между прочими новый примас Жембек и Денгоф 7 февраля во Львове объявили междуцарствие, не признав избрания Станислава. Междуцарствие объявлено 11 июля.

Тогда разнесся слух, будто бы Петр назначает сына своего в польские короли; Петр тогда же отослал его в Москву.

Польскому войску выдал Петр на первый случай 800 (?) гульденов.

К папе Клименту XI отправил Петр кн. Бориса Куракина (смотри Голикова, примечание. Ч. II – 410). Папа вследствие сего подтверждал непризнание Станислава.

Принц Рагоцкий прислал Беречини (или Березини) от имени недовольных венгерцев для предложения короны царевичу Алексею.

Петр, несмотря на свое желание иметь голос в имперском совете, отвергнул предложение, не желая ссориться с Австрией. Цесарь в знак благодарности прислал тогда к Меншикову диплом на достоинство князя Римской империи.

Между тем некоторые из поляков оставили сторону Августа. Полковник Шульц разорил их и Лещинского земли. «Здесь, – писал Петр к Апраксину, – еще все дело, как брага, бродит, и не знаем, что будет. Но ежели несчастия бояться, то и счастия не будет».

Государю поднесены две географические карты:

1) Сибири к востоку до р. Печоры, 2) от Ярославля до Азова.

Из Жолквы Петр прибыл в Дубну, осмотрел полки и послал в Петербург Синявина (боцмана) с картинами, *там* доставшимися ему.

Из Дубны отправился он в Люблин и в местечке Якубовичах получил известие, что шведский король идет в Польшу с 54 000 и с казною (22 миллиона рейхсталеров), собранной в Саксонии. В числе сих не считали корпусов генерал-майора Красова (в Польше) и Левенгаупта, идущего из-под Риги к королю.

Порта вошла тогда в сношение с Карлом, возмущаемая польским послом. Кубанские народы также шевелились. Карл хвалился явно, что придет в Москву и возмутит русских, уже готовых к бунту.

Петр послал бомбардирского капитана Корчмина с повелением укрепить Кремль и Китай. В то же время писал он Апраксину в Петербург, поручая ему разные вещи, большею частью домашние; а в другом письме поздравлял его с пер-

вым развитием нашего витфлага, на Ост-зее. 28 мая Петр в Казимире осматривал 12 полков драгунских, под командою князя Hessen-Darmstadt.

30 мая (в день своего рождения) пожаловал он Меншикова князем Ижорским, дав на то ему диплом 1 июля 1707.

Потом, возвратясь в Люблин для переговоров с польскими гетманами и сенаторами, узнал он, что литовский гетман Синявский[18)] оставил нашу сторону и отбил 40 000 рублей, везенных из Москвы в армию. Сам же засел в Быхове. Петр послал против его Боура, который через 4 недели крепость взял, а Синявского и гарнизон полонил (3000 человек). Петр в Москву отправил сто быховских пушек, а город возвратил Республике.

Здесь Петр определил: 1) князю Репнину идти через Минск в Вильну, 2) князю Меншикову и Алларту (уже полному генералу) в Варшаву, сделав в *Копосе* укрепление.

Вслед за сими и Петр отправился в Варшаву, куда прибыл 11 июля.

Тут занемог он лихорадкою. Больной писал он к Апраксину, благодарил его за то, что 30 мая праздновал он в его домике, на петербургские работы приказывал брать людей между рек Волховом и Свирью; брать из соляного сбору на содержание Петербургского флота 80 000 р. etc. NB.

В воинском совете главнокомандующим объявлен Шереметев, под ним – князь Меншиков. Сам же положил *для диверсии* ехать в Петербург и 4 сентября выехал из Варшавы, оставя в ней Меншикова со всею конницею.

В Тикотине Петр узнал, что Карл переправился через Одер и сам идет на Краков, разделив армию на три части. Петр против него отправил к Друе генерал-поручика Боура с конницей, а генерал-майора фон Шведена с пехотою в другую (?) сторону. Апраксину повелел ко Пскову или в иное место отправить два полка, *ибо Левенгаупт намерен произвести диверсию.* При сем случае отослал он к Апраксину две латинские книги с повелением отдать их для перевода старцам Лихудьевым. В сем же письме пишет он об обучении щенят носить поноску, снимать шапку etc.

В Гродне Петр осматривал Преображенский полк, в Вильне – войско кн. Репнина и, обратясь к местечку Меречь, свидание имел там с Меншиковым. Тут было положено пехоте нашей идти к своим границам, а коннице обеспокоивать тыл неприятеля. Возвратясь в Вильну, узнал он, что Карл идет зимовать в Пруссии в Гданске; Петр, раздав повеления, отправился в Петербург.

Венецианский историк пишет, что, когда Петр выехал из Варшавы и войска наши заняли места свои у берегов Вислы, Карл, не могши нигде навести моста, переехал реку на мелких лодках для высмотра нашего войска. Отряд наш на него напал; он едва спасся, но сопровождавшие его шведы дали себя изрубить.

Петр через Великие Луки (где осмотрел новую крепость), Новгород, Ладогу и Шлиссельбург прибыл в Петербург 23 октября прямо в дом к Апраксину. 30-го пошел с ним в море и восемь дней пробыл на кронштадтских работах. Возвратясь в Петербург, женился он в ноябре в соборной церкви Св. Троицы на Катерине, мариенбургской девке, бывшей замужем за шведским трубачом, потом наложницею Шереметева и Меншикова. Екатерина родилась 16 апреля 1688 года.

5 декабря Петр прибыл в Москву.

Петр занялся следствиями великого пожара, бывшего недавно. Обогатил тамошнюю аптеку разными потребностями, подарив туда множество китайского фарфора, повелел оттуда отпускать лекарства во всю Россию. В Лубнах повелел завести полевую аптеку, доставил московской типографии новые литеры etc.

Петр, желая мира, предлагал оный Карлу через бывшего при саксонском дворе французского министра Безенваля; на условиях оставить царю Ингрию с городами Кроншлотом, Шлиссельбургом и Петербургом. На сие Карл ответствовал: о мире буду с царем говорить в Москве, взыскав с него 30 миллионов за издержки войны. Министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное войско и разделить Россию на малые княжества.

Генерал Шпар был назначен уже московским губернатором и хвалился, что они русскую чернь (canaille) не только из России, но со света плетьми выгонят. Известен отзыв Петра: «*Брат мой Карл хочет быть Александром*» etc.[19)]

Указы 1707 (27)

У отставных, у вдов, у недорослей взять с дворовых пятого человека.

NB. После вместо людей взять деньгами 15 руб. за человека.

О конфискации за *неявку* товаров.

Об переписке отдаточных внаем *палат*, домов, изб *и углов*.

О недерзании бить челом никому на находящихся в армии, а дерзающих (хотя бы и в правых делах) отсылать в армию под военный суд.

О порядке приказных книг.

О наборе рекрут в третий набор по человеку с 20 дворов.

О ссылке дворянина Ростопчина за лжесвидетельство и Чаплыгина дворового человека за воровскую крепость.

NB. Тех, кои по старости в каторгу не годятся, ссылать в работу в монастыри.

Старым солдатам и урядникам Вейдова и Бутырского полков за поход в Троицу прибавить по рублю жалования.

NB. Варварский указ о *недерзании бить челом* etc. отменен и объяснен в том же году.

О непродаже немецкого платья и шапок без клейма, а клеймить их в Ветошном ряду.

О пошлине с четверти земли по 3 копейки.

1708

6-го января Петр из Москвы отправился в Польшу.

В Копосе, осматривая магазейн и войско Алларта и князя Голицына, Петр получил от Меншикова донесение о том,

что казаки побили неприятельский отряд, взяв в плен 300 человек и знамена.

От Копоса через Минск отправился он <в> *Дзенцолы* к кн. Меншикову. Там узнал, что Карл идет с одною частию войска к Гродну, а другая следует к Дзенцолам. Петр отправился в Гродну – там повелел он бригадиру Мильфельсу занять Гродненский мост с 2000 – и неприятеля не пропускать или разрубить мост. 26-го января Петр уехал в Вильну.

Мильфельс при приближении шведов отступил и дал им занять Гродно через два часа после выезда государя из города. Петр повелел Мильфельса арестовать, яко изменника. Он из-под стражи бежал, вступив в шведскую службу. Наконец попался в плен под Полтавой и был по суду расстрелян.

Карл занял Гродно только с 600 человек. Петр, бежавший от него, узнал о том и послал 3000-й отряд в Гродно, дабы полонить самого короля. Карл извещен был о том и с помощью жителей, принявших его сторону, успел отбиться, – хотя наша конница перерубила шведский корпус, стоявший у дома, занимаемого королем.

Вся наша пехота пришла к Бешенковичам. Кн. Меншиков с конницей стоял в Заболоцком повете. Карл хотел на него напасть, но за распутицей остановился.

Петр подтвердил свои прежние предписания касательно образа военных действий и, разослав множество повелений, уехал в Петербург, куда прибыл 27 марта.

Осмотрев все, поехал он в Шлиссельбург на буере на встречу царицы, своей невестки, Параскевии Феодоровны, дочерей ее, царевен Анны и Параскевии, и своих сестер царевен Наталии, Марии и Феодосии. Петр встретил их за 8 верст от Шлиссельбурга и въехал с ними в крепость при пушечной пальбе, оттоле в Петербург.

Петр отправил провиант в армию морем и сам было выехал. Но за сильным <льдом> возвратился с галиотами на Котлин остров.

Из Петербурга ездил он с московскими гостьями в Кроншлот и в Котлин, где их и угощал при пушечной пальбе.

6-го мая отрядил он шаутбенахта Боциса к Боргау. Шведский генерал-майор Мейдель бежал и оставил город без обороны. Боцис сжег город и окрестные деревни, 15 торговых судов, побил до 200 шведов и с добычею возвратился, прошед мимо шведского флота, стоявшего у Березовых островов. Полковник Толбухин, отряженный на сии острова, выжег по берегу моря все деревни до самого Выборга и несколько военных припасов и судов. Полковник Островский разорял тот же край. Оба возвратились в Кроншлот благополучно.

Башкирский бунт был усмирен простительною грамотою. Он продолжался с 1705 года («Ежемесячные сочинения», 1759 год, с. 12 в примечании).

Но в то же время вспыхнул гораздо важнейший бунт. Кондратий Булавин, убив посланного для сыскания беглых по донским станицам кн. Ю. Долгорукова, взбунтовал весь Дон.

Булавин издал возмутительное воззвание (Голиков. Ч. II – 436) и, муча офицеров кн. Долгорукова, сказывал, что идет в Москву и Польшу для побиения бояр и немцев. Войсковой атаман Лукиян Максимов вышел было против него; но Булавин его разбил, овладел обозом и пушками, вошел в Черкасск и казнил атамана и старшин. После сего объявлен он войсковым атаманом; Булавин овладел всем и отрядил противу Азова 5000 казаков. Петр противу его отрядил до 20 000 (Катифор) под предводительством брата убитого князя.

Другой важнейший изменник, еще скрывающийся под личиною усердия, Мазепа, извещал обо всем Карла и призывал его в Украйну. Он сносился между тем с крымскими татарами и требовал уже помощи у султана через верховного визиря Чорлылы-Али-пашу. Визирь понуждал Каплан-гирея двинуться на соединение с Мазепой, коль скоро Карл вступит в Украйну, обещаясь, что и турецкие войска уже готовы вспомоществовать шведам.

Ведая, что места, по коим должен он был идти к Москве, опустошены и лишены всяких запасов, король послал Левенгаупту повеление с ним соединиться, взяв с собою сколь можно более запасов.

Все думали, что король дождется Левенгаупта у Могилева, но Карл отпустил 8000 войска в Польшу с Лещинским и Красовым и поспешно пошел в Украйну. Под Борисовым отправил он для высмотру Алларта и Гейскина (генерал-поручика) 1000 драгун и волохов; в то же время подоспел и шведский авангард, и произошла значительная стычка. Увидев, что переправа уже занята, король обратился влево к Свитлицам; дорога лежала через леса и болота и была на 15 миль опустошена и завалена засеками. Карл преодолел все и вышел под местечко Сапежинской Березины (в пяти верстах от Головчина), тут переправился через Березу и претерпел первую неудачу: генерал-адъютант его Канифер, с отрядом волохов напав на казаков, был отбит и прогнан. 30 было убито, 4 взяты в плен. Феофан называет это прогностиком полтавского сражения.

Петр меж тем послал Апраксина во флот для отправления оного. 11-го мая уведомил его о разбитии товарища Булавина Хохла (?) и 15 000 бунтовщиков, также и о том, что Боур в Лифляндии разбил полковника Фемза (убил до 120 человек и взял его в плен с другими офицерами).

13-го мая Петр заложил в Петербурге новый каменный болверк. Потом совещался о военных действиях, был на работах в Кроншлоте и на Котлине, где 25 июня получил известие о походе Карла в Украйну. Петр в тот же день поехал в Петербург, поручил Ингрию Апраксину и поехал в армию. Петр показал своему семейству Копорье, Ямбург и Нарву, где отпраздновал Петра и Павла, а на другой день отправился в Москву.

Шереметев, наблюдая неприятеля, остановился при реке Бибиче, противу местечка Головчина, сторона была болотистая, через нее должно было Карлу проходить. Меншиков и Шереметев были в средине, на правом крыле – Алларт и генерал-поручик Флюк. На левом – фельдмаршал лейтенант Гольц и Репнин. Дивизия Репнина была уменьшена множеством отряженных к переправам и мостам для сообщения армии между собою.

14-го Карл при сильном дожде и тумане на понтонах переправился между дивизией Репнина и главным корпусом; прошел через непроходимое болото; напал на Репнина, прогнал его в лес, отняв 7 пушек, убив 5 офицеров, 113 рядовых, генерал-майора фон Шведена и взяв в плен до 400. Шведская кавалерия в то же время ударила на Гольца и принудила его отступить к главной армии. Карл потерял до 1200 и сам едва не лишился жизни; лошадь его увязла в болоте, и драбанты едва его вытащили. После того он отступил к Могилеву. Венецианский историк описывает сие сражение иначе (Голиков. Ч. II – 446). Он убитыми полагает у нас до 2000 (вероятно). Петр был доволен и с дороги писал Апраксину: «Я зело благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от всей его армии одна нашей треть так выдержала и отошла». 20 июля Петр прибыл в Горки, где стояло войско. Тут получил он от Толстого известие, что 5000 бунтовщиков, отряженных противу Азова, отбиты и прогнаны. Толстой представил перехваченное письмо в доказательство сношений Булавина с Крымом и Турцией. Гвардии майор князь Долгорукий везде одерживал верх над мятежниками; наконец 7 июля войсковой атаман Илья Зернов напал на Булавина в Курске; и Булавин после отчаянной обороны застрелился. Труп его привезен в Азов.

Петр праздновал сей счастливый случай. Но бунт еще не был усмирен. Петр 29 июля писал Толстому, чтоб он с двумя или тремя судами чинил поиск над мятежниками, буде можно, в соединении с князем Долгоруким. Долгорукому же писал, чтоб он отправился с двумя полками в Азов, а в Таганрог отправил конный. И, дождавшись гвардейского баталиона или полков Ингерманландского и Бильского, идти в Черкасск etc., etc., воров перевешать, обласкать Черкасск, заставить их избрать нового атамана, на Донце городки разорить etc.

В ноябре месяце бунтовщик Никита Голый разбил караван с провиантом, посланным с Коротояка в Азов, и отбил казну и артиллерию.

Булавин ждал к себе 1000 запорожцев.

Убитый Долгорукий в восьми станицах нашел до 3000 беглецов. Войско Булавина состояло большею частию из них же.

Рен донес Петру о разбитии в местечке Смольянах генерала Канифера и о его взятии в полон.

Пленник сей подтвердил Петру о намерении Карла идти на Москву (для чего и приняты меры).

Петр велел судить Репнина, который и был осужден (на что?). Петр простил его, говорят, по просьбе Голицына.

Боуру Петр предписал препятствовать Левенгаупту соединиться с Карлом.

4 августа получил он известие о переходе Карла, под Могилевом, через Днепр и о походе его к Пропойску. Войско наше пошло к Могилеву, а Петр с половиною пехоты прибыл в Мстиславль. Карл на место Синявского великим коронным гетманом сделал Потоцкого (воеводу киевского), на место Шенбека примасом королевства – львовского архиепископа, а воеводу русского[20)] Яблоновского – великим канцлером. Недруги его принуждены были удалиться из Польши. Примас Шенбек – в Шлезию, брат его виц-канцлер – в Дрезден; кн. Вишневецкий, бискуп Куявский и другие сенаторы, воеводы и старосты – в Королевец, во Гданск etc. Августа не было в то время в Саксонии; из любопытства он был под крепостию Риссель, осажденной принцем Евгением.

Карл, дабы отвлечь Петра от переправ и трудных мест, вступил в воеводство Мстиславское (в начале августа), двигаясь беспрестанно взад и вперед. Петр следовал за ним, стараясь его тревожить и лишить способов к продовольствию.

Петр в Мстиславле узнал, что Карл с частию войска, другую отправя к Гомлю, пошел к Чирикову. Петр последовал за ним и, под местечком Писаревчизною, осмотрев тамошние болота, сам избрал переправу и войско свое перевел.

Петр, получа известие, что князь Долгорукий жестоко поступает в усмиренной стороне, пенял ему за то, предписывая казнить одних зачинщиков, и то не всех, других отсылать на каторгу, старых городков не жечь etc.

В другом письме повелевает он ему же полков с Дону не отпускать, кроме одного Ингерманландского.

В Рясне Петр осмотрел гвардию и два драгунских полка (при кн. Голицыне) и, узнав, что король пришел к Чаусам при реке Проне, в третьем часу утра пошел туда же (посадя гвардию на лошадей). Дорогой через перебежчиков узнал он, что король уже переправляется через Прону. Петр обратился к деревне Долгичам и там выстроился в боевой порядок. Он повелел генерал-майору Волконскому напасть на неприятельский обоз с казаками, калмыками и волохами, что и удалось. Карл скоро потянулся к местечку Чирикову, а Петр – к Крычеву (в пяти милях от Чирикова). Он обозу своему приказал переправиться через Сожу и стать лагерем; сам же переехал ее под Крычевом вброд с гвардией etc., соединился с своим обозом и пришел в местечко Борисовичи. Тут получил он от Рена, стоявшего при Чирикове, известие, что Карл намерен место сие занять. Петр пошел к Рену – и, не дошед до него полмили, выстроил свое войско в боевой порядок и потом с Меншиковым и с Брюсом поехал к Рену для высмотра неприятеля. Король потянулся к Крычеву вверх Сожи.

Петр, дабы обмануть короля, обратился назад, но на другой день (24 августа) из деревни Лабжиц пошел опять к Крычеву. Тут, узнав, что Карл идет к Мстиславлю, Петр, дабы пресечь ему дорогу, послал генерал-поручика Флюка вверх Сожи до Страколы, трудным путем, и сам отправился вслед. При переправе через Сожу, за которой стоял Шереметев, Петр, прибыв в его лагерь, приказал всей пехоте отступить и стать в линию по прямой мстиславской дороге.

26 августа был совет, и положено разделить войско на три дивизии под начальством Шереметева, Меншикова и Гольца. Главная квартира назначена – местечко *Доброе*, отряды расположены на реке Белой и Черной Напе. Петр получил из Нарвы от Апраксина известие об успехах его. 15 августа у реки Семы Апраксин взял малое укрепление, порубив всех засевших там шведов (150 рейтаров и 40 солдат), оттоле напал на два полка, конный и пеший, близ Ракобора. Шведы бежали

и были порублены. 916 убито, в полон взят полковник Шлиппенбах, 15 офицеров, 228 унтер-офицеров и рядовых, наших убито 16 человек, ранено 53.

Узнав, что шведы под начальством генерал-майора Либекера перешли через Неву, Петр жалел, что войско наше не прежде было собрано меж Шлиссельбургом и Петербургом, – Ингерманландский полк посылает он к Апраксину etc.

29-го король приступил к Черной Напе в миле от нашего войска. Петр, увидя, <что> правое оного крыло (5000 пехоты и несколько тысяч конницы) поотдалилось от главного войска, повелел, с воинского совета, несмотря на то, что стояло оно за двумя речками и за болотами, напасть на оное князю Голицыну и генерал-поручику Флюку. Но Флюк за далеким обходом и трудными переправами не мог прийти вовремя с 30 эскадронами драгун. Голицын, не дождавшись его, при туманной погоде, перешел обе речки, напал на шведов и после двух часов жестокого боя прогнал их, положа на месте до 3000 (письмо Петра к Апраксину 31 августа).

Карл поспешил к ним на помощь. Петр приказал отступить, что и совершилось в порядке. Побежденный отряд состоял из одних шведов под начальством генералов Круза и Роза.

Петр пожаловал князя Голицына орденом св. Андрея. Карл был в бешенстве, он рвал на себе волоса и бил себя кулаками по щекам.

Петр, уведомляя о сем между прочими и князя Долгорукого (на Дону), приказывает ему, *по просьбе Мазепы*, отпустить два полка.

На другой день после сражения армия наша отступила к Мстиславлю, потом к Мигновичам. Неприятель следовал за нею по опустошенной стороне. За три мили от Мигновичей 9-го сентября генерал-майор Мекушев, отряженный от Боура, с 2000 драгун напал на неприятельский авангард и разбил его. Петр был чрезвычайно доволен. «*Неприятель*, – пишет он к Апраксину, – *в таком трактаменте не знает, что и делать*». Но король знал, что делать. Поход его от Доброго на

Смоленск был обманчивым движением. 10-го сентября Петр получил известие, что Карл перешел через Сожу и устремился к Украйне. В то же время узнали, что и Левенгаупт поспешно от Риги идет на соединение с Карлом.

В воинском совете положено: Шереметеву вслед за королем идти в Украйну; самому же Петру с гвардией и с несколькими кавалерийскими полками идти как можно поспешнее противу Левенгаупта, ибо главным делом было воспрепятствовать соединению. Гвардия посажена была на лошадей. На пути Петр получил от Боура донесение о счастливом сражении, бывшем 10-го сентября по ту сторону Десны в полумиле от Кадина. Три раза неприятель был сбит с места. Карл, по своему обыкновению, везде совался, чуть не попался в плен и имел под собою лошадь убиту.

Петр повелевает Апраксину Либекера, не атакуя, изнурять до прибытия отряженных полков; всех тамошних дворян с их людьми *выгнать поголовно.*

15 сентября получил известие о скором приближении Левенгаупта. Петр поспешил его настичь. Указатель пути, жид подкупленный, уверял, что Левенгаупт еще Днепра не перешел, хотя уж то было совершено три дня тому назад. Жид был повешен. В тот же день Петр писал Курбатову в Москву о тысяче ста воловьих пузырей etc.

Наконец 27 сентября Петр увидел Левепгаупта, стоящего у деревни *Долгие Мхи* за рекою. Прогнанный нашими пушками, он отступил лесами и теснинами к Пропойску. Ночью Петр переправился и нагнал его о полудни под Лесным, стоящего за болотами в месте неприступном. Петр оставил противу него 3000, а сам пошел в обход и, отрядив гвардию противу левого крыла и спеша один драгунский полк и два пехотных (Ингерманландский и Невский (?), бывших верхами), приближился к неприятелю. Левенгаупт, в то же время вышед из лесу, атаковал во фланг наши два полка – Ингерманландский и Невский (где?). В то же время подоспела и наша гвардия и ударила один во фрунт и другой с фланга. Левенгаупт отступил через лес. Наши его преследовали, взяв

4 знамя, 2 пушки, генерал-адъютанта Кнорринга, полковника Шталя etc.

Неприятель соединился со своею конницей, подоспела и наша конница; наступил валовой бой, длившийся 5 часов. Неприятель сбит был и прогнан к своему обозу. Оба войска лежа отдыхали в виду одно другого. Мы стреляли еще из пушек; но шведы молчали. Казаки и калмыки имели повеления, стоя за фрунтом, колоть всех наших, кои побегут или назад подадутся, не исключая самого государя.

В пятом часу пополудни во время сего отдыха прибыл Боур с 3000 драгун; а к Левенгаупту то же число его авангарда, отряженного к Пропойску для заготовления мостов через Сожу. Наши вновь бросились на неприятеля, ударили в штыки и палаши и овладели всею артиллериею и почти всем обозом. Ночь и вьюга спасли остаток шведского войска. Солдаты наши ночевали, кого где вьюга застала. Сам Петр, покрытый снегом и льдом, провел тут же ночь далеко от лагеря.

Бой продолжался с полудня до 7 часов вечера. Убито шведов 8000. Флюк и потом Меншиков с кавалерией преследовали неприятеля. Последнему велено было, уже не возвращаясь, идти в главную армию. Флюк убил еще до 500 неприятеля и отнял до 2000 фургонов. Остаток неприятеля набежал на бригадира Фастмана, стоявшего у переправы через Сожу; другие – на генерал-майора Инфланта, уже близ самого королевского войска. Все было поражено. Казаки и калмыки кололи шведских беглецов в лесах и по болотам. Многие из них погибли даже от руки мужиков. Левенгаупт почти один явился к королю с известием о своем поражении.

Неприятеля было до 16 или 20 тысяч. В плен попалось не раненых 876, а раненых 2856, 2 полковника, 3 генерал-адъютанта, 47 офицеров, пушек 17, знамен 78 – и до 8000 телег и фургонов. Наших было 11 625 человек, из коих с Фастманом и фон Кампелем отряжено 1700. С Боуром пришло 4076. – У нас убито 1111 да ранено 2856.

Шереметев, поздравляя государя, благодарил его за реванш над его собственным неприятелем.

Петр на другой день после сего сражения отпел благодарственный молебен и 2-го октября с гвардией и пехотой пошел к Смоленску.

Того же дня послал он на Дон князю Долгорукому повеление, по усмирении бунта, оставить в Воронеже сколько будет нужно войска для удержания шатающихся казаков, с остальным отправиться в Москву и с дороги приехать к нему на почте. В Чаусах посетил Петр генерал-поручика принца Дармштадтского, тяжело раненного под Лесным. Из села Красного писал он, что Карл стоит на границах и разослал всюду прелестные письма, но что малороссияне не поддаются. Напротив. Также, что войско наше уже в Стародубе.

12-го октября Петр писал к князю Долгорукому, досадуя на *дурака* Бильcя, разбитого соучастниками Булавина.

В Смоленск Петр вступил с торжеством. Тело умершего принца Дармштадтского было привезено туда же и с честию предано земле.

Победу под Лесным Петр называл потом матерью полтавской победы, последовавшей через 9 месяцев.

Шведы потеряли свою самонадеянность и презрение к русским.

На сию победу выбиты две медали.

Мазепа утешал шведского короля и обнадеживал его победою. Феофан поместил в *Истории* своей одно из его писем. Дабы отвратить от себя подозрение и между тем и для заготовления для шведов запасов, он обнародовал универсалы, в коих увещевал жителей зарывать хлеб, деньги и имущество; в церквах повелел молиться о избавлении Малороссии от нашествия врагов Православия. Эта излишняя хитрость повредила ему. Карл усумнился в искренности предателя, и народ, устрашенный и взволнованный, возненавидел шведов и остался тверд в своем подданстве.

Карл в недоумении остановился лагерем на берегу Десны и оставался без действия.

Петр имел подозрение на старого гетмана. Киевскому губернатору кн. Голицыну и самому Меншикову было повелено

надсматривать за ним. Мазепа хитрил и медлил. Он, собрав малороссийских старшин, с их согласия послал племянника своего Войнаровского к отсутствующему Петру с жалобами на нарушения прав народа и с смиренной просьбою о подтверждении оных. Петр, еще более усомнясь, повелел взять Войнаровского под стражу. Он успел убежать.

Мазепа, опасаясь царского гнева, уже готов был к явной измене. Он в укрепленном Батурине оставил своих единомышленников: наказного атамана Чечеля, сотника Дмитрия (?) и генерального есаула Фридрика Кениксека с лучшим войском, а сам отправился к Десне. Перешед оную, он выстроил свое войско в виду приближавшихся шведов, и, когда все ожидали сражения, он вдруг, обратясь к малороссиянам, произнес сильную речь, в которой открыл настоящее свое намерение. Малороссияне, не приуготовленные ни к чему, испугались и один за другим обратились в бег. Осталось при гетмане около 2000 наемных его сердюков, с коими он и явился к шведскому королю.

Карл 1-го ноября, поставя в три ряда пушки на горе, отбил русский отряд, тут находившийся, и переправился через Десну; наши отступили к местечку Воронежу (*см. Голиков*. Ч. III – 40).

Петр из Смоленска 20 октября поехал по почте через Рослав, Брянск и Трубчевск, отселе к Новгороду-Северскому и стал по сю сторону Десны в местечке Погребках, от Новгорода в двух милях. Здесь-то (29 октября) получил он известие об измене Мазепы. На другой день Меншиков и Голицын подтвердили ему то изустно.

В воинском совете положено было взять Батурин. Меншиков туда пошел. Петр, не получая уже шестую неделю писем от Апраксина, писал к нему, жалуясь на сие и предписывая шведов к Польше не пропускать; если же неприятель пошел уже к Риге, то за ним бы уже не следовать, потому что у Риги стоит шведский генерал-майор Шкит с 6000; что Апраксину уже не под силу. Репнин имел указ соединиться с Апраксиным в Белоруссии.

Между тем Петр получил от Апраксина известие о том, что Либекер разбит. Петр благодарил Апраксина и известил его о измене Мазепы, 21 год верного и при гробе ставшего предателем. Кн. Долгорукому на Дон пишет: «Слава Богу, что в замысле его и пяти человек нет».

Венецианский историк говорит: Либекер, думая в Ингерманландии отомстить урон Карла, пошел противу Брюса, но 16 октября был разбит и потерял до 2000. После чего со стыдом и возвратился.

Петр повелел архиереям киевскому, черниговскому и переяславскому быть в Глухов, а сам с полковниками черниговским, стародубским, нежинским и переяславским поехал в местечко Воронеж.

Меншиков прибыл к Батурину. Он нашел ворота заваленными землею. Сотник Маркович, отряженный для увещевания мятежников, едва не был ими убит. Кн. Голицын, вслед за ним подъезжавший к городу, принужден был отъехать, сопровождаемый выстрелами через реку Сейм. В тот же день вечером прислали они к Меншикову для истребования трех суток на размышление. Сие было отвергнуто. Мятежники стали стрелять по княжеской квартире. Тогда приказан приступ. Батурин был взят и разорен до основания; предводители захвачены.

Петр узнал о сем в Воронеже, а 5 ноября прибыл в Глухов. Стародубский полковник, слабоумный Скоропадский, *вольными голосами* избран в гетмана. Сам Петр вручил ему булаву etc.

8-го прибывшие архиереи предали Мазепу анафеме; *персона* его повешена.

10-го казнен Чечель и прочие батуринские мятежники.

Карл и Мазепа рассеяли вновь манифесты. *Первый*, описывая черными красками Петра, звал Малороссию к старому, верному их гетману; *второй*, описывая жестокость Петра при взятии Батурина и объявляя Малороссии намерение царя лишить их свободы, повелевал листы свои читать по церквам. Сверх сего рассеяны были по России возмутительные письма, напечатав оные в Гданске.

Петр отвечал манифестом. Возмутительные письма приказано (указ 15 января 1709) приносить в судебные места, а разносителей ловить. Скоропадский возразил универсалом на клеветы Мазепы. Многие из сообщников Мазепы оставили его; между прочими миргородский полковник Апостол. Города прислали к Петру своих депутатов; мужики приносили русскому начальству письма Мазепы, даже нападали на шведов etc.

Киевский губернатор князь Голицын из *Киево-Печерской лавры* и из Белой Церкви взял в казну сокровища Мазепы.

Петр меж тем повелел из Ингрии прислать наскоро в Москву восемь полков, звал <адмирала Апраксина> в Воронеж (какой?), писал о провизии и деньгах, нужных в Азов, повелевая о том писать цифирью.

Карл овладел *силою* городами Гадячем, Прилукою, Лохвицами, Лубнами etc. и в них расположился.

Зима была жестока. Шведы терпели великую нужду, – чему виновен был и Мазепа, свезший весь провиант в укрепленные места, подпавшие в руки русских.

Петр между Путивля и Михайловки определил ввести в Полтаву пять батальонов при полковнике Келине. Из Лебедина (в жестокую стужу) ездил к местечку Веприку (где было 1500 русского гарнизона, а около стоял Рен), отселе Петр осмотрел *Гадяч*, занятый тремя полками шведов, и, возвратясь в Лебедин, в воинском совете положил: большей части войска идти к Гадячу, а Алларту к Ромну (где стоял сам король). Буде король не пойдет на помощь к Гадячу, то Алларту не приближаться к Ромну; буде же пойдет, то нашим от Гадяча отступить, а Алларту занять Ромну. Ромна была занята. Сие было в декабре, в жестокие морозы, когда и птицы мерзли в воздухе.

Около 100 человек наших заморозили себе руки и ноги, но Карл, двои сутки простояв в степи, потерял до 4000 (*Таубертова рукопись*).

Карл, не нашед никого под Гадячем, осадил Веприк и взял оный по троекратному приступу, потеряв 3 полковников,

43 обер-офицеров, 1200 рядовых, кроме раненых, в числе коих был его фельдмаршал Рейншильд и генерал-майор Штакелберг.

Петр писал к Апраксину, чтоб он уже в Украйну полков не посылал, коих требовал он при начале Мазепиной измены. Он не думал, чтоб зима прошла без главного сражения (а сия игра в Божиих руках), и повелевал полкам для удобного поворота быть в Москве, на полдороге от Петербурга до главной квартиры. Он звал Апраксина в Воронеж; тоже и князя Долгорукого.

Гвардии поручику Ушакову приказал (когда?) Петр податься ближе к Лебедину. Потом повелел ему следовать к Нидрегайлову, к генералу Алларту и быть там 15 декабря, а <к> 19-му с полком Рязанова прибыть к Петру.

Тогда же, по просьбе коронных гетманов польского и литовского, Петр послал в Польшу противу Лещинского, Сапеги и Красова – фельдмаршала-лейтенанта Гольца. Узнав из перехваченных писем, что Карл и Мазепа звали Станислава, Петр сказал: «Желал бы я, чтоб и он подоспел, тогда бы угостили мы трех королей».

Король шведский стоял между Ромна и Гадяча. 26 декабря Петр прибыл в Сумы с гвардией и с полками Ингерманландским и Астраханским.

Шведский обер-аудитор, отпущенный на честное слово, явился к королю с предложением о размене пленных. Граф Пипер и другие шведские министры, без ведома короля, говорили с ним о мире. Аудитор насчет пленных возвратился ни с чем; а о переговорах донес государю.

Петр, желая мира, велел Головкину переписаться с Пипером, требуя одного Петербурга с Ингрией и Нарвы, за что и обещал вознаграждение. Карл гордо отказал, повторяя прежний свой отзыв.

Петр получил сей ответ в Троицкой крепости и писал о том Апраксину.

(15 января 1709) указ о обучении поповских детей в греческих и латинских школах, а безграмотных на отцовское место не ставить и никуда, кроме военной службы, не принимать.

Воронежская верфь перенесена в Тавров, и противу бунтовщиков выстроена крепость Павловская, около которой велено насадить винограду.

Указы 1708 (20)

О содержании в городах и в уездах на кружечных дворах добрых водок, простых вин etc. и о посылке из ратуши для осмотра посыльщиков.

Об отдаче на откуп (по <указам> 705 и 707 годов) в волостях и селах сборов кабацких и таможенных etc.

О писании *откупщиков бурмистрами.*

О непродаже вина в ведра etc. под страхом конфискации всего имения.

Разные постановления, до продажи вина касающиеся.

Иностранных резидентов и посланников ведать в одном Посольском приказе.

NB. О рекрутском наборе (с 20 дворов 1) от 20 до 30 лет – с Московской губернии, и с городов в 100 верстах от Москвы – с 10 дворов 1 – с платьем, хлебом и с *рублевыми деньгами* (?).

NB NB. Об учинении восьми губерний etc.

1709
(До Полтавского сражения)

Петр праздновал новый год в Сумах.

Перехвачено было еще письмо Мазепы к Лещинскому, в коем, именуя себя рабом и подданным польского короля, он умолял его слезно поспешить к ним на помощь. Петр повелел письмо перевести и рассеять. Он послал генералов Гулица и князя Голицына для отрезания Лещинского от нашей границы. Они отправились в конце марта из Киева с 5800 пехоты и 3600 драгун; Станислав, с воинского совету, положил на них напасть, а потом и на противных гетманов. Войска сошлись у Подкамня. Не дождавшись шведской пехоты, предводители

польские и литовские пошли в атаку. Русские через полчаса сбили их и потом ударили на шведскую пехоту и обратили в бег, убив до 400 человек, взяв 14 штандартов etc. У нас убито 25 человек.

Карл вследствие того был отрезан от Польши, из которой не мог он уж получать даже и известий.

В начале января король пошел к Красному Кусту. Петр, известясь о том через Ушакова и генерал-майора Гейшина, делал свои распоряжения.

Петр, посылая в Ковно к Репнину гвардии майора князя Долгорукого (усмирителя булавинского бунта), повелевает:

1) чтоб для зимнего похода готовы были запасы,

2) чтоб отряд, что в Друе, стал между войском Репнина и Боура, дабы удобнее соединиться и обще идти к Митаве,

3) чтоб запасы и тут были готовы,

4) из оного отряда полк поплоше послать в Друю на смену.

Долгорукий отправился с изустными поручениями, *понудителем царских повелений* (Голиков).

Апраксину в Воронеж Петр писал, что шведы пошли к Днепру, и повелевал не терять *сего от Бога данного времени* для приуготовления в Петербурге судов etc.

Из Ахтырки писал он к нему же, что по слухам шведы намерены к Воронежу. Петр для сего повелевает все корабли (недостроенные?) спустить и свести в Тавров, а там снова их на лодки поставить и доски отобрать; в Москву пишет он о точном наблюдении солнечного затмения (что будет видимо в Воронеже) etc., о булавинском бунте: что в Азове пойман протопоп, оказавшийся его соучастником etc. О садовнике с цветами из Москвы в Воронеж etc.

Из Ахтырки Петр с Меншиковым поехал в Белград.

Карл напал на два полка генерала Рена (Rönne), стоявшего между Городенка и Красного Куста с десятью полками. Они отступили. Между тем Смолянский рейтарский полк наехал на наших гренадеров и пеших драгунов, стоявших во рву за засекою. Он был разбит, и подоспевшие шквадроны гнали его до Красного Куста. Сие было слеву Городенка; справа Карл сам

шел атаковать Рена с тыла, но он был отбит с потерею. Король чуть не попался в плен. Мельница, где он находился, окружена была нашими драгунами; наступила ночь, все его войско кинулось его выручать и принудило наших отступить.

Карл потом, сожегши несколько городов и деревень, пошел к Опошне. Скот и провиант, собранный им, были у него отбиты у самой Опошни.

Шереметев с Преображенским полком, с тремя пехотными и 10-ю конными пошел противу генерал-майора Крейса. 14-го февраля отрядил он генерал-майора Бема с двумя батальонами преображенцев, с полком астраханским и с двумя ротами гренадер к местечку Рашевки, подкрепив их пятью полками. Бем атаковал полковника Альфенделя, командовавшего одним полком драгун и 150 пехоты. Они выстроились за тремя рядами рогаток, но были выбиты и прогнаны в Рашевский замок; наши вошли вместе с ними. Альфендель был взят в плен с 9 офицерами и 91 рядовыми и 48 неслужащих. Освобожден был один из наших майоров; взяты два знамя, весь багаж и вся конюшня Рейншильда и других, до 2000 лошадей. Гвардии майор Бартенев и капитан-поручик Карачаров умерли от ран, здесь полученных, ранены 3 офицера, 3 сержанта и 73 солдата; убиты 1 офицер и 15 рядовых.

Сей Альфендель был у короля Августа генерал-майором и вступил в службу к шведскому королю полковником. (*Ч. II писем Шереметева*.)

Петр избегал главного сражения; Карл отлагал оное до прибытия помощи из Польши и из Крыма. Но крымские татары остановлены были повелением султана; а от Польши король был отрезан. Шведский генерал граф Дона, приняв на себя звание бранденбургского посла, поехал было к Карлу, но был схвачен и привезен в Киев.

Петр, подтвердив как Шереметеву, так и всем генералам стараться изнурять шведские войска, избегая главного сражения, 12-го февраля с Меншиковым уехал в Воронеж, куда и прибыл 14-го. Главным намерением его было вооружением сильного флота удержать Турцию и татар от союза со шведами.

Кошевой атаман Костя Гордеенко (у Голикова Костин) привел своих запорожцев к Мазепе; пред сим в местечке Царичевке напал на наш отряд, убив до 60 солдат и захватив до 15. Но был прогнан, потеряв 700 казаков. Гордеенко представил пленных королю в Будищах, присягнул ему со своими старшинами, получил в награду по 20 талеров (Голиков: ефимков) на казака. Мазепа назначил им жалования по 10 талеров в месяц (?).

Гордеенко вскоре был схвачен, во время его наезда. Он засел было между камней, но полковник Болтин вытеснил его оттуда, Гордеенко, покрытый ранами, попался в плен, и ему отрубили голову.

Петр в Воронеже занимался кораблестроением. Во время Голикова хранился еще в Воронеже маленький образцовый военный корабль, сделанный его собственными руками.

Государь повелел заготовить в Москве во всех приказах, а в городах всем *бурмистрам*, книги и ведомости сборам хлебенным, денежным etc., дабы в будущем 1710 году все губернаторы и воеводы по оным книгам приняли города в ведение свое.

NB. *(Смотри в Голикове объяснение, данное на сие Курбатову. Ч. III – 81.)*

7 апреля (при вскрытии рек) Петр отправил Меншикова в армию, а 8-го спустил готовые корабли: 80-пушечный «Орел»; два 70-пушечных да 50-пушечный один и яхту. В тот же день ездил в Тавров осматривать корабли.

9-го апреля с Апраксиным Петр отправился Доном в Азов на двух бригантинах и на итальянских *скампавеях*. Он прибыл при пушечной пальбе. Там осмотрел он работы и взял праздник Пасхи. Тут получил он от Меншикова следующее известие:

11 апреля Карл отрядил генерал-майора Круза с 4000 шведов и с 3000 запорожцев, при четырех пушках противу нашей конницы к местечку Соколну (где стоял генерал Рен). Неприятель ее обошел; но она предупредила атаку. После жаркого сражения шведы были сбиты и оставили на поле 800 убитых, полковника Гильденштерна и несколько офицеров; при переправе же через Ворсклу погибло множество, особливо запо-

рожцев. Четыре пушки были взяты. Мы потеряли не более 50 человек. Два неприятельские ротмистра с тремя хорунгами волошскими передались к нам.

Малороссийские казаки и мужики вредили также неприятелю. Генерал-майор Крейс при переправе через Псол принужден был несколько возов и весь скот свой потопить и едва ушел с Мазепиным имением и с остальным багажом. Полковник Яковлев взял Переволоченскую крепость, занятую запорожцами, сжег оную, порубил до 1000 человек. Отряд донских казаков под Керебердою разбил также запорожцев, табором их овладел и слободу сжег, выжил шведов из Решетиловки и переколол многих при их переправе через Псол. Беглецы умножились в шведском войске.

26 апреля Петр, отпустя Апраксина в Воронеж, сам на двух бригантинах пошел в Троицкий.

Отселе писал он Апраксину, жалуясь на упущение тамошних работ; пишет о размене пленных (подробно), о Некрасове, отрядившем 1500 казаков для грабежей вверх по Дону. Если нет ему дела в Воронеже, то бы ехал он в Москву и в Ингрию, если услышит что-нибудь о намерении неприятеля; приказывает сделать медаль золотую с каменьями ценой в 300 р. с *персоной нашей* на одной стороне, а с другой – Троицкой гаванью (с надписью: «дана за труды Матвею Симонтову»). NB. Наконец уведомляет его о взятии и разорении Запорожской Сечи (Яковлевым?).

Шереметеву предписывает в письме в то же время не допускать шведов до овладения Полтавою.

Из Троицка ездил Петр в море за Миус – с дороги писал он *обер-коменданту воронежскому Колычеву* о кораблях etc.

9-го мая возвратился в Азов. Здесь получил он от Меншикова следующие известия:

В воинском совете положено было атаковать шведов при местечке *Будищах*. Генерал-поручик Белинг, генерал-майор Шомбург и генерал-квартирмейстер Гольц были отряжены. *Гольц*, переправясь первый через Ворсклу, напал на 500 шведов, засевших в укреплении, и вытеснил их. Противу Гольца

Карл выслал 3 конных и 2 пехотных полка; но он их разбил и прогнал. Шведов убито 600 человек, взято: 1 майор, 9 обер-офицеров, 150 рядовых, 2 пушки, 1 знамя, да *освобождены несколько сот малороссиян* (Феофан, с. 198).

Запорожские казаки (между прочим) разбили *когда-то* греческий караван, за что, по требованию Порты, Петр заплатил 100 000 ефимков. Когда *избран был Скоропадский*, то *Петр* послал к ним офицера (?), от нового гетмана посланца, и архимандрита с увещаниями и с деньгами. Казаки *чуть* их не убили. После смерти Гордеенки они укрепили Сечь, но Яковлев взял ее, потеряв 300 человек.

Петр получил известие, что Полтава осаждена, что Карл несколько раз уже приступал к городу и в сильной блокаде его держит, и 31 мая по почте поехал в армию.

Мазепа уверял Карла, что взятие Полтавы привлечет к нему Малороссию. В ней заготовлены были магазейны (в коих шведы нуждались). Взятие Полтавы открывало королю сообщение с поляками, казаками и татарами и дорогу в Москву. Карл не сумневался в своем счастии, в кое он всегда верил (по наущению Фрелинга, замечает Голиков, веровавшего в предопределение).

Нам необходимо было усилить Полтавский гарнизон. Меншиков принял это на себя. Воинский совет положил сделать диверсию. 7-го мая генерал-майор Беллинг отправлен вниз Ворсклы, дабы обойти неприятеля к Опошне. Меншиков с остальным войском пошел прямо на неприятеля, стоявшего за Ворсклою в укреплении. В ту же ночь были сделаны три моста. Беллинг должен был, когда Меншиков переправится, наступить на Опошню. Репнин стоял в резерве для сикурсу.

7-го мая на рассвете пехота перешла через мосты, а конница вплавь; и все устремились на укрепление (в коем было четыре эскадрона и 300 человек пехоты). Наши холодным оружием вытеснили их, обратили в бег и гнали до самой Опошни. К ним на помощь выступили три конных и два пехотных полка. Русские и сих побили и обратили назад. Неприятель зажег предместия и ушел в Замок. Но Беллинг

не мог подоспеть, и Меншиков, увидя, что сам король из Будищ с семью полками спешит к Опошне, в порядке стал отступать. Убито: 600 шведов, взяты две пушки, 300 рядовых etc. Наших убито до 600 же. Цель сражения была исполнена: бригадир Головин в виду неприятеля ввел в город 900 солдат. Карл тогда произнес: «Вижу, что мы московитян научили воинскому искусству!»

Потом все наше войско приступило к Ворскле и стало против Полтавы (за рекою) и неприятельского лагеря.

17-го мая стычки у мосту, укрепленного редутом и пушкою. В то же время вылазка: неприятель из апрошей вытеснен и гнан до самой реки. Между тем из наших шанцев картечь прогнала неприятеля из форпостов – мы в нескольких шагах от моста днем сделали редут. Ночью все наше войско спокойно работало, а волохи наши, переправясь, увели до 2000 лошадей.

Гольц с 1500 драгунами в Польше разбивает бобруйского старосту Сапегу, начальствовавшего 5000 регулярного войска (не считая нерегулярное).

4-го июня Петр прибыл из Троицка, степью на Бахмут, Изюм и Харьков.

Петр осмотрел все и повелел Рену с конницею переправиться через реку и, спешив два драгунских полка, поставить их в засаде в лесу, а потом отрядить до 500 драгун и всю нерегулярную конницу к неприятельскому обозу, дабы выманить неприятеля на засаду. Рен исполнил сие в точности. Король с шестью полками ударил на наш отряд и гнался за ним до засады. Тут шведы были приняты живым огнем, приведены в беспорядок и прогнаны. Рен переправился без всякой потери.

Пленный у шведов подполковник Юрлов из Старого Санжарова известил государя, что при них войска немного. Петр отрядил к Санжарову генерал-поручика Гейншина с отрядом драгун. Юрлов взбунтовал русских пленных. Они разбили свои колодки, побили оными стражу, вышли из своей тюрьмы, а в сие время Гейншин взял и город. Петр пожаловал Юрлова полковником.

В воинском совете положено освободить Полтаву, *без генерального сражения*, приближась к ней апрошами, и 16-го июня начались работы. Но шведы своею поперечною линиею до того нас не допустили, да к тому же реки и болота были препятствиями.

Осажденные письмами, бросаемыми в пустых бомбах, дали знать, что у них недостаток в порохе и что неприятель уже вкопался сквозь вал и в палисад.

Петр собрал совет 16-го июня. В нем положено, перешед реку, дать генеральное сражение как единственный способ освободить город.

За два дня до сего сражения Петр писал Апраксину о подробностях, относящихся к морской службе, о намерении своем напасть на Нарву, *понеже Петербург и Котлин довольно отведал, и хорошо укреплен* etc.

19-го июня Петр со всею армией пошел вверх от Полтавы по реке Ворскле к посту Рена. 20-го переправился – и повелел делать фашины; потом стал ближе, за $^1/_4$ мили от шведского лагеря. Ночью сделан ретраншемент; кавалерии Петр повелел стать на правой руке между лесом, и той же ночью перед нею сделано 10 редутов (а 4 недокончены). Сии редуты снабжены войском и пушками и поручены бригадиру Айгустову.

25-го Карл осматривал сам наш лагерь, ранен был в ногу etc.

26-го Петр осматривал положение мест, располагая план сражения. Но Карл его предупредил.

1709
(Вторая половина)

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ (ПО ГОЛИКОВУ)

27 июня до восхождения солнечного неприятель тронулся с намерением атаковать нашу конницу и для того думал прежде овладеть редутами, но пушки оных от правого неприятельского крыла оторвали шесть батальонов пехоты и

несколько десятков эскадронов конницы и понудили их уйти в лес. Главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной, храбрый Рен, ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назади (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления и приняты были пушками во фланг. Они отступили на пушечный выстрел и выстроились в боевом порядке.

Петр меж тем отрядил Меншикова, Гейншина и Ренцеля с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты противу отступившей в лес кавалерии (от наших редутов). Неприятель был порублен. Генерал-майор Шлиппенбах сдался, а генерал-майор Розен отступил к полтавским апрошам.

Петр отправил Меншикова и Ренцеля с повелением атаковать шанцы шведские и Полтаву освободить. Меншиков наехал на 3000-ый отряд (резервный), стоявший позади правого шведского крыла у леса. Меншиков их атаковал и разбил и возвратился к Петру, поруча Ренцелю довершить остальное.

Розен по приближению Ренцеля ушел с тремя бывшими с ним полками в свои крепости и окопы. Но русский генерал его атаковал, и Розен сдался.

Тогда Петр вывел из укрепления свою армию и выстроил ее следующим образом: корпус армии стоял в двух линиях, третью (шесть полков) оставил назади в укреплении при генерал-майоре Гинтере; конница стояла на крыльях: на правом под командою Боура, на левом – Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. Три батальона при полковнике Головине стояли на горе у монастыря для сообщения с городом, шесть полков драгунских при генерал-майоре Волконском – между малороссийским войском и нашим для сообщения с Скоропадским и в случае нужды для сикурса главному войску.

Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой. Дело не продолжалось и двух часов – шведы побежали.

На месте сражения сочтено до 9234 убитыми. Голиков погибшими полагает 20 000, на три мили поля усеяны были трупами. Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж и коля своих раненых. Ушедших было до 16 000, а с людьми разного звания до 24 000.

Вначале взяты в плен генерал-майор Штакельберг и Гамильтон, генерал-фельдмаршал Рейншильд, принц Виртембергский с множеством офицеров и <нескольких> тысяч солдат; 2900 наших были освобождены. Пленные пригнаны в лагерь.

В шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными секретарями Цидельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.

Карл, упавший с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру. Он соединился с войском своим под Переволочною; тут оставил он его и бежал в турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерскроном и Шпаром.

В полтавское сражение король имел 31 полк, свою гвардию, лейб-драгунов, лейб-регимент и драбантов, волохов, запорожцев и мазепинских сердюков 2000. Всего – более 50 000, одних шведов до 40 000. Наших было более, но все было решено первой линией (10 000 войска). Мы потеряли бригадира Феленгейма, полковника его Лова и Нечаева, 37 штаб- и обер-офицеров, 1305 унтер-офицеров и рядовых. Ранены Рен, бригадир Полонский, 5 полковников, 70 штаб- и обер-офицеров и 3214 унтер-офицеров и рядовых.

Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.

В тот же день послал он Гольцу приказ всячески не допускать короля соединиться с польским его войском и пересек рассылкою легких войск все дороги из Турции.

Князь Голицын и Боур преследовали бегущих. На другой день Петр послал к ним в помощь Меншикова и занялся погребением убитых офицеров особо, рядовых в одну общую могилу. Войско стояло в строю. Полковые священники отпевали тела. Петр плакал и сам при троекратной стрельбе бросил первую горсть праха. 29-го, день своих именин, Петр угощал опять пленников, а 30-го отправился вслед Меншикову и прибыл в Переволочную. Уже неприятель без бою отдался Меншикову, имевшему не более 9000. Число сих пленных было 24 000. Петр повелел выдать им провиант. Узнав от Левенгаупта о бегстве короля в Турцию, он отрядил бригадира Кропотова и Волконского вслед за ним по разным дорогам. Запорожцев взято в Переволочной 220; прочие разбежались, иные утонули в Днепре, немногие ушли с Мазепою. Потом Петр возвратился в Полтаву.

Меншиков пожалован в фельдмаршалы, Шереметев, Репнин, Голицын и Долгорукий и проч. деревнями; граф Головкин канцлером, барон Шафиров подканцлером; сей же Долгорукий и боярин Мусин-Пушкин – тайными действительными советниками. Репнин, Брюс, Рен, Алларт, Ренсель – орденами (?), штаб- и обер-офицеры портретами царя с алмазами, золотыми медалями; все рядовые годовым не в зачет жалованьем и серебряными медалями; иностранцам большею частию даны деньги; в том числе полтавский комендант полковник Келин – он произведен в генерал-майоры – получил портрет с алмазами и проч.

Пленным определено содержание (?).

Запорожцы, взятые в Переволочной и явившиеся потом с повинною, вопреки указам были прощены. Старшины отосланы были без наказания в Сибирь на поселение, а начальники обращены в поселяне.

Петр по просьбе своих генералов принял на себя чин генерал-поручика (дабы чрез чин не быть произведену).

Мазепа перешел за Днепр прежде короля. Взято пушек 22, гаубиц 2 и мортир 8. Артиллерия шведская в разных сражениях уменьшена была.

Карл прислал Мардофельда в Полтаву *под видом некоего комплимента* (Голиков), но он был задержан, ибо не имел ни письма, ни паспорта. Открылось потом, что Карл присылал его с предложением о мире на тех условиях, кои предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно, однако отпустили с тем, чтоб за него отпущен был кто-нибудь из наших знатных пленных и с новыми мирными условиями. Сей Мардофельд под Калишем взят был в плен и освобожден по просьбе Августа. Он имел дозволение говорить с Пипером в присутствии Шафирова, по просьбе коего отпущен Цидельгельм, дабы обще с шведским сенатом старались они о мире.

В самый день сражения Петр уведомил Апраксина и других (от 9 и 10-го июля) о своей победе. Колычеву в Воронеж писал, чтоб он уведомил о том *товарищей* царя – Козенца и Ная; в другом письме к нему же, что в Коротояк отправлены будут 3000 шведов, и когда на *Середе* начнется крепость, то бы их на работу употребить. *Апраксину* (от 9 июля): полагая, что тою осенью к Выборгу приступить нельзя будет, полагает осадить Ревель, для того приказывает в Нарву из Петербурга доставить пушки и проч. Повелевает ему достать Корелу, *ибо в оной водяной путь невозбранный и проч.*

13 июля Петр отступил от Полтавы в Решетиловку за духотою от мертвых тел и стояния двух армий. Тут повелел он пленным шведам экзерсироваться в его присутствии, предал суду изменника бригадира Мильфельса, которого и расстреляли. Петр писал опять Колычеву о чертеже и проч., о кузнецах и проч., посылая ему и г-дам Козенцу и Наю по шпаге шведской, и уведомил, что 3000 шведов уже посланы при полковнике Нелидове. Замечательна последняя статья по резолюции на вопросы Колычева: на каждого корабельного мастера возложив по части, прибавляет он: *кроме моей доли.*

Мастера Скляева, находившегося при сражении, произвел он в капитаны (морские) – он объявляет Колычеву за тай-

ну о будущей морской кампании и приказывает, чтоб 4 или 5 кораблей были бы готовы.

Петр отрядил Шереметева для осады Риги, со всею пехотою и частию кавалерии, а князя Меншикова в Польшу с большею частию конницы, дабы выгнать Красова и Лещинского, соединясь с Гольцем. Репнин оставлен на границе для наблюдения татар, турков и казаков. Пленных (знатных) отправил он в Москву, а простых по городам, и с Меншиковым и со многими министрами и генералами прибыл в Киев 22 июля.

Здесь он узнал Феофана Прокоповича, ректора киевских училищ. Речь его понравилась Петру, и он принял его в свою особую милость. Он занемог, но не оставил своих упражнений, писал отцам убитых утешительные письма и проч. Колычеву с мастерами велел быть в Москве к декабрю и проч. Курбатову приказал, когда губернаторы и воеводы съедутся в Москву в конце года, то быть там и бурмистрам по одному человеку с города.

Петр запрещает Апраксину разорять Финляндию, *ибо нам же придется разоренное исправлять*; надеется на мир и ходатайство Цидельгельма, повелевает погодить идти в Корелу, надеясь сам подоспеть к Ревелю – около 14 сентября быть к Нарве, оставя в Кроншлоте и на Котлине 1000 человек, в Петербурге 2 или 1500, в Шлиссельбурге 500, в Нарве 600, в Пскове и Новгороде ничего и проч.

Апраксина с *флагманами* произвел Петр в шаутбенахты. Петр благодарил его из Киева от 13 августа (см. Голиков. Ч. III – 131).

Отпустя в Польшу Меншикова, Петр 15 августа выехал из Киева и 24 отобедал у Гольца. Лещинский и Красов уже бежали в Померанию. Сначала они рассеивали ложные слухи о полтавской битве; наконец Лещинский в Померании отказался от короны. Польские вельможи отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями. Яблоновский, Дзялинский и Щука оставили Лещинского и прибегли к Августу, которого Петр объявил законным королем. Август с 14 000 саксонцев вступил в Польшу, рассея манифест, в коем отречение свое

представлял недействительным, яко принужденное и без согласия Речи им данное вопреки своей присяге, и объявил, что он вновь вступает в права свои, по требованию Петра и проч. Он прислал великого конюшего и Фицтума к Петру, приглашал его в Торунь и повторил ту же просьбу, не доехав до Кракова.

7-го сентября Петр из Люблина прибыл в местечко Сольцы и осмотрел войско Синявского. Здесь получил он третье приглашение Августа чрез Флеминга, а от прусского короля чрез камергера фон Камкена. Петр обещался обоим.

Петр в Сольцах к 20-му сентября велел сделать 10 судов, на коих весною отправился в Торунь. Конюший Фицтум и генерал-фельдмаршал <Флеминг> были при нем; в гребцах и конвое – Вятский полк при кн. Алексее Голицыне.

Петр между прочим послал Апраксину манифесты Августа, дабы оные доставить Либекеру и Кастюртейну и проч.

Кн. Голицыну повелевает быть с войском своим к Ковну и уведомляет, что идет вслед за Красовым.

Гвардии подполковнику Долгорукому, чтобы он с виленских жидов доправил штрафу 20 000 ефимков за то, что обещались от себя посылать шпионов и солгали; и взять под стражу 40 или 50 лучших, пока не заплатят.

Карл бежал к Очакову, но его туда не впустили; русские его преследовали живо: 1) Переяславский полковник Томора (Тамара?) первый нагнал его, взял в плен генерал-аудитора, генерал-кригс-комиссара, трех офицеров и 60 рядовых. 2) В Велиже взято 8, убито 30. 3) Бригадир Кропотов убил до 200 и взял 260 (в том числе генерал-аудитора). 4) Генерал-майор Волконский догнал короля при Днестре. Король успел переправиться с малым числом и остальные – 200 человек были убиты, в плен взяты 4 офицера и 209 рядовых, многие перетонули. Король приехал в Бендеры. Паша принял его с пушечной пальбою. На другой день король послал в Константинополь Неугебауера.

23 сентября Петр прибыл в Варшаву. Паны и между ими великий канцлер князь Радзивилл и епископ луцкий приняли

его пушечною пальбою. Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи; ночевал на реке, 24-го утром в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26-го за полмили от сего города встретил его Август на двух *прамах*. Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр, поздравляя его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII. Оба государя обедали вместе на реке и въехали в Торунь верхами при пушечной пальбе. Все войско саксонское и *мещанское* стояло под ружьем. Петр до пятого часа ночи пировал у короля; король, его министры и генерал с драбантами проводили его до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему *виват*.

28 сентября в день Левенгауптской баталии король обедал у Петра, пили за здравие обоих государей при пушечной пальбе из крепости и стрельбе выстроенного войска.

29-го и 30-го Петр и король занялись возобновлением союза, нарушенного Алт-Ранстадским трактатом. В Торунь приехал и датский посланник барон фон Ранцов с поздравлениями и предложениями к заключению настоящего и общего союза. Петр повелел российскому министру при датском дворе князю Долгорукому заключить оный. В Торуне сверх сего заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили Регенсбургскому имперскому собранию, что ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учинить военное действие или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет, и требовал *гарантии* всей империи.

Петр писал Апраксину, чтоб он и датский посланник дожидались его в Петербурге; жалеет, что дела задержали его в Польше и что время для взятия Ревеля прошло; повелевает оному одну блокаду (без артиллерии) и подводы распустить и проч., что бригадир Кропотов при местечке Чернявцах на

остальных шведов напал (между ими и 500 запорожцев), побил их и перетопил в *Пруте* и проч.

Поляки, противники Августа, прибегнули к ходатайству Петра. Тогда же прибыл к Августу и турецкий посол с поздравлениями и с уверениями в дружбе и в добром соседстве.

10-го октября Петр отправился Вислою в Мариенвердер для свидания с прусским королем. Август провожал его 8 миль, до саксонского лагеря. Петр осмотрел войско и экзерсиции. Тут принял он бобруйского старосту Сапегу, главного мятежника, прибегнувшего к его заступлению. Он приехал по повелению Петра, обнадежившего его прощением Августа. Таким образом Петр примирил короля со всеми его подданными.

14-го октября Петр поехал рекою же; от Мариенвердера в полумиле, 15-го, на берегу Вислы встретил его король; оба с торжеством въехали в город в одной карете и остановились в том же доме. Они обедали за церемониальным столом. На третий день заключил и четвертый союз.

19-го оба государя обедали у Меншикова. Граф Дона в своих записках говорит: «Je n'ai jamais vu boire plus de vin de Hongrie»[21)] и рассказывает анекдот о Рене: «Rönne, Rönne, mon ami! Dans un autre pays tu ne te verrais pas de si tôt une excellence»[22)]. Петр подарил Фридерику шпагу, которую носил он под Полтавою, и, несмотря на то, что она была тяжела, длинна и неловка, король во все время носил ее на себе. Петр не пьянствовал и умел себя воздерживать. Дона при сем случае выпросил прощение за своего родственника (мнимого бранденбургского посланника, – смотри выше). Петр приказал присоветовать ему не вмешиваться более в политические сплетни, за которые впредь ему так дешево не отделаться. «Votre majesté, s'il y revient, peut lui faire donner le knout»[23)]. Петр заметил, что кнут слишком тяжкое наказание, и хотел дать почувствовать, что в России за все про все кнутом не дерут. Дона говорит о умеренности и благопристойности Петра и проч.

На сем обеде король пожаловал Меншикову свой орден и предложил о сочетании царевны Анны Иоанновны с герцогом курляндским, на что Петр и соизволил.

В Мариенвердере прибыл к Петру Флеминг, и по молчанию его Петр догадался о причине его приезда и сказал ему не обинуясь, что, быв оставлен всеми своими союзниками в самую опасную минуту, не обязан он исполнять условия трактата, ими же нарушенного, и что завоевания, им одним совершенные, ни с кем делить он не намерен, а всего менее с Августом и республикою. Дело шло о обещании Петра возвратить Польше лифляндские города, некогда ей принадлежавшие.

Петр меж тем предписал генерал-майору Ностицу выбить шведский гарнизон из Эльбинга и город занять, а Меншикову расположиться на границе венгерской на зиму.

23 октября Петр отправился к Риге сухим путем. Вперед для угощения на станциях отправлен чрезвычайный посланник Кейзерлинг, два майора и комиссар. Петр поехал на Пресшмарк, Бартенштейн, Отнюргенцы, Инстербург.

29 октября Петр прибыл на польскую границу, где свирепствовала моровая язва, почему Петр принужден был делать большие объезды. С дороги писал он к русским начальникам о предосторожности противу язвы и легкомыслия поляков (письмо Петра к Ушакову 6 октября); об отправлении пленных к Серпухову (для торжественного въезда в Москву и проч. и проч.).

6 ноября Петр прибыл в Митаву. Чины Курляндии встретили его за городом, дворянство и городские бурмистры все верхами. Петр въехал в город верхом.

9-го ноября прибыл он под Ригу, в лагерь Шереметева. Около города все укрепленные посты были заняты: крепость же Кобер-шанец на западном берегу Двины была укреплена снова (шведы хотели было при его приближении оную разорить, но не успели) и названа Питер-шанец.

Петр осмотрел все, 11-го ноября при себе велел поставить мортиры на кетели, и сам бросил первые три бомбы, первая упала на кирку св. Петра, другая на болверк, третья в купеческий дом, потом с Шереметевым, с польским сенатором, троцким воеводой Огинским осматривал крепости; при про-

езде его мимо ветряных мельниц шведы выстрелили по нем из пушек. Петр повелел держать город в тесной осаде, а иначе его не добывать, потому что время уже поздное, что гарнизон велик, а крепость способна к сильной обороне и что спешить нечего, ибо нет ни малой опасности от шведов, а помощи быть неоткуда. Потом Петр отправился в Петербург, заезжая во все завоеванные города, и везде установил порядок.

Шереметев поручил осаду Репнину с 7000 войска, а сам на зиму расположился в Митаве. В декабре уехал он в Москву.

23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцев заложил он церковь св. Самсона и повелел другую заложить и в Полтаве во имя Петра и Павла и того ж Самсона. Он дал указ о поспешении строений городских и увеселительных своих домов и садов, а знатному дворянству о каменных домах *по плану*, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербургском и Котлине. Он своими руками заложил 54-пушечный корабль «Полтава» и 7-го декабря поехал в Москву дождаться Меншикова в селе Коломенском, также и поляков и пленных; учредил порядок торжественного въезда наподобие римских триумфов и 21-го вошел в Москву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании наконец с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!

18 декабря родилась царевна Елизавета Петровна.

Указы 1709 года

В сем же году изданы российская генеральная карта (Фишером) и специальные: 1) окольность Архангельска с островом Соловецким, 2) окольность Астрахани с устьем Волги, 3) окольность Азова и другие, посвященные его величеству фон Кейленом («Ежемесячные Академические сочинения»).

О чистоте улиц, о мостовой, о избрании на то десятских.

О определении *двух перемен* работников к петербургскому городовому строению по 20 000 человек.

О пятом рекрутском наборе с 20 дворов по одному.

О исполнении духовной *Флереза*, хотя и не у крепостных дел писанной, ибо то учинено по неведению закона.

О вычете с писцов за *прогульные* дни по гривне на день.

Об отдаче на оброк покидных, пустых и отысканных земель.

О сборе с ульев и проч.

1710

Петр праздновал Новый год в Москве при пушечной пальбе, огненных потехах etc.

Он занялся расположением расходов и точным определением, откуда кому и на что получать приходы.

Армию положил он составить из 33 полков пехоты и 24 кавалерии и 58 000 гарнизона, кроме гвардии, ландсмилицкого корпуса, лифляндского корпуса и морской силы. Полки назвались по имени городов, а не полковников, как было прежде.

Петр повелел сибирскому архиерею Филофею обращать в христианскую веру иноверные племена, что *не зависит от царской власти, но от проповеди слова Божия*; а новокрещан повелел обучать русской грамоте (венецианский историк: 40 000 и более были обращены).

Петр повелел (когда?) раскольникам нашить на спины платья четвероугольники из красного сукна с желтыми козырями. Они повиновались и безо всякого стыда являлись на бирже торговать с иноземцами.

Всем христианским вероисповеданиям Петр дозволил иметь в России церкви и избирать церковный совет, не состоя под ведомством Синода.

Петр купцу Короткину, выехавшему из Голландии, приказал близ Москвы завести бумажную фабрику и часто оную посещал. Недавно, будучи там, получил он от одного помещика приглашение на медвежию травлю. Петр отвечал: «У меня есть и свои звери внешние и внутренние».

5-го января имел публичную аудиенцию Витфорт, чрезвычайный английский посланник. Вот что было причиною посольству:

В 1708 году наш посланник Матвеев получил приказание ехать в Голландию, был на улице остановлен заимодавцем и отведен в тюрьму. Матвеев, хотя и тотчас освобожденный с извинениями, выехал из Англии без отпускной грамоты и не дождавшись изъяснения на свой протест.

Витфорт от имени королевы, именуя Петра императором, извинился бессилием английских законов и уведомлял, что новым законом, утвержденным в парламенте, отныне посланники ограждены от подобных оскорблений etc., etc.

Титул цесарский или императорский дан был Петру и в Голландии при торжественном праздновании его победы.

В Сибири грек Александр Левондиад отыскал серебряную руду, и пожалована ему грамота на завод. Петр писал воронежскому обер-коменданту Колычеву о строениях в Таврове etc.

3 января Толстой получил в присутствии султана ратификацию прежнего мира.

Карл по смерти Мазепы (20 сентября 1709) наименовал Орлика гетманом Малыя России обеих сторон Днепра и войск запорожских.

Петр, видя, что Красов не в бездействии в Померании, вторично подтвердил свою декларацию (см. выше), того ради 31 марта в Гааге Австрией, Англией и Голландией и постановлено (а 2 апреля на имперском съезде в Регенсбурге и подтверждено), что они принимают на себя неутральную гарантию всех в Германии шведских провинций (равно как и герцогства Шлезвигского и Готландии) с тем, что шведские войска (в Германии находящиеся) не вступят в Польшу и Саксонию, а *союзники в Германию*, под опасением войны.

Петр, согласясь на оные условия, прибавил одно: противу нарушителя да обязуются вышеупомянутые державы действовать оружием.

11 июля сии условия были обнародованы Стокгольмскому сенату датским королем. Сенат нашел их несправедливыми, а Карл из Бендер повелел Красову, коего войско со дня на день увеличивалось, вступить в Польшу. Неутральные державы 4 августа в Гааге (при министрах имперских князей) обязались собрать 16 000 войска.

Карл протестовал, с помощью Франции склонив в пользу свою Порту; посол его в Вене 11 августа, а особливое посольство к Регенсбургскому имперскому собранию объявило, что он на своего неприятеля нападет, где и когда будет ему то возможно, заране объявляя врагом того, кто вздумает тому противиться.

Протест имел свое действие. Большая часть имперских князей в неутралитет не вступили и сказали, что все это клонится к тому, чтоб уничтожить действия корпуса Красова. Но *северные союзники,* с своей стороны, настойчивее требовали исполнение гарантии, объявляя, что в противном случае они вступят в шведские (в Германии) провинции. Петр представил Гаагскому собранию, что *шведские войска в Померании и Бремене усиливаются, что герцог Голштейн-Готорпский делает то же, что Карл старается о разрыве Турции с Россией и Польшею, что он с турецким и татарским корпусом нападет с одной стороны на Польшу, а Лещинский из Померании вступит в Шлезию etc., etc.*

Между тем Петр повелел генерал-майору Ностицу взять крепость Эльбинг, где было 900 шведского гарнизона. 28 <августа> город взят был приступом; гарнизон сдался военнопленным, 260 пушек были взяты etc., etc. Бригадир Федор Балк сделан был комендантом при 200 <человек> гарнизона. Ностиц пожалован генерал-поручиком, Балку дан портрет с алмазами, выбита медаль, но Ностиц через несколько дней, выманя у эльбингского магистрата 250 000 польских злот, *без абшита* ушел, и Петр повелел *персону* его повесить.

17 февраля Петр отправился в Петербург, повелев полкам следовать туда же. Меншикова он отправил к Риге с повелением осмотреть места между Ригой и Динаминд-шанцем

и через Двину (сделав несколько прамов с пушками), <а для> перенятия с моря шведских судов укрепить бревна с цепями.

21 февраля Петр прибыл в Петербург. Он пожаловал Апраксина графом и тайным советником и повелел ему взять Выборг. Апраксин выступил 21 марта.

Петр меж тем, занимаясь делами, сочинял морской устав.

(В Шонах 10 марта было сражение между датчанами и шведами, убито с обеих сторон до 4000. Петр уведомляет о том Апраксина.)

Как только вскрылась Нева, Петр вывел флот корабельный и галерный в Кроншлот – и спешит под Выборг доставить провиант и артиллерию. Крейс отправился 28 апреля по морю, еще не очищенному ото льда, а с ним и сам Петр, *яко контр-адмирал*, со своею эскадрою.

Плавание было опасно. Лед шел и чуть было (в ночь на ... апреля) галеры, занесенные в море, не были разбиты и потоплены. Петр повелел кораблями разбить лед и стать на якори, что и учинено. Весь флот прибыл благополучно к *Березовым островам*. 8-го мая отправили артиллерию и провиант под начальством самого государя.

Провиант прибыл вовремя, оного под Выборгом уже не было. Пока артиллерию и провиант выгружали, Петр, осмотрев лагерь, 14 мая сделал подробные распоряжения осаде (см. Ч. III – 182).

Того же дня Петр с ластовыми и военными судами отправился в Петербург, оставя Боциса с галерами при батареях. Шведы едва не отрезали нашего флота от Кроншлота. 11 шведских кораблей к выборгскому заливу пришли тотчас после отбытия государя. Мая 16-го прибыл Петр в Кроншлот и до 10-го июня пробыл в Петербурге.

Петр писал Апраксину, что опасается он хитрости шведской: дабы под закрытием флота не учинили они сильного транспорта Либекеру, как то сделали они с датчанами (1700?), в случае, если шведы не сильны, то можно будет напасть на Либекера со всею конницей и с несколько пехоты. Приказывает к *Либекеру* послать человека три чухонцев шпионами,

жен задержав заложницами. Надеялся поспеть к приступу и просил оный отложить до воскресения etc.

Артиллерия под Выборгом действовала удачно: с 1-го по 6 июня учинен пролом, в который строем могли войти два батальона. Город был весь почти разорен бомбами. 9-го, когда повелено было идти на приступ, то комендант предложил сдаться на капитуляцию, в сей день оно было отказано, но на другой день Шереметев вошел в переговоры, в тот же день Петр прискакал по почте и даровал следующие условия:

1) Выпустить гарнизон без музыки, знамен и ружей, с пожитками и семействами.

2) Купцы, духовные etc. содержаны будут в их вере etc., etc.

3) Поселяне отпущены.

4) Духовным и комиссарам (1 пункт).

12-го июня город был сдан.

14-го Петр ввел Преображенский полк (яко полковник оного) и сам расставил караулы. Потом молебствие и торжество. Апраксину дана Андреевская лента, генералам – деревни, офицерам медали золотые. Петр обедал и *ночевал* в ставке нового кавалера.

Петр не сдержал своего слова. Выборгский гарнизон объявлен был военнопленным. Петр озлоблен был обидою, учиненною его белому флагу капитаном Лелием, захватившим недавно поручика Шмита, с письмами от шведских пленников посланного к их флоту; но раненых и больных офицеров, также вдов и детей убитых отпустил со всем их имением.

Задержанных в плену было 4 полковника (и комендант), 6 подполковников, 3 майора, 141 офицер (унтер-офицеров и рядовых 3726).

В начале осады гарнизону было 5000, взято мортир 8, гаубиц 2, пушек 151, ружей 5499 etc. Наших пушек было 80 (24- и 14-фунтовых) и 26 мортир.

Выбита медаль etc.

Петр оставил в Выборге Апраксина для исправления разорений, сделав комендантом бригадира Чернышева,

генерал-майора Брюса с конницей и пехотой отправил взять Кексгольм и 22-го июня выехал в Петербург, а 23 имел торжественный вход.

Тогда заключен был брак Анны Иоанновны с герцогом курляндским, и повелел Шереметеву и другим начальникам контрибуцию с курляндцев не брать.

Петр отпраздновал день Полтавского сражения по новосочиненной службе и повелел праздновать оный в роды родов. 8-го июля получил он известие о взятии столичного лифляндского города.

В Ригу введена была целая шведская армия (22 полка), мещанство вооружено, дворянство стеклось для защиты города, укрепления были исправлены, начальство поручено генерал-губернатору Стрембергу.

Репнин осаждал и бомбардировал Ригу три месяца. 11 марта возвратился Шереметев.

Войска нашего собралось 24 пехотных полка и 8 конных (в том числе 2100 казаков). Город был окружен, поделаны всюду батареи, в двух верстах ниже города на урочище Гофемберге заложена малая крепость, Шереметев назвал оную *Александр-шпицем* (шанцем?) в честь прибывшему Меншикову, который по указу Петра должен был не допустить к Риге шведского флота. Сия крепость пресекала сообщение Риги с Динаминд-шанцем и не допускала флота к городу. Неприятель производил сильную канонаду и частые вылазки. К Динаминд-шанцу подходили шведские корабли. Они были неоднократно отбиты от наших укреплений и наконец ушли и более не показывались.

30 мая шведы, выбитые из предместия, выжгли его раскаленными ядрами. В городе оказался голод, вскоре потом моровая язва; она перешла было и в наше войско, занесенная беглецами, но вскоре пресечена.

Шереметев предложил графу Стрембергу сдачу города на честных условиях, дав ему сутки на размышления. Стремберг просил более времени для совещания с дворянами и гражданами, на что Шереметев и согласился (двое

суток до 14-го числа июня), после чего Стремберг требовал пропуска двух курьеров: одного в Швецию, а другого в Динаминд-шанц. Шереметев ответствовал бомбами, в 10 дней брошено оных 3389. Стремберг просил 10 дней сроку. Даны ему 48 часов.

Из-под Риги меж тем генерал-поручик Боур отправился для взятия Пернова.

30-го присланные 9 депутатов подали Шереметеву свои условия; им предложили другие, на кои ни депутаты, ни Стремберг не согласились; в особенности они упорствовали в том, чтоб дворянство Петру не присягало. Наконец обе стороны согласились. Гарнизон вышел со всеми воинскими почестьми. Духовные и гражданские права подтверждены были во всей силе, также и право магистрата.

Потом редуты с левой стороны Двины и апроши все заровнены. 4 июля Репнин вступил в город с шестью полками, приняв караул и всю артиллерию (567 пушек etc.). Только 5132 человека вышли из Риги с храбрым *Стрембергом*, в том числе 2905 больных, до 60 000 погибло.

250 офицеров и рядовых были удержаны в силу капитуляции, как лифляндцы из завоеванных городов. Сверх того (как природные лифляндцы) генерал-майор Альфендель, 5 полковников, 12 подполковников, 19 майоров, 65 обер-офицеров, 22 члена магистратских, мещан 610 etc., etc.

12-го июля в лагере нашем происходило обычное торжество и Шереметев вошел в город торжественно. У Карлусовых ворот магистрат поднес ему золотые ключи города весом в 3 фунта с латинской надписью. В королевском замке встретило его дворянство, магистрат и духовенство. Оттуда Шереметев отправился в кирку, где дворянство и духовенство присягнули Петру, оттоле в ратушу, где присягнули мещане; шведские гербы заменены российскими. Шереметев угощал потом в своем лагере новых подданных своего государя.

30 сентября Петр подтвердил капитуляцию в Петербурге двумя дипломами по ходатайству барона Левенвольда.

Шведская *редукция* была уничтожена, и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян. Дворянство поднесло Шереметеву диплом на право гражданства в их земле.

Петр и тут удержал гарнизон рижский вопреки слова, данного его фельдмаршалом. Стремберг отправлен был в Петербург, где Петр принял его с честью, вскоре потом разменен он был на Вейде.

Наш урон, считая умерших от язвы, состоял в 9000.

Стремберг в своей капитуляции выговорил весь рижский архив с библиотекой, письмами и проч. Петр на сей пункт весьма подробное дал решение (см. Голиков. Ч. III – 206).

На взятие Риги выбита медаль.

Язва рижская достигла и до Нарвы. Петр повелел взять всевозможные предосторожности, повелев вешать ослушников.

Тогда же Петр из Москвы вытребовал Рейншильда, Пипера и Циделгельма, также митрополита Рязанского для свадьбы Анны Иоанновны и приказал новогородскому коменданту Татищеву их пропустить (через заставы и караулы).

Вскоре язва была прекращена.

Петр на работы петербургские потребовал 14 720 человек (с Азовской – 251, с уездов и посадов. *Письмо к Апраксину*), выслав их в Петербург на *вечное житье* (NB: дав им жалования по 12 р. в год да по 10 на хлеб), поруча их в круглую поруку, чтоб дорогою не разбежались.

8-го августа сдалась крепость и Динаминдская отряженному от Шереметева генерал-майору Буку. Взято 198 пушек, 14 мортир, 14 гаубиц etc., etc.

На взятие оной выбита медаль.

Боур атаковал Пернов 22 июля. 14 августа город сдался, почти не супротивлявшись. Комендант вышел с воинской почестью, с 1000 человек гарнизону, изнуренного язвой и унынием; несчастные вступили в нашу службу (?); 183 пушки, 14 мортир, 4 гаубицы etc. взяты были тут.

Остров Эзель был без супротивления занят майором, отряженным от Боура. В Аренсбурге найдено 70 пушек, мортир etc.

В память того выбиты еще 2 медали.

Пользуясь оцепенением шведов, Петр осадил Кексгольм и Ревель.

Корела (или Кексгольм) от природы крепка. Государь повелел Брюсу крепость бомбардировать, не учиня приступа.

Брюс перешел Воксу, осадил город, послал коменданту предложения о сдаче и начал город бомбардировать. Через несколько времени гарнизон сдался на условия, подтвержденные Петром, и 8-го сентября вышел без знамен и музыки, и был отпущен.

В крепости найдено 6 старинных русских пушек, 9 шведских, 4 дробовика, 9 фальконетов, 75 чугунных пушек etc.

Ревель, осажденный Боуром, терпел от недостатка пресной воды, от тесноты собравшихся окрестных мызников и крестьян. К нему подоспело помощное войско, но граждане его не приняли, боясь тем продлить бедственную осаду. 29 сентября город сдался на тех же условиях, как и Корела. В городе и в королевской крепости Dum найдено 57 медных пушек, 10 мортир etc., чугунных пушек 174 etc., etc.

Выбиты медали.

Таким образом Лифляндия и Эстляндия очищены от шведов, и на левой стороне восточного моря Карл не имел уже *ни одной степени земли (письмо Петра к Курбатову).*

Петр при устье речки Черной заложил монастырь во имя Троицы и в честь Александра Невского. Феодосий назначен был архимандритом в оный и в присутствии Петра водрузил крест.

Потом Петр экзерцировал свой флот под главным начальством адмирала Апраксина (16 сентября).

17 сентября Петр поехал морем в Кексгольм.

Петр послал в Ригу тайного советника Левенвольда для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помочь Зыбина и еще офицера, знавшего по-немецки и по-латини. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней, вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою, etc. Он составил 15 000-ый корпус лифляндский из природных тамошних дворян.

Штелина анекдот о Катаринентале (Ч. III – 222).

Петр, заметя на чухонцах худую обувь, выписал из нижегородской и казанской губерний *лучших лапотников*, дав им один рубль в неделю кормовых денег, для обучения чухонцев плесть лапти. Пасторы каждый месяц должны были доносить выборгскому правлению о их успехах. *Штелин*, ibid.

На завоевание Лифляндии и Эстляндии выбиты медали.

Петр предложил Австрии себя в члены империи, яко владельца Лифляндии, старинной отчины цесарей. Он обещал за то 25 000 вспомогательного войска противу Франции. Австрийский император отговорился тем, что Лифляндия в силу мирных договоров может от России отойти, а что если она за ней останется, то Австрия принуждена будет вмешиваться во все споры и замешательства, могущие впредь произойти касательно княжества. Дело в том, что имперские чины боялись видеть между собою сильного северного царя.

Петр повелел Шереметеву на продовольствие войска денег с Литвы не сбирать, а брать хлебом *побольше бочки, ибо из Лифляндии взять его негде*; буде же хлеба не дадут, то ставить у них войско на квартиры, а хлеб брать из Курляндии, *обходя маетности герцога.*

NB. Указ. Порции офицерские – 2 фунта хлеба в день, 2 фунта мяса, кварта пива, гарнец круп (соли гарнец на месяц) etc. каждый по чину.

Петр послал адъютанта Ушакова к Шереметеву, повелев фельдмаршалу слушаться и словесных его повелений.

31 октября совершилось бракосочетание царевны Анны Иоанновны с герцогом Фридериком-Вильгельмом. Торжество происходило в доме князя Меншикова, в первый день стол был царский, а во второй – княжеский. Праздник заключен балом и фейерверком.

Петр на Котлине в заложенном городе и крепости успел построить многие каменные дома, также дворец и гостиный двор (*в Петербурге?*), сам чертя планы и рисунки. Между прочим между Кроншлотом и Кронштадтом над фарватером

сделал он план башни наподобие Родосского колосса, под которую подходили бы военные корабли, с подзорной светелкой и фонарем.

Петр с армянами заключил торговое условие. Персидский шелк через их руки шел частию в Турцию, частию через Россию в Голландию. Петр сделал шелк исключительною торговлею русской, и шах сии условия утвердил.

Петр запретил своим подданным продавать шелк иноземцам (кроме как армянам), облегчил сим последним пошлину, а с жемчугов и каменьев оную уничтожил, и повелел давать им конвой при проезде их в Астрахань или на Терек. В 1716-м году Петр отказал англичанам участие в сей торговле (см. Ч. III – 229, примечание).

Султан готовился к войне, еще в мае разорвав мир.

Еще при выступлении Карла из Саксонии Порта послала к нему посольство для заключения с ним союза; потом бендерский сераскир Юсуф-паша писал от имени верховного визиря к воеводе киевскому о том же.

Крымский хан писал Карлу, что 50 000 татар готовы идти ему на помощь.

Победа Петра и дипломация Толстого сделали все сие тщетным.

После своего поражения Карл отправил послов в Константинополь, и Порта повелела бендерскому сераскиру условиться во всем с шведским королем; несколько пашей получили повеление идти в Бендеры. Верховный визирь Али-паша писал Карлу, что Порта с радостию приемлет предлог начать войну с Россиею.

Карл сыпал деньги, доставляемые ему Мазепой (Вольтер говорит – визирем). Агент его Понятовский сильно за него действовал в Константинополе; нарочно посланный Десальер (Dessaleur) сильно ему помогал. Крымский хан и сераскиры бендерский и силистрийский были доброжелателями шведов.

Петр требовал у Порты уничтожения причины к нарушению мира, на 30 лет постановленного с Мустафою: т. е. отпу-

щения Карла XII, обещая ему свободный пропуск через Польшу, и выдачи изменников etc.

Притом 2000 мешков шведских денег были Толстым выданы верховному визирю, что весьма подкрепило его дипломатические рассуждения. Толстой получил аудиенцию: султан объявил, что он готов подтвердить мир, заключенный братом его, и тогда договориться об отпуске шведского короля.

Карл, извещенный обо всем через Понятовского, в письме своем к султану сильно жаловался на визиря, который, обнадежа его помощию через Каплан-гирея и тем отвлекши его от выгодного мира, теперь оказывается подкупленным доброжелателем русского царя и изменяет Порте, уступая России более, чем она требовала.

Султан передал письмо визирю, а сей настоял на том, чтоб Каплан-гирея низвергнуть и сослать в Яникале.

Между тем Мазепа умер (говорят: приняв яд), а в диване, несмотря на происки Понятовского и Десальера, положено мира с Россией не нарушать, а шведского короля выпроводив до границы польской при 500 конвоя, а тут обще с российским офицером и приличным конвоем и честию проводить до его земель. Во время же проезда не иметь ему с поляками никакого сношения etc., etc. В случае же несогласия на то со стороны Карла, Порта, не заботясь о нем, предоставляет ему полную волю. О чем и Петру сообщено.

Вследствие сего мир был в декабре 1709-го года подтвержден, и к царю отправлена грамота (Ч. III – 238).

Карл, который вместо *приличного конвоя* надеялся получить вспомогательную армию, опять жаловался султану на визиря. Но сей о том не беспокоился. Он с честию отпустил в Крым нового хана Девлет-гирея, наказывая ему ненарушимо хранить мир с Россиею. Девлет, приехав, жаловался на своего предшественника, потерявшего 30 000 татар в безумном походе противу черкас (когда?), и Мазепу погубил, обещая именем султана ему вольность и вспоможение.

Султан потребовал объяснения от визиря, который во всем заперся. Султан послал к низложенному хану тайно

его допросить. Сей сложил всю вину на верховного визиря. Вследствие чего Али-паша был низвержен, а на место его возведен Кюпрюли-Оглы Нууман-паша.

Говорят, что было перехвачено письмо визиря к царю, в коем благодарил он его за 2000 мешков. Шведский король доставил оное султану. Визирю отсекли голову (?).

Новый визирь послал Карлу 800 мешков левков, и положено дать ему под видом конвоя 40 000 войска татарского и турецкого.

Ободренный успехом Карл продолжал стращать султана честолюбивыми замыслами Петра. Он представил, что, низвергнув Швецию, царь не замедлит завладеть Крымом и откроет путь себе к Константинополю. В доказательство представлял он выбитую в Амстердаме медаль с надписью: Petrus l Russo-Graecorum Monarcha, умножаемый непрестанно флот и гавань Таганрожская etc.

Призванный наш министр объявил, что флот отнюдь не умножается, а доделываются только корабли, стоявшие на штапеле до заключения мира, и то для предостережений от гнилости, все прочее назвал он клеветою завистников и уверял, что Россия не иначе как по принуждению самой Порты объявит ей войну.

Визирь противился войне; он был отставлен и послан пашою на Эвбейский остров. Балтаджа-Магомет-паша избран на его место, и шведскому королю посланы еще 500 мешков левков.

Карл именем Лещинского и всей Речи обещал уступить Порте несколько польских провинций и крепость Каменец и 4 миллиона годовой дани. Порта стала приготовляться к войне.

Карл торжествовал. Он не прежде соглашался принять 40 000-ый конвой, как по началу войны России с Турцией, тогда думал он вступить в Польшу, соединиться с корпусом Красова и с партией Лещинского.

По тайному дозволению Порты крымские татаре начали задирать Россию к войне. Они вторгнулись в Малороссию и дошли до Изюма, грабя и разоряя все; другие напали

со стороны Польши, соединясь с изменниками казаками и поляками. К зиме воротились они в Перекопь с добычей и 12 000 пленных.

Под Белой Церковью встретили они отпор; в ней было 500 русского гарнизона, кн. Голицын подоспел и прогнал их, побив до 5000.

17 июля Петр, желая мира, отправил к султану грамоту, коей жаловался на нарушения мирных условий, на своеволие татар, на покровительство, оказываемое изменникам, на признание вора Орлика малороссийским гетманом etc., etc.

Посланный с грамотою был схвачен на границе и вверженъ в подземельную тюрьму, где и содержался он до Прутского мира.

Петр вторично грамотою требовал удовлетворительного ответа (18 октября), но второй посланный имел участь первого.

22 декабря получил Петр тайное из Цареграда известие (от Толстого) о разрыве мира. А вскоре потом через иностранные дворы уведомлен он, что Толстой *ограблен* и отведен в Семибашенный замок.

Петр повелел Шереметеву приготовить на Припяти мосты и послать к волошским границам для зауготовления провианта и фуража. В Ригу определить комендантом бригадира Чирикова etc., etc. и самому следовать к волошским границам.

Министру своему при польском дворе, коему было предписано взыскать со Гданска 300 000 ефимков за непресечение торгов со Швецией, велел Петр оставить на время требование, войска на краковские квартиры не ставить, а, приближась к границе, стать у Каменца-Подольска на кантонир-квартирах, куда свозить фураж и провиант. Предписал короля шведского с турецким конвоем в Польшу не впускать etc. и наблюдать за Польшею etc.

Петр велел тогда судить фельдмаршала лейтенанта Гольца за то, что он не поехал в Москву и что не выдал он шведского секретаря Книнштера, посланного из Бендер к Стокгольмскому сенату.

Он был осужден (вероятно, на смертную казнь), но Петр простил его, отпустя из своей службы.

В Лифляндии учреждена была комиссия. Наказ, Левенвольду данный (11 пунктов) (см. Ч. III – 269).

Указы 1710

О Ижорской канцелярии, о ведомости доходам, городовым окладам etc.

О табели полкам гарнизонным, сколько где.

О высылке доходов в определенные места, т. е. в приказы Воинский, Адмиралтейский, в Посольский и в артиллерию.

О переписке крестьянских дворов (кроме черкас).

О 15 рублей пени с тех, у коих укрываются солдаты от службы.

О взятии с 80 (?) дворов по 25 коп., со служилых с 300 по 7 к., с неслужилых с 100 дворов – по 20 к.

О сыске беглых и недорослей, укрывающихся от службы.

О взятии 1200 матросов от 15 до 20 лет – в Петербург.

О высылке в Петербург 3000 работников: с 35 дворов по человеку и с 34 дворов и менее по два алтына с двора.

О расписании в губерниях по 5536 дворов на равные доли.

О правеже доимок по 1707 г.

Etc., etc.

Большею частию о сборах, о переписи книг, о новом порядке губернском.

1711

1 января Петр обедал у князя Меншикова; вечером, при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надписью: «*Господи, покажи нам пути Твоя*», т. е. Господи, покажи нам дорогу в Турцию, на другом – столб с ключом и шпагой, с надписью: «*Иде же правда, там и помощь Божия*». Однако Бог помог не нам.

1-го января послано повеление Голицыну идти к волошским границам etc., в другом письме более всего предписывает турок не впускать в Каменец, учить солдат огню, а *палашам покой дать*, ибо турки не шведы: противу них действовать пехотою и рогатками. Петр предчувствовал уже румянцовскую стратегию.

Румянцов действовал пехотой и карреями и уничтожил *рогатки*. Чему первый пример дан Шуленбургом.

К Шереметеву Петр отправил капитан-поручика Пыскорского с следующим наказом:

1) Шереметеву тотчас отправить пехотные полки и полевую артиллерию и самому ехать до *конного войска.*

2) Генералов торопить, куда кому велено.

3) Дивизиям идти, умножаясь рекрутами, и для того определить, где кому останавливаться.

4) Генералам идти к генерал-лейтенанту князю Голицыну; войскам поляков не обижать.

5) Телеги запрягать в две, три и четыре лошади, а не об одной. Ножи, рогатки etc. везти за полками. Князю Голицыну повелено от татар и запорожцев остерегаться и князю Михаилу Ромодановскому стать в Путивле с городовыми дворянами.

9 января (?) умер герцог курляндский в 40 верстах от Петербурга. Тело отвезено было в Курляндию, и Меншикову повелено ввести в оную войско для отвращения замешательств.

Перед отъездом из Петербурга Петр чрез Долгорукого (министра в Польше) обнародовал манифест в пользу поляков, находящихся в чужих краях, обещая прощение и забвение всем и всему.

Тогда же учреждена в Петербурге оружейная канцелярия (потом переведена в Тулу), также канцелярия главной артиллерии и фортификации и литейный двор (на артиллерию дал до 300 000 в год). Повелел углубить берега речки Мойки и вычистить ее, соединить Мойку с Невою (у Летнего и Старого дворца), построить новый дворец и завести типографию. Главным над всем завоеванным севером оставил он Меншикова и 17 января поехал в Москву. В феврале Петр повелел

Шереметеву в Азов и к Апраксину отправить генерал-майора Келина; а *извозчиков* поверстать в солдаты, а в денщики и на их место в обозы дать новых рекрут.

Король датский представил Австрии и ее союзникам, чтоб они для безопасности общей взяли корпус Красова в свою службу или бы из Померании распустили, в противном же случае союзники северные войдут вооруженные в Померанию. Петр 15 февраля писал всем своим министрам о том же, а бригадиру Яковлеву повелел идти в Померанию, Долгорукому предписывал он, взяв у Яковлева пехоту, нужную противу Турции, дать ему драгунов, на Днестре же заготовить лодки. 22-го февраля Петр писал ему же, что татаре начинают появляться, и советовал генералам войти в Яссы, *о чем тамошние бедные христиане зело просят*, в тот же день обнародован манифест о войне. 25 февраля было в Успенском соборе молебствие всенародное. Перед собором стояла гвардия с новыми красными (вместо прежних белых) знаменами с подписью: «*За имя Иисус Христа и христианство*», а сверху крест в сиянии и подпись: «*Сим знамением победиши*». Знамена были тут же освящены, и полки выступили в поход к фельдмаршалу Шереметеву.

22-го же числа Петр (по предначертанию Лейбница) учредил Правительствующий сенат; первыми сенаторами пожалованы: граф Мусин-Пушкин, Тихон Стрешнев, князь Петр Голицын, князь Михаил Долгоруков, Григорий Племянников, князь Григорий Волконский, Михаил Самарин и Василий Апухтин (8 человек).

2 марта сенаторы присягнули в Успенском соборе при рязанском митрополите *Стефане* (?). Сенаторы подписали присягу и приняли поздравления царя. В тот же <день> обнародован указ, коим повелено как духовным, так и мирским военного и земского управления чинам повиноваться Сенату, как царю самому etc., etc.

Того числа дано и Сенату повеление:

1) Суд иметь нелицемерный etc.

2) Смотреть за расходами государственными; напрасные оставить.

3) Деньги копить, *понеже суть артиллерия войны*[24)].

4) Дворян молодых собирать для запасу в офицеры, также тысячу человек боярских людей (см. примечание Голикова. Ч. III – 311).

5) Вексели исправить и держать в одном месте.

6) О осмотре товаров.

7) О откупе соли.

8) О откупе китайского торгу.

9) О персидском торге, об армянах etc.

10) О учреждении *фискалов* во всяких делах.

Также:

1) позволить *всякому чину торговать*, только с такой же пошлиною,

2) сделать опись отданных выморочных деревень,

3) объявить: кто сыщет скрывающегося от службы или о таковом возвестит, тому отдать все деревни того, кто ухоронивался. NB NB.

5-го марта. Указ.

1) Всем сенаторам места иметь по списку, кто после кого написан.

2) Голоса иметь равные, определения подписывать всем; в определениях и приговорах быть единогласию. Один голос останавливает решение. Протестующий письменно объявляет свое мнение.

3) Избрать обер-фискала (обер-прокурора), а сему иметь под собою провинциал-фискалов у каждого *дела* по одному. Все имеют права, равные обер-фискалу, кроме того что не могут в суд позвать *вышнего судью или генерал-штаба.*

Петр повелел, дополня рекрутами лифляндский корпус, вести оный к турецкой границе.

Апраксину ехать в Азов и действовать с казаками и калмыками водой и сухим путем.

Генерал-майору Бутурлину с гетманом идти к Каменному Затону с 8 полками, надзирать и обороняться.

Получа известие, что хан с одной стороны, а Орлик с Белогорской ордою с другой (на Немиров) учинили набег,

Петр писал Долгорукому, к Янусу и к князю Голицыну, повелевая отбить их, но не отдаляться, дабы в апреле около Каменца опять могли соединиться с главною армией (Долгорукому 2 марта).

Тогда явился к Петру некто Савва Владиславлевич, родом рагузинец; он был в Константинополе агентом Толстого; Петр принял его милостиво; Рагузинский (так он стал называться) советовал сослаться с черногорцами и прочими славянскими племенами; Петр и отправил им грамоту, приглашая их на оттоманов.

Кубанские татары прогнаны с их ханом.

Петр поручил царевичу верховное надзирание над государственным правлением, 6-го марта объявил всенародно о браке своем с Екатериной Алексеевной и в тот же день с нею отправился в Польшу по почте.

Он взял с собою Феофана Прокоповича, любя его разговор.

Из Смоленска Петр повелел Сенату отлучившегося без указу генерал-майора Айгустова, сыскав, отправить к нему под караулом.

В Слуцке, куда прибыл 13-го марта, Петр оставался до 18-го по причине бездорожицы. Там находился тогда Шереметев. Петр послал его на реку Припять, повелев на лед положить *гати*, чтоб он мог долее держаться, а войску переправиться. Здесь между прочим повелел он Посольскому приказу к будущему году из французских, английских и, *буде возможно*, венецианских прав <перевести> законы о первенстве детей и о наследстве (*от 14 марта*).

18-го Петр переправился через Припять за три часа до взломания льда и, поруча Шереметеву переправу войска, отправился дале.

В Луцк прибыл он 27 марта и 28 занемог скорбутикою с сильными пароксизмами (чего?). Но меж тем, узнав, что гвардия не тем путем идет, где остановлен Шереметев, звал его к себе для советов и приказал распустить польские подводы, *дабы им не досадить*. Голицыну приказывает отразить татар с воеводою киевским, вторгнувшихся в Россию, а за рекою Бу-

гом близ Брацлава строить магазины и готовить волов; генерала Януса звал к себе для совета. Генералу Алларту повелел из Свинска быть в Дубне и к Острогу; таковые же указы посланы кн. Репнину и Вейду.

Апраксину писал Петр о кораблестроении.

В Сенат о высылке 5000 нового войска в Воронеж, о сборе доходов к будущему сентябрю.

Меншикову о заводе ружей etc.

В Луцке Петр принял посла князя Димитрия Кантемира, врача-грека, по имени Поликола. Петр принял господаря в свое подданство и послал к нему диплом (17 статей).

13-го апреля, после воинского совета, Петр дал генералам свои повеления: 1) Шереметеву к 15 маю стать от Бреславля к Днепру, 2) чтоб провианту было на месяц при армии, а приготовить на три месяца etc., etc., 3) рогаток иметь полков на пять, каждому солдату сделать *на ножи* футляры (см. примечание. Ч. III – 323) etc., etc.

В тот же день Петр отправился в путь и 16 апреля прибыл в Яворово.

17-го явились к нему Константин Собиеский и князь Рагоци, тогда же получил он от кн. Голицына известие, что воевода киевский разбит, что 5000 убито, а 10 000 взятых в плен отбил. (Русских изменников было 7000.)

В Яворове Петр пробыл до 1 июня, в ожидании Августа II. Отселе писал он Шереметеву, ускоряя его поход к Дунаю для предупреждения турков, и о заготовлении провианту. Он послал к нему подполковника гвардии князя Долгорукого с следующим наказом:

1) Как господари *мултянский* и *волошский* обещали не только не пойти к Бендерам (как то им от Порты приказано), но при появлении в их землях нашего войска тотчас с ним соединиться, на что глядя и сербы и болгары и прочие славянские племена готовы взбунтоваться (в чем они уже и обещались): то ускорить походом, к Дунаю, и дать счастливую баталию, не то *малодушные* и против нас будут туркам служить. Петр, описывая, как Кантемир пришел в подданство,

уверяет, что и валахский господарь скоро то же сделает. «Для того Шереметеву с корпусом Голицына и частию Янусовой дивизии и с полками Ингерманландским и Астраханским и с достаточным провиантом *туда* идти, взяв для совета надворного советника Рагузинского».

2) Князю Долгорукому (посланному к Шереметеву) послать для наведения моста на Днестре и, перейдя, тотчас послать к господарю, чтоб он соединился, то же и валахскому господарю и к *Кантакузиным*; а Шереметеву идти к Дунаю, пока турки не переправились, и стараться по возможности мостом их овладеть и разломить оный, не допуская их к переправе, пока все войско наше не подоспеет; все делать с совету генералов и в тайных советах с Долгоруким и Рагузинским.

3) Буде же турки со всею армией перешли, то стать за Днестром и стараться привлечь болгар, молдаван etc.

4) По входе в Валахию (Молдавию) сделать магазейн при помощи господаря. С жителями обращаться *приятельски* и, несмотря на лицо, казнить русских обидчиков *для прикладу.*

5) В Буджацкую и Белогородскую орду разослать татарские универсалы, обнадеживая милостию, в случае покорности, и разорением, в случае супротивления, меж тем получать с них провианту безденежно и строить магазейн.

Турки были в ужасе: выступая в поход, Махометово знамя было вихрем разорвано, а древко переломилось.

20 мая Петр поехал в польский Ярославль, куда 22-го прибыл и Август с кур-принцем. Здесь положено:

1) Августу идти в Померанию для атаки Стральзунда,

2) в силу оборонительного союза, заключенного при Собиеском, часть польского войска присовокупить к нашему.

19 мая пред сим полномощные поверенные от Речи Посполитой представили Петру следующие требования, надеясь на критическое положение царя.

Ответы

I) Отдача Эльбинга.	Быть тако, коль скоро не будет опасности Польше из Померании.
II) Отдача Украйны Польской и Белой Церкви.	Первая отдается, Белая Церковь удерживается до окончания Турецкой войны, коли не будет опасности, то отдается и теперь.
III) Отдача Риги и всей Лифляндии.	О сем подробно послу Воловичу ответить: до окончания войны невозможно: осадить и одной сей крепости нет (у поляков?) довольно войск, хоть по договору с Дзялинским должно бы 28 000 иметь в поле.
IV) Отдача пушек польских и литовских крепостей.	Согласен.
V) Контрибуций и провианту войску русскому в Польше не брать etc.	Контрибуций не берут, а без хлеба войску быть нельзя. Вывести же его, и по мнению самих гг. сенаторов, невозможно.
VI) Сполна заплатить обещанные миллионы как коренным, так и литовским войскам.	Выписка из договоров; 50 тысяч дадут войску по его выступлении, 50 000 пришлется в Польшу.
VII) Наказания учинить русским начальникам за вынужденные контрибуции etc.	Учинено.

VIII) Вознаграждения разоренным вельможам, освобождение некоторых пленных (ксендза Жебокрицкого) etc., etc.	О Вишневецком стыдно и говорить (как о неприятеле etc.), в прочее царь не вмешивается, как не в свое дело (а Августово).
IX) О полномочных, о раздаче будущих завоеваний над Турцией etc.	Полномочные назначены. Делено будет все поровну.

Статьи подписаны рукою Петра. В Ярославле объявлена война трубным гласом и назначен в начальники польскому войску литовский великий гетман Поцей. 30 мая Петр простился с Августом и прибыл в ту же ночь в Яворово.

Петр меж тем писал в Сенат о 12 подьячих, нужных Шереметеву, о аптеке военной, о отправлении рекрут, о отпуске соболей из Сибирского в Посольский приказ etc.

Из Яворова Петр писал в Воронеж к Апраксину с разными поручениями: о кораблях, о арестовании плута Шидловского (генерал-майора), о разведении около Азова и Астрахани венгерского винограда etc. (В Астрахани был губернатором брат Апраксина.)

Ушакова послал он к генералу Бутурлину и к гетману, дабы их понуждать и доносить об них etc.

ПРУТСКАЯ КАМПАНИЯ

Шереметев с конницею под Рашковым беспрепятственно переправился через Днестр в виду татарского отряда и прибыл к Яссам, куда отрядил бригадира Кропотова для принятия господаря, Кантемир и Шереметев свиделись на берегу Прута, где и учинил присягу со своими боярами. Он уведомил фельдмаршала, что 40 000 турок уже перешли Дунай и непрестанно переправляются.

1 июня Петр с Екатериною из Яворова поехали к молдавским границам через Львов и Злочево до Брацлава (или

Брацлавля) (*Анекдот о 29 000 рублей с комиссаром Шишковым. Ч. III – 340*). С дороги повелевал он Шереметеву непременно предупредить турков. Петр писал в Сенат: пропущение времени, подобно смерти, – невозвратно. Он повелевает за взятие *Сергеевского* для потехи послать жалование бригадиру Осипову etc.

Царь предписывает сенату через Пипера и Реншильда вытребовать тело царевича имеретинского для препровождения к отцу (*дабы его бедную старость потешить*), приводя в пример, что принца виртенбергского тело с честию отпущено его матери.

9-го июня Петр из села Шпиков хотел было отпустить царицу в Польшу с ее дамами; но Екатерина упросила его остаться при нем.

12 июня прибыл Петр со своею гвардией к Днестру и соединился с пехотными дивизиями Вейда, Алларта и князя Репнина. Армия стала переправляться по мостам. Отселе Петр писал Августу: «*Надеюсь, что у вашего величества кампания как морем, так и сухим путем уже началась*» etc. К Шереметеву написал он строгий выговор: «Вы могли, – говорит Петр, – из Брецлава идти 16-го мая и к 20-му быть у Дуная, а вы пришли 30 (на Яссы, криво). Вы предупредили бы турков, ибо от Днестра до Дунаю 10 или 13 дней ходу. Провианту нет; у Алларта пять дней как ни хлеба, ни мяса. Мы пришли к Днестру, где вся пехота стоит – мост будет готов дня через три; а меж тем перевозятся... когда до вас дойдем, будет ли что солдатам есть?.. а у нас ни провианта, ни скота...» etc.

Шереметев отвечал, что он шел не указным путем, потому что турки могли Молдавию разорить и вооружить противу нас; что прямым путем в степи нет воды и питать войска негде и нечем, что турки пришли на Дунай третьего числа (июня) и предупредить их было нельзя, что Кантемир весьма не советовал идти к Дунаю только с 15 000 противу около 70 000 татар и турок (Кантемир врал), что татары буджацкие всю скотину отправили к морю, что он поступал с

совета всего генералитета. О провианте: что хлеба в *Валахии* совсем нет и земля разорена, что господарь *обязался* поставить 10 000 волов за деньги да турецкой скотины до 4000, овец от 15 до 20 000, что сею скотиною можно 30 000 прокормить один месяц.

Хлеба советовал он достать оружием около Дуная и Буджака. (Письма Шереметева от 8, 16 и 18 июня.)

17 июня Петр переправился через Днестр близ *Сороки* на границах польской и молдавской; пока пекли хлеба, Петр писал сенату: об осмотре *впредь* рекрут губернаторам; выслать *кожаную лодку* и ее мастера по почте.

Петр повелел больных оставить в нарочном укреплении и генерал-майора Гешева с 4 драгунскими полками оставить позади их в Польше.

Валахский господарь Бранкован (имевший сношения с царем прежде Кантемира, произведенного господарем в апреле сего года) обнадеживал Петра продовольствием (Миллер, «История Шереметева»), но впоследствии Бранкован уклонился от исполнения своего обещания.

Петр наконец послал в Валахию 3000 драгун с повелением требовать исполнения обещаний, в противном случае брать провиант насильно и безденежно. Шереметев с ними отрядил генерал-майора Волконского.

Петр отправился в Яссы, где находился и Шереметев. Кантемир встретил Петра за городом; тут находился и посланец Бранкована; Кастриот донес, что визирь приказывал патриарху *Иерусалимскому (?)* проведать через Бранкована, нет ли у Петра желания к миру; и буде есть, то Бранкован уполномочен от султана трактовать об оном.

Петр потом собрал совет; положено войску стать у Ясс, а запасаться провиантом (из Польши от генерала Гешева etc.).

Мултянский бояр Лупулл (Луппо?) послан был в Буджак для закупки провианта, будто бы от имени султана. Но он сложил его (по тайному повелению Бранкована) в монастыре *Флорести*, будто бы за неимением подвод. Кастриот предлагал ежедневно услуги Бранкована, но описывал опасения его

от визиря, уже близкого, и хана, тут находящегося. Между тем Бранкован был шпионом турецким, он звал визиря, ручаясь за победу, вывел в поле свое войско и дал знать Петру, что он не прежде может доставить ему провиант, как когда вся русская армия, или большая часть оной, приближится к его княжеству.

Кантемир звал Петра к Дунаю, представляя, что за рекою Сыретью находятся магазины и провиант, собранный турками около Браилова (сие показывали Кастриот, Фома Кантакузин, вступивший в нашу службу генерал-майором, и духовная особа).

Петр повелел всему войску идти по правую сторону Прута (дабы река отделяла нас от турок) до урочища *Фальцы* и оттоле через *леса командовать*. Для забрания показанного провианта отряжен Рен с Фомой Кантакузиным. Петр последовал за армией.

1 июля Рен пошел с восемью драгунскими полками (в числе 5056 человек) и с баталионом Ингерманландским, да с 5000 молдаван.

Генерал-майор Гешев (или Ешхов), за разлитием Днестра и Прута от дождей, не мог переправить 600 готовых возов (письмо его к гр. Головкину от 16 июля). Обоз с хлебом (?) отбит был татарами. В Буджаке *тайно* купленный скот был остановлен Бранкованом. Наконец измена его открыта уже 7 июля через перехваченное письмо его к Кастриоту.

Петр меж тем писал в Сенат о получении соболей, о справке, чего стоит пуд соли на соляных заводах, о частных просьбах etc., etc.

Армия шла, но вечером 7-го июля от Януса, бывшего с конницей в двух милях впереди, вдруг доносят, что неприятель через Прут уже перешел. Петр повелел ему отступить, но известие было ложное, турки еще тогда не переправились. Янус мог их предупредить. Малодушие его доставило туркам безопасную переправу. Они атаковали Януса; Петр сам подоспел и неприятеля отогнал.

Таким образом турки не допустили нас занять Фальцы и отрезали Рена от русской армии: вся их армия перешла

Прут. Петр хотел идти вправо от Сырети; но великие безводные горы и бескормица, от которой падали лошади, трава, съеденная саранчою, и отставшие дивизии Репнина и Вейде воспрепятствовали сему плану.

В совете положено отступать для соединения всей армии, а потом дать сражение. Вечером выступил обоз, потом и полки и в ту же ночь соединились с помянутыми дивизиями (8-го июля).

9-го утром напали на наш арриергард (Преображенский полк), но безуспешно. Войско все двинулось, турки, час от <часу> умножаясь, следовали за ним (beau trait de bravoure et d'humanité de Шереметев[25]). Ч. III – 358).

Нестерпимый зной и непрестанные нападения неприятеля утомили войско, особенно Преображенский полк, составлявший наш арриергард. Должно было остановиться у Прута, поддавшиеся волохи теснились в обозе, малороссийские казаки умножали помешательство. Между тем татарское и турецкое войско час от часу умножалось и со всех сторон окружило нашу малочисленную армию. Между ими находились шведы, бывшие в Бендерах при Карле XII, поляки и казаки, остаток шведской армии. Шпар и Понятовский, услыша, что турецкий предводитель Мехмет-паша намерен напасть на русских, умоляли его того не делать, а окружа русских, только тревожить их непрестанно при переправах и пресекать подвозы; таким образом голодная и утомленная армия без бою попадется ему в руки. Визирь не послушался и ...июля со 100 000 пехоты и с 120 000 конницы (кроме татарской) часа за три до захода солнца напал на нашу армию *клином* – на дивизию Алларта; первая их пехотная ширинга в 300 или 400, а в длину близ мили. Конница, рассыпанная кругом, нападала отовсюду, но издали и с одними криками. Пехота, хотя и не стройная, но жестоко билась, и если бы атака ведена была во весь фронт, а не в одно место (которое мы могли укреплять свежими людьми и защищать восемью пушками и другими и двойными зарядами – картечью и ядрами), то все было бы кончено. Но турки были отбиты,

потеряв до 7000 войска. Преследовать мы их не могли: обоз не был окопан и конница их могла ворваться и уничтожить последний наш провиант. Всего нас было 31 554 пехоты да 6692 конницы, и то почти бесконной.

Турки ночью, там, где был приступ, сделали укрепление, апроши и батареи. За Прутом были также батареи и множество людей (татар?), которые мешали нашим запасаться водою. Русские имели одни рогатки, и то не кругом всего войска.

10-го визирь повелел опять атаку; но янычары не послушались и только из батарей стреляли по нас без великого вреда.

В сей крайности Шереметев послал унтер-офицера Шепелева к визирю с предложениями о мире и в воинском совете положил, что ежели визирь на мир не согласится и будет требовать, чтоб мы сдались, то *идти в отвод против реки*, т. е. отступая пробиваться. Все генералы, сам фельдмаршал и канцлер граф Головкин под сим и подписались.

Петр повелел телеги в обозе сдвинуть и окопать, дабы идти противу турок, оставя обоз под достаточным прикрытием.

Турецкая стрельба усиливалась. (*Журнал его величества.)*

По другим известиям: Петр призвал к себе генералов, повелел им на другой день атаковать неприятеля, а сам ушел в свой шатер, повелев часовым никого не впускать.

Тогда Екатерина собрала совет и предложила трактовать о мире. – Она вошла в его шатер etc. Тогда послан унтер-офицер Шепелев, а царица отослала (тайно от Петра) деньги и алмазы в подарок визирю и *Калге*, его наместнику (все это вздор etc.).

Визирь мешкал; Петр послал ему сказать, чтоб дал он скорее ответ: ибо ждать более некогда. Турок медлил; тогда Петр вывел свои полки, но едва они двинулись, как визирь прислал сказать, чтоб войско не трогалось и что он приемлет мир. Войско остановилось, и к визирю отправился Шафиров.

Ему было предписано согласиться на отдачу туркам всего нами завоеванного по Дону и Днепру; шведам же все,

кроме одной Ингрии, за которую, в случае крайности, уступать хотя Псков или другую провинцию; но визирь желал сам мира; войско нестройное и непослушное устрашало его, а 7000 убитых янычаров доказывали преимущество правильного оружия. Требования были не тягостны. Он заключил мир на следующих условиях:

1) Азов возвратить туркам в том виде, в каком мы его получили.

2) Разорить построенные на завоеванных землях крепости, уничтожить Таганрожскую гавань.

3) Шведскому королю дозволить свободный проезд в Швецию и его тотчас с конвоем отпустить.

4) Вывесть из Польши русское войско и не вмешиваться нам в польские дела.

5) Порте предоставлено право защищать изменников запорожцев и казаков (булавинцев).

Условия подписаны. Визирь – с одной стороны, с другой – подканцлер барон Петр Павлович Шафиров и генерал-майор Михаил Борисович Шереметев. Визирь требовал, чтоб тут же подписался и сын Шереметева и чтоб он с Шафировым оставался в заложниках в турецком лагере до исполнения трактата. Петру было это тяжело, так же, как и последняя статья договора (Голиков), но принужден был согласиться.

13 июля (во время переговоров) Петр писал Шафирову в ответ на требования визиря, чтобы пропустить шведского короля через Россию и тотчас с ним учинить мир. Петр на первое соглашался охотно, вызываясь поставить 500 подвод; он не прочь был и от мира, но не мог оный заключить без согласия союзников своих etc.

Понятовский, не умевший сделать ничего, дал знать обо всем Карлу в Бендеры. Карл прискакал *о дву конь*, когда трактат был уже разменен. Понятовский, встретив его за лагерем, объявил ему, что он потерял случай, которого уже не найдет. В самом деле, отсутствие Карла непонятно.

Визирь встретил его за лагерем как будто нечаянно. Карл грозно выговаривал ему, как смел он без его ведома кон-

чить войну, начатую за него; турок отвечал, что войну вел он и кончил для пользы султана. Карл требовал от него войска, обещая русских разбить и теперь. Визирь отвечал: «Ты уже их испытал, и мы их знаем. Коли хочешь, нападай на них со своими людьми, а мы заключенного мира не нарушим». Карл разорвал шпорою платье хладнокровного турки, поскакал к крымскому хану, а оттуда в Бендеры.

По заключении мира русская армия вышла из укреплений своих с барабанным боем и распущенными знаменами и пошла по берегу Прута к Днестру.

Петр утешил письмом госпож Шафировых, извещая их о пребывании виц-канцлера с Шереметевым в турецком лагере, а к ним отправил священника с дароносицею и сосудами и с книгами священнослужения.

Султан торжествовал мир и наградил визиря (так ли?).

Штелин уверяет, что славное письмо в *Сенат* хранится в кабинете его величества при императорском дворце. Но, к сожалению, анекдот, кажется, выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере письмо не отыскано.

Визирь требовал выдачи Кантемира; Петр не соглашался, говоря: «лучше уступлю свои земли до Курска. Буду иметь надежду возвратить, но отступиться от своего слова – значит перестать быть государем» etc., etc.

У турков было	конницы	120 000
	пехоты	100 000
	татар	50 000
	пушек больших и полевых	444
	мортир	25
У нас было	конницы	6 692
	пехоты	31 554

(Всего по журналу 38 246; а по манифесту – 22 000. Пушек 28, мортир 23, гаубиц 2, да при полках 3-фунтовых пушек 69.)

У нас убито: генерал-майор Видман, штаб- и обер-офицеров 44, унтер-офицеров и рядовых 707. Взято в плен и пропало офицеров 3, унтер-офицеров и рядовых 729.

Ранены: генерал Алларт, генерал-майор Волконский, офицеров и рядовых 1203.

Между тем Рен взял Браилов. Паша вывел гарнизон безоруженный. Войска у Рена было 7000, убито 100, ранено 300.

Турок убито 800.

Петр пожаловал ему Андреевскую ленту.

Перемирие (штильштанд) учинено 10 июля. Сражение было 8-го.

От Прута Петр пошел до Жидавца (польское местечко).

Петр не очень скорбел о неудаче (см. письма его в Сенат и к Апраксину. Голиков. Ч. III – 383—384).

Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отмстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убиение Бековича.

Петр вскоре после повелел Апраксину Азова не отдавать, а Таганрог не разорять, пока турки не вышлют короля. Петр думал, что турки, настаивая на том, чтоб Карла через Польшу проводить с 50 000 турок и столько же татар, желали, чтоб он продолжал там войну с Россией, возмутил опять Польшу, чтоб им оставаться в покое, и для того не выводил еще своего войска.

Петр приказывает в Азове разорить один полигон, прочего не трогать. Корабли в Азове и в Таганроге сжечь, кроме трех, о коих просил, etc.

Прибыв к Днестру, Петр наградил Кантемира и его свиту деревнями и деньгами и оттуда писал Сенату о кораблестроении, которое из Воронежа переносилось к пристани Нерльской и Дубенской, где поручик Леонтиев строил суда.

Петр 28-го июля из лагеря писал ко всем своим министрам, а польскому, объявляя о том, что хотя и невыгодным миром, но от Турции он совсем освобожден, повелевал торопить короля, чтоб он хотя один важный замок в сем году взял, обещаясь скоро прибыть с пехотой и проч.

В Сенат писал о сборе недоимок, о новых кораблях для будущей кампании, о 8000 недоставленных рекрут (за что грозит губернаторам) etc., etc.

Здесь же (на Днестре) Петр учредил комиссарство. Для управления всего войска учредить обер-кригс-комиссара*, придав ему трех или четырех кригс-комиссаров в канцелярии, и быть им всегда при главном войске. Должность их: 1) ведать жалование, смотреть за губернаторскими комиссарами в даче и вычете денег, 2) расписывать мундир, оружия, рекрут, лошадей, порционы и рационы, 3) счет за офицерами держать, 4) быть им в команде государя и их генерал-кригс-комиссара, 5) имеют они власть считать генерал-фельдмаршалов и генералов, 6) военным обер- и рядовым *фискалам* (шпионам?) быть у них в команде (*указ 31 июля*).

Генерал-кригс-комиссаром был князь Яков Федорович Долгорукий. Шафирову Петр повелел выбрать обер-фискала и в каждом полку учинить по фискалу.

Велено армию к декабрю укомплектовать.

Также предписывает Шафирову иметь осторожность во время проезда шведского короля; Белую Церковь и Немиров повелевает разорить, казаков бунтовавших вычесть из Полонного гарнизона, ближе к Москве. И города и места, написанные в вечном миру с Польшею, сжечь и разорить.

Петр отказал прибавить жалования генерал-майору Бушу и генерал-поручику Остену (300 р. на месяц), жены их потеряли свой убор etc.

5 августа Петр с Екатериною отправился от Днестра в Карлсбад.

Перед отъездом повелел он Шереметеву стать в польских городах Полонном, Дубне, в Остроге и в окрестных местах.

* Генерал-кригс-комиссар заседал в Сенате. (*Прим. Пушкина.*)

И если Карл пойдет в Польшу, то послать к Пруссии отряд, определенный в Смоленск, дабы, следуя по Бугу, смотрел за королем и за поляками. В случае задора или мешкания, Петр повелевал *не спускать* и двинуться в Польшу.

Но Карл не думал из Турции выезжать. Он в Бендерах строил дома для зимовья. С ним было 130 офицеров, 530 драгунов, 60 драбантов с 2000 запорожцев, да еще до 2000 конницы, с киевским воеводою Потоцким.

6-го августа Петр, заехав в Каменец, двое суток оставался там, осматривая крепость. Отселе писал адъютанту Ушакову и кн. Михаилу Ромодановскому, повелевая им осмотреть (*тайно*), кто из царедворцев в какую службу годен, и сделать им список. Шереметеву повелевает записать в службу лифляндского майора Кампенгаузена: «*Детина добр; языки знает польский и русский*».

8-го числа Петр прибыл в местечко *Злочево*, где ожидал уже его Преображенский батальон, коему Петр и велел следовать за собою. К морскому поручику Синявину писал он со станции, чтоб он обще с поручиком Мухановым взял у подполковника Долгорукого солдат, ехал в Ярослав (польский) и заготовил суда для его пути (10 больших или 15 малых).

15 августа прибыл Петр в Ярослав и 18 отправился водою в Варшаву.

Петр получил ратификацию мира близ Сендомира на Висле. Петр был чрезвычайно доволен и повелел Долгорукому, послу при Августе, объявить о том его союзникам.

24 августа Петр торжественно въехал в Варшаву.

29 августа Петр прибыл в Торунь. Союзники (ибо гарантия была разрушена королем шведским) положили осадить крепость Стральзунд; шведы ушли из Демина, Грипсвальда, Анклама, Волгаста, Узедома с островом и Швеин-шанца, стараясь только спасти Штетин, Висмар и Стральзунд. Всю пехоту ввели они в сии города, а конницу перевезли на остров Руген. Их было 14 000 под командою генерал-поручика Дикара (отпущенного нами на честное слово). Все сие узнал Петр

на третий день по приезду в Торунь от генерал-майора Гольца, присланного королем Августом.

Петр отселе писал в Сенат, повелевая распродать казенные товары с барышом; о китайском торге etc., выговаривая сенаторам за худые распоряжения (см. у Голикова умный ответ Сената. Ч. IV – 12, в примечании).

2 сентября Петр, оставя Екатерину в Торуне, с батальоном гвардии поехал по почте в Карлсбад. Из Познаня повелел Шереметеву иметь сношение с коронным гетманом, посланным на *Русь* для наблюдения за Карлом, etc.

9 сентября Петр прибыл в Дрезден, отколе ездил осматривать серебряные заводы в *Фрейберге*; потом был в замке курфирста, куда пришли поздравить его рудокопы с музыкою по их обычаю.

13 сентября вечером Петр прибыл в Карлсбад и с 15-го сентября до 3 октября употреблял воды.

Турецкий визирь не хотел удалиться прежде, нежели исполнены будут условия мира, а Петр не хотел их исполнять, пока шведский король не выехал из Турции. Визирь грозился разорвать мир и предать Шафирова и Шереметева янычарам, говоря, что и Карл имеет основательную отговорку, пока войска наши находятся в Польше. Петр писал Шафирову, что войска *будут* выведены, кроме 7000, ибо-де поляки зело сомневаются и опасаются, чтоб мы их не покинули; впрочем, соображаться с обстоятельствами etc. Однако от исполнения условий Петр всячески отговаривался, до *выезда шведа из Турции.*

Однако упрямство турка превозмогло. Петр негодовал и на Шафирова, давшего обязательство невозможное, будто бы убоясь *их* угроз. «*Они*, – пишет Петр, – *на нас спрашивают сверх силы человеческой, а сами одного человека выслать не могут».* Турки требовали еще, чтоб русское войско, *возвращаясь из Померании, не захватывало бы Польши.* Петр досадовал на трусость Шафирова и на глупость Шереметева. «*Ежели впредь так станете глупо делать, то не пеняйте, что на старости обесчещены будете*».

Петр меж тем писал Апраксину, не торопясь вывозить из Азова, что можно; разорять Таганрог и Троицкую крепость с рассмотрением и разбором, наконец не сдавать крепостей, прежде нежели не услышит о выезде короля.

Датчане одержали победу над шведским флотом (взяты 10 кораблей транспортных и 24 у *шонских* берегов сожгли).

Петр писал в Сенат о сбережении коровьей шерсти etc. и пригоне в Петербург к будущему лету 40 000 работников (в прошлое по причине войны было 20 000).

Визирь, зная о происках шведского короля и опасаясь его вражды, не менее русских желал выпроводить его восвояси. Но Карл требовал 100 000 прикрытия и прежде не думал выехать. Визирь, вышед из терпения, отнял у него переводчика, пресек его переписку с Польшею, Германией и Портою, но Карл не выезжал. Визирь наконец предложил ему 30 000 войска; но Карл требовал и денег (сколько?). Визирь не только не согласился, но отнял у короля и 500 левков ежедневного содержания, определенного султаном, и хотел силою принудить его ехать. Карл объявил, что в таком случае он станет защищаться. Визирь начал опять его ласкать, извинился перед ним письменно, возвратил ему переводчика и задержанное жалование. Карл не отвечал. Визирь наконец послал ему требуемые деньги и так был уверен в его выезде, что объявил о том нашим министрам и назначил пашу, долженствовавшего его проводить. Но король объявил, что живой он не выйдет без требуемого конвоя; визирь отнял опять его кормовые деньги и вытребовал из Константинополя шведского посланника в свой лагерь, где и держал его под стражей.

22-го наши министры имели пространное рассуждение с визирем. Они головами ручались за безопасный проезд короля через Россию. Визирь ожидал указа султанского, чтоб выслать Карла и против его воли. 24 сентября в Совете, где присутствовали и наши министры, положено выслать короля, что было объявлено ему и султану. Но Карл упорствовал еще; русские министры приступили опять к визирю; визирь

обещал, что Карл зимовать в Турции не будет, требовал сдачи Азова etc. Петр вследствие сего послал повеление Апраксину о скорейшем исполнении Прутского трактата.

3 октября Петр из Карлсбада поехал в Дрезден и, пробыв там от 7-го до 12-го, отправился Эльбою в Торгау, где находилась польская королева. Здесь 14-го октября Петр совершил бракосочетание царевича с принцессою Вольфенбительскою, Шарлоттою-Христиною. Царевичу было 22, а принцессе – 18. Петр объявил о том Сенату: «*Слава Богу, что сие счастливо совершилось: дом князей Вольфенбительских, наших сватов, изрядный*».

18-го октября дал он царевичу инструкцию: «что делать в небытии моем сыну моему в Польше» (см. Голиков. Ч. IV – 25).

1) Устроивать по рекам Вартам, которые текут в Померанию, магазины.

2) Приготовить плоты и суда для отправления провианта к *Стетину* по вскрытии рек.

3) Обиды и грабителей в Польше казните смертию, *до полковника.*

4) Самому царевичу быть в Торуне etc., etc.

17-го октября Петр отправил Куракина в Голландию с предложением:

Понеже Петр, по просьбе английского посла, в войну французскую не вмешивался, то просит обещания со стороны *Соединенных* в Северную войну также не вмешиваться и признать наши завоевания, *особливо на сей стороне моря*; с своей стороны Петр обещал и помощь противу Франции, в случае мира со Швецией.

Петр отпустил новобрачных в Вольфенбитель, а сам 19-го октября поехал через польскую Пруссию в брандбургский город *Кросен, где* (в польской Пруссии) осмотрел Боурово войско, прибыл в Кросен 20. Там его встретил наследный принц. 22-го имел Петр переговоры с датскими министрами *Выбеем* и Шаком.

Петр дал им следующие предписания (за своей подписью).

1) Стральзунд или остров Руген ныне же взять. Если нет артиллерии, взять две пушки с корабля.

2) Тою же зимою с курфирстом ганноврским договориться о Бремене и Вердене (принадлежавших шведской короне).

3) Военные действия морем и землею начать ранее, в апреле.

Здесь получил он из-под Стральзунда жалобу от русского войска, терпевшего недостаток в содержании. Петр писал о том Августу, также и Долгорукому (министру).

После вод Петр не мог еще оправиться, и путешествия его утомляли. 27-го октября Петр поехал опять в Торунь, где ждала его Екатерина, и 28 их величества отправились Вислою в *Эльбинг* (где стоял русский гарнизон); в нем Петр пробыл 7 дней. Отселе его приказы: Шереметеву, чтоб он из Полонного гарнизона не выводил; если же вывел, то ввел бы снова под видом наемных людей князя Меншикова (как у польских вельмож). Межеричи и прочие места (платившие подати Меншикову) отдать вновь Любомирскому etc., etc.

Апраксину не отдавать Азова или отдать, взяв сперва подписку, что король непременно будет отправлен. Если же, озлобясь, турки объявят войну, то во избежание оной Азов тотчас отдать, а Таганрог разорить.

Шафирову на имя султана 2 грамоты: 1) что Азов не сдается, пока шведский король не выслан, 2) требование султановой расписки etc. (подать из оных по усмотрению). Во всяком случае до войны не допускать.

В сенат: о рекрутах, о печном мастере Шенпорте, о постановлении торговли с Голландией, об отдаче дома Александра Гордона Яну Фельтену (кухмистру его величества).

7-го ноября Петр с Екатериной отправился на яхтах в Кенигсберг. С пути писал Апраксину Азов туркам отдать и Таганрог разорить в ноябре и декабре.

В Кенигсберге Петр пробыл два дня. Оттоле писал в Гаагу Куракину и Матвееву, что как между Францией и союзниками восстанавливается мир, то бы нам крепче соеди-

ниться с Голландией*. «*Извольте их обнадежить и всячески склонить к приязни*».

Из Кенигсберга Петр сухим путем прибыл в деревню Шакен и оттоле на яхтах прибыл в Мемель. Здесь получил от Матвеева предложения от западных союзников о примирении его с Карлом. Петр повелел министрам не вызываться на то, отвечая нерешительно, etc.

Из Мемеля сухим путем Петр прибыл в Ригу 18-го ноября, в коей встречен с торжеством. Здесь пробыл он до 7 декабря.

16-го октября визирь объявил нашим министрам, чтобы Шереметев и Голицын (киевский губернатор) письменно обязались о безопасности короля, и что тогда шведский король будет выслан силою. Обязательства сии тотчас были присланы; и визирь писал Петру, что король через 5 или 10 дней выедет непременно, говоря: «*как Бог един, так и слово мое едино*». Вследствие сего Петр послал Шереметеву повеления: 1) принять короля и самому с ним ехать, пока пришлется для того особа, тогда ехать Шереметеву к государю, 2) путь короля замедлять всевозможно (дабы в Швецию приехал он к самой кампании), 3) везти его не прямою дорогою (под предлогом поветрия), а с Киева на Стародуб, на Ярослав, Калугу, к Москве – на Волоколамск (также по причине мора), на Великие Луки, на *Сабск*, Копорье и Петербург, оттоле в Финляндию, а тракт сей содержать тайно, 4) дорогой чинить всякое довольство, 5) обо всем чаще писать к Петру. Если же шведский король поедет через Польшу, тогда отправить Вейдову дивизию etc., etc. (приказ писан *в день ордена святого Андрея*).

В сей день было торжество и горел щит с надписью: «*Виват оборона Лифляндии*». Апраксину Петр повелел, отдавая Азов, писать о *некрасовцах* etc., чтоб турки их близ Азова не держали.

Шафирову в Константинополь писал Петр, уверяя его в искренности своей etc.

* Посланник голландский Кранембург. *(Прим. Пушкина.)*

В Сенат о мундирах гвардейских полков; повелевает у архангельского губернатора принять *приборные* деньги (60 000 ефимков, 40 000 рублей да 829 червонцев). В другом письме повелевает *дворянских недорослей* 273 человека поставить в Семеновский и Преображенский полк.

Показания купца Стельса: издержано им на обучающихся в Англии школьников 30 000 ефимков.

NB. Стольника Алексея Юшкова Петр жалует в *окольничие и приказывает записать в боярскую книгу в разряде.*

NB. Подвод не давали без именного указа (см. Ч. IV – 42, в примечании).

Устроя лифляндские дела, Петр 7 декабря отправился в Пернов и оттоле повелел *сенаторам* быть в Петербурге (двум или трем, с полными ведомостями, чтобы не останавливались дела). Если же король из Турции выехал, то быть им всем.

Другим указом повелевает *пряжки* на солдатских башмаках заменить ремешками, по примеру других государств.

В Ревеле (13 декабря) Петр был встречен с таковым же торжеством. Петр пробыл в нем до 23 декабря, упражняясь городскими делами. Отселе писал 3 указа в Сенат, касающиеся до будущей кампании, а Апраксину подтверждает повеления отдать Азов etc.

В Петербург прибыл Петр 29 декабря и писал оттоле к Шереметеву, Апраксину и Шафирову о турецких делах.

Указы 1711
С января

О разделении полков по губерниям.

О бытии вместо *Разрядного* приказа при сенате *Разрядному столу.*

О табеле пехотным полкам и откуда дается им жалование.

О высылке из Москвы подданных турецких по причине войны.

О явлении беглых в течение полугода.

О учинении ведомостей приходу и расходу в губерниях.

NB. По сим ведомостям утверждено расписание полков на губернии *по долям.*

О вычетных деньгах на лекарства.

О жаловании лифляндским гарнизонам из доходов рижских и лпфляндских.

О ведении 4-х разноязычных школ тайному советнику Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину.

О сыске скрывающихся дворян.

О присяге губернаторов и вице-губернаторов.

О корчемстве (подтверждение прежнего).

Апреля

О пожаловании *дьяка* Якова Былинского в обер-фискалы. NB NB.

О даче ямщикам во всех губерниях (кроме Петерургской, где годовое жалование) по деньге на версту.

О книгах из губерний.

О ведомостях из приказов.

О соли.

О китайском торге etc., etc.

О делании вместо *мелких* денег рублевиков, полтинников, полуполтинников, пятикопеечников и алтынников.

О персидском и армянском торге etc.

О нешинковании шведским пленникам вином и табаком.

О продаже всей селитры в Москве.

О осмотре привозимых в Архангельск денег под русским гербом.

Приезжим из армии являться к губернаторам и о причине приезда доносить.

Об отсылке виноватых баб и девок в *Берг-* <и> в Мануфактур-коллегию.

Августа

Наказ обер-фискалу (8 статей).

Беглым с начала войны являться к 1-му января и вины заслуживать в прежних чинах.

NB. Стольник Михаил Желябовский определен на место Якова Былинского.

1712

1 января Петр получил известие о победе датчан над шведами и известил о том Сенат.

Из союзных войск, осаждавших Стральзунд, отряжен был генерал-поручик Ранцау для осады Висмара. Висмарский комендант, узнав о 800 высланных им для фуражу, выслал противу их 3000 шведов, которые были атакованы, прогнаны и взяты в плен 1926 <человек>.

Карл меж тем успел объяснить султану ошибку или измену визиря. Хан и французский посланник говорили в том же духе. Султан приказал визирю явиться в Константинополь. Визирь медлил, полагая, что время и предстательство его друзей муфтия и селидара (селихтара?) Али-паши обезоружат гнев султана. Но медленность его приняли за ослушание. Султан повелел янычарскому аге Юсуфу, находившемуся в Адрианополе, взять визиря и привести в Константинополь. Визирь был низложен и сослан сперва в Лемнос, а после в Родос и, сказывают, тайно удавлен. На место его возведен янычарский ага Юсуф-паша.

Карл усугубил свои происки; крымский хан хотя вследствие Прутского мира и получил земли, лежащие до Самары, и *право* над запорожцами, но сильно помогал шведскому королю. 17 декабря 1711 года в диване снова заключена война, и сам султан хотел ею предводительствовать, о чем Шафиров и писал Петру 13 ноября 1711.

Петр вследствие того приказал Шереметеву: 1) умножить в Малороссии гарнизоны, приготовить фураж etc., 2) быть Шереметеву у Киева с конными дивизиями Янусовою и Реновою, пехотами Вейдовою и Аллартовою, с артиллериею и с гетманским войском, 3) в Киеве заготовить

магазин и запасов на 7 месяцев, 4) для охранения Украйны казанскому губернатору П. Апраксину с *полками Азовской губернии* с 15 000 калмыками и 5000 донскими казаками быть при Изюме к 1-му мая etc., etc.

Петр отправил к Августу министра его графа Фицтума уговорить его, чтоб войско саксонское и польское выступило к волошским границам.

Петр повелевал Апраксину отдать Азов, несмотря на прежние предписания (что и учинено).

22-го Петр отправил султану грамоту (ч. IV – 62), которую 18-го января предварительно читал *Сенату* (NB. Князь Меншиков, князь Як. Ф. Долгорукий, Ив. Ал. Мусин-Пушкин, Тих. Ник. Стрешнев, князь П. Ал. Голицын).

25-го Петр писал своему польскому министру, чтобы он уговорил короля послать объяснения Порте насчет пропуска войск и обозов русских через Польшу etc., etc.

19-го февраля Петр торжествовал брак свой в церкви Исакия Далматского (см. Ч. IV – 68, примеч.).

26-го отправлен Матвееву в Голландию *кредитив* на торговый трактат.

Турки требовали: 1) чтоб царь отказался от всей Украйны, которой быть под покровительством Порты, 2) из Польши вывести войско и никогда ни в каком случае оное не вводить, 3) учинить Петру перемирие на три года с шведским королем.

Шведа при Порте подкрепляли послы французский и венецианский. Хану дано было уже позволение вторгнуться в русские границы, велено было собираться войску etc. (см. письма *Шафирова и Шереметева*, декабрьские и январские). Карл и воевода киевский рассеял в Польше свои манифесты, послал полковника Урбановича с 4000 червонцев для подкупления коронного войска; а за ним старосту равского Грудзинского; поляки начали шевелиться; уже Грудзинский имел у себя до 16 000 поляков, татар и казаков etc.

Карл повелел генералу Штейнбоку, чтоб он из Швеции вступил в Померанию с 17 000 войска и, взяв тамошние вой-

ска, шел к Бендерам. Носился слух, что сильный транспорт из Швеции отправлен ко Гданску.

План Карла был завладеть Польшею, покорить Россию и тогда обратиться к Германии. Но Штейнбок был не впущен союзными войсками; Грудзинский разбит, а дипломатические козни Швеции, Франции и Венеции опровергнуты старанием Шафирова, Шереметева и Толстого, при помощи Англии и Голландии, также и подарков, коими задарена даже мать султана, и 15 апреля мир подписан нашими министрами и Юсуф-пашою на следующих условиях:

1) России вывести из Польши войска и в дела польские не мешаться. Если же Карл начнет Польшу возмущать противу России, то нам выступить противу шведов.

2) Выезд и путь шведского короля предоставляется воле султана.

3) Уступлена татарам и туркам вся земля от Самары к югу. Запорожцам подтверждено право доходов от перевозок по Днепру до устья Самары, и быть им под покровительством татар.

4) Между Азовом и Черкасском не строить крепостей ни турецкой, ни русской, а все разорить в четыре месяца.

5) При сдаче Азова отдать и 60 пушек, бывших при взятии оного.

6) Разоренных крепостей при Самаре и Днепре (Богородицкой и Каменного Затона) не возобновлять etc., etc.

NB NB. *О происках Карла см. «Журнал Петра Великого» (ч. II – 324), также и письмо от 4 июня Фолиха у Голикова (ч. IV – 76).*

9 мая гвардейский подпоручик Александр Румянцов привез Петру подтверждение мира. Петр пожаловал его поручиком (в Преображенский полк) и послал в Копенгаген, к послу нашему кн. Долгорукому.

Петр пред тем из предосторожности повелел к 1-му июня в Севск собраться царедворцам с их людьми (по 1 человеку с 50 дворов) с запасами на четыре месяца и вооруженных нерегулярно (см. о том *указ Сенату от 3-го апреля*). Союзники за

неимением артиллерии положили от Стральзунда отступить. Произошли несогласия. Август хотел, чтобы *все* войска зимовали в Померании, ибо неприятель, имея до 18 000 в осажденных городах Штетине, Стральзунде и Висмаре, легко к весне мог воспрепятствовать вступить снова в Померанию; датский король хотел зимовать в Голстинии (охраняя свою Зеландию во время замерзания Зунда) и тайно вел переговоры со Швецией через готорпского министра фон Дерната. Саксонские войска без датских оставаться опасались. Русские министры князья Григорий и *Лука* Долгорукие помирили их. Август уступал Дании остров Руген (в случае взятия) и брался содержать 6000 датчан, оставляемых на зиму в Померании с русскими и саксонскими войсками.

Петр сам, положив отправиться в Померанию, дал следующую записку гр. Фицтуму:

1) О пропуске войск через Польшу в Померанию объявить туркам, что то делается по Ярославскому условию.

2) Царевичу помочь в собрании провианта в Померанию. Артиллерию под Стральзунд доставить, ибо датчане раз уже обманули.

3) Репнина дивизия пойдет в Померанию.

4) Петр сам будет.

5) Всей Померании ключ, остров Руген, взять зимою *по льду* etc.

Но Фицтум сделал Петру следующие представления:

1) Так как Август более теряет, нежели выигрывает от союза, то просить у Петра обещанные 100 000 рублей,

2) снабдить Петру русское войско в Померании всем нужным,

3) по случаю отступления от Стральзунда Август требует военного мнения от царя,

4) что русские войска, стоящие в Великопольской провинции, Польской Пруссии и Вармии, не допустили саксонских комиссаров собирать провианту на союзное войско etc., etc.

Петр обнадеживал короля будущими выгодами, упоминал о 15 000 русского войска, единственно для Августа по-

сланного, о сборе провианта обещал послать указ, о деньгах обещанных умалчивает etc.

Август еще требовал Лифляндии; Петр отвечал, что он ее себе не прочит, а требует токмо Ингерманландию, Ингрию и Карелию как старинные вотчины, etc.

О войне советует он Августу стать на молдавской границе, близ Каменца, и, в случае нападения турков на Россию, вредить им, дабы доказать им, что Польша с Россиею заодно. Если ж турки пойдут в Польшу, то Шереметев нападет на них с тыла etc.

13 января Петр получил тайное извещение, вероятно, о заговоре или о сношениях шведов с их королем. Он послал в Сенат указ с поручиком *Синявиным.*

1) Пипера и Рейншильда ему (*Синявину*) схватить и развести с Москвы.

2) У иноземных солдат, кои *в службе на Москве*, ружья обобрать, а шведских подданных рассадить порознь под крепкую стражу.

3) Офицеров шведских взять под караул.

4) Сказать всяких чинов людям, чтоб смотрели строго за слугами (полонениками) и много их на Москве не держать.

1 марта Петр отправил в Померанию князя Меншикова, а за ним повелел идти князю Репнину с 13 полками, а наконец (по просьбе Августа, опасавшегося вторжения шведов в Саксонию) и два свои гвардейские полка.

В Польше с корпусом находился князь Василий Владимирович Долгорукий. Петр, отказывая ему предложение поляков вместо провианту выдавать деньги, пишет: «*зело удивительно, как солдаты могут деньги есть в будущую каманию*?» Подтверждает, чтоб никто не чинил обид обывателям, ибо не будет пощады *ни делателю, ни тому, кто спустит.*

Петр, намереваясь ехать в Померанию, писал Шереметеву и Апраксину, чтоб они приехали к нему в Петербург. Шереметеву приказал отправить в Петербург дивизию Вейдеву; а Апраксину – корабельных мастеров, кузнецов etc. Переведенных из Москвы мастеров оружейных ввел он в *Оружейный*

дом. В то время повелел он (19 февр.) сделанное им из слоновой кости паникадило повесить в Троицком соборе. Тогда же пожаловал князю Як. Фед. Долгорукому две волости и две слободы (? доходы с оных собирать в казну и впредь). Марта 6 и 9 повелел Сенату отдать 20 молодых дворян в артиллерийскую науку к генерал-майору Гинтеру, чтобы генерал Гинтер в пушкари брал *охочих* людей.

Рагузинский учредил в Архангельске с голландским купцом Гутфелем купеческие конторы, из коих Петр доставал на монетный двор медь etc., etc. У Рагузинского был еще брат, претерпевший убыток от турков, за что Савва награжден поташом etc.

По причине дороговизны местной, Петр умножает жалование офицерам и рядовым.

См. Вейдово письмо в Голикове. Ч. IV – 99, в примечании о солдатских нуждах.

Петр послал Нестерова и Кудрявцева осматривать дубовые леса по реке Волге, Оке etc. и указами повелел оные хранить. Сею же весною он в окрестностях Петербурга засевал дубовые желуди. Он запретил *под жестоким наказанием* самим помещикам на их земле рубить дубовый лес без позволения лесного смотрителя Адмиралтейской коллегии.

(См. о дубках, о кронштадтских дубах, о заветной роще и о наказании вредителям дубов Штелина и Голикова. Ч. IV – 102.)

В апреле прибыли в Петербург сенаторы и Шереметев с Апраксиным (несколько? сенаторов осталось в Москве для окончания дел). Петр занимался особенно *доходами*. Повелел брать пошлину без отволочек при складке товаров, а не с продажи оных, как было прежде (с рубля). Учредил обер-инспектора над Рижским магистратом (не в противность ли лифляндским правам?) московского купца Илью Исаева.

Петр вывел корабельный флот к гавани и к галерному флоту (к Выборгу), отправя провиант, 23 апреля отправился туда на шнаве «Лизете»; в Выборге оставался два дня и возвратился в Петербург.

В начале мая заложил в крепости каменный собор во имя Петра и Павла и тогда же повелел Морской академии профессору Ферквaрсону проложить прямую дорогу от Петербурга в Москву. По измерению нашлась она по прямой линии в 595 верстах. Петр велел оную начать и от Петербурга до Новагорода она была сделана.

Петр послал осмотреть Мститские пороги, желая доставить судам возможность оные миновать; также реки Уверью и Вилью и места из Мологи к Мсте или Сяси, а после ехать на Вытегру и Шексну, и планы всему подать в Сенат (указ от 28 мая), «дабы будущею весною зачать дело неотложно».

В начале июня повелел Сенату осмотреть реки Славянку, Мью и Ижору и места, где добывается глина и производится каменная ломка. Леса на государственное употребление повелел рубить на всех дачах.

10 июня Петр осмотрел школьников и недорослей из дворян, 26 послано в Голландию, 22 в Ревель для изучения немецкого языка, 16 записано в солдаты преображенские.

Все европейские права повелено перевести на русский язык под главным надзором Андрея *Виниуса.*

Указом 11 июня Петр повелел Сенату судить сенаторов, оставшихся в Москве и ослушавшихся указа государя касательно высылки дворянина Головкина (чем дело кончилось? и кто был сей Головкин?).

12 мая писал Петр Шафирову о первом пункте трактата, *неосторожно* объясненного, ибо дается шведам *время возмутить Польшу* и потом уже etc.

22-го мая послан генерал-адъютант и камергер Кирила Алексеевич Нарышкин в Вену (где наш министр был тайный советник барон Урбих) с грамотою к императору (*см. Голикова.* Ч. IV – 110 и *письма Петра*).

Послу при Августе, князю Долгорукому, писал, чтоб он уговаривал короля не возвращаться в Варшаву (ибо от Турции нет уже опасности) и отпустить артиллерию в Померанию, *дабы датчан ввести в войну.* Если-де артиллерия пропадет, то бы Август надеялся: Петр доставит ему новую etc.

Петр знал о сношениях Дании и Августа с Карлом и о том, что Август имел тайных агентов при Порте – Каштеляна (?) и советника Гольца.

Петр 15 июня, спустя корабль «Полтаву» и отправя в Украйну Шереметева, того же вечера отправился в Кроншлот, поруча главное правление Апраксину, на шнаве «Лизете» прибыл в Нарву (куда поехала сухим путем и Екатерина) 20-го июня.

21-го Петр отправился в Ригу на почте, куда прибыл 25-го, торжественно.

Здесь узнал он о нечаянном мире Франции с Англиею.

Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся *к уезду и дворянству*, относиться к Левенвольду, касательно торговли к Исаеву, а гарнизона – к Полонскому etc.

Петр, взяв в опеку Курляндию, определил к ее высочеству обер-гофмейстером Петра Бестужева, повелев ему 1) по силе условия с покойным герцогом выдавать 40 000 на содержание Анне Иоанновне, 2) хлеб во всей Курляндии описать и беречь до приходу русских шкиперов, 3) до времени *молчать* о сем etc.

Староста Грудзинский, разделив свой набранный отряд на две части, с первою напал на киевский полк в семи милях от Познани и оный разбил. Полковник Урбанович с другою частию напал на русских в местечке Шверине, но наши отступить успели через брандбургскую границу. Князь Меншиков отправил генерал-поручика Боура, который напал на Грудзинского и Урбановича при местечке Лагореве и разбил. Грудзинский бежал в Шлезию.

Петр послал из Риги Шереметеву свои манифесты в ответ шведским, повелел ему идти к литовским границам и следовать к Торуню etc.

Петр повелел Шафирову жаловаться Порте на Карла и на воеводу киевского.

Сенату повелевал он умножить рижский гарнизон; указом от 30 июня повелел Петр посланного при сем Веселовского определить в помощь А. Виниусу.

Петр и Екатерина отправились в Эльбинг 30 июня через Курляндию, Мемель и Кенигсберг.

В Эльбинге Петр оставался пять дней, осматривая гарнизон русский и приводя *все* в порядок.

Повелевает сенату послать слесарей в Ригу для починки старых ружей (молодых ребят заобычных к слесарному делу) и велеть учить *ствольному, замочному и ложному делу* etc., etc. Также и седельному ремеслу: если же хватятся, а мастеров не будет, то с губернаторов взыщется штраф.

13-го июня Петр отправился водою к местечку Ландсбергу с батальоном при майоре гвардии Матюшкине. Здесь свиделся он 21 с Августом и пробыл с ним в дружеских совещаниях до 23. – 24 в местечке *Гарцах* встретил его князь Меншиков, а у Штетина *при* армии царевич. Отселе писал он Долгорукому, чтоб он велел Эльбинг, упраздненный в силу Прутского договора, занять немцами, а не поляками, из опасения шведов.

Петр осмотрел места, окружающие Штетин, повелел у реки сделать укрепления, чтоб отрезать сообщение городу с судами.

Должно было взять Штетин, и на <то> определена была датская артиллерия. Датский резидент объявил, что оная находится на острову в семи милях от Стральзунда. Петр отправился в Анклам к датскому вице-адмиралу Сегестету, у которого в ведомстве артиллерия находилась; там встретили царя Сегестет и наш генерал Алларт. Сегестет объявил, что он артиллерию свою без указу короля < дать> не может, пока не прибудет артиллерия саксонская. Петр писал о том польскому своему министру и поехал в Грибсвальд, где стоял русский гарнизон. Отселе недалеко в заливе стоял датский флот с транспортами к Ругену. Петр осмотрел оный, потом писал датскому королю, жалуясь на медленность и неусердие союзников, грозясь вывести свое войско etc.

Адъютанта своего Ушакова послал он в Польшу присматривать за офицерами, сколько и чего вывезут они из Польши, приказав тайно расспрашивать и записывать etc.

1-го августа Петр осмотрел саксонское и русское войска, стоявшие около Грибсвальда и Стральзунда под началь-

ством Алларта. Тогда же прибыл и Флеминг и прусский генерал-майор Гакабор.

Петр осмотрел потом все места от Гарца до Стральзунда, начертал план военных действий и писал о том королю датскому etc. Послу своему писал: «Наудачу, без плана я никогда делать не буду, ибо лучше рядом фут за футом добрым порядком неприятеля с помощию Божиею теснить, нежели наудачу отваживаться без основания».

10-го августа Петр опять был в датском флоте и, посетив вице-адмирала, ночевал на яхте «Ульрихе».

11 августа Петр ездил навстречу своих трех кораблей (из города Архангельска) и прибыл на одном из них в большой датский флот, состоящий в 17 линейных кораблей под командой генерал-адмирала *Гульденлева*. Взаимные морские вежливости etc. Петр пробыл во флоте до 14 августа и своего капитана *Рейса* с двумя русскими и двумя датскими кораблями отправил в море для взятия судов с хлебом, какие они бы ни были.

13 *августа* датский король повелел своему флоту быть в полной власти у царя. Петр повелел Сегестету вести тотчас артиллерию под Штетин. (Кажется, говорит Голиков, власть эта продолжалась недолго.)

14-го Петр на датском бригантине пошел к Волгасту и вечером прибыл рекою Одером.

16-го прибыл туда же король Август. 17-го был совет и положено Руген взять и Стральзунд бомбардировать.

Петр повелел Меншикову отрядить к Волгасту 6000 войска.

17-го Сегестет вошел в устье Одера с артиллерией, но тогда же датский король прислал ему повеление оной под Штетин не давать. Петр указал Меншикову, оставя при Штетине 4000 войска, идти с саксонской артиллерией и с датскими понтонами и лопатами к Волгасту.

17-го же августа капитан Рейс возвратился с судами любскими и голландскими, нагруженными хлебом. Петр повелел принять их мерою и дал шкиперам *ассигнацию* получить столько же хлеба в Амстердаме от *комиссара* Соловьева.

24 августа Петр и Август прибыли в Грибсвальд. Здесь Петр дал прусскому генералу Гакабору следующее объявление: гор. Штетин отдается в полную власть королю прусскому, ибо на оный Петр никакой претензии не имеет, etc.

Между тем Штад, шведский город в Бременском (также и Вигершанц) округе, покорился датскому королю. Петр праздновал успех своего союзника.

Датский флот от острова Ругена (прежде уполномочения Петра) отошел к *Когебухту*; сие дозволило шведскому флоту выйти в море, и взятие Ругена было отложено (кажется, не с согласия Петра).

Петр просил датского короля праздное после взятия Штада войско отправить к Стральзунду. Пять шведских кораблей стояли в заливе, намереваясь пройти к Стральзунду. 3 сентября Август и Петр против их повелели взвести две батареи; одна из них принудила шведов удалиться. Сегестет получил указ их атаковать. Шведы, имея ветр попутный, пустились к Стральзунду, куда и пришли, потерпев от другой батареи великий вред: 600 человек убиты и корабли повреждены.

4 и 12-го сентября Петр писал в Константинополь, оправдываясь в том, что войска будто бы еще Польшу не очистили. «Царевич сам (пишет Петр) их вывел».

В Эльбинге остается гарнизон, из опасения шведов и по просьбе короля. О 15 000 турецкого конвоя Петр пишет: «не думаю, чтоб поляки их пропустили. Это не конвой, а армия» etc.

9-го сентября введен в Эльбинг саксонский гарнизон. Намерение о взятии Ругена возобновлено, войско уже посажено на корабли, но шведы успели из Карлскрона доставить Ругену сильную помощь – и предприятие отложено.

В то время Шереметев донес Петру, что воевода Яблоновский объявил ему через своего агента Гуденовича о происках Августа при Порте и о намерении помириться с Карлом, дабы купно с датским королем потом объявить войну России etc.

Но Петр или сему не поверил, или не видел в том успеха, или хотел знаком доверенности обязать уже довольно обязан-

ного Августа, как бы то ни было, он перед отъездом в Карлсбад поручил в верховное ведение королю свое померанское войско, дав Меншикову тайное повеление надзирать над королем, а 28 сентября праздновал Левенгауптское сражение и тогда же вручил королю следующие пункты:

1) О фураже и провианте (коего довольно),

2) бомбардирование Стральзунда отложить, ибо люди утомлены походом, а у неприятеля не менее 20 000 свежих и спокойных,

3) в Грибсвалъде оставить гарнизон: половину русских и половину саксонских,

4) о квартирах,

5) *Гаф* очистить виц-адмиралу Сегестету,

6) ему же зимовать здесь,

7) датскую артиллерию разделить etc., etc.

Потом Петр отправился в Карлсбад.

Между тем из Грибсвальда писал он в Сенат:

1) послать для перекручивания пороху мастеров во Псков,

2) чтоб на зиму в Петербург уготовили провианту на 30 000,

3) чтоб Апраксину дали подводы,

4) употребить вычитаемые из жалования офицеров и солдат деньги на поправление армейской аптеки etc., etc.

Петра Бестужева определил в комиссарство.

На денежных дворах велел перелить в деньги серебро *светлейшей* княгини Настасьи Голицыной.

Лан, посланный для собрания проб всех европейских монет, возвратился. Сенату велено их от него принять.

Апраксину Петр повелевает:

Умножить гребной флот и в финляндский поход вступить как можно с большею силою; там повелевает зимовать и Финляндию не разорять, а с жителей брать контрибуцию. «Ежели мы дойдем до Абова, то шведы принуждены будут заключить мир, ибо из Финляндии единственно получают пропитание» (*письмо к Апраксину*).

Подтверждает указ кровли в Петербурге крыть черепицей и дерном.

Посылает к нему корабли, купленные в Англии (всех 7), повелевает вылить для них 300 пушек.

Августа 30 и сентября 8 понуждает Петр Шереметева действовать не так медленно; повелевает ему отправить в Курляндию драгунский полк для предупреждения шведского транспорта; опасается *согласия* Риги с шведами etc.

Генерал-кригс-комиссару Бестужеву повелевает с Курляндии собирать хлеб и деньги при помощи солдат рижского гарнизона, а дворянству курляндскому выбрать для того двух человек etc.

Гвардии капитану Ушакову Петр писал о провианте, в Польше собираемом, etc. Князю Долгорукому (польскому министру) пишет, чтоб он по причине слабого здоровья ехал с войском в Россию, ибо тут будут и дохтора, один с Меншиковым, другой с моею *хозяйкою*, etc.

Апраксин вступил в Финлядию с галерным флотом. Шведы убежали, сожигая сами свои города. Шаутбенахт Боцис взял шнаву и три военных бота etc.

Петр заехал в Берлин и свиделся с королем. 3 октября прибыл в Виртемберг саксонский, здесь посетил он гроб Лютера, его библиотеку и горницу, где он жил, etc.

Потом был он в Лейпциге, отселе писал Апраксину, повторяя свое повеление заготовлять как можно более галер, бригантин и прам, коими безопасно и удобно действовать у берегов, уведомляет о покупке еще восьми кораблей etc.

8 октября Петр прибыл в Карлсбад, где гр. Вратислав (?) с батальоном австрийских солдат ожидали его.

Отселе писал он в Сенат, чтоб через Савву Рагузинского отправили к послам нашим в Константинополь лисьих, горностаевых и заячьих мехов на 3000 рублей etc., о жаловании волохам и другим нерегулярным etc.

Для столовых припасов и дворовых потребностей требовал он через Пипера и Рейншильда свободного пропуску кораблю etc., etc.

Шереметеву в случае безопасности от турков повелевает приехать на свидание с ним в Ригу etc.

Апраксину предписывает, как действовать, настаивает, чтоб взять Абов и Гельсингфорс потому, 1) чтоб было что при мире уступить, 2) что Финляндия есть *матка* Швеции, откуда получают они не только скот и прочее, но и дрова etc. (*см. Голиков*. IV – 154).

Петр употреблял воды с 9 по 31 октября. – 1 ноября прибыл к *Теплицам* (Töplitz). Здесь посетил он графов (князей) *Валдекских* etc. *Анекдот о кухне.*

Тут получил он от Меншикова (из Померании) известие, что шведский фельдмаршал граф Штейнбок с войском стральзундским и ругенским пошел из Померании в Мекленбургскую землю и что саксонские войска пропустили его из робости.

4-го ноября Петр писал о том датскому королю, прося его идти за Штейнбоком в Голстинию, куда и сам он поспешит, etc.

5-го ноября на судах Эльбою Петр отправился в Дрезден, куда прибыл 6-го. 12-го писал он вновь датскому королю, потом отправился по Эльбе ж до Виртемберга, а 16-го прибыл в Берлин etc., потом с наследным принцем ездил на яхте в Шарлоттенбург; 19-го имел конференцию с королем и 20 поехал в *Мекленбургию* к своим войскам с прусским конвоем через Ораниенбург, Цеденихт, Теплин (близ коих были шведы) и прибыл в Демин.

28-го ноября Петр прибыл в главную квартиру в местечко Лаго.

30-го, в день кавалерского праздника Андрея, приехал к нему король польский, оба государя обменялись орденами (Андрея и Белого орла).

28 ноября писал он Шереметеву, что атаковать Штейнбока не могли за бесконницею. – Шведы, пишет Петр, имеют намерение пробиться в Польшу и удаляются от сражения. – Везде мерзнет, и трудно их удержать – повелевает Петр стать с конницею на Украйне и Штейнбока от Турции отрезать etc.

2-го декабря Петр с Екатериной и с полками гвардии прибыл к Гистроу и посетил вдовствующую мекленбургскую принцессу.

Датский король соединился с саксонским войском; Петр его благодарил, а сам заслонил Штейнбоку все пути в Польшу. Тут получил он известие, что Штейнбок обратился к Шверину с намерением напасть на датские и саксонские войска. Петр дал знать датскому королю, чтоб он дождался его, чтоб дать сражение, 8 декабря выступил в поход и с пути трех курьеров: Нарышкина, Монса и Левенвольда – послал одного за другим к датскому королю с подтверждением своего совета.

Но датский король и генерал-фельдмаршал Флеминг сразились с шведами близ местечка Гадебуша и были разбиты Штейнбоком, которого Петр уже почитал в своих руках.

Убито 1500, в плен взято более 2000 пехоты. Конница спаслась бегством etc. *Письмо к Апраксину 14 декабря.*

Петр обратился вновь к Гистроу и здесь узнал, что Штейнбок пошел в Голстинию. Датский король через своего генерал-адъютанта Меера просил у Петра помощи и свидания в Нейштадте. Петр туда и отправился.

Несколько времени пред сим Август отправился в Варшаву на сейм. Петр от венского своего посланника барона Урбиха узнал меж тем о разорвании турками мира и о заключении своих министров. Петр отправил тотчас на Варшавский сейм князя Юрия Трубецкого с требованием помощи, а сенату дал повеление приготовиться к обороне со стороны турок, а к наступлению противу Финляндии; Шереметеву повелевает снова не допустить Штейнбока соединиться с турками, а Апраксину готовиться к весне противу Швеции и вывезенную из Азова артиллерию доставить на Середу (крепость), вылив пушки и проч.

Петр, отправя Екатерину в Петербург с батальоном гвардии, прибыл в Нейштадт, где стоял Боур с конницею. Датского короля он нигде не нашел и воротился к своему войску. 24-го декабря в деревне Пампоу имел он со всеми своими генералами воинский совет. Положено соединиться с датскими и с саксон-

скими войсками и идти за неприятелем; тогда же Петр повелел пехоте своей переправиться через реку Штер, а сам поехал до местечка Гольденбоу. Здесь получил известие, что Штейнбок сжег Алтенау (датский город). Утверждали, что меркантильная зависть гамбургцев была причиною гибели Алтенау.

Петр пошел за Штейнбоком к Гамбургу.

Указы 1712

За беглого солдата взыскивать штраф с обер- и унтер-офицеров, с рядовых и с *извозчиков.*

Скрывателей по наказанию ссылать на каторгу; рекрутам натирать на руках *крест порохом.*

Харчевникам и торговцам при полках иметь оружие *огненное* и *студеное.*

Офицерам за оставление больных солдат по 10 рублей штрафу. Во всех губерниях учреждены гошпитали для престарелых и увечных, также и для незаконнорожденных.

Деревни *фискалов* не ведать губернаторам, а Сенату и государственному фискалу.

Суконные фабрики в России были уже в цветущем состоянии. Петр повелел в течение пяти лет брать на армию одни русские сукна etc.

Повелено размножить инженерную школу, а ученикам (двум третям) быть дворянским детям.

Мастерскую палату перенести на казенный двор и ведать оную князю Прозоровскому.

Учреждены богадельни, велено шатающихся ловить, записанных отсылать в богадельни, а не записанных, по наказании, в их жилища.

NB. Новое расположение Украйны для будущей войны.

На строения Кронштадта собрать работников *со всех* губерний.

По окончании шведской войны повелено переселиться в Петербург и Кронштадт и строить дома. Дворянских 1000, купеческих 500 (лучшим), средних 500, рукомесленных 1000.

NB. Последнему в роде запрещено недвижимые имения отдавать кому бы то ни было etc.

Выморочных и за вины описанных имений без именного указа не раздавать.

Подьячих пересмотреть, старых настоящих оставить при деле, других отдать в писаря и в унтер-офицеры.

Офицерам давать везде первое место (?).

Генерал-губернаторам и губернаторам дано право избирать комендантов.

Предписано им осматривать мастеровых и плотников etc.

За неисполнение сенатских указов губернаторов арестовать.

Учреждена особая коллегия для управления купцов и торговли.

Указ о конских заводах, о покупке жеребцов и кобыл в Прусии и в Шлезии.

Кабацкие и таможенные сборы отданы на подряд.

О торговле в указных рядах и на гостиных дворах, а не на дворах.

О даче дворов Кантемиру etc.

О строении в Москве *в линию.*

О посылке драгун и солдат по воров и разбойников etc., etc.

1713

1 января Петр ночевал в Милене (в Ганновре), от курфирста прислан для встречи его Фабриций; здесь узнал, что Штейнбок пошел от Алтенау в Голстинию.

3-го прибыл в Гамбург, где и пробыл до 5-го для получения от датчан провианту. Отселе ездил он на пепелище Алтенау, роздал погорелым деньги и обещал им торговые выгоды. Потом пошел за Штейнбоком.

12-го числа прибыл в датский город Рендсбург, осмотрел крепость. Король датский прибыл туда же. Петр fit défiler les troupes devant sa majesté danoise[26]; 22-го оба государи последовали за войском. 24-го смотрели саксонское и дат-

ское войско. Потом Петр осмотрел Шлезвиг; здесь правитель Голстинии и опекун молодого герцога подарил ему глобус, сооруженный Адамом Бушем под присмотром Адама Олеария. Глобус отправлен был морем в Ревель, откуда на другую зиму и прибыл в Петербург.

Петр отправился в армию.

27-го войско перешло через Трену и пришло в Гузум; неприятель стоял в окрестностях Фридерихсштадта, окруженный болотами и близ моря. Шлюзы были разорваны, поля наводнены. Две узкие плотинки, укрепленные перекопами и батареями, вели к неприятелю.

В Воинском совете, где Петр предлагал атаковать, положено было, по несогласию на то саксонцев и датчан, королю датскому оставаться в Гузуме с четырьмя полками русской пехоты, не пропуская неприятеля через плотину в город, а нам идти противу шведов к местечку Швабстеду, от которого к Фридерихсштадту лежит другая плотина, укрепленная от неприятеля.

30-го Петр повел войско, осмотрел местоположения и на другой день за три часа до свету русские вступили на плотину: впереди 4 гвардейские и 1 гренадерский батальон при майоре гвардии Глебове, за ним сам Петр с пехотою и наконец Меншиков с конницею. На рассвете дошли до первого перекопа; шведы побежали из оного. Второй перекоп был тоже оставлен. Петр велел засыпать тут же перекоп, отправил Меншикова по другой плотине вправо к деревне Коломбитель и пошел на неприятеля по узкой плотине, по коей едва в восемь человек идти можно было. Шведская батарея действовала вдоль плотины. Русские гренадеры бросились и ею овладели. Шведы бежали, но их нельзя было преследовать: должно было засыпать перекоп и срыть батарею, занимавшую всю сушь; около ее были одни глубокие воды.

Меншиков, сквозь те же опасности, совершил тот же самый подвиг и остановлен был теми же трудностями. Наконец Петр с ним соединился в Коломбителе и пошел опять по узкой плотине противу выстроившегося неприятеля, под

огнем батареи. Шведы не вытерпели натиска русских штыков; они бежали, теснясь на плотине, через водяной ров, бросались на луг, падали на колена и бросали ружья. Тех же, которые бежали по плотине, догнать было нельзя: грязь была глинистая, и не только у солдат стащила обувь, но даже у лошадей отдирала подковы. Шведский генерал-майор Штакельберг ушел из Фридерихсштадта с 4000 к главному войску, грязь помешала его отрезать.

1 февраля Петр вошел в Фридерихсштадт.

У шведов убито 13 человек; у нас только 7. В плен взято 5 офицеров, 295 унтер-офицеров и рядовых Зейблатова полку.

Неприятель отступил в угол к морю, к местечку Гардинку; у него сухой земли не более было, как мили на две вдоль и поперек (письмо Петра к Шереметеву 3 февраля). Русские осадили его от реки до другой, впадающих в море.

Отселе Петр писал Апраксину, чтоб он начинал военные действия без него.

4 февраля Петр в Гузуме обменялся с датским королем орденами (Андрея и Белым слоном) и повелел Синявину (флотскому поручику) из Копенгагена идти к Ревелю с тремя кораблями; любопытно письмо Петра, доказывающее редкость денег и небрежение, с каковым выдавались жалования. (Ч. IV – 189).

Штейнбок отступил к Тонингу; Петр, полагая, что он переберется на судах через Эйдер, повелел через нее у Фридерихсштадта сделать мост. Но узнал через беглецов (169 человек офицеров и рядовых), что Штейнбок решился держаться в Тонингской крепости. Петр узнал тогда, что Англия намерена у Финляндии дать шведам помочь. Слух разнесся, что английская эскадра собирается помочь им и в Голстинии. Петр решил ехать в Петербург и 12-го февраля пред отъездом послал королеве Анне грамоту, в коей уговаривал ее в войну не мешаться и уверял в своем миролюбии.

Потом, поруча главную власть датскому королю, уехал в Россию.

На пути заехал он к курфирсту Ганноврскому (будущему английскому королю), посетил его мать – герцогиню и, дру-

жески расставшись, заехал к свату своему герцогу Вольфенбительскому. Там получил он известие о смерти прусского короля и поехал к Фридерику-Вильгельму. Петр остановился в Шенгаузене, куда приехал к нему король в глубоком трауре. Здесь заключен следующий договор:

1) Коль скоро Штейнбок приведен будет в бессилие, то царю немедленно вывести свои войска из Германии и Польши.

2) Пруссия обещает хранить строгий неутралитет, шведов не пускать ворваться в Польшу, а в случае нужды и оружием.

3) Петр обещается по окончании войны употребить всевозможные старания, чтоб Эльбинг с своею округою уступлен был Польшею Пруссии; но от принуждения оружием отказывается (1 марта 1713).

Отселе Петр послал генерал-майору Штафу повеление Анклам, Демин, Гарц, Вальгаст и, буде еще можно, Грибсвальд разорить и сжечь (кроме церквей), а самому идти в Мальхин (в Мекленбурге), где генерал Бук собрал магазины, и там остаться *зимовать* (?).

Смотри в Голикове (IV – 197) сбивчивое его рассуждение о намерении Петра касательно померанских городов.

Петр писал Ушакову, чтоб он с батальоном гвардии, отправленным в конвое с Екатериной, шел бы в Петербург и повелел бы Апраксину *заготовлять квартиру*. По просьбе короля, Петр поехал с ним в Берлин incognito. Оттуда выговаривал он Апраксину, что из опасения турок не пошел он в Финляндию etc., *иначе весь интерес потерян* etc.

Пробыв в Берлине с неделю, Петр 3 марта поехал в Петербург.

Между тем по проискам Карла XII султан низложил и Юсуф-пашу, избрав на его место Солиман-пашу. 14 ноября 1712 г. война с Россией была объявлена. Шафиров, Шереметев и Толстой посажены были в Эдикале; султан выступил к Адрианополю. Татары вторглись в Россию и доходили до Киева, а Станислав Лещинский вступил в турецкие границы. Карл послал генерал-фельдмаршалу Штейнбоку приказ идти через Польшу в Бендеры. Поляки бунтовали; запорожцы

были готовы; Карл послал к ним по 500 ефимков на каждый курень и по коню каждому старшине.

Но надежды Карла вдруг обрушились. Султан повелел ему выехать из Турции, с конвоем 6000 *спагов* и 20 000 татар. Это не было его расчетом. Он стал отговариваться и потребовал 1000 мешков, недавно еще получив большую сумму.

Здесь произошло странное Бендерское дело (*смотри Вольтера, письма Шереметева. Ч. III – etc. Голиков. IV – 203*).

Когда, после Варницкой битвы, Карл привезен был в Андрианополь, заключен в Демотику и потом, по представительству французского посланника, переведен в Демир-таш, Порта надеялась избавиться от упрямого постояльца, но Карл был неколебим.

Петр получил известие обо всем, сидя за столом, и тут же сообщил оное всем, тут находившимся. «Вижу, – оказал он *со вздохом*, – что Бог его оставил, когда уж на последних своих друзей так неистовствует».

Лещинский, ехавший к Карлу incognito, был задержан в Яссах в монастыре, потом отвезен в Бендеры, наконец соединился с королем.

Скоро султан раскаялся, он обещал короля во всем удовлетворить. Хан и сераскир Бендерский низложены. Визирь тоже, а на его место возведен капитан-паша Али-Ибрагим. Муфти и Рейс-ефенди сосланы.

1 января 1713 между французским послом и шведским королем установлен следующий договор:

1) Король французский обещает довести султана до войны с Россиею.

2) Король шведский, когда возведет вновь Станислава, обещает Каменец отдать туркам.

3) Порта обещает принудить Россию отдать Польше Киев и всю Украйну.

4) Полякам смотреть, чтоб Россия до казаков не касалась.

5) Французский король обещает два миллиона в Гданске заплатить шведским *помощникам* (?) etc. (сообщено Шереметеву из Каменца генерал-майором Ропом).

Голландский посланник и переводчик его Тельз успели, однако, облегчить участь наших министров. Турки, услыша о наших приуготовлениях, снова к миру приступили. Министры наши в марте прибыли в Адрианополь. Турки требовали немедленного очищения Померании, ибо под предлогом перехода etc. царь никогда без того из Польши войска не выведет. Министры наши обвиняли французского посла в клевете etc. Между тем визирь и хан (и даже султан incognito) хотели иметь переговоры с Карлом и, приехав в его местопребывание, пригласили его обедать. Карл отказал спесиво. К нему прислали переводчиков для переговоров, он их к себе не допустил.

Вследствие всего этого Порта возобновила 25-летний мир. 3 июля трактат подписан и разменен.

Турки под видом построения крепости отправили в Хотин 100 000 войска и 150 пушек. При оной находился Станислав, Потоцкий и шведские генералы. Догадывались, что Польша имела намерение возвести Станислава на польский престол. Август требовал помощи у Петра.

Петр повелел Шереметеву в таком случае слушаться Августа.

Племянник Станислава, воевода Яблонский, вел интриги противу Августа. Но генерал Гольц и воевода Мазовецкий (министры Польши и короля) объявили Порте, что в случае нарушения Карловицкого мира Австрия и Россия примут сторону Польши. Султан одумался и приказал хану смотреть за Станиславом и запретил туркам и татарам переходить Днестр вооруженным, хотя бы и поодиночке. Карлу снова предписано выехать. Станислав, воевода киевский и шведские офицеры отвезены в Бендеры. Карл лег в постелю и никого к себе не пускал. Турки перестали его уважать и отпускали ему по 70 левков в день на содержание.

Наконец Карл решился ехать. Он писал к султану, двусмысленно благодаря его за прием и угощение, объявлял о намерении своем ехать через Венгрию и Германию и через министра своего Гротгузена просил на дорогу денег, в которых ему

отказано. 6 октября 1714 года он отправился в путь incognito с четырьмя человеками свиты, через Венгрию, мимо Вены и Ниренбурга, и 22 ноября прибыл в Стральзунд.

Петр ехал из Берлина в Петербург через Раценбург, Гендрихсвальд, Штаргард, Мариенбург, Эльбинг, Митаву, Ригу, Дерпт и Нарву и 22 марта прибыл в Петербург.

Разорения, татарами учиненные, были важные. 1554 были убиты; 14 340 взято в плен. 98 864 скота были отогнаны. Петр молчал, желая управиться сперва со шведами.

Петр осмотрел строения, 25 марта присутствовал при освящении церкви в Невском монастыре во имя Благовещения Пресвятой Девы.

Он стал готовиться к финляндскому походу. Повелел Шереметеву отправить Вейдеву дивизию и три конные полка в Петербург. Между тем занялся устроением торговли. Он манифестом пригласил европейские народы в свою новую пристань, обещая льготу и выгоды. Несколько кораблей явились при Неве, и Петр ознаменовал сей случай выбитием медали (Голиков. IV – 226). NB.

В Кронштадте заложены две великие гавани для военных и купеческих кораблей и вскоре окончены.

26 апреля Петр вывел в море галерный флот: 93 галеры, 60 карбусов, 50 больших лодок с 16 050 войска (кроме уже бывших на судах) и отправился в Финляндию, будучи в авангарде как контр-адмирал, в кор-де-баталии был Апраксин, в арриергардии – генерал-поручик князь Голицын и контр-адмирал граф Боцис.

Между тем в Голстинии союзники готовились с общего совета к блокаде Тонинга. Марта 6 начали готовить фашины и туры. Датские корабли в устье Эйдера взяли 15 шведских судов с амуницией и хлебом.

1 апреля датская артиллерия прибыла на судах. Положено русским перейти Эйдер.

От 1-го до 9-го Меншиков построил через болота и излучины реки мост на несколько миль. Пехота выстроилась в две линии между Олденсфортом и Герефортом, и положено

шведов атаковать: датским и саксонским войскам идти противу их, а 3000 конницы и 5000 русской пехоты от Тонинга их отрезать. Русские тотчас пошли к плотине, по которой шведы могли уйти к Тонингу. Плотина имела по одну сторону Эйдер и по другую широкий канал. Но шведы не думали удерживаться в неприступном месте, а, разметав мосты, бывшие на канале, побежали к крепости, куда и ушли. Русские снова навели мост и у болверков крепостных захватили несколько пленных. В сие время прибыли саксонцы и датчане.

Шведы задыхались от тесноты, они выгнали несколько сот офицерских и драгунских лошадей. 4000 их померло в краткое время.

Положено было крепость бомбардировать, сделаны были апроши и кетели. Но саксонцы сему воспротивились.

27 апреля Штейнбок предложил о сдаче своей Меншикову, стоявшему в Олденсфорте, и приехал к нему с двумя генерал-майорами. (Датский король находился в Гузуме.)

При Меншикове был тогда Флеминг и датские генералы и министры. Штейнбок, *отдаваясь в плен*, требовал себе одних знамен и литавр; но и в этом ему отказано. 3 мая заключена ратификация; 4-го разменена; с 9-го по 15 выходили шведы из крепости: первая бригада при генерал-майоре Паткуле клала оружия перед русской гвардией; Штейнбок с генералами пеш шел к датскому королю. Более 1000 шведов разбежалось и перешло в датскую и саксонскую службу. Сдалось 11 489 (4 генерала, 300 штаб- и обер-офицеров), пушек взято 19; штандартов, знамен 128 etc. Все было разделено между союзниками. Мы получили большую часть. Датский король подарил Меншикову свой портрет (с бриллиантами). Меншиков пошел обратно в Померанию и дорогою взыскал с Гамбурга 200 000 ефимков.

В силу II-й и XVIII-ой статьи договора пленные должны были быть разменены, а за остальных положен выкуп. Швеция охотно на то согласилась. В Гамбург присланы были деньги и полоненные в Померании россияне и датчане для размена на равное число шведов. Датский король потребовал

всех русских пленных, иначе на выкуп не согласился. Штейнбок умер в датском плену.

Петр прибыл к Эльзингфорсу 8 мая. Бригадир Чернышев послан был проведать о неприятеле. Чернышев донес, что шведы в Эльзингфорсе укрепились. 10-го прибыл бомбардирский галиот и началось бомбардирование. Генерал-майор Армфельд имел в городе 2000 пехоты, 300 конницы. Ночью на 11 мая он зажег город и ушел на соединение с генерал-поручиком Либекером в Бургоу, брал фураж и артиллерию. Мы пошли за ним со всем флотом и 14-го мая при Бургоу в виду шведов вышли на берег. Приступив к городу, русские уже неприятеля в нем не нашли. Он ушел во время высадки к мызе *Мензола*.

В Бургоу оставили мы 3000-й гарнизон при генерал-майоре Бутурлине. Положено сделать *в удобном месте* укрепление для сложения провианта, дождаться генерал-майора Волконского с конницею из Выборга, идти на шведов и овладеть Финляндией. Для отыскания *сего удобного места* Петр отправился на своей галере и выбрал остров *Форзбин*; 28-го мая начались работы.

Купленные в Англии три корабля приведены были Наумом Синявиным к Кроншлоту. Петр отправился туда, дабы отправить те и прочие корабли в море, 6 июня заехал он в Выборг и отправил из магазина к Апраксину 20 000 четвертей хлеба. Повелел Волконскому поспешно следовать к нему же. 7-го ввечеру прибыл в Кроншлот; ночевал на корабле «Полтаве». Осмотрел утром новые корабли, нашед их в сравнении с русскими, *как приимышей против родных детей*. Потом осмотрел и весь флот и работы и 12-го июня прибыл в Петербург и, уведомясь о прибытии в Ревель новых пяти кораблей с нанятыми английскими офицерами, послал к ним капитан-поручика Ивана Синявина и повелел виц-адмиралу Крейсу, коль скоро они прибудут к Кроншлоту и будут исправлены,

выйти в море противу шведов; Шереметеву, повторяя повеление выслать Вейде, повелевает оставаться еще в Украйне etc.

27 июня, в годовщину Полтавской победы, Петр принимал персидского посла, отправленного для заключения дружеских договоров. Шах, услыша о вооружениях на Кубани, испугался etc. Петр принял посла на яхте и кончил день фейерверком etc., etc.

На другой день новогородскому губернатору Корсакову повелел, чтоб к 1 декабря все дворяне от 30 до 10 лет были к смотру под опасением лишения чести и живота (с похмелья, видно).

Шаутбенахт Боцис известил Петра, что шведских 9 кораблей, 2 фрегаты и 4 ластовых судна пришли к Эльзингфорсу под начальством виц-адмирала Лелия. Петр, извещая о том (2 июля) Апраксина, обещался прибыть к нему немедленно. Он поехал в Кроншлот, а за ним и персидский посол, коего посадили на военный корабль «Выборг», etc. и показывали эволюции.

Петр занемог и 8-го июля отправился в мызу Кипину для лечения; отпустил посла и повелел виц-адмиралу Крейсу идти противу неприятеля и привести в Кроншлот корабли из Ревеля. Тут получил он от Шафирова известие о мире, коим он был доволен (кроме X-го пункта). В письме к Шафирову Петр уведомляет его, что *уже имеем 13 линейных кораблей о 50 пушках и выше etc.* NB.

Крейс хотел действовать один, не в присутствии державного контр-адмирала. Сие предложение не понравилось Петру. «Уже вящше 18-ти лет служу сему государству, – писал он Крейсу, – и никогда о том не был прошен, дабы дома яко дитя остался». Крейс отговаривался тем, что не хотел государя подвергать напрасно опасностям (*см. ответ Петра в Голикове. IV – 246*).

Петр повелел Апраксину выжить Лелия из Эльзингфорской гавани и потом укрепить город. Потом, заехав в Петербург, отправил в Константинополь ближнего стольника Дмитрия Бестужева-Рюмина с ратификацией 25-летнего

мира и повелевая ему и Шафирову немедленно по размене ехать в Россию etc.

Князь Куракин (министр Петра в Гааге) известил его, что Англия и Голландия берутся трактовать о мире. Петр предписал ему, по возможности, от их посредничества отговариваться и требовать: 1) чтоб они не предписывали закона, но принимали только предложения с обеих сторон; 2) чтоб цесарь и ганноверский курфирст вошли также в посредничество etc.; 3) уверяет их в своей умеренности etc. Петр повелевал сию негосиацию не иначе проводить к концу, как если заметна будет близость окончания дел с Францией и союзными державами; etc, etc. (*Голиков*. Ч. IV – 251. NB.)

31 июля Петр с батальоном гвардии отправился в Эльзингфорс на шнаве «Мукер» с пятью галерами etc., etc.

5 августа Петр, претерпев бурю, прибыл вечером в Эльзингфорс.

Апраксин из Боргау, а Боцис с галерами и с бомбардирским кораблем уже прогнали шведский флот, который и отплыл к Твереминду. Петр осмотрел укрепленный вход в гавань.

6-го августа генерал-адмирал и генералитет пожаловали Петру чин сухопутного полного генерала (генерал-поручика чин получил он за Полтаву).

Крейс, погнавшись за тремя шведскими кораблями, наехал двумя своими кораблями на подводный камень (клипу). Корабль его «Рига» спасся, а другой «Выборг» (капитан-командор Шхелтинг) был сожжен по снятии с него артиллерии. Шведские суда ушли. Петр предал суду Крейса, капитан-командоров Шхелтинга, Рейса и капитана Дейгрейтера. Они были *оштрафованы*, но продолжали службу.

14 августа Петр осмотрел устья Эльзингфорской гавани и повелел некоторые заметать каменьями.

17-го, узнав, что неприятель стоит между Эльзингфорса и Абова у реки Карисланзбра, Петр пошел на него. У реки нашел он только 500 пехоты и 250 конницы при полковнике Штершанце, стоявших в весьма крепком месте. Шведы зажгли мост; русские, бросив бревна на горящие мостовые клетки,

перебрались *ползком*, шведов выбили из укреплений, 6 офицеров взяли, 68 унтер-офицеров и рядовых, а более 100 убили. У нас убито 10 драгун, ранено 5 офицеров и 31 рядовой.

Шведская армия следовала для обороны Абова. Петр пошел за нею того ж 17 августа и 8 сентября въехал в опустелый Абов без супротивления. Здесь нашел он градскую библиотеку и отправил ее в Петербург. На взятие Абова и завоевание Финляндии выбита *медаль*.

На обратном пути Петр осмотрел свой галерный флот (при Боцисе), стоявший у кирки *Поя*, и на шлюпке подъезжал к шведской эскадре у Твереминда. «Место, где стоит неприятель, тесно, и он стоит зело осторожно, нападение учинить опасно, особенно в нынешние темные ночи» etc. (*письмо к Апраксину*).

Прибыв в Эльзингфорс, Петр отправил к датскому королю секретаря его Горбоу с уверением в дружбе etc. О неприятеле (на суше) не имели известия. Петр, оставя у Эльзингфорса Апраксина, 10 сентября поехал в Петербург.

Слух о моровой язве, как видно из письма государя, подтвердился. Сам он *едва избыл*. 14-го сентября прибыл в Петербург. 15-го сентября Петр осматривал строения etc. 21-го ездил в Кроншлот и Котлин, осмотрел флот etc. и в донесении Апраксину писал: «Корабли, слава Богу, здоровы, кроме “Антона”» etc.

Потом спущен корабль «Св. Екатерина».

Между тем Апраксин 20-го сентября пошел противу шведов, стоявших при Товастсгусте. Шведы, брося в воду городские пушки, ушли за два озера, между коими течет Пелкин, и там укрепились. Апраксин сделал контр-линию, батареи и несколько плотов. 6-го октября он отрядил генерал-поручика князя Голицына с 6000 и с генерал-поручиком Бутурлиным и генерал-майором Чернышевым. Голицын переправился через озеро и вышел на берег в двух верстах от шведских окопов. Генерал-майор их Лабар силился нас не допустить, но был сбит с места. В то же время граф Апраксин с генерал-поручиком Брюсом и генерал-майором Головиным перешел

Пелкин, едва не вплавь, и со всеми своими силами напал на укрепления. Шведы три часа оборонялись, наконец выбиты. Генерал-майоры Армфельд, Лабар и *Фитингоф* (в «Журнале Петра Великого»: Рамз) бежали. Войска у них было до 7000, взято 233 (офицеров 143), убиты 1 полковник, 19 офицеров, 562 унтер-офицера и рядовых, весь урон до 4000 (Венецианская история). Русские потеряли: 1 полковника, 1 подполковника, 4 офицеров, 112 унтер-офицеров и рядовых; ранено: офицеров 21, унтер-офицеров и рядовых 534 etc. Выбита медаль.

В Померании владения Швеции оставались без защиты. Шведский генерал-губернатор граф Веллинг 10 июня заключил с администратором Голштейн-Готорпским договор в Гамбурге, по коему отдавал Веймар и Штетин в покровительство герцогу. А сей, не надеясь на свои силы, отдал их *в секвестрацию* королю прусскому, и с согласия графа Веллинга 22 июня в Берлине и заключен следующий договор.

Шведам выйти из городов, куда укажет идти король прусский.

Правление и гарнизон поручить Пруссии и Голштейну пополам.

Король и администратор будут их защищать и возвратят потом королю Швеции, получив плату за убытки, etc.

Стральзунд и Руген приняты в ту же секвестрацию.

Штетинский губернатор граф Мейерфельд на сие не согласился *без указа Карла XII.*

Король прусский не сносился с северными державами. Меншиков, уговорясь в Ванцбеке (9 июня) с министрами датским и саксонским, оставил часть союзных войск в Померании при Флеминге атаковать Стральзунд и Руген. Руген взят был (1700 русскими), и шведы отступили в Стральзунд.

Меншиков предлагал королю прусскому, взяв Штетин, отдать оный под его секвес. Но переговоры не состоялись. Прусский король не дал обещанной артиллерии. Положено взять Штетин одними русскими войсками с саксонской артиллерией, а потом отдать его или Голштейн-Готорпскому герцогу и польскому королю, или прусскому королю etc.

Англичане желали мира между Швецией и Россией, но их медиация Меншиковым отвергнута, и он приступил к Штетину, где находилось 3900 пехоты, 160 драгун, 150 французов да мещан вооруженных 4000.

Меншиков послал к Мейерфельду для переговоров Башевича, голстинского посланника (Bassevitz), но тот его не принял и приготовился к обороне.

Меншиков повел фальшивую атаку на Штерншанц (от Штетина в четырех милях), крепость с четырьмя тайными подкопами, и с другой стороны взял его студеным оружием. Подкопы не были запалены оторопевшим неприятелем.

Штетин вскоре потом сдался и отдан королю прусскому в секвес. 21 июня город сдался. Мейерфельд и генерал-майор Стуарт с 2800 войска выступили, 1873 остались в городе и по уговору приняли голстинскую службу. Прусский король прибыл в Stetin, и Меншиков сдал ему оный при следующих условиях.

Прусский король возвратит Stetin Швеции *не прежде мира* и будет пещись о невпущении шведов в Померанию. Он заплотит царю 400 000 рейхсталеров, а герцог Holstein-Готорпский столько же королю польскому etc., etc.

Короли датский и польский были тем недовольны. Король датский досадовал за то, что принят был в союз голстинский герцог, его неприятель etc.

Петр отвечал, что король датский знал обо всем (кроме последнего пункта) из договора, заключенного северными союзниками в Шведе, на коем подписался и Девиц (датский министр), что король Пруссии без секвестра Померании не вступил бы в союз etc., и последнее сваливал он на Флеминга.

Петр через посла своего князя Долгорукова обещал датскому королю не ратифировать сего договора и через графа Александра Головкина делал и представления прусскому королю. До какой степени был он искренен, неизвестно, но переговоры длились до 1 июня 1714 года.

Петр повелел Меншикову возвратиться в Россию, наблюдая в Польше строжайшую дисциплину. Репнину же повелел

послать в Померанию 6000 войска при генерал-майоре Яковлеве, а с остальными идти к границе.

В то же время по донесению фискалов предали суду ослушных судий и виноватых в злоупотреблении по провиантской части.

Прибывшие из Москвы сенаторы донесли Петру, что вопреки указу 1711 года многие дворяне от службы укрываются. Тогда Петр издал тиранский свой указ (от 26 сентября), по которому доносителю, из какого звания он бы ни был, отдавались поместия укрывающегося дворянина.

5-го ноября указ, повелевающий купцам новогородским, псковским и проч. возить все товары свои только в Петербург, etc., etc.

Он повелел доктору Шоберу издать описания целительным водам терским.

Генерал-адъютанту Девиеру повелел устроить ревельскую гавань etc.

Боярину Петру Апраксину и генерал-аудитору Глебову повелел размежевать турецкую границу etc.

25-го в море Петр встретился с Апраксиным и с ним приехал в Петербург.

К датскому королю послал он генерал-адъютанта Ягужинского с подробной инструкцией (IV – 283).

План Петра открыт был датским королем. Австрийский император назначил быть в ноябре съезду в Бруншвиге (Brunswick). Северные державы были приглашены. Но шведский король не согласился на посредничество Австрии, прежде, говорит он, мира с Франциею. Он просил только цесаря, чтоб он заставил прусского короля и голстинского администратора возвратить Швеции Померанию. Конгресс остался в бездействии, а Петр стал приготовляться к войне. Между тем рассеял по Швеции свои манифесты.

В Стокгольме оказались волнения. Они были прекращены; но сенат, по просьбе мещан, обратился к принцессе Ульрих-Элеоноре, прося *ее присутствия* в сенате.

Принцесса, с общего совета, решилась вступить с Россиею в мирные переговоры. 14 декабря назначено быть государственному съезду. Карл, узнав о том, прислал грозный указ сенату, и благие намерения остались без следствия.

Указы 1713

О браке пеньки etc.

О небытии в подьячих распопов etc.

О курении помещиками вина про свой обиход, а не в продажу.

О 300 000 медных денег (сверх 200 000).

О выборе из царедворцев в ратушу (?).

О делании поташа из сучьев дерев, негодных на корабельное строение.

О переписи лошадей (кроме жеребят) и о пошлине по 10 коп. с лошади.

О беглых солдатах и крестьянах.

О невступании фискалов в челобитчиковы дела, а ведаться челобитчикам в Сенате.

Крестьян, изувечивающихся во избежание матросства, бить кнутом etc.

О подрядах etc.

Объявить казанским и азовским магометанянам (владельцам крестьян) повеление креститься через полгода, а коли не пожелают, отписывать дома и крестьян в казну etc.

О прогонах от Петербурга до Новгорода по копейке на одну версту, а от Новгорода до Москвы по деньге. Без прогонов подвод никому не давать.

О взятии с Дерпта по 25 000 ефимков в год (с округа).

1714

Петр, узнав, что несколько полков саксонских вступили в Курляндию, писал рижскому губернатору Голицыну, чтоб он от них остерегался; ибо подозревали Августа в тайном

сношении с Карлом. Гетман Синявский извещал Шереметева, что король прусский и польский готов был заключить со Швецией союз противу царя *(Голиков. IV – 299, примечание).*

2 февраля Петр в Ревеле (с Апраксиным) заложил гавань.

3-го отправился один в Ригу через Пернау и прибыл туда 6-го.

Он повелел Репнину из Смоленска выслать ко Пскову семь полков – к марту.

Получив от Ягужинского из Копенгагена неудовлетворительный ответ от датского короля, Петр сам писал ему свои жалобы и проч.

Голстинский администратор предлагал союз Петру.

Между статьями оного замечательно:

Предложение Финляндию отдать Голстинии.

В случае восшествия на шведский престол молодого герцога отдать ему *наследственные* владения.

(На первый пункт Петр согласился, на второй – нет: *зело на тонких ногах носит свое седалище*).

Предложение молодого герцога жениться на старшей царевне Анне. Петр писал: *без воли ее того сделать не могу, хотя и отец.*

Ингрию и Ингерманландию Петр решительно прочит себе. О Тонинге и проч. предоставляет решить на Бруншвейгском конгрессе.

В Риге Петр пробыл пять дней. С обер-инспектором Исаевым сделал разные положения о торговле и проч. (*смотри истинный анекдот о мощах девиц фон Грот*).

Из Риги Петр выехал 11-го и прибыл в Петербург 15 февраля. 16-го перевезены трофеи победы над Штейнбоком.

В отсутствие Апраксина князь Михаил Михайлович Голицын был главнокомандующим в Финляндии. Он пошел к городу Вазе, где стоял генерал-майор Аренфельд с 8000 войска. 19 февраля у деревни *Лапола* войска сошлись. Шведы ударили в штыки, но русские приняли их мужественно, 5135 неприятелей положено, в плен взято 500 (24 офицера), 7 пушек, 20 знамен и проч.

В честь сей битвы выбита медаль.

Сею победою Финляндия очищена. Петр был в восхищении.

Дан указ Синявину ехать в Ревель для осмотра кораблей, найма иноземцев и проч.

Петр в Гаагу писал послу своему, чтоб он ехал на Брунш-вейгский съезд, а английскому посланнику барону Дешаку повелел покаместь быть в Голландии при Штатах.

Но конгресс не имел никаких следствий.

Издана инструкция полная фискалам.

Для детей дворянских и приказных учреждает арифметические школы в домах архиерейских и в монастырях.

Славный указ о наследстве *одному* из сыновей по воле отцовской издан был в сем году. Петр долго его обдумывал и изъяснил самым подробным образом.

Учреждена новая пошлина по 10 денег с 1 руб.

Позволяет просить государя только на сенат, а ниже – по инстанциям.

Заведены везде *протоколы*. Дела велено решать по большинству голосов.

Производство в чины положено по старшинству и по засвидетельству начальства. В полковники производить одному государю.

Изданы постановления торговые: иностранцам за их товар платить их же монетою (вероятно, попорченный).

О строении печей, крышек и проч. Указы велено печатать.

По кончине любимой сестры своей Наталии (Korb) повелел, пристроив чулан с улицы к богадельне, находившейся в ее доме, принимать незаконных детей и проч. и проч. (Голиков. IV – 322.)

Указом от 6 мая повелено губернаторам осматривать *опустелые жилища*, с коих пошлин и рекрут не берется, под опасением лишения чести и живота и проч., а места переписать и проч. (NB. Люди бегали на Дон и в Сибирь, также и от помещика к помещику). Главным исследователем – гвардии майор Андрей Иванович Ушаков.

Из указа о лоскутках и тряпицах (для бумажной фабрики) видно, что пуд стоил 8 денежек.

За привод живого лося давать по 5 руб.

Шведам, умеющим по-русски, повелено переводить книги с шведского языка.

Книги, переведенные в то время см. Ч. IV – 327. Анекдот о переводчике Пуфендорфа и проч. Штелин (вранье).

9-го мая Петр из Петербурга вывел великий флот (по иным показаниям – 30 линейных кораблей, 80 галер, 100 фрегатов; а по другим – 16 линейных, 180 других судов и проч. Сам же Петр: «*ныне есть линейных* 20»).

20-го мая с сим флотом Петр отправился в Финляндию и писал гетману Скоропадскому о беглых и проч.

Сибирский губернатор князь Гагарин донес о золотом песке, находимом в малой Бухарии, в калмыцком владении при городе Эркети. Царь повелел у Ямышева озера построить крепость и 2000 войска послать на овладение Эркети и взять в рудокопные мастера шведов. Начальником экспедиции назначен гвардии капитан Бухольц («Ежемесячные сочинения», 1760 года).

О сем Петр сообщил бывшему тогда в Петербурге хивинскому посланнику. Сей подтвердил тобольское известие и прибавил, что при реке Аму-Дарье находится таковой же золотой песок в большой Бухарии.

Сие подало повод к исследованию той стороны, а со временем дало мысль о торговле с Индией.

22 мая Петр с корабля «Св. Екатерины» дал инструкцию Ушакову: I) осмотреть московские подряды, что не без кражи производятся, и уведать хотя одно дело, II) осмотреть военную канцелярию, III) в Московской губернии разведать тайно ратушные и иные дела и проч., IV) о беглых, об укрывающихся от службы и проч.

Синявину тогда же дан приказ разведать о шведском флоте.

22-го же мая был совет и положено: государю (яко шаутбенахту) идти с корабельным флотом к Ревелю, а с ним и галерной эскадре при генерал-майоре Головине. Флоту же

галерному идти с Апраксиным к Або и, в случае встречи со шведским флотом, дать знать государю.

Петр послал выборгскому губернатору Шувалову повеление идти взять Нейшлот.

11 июня Петр прибыл в Ревель и нашел там два корабля, один из Англии, другой из Архангельска.

В то же время приказал Петр на содержание лазаретов сбирать с венечных памятей пошлины *вдвое.*

Указ о приводе беглых отсрочен до 1-го апреля, а потом до 1-го сентября.

Петр указал всем казенным подрядам быть гласным.

Дома в Петербурге велено строить: дворянам 150 – один дом; купцам и проч. 300 – один дом, и все было бы к осени готово.

30 июня писал Петр датскому королю, прося у него эскадры из пяти или семи кораблей. Петр ему пенял за его бездействие, припоминал свои заслуги, советовал не надеяться на Бруншвейгский конгресс и проч. *(Голиков. IV – 344.)*

14 июля Петр при польском дворе вместо Долгорукого определил Матвеева (тайного советника).

Того же 14-го оказалась на царском корабле чума. Это спасло пять шведских кораблей от преследования. В тот же день дан указ Сенату решить дела по *точному смыслу* Уложения. 16 июля, осматривая новоприбывший из Голландии корабль, Петр получил от Апраксина известие, что шведский флот у Ангута, а что адмиралу пройти туда невозможно. Апраксин требовал от господина шаутбенахта или диверсии, или его прибытия во флот. Петр с общего совета отправился в Эльзингфорс к Апраксину, но за противным ветром воротился в Ревель.

20-го числа прибыл Петр в Твереминд к Апраксину; на другой день осмотрел неприятеля. 22-го ездил по берегу для того же. Шведских было 13 кораблей, 6 крюйссеров, 4 фрегата, 1 блокгаус, 2 бомбардирных галиота, 2 шнавы, 6 галер да видны были за островом еще *3 корабля.* Флот был под командой адмирала Валтранга, вице-адмирала Лелия и двух шаутбенахтов *(см. примечание Голикова. Ч. IV – 350).*

Твереминдская гавань имеет узкий выход. Вывести из оной флот в глазах неприятеля было опасно, к тому же неприятель мог оный и запереть. Петр положил до 80 легких галер перетащить через перешеек и воспользоваться диверсией. Петр ездил с Апраксиным осматривать место (длиною 1170 сажен) и повелел делать приуготовления. Между тем услышали на море пальбу. Известились, что Лелий отделился от флота и в 14 парусах направился, вероятно, к Ревелю или против наших галер. Петр с 35 галерами пошел к ближним островам и удостоверился в истине первого предположения; у Лелия были и бомбардирные галиоты. Петр потребовал к себе Апраксина. Лелий вышел из шхер и поворотил к Твереминдскому устью; тогда дано повеление нашему галерному флоту выходить из гавани, а 20 галерам велено проехать мимо шведского флота; по них встревоженные шведы стреляли, но за безветрием погнаться не могли. После того и остальные 15, бывшие при самом государе под начальством *бригадира Лефорта*, счастливо же прогребли.

Шведский адмирал поднял белый флаг, давая знак Лелию возвратиться. Тут узнали, что у перешейка явились девять неприятельских судов. Велено Змаевичу (капитан-командору) с галерами атаковать сию эскадру; ночь тому помешала. 27 июля весь наш галерный флот выступил, дабы пробиться сквозь шведский (на коем было до 1127 пушек). Он прошел благополучно под страшным огнем; одна только галера села на мели и взята. Апраксин соединился с Змаевичем и послал к командиру шведской эскадры (девять судов), чтоб он сдался. Получа отказ, Петр с генералом Вейдом напал на эскадру: бой продолжался от третьего до пятого часа, эскадра была взята, командир оной шаутбенахт Эрншильд был взят в шлюпке, на которой хотел уйти (Голиков. IV – 354).

Пушек взято 116. Шаутбенахт, капитан-командор, 3 капитана, 3 лейтенанта, 10 офицеров, матросов, рядовых и проч. – 913; убито 9 офицеров и 352 унтер-офицеров и рядовых. У нас убито: 1 полковник, 7 офицеров, 132 унтер-

офицеров и рядовых; ранено: бригадир Волков, 16 офицеров и 309 солдат и унтер-офицеров.

Сия победа и завоевание Аланда привели в ужас Швецию. Двор готовился к выезду в Дротнингольм, стали Стокгольм укреплять, но Петр не хотел разделить войско и отправился с флотом к Абову.

13 августа в Военном совете на Адмиралтейской галере положено: идти флоту по *Норд-Бодену от оста* и, прогнав от берегов шведа, овладеть всею Финляндиею.

15 августа Петр отправился на пяти галерах с пленной эскадрою в Петербург.

Полковник Шувалов меж тем осадил Нейшлот, который и сдался 29 июля (медаль).

Петр с Апраксиным расстался в Эльзингфорсе, положено прежде корабельному флоту идти на зимовье к Кроншлоту, а части оного остаться в Ревеле. На пути узнал он об окончании разграничения с Турцией и о смерти английской королевы. Петр потребовал Апраксина в Петербург.

29-го августа ревельские военные корабли соединились с Петром. Петр перешел на корабль «Св. Екатерина». 31-го между Кроншлотом и Березовыми островами сделалась буря; 1-го сентября усилилась (см. «Журнал Петра Великого»). Венецианский историк говорит, что Петр сел на шлюпку и в самую ночь переехал на Березовые острова, дабы, дав оттоле сигнал, ободрить своих людей etc. (*невероятно*).

Петр торжествовал морскую победу свою, как Полтавскую. Екатерина родила ему 12-го сентября дочь Наталию.

Петр прибыл в Кроншлот 4 сентября. Его приняли с пушечной пальбою, на которую он ответствовал. Меншиков и прочие вельможи прибыли к нему на корабль. На Котлине Петр пробыл три дня для исправления флота, поврежденного бурею. 6-го отправился в Петербург на шести галерах и с пленной эскадрой. Двое суток еще противный ветер, дождь и туман препятствовали его въезду. Эскадра отправлена к устью Невы. В Екатерингофе встретила Петра Екатерина.

9-го сентября был торжественный въезд, народ кричал *Ура!,* перед знатными домами палили из пушек etc. *(см. Голиков. IV – 362).*

Триумфатор, остановясь перед дверьми присутственной палаты (в сенате), велел доложить о себе его величеству князю кесарю и подал ему рапорт. Князь кесарь пожаловал его в вице-адмиралы, а на Вейде возложил Андреевскую кавалерию. Офицерам даны медали. *См. письмо Петра к Апраксину от 12-го сентября* (были мы все у руки его величества).

Тут помещен у Голикова анекдот из Штелина о решении адмиралтейской коллегии etc.

Петр, возвратясь на свой корабль, выкинул флаг вицадмиральский. Потом обедал у князя Меншикова, угощал Эрншильда etc.

Целый месяц Петр каждый день присутствовал в Сенате, принимая отчет в управлении государственном. Указ о дворянских детях подтвержден был с тою же строгостию, а доносы по оному повелел подавать самому себе.

28 сентября спустил военный корабль «Шлиссельбург».

В сие время издан тиранский же указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки. О французских мастерах писал он в Париж, обещая им льготу на 10 лет, готовые дома etc.

Здесь Голиков поместил манифест 1702 года об иностранцах и о свободе вероисповеданий.

В сие время прибыл в Петербург посланник от Мехмета-Баядур-хана. Он просил царя повелеть Аюке-хану[27)] жить в согласии с ним, а за то обещал он 50 000 вспомогательного войска и свободный путь русским караванам в Китай.

Петр повелел Шереметеву *всех* офицеров, а равно и детей офицерских от 7 до 20 лет выслать к нему на смотр в Петербург по зимнему пути и к 1 января и самому фельдмаршалу быть в Петербурге же.

26 октября спущен корабль «Нарва», и послал гвардии капитана Румянцева в Архангельск набрать опытных мастеров 500 чел.

Финляндия была очищена. Шведы нигде уже не показывались. Апраксин послал генерал-майора Головина в самую Швецию. Сей в местечке *Умы* с 800 войск вышел на берег и напал на генерал-майора Рамзо, который бежал, брося обоз. На обратном пути Головин во время бури потерял 5 галер, 6 шлюпок etc.

Апраксин поручил галерный флот князю Голицыну, а конницу генерал-поручику Брюсу. 18-го сентября поехал в Петербург – на море и у него разбило бурею 11 галер, 5 лодок etc. Петр повелел ему из Выборга ехать в Петербург сухим путем как можно скорее.

24 ноября Петр возложил на Екатерину орден св. Екатерины.

К Невскому монастырю приписаны из других монастырей (наипаче из Троицкой лавры) 1654 двора.

Из Царьграда прибыли барон Шафиров и граф Толстой. Граф Михаил Борисович Шереметев умер в Киеве.

Тогда же дан указ московскому коменданту Ивану Петровичу Измайлову, дабы с шведскими пленниками поступать в России, как с русскими поступлено в Швеции. *(Голиков. IV – 390).*

Провиант некогда доставляли *натурою*, но Петр положил сбирать соразмерную подать. Злоупотребления завелись, с году на год увеличивались, и наконец государственные доходы видимо уменьшились, между тем как угнетаемый народ роптал и жаловался втуне. Ушаков и фискалы открыли источник беспорядков. Петр в гневе своем повелел Ушакову прислать к нему преступников: московского вице-губернатора Ершова, Артиллерийского приказа судью Зыбина, комиссаров и секретарей того приказа etc., etc., забрать все таможенные и кабацкие книги, счетные выписки etc., фискальские книги etc.

Новогородскому губернатору Ивану Юрьевичу Татищеву приказывает описать Корсакова пожитки, грозя смертною казнию укрывателей, etc.

Измайлову с многими преступниками повелевает выслать дело *артиллерийского извозчика* Золотопрядова, употребившего из архангельских сборов 6000 рублей на домашние расходы Брюса, дела о недоимках etc.

Петр в начале 1715 года учредил следственную комиссию под председательством князя Василия Володимировича Голицына (генерал-поручика и гвардии подполковника). Преступниками явились князь Меншиков, граф Апраксин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, президент адмиралтейский Кикин и вице-губернатор Корсаков etc., etc.

Многие оштрафованы денежно, другие сосланы в Сибирь, некоторые наказаны телесно, другие смертию etc. *Кикин* и *Корсаков* наказаны жестоко (?).

С другими Петр примирился, празднуя их помилование пушечной пальбою, etc., etc.

Указы 1714

Издан указ о лихоимстве, ибо прежде противу оного ничего не было указано. До того дошло, что были и подряды вымышленные.

Лифляндские пленники возвращены на их жилища.

Заведен аптекарский сад.

Изданы 16 морских карт Балтийскому морю. См. «Ежемесячные сочинения», 1761.

Указ о фискалах:

Должность их состоит во взыскании безгласных дел: 1) всякое преступление указов, 2) взятки и кражу, 3) дела, на коих нет челобитчика.

Обер-фискалу иметь четыре помощника (2 из купцов).

Во всяком городе быть по 1 по 2 фискала.

NB. Указ о майоратстве.

Быть протоколам во всех присутственных местах и в полках. Голоса подавать с младшего чином, о решении дел по большинству голосов и о подписывании решений *всем* судьям.

О строении каменном на городском и адмиралтейском острове (в Петербурге), а в прочих местах деревянном по плану архитектора Трезина etc.

NB. NB. О дворянских детях.

О строении на каменном фундаменте.

О привозе дикого камня, на больших судах по 30, на других – по 20 и 10. Также и на возах по 5 фунтов (? пудов?), за непривоз брать по 10 коп. на камень.

Зачитать в рекруты *переведенцев* из господских крестьян.

Запрещение возить товары в иные порты, как Петербургский, отменяется.

О непродаже *русского* платья и сапогов; ослушников лишать имения и ссылать на каторгу.

1715

Карл XII выехал из Турции 6 октября 1714-го года и 22 ноября (*Voltaire, 21 novembre*) прибыл нечаянно в Стральзунд.

Он стал приуготовляться к войне, послал генерал-майора Ливена в сенат со строгим указом набирать людей и денег и отправить все в Померанию, повелел своим каперам нападать на все чужие корабли, входящие в Северное море, а от прусского короля требовал возвращения Штетина. Прусский король требовал сперва заплаты денег и обещания не беспокоить земель датских, польских и саксонских. Карл XII отвечал, что он денег никаких платить не намерен, потому что, вероятно, и король ничего не истратил.

Любский епископ и администратор голстейнский прислали в Стральзунд поздравления. От последнего явился *Герц*, франконец, впоследствии любимец Карла XII.

Король принял предложение от Фридерика, наследника гессен-кассельского владения, о браке его с *Ульрикою-Элеонорою*, который и совершился 4 апреля, а принц объявлен генералиссимусом шведских войск.

Следствие о лихоимстве и других беспорядках было окончено, виновники наказаны или прощены. Петр повелел ближней своей канцелярии сосчитать все губернии, все канцелярии, приказы, денежные дворы, соляной сбор и армейских комиссаров с самого 1710 года, т. е. со дня открытия губерний. Начали с канцелярии военной, адмиралтейской, артиллерийской и Московской ратуши. Повелено во всех присутственных местах быть по секретарю и подьячему и им вести ежедневный счет, казну держать за печатью секретаря, не счетши в чины не производить etc.

По третям повелено ведомости отсылать в ближнюю государеву канцелярию.

Положено новое жалование, именно губернаторам – 1200 р., 600 четвертей хлеба (петербургскому вдвое).

Вице-губернаторам – 600 рублей и 300 четвертей (петербургскому 3000 и 300 четвертей).

Ландрихтерам по 300 (петербургскому 600).

Обер-провиантмейстеру 400 р. (каждому 150 четвертей).

Обер-инспекторам таможенным, петербургскому и рижскому – 1200 р.

Комиссарам с.-петербургскому и *из губерний, при Сенате находящимся*, по 120 рублей и по 60 четвертей, губернским – в половину того. Секретарям 120 и 60 четвертей, подьячим старым 60 руб. и 30 четвертей, *средней статьи* 40 р. и 20 четвертей, *молодым* 15 руб. и по 10 четвертей (петербургским и *завоеванных* провинций вдвое). Петр указал в городах, где нет гарнизонов, быть *ландрату* на 5536 дворов и при нем комиссару, 4 подьячих и 12 конных рассыльщиков, а на их содержание устанавливается сбор по гривне с двора. Жалования ландратам по 120 р. и по 120 четвертей (подьячим см. выше). Рассыльщикам по 12 р. и по 12 четвертей. На дрова, бумагу и проч. 100 р., тоже и комендантам. (NB. Остальные деньги делить меж собою.)

Ландратам съезжаться раз в год для счетов к губернатору.

Посадских людей повелено судить выборным бургомистрам etc.

Повелено по вершении дел брать *за труды* с правого по 3 процента, а с виноватого по 10 etc.; за неправую апелляцию истчик платит вдвое. См. Ч. V – 13, примечание.

15 января указом велено подметные письма тому, кто подымет, не читая жечь на том же месте.

Утверждает безопасность доносчикам и ставит в пример фискалов, повелевая приходить к царскому двору и объявить караульному сержанту, что он имеет нужное донесение etc.

Петр заступился в Польше за Огинского, воеводу Троцкого, etc. у короля Августа.

Петр указал достроивать Петропавловский собор и прежде колокольню, для которой выписал он из Голландии часы с курантами за 45 000 р., также каменный гостиный двор на Петербургской стороне, почтовый двор для приезжих иностранцев и при нем *залу для ассамблей*. В Петергофе заложить дворец и выкопать канал от моря до дворца etc.

Тогда же велено на Выборгской стороне строить военную госпиталь и при оной анатомический феатр.

Петр учредил Морскую академию для обучения гардмаринов (aspirants) в описном доме Кикина, близ Адмиралтейства.

Кубанские и ногайские татаре, соединясь с некрасовцами под начальством Бахты-гирея и Нурадина, учинили набег под Астрахань, разорили до 10 000 кибиток калмыцких и астраханских татар etc. Но астраханские полки их нагнали и отбили пленных мурз и ясачных татар.

Работы в Петербурге и на Котлине продолжались etc.

Петр дал отсрочку еще на год беглым солдатам и матросам и возобновил строгий об оных указ; повелел принимать у подрядчиков сухари сухие и добрые весом по 4 пуда с $^1/_4$; рубить на дрова лес еловый, осиновый и валежник, а во всей Ингерманландии дубу, ясеня, вязу и липы не рубить etc. Повелено доносить о взятках, по скольку и за что, под опасением за утайку *наказания* и *разорения*.

NB. Петр повелел *кронпринцессе* отпустить за треть года 10 250 р. (следственно всего 30 750), треть из оных серебром, а 2 трети медью.

NB. Червонец шел в 2 рубля. *(Голиков. V – 25).*

12 марта Петр отправил в Женеву коммерции советника *Лефорта.*

17-го марта посланника в Польшу князя Григория Федоровича Долгорукого (в Пруссии был тогда граф Головкин). В инструкции, данной ему, Петр предписывает наблюдать за королем, стараться иметь хотя Республику на своей стороне, повелевает ему в силу 9-ой статьи мира в 7194 (1686), заключенного с Польшей, заступается за свободу греческой веры в польских владениях etc.

26-го марта Петр отправил в Ревель Ягужинского для *тайного* заготовления провианта и под оный шнав и фрегатов. А капитану Бредалю крейсировать между Готландом и курляндских берегов. Бредаль в апреле вышел в море, напал на три шведских капера, взял их и сжег etc.

В апреле Петр отправил Ягужинского в Копенгаген и между прочим повелел тамошнему посланнику нашему, князю Василию Долгорукову, достать учреждения и устав коллегиям и чинам, каждого члена также и земских и других правителей, «*ибо мы слышали, что и шведы у них взяли*». (См. Ч. V – 33, примечание).

Госпиталь заложена тогда же, и отдал ее в ведомство Адмиралтейской коллегии и Кригскомиссариату.

Петр роздал в награждение, как своим, так и иноземцам, завоеванные земли и определил *полный* пенсион вдовам офицерским.

(?) Госпиталь для гражданских чиновников учреждена не прежде, как в 1718 году (Голиков, по словам Неплюева). В конце 1714 года ландграф Гессен-Кассельский предложил в Ораниенбурге, что он берется выплатить прусскому королю 400 000 рейхсталеров с тем, чтобы Штетин возвращен был Швеции и чтобы Пруссия не дозволяла Швеции и Саксонии вступать, первой – в Саксонию, а второй – в Померанию. Прусский король не согласился под различными предлогами (V – 38–39).

Австрийский император писал от 14 марта к Карлу, чтоб он для мирных переговоров прислал бы своих министров на

Брюнсвицкий конгресс: французский двор прислал графа de Croix (de Croisy?) для примирения шведского и прусского короля. Карл упрямился и готовился на войну со *всеми* своими врагами.

Вследствие сего короли прусский, датский и польский решились осадить его в Стральзунде и просили Петра о помощи, на что он охотно и согласился. А как военные суда шведские нападали в Балтийском море на купеческие, то союзники склонили и курфирста ганноврского, в 1714 году вступившего на престол Англии, пристать к их же стороне. Княжества Бременское и Верденское, завоеванные у Швеции, были ему уступлены от датского короля.

1 мая Петр, спустя 64-пушечный корабль «Ингерманланд», занялся устроением своего флота, а князю Репнину повелел с тремя полками войти в Курляндию и, расположась по морскому берегу, наблюдать за неприятельским флотом. А сам отправился осматривать работы Кроншлота и Котлина. 27-го мая скончалась царевна Наталия Петровна, отроду было ей 2 года и 3 месяца.

Петр 29-го был уже опять в Кроншлоте, оттуда ездил в Петергоф, писал Апраксину об отправлении крейсировки к Готланду etc.

27-го июня в Котлине спущен еще новый корабль и отправлен в Персию послом Артемий Волынский, придав ему в свиту нескольких ученых.

В Китай отправлен медик англичанин Лоренс Ланг.

Черногорский митрополит Даниил Негуш, приезжавший к Петру с жалобами и просьбами, отпущен с обещаниями и деньгами. Петр советовал черногорцам, бунтовавшим в 1711 году, помириться с Турцией, а в случае войны опять взбунтоваться etc., сношения с Черногорией продолжались и потом.

Петр осматривал молодых дворян, высланных на смотр в Петербург и представленных Ушаковым. Некоторые записаны в солдаты в гвардию, другие посланы в чужие края (в том числе было 213 обучавшихся в Московской академии).

Петр подтвердил перед отъездом из Петербурга тиранский свой указ о явке дворян на осмотр в Петербург, положив последним сроком 1 сентября.

6-го июля флот наш под начальством Апраксина и Петра вышел в море.

20 июля Петр отлучился с эскадрою своею осмотреть Гапсаль.

В Балтийском море находились эскадры: 1) английская при адмирале Норисе и 2) голландская при шаутбенахте Дефете.

Петр повелел: 1) князю Репнину со всеми полками идти к Ковне и оттоле к Торуню на прусскую границу. 2) Генерал-поручику Боуру туда же идти с драгунскими полками. 3) Фельдмаршалу графу Шереметеву ехать к армии туда же и потом следовать в Померанию. 4) Генералу Вейду, стоящему в Лифляндии, укомплектовав свои полки, идти за фельдмаршалом.

От Гапсаля Петр прибыл в Рогервик и определил быть там военной гавани.

Петр писал в Ревель к тайному секретарю Остерману об адмирале Норисе, заботясь об его салютовании в честь нашего флота, просит задержать его до своего приезда etc.

26 июля государь посетил адмирала английского, а 28-го шаутбенахта голландского. 31-го угощал он их у себя на корабле.

Потом государь и государыня кушали у адмирала, а матросам повелел дать по две бочки французского вина на каждый корабль.

11-го августа писал Петр к Шереметеву, понеже союзники одни хотят нашего войска, а другие – нет, то ждать решения их, а покаместь вести войско как можно тише. В Англию к капитан-поручику Синявину писал он о высылке Ф. Салтыкова, яко подданного, под арестом за злоупотребления.

21 августа приказывает Шереметеву идти немедленно.

30-го Петр прибыл в Петербург.

На другой день издал указы: 1) о неподбивании сапог гвоздями и скобками, ибо таковые портят полы. Купцам тор-

говать оными запрещено под страхом ссылки, 2) о строении всяких судов по данной форме, 3) о том, чтобы перенятое на воде оставлять неделю на берегу (в пользу хозяек), а за переем брать пятую часть, 4) строиться в дозволенных местах с указу князя Черкасского и по данной форме, за ослушание конфисковать дом, а штрафу взять в госпиталь по 10 рублей за покой.

Облегчены средства к строению домов в Петербурге (см. Ч. V – 59, также Штелина) etc.

Екатерина приказывает в отсутствие Петра выстроить Сарскосельский дворец.

От 8-го сентября Петр писал в Англию к капитан-поручику Синявину о закупке пушек etc., о найме людей, что с колоколами в воду ходят, etc.

Тогда же к Ушакову о списке недорослям, записавшимся в Московскую латинскую школу.

В Польше вспыхнуло возмущение, коему поводом были утеснения, чинимые Августом, и самовольные сборы, им налагаемые для продовольствия саксонских войск. Петр спешил предупредить междуусобие, писал к Потею (литовскому гетману), уговаривая его повиноваться, а к Августу, советуя ему умеренность etc.

Петр в сем случае заступился сильно за *вольности* и *конституцию* Польши, но междуусобия не прекратились. Составилась конфедерация, в коей маршалом избран ротмистр Гуржинский, и в октябре были некоторые схватки между конфедератами литовскими и драгунами саксонскими.

3-го октября Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел приготовлять *юфть* новым способом, по обыкновению своему за ослушание угрожая кнутом и каторгою.

9-го октября Петр в Шлиссельбурге праздновал взятие оного. Там узнал он <о> рождении внука своего Петра Алексеевича (впоследствии Петра II).

Приехав в Петербург, нашел он невестку на смертном одре. Он прогневался на сына и писал к нему (11-го октября)

укоризненное письмо, в коем, однако ж, отдает справедливость его *разуму.*

Петр больной в карете приехал проститься с умирающей царевной, которая ему поручила своих детей Наталью и Петра. В девятый день по своим родинам она скончалась. 27 октября было погребение. Ей было 21 год от рождения. Замужем была она 4 года и 6 дней.

Между тем (21 октября) Петр издал указ о делании широких полотен вместо узких, за ослушание положив конфискацию полотна в пользу доносителя и по гривне штрафу за аршин. К московскому губернатору писал Петр о смотре боярских людей (?) и о записании годных в солдаты; Ушакову – о выборе из оных 2000 в матросы; Шереметеву – о том, чтоб вступить в бранденбургские границы не прежде, как 10 декабря (т. е. в конце кампании).

Октября 29-го родился царевич Петр Петрович. См. три письма Петра, помещенные у Голикова. Ч. V – 77.

7 ноября крещен царевич. За праздничным обрядом карлица вышла из пирога и выпила здоровье новорожденного. За дамским столом такой же пирог начинен был карлом. Вечером фейерверк, и на щите надпись: *надежда с терпением.*

NB. Петр писал угрозы своему сыну во время поздней беременности жены своей, надеясь на рождение сына.

Заключены были договоры касательно вспомогательного войска нашего. Под Стральзундом (6 сентября) с датским королем через князя Василия Долгорукова, с полномочными гг. Вибием, Голстеном и Девицем. В Петербурге с прусским королем (29 октября) и с Англией (28 октября). В Грибсвальде – через кн. Куракина. В сем последнем договоре обязывались при замирении со Швецией оставить за Россией Ингрию, Карелию, Эстляндию и г. Ревель, а за Англией Бремен и Верден.

21 октября Петр послал генерал-адъютанта своего Девиера и морского капитана Бредаля в Копенгаген для закупки хлеба etc. Шереметев при пути своем в Польше терпел недостаток. Конфедераты побивали саксонцев, взяли Варша-

ву, перекопали в ней улицы, оградились. Князь Долгорукий, фельдмаршал Флеминг и гетманы польские упросили Шереметева податься к Варшаве.

Петр, узнав о том отовсюду, писал Шереметеву, чтоб он поляков старался как можно более щадить, не приводя их в ожесточение, и стараться о медиации, о чем объявлено и Лосу, посланнику польскому при русском дворе. Между тем кампания кончилась. Остров Руген был взят; Стральзунд должен был немедленно сдаться. Петр (по просьбе союзников) приказал Шереметеву на зиму расположиться в Польше от Вислы до границ бранденбургских (*сие содержите в тайне до времени*). При сем послано королю прусскому в подарок 100 человек рослых солдат.

Стральзунд сдался 13 декабря, в нем находилось 9000 охранного войска, осаждающих было 36 000.

Когда Шереметев остался в Польше, то Петр (кажется, притворно) сердился за то и писал Ягужинскому и к самому Шереметеву, угрожая своим гневом в случае неудачи в Померании и приказывая идти вперед. «*Что ж о штуках Флеминговых,* – пишет он Ягужинскому, – тому не дивлюсь, *ибо то их плуг и коса*».

(О взятии Стральзунда и о бегстве Карла в Швецию см. Вольтера.)

Петр, будучи болен, занялся воинским сухопутным уставом. С 1 ноября по 17 присутствовал в Сенате и коллегиях ежедневно. Также занялся и новым уставом для коллегий.

Повелел в то же время во всех городах учредить богадельни для приема зазорных младенцев – и мазанки, подобно как учреждены в Новегороде митрополитом Иовом.

Повелел прибавить севу льна – *кто сеял четверть, прибавь четверик* etc. для пользы народной. Запрещен вывоз семян льна и пеньки, а делать из оного масло.

Повелел купчие, закладные etc. писать и женскому полу.

Петербургским жителям велено сваи вбивать под опасением взятия домов в казну.

Выписаны в Петербург солодовники и пивовары.

Ушакову Петр писал о крыше изб черепицами и дерном etc., etc.

Гвардии капитану Румянцову и генерал-майору Чекину приказал взять город Каянбург в восточной стороне Ботнического залива. *См. инструкцию.*

Петр занялся географическими картами. Шведские пленники поднесли ему карты России и северной Европы и Азии.

24 декабря скончалась царица Марфа Матвеевна, вдова государя Феодора Алексеевича, при ее погребении запрещено *выть как ныне, так и впредь.*

Заведены в Петербурге хрустальная и стеклянная фабрика.

Граф Растрелли вылил статую Бухвостова (из потешных, в то время майора артиллерии). Хранится в Академии наук, в кунсткамере.

Петр во все время был болен и вознамерился отправиться в Пирмонт.

Указы 1715
(Главные)

Приказано сосчитать присутственные места и присылать к государю месячные и годовые ведомости.

Учреждение ландратов.

Повелено жечь подметные письма, их не распечатывая, а доносить только по трем первым пунктам и о похищении казны.

Учреждение Морской академии.

Запрещено рубить лес строевой на дрова etc.

Солдат и матросов у себя не держать без письменного виду под смертной казнию.

Указ о жаловании *кронпринцессе* 30 750 руб. (треть серебром, 2 трети медью).

Повеление о полотнах.

Сухопутный воинский устав.

Новый устав коллегиям.

Учреждены во всей России дома для приема незаконнорожденных.

Указ о вытье.

1716

Петр в новый год писал к рижскому губернатору Петру Михайловичу Голицыну, приказывая учредить в Курляндии для него подводы (50 или 60) от Риги до Митавы; до Либавы отправил он своих лошадей и конюхов.

По случаю посвящения архиереев в епархии Вологодскую и Астраханскую дана им инструкция. Архиереи обязывались:

1) никого не проклинать и от Церкви не отлучать, кроме как явных преступников и разорителей заповедей Божиих, и то проклинать их *единолично*, а не *вседомовно*,

2) с раскольниками и противниками Православия поступать кротко,

3) монахам не давать бродяжничать,

4) *церквей свыше потребы* новых не строить,

5) попов и диаконов не умножать,

6) паству свою посещать два или 3 раза в год, смотреть за благочинием священников, гробов неведомых не свидетельствовать, беснующих, в колтунах, босых и в рубашках ходящих наказывать etc.

7) *в мирские дела и обряды не входить.*

Инструкция разослана при указе всем губернаторам и архиереям.

Петр повелел представлять дворянских детей для обучения и отсылки в чужие края под опасением описания имения в пользу доносителя, хотя бы и холопа. В минувшем году было их представлено 1006. 26 января имена их напечатаны и разосланы при *указе о недорослях* (см. Ч. V – 112).

Также подтвердил указ о детях подьяческих; на гошпитали повелено вычитать из жалования, от генерала до последнего солдата etc.

Петр предписал поручику Кожину ехать на Каспийское море и сделать оному карту, осмотреть *карты и описи Бековичевы* (NB).

Судей, не осудивших капитана Елагина за грабеж, повелевает послать на каторгу (галеры), описав их имение.

От 19 января Петр писал царевичу (см. суд над царевичем) второе письмо в ответ на его ответ. *Или исправься, или будь монах*. Царевич вторично просил государя о дозволении постричься, а за болезнию извинялся, что не мог дать пространный ответ. Петр посетил сына перед отъездом, дав ему (26 января) шесть месяцев на размышление.

На другой день (27) отправился Петр к водам. Екатерина следовала за ним с царевной Екатериной Ивановной, которую хотели выдать за герцога Мекленбургского. 29-го из Риги Петр писал к Апраксину, извещая его, что дорога ему пользует, и повелевая поручить навигационную школу Матвееву.

В Риге, негодуя на капитана Сиверса, не исправившего поручения касательно канатов, пишет он Апраксину – *лучше бы взял на себя сие дело.*

Петр повелел исповедоваться ежегодно, под опасением штрафа (втрое против доходу); раскольников же описать, кроме пограничных (из опасения побега) etc.

Из Митавы Петр заехал в Либаву, где зимовала гвардия и 40 галер. На пути Петр два раза занемогал. Петр назначает датскому королю свидание в Стральзунде.

В Либаве к Петру явился князь Черкасский-Бекович. Он был в 1714 году послан в Астрахань и на Каспийское море для разведования о золотом песку, находящемся в Аму-Дарии, в Хиву посланцем и шпионом послан был... (?)

Бекович донес Петру о том, что Порта и хан крымский стараются преклонить горцев и другие племена от Черного моря до Персии себе в подданство etc., etc. (см. «Журнал», Ч. II – 350).

Петр отослал гвардии капитана Бековича в Хиву, прикомандировав к нему поручика Кожина. (Главная цель была открытие *водяного* пути в Индию. См. Ч. V – 124, инструкцию Петра etc.)

В Либаве Петр дал Петру Бестужеву, определенному к особе царевны и герцогине курляндской Анне Ивановне, ин-

струкцию, дабы истребовал он у курляндского дворянства княжеские маетности в полное распоряжение герцогини. *А сборы с привозных и отпускных товаров, прежде сбираемых на князя, ныне сбирать на нас* etc. Указ государя.

Сенат отправил Бековича, исполнив в точности повеления Петра.

14 февраля Петр с императрицей и племянницею из Риги отправился к своей армии, к Гданску, через Мемель и Кенигсберг.

19 февраля Петр прибыл в Данциг, в полдень в воскресение, и тотчас отправился в церковь, где слышал проповедь. Анекдот о бургомистровом парике.

Между тем Карл решился с 20 000 войска вторгнуться в Норвегию, зная о намерении союзников напасть на него в Швеции.

Петр осмотрел свои полки и жаловался Августу на убиение четырех русских подполковником Каванаком, требуя за то удовлетворения.

Поручик Мяснов послан был в Копенгаген для испрошения позволения осмотреть все гавани от Штетина до польской границы для укрытия русской эскадры (либавской) в случае бури, что и было дозволено.

Петр писал к Долгорукову, послу своему при датском дворе, что с огорчением видит он, что нет со стороны Дании никакого приготовления для *десанта в Шконию*, что пекутся только о взятии Висмара, чем война не может быть еще окончена, что, дабы принудить Карла к миру, надобно вторгнуться в Швецию и отвлечь его от Висмара, который тогда и будет принужден сдаться, что он (Петр) для того и лучшую часть своего войска привел etc. Петр представлял, что на следующий год ему будет невозможно понести столь великие издержки, что время к десанту будет упущено, умалчивая о могущих встретиться препятствиях etc., также просит о свидании с датским королем в Померании или Мекленбургии, ибо-де он болен и спешит пользоваться кислыми водами, а потому в Киль, Шлезвиг или Гликштадт приехать не может.

Король назначил местом свидания Гамбург.

На Данциг Петр положил штраф немалый (?) за торговлю с неприятелем и за неисполнение условий. А своим офицерам повелел в гавани осматривать суда, и шведские или приходящие из Швеции арестовать (кроме английских и голландских). 8 марта прибыл герцог Мекленбургский, жених царевны Екатерины Ивановны.

Союзники просили Петра о вспомоществовании во взятии Висмара, в 1648 Вестфальским миром уступленного Мекленбургией. Петр *охотно* согласился, нетерпеливо желая учинить вторжение в Швецию. Он повелел Репнину следовать с частию пехоты к Висмару. Но Висмар сдался на капитуляцию прежде прибытия Репнина (? NB), который не был впущен в город датским генералом Девицем и уклонился в Стерлицкое княжество. Петр досадовал и жаловался, но это не имело никакого последствия.

23 марта прибыл в Данциг и Август.

30 марта кончен начатый в Петербурге воинский устав и отослан в Петербург для напечатания.

Петр купил у доктора Готвальза собрание минералов и других редкостей для своей кунсткамеры и отправил в Петербург.

1 апреля в день Пасхи Август посетил Петра, и оба провели вечер у бискупа князя Потоцкого.

8 апреля совершился брак царевны Екатерины Ивановны с герцогом. Петр принял на себя медиацию между королем польским и Речью Посполитою. Положено Долгорукому ехать в Ярославль и дело вершить. Петр, извещая о том Апраксина, посылает ему картуз, *которые выучил делать своего человека*.

В инструкции, князю Долгорукому данной, Петр тайно приказывал включить себя как единственно надежную гарантию противу королевских притязаний. Он предписывает Долгорукому стараться склонить одного из маршалов на сторону нашу etc., также и стараться о сатисфакции над подполковником Каванаком, угрожая в случае отказа все делать в пользу одних конфедератов.

Генералу Рену повелено в случае несогласия на Ярославском конгрессе вступить в Польшу и действовать по предписаниям Долгорукого.

Петр приказал Апраксину в Венецию, Францию и Англию отправить по 20 лучших дворянских детей для обучения.

Петру Михайловичу Бестужеву пишет о том, чтоб он тайно подговорил курляндцев не выбирать себе князя (герцога) без предварительного с ним сношения.

Шафирову, просившему деревень, назначает *покаместъ* 3000 р. из окладу Леволдова (?) сверх жалования.

В Сенат послано 4 указа.

1) О рекрутах – о приеме их, об отдаче в гарнизон и взятии из гарнизона в полевые полки. NB.

2) О наследстве мужа после жены etc., etc.

3) Противу плутовства русских купцов, кладущих посреди льна и пеньки товар гнилой и даже камни.

4) О переведенцах в Петербург.

18-го апреля Петр поехал навстречу своей галерной эскадре, оставя Екатерину в Данциге.

Он прибыл в Кенигсберг и 23 апреля дал аудиенцию персидскому послу, между тем в библиотеке нашел радзивильскую (?) рукопись *Нестора.*

Петр, узнав, что Август не соглашается на претензии наши касательно Данцига, писал к Шереметеву не отступаться никак от требований. В случае несогласия он обещал вылечить город *через пургацию, для чего уж и привезены сюда и пилюли*.

Получено тогда же известие о вторжении 6000 татар в Казанскую область. Полковник Шварц их разбил, 1500 лошадей взял, а сына ханского повесил.

Город Каянбург сдался. Найдено в нем 20 пушек.

27 апреля Петр возвратился с эскадрою в Данциг, а 30-го отъехал к Мекленбургу, попировав на море с Августом.

Август согласился взять на себя контрибуцию, наложенную на Данциг (sic), и Петр приказал Шереметеву идти в Мекленбургию. Петр оставил государыню при войске, а сам

отправился по почте в Stetin, куда прибыл 4-го мая, а Екатерина – 5-го. 6-го приехал сюда incognito король прусский.

7-го мая Петр, узнав, что к Копенгагену пришли шведские корабли, повелел Бутурлину идти туда с галерною эскадрою.

8-го Петр поехал на Шверин, куда и прибыл 12-го.

Король прусский обещал войску нашему во время прохода через Пруссию дать луга безденежно; но комиссары прусские вели Шереметева и Вейде песками и болотами и чуть не переморили всех лошадей. Наши жаловались, но втуне.

15-го мая Петр осмотрел Висмар и писал в Петербург, повелевая послать в черкесскую землю мастера для отыскания серебряных руд, и приказывал удержать в Петербурге до его приезда бухарского посланника.

16-го отправился он к Пирмонтским водам.

17-го был в Гамбурге.

18-го прибыл в Алтону, куда на другой день приехал и король датский. Петр оставался тут до 23-го (смотри инструкцию князю Василию Долгорукому, V – 170).

В то же время писал Петр в Петербург о злоупотреблениях армянской торговли.

26-го мая Петр прибыл в Пирмонт и остался там до 14 июня. Оттуда писал в Петербург об укреплении берегов Невы сваями и землею, а Шереметеву о провианте etc.

15-го июня Петр отправился в Ганновер и Шверин.

19-го в Ревель послал он к капитан-командору Сиверсу Румянцова и Франца Вильбуа с повелением город запереть, а эскадру послать к Копенгагену через пять часов, не более.

Сие было сделано вследствие переговоров Англии с стокгольмским сенатом, кои состояли в сих пунктах:

1) Прекратить Швеции пиратство на море.

2) Не вступаться за претендента.

3) Остановить завоевания в Норвегии и прочих датских областях.

Петр с беспокойством ожидал, чем кончатся переговоры, и жалел о том, что флот его не зимовал в Ревеле, как то он предполагал.

В Росток пришли пять купленных в Англии кораблей и два сделанных в Архангельске. Туда же, по повелению Петра, прибыли и Шереметев, Вейде и Глебов (генерал-майор).

Петр прибыл в Росток 23 июня. Петр держал совет. Положено генералу Вейду стать у Ростока лагерем etc., etc., майору гвардии Матюшкину велено ехать в Любек для заготовления судов для переправы войск в Данию.

27-го праздновал у герцога Мекленбургского годовщину Полтавы, а 29-го, в день своих именин, дав войску повеление ехать к Копенгагену, отправляется на галере туда наперед, а Екатерина сухим путем через Любек.

5 июля Петр прибыл к Копенгагену.

В тот же день писал он к Ушакову о высылке 2500 тулупов в Копенгаген, также и Апраксину, жалуясь на медленность датчан etc. 12-го прибыла в Копенгаген и царица.

17 июля Сиверс привел из Ревеля к Копенгагену 13 кораблей (семь линейных) и соединился с 10 кораблями, уже там находившимися под начальством капитан-командора Шелтинга (всего 16 линейных и 43 галеры). Петр прибыл на свой корабль «Ингерманланд» и поднял синий флаг, к нему приехали английский адмирал и голландский командор, и государь потом обедал у адмирала Норриса.

20-го опять церемонии, посещения, пальба etc. Петр стал настаивать на том, чтоб учинить вторжение в Шоны; но датские министры отговаривались под предлогом, что должно им дождаться сперва прибытия их виц-адмирала Габеля из Норвегии, также и уборки хлеба с полей, дабы не повредить ему лагерем.

Петр в ожидании Габеля захотел высмотреть неприятельские берега. 22-го июля на трех шнавах объехал он шонский берег от Эльзенбурга до Карлскрона и далее. Все удобные к высадке места были укреплены. Шведы стреляли по шнавам, а Петр с своей стороны пальбою вытеснил роту конницы из приморского дома и возвратился к Копенгагену. 23-го прибыл он на шлюпке к своему флоту.

27-го в годовщину Ангутской морской битвы Петр пировал со всем флотом и увидел идущего наконец *Габеля* из Норвегии с эскадрою шести кораблей. Петр повелел Шереметеву отправить 4000 драгун, приведенных Матюшкиным из Любека, немедленно в Зеландию к Нейштадту, а судам воротиться пока для переправления достальной конницы к Копенгагену.

Но датский король медлил или был затруднен другими державами (см. Миллера в «Истории Шереметева» и Гебгардия II часть *Датской истории*).

2-го августа Петр отправил поручика Дена осмотреть Борнгольм и шведское войско.

От нечего делать соединенные флоты конвоировали торговые суда всех наций; их было в Зунде более ста.

Так как датский генерал-адмирал Гулденлеве и английский Норрис спорили о начальстве, то Петр по просьбе их решил их несогласие, приняв на себя звание главнокомандующего всеми четырьмя флотами. На сей случай выбита медаль (V – 191). Петр принял сие звание 5 августа. Флот состоял из 26 кораблей русских, датских 19, английских 19, голландских 25, не считая галер.

По данному сигналу флот сей пошел к Борнгольму.

Петр приказал датскому виц-адмиралу Юдикеру послать транспортные суда в Росток за войском.

6 августа праздновано известие о победе австрийцев над турками.

Флот отправился, но море было уже свободно. Шведы скрылись в Карлскронскую свою пристань. Петр занялся одними эволюциями, чем и ограничилась сия кампания.

Петр, посылая Апраксину ордер баталии и известие о своем наименовании, пишет: «чаю, не забудешь свою пословицу: *отроду впервые*», притом жалуется на датчан etc.

11-го августа Петр, уведомясь, что море точно свободно, отправил купеческие суда. Положено крейсировать. Норрис предлагал идти всем флотом к Карлскрону. Петр был того же

мнения, но датчане отказались под предлогом, что не имеют на то позволения от своего короля.

Беспокоясь о медленности датчан, Петр решился отправиться в Копенгаген торопить транспорт войска из Мекленбургии. 14 августа прибыли к нему адмиралы английский и датский: Петр решил иметь им совет на корабле Шелтинга и, насилу сладя с ними, отправился к Стральзунду. Настали бури; 17-го августа Петр стал на якори у острова Ругена, а 18-го на шлюпке прибыл к Стральзунду и явился incognito к коменданту в сопровождении Ягужинского. Он повелел тут изготовить транспортные суда для переправы войска из Померании; 18-го писал к Шереметеву, чтоб он с войском из Ростока отправил на тех судах и дрова etc.

Осмотрев город и отправя при себе суда к Ростоку, Петр на «Ингерманланде» отправился 20-го августа к Копенгагену. 22-го туда прибыл и отправил к царевичу кабинет-курьера Сафонова, повелевая ему прибыть в Копенгаген.

Петр осмотрел кунсткамеру, измерил море etc.

28-го Петр опять осматривал шонский берег *издали*, влезал на мачту и с шнавы своей послал графу Шереметеву повеление идти скорее к Копенгагену.

Наконец 29 августа прибыл Вейде. 30-го граф Шереметев.

Того числа Петр ездил опять осматривать шонский берег с генералом Вейдом. Шведы стреляли по ним, ядро пробило его шнаву. Петр возвратился в Копенгаген, а казаки, сделав высадку, поймали трех языков, которые объявили, что берег укреплен и охраняется 20 000 шведами.

1-го сентября Петр созвал совет, и намерение учинить высадку было оставлено (см. Ч. V – 206).

4-го прибыл и последний транспорт войск под начальством Репнина. Всех регулярных полков было приведено до 21 полка, около 24 000.

Петр созвал опять совет, но первые положения были подтверждены. На что 10-го сентября согласился и датский король. Высадка отложена до следующего года.

Петр осмотрел опять шонский берег и писал Апраксину, с печалью извещая его об отложенной высадке, полагая на следующий год, не полагаясь уже на датчан, самому вторгнуться в Швецию.

Датские министры были недовольны. Они предлагали учинить высадку. Петр спросил их, где будет зимовать войско? «В окопах при Есеморе, в землянках», – отвечали датчане. «Это значит губить людей», – возразил Петр (смотри *Венецианскую историю Петра Великого).*

Голиков полагает причиною неохоте датчан коварное недоброжелательство мекленбургца *Бернсдорфа*, любимца английского короля и врага герцога (см. «Журнал Петра...»). Бернсдорф успел поссорить короля английского с Петром, а датчан уверить, что Петр вступил в тайные переговоры с Швецией (см. также Миллерову «Историю Шереметева»). Датчане уже приготовились к обороне и укрепили Копенгаген; Бернсдорф посылал и Норрису повеление напасть на русский флот, ежели не будет высадки (?). Норрис не согласился, не имев на то разрешения своего короля. Тогда Бернсдорф с угрозою от имени английского короля объявил датчанам, что отложение высадки приемлется им за обиду.

Петр, однако, умел рассеять сомнения датского короля; им было положено на Генеральном совете (20 сентября) войску русскому не отдаляться. Пехоте и одному драгунскому полку стать на зиму в Мекленбургии и в Стрелицком княжестве; драгунам – в Польше на границах; артиллерии – там, где останется флот, транспортным судам оставаться в Ростоке, галерам – там же; корабельному флоту идти в Ревель.

Транспорт оставался в Копенгагене по причине бурной погоды. Бернсдорф хотел силою оружия принудить войско русское отправиться не в Мекленбургию, а в Россию. Норрис опять на то не согласился. Бернсдорф обратился к приморским германским властителям, стараясь вооружить их на Петра.

По наущению ганноверцев Англия и просьбой и угрозой думала принудить Петра вывести войска свои из Германии. Но

он остался тверд и старался только не ссориться с Данией. Он повелел транспортным судам идти с войском в Мекленбургию, а флоту под командой Шелтинга – в Ревель.

Между тем русские недоросли, присланные Апраксиным, прибыли в Копенгаген. Петр их осмотрел и распределил, кого куда послать (V – 218, примеч.). Указ о том князю Долгорукому от 12 октября.

16 октября Петр отправился в Мекленбургию.

21-го прибыл он во Фридерихсштадт, где пробыл 6 дней, до 27-го. В Любек въехал 30-го, откуда отправился в Ниренберг, где велел одному живописцу снять с себя портрет в профиль и отослал оный в Петербург с повелением вырезать его на рублях, кои и появились на следующий год (Штелин).

В Шверине встретили его герцог и герцогиня Мекленбургские. Петр пробыл тут 5 дней, распоряжая квартиры для войск etc.

Между тем начиналась страшная политическая интрига. Барон Герц, новый любимец Карла XII, вздумал переменить все сношения, дотоле существовавшие между европейскими государями, склонив короля своего к миру с Россиею. Возведение на польский престол Станислава, а на английский Якова III было целию этой интриги, еще довольно темной и коей агенты были весьма мелкие и незначащие люди (см. Lemontey).

Карл XII прислал на Бруншвейгский конгресс декларацию, в коей изъявил он свою склонность на мир с тем, чтобы отъятые земли были ему возвращены. Разумеется, что никто из союзников на то не согласился.

10 ноября Петр отправился путешествовать. Екатерина, будучи брюхата, осталась в Шверине. Петр имел в Габельсберге свидание с прусским королем. «*Мы здесь с прусским королем*, – писал Петр к Апраксину, – *нечто небесполезное учинили*» (?).

Петр между тем писал в Воронеж вице-губернатору Колычеву, чтоб он велел наловить разных птиц и диких быков.

Петр заехал в Бейценбург, где стоял Шереметев, а оттоле отправился водою в Гамбург, куда прибыл 20 ноября. В Алтенау Петр оставался до 26-го. В сие время магистрат гамбургский выдал ему Войнаровского (V – 234, также «Жизнь Шереметева»).

Апраксин в то время посылал немалые партии из Финляндии и устрашал шведа даже в Стокгольме.

26-го Петр Эльбою поехал далее. В Бремене принят он был торжественно.

2-го декабря Петр прибыл в Амерсфорт, где встретил его князь Куракин и резидент Брант etc.

6-го декабря Петр прибыл в Амстердам, куда на другой день приехала и свита его, а именно: канцлер граф Головкин, подканцлер барон Шафиров, тайный советник Петр Толстой; генерал-поручики: князь Вас. Долгорукий, Ив. Бутурлин, князь Куракин, гофмаршал Шепелев.

27-го Петр осматривал недорослей, прибывших из Копенгагена, определив им по червонцу в неделю кормовых (весьма много), потом отправил их в Венецию, дав им по 25 червонцев на дорогу. Тамошний наш агент Беклемишев записал их в галерную службу.

Петр графу Шереметеву повелевает расположиться квартирами, переговоря о том с герцогом, и выговаривал за то, что Шереметев послал в Травеминд 500 человек для приема небывалых галер и тем всех перетревожил. Апраксина Петр уведомлял, что шведы сильно идут на Норвегию, отчего датчане трепещут, да и *другие* шарашатся.

Петр продолжал свои переговоры с датским королем о вторжении в Швецию. Он опасался союза английского короля со Францией и Голландией. Для того предлагал он вторгнуться в Швецию с двух сторон, датчанам со стороны Шон, а русским со *старой Швеции*; он соглашался прислать датскому королю 20 батальонов вспомогательного войска, но требовал за то по 100 (или по крайней мере по 70) матросов за батальон etc.

Петр, осматривая Амстердамскую верфь, простудился 27-го и лихорадкою болен был до 10 февраля 1717-го.

1717

2-го января царица родила в Везеле великого князя Павла Петровича. Петр был обрадован и уведомил о том всех государей. См. письмо его князю П. М. Голицыну. Ч. V – 255.

Но новорожденный скончался 3 января. Петр как ни был тем огорчен, но не перестал заниматься делом.

Он повелевает между прочим выдать гофмейстерине Матвеевой (при курляндской герцогине) 1000 руб. жалованья: письмо к Бестужеву.

За рубку казанских и нижегородских лесов определяет жестокое наказание.

Шереметеву пишет, дабы он собрал совет, где бы решили, как кончить сию войну, «да чтоб отнюдь не было *как изволишь»*.

Герц с успехом продолжал интригу, начатую в прошлом году. Он сам ездил в Мадрит для переговоров с Альберони и положил там основание заговора Селламара; потом явился он в Рим к претенденту, удалившемуся туда из Авиньона (после тройственного союза). Претендент обещался к марту 1718 собрать 10 000 войска в Шотландии.

Король шведский должен был туда же привести столько же войска и доставить военные припасы. Герц тайно был потом во Франции, а оттоле в Голландии. Он получил тут до 80 000 фунтов стерлингов (?), собранных англичанами недовольными; приуготовлены перевозные суда, куплены шесть военных кораблей и проч. Граф Гилленбург, посол шведский, в Лондоне ободряет недовольных, кавалер Follard во Франции подговаривает французских и ирландских офицеров. Претендент пишет Петру, прося от него помощи; а граф Гилленбург предлагает ему мир... Петр приказывает своим министрам трактовать с Герцем. Вдруг заговор Герцов разрушается! (см. Lemontey).

Гилленбург арестован в Лондоне, а Герц в Амстердаме. Петр радуется исподтишка. «Не правда ль моя, – пишет он

Апраксину, – что я всегда за здоровье сего начинателя пил? никакою ценою не купишь, что сам сделал...»

Король английский напечатал переписку агентов с Герцем и Гилленбургом. Имя Петра было тут замешано. Петр через секретаря своего посольства Веселовского жаловался на сию обиду и отрекался от всякого участия в замыслах шведского министра. Он оправдывал и своего доктора Арескина, тут же замешанного. Он давал заметить, что никогда не хотел бы главному своему врагу придать сильное вспоможение, возведши на престол Англии претендента и проч. и проч. Ответ английского короля был удовлетворителен. Он отвечал, что никогда не имел подозрения в участии Петра в заговоре Герца; признавался, что, как ганноврский электор, он должен был стараться о выводе русского войска к Германии и проч.

Карл тогда был в провинции Шонен. Ему подали напечатанные письма. Он прочел их, усмехнулся и спросил, не напечатаны ли и его письма? Потом приказал арестовать английского и голландского (?) посланника и через Францию объявил, что в интриге Герца участия не имеет и готов, буде они виновны, министров своих наказать. Они были освобождены через полгода.

2-го февраля царица приехала в Амстердам.

Тогда же Петр получил от князя Долгорукого известие о примирении короля польского с конфедератами на Ярославском съезде вопреки *посторонним* стараниям. Войско удалилось из Польши и по приказу Петра употреблено в работу и проч. (указ сенату).

Петр по выздоровлению своему занялся обыкновенными своими трудами. Он посещал охотно живописцев, на аукционах накупил множество картин фламандской школы, коими впоследствии украсил *покои своей супруги в Монплезире* (см. Штелина, известие о Кселе).

Петр купил за 30 000 гульденов анатомический и натуральный кабинет Рюйша (см. любопытное письмо его. Голиков. Ч. V – 283).

Он вывез также модели корабельные и проч. Заключил также договор с типографщиком Даниилом Леейвеном о напечатании Ветхого и Нового завета на голландском языке, *на половине листа*, дабы припечатать потом и славенский текст, что и исполнено в 1721 году.

Боуру объявлено полное генеральство.

Морская академия поручена Матвееву вместо *Сент-Илера* (?), коего отпустили для *его прихотей*, и проч. и проч.

27-го февраля Петр с супругою ездил в Саардам и посетил своих старых товарищей.

28-го в Утрехте посетил своего резидента Бранта в загородном доме его <в> *Петербурге* (см. V – 291).

В сие время Петр получил известие о побеге царевича и, прибыв в Амстердам, поручил резиденту Веселовскому, а потом гвардии капитану Румянцову отыскать укрывшегося сына, дав ему следующий указ:

1) Сыскав известную персону, тотчас везть в Мекленбургию и отдать под крепкий караул одному Вейду в величайшей тайне.

2) Узнать от него, кто участник в его побеге, видно уже давно умышленном, ибо в два дня к оному приготовиться невозможно, и тех особ, ежели они в Мекленбургии или Польше, арестовать самому.

3) Исполнить, несмотря на оную персону, всякими мерами, какими бы ни были.

Всем генералам, штаб- и обер-офицерам указ слушаться во всем капитана Румянцова.

Между том он писал Апраксину о недорослях; Ушакову о наборе рекрут; Петру Михайловичу Голицыну – о буковых деревьях, для насаждения оных в приморских окрестностях Петербурга; Шереметеву – о его беглом холопе, записавшемся в рекруты; Ушакову – о выдаче сего холопа; Долгорукову о сатисфакции за Кановакова; Колычеву – о приискании мамонтовых и других костей и проч. Голиков, по обыкновению своему, восклицает: удивительно! что за попечение, что за присутствие духа! Голиков прав.

Петр получил от Румянцова известие, что царевич находится в Тироле в крепости *Эренсберге*. Петр требовал его выдачи; цесарь тайно переслал царевича в Неаполь, где и скрыл его в тамошнем замке.

7-го марта Петр из Амстердама отправился и прибыл в Гаагу 8-го, где остановился у Куракина.

Здесь 14-го марта Мор писал с него портрет.

Отселе повелел, между прочим, в Петербург: ехать одному кораблю со смолою, юфтью и воском в Венецию, о чем уже с сенаторами списался.

Голицыну о недорослях и проч. и проч.

17-го Петр прибыл в Лейден, осмотрел университет, записывая, что ему казалось нужно или замечательно; потом фабрики и проч. и возвратился в Гаагу, а 19 поехал в Роттердам, где и пробыл до 24-го.

24-го марта из Роттердама, отправя Екатерину в Гаагу, сам на яхте поехал Петр во Францию. При нем находились: Толстой, князь Куракин, Шафиров, князь В. Долгорукий, Иван Бутурлин, генерал-поручики: генерал-адъютант Ягужинский, кабинетные секретари Макаров и Черкасов, лейб-медик Арескин, духовник и проч. и команда гренадер.

Петр, дорогою осмотрев шлюзы и канал города Флисинга, писал (от 28-го марта) Апраксину, объявляя ему, что неприязненные действия между Англией и Швецией начались и что должно ожидать войны. Петр приказывает ему быть в море при флоте у Дагерорта, также меж Рогервика и Финского берега. «Неприятелю страх, а людям обучение; в случае нужды все готово, а ретирада безопасная: место узкое, обойти флот нельзя».

30-го Петр отправился в *Брабандию.*

31-го вошел в Шельду (Escaut[28)]) у Антверпена.

Здесь Петр посетил езуитские монастыри и нанял в свою службу шаутбенахта Падона (V – 309).

Петр из Брюсселя писал П. М. Голицыну, советуя иметь ему предосторожность о нечаянном вторжении шведов и проч.

Петр осмотрел Гольт, Ган и Остенд, где простил одного преступника, ведомого на казнь; 10 апреля прибыл в Дюнкерк, первый французский город.

Петр пробыл в Кале от 17 до 23-го апреля (дня Пасхи), здесь смотрел экзерцицию и взял с собою в Россию великана по имени Николая.

Между письмами Петра есть одно к Румянцову. Он еще не знает, где подлинно находится царевич, и повелевает ему, Румянцову, ехать самому в Тироль и incognito следовать всюду за царевичем.

Петр не принял ни услуг знатных особ, ни обеда, заготовленного для него епископом (?...), и, когда ему заметили, что негде ему будет в другом месте порядочно отобедать, отвечал: *хлеб да вода, солдатская еда.*

24-го апреля Петр, проехав Montreuil[29)], обедал в Abbeville[30)], где и осмотрел суконную фабрику.

26-го в Алвеве (? à Beaumont. *Duclos*[31)]) встретил Петра маршал de Tesse[32)] с эскадроном гвардии и с экипажем, и вечером в 10 часов Петр приехал в Париж – для него приготовлен был старый Лувр, но он остановился в Hôtel de Langres[33)] (Голиков); Lesdiguières proche de 1'Arsenal (*Duclos*)[34)].

(О пребывании Петра в Париже смотри Вольтера и *Дюкло.*)

6-го июня ст. ст. Петр отправил в Италию рагузанца Савву Владиславлевича, дав ему вместо паспорта грамоту, в коей именовал его графом *Иллирийским.*

Писал Шереметеву о содержании солдат, о полковнике Каванаке, о прежних претензиях на Данциг и пр.

Видя неохоту датчан, Петр вознамерился свои войска из Германии вывесть и писал о том князю Голицыну.

В Сенат Петр послал указ дозволить опять вывоз хлеба за море, с пошлиною со ржи и ячменю по полуефимку с четверти, а с пшеницы по ефимку.

Апраксин донес Петру, что крейсировка производится с успехом, что галеры в Абове готовы до 100 судов и пр. и пр.

Петр принял медиацию французского двора и оставил в Париже уполномоченными барона Шафирова, П. Толстого и князя Долгорукова. Смотри Голиков. V – 337.

9-го/20 июня Петр выехал из Парижа.

Петр ехал через Суассон, Реймс, Шарлемонт, Намур и Лиеж.

16-го приехал он в *Спа*, и в тот же день приехал к нему Румянцов с донесением о открытии местопребывания царевича в Тироле.

Петр тогда же отправил к цесарю Толстого и Румянцова с просьбой о выдаче ослушного сына и с ними писал и к самому царевичу (см. *введение*).

Апраксину писал он, назначая новых полковников, приказывая лить новые пушки и проч.

Франц Вильбуа произведен в капитан-поручики, и ему поручены русские матросы, определенные на датские фрегаты, которые *должны были прийти* (и которые, кажется, не бывали).

Петр пользовался водами от 21-го июня до 14 июля. В сей день отправился он в Аахен. (Анекдот о деревенском священнике, V – 349.)

22-го Петр прибыл в Амстердам.

24-го с царицей ездил к ост-индскому флоту, за пять миль от Амстердама, и 28-го воротились.

Адмирал Норрис и министр Wittford[35)] приехали в Амстердам с дружескими предложениями. Петр их не принял. Но ратификатовал союз с Францией и заключил трактат с прусским королем.

Петр ездил в *Лоу*, куда явился и Герц, освобожденный из-под ареста. Он имел о мире переговоры с князем Куракиным и получил пропуск для проезда через Эстляндию в Швецию.

Петр возвратился в Амстердам. Тогда куплены им часы с курантами и отправлены в Москву. (Анекдот о живописце Никитине.)

Петр в Амстердаме поручил торговлю резиденту своему Бранту на место комиссара из купцов *Соловьева*, коего неведомо за что под караулом отправил в Россию, что сильно

поколебало доверие к русским купцам и повредило успехам нашей торговли и кредиту.

22-го августа Петр с Екатериной отправился из Амстердама и 31-го прибыл в *Везель*, отселе приказал Долгорукову прислать в Петербург описание адмиралтейства датского, доставленное ему Юдикером, и потом, отпустив Куракина и гг. Нарышкиных и оставя здесь Екатерину, поехал один. В Магдебурге встречен был мекленбургскими герцогом и герцогинею (6-го сентября).

В Бранденбурге имеет свидание с своим посланником при прусском дворе графом Головкиным. В Гессен-Касселе генерал Ранг, возвращаясь из Швеции, доносит ему о готовности короля к миру; и объявляет, что везет повеление трактовать о том с русскими министрами. Петр пишет о том Куракину.

8 сентября прибыл Петр в Берлин, где и провел время с королем. Отселе послал он Шереметеву приказ, чтоб Репнин шел с третьей частию пехоты к своим границам; а он, фельдмаршал, оставался бы у Данцига до совершенного удовлетворения, несмотря на поляков.

Екатерина прибыла в Берлин. 14-го сентября Петр (один) отправился в Данциг, куда прибыл 18-го сентября.

20 сентября Петр утвердил князем Долгоруким заключенные с городом условия. Данциг обязался:

1) Пресечь все сообщения со Швециею.

2) Вооружить против нее три фрегата, на коих быть русским офицерам и частию матросам.

3) Заплатить в три срока 140 000 голландских ефимков.

Петр за древнюю картину, изображающую Страшный суд, давал до 50 000 ефимков, но город отказал. Сие повествует Татищев, коему редко должно верить.

Пишет Петр в Копенгаген о вымерении фрегата и проч.

NB. Веселовский еще в Англии.

Екатерина приехала в Данциг, и 21-го Петр с ней отправился водою до Кенигсберга, повелев Шереметеву в Петербург идти с войском.

В Митаву прибыл Петр 27-го сентября. Анна Иоанновна встретила дядю своего за городом.

28-го Петр прибыл в Ригу; отселе писал он Ушакову об облегчении судьбы шведских пленников (29-го). 30-го выехал в Петербург.

3-го октября за Ревелем встретили государя Апраксин и войско. Царь и подданные его плакали от радости.

Здесь пробыл он до 5-го или 7-го октября и в Нарве (8-го), дождавшись Екатерины, снова ее оставил и 9-го прибыл в Кроншлот, где встретил его князь Меншиков, а 10-го прибыл в Петербург.

Здесь за столом произошел разговор о царе Алексее Михайловиче, см. Татищева (верить не во всем этому краснобаю).

Мнение Петра о <лакеях>[36](V – 375).

Домашний быт Петра. (Там же.)

Петр писал Ушакову в Москву, приказывая ему не решенные им дела немедленно доставить в Петербург. С 12-го октября Петр ежедневно был в Сенате. Был строгий перебор.

Петр писал к Бековичу (уже умерщвленному) о пути в Индию и возвращении *знающего человека* в Бухарию через Китай.

Основана в Туле оружейная фабрика.

В Ярославле заведены *Затрапезновым* полотняные и бумажные фабрики.

Указ I. Всем торгующим юфтью (исключая Смоленской и Архангельской губерний) привозить две доли в Петербург, а третью в Архангельск.

Указ II. Запрещено носить золото и серебро, пряденое и волоченое, а донашивать позволено старое.

В деньги не играть.

Носить платья из китайских, персидских и русских материй (без золота).

Указ III. Просьб не писать и не подавать и никаких дел по домам не производить, а кроме как в приказах, а людям приказным по утрам не ходить по домам с поклонами или по делам.

Указ IV. Дозволил наем повольный (рекрутский) с тем, чтоб наемщик отвечал за наемника.

Указ о беглых:

В первый раз сквозь строй, во второй – кнут и галеры.

Указ Сенату: войску, идущему из Германии, определены заранее квартиры.

Между тем 29-го ноября получено письмо от Герца к Шафирову из Лундена. Карл XII предлагал вступить в переговоры на острове Аланде. Петр назначил генерал-фельдцейхмейстера Брюса и канцелярии советника Остермана полномочными послами и сам занялся инструкцией. Петр звал к себе Шафирова.

Петр тогда же думал выдать Анну Иоанновну за герцога Саксен-Вейсенфальского и писал о том Бестужеву (см. о сем любопытное и *умное* изложение в Голикове. V – 389).

Кубанские татары стали шевелиться. Русское войско, в 5000 состоящее, выступило на линию с донскими казаками. Порта сама остерегала царя.

15-го декабря Петр, отправляясь в Москву, издал манифест о переговорах со Швецией.

1718

Петр в январе прибыл в Москву, осмотрел фабрики, дал привилегию купцу Воронину и 5000 р.

5 января Петр писал Веселовскому в Лондон, объявляя о переговорах, начатых с бароном Герцем и пр.

Петр занялся гражданским управлением, присутствуя в разных приказах и проч.

Ушакову повелено: 1) набрать 400 молодых людей и доставить в С.-Петербург.

2) Набрать плотников, столяров, кузнецов и проч., также для Петербурга.

3) Выдать князю Прозоровскому для адмиралтейства 150 000.

4) Взять протопопа суздальского и сыскать Авраама Лопухина человека. Петр уничтожил правеж и повелел *колодников*-должников отсылать в с.-петербургскую работу; а старых баб и детей в прядильный дом, зачитая по рублю на месяц.

Уничтожил выдачу головою за долги.

От выбора в службу увольняет мануфактуров и их работников.

Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворваньим салом под страхом конфискации и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.

Доносы Петр ограничил тремя первыми пунктами:

1) О замысле на здравие государево.

2) О бунте и измене.

3) О похищении казны; доносителям по двум первым пунктам велено являться к двору его величества, к караульному офицеру, а по третьему в Москве к Ушакову, а в Петербурге к Кошелеву (полковнику).

Петр отменил или смягчил указ о неношении золота и серебра (V – 401).

Устанавливает сбирать пошлину с возов *у земляного города в воротах*; с дров, с сена и проч.

Дал указ о чеканке денег.

Веселовскому Петр приказывает арестовать какого-то *Шпиноля*, яко русского подданного, за своевольную отлучку и за дерзостные речи.

(Анекдот о ябеднике, V – 404.)

В феврале начался суд над царевичем.

Петр уже в 1715 году явно изъяснялся относительно несчастного Алексея (V – 406, смотри письмо австрийского посланника).

Царевич родился 1690, февраля 29 (высокосный год), до 699 находился подле царицы. Петр определил к нему в наставники фон Гизена (царевичу было 10 лет) и поручил его князю Меншикову.

Петр записал его сержантом в гвардию, держал при себе; водил в сражения, посылал путешествовать, *уважал его ум* (см. письмо его, писанное в октябре 1716), несколько раз давал ему важные поручения, в 1708 при Долгоруком посылал на бунтующий Дон, в 1711 – в Польшу. Женил его на принцессе Вольфенбительской (смотри Moreau de Brasey). Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку (см. *Брюса*: описание царевича, и *Кокса*).

Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

Царевич привезен был в Москву в конце января Толстым и Румянцовым. 3-го февраля велено было гвардейским полкам и двум ротам гренадер занять все городские ворота. Знатные особы собрались *в столовой Кремлевского* дворца. Туда прибыл и Петр. Царевич без шпаги был приведен и, пав к ногам отца, подал ему повинное письмо, в коем просил помилования.

Петр принял письмо и объявил сыну прощение, но приказал ему объявить о всех обстоятельствах побега и о всех лицах, советовавших ему сию меру или ведавших об оной. Буде же утаит, то прощение будет не в прощение.

Потом Петр объявил его от наследства престола отрешенным и требовал от царевича, чтоб он ныне присягою утвердил прежнее свое отрицание. Царевич прочел заготовленную присягу.

Тогда Петр повелел прочесть манифест, в коем он, объясняя преступления царевича, лишает его престола, и потом все министры, генералы, офицеры и знатные граждане присягнули царевичу Петру Петровичу яко законному наследнику престола.

Потом царь, сын его и все присутствующие особы пошли в Успенский собор. Манифест был прочитан вторично. Ду-

ховенство и народ присягнули. Царевич учинил вторичную присягу... он причастился... и тут же объявил о двух своих письмах, писанных им из Неаполя, будто бы по наущению Карла VI – одно Сенату, другое архиереям. Потом отвезли его в Преображенское.

В тот же день обнародован Манифест (VI – 3).

4-го начался суд.

Петр предложил несчастному следующие запросы, угрожая уже лишением живота:

1) Притворно намереваясь постричься, с кем стал советоваться и кто про то ведал?

2) Во время болезни царя не было ли *слов для забежания* к царевичу, в случае кончины государя?

3) Давно ли стал думать о побеге и с кем? с кем и для чего писал *обманное* письмо? Не писал ли еще кому?

4) В побеге с кем имел переписку или сношение?

5) Поп гречанин что, когда и где с ним говорил?

6) Какое письмо писал из Неаполя и кто из цесарцев принуждал его оное написать?

7) Объявить сие и все, что есть на совести, или впредь не *пенять*.

Чрез четыре дня царевич подал ответы свои письменно же:

На 1 пункт.

Письма государя читаны были им Александру Кикину и Никифору Вяземскому; они советовали отречься от наследства, *чего и сам желал,* Кикин ему советовал идти в монастырь. Вяземский тоже. Кикин, *отъезжая в Карлсбад*, обещался найти для него *какое-нибудь место.* Федор Матвеевич Апраксин и *Василий Владимирович Долгорукий* (NB) ободрили его намерение идти в монахи. Князь Юрий Юрьевич Трубецкой – тоже.

Сибирский (князь) дал ему денег – писем царя они не видали. Алексей пересылался с Кикиным через Барыкова *тайно* из опасения шпионов. Алексей писал духовнику отцу Якову и Ивану Кикину, объясняя, что идет в монахи по принуждению и пр.

На 2 пункт.

Отрекался от всяких слов и проч.

На 3 пункт.

О побеге советовался многократно с А. Кикиным. Решась на побег, объявил о том одному Ив. Афанасьеву и выехал, сам не ведая, куда укрыться, в Либау, свиделся с Кикиным, и они решились ехать в Вену.

На 4 пункт.

Что к нему писал только граф Шонбурн в Эренсберг, приложив копию с письма Блеера, австрийского резидента при русском дворе, с ложными известиями о бунте войска, в Мекленбургии находящегося, и проч.

На 5 пункт.

Отрекается.

На 6 пункт.

Письмо в Сенат, также к архиереям Ростовскому и Крутицкому, писано им по принуждению Кейля, секретаря графа Шонбурна. Письма сии писал прямо набело, 8-го мая.

На 7 пункт. Объявил, у кого сколько взял денег (у Меншикова, у Сенаторов, у Исаева в Риге и пр., всего около 6000 червонцев и до 4000 руб.)... разные сплетни. Замешаны царевич Сибирский, Самарин, Василий Долгорукий и проч.

Петр учредил следственную комиссию. Алексей подал дополнительные признания. Он запутывает Федора Дубровского и Семена Нарышкина.

Начался розыск. Дворецкий И. Афанасьев показал, что царевич гневался на графа Головкина и его сына Александра да на князя Трубецкого за то, что навязали они ему *жену чертовку*, грозясь посадить их на кол, и проч.

Федор Еварлаков донес на неохоту, с которой царевич ездил в поход.

Царевич оправдывался тем, что был пьян, когда то говорил, – в прочем во всем признался.

Петр послал в Вену к резиденту Веселовскому с требованием объяснения касательно *Кейля.*

Девка царевича не была еще привезена.

У Кикина был подкуплен камер-паж Баклановский. Он подсмотрел указ, писанный в С.-Петербург Меншикову о вы-

сылке Кикина. Баклановский тотчас бросился, дабы обо всем уведомить Кикина. Петр это заметил. Баклановский был схвачен, а курьер государев предускорил посланного к Кикину.

Петр на всех ямах учредил караулы. Никого не велено было пропускать без подорожной за подписанием государя или всего Сената.

В сие время другое дело озлобило Петра: первая супруга его, Евдокия, постриженная в Суздальском Покровском монастыре, привезена была в Москву вместе с монахинями, с ростовским епископом Досифеем и с казначеем монастыря, с генерал-майором Глебовым, с протопопом Пустынным. Оба следственные дела спутались одно с другим. Бывшая царица уличена была в ношении мирского платья, в угрозах именем своего сына, в связи с Глебовым; царевна Мария Алексеевна в злоумышлении на государя; епископ Досифей в лживых пророчествах, в потворстве к распутной жизни царицы и проч.

15 марта казнены Досифей, Глебов, Кикин казначей и Вяземский.

Баклановский и несколько монахинь высечены кнутом.

Царевна Мария заключена в Шлиссельбург.

Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу.

Петр хвастал своею жестокостию: «Когда огонь найдет солому, – говорил он поздравлявшим его, – то он ее пожирает, но как дойдет до камня, то сам собою угасает».

Государственные дела шли между тем своим порядком. 31 января Петр строго подтвердил свои прежние указы о нерубке лесов. 1 февраля запретил чеканить мелкие серебряные деньги, 6 февраля подновил указ о монстрах, указав приносить рождающихся уродов к комендантам городов, назнача плату за человеческие – по 10 руб., за скотские – по 5, за птичьи – по 3 (за мертвые); за живых же: за человеческий – по 100, за звериный – по 15, за птичий – по 7 руб. и проч. *Смотри указ.* Сам он был странный монарх!

Жители Данцига из 140 000 ефимков, наложенных на них с 1717 г., между тем собрали первую треть, и секретарь нашего

посольства Людвиг Ланчинский писал о том Петру, который сделал о том свои распоряжения и писал 6 февраля Бестужеву и Ланчинскому (смотри конвенции, VI – 50, в примечаниях).

7-го дал привилегии купцам Савельеву и Томилиным.

Следствия и казни продолжались до 18 марта. Петр роздал множество указов, касающихся торговли, монеты и проч.; золотые и штофные материи продавать разрешил до 1720.

Приказал ежегодно исповедоваться, по праздникам ходить к обедне под опасением штрафа от 5 до 15 руб.

Публиковано о целительных водах, открытых в Олонецком уезде.

Петр писал Бестужеву: «В княжеских маетностях, на кои имеет претензии принцесса Анна, хлеб опиши и перевези оный в Либаву».

Румянцову, посланному в Вену, приказано воротиться; за Афросиньей, находящейся в обозе царевича, послано.

11 февраля писал Петр к патриарху Константинопольскому Иеремии о неперекрещении лютеран, кальвинистов и проч. в случае их обращения в православную веру, ибо иноземцы неохотно соглашаются на тройственное погружение.

Патриарх согласно с желанием Петра решил, что довольно тайны миропомазания, и в январе 1719 Петр о том обнародовал указ.

Между тем поручик Кожин прибыл из Астрахани с известием (?) о погибели Бековича. Петр отдал его под суд за *ослушание*. Кожин объявил в своем оправдании, что из Каспийского моря в реку Аму-Дарью нет исхода. Для сего Петр остановил суд (из любопытства) и послал его же, Кожина, с флота-поручиком князем Василием Урусовым исследовать сие на месте.

(О Бековиче смотри «Ежемесячные сочинения», 1760 года.)

Неверность тогдашних географических сведений была главною причиною погибели Бековича. Петр послал его удостовериться, точно ли река Аму-Дарья имела прежде течение в Каспийское море, но отведена бухарцами в Аральское. Также слух о золотом песке прельщал корыстолюбивую душу

государя. Более достойна его гения была мысль найти путь в Индию для нашей торговли. К несчастью, Бекович был легковерен, упрям и несведущ, и предприятие великое с ним вместе погибло. Бекович набрал в Казани эскадрон шведских пленных, дав над ними начальство майору Франкенбергу (шлезвигцу). Бекович имел уже при себе Крутоярский полк. Он взял в Казани же Пензенский; в Астрахани – Риддеровский; сверх того 1500 яицких казаков, 500 гребенских да татар 500. Из Астрахани пошел он в море, взяв с собою морских офицеров Лебедева, Рентеля, Кожина, Давыдова и *штурмана* Бранта. С ним был трухменец Хаджи-Нефес (автор прожекта сего) и князь Саманов, персидский *князек* из Гиляни (перекрест, живший в Астрахани и compère ou dupe de Hadji-Nefese[37)]).

Бекович взял с собою 3 полка и шведов, а казаков и драгун оставил в Астрахани.

Бекович заложил крепость *Тук-Караганскую* (при мысе *Тук-Карагане*) и оставил в ней Пензенский полк. В 120 верстах оттоле при заливе поставил он другую, Александр-Байскую, и оставил в ней три роты. Потом при заливе *Красноводском*, где мнил видеть прежнее течение Аму-Дарьи, заложил главную и в ней оставил Крутоярский и Риддеров полк (в 300 верстах от Александр-Байской и в столько же от Астрабата).

Бекович пошел отселе по мнимым следам реки Аму-Дарьи и на следующее лето вознамерился идти мимо Аральского моря в надежде найти *плотину*!

Он возвратился в Астрахань, оставя в Красноводской полковника фон дер Вейдена. Он послал к хивинскому хану трех посланцев с предуведомлением о своем посещении и требованием вспоможения, но они не возвратились.

В июле 1717 Бекович выступил в поход с одним эскадроном драгун, с двумя ротами солдат (с пушками и запасами), с 1500 яицких казаков, 500 татар, 500 гребенских казаков, 200 купцов – русских и татар. Кожин остался в Астрахани противу воли Бековича. На пути Бекович получил указ царский об отправлении *купчина* через Персию в Индию, а от-

толе в Китай и Бухарию. Бекович избрал мурзу Тевкелева, впоследствии генерал-майора (см. *Оренбургскую историю Рычкова*). Тевкелев бурею занесен в Астрабат, посажен в тюрьму и освобожден уже по смерти Бековича старанием Волынского, нашего посла в Персии, и возвращен в Астрахань без всякого успеха в предполагаемом деле.

Бекович достигнул Хивы. Его окружили 24 000 войска под начальством самого хивинского хана *Ширгази.*

Три дня продолжались безуспешные их нападения. Бекович шел все вперед. Жители уже выбирались из Хивы. Бекович в сие время получил известие, что жена его (урожденная княжна Голицына, дочь Бориса Алексеевича) утонула с двумя своими детьми в Волге. Он впал в уныние и обезумел. Ширгази меж тем прибегнул к хитрости. Он успел заманить к себе Бековича будто бы на переговоры. Франкенберг был также обманут по троекратному повелению пленного Бековича. Все россияне были захвачены или умерщвлены. Бекович и Франкенберг погибли. Хан хивинский послал к хану бухарскому голову несчастного Бековича, хвалясь, что избавил себя и своего соседа от опасного врага. Бухарский хан, пользуясь плодами его коварства, изъявил негодование и назвал Ширгази человекоядцем, чем угодил Петру, который через него думал возобновить свои предприятия и для того послал к нему Флория Беневени, Иностранной коллегии секретаря.

Комиссия (?) была разрушена. Крепости опустели. Гарнизоны оных приехали в Астрахань, кроме нескольких сот солдат из Красноводска, которые потонули.

Петр оставил Москву 18 марта и 24-го прибыл в Петербург.

Князь Куракин писал ему, что английский агент Ренар всячески старается помешать миру России со Швецией. Война загорелась в ведомостях голландских. Несмотря на то, конгресс на Аланде начался. Барон Герц и граф Гилленбург прибыли на оный. Петр отпустил из плена одного шведского генерала (?), а шведы отпустили в Россию кн. Трубецкого и графа Головина, взятых под Нарвою (см. VI – 70, примеч.).

Инструкция Петра о мире со шведами:

1) Ингрия, Ливония, Эстляндия с городом Ревелем, Карелия вся, город Выборг – да будут уступлены России.

2) Княжество Финляндское будет возвращено шведам, границе быть от Выборга до Нейшлота на реке Кюмени.

3) Свободный путь русским судам.

4) Торговле быть свободной, с платежом узаконенных пошлин.

5) Король Август да будет признан; и мир да будет между Польшей и Швецией.

6) Штетин да уступится Пруссии.

7) Датского короля (коли пожелает) включить в сей же трактат.

8) Король английский, яко курфирст ганноврский, во всяком случае не помеха сему трактату.

Петр из оного уступает *несколько* (что?).

Петербург, по обстоятельствам, утвержденный уже надежно за Россией, быстро отстраивался. Петр прибыл прямо на Васильевский остров, который должен был быть обстроен на манер Амстердама.

Заметя, что каналы уже амстердамских, и справясь о том у резидента Вильда, он закричал: «Все испорчено», – и уехал во дворец в глубокой печали.

Петр жестоко пенял за то Меншикову. Архитектор Леблонд советовал сломать дома и завалить каналы и строить все вновь. «*Я это думал*», – отвечал Петр и после уж никогда о том не говорил (Штелин).

Петр указал снять заставы и чинить свободный пропуск по-прежнему, но за границу без подорожных, подписанных им или Сенатом, никого не пускать. (Следствие побега царевича.)

Указ о неостановлении подвоза провианта за старомаперными судами, но с 1719 их отнюдь уже не употреблять.

Указ о печах; о пожарной команде.

Розданы всем жителям *безденежно* парусные и гребные суда, а для починки оных учредил верфь у Летнего саду под распоряжением комиссара *Потемкина*.

Велено всем жителям выезжать на Неву на *экзерсицию* по воскресениям и праздникам: в мае – по $3^1/_2$ часа, в июне – по 4, в июле – по $3^1/_2$, в августе – по 3, в сентябре – по $2^1/_2$, в октябре – по 2. Смотри тиранский о том закон. Петр называл это *невским флотом*, а Потемкина – *невским адмиралом*.

Холсты новоманерные отсрочены еще на год.

Князь Голицын в июне уведомил Петра о взятии шведского капитана, взявшего девять <наших> малых судов; пленный капитан уведомил нас о намерении Карла напасть в Норвегии на датчан.

7 июня учреждена в Петербурге полиция. В генерал-полицеймейстеры пожалован генерал-адъютант Девиер. Пункты полицейского устава подписаны 25 мая (см. VI – 80).

Девиер был прежде у государя денщиком. (Анекдот о неисправном мосте.)

По вечерам Петр сочинял различные регламенты.

К работам адмиралтейским приставил он своего Ушакова (см. его записку, VI – 86).

22 мая 1718 в первый раз *Котлин остров* назван от Петра *Кронштадтом* в письме к Апраксину.

Флот исправленный Петр выслал в море (23 военных и 5 фрегатов). Царевна Екатерина Алексеевна скончалась 1 мая. Петр велел было ее привезти, но московский обер-комендант медлил (вероятно, за болезнию), а Петр за то ему пенял. Узнав об ее внезапной кончине, Петр ему же приказывал тело бальзамировать. *Кажется,* царевна была замешана в семейственных его печалях.

Дело царевича, казалось, кончено. Вдруг оно возобновилось... Петр велел знатнейшим военным, статским и духовным особам собраться в Петербург (к июню).

В мае прибыл обоз царевича, а с ним и Афросиния.

Доказано было, что несчастный утаил *приложение, что писано о нем из Москвы*. Дьяки представили черновые письма царевича к Сенаторам и архиереям. Изветы ее[38)] были тяжки, царевич отпирался. Пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины. Между прочим письмо к киевскому архиерею (?).

14 и 16 мая царевич подал новые признания.

16-го же даны ему от царя новые запросы: думал ли он участвовать в возмущении (мнимом).

Царевич более и более на себя наговаривал, устрашенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями. Бутурлин и Толстой его допрашивали. 26 мая объяснил он слово *ныне* в письме к архиерею, им написанное, зачеркнутое и вновь написанное. Несчастный давал ему по возможности самое преступное значение.

28-го получено донесение от Веселовского из Вены. Шонбурн отпирался во всем и представил письма царевича не только неотосланные, но и нераспечатанные. Что за доказательство!

14 июня Петр прибыл в Сенат и, представя на суд несчастного сына, повелел читать выписку из страшного дела (см. подлинник).

16-го Толстой прибыл к судьям и объявил волю Петра, чтоб царевича допрашивали, в случае нужды, лично. Вследствие сего даны ему запросы.

Царевич подтвердил прежние признания, объяснил незначащие обстоятельства. Толстому, Меншикову, Бутурлину и Шафирову, отведши их в сторону, объявил особо некоторые злоумышления (несчастный! своим врагам!).

Того же дня приказали судьи выписать из Св. Писания и из светских законов статьи, идущие к делу.

Авраам Лопухин, замешанный в последних показаниях царевича, был допрашиван, заперся было во всем, но, отведенный в застенок, признался в речах с Блеером и с *Акинфьевым.*

Гражданские чины, порознь, объявили единогласно и беспрекословно царевича достойного смертной казни.

Духовенство, как бабушка, сказало надвое.

24 июня Толстой объявил в *канцелярии* Сената новые показания царевича и духовника его (расстриги) Якова. Он представил и своеручные вопросы Петра с ответами Алексия своеручными же (сначала – твердою рукою писанными, а потом после кнута – дрожащею) (*от 22 июня*).

И тогда же приговор подписан.

25-го прочтено определение и приговор царевичу в Сенате.

26-го царевич умер отравленный.

28-го тело его перенесено из крепости в Троицкий собор.

30-го погребен в крепости в присутствии Петра.

Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез Петра в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

Петр между тем не прерывал обыкновенных своих занятий. 15-го июня спускал корабль и рассматривал ответ наших архиереев на представление Сорбонской академии (VI – 162). 18-го рассматривал голос духовенства о деле царевича. 19-го повелел из купцов в фискалы избирать не первостатейных, а средней и меньшой статьи (дабы тем не мешать первым заниматься торговлею?).

20-го запрещает бедным просить милостыню (см. о том указ жестокий, как обыкновенно).

Тогда же смотрел он за постройкою военного корабля (90-пушечный «Старый дуб»), который и спущен при нем – 26-го! При сем Петр пировал с корабельными мастерами. На сем пиру пожалован сын кн. Федора Юрьевича Ромодановского, кн. Иван, ближний стольник, в князья-кесари.

Голиков, вкратце предлагая мнение Сорбонской академии и возражение наших феологов, замечает, что мнение о первенстве папы, что и есть кафолическая мысль, сильно не покровительствует Петру, который и установил шутовской праздник, в коем осмеивал папу вместо прежнего патриарха.

Петр отправился в Кроншлот. 6 июля вывел 23 корабля из гавани на рейд.

9-го умер шаутбенахт *Шхельтинг* на корабле «Molbruntz» и погребен в присутствии Петра.

16 июля отправился Петр в море со всем флотом.

19-го прибыл в Ревель.

22-го Петр положил основу загородному саду в Ревеле.

Отправил капитан-командора Гордона на крейсировку и послал указ князю Репнину приближаться к Данцигу, дабы принудить их исполнить данные обязательства.

Петр прибыл к Аланду со флотом 2 августа, дабы ускорить ход переговоров.

5 августа Петр послал на смену Гордона капитан-командора Сиверса.

6-го прибыли к Петру на 39 галерах князья Голицыны (Михаил и Петр).

Петр на сих галерах отправил генерал-адмирала Апраксина и шаутбенахта Меншикова в галерный флот, стоявший у острова *Аштерлота* (у Абова).

17-го августа Петр сам туда прибыл.

18-го августа Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертною казнию запрещено писать *запершись*. Недоносителю объявлена равная казнь. Голиков полагает причиною тому подметные письма.

Следствие над соучастниками Алексея еще продолжалось.

19 и 22 августа Петр обучал свой галерный флот (121 галера). Тогда прибыл к нему Остерман и, три дня пробыв с Петром, отправился обратно.

26-го Петр узнал о рождении царевны Натальи Петровны. Он пировал и повел флот свой в Петербург.

Петр легко мог разорить Финляндию, ибо войско шведское все находилось в Финляндии, но он не велел тревожить мирных переговоров (? не ошибка ли, не хитрость ли тут была со стороны Карла?).

Первое заседание на Аланде между шведскими и русскими министрами было 12 мая.

13 мая положено министров иных держав на конференцию не допускать.

Сначала хитрили с обеих сторон. Шведы требовали себе обратно Лифляндию и Эстляндию; русские не хотели о том и слышать, а соглашались трактовать только о Финляндии. Остерман умел подружиться с Герцем. Герц, нетерпеливый и погруженный в свои замыслы, открылся ему, что Карл XII на уступку Финляндии и Эстляндии может согласиться, и объявил, каким образом он его к тому может склонить: обольстить его мыслию о союзе с Петром, что сделает его страшным

пуще прежнего. Настоящие требования или желания Карла состояли в том, чтоб от Дании вознаградить свои потери на западе, возведши на польский престол Станислава, все это, разумеется, при содействии царя.

Герц ездил 2 июля к королю и возвратился 9-го. Рейншильд был освобожден. Переговоры шли довольно успешно: шведы спорили только о Выборге.

Во время отлучки Остермана Герц ездил опять к Карлу. Оба возвратились к 1 августа.

Завязались новые переговоры, новые затруднения: шведы требовали Кексгольма, а границу по реке Вокшне. За Штетин также хотели чего-нибудь. Секретарь посольства Штамкен был подкуплен Остерманом. Напоследок Герц на все согласился. 26 августа написан был мирный трактат, и Румянцов повез его на апробацию Петра, а Герц сам поехал к королю.

Вот сей славный трактат:

1, 2, 3 статьи. Быть дружбе и союзу и проч.

4. О границах.

5. Финляндию возвратить Швеции по ратификации через 6 недель.

6 и 7. Из Финляндии России все вывезти, туда завезенное, а в ней ей принадлежащее все оставить.

8. Не собирать с Финляндии более контрибуций.

9. Для вывоза взять шведские подводы.

10. Границы: быть за Выборгом, от *Пителакса* в пяти милях от залива до озера, отколе вытекает Вокса, оттоле мимо Кексгольма (который остается за нами) и Ладожским озером до *старой границы*, через Олонецкий дистрикт до конца оного; оттоле между Белого моря и старой границы: сторона к Белому морю будет наша, а вторая до озера Кола и до границ – шведская.

Русским жителям позволено оставаться или выходить (*приписано Петром*).

11. Ингрия, Эстляндия и Лифляндия, также часть Карелии с городами Ригою, Ревелем и Выборгом уступлены России.

Архивы и документы возвращены будут России.

12. Шведский король всегда может закупать хлеб, пеньку и в год по 100 мачт на 100 000 ефимков.

13. Свобода верослужения обеим сторонам.

14. Привилегии подтверждаются.

15. Конфискованные имения возвращаются законным наследникам.

16. Вольно жителям оставаться или выезжать – срок на 6 месяцев.

17. Учинить каждому суд и правду в долгах.

18 и 19. Устанавливается свободная торговля (*см. приписку Петра*).

20. Этикет морской.

21. Об освобождении пленных.

22. Предоставляется всем державам к сему трактату приступать (приписано к сему Петром).

23. О скорейшей ратификации (хоть в три недели)

Статьи *сепаратные* состояли в следующих пунктах:

1) Поелику король шведский не может и не хочет помириться с королем Августом,

а Петр им весьма недоволен,

а король Август думает сделать престол польский наследственным

(что явно противно правам и вольностям Речи Посполитой),

то – принудить его к отрицанию от престола, а на оный возвести короля Станислава, взяв с него обещание о генеральной <амнистии> и проч. и проч.

Король шведский и русский царь обещают друг другу помогать оружием в сем случае.

2) Царь от союза с Пруссией отлучиться не намерен, но берется помирить королей. *Изъяснено особливым письмом* (приписка царя).

3) Петр обещается помогать королю 20 000-ым войском противу курфирста Брауншвейг-Люнебургского (короля английского). Приписано Петром: *пункт сей, по резону, учинить прежде польского.*

4) Англии и Голландии объявить тотчас о мире, чтоб не было им предлога на море вредить.

5) Хотя царь и принужден отступить от союза с датским королем и особенный мир со шведским заключить, но воевать противу Дании не намерен, предоставляя шведскому королю самому получить желаемое удовлетворение, но и то в единой Норвегии.

Вместо (?) 6-го. О неотдалении русского флота во время морских действий и проч. и проч.

7) О помоге шведу в морских действиях в случае воспрепятствия от других держав.

8) О титулах.

9) Склонить Францию принять на себя гарантию сего трактата.

10) Уверения в дружбе и проч.

Петр утвердил все сии пункты.

Способ к произведению в действо сего трактата был следующим образом постановлен.

1. Шведский король в следующий год идет в Германию, а царь готов ему помогать транспортными судами и восемью военными кораблями, не более.

2. Соединить в Германии *в одно время* вспомогательное 20 000-ое войско со шведской армией.

3. Ганноврское дело кончить сперва.

4. Царь весною вступает в Польшу для введения на престол (мирно) короля Станислава, коли же Август будет тому противиться, то Карл шведский вступит в Саксонию и с русским корпусом, у него находящимся. Стараться, чтоб другие державы в польские дела не мешались; а в том случае действовать обще противу той, которая вступится.

Герц с трактатом, подтвержденным от Петра, вновь отправился в Швецию. Старый фельдмаршал Рейншильд прибыл на Аланд и отпущен 20 октября (смотри в Голикове разговор его с министром, Ч. VI – 214). Рейншильд единомышленно с Герцем желал мира, но барон Миллер, министр шведский и

личный враг Герцу, был мнения противного. Шведы ненавидели Герца и явно называли его предателем, подкупленным царем. Англия, Франция и Саксония старались также ему препятствовать. Миллер утверждал, что уступки, требуемые Англией, менее тягостны, нежели изложенные в трактате, что, помирясь и вступя в союз с царем, король поставит себя в крайне опасное положение, ибо:

1) Австрия, заключив с турками мир, усилилась,

2) что Испания побеждена,

3) что регент (французский) предан Англии,

4) что и царь будет принужден пристать к сильнейшей партии; к тому ж нечего было торопиться, ибо зима наступала. Прежде всего, говорил Миллер, должно условиться в том, чтоб царь обязался помогать Карлу в войне противу датчан и в взятии Стральзунда и Ругена.

Миллер был, конечно, прав, и король, несмотря на свою доверенность к Герцу, настоял, чтоб последний пункт был первый приведен в действо. Герц воротился на конгресс, но Остерман остался тверд в своих требованиях, ибо знал, что Карл и Герц равно желали союза. 12 ноября Герц опять поехал к королю, надеясь через четыре недели воротиться и все кончить, но судьба судила иначе.

Петр прибыл в Петербург (3 сентября), положил основание первой шпалерной фабрики в подражание французским (на Литейной).

В сие время Петр начал Ладожский канал. 19 сентября по указу велено отовсюду собирать работников с 20 дворов по одному, а с *стрельцов* и копейщиков с 7 дворов – по одному; работы начались в апреле 1719 и должны были кончены быть в 1721.

Он замыслил еще два канала (VI – 226).

28-го заложен военный корабль. Со 2 октября по 17-е осматривал Петр работы в окрестностях Петербурга.

Петр подтверждал указ о контрибуции Данцига и повелел Репнину стать на зимние квартиры близ сего города и проч.

Взята шведская шнава о 14 пушках.

Был в С.-Петербурге пожар и тотчас утушен, Петр находился между пожарными офицерами, что и делал обыкновенно.

23 октября издал он указ о строении каменных домов в Москве, о мостовой, о крыше домов черепицею, о печах и проч. в предосторожность от пожаров (под опасением штрафа и галер).

Повелено указом в церкви стоять смирно и не разговаривать.

В ноябре в Киевской и Азовской губерниях и в некоторых городах Малороссии оказалась чума. Гвардии капитан Горохов послан был для учреждения застав.

По свидетельству Вебера, ганноврского резидента, флот наш состоял из <40 кораблей и> 300 галер кроме малых судов. Матросов было – 14 960; пушек – 2106.

В декабре из Персии возвратился Волынский. Он был отправлен туда в 1715 к шаху Гусейну с предложением помоги противу бунтовщика Мирвейса (?) и для заключения торгового трактата (смотри *описание Каспийского моря* в «Ежемесячных сочинениях», 1763. Ч. 1 – 100).

Волынский был потом губернатором в Астрахани.

Петр наподобие шведских и датских учредил коллегии. Вместо Посольского приказа *Коллегию иностранных дел*, в двух департаментах: внутренний и внешний. *Камер-коллегию* для сборов и доходов государственных. *Юстиц-коллегию*, подчинив оной *Вотчинную коллегию* (Поместный приказ).

Ревизион-коллегию (centrale).

Военную коллегию (вместо Военного приказа), подчинив оной Кригс-комиссариат, Казначейскую, Провиантскую и Артиллерийскую *конторы*.

Адмиралтейскую коллегию, при оной 14 контор (см. VI – 234).

Коммерц-коллегию (часть оной потом отделена и составлен главный магистрат). Подчинены ей таможни.

Для ведения государственных расходов – *Статс-контору, Берг-коллегию и Мануфактур-коллегию* (отделена от

оной потом артиллерийская *канцелярия*). Подчинен оной *Монетный департамент*.

В коллегии определены президенты, вице-президенты, советники, асессоры и проч. и проч. (VI – 236) – в трех первых и другие разные чины (?).

Президенты сии были:

В *Иностранной* – канцлер граф Головкин.

В *Военной* – Меншиков и Вейде.

В *Адмиралтейской* – граф Апраксин.

В *Камер-коллегии* – князь Дмитрий Михайлович Голицын.

В *Берг-коллегии* – Брюс и проч. (?).

Петр повелел, однако, не прежде начать новое коллегиальное управление, как с 1720, а до той поры управлять *губернаторам с товарищи* по-старому.

22 декабря Петр издал указ о небитии челом самому государю, объявляя учреждение надворных судов и порядок апелляционный; поистине сей указ трогателен, хотя и с примесью обыкновенной жестокости (которая выражалась более принятою формулой, чем в настоящем деле).

В декабре учреждены везде высшие и нижние надворные суды (состоялись 9 генваря 1719), подчиненные Юстиц-коллегии.

(Смотри NB. VI – 243; записка Петра.)

9 декабря обезглавлены приговоренные к колесованию: Авраам Лопухин, Пустынный (духовник Евдокии), Ив. Афанасьев, Федор Дубровский и гофмейстер царевича Воронов, и четыре слуги; другие (?) наказаны кнутом; киевский архиерей на дороге в Петербург отравился. Князь Василий Владимирович Долгорукий, царевич Сибирский, князь Львов и Семен Нарышкин сосланы в заточение; девка царевича объявлена невинной.

Через час после сей казни Петр явился в Сенат и объявил новую следственную комиссию над беспорядками и злоупотреблениями властей по донесению фискалов.

К суду сему позваны Меншиков, граф Апраксин с братом, кн. Яков Долгорукий и многие другие.

Но из числа сего пострадал один только знатный: кн. Матвей Петрович Гагарин. Он лишился имения и жизни. Кн. Яков Долгорукий оправдался один. Обрадованный Петр его расцеловал.

Купец Милютин учредил в Петербурге ленточную и позументную фабрику (в Калинкиной слободе у Фонтанки и проч.).

Анекдот о Борисе Шабликине. VI – 253.

В 1717 из Амстердама подрядил Петр, между прочим, плотинного мастера и послал его к калужскому купцу Гончарову, заведшему по его воле полотняную и бумажную фабрику. Петр писал Гончарову. VI – 255.

К Бестужеву Петр писал заплатить из курляндских доходов 6575 ефимков за выписанные для его племянницы вещи и уборы (см. и другие письма Петра там же).

Карл, полагаясь на Герца и не опасаясь Петра по причине зимы, пошел противу датчан в Норвегию и в ноябре осадил Фридерихсгаль.

Там 30 ноября (11 декабря) вечером в траншее убит был картечью Карл XII на 37 году своей жизни (см. «Histoire de Charles XII». Voltaire[39)]).

Петр оплакал его кончину.

Герц в Стокгольме был арестован прежде нежели узнал о смерти короля; он был казнен, приказав написать на своем гробе: Mors Regis, fides in Regem, mors mea[40)]. С ним рушились его замыслы. Проект Аландского мира был обнародован. Август и король английский вознегодовали на Петра. Они обратились к Австрии. Петр смотрел на все спокойно и занимался внутренним устройством государства.

Вместо набора работников для Ладожского канала (см. выше) повелел он собрать по 70 коп. с двора к марту 1719.

Повелел кликать охотников для сих работ и проч. и подрядчиков и проч.

Невский проспект открыт и пошлина учреждена: с верхового 3 коп., с телеги – 5, с двух лошадей – 10, с четверки – 20, с цуга – 30.

1719[41)]

Скончался царевич и наследник Петр Петрович: смерть сия сломила наконец железную душу Петра.

1-го июля Петр занемог (с похмелья?).

...Указ весьма благоразумный, с малой примесью самовластия и с тою вольною системою, коей ознаменовано последнее время царствования Петра.

1721

Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом.* Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика.

NB. (Это внести в *Историю Петра,* обдумав.)

По учреждении синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников – графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх».

В Синоде и Сенате объявил себя президентом.

Сенат и Синод подносят ему титул: Отца Отечества, Всероссийского Императора и Петра Великого. *Петр недолго церемонился и принял их.*

Сенат (т. е. восемь стариков) прокричал три раза *vivat*. Петр отвечал речью *гораздо более* приличной и рассудительной, *чем это все торжество.*

Указ о возвращении родителям деревень и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам.

NB. Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой.

1722

Петр был гневен. Несмотря на все его указы, дворяне не явились на смотр в декабре. Он 11 января издал указ, превосходящий варварством все прежние, в нем подтверждал он свое повеление и изобретает новые штрафы. *Нетчики* поставлены *вне закона.*

19-го января учреждена в Москве полиция; дан указ обер-полицмейстеру (кому?).

Дан срок на исправление несостоятельным казенным должникам, потерпевшим по торговле (*как то учинено для иностранцев*).

С мордвы и черемис брать рекрут наравне с русскими, а с татар брать малолетних, из коих $^1/_3$ в денщики.

24 января издана *табель о рангах (оную изучить)*. NB NB.

28-го было третье торжество.

(NB. Мнение Петра о царе Иване Васильевиче по случаю иллюминации герцога Holstein.)

27 (или 29) января Петр создал должность генерал-прокурора (*изучить*). NB.

5 февраля Петр издал манифест и указ о праве наследства, т. е. уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца.

По его воле напечатана была книга: «Правда воли монаршей в определении наследника державе своей».

Петр поехал на железные заводы купца Вернера Миллера, на коих открылись минеральные воды в 90 верстах от Москвы в Истии по калужской дороге. Там он вытянул 18 пудов железа и взял за них 18 алтын.

Петр определил посланником во Францию князя Александра Куракина, в Испанию – князя Сергея Дмитриевича Голицына, к прусскому <двору> – графа Головкина (меньшого сына канцлера).

Герцога Holstein Петр обласкал и, обещав ему свою дочь (но повременив, ибо дела его были еще неблагонадежны), отпустил его из Москвы.

Петр учредил герольдмейстера при Сенате, дав ему (5 февраля) инструкцию (кто был сей?).

Должен он был иметь списки дворянству прежнему и новому; стараться об изучении дворян, особенно экономии (?), и для того, в ожидании Академий, иметь школу, etc.

Петр повелел принимать иностранных офицеров с понижением чина против российских etc.

Учрежден при Сенате генерал-рекет-мейстер для порядку подавания прошений. См. *наказ оному:*

Учреждены смотрители над лесами. Дана инструкция. Штраф за дуб 15, за прочее дерево 10 р. – также кнут, ноздри etc.

Петр повелел из монастырей прислать в Синод рукописи хроник, обещав подлинники возвратить.

Беглым за вины или *иначе* Петр даровал прощение как внутри государства, так и за границами оного.

Повелел осмотреть рекрутские недоимки и половину оных простить.

Положено одному Сенатору ежегодно объезжать губернии, взяв из каждой коллегии по члену.

Указ о дураках и дурах (фамильных): в брак не вступать, к наследсту не допускать, у женатых уже не отымать (6 декабря).

Повелевает быть всегда зерцалу (т. е. указу, наклеенному на доске, *которая, яко зеркало* etc.).

Повелевает по всем приказам не задерживать колодников и для правежа доимки учреждает особый стол в Ревизион-коллегии.

О побеге колодников по потворству подьячих издан указ – жестокий.

Должников на правеже не бить и не задерживать, а отсылать на галеру.

Ссылаемых повелел посылать прямо на серебряные заводы в Дауры.

Повелевает полосное железо клеймить тремя пробами сверх заводского клейма.

Должность прокурора (см. VIII – 124).

Дела шкиперов во всех судах решить первые, под штрафом цены судна и товаров etc.

О бродягах и нищих etc.

27 апреля Петр во всех цехах учредил старшин алдерманов, *без клейма коих* ничего не продавать, etc. Они же подчинены магистрату.

Для мелочного дела (не свыше 15 руб.) судить велено губернаторам, воеводам etc.

Указ о возвращении владельцам беглых холопьев etc.

О злоупотреблении в продаже казенной соли etc.

Кабацкие сборы отданы на откуп etc.

NB NB. Сборы с судов и подвод велел остановить. Оные были: *на сухом* – с найму подвод 10-ую долю и мостовые (за мосты), *с водяного* – привальное, отвальное, прикольное (?),

пропускное (через мосты, реки и каналы), с потесей и весел и с обоих от свидетельства отписей.

В пользу мелочных продавцов запрещено на фабриках продавать товары *в розницу*.

Главная мысль и занятие Петра была перепись народу и расположение по оной своему войску.

Назначена подушная с посадских и прочих 120 коп.

Для положения в подушный оклад оказалось всего 5 794 928 мужских душ – по 80 копеек. NB NB NB.

Армия была расположена по сим душам.

На пешего солдата – 36 душ без 16 доли.

На конного – $50^1/_2$ д. + 8 доля.

И более никаких подвод, податей и прочего не будет, разве etc. (приписано Петром).

Предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючки своевольства и варварства. См. VIII – 138.

В сии пять миллионов и проч. не включены ямщики, купцы, однодворцы, дворовые, вся Малороссия, завоеванные провинции, иноверческие народы и дворцовые и церковные крестьяне (коих, однако, включили туда после).

Прямая дорога от Петербурга в Москву оказалась менее 600 верст. Оная была начата. Петр ныне издал оный новый указ.

Москву велено мостить каждому хозяину перед своим домом.

Петр разделил власть духовную от светской и под суд последней обратил следующие дела:

О любодействе.

О насилии.

О кровосмешении (*с согласия Синода*).

О похищении ко браку.

О незаконных детях.

О детях от родственников брачных.

О браке детей без согласия родителей.

См. VIII – 145.

Определил над иконами иметь смотрение живописцу Ивану Зарудневу.

О приемлющих иную веру из православной Петр повелел докладывать в Сенат, а решение дела предоставил себе.

За бороду (купцам) положено платить 50 р. и проч. двойной оклад и вышивать на платьях красные и желтые лоскутья.

См. анекдот о раскольнике. VIII – 153.

В апреле дал Неплюеву (нашему резиденту в Константинополе) инструкции, как стараться сохранить мир с Турцией при наступающей войне с Персиею.

Также повелел в случае смерти Августа ехать в Польшу послом кн. Григорию Долгорукову для избрания нового короля etc.

См. инструкцию Иностранной коллегии. VIII – 154.

Примириться с Англией было необходимо.

Петр предположил учинить сие при медиации Австрии и потому Ягужинскому и были отправлены жалобы его – (кому?) – также и прелиминарные пункты: 1) вывести из Мекленбургии ганноврские войска, 2) зундские пошлины таковыми, как *прежде войны* были, учинить.

3) Отдать Веселовских.

4) Помочь герцогу Holstein в его деле (о наследстве).

5) За издержки наши дать вознаграждение.

6) О корабельных английских мастерах.

7) Помогать нам в курляндском деле (весьма тайно).

Мекленбургского принца звал Петр (по возвращении своем) в Ригу.

Сватовство герцога Holstein продолжается.

Жалование, назначенное нашим министрам:

Во Франции	кн. Василию Долгорукову	– 11 000 р.
	кн. Александру Куракину	– 5 500
в Испании	кн. Сергею Голицыну	– 5 500
– Польше	князю Григорию Долгорукову	– 7 000
	князю Сергею Долгорукову	– 4 000

– Пруссии	графу Александру Головкину	– 6 000
	графу Михайле Головкину	– 4 000

(Мая 2).

Князю Кантемиру велено ехать с царем и взять с собою *азиатскую* типографию.

Вместо Поместного приказа (коим он очень был недоволен) учредил Петр *Вотчинную коллегию* и назначил президентом *Сухотина.*

Мануфактур-коллегию отделил от Берг-коллегии, назнача президентом Новосильцова.

Петр прибыл в Сенат и представил ему своего генерал-прокурора Павла Ивановича *Ягужинского*, потом повелел Апраксину ехать с ним в поход и

15 мая, отслушав молебен в Успенском соборе, отправился на москворецком струге при пушечной пальбе etc.

17 мая в Коломне решил дело между Меншиковым и Скоропадским.

В Нижнем Новгороде Потемкин (интендант) донес, что насады готовы. Петр их осмотрел, велел некоторые исправить, обедал у барона (NB) Строганова; на другой день у губернатора, осмотрел суда и, нашед их все староманерными, издал опять о том указ (30 мая).

Учреждена в Нижнем-Новгороде верфь, на Волге велено строить морские суда.

Петр отправился в Казань.

Здесь осмотрел он леса и учредил казанского виц-губернатора главным над оными.

В Казани принял он Евреинова и Лужина, возвратившихся из Камчатки и с Курильских островов, осмотрел их карты etc.

8 июня отправился в путь. Осмотрел развалины булгарские.

В Саратове явился к Петру 80-летний Аюк, хан калмыцкий.

Петр обласкал его и старую ханшу. Подарил ему часы, парчу etc., а у него попросил несколько тысяч калмыков в поход свой.

Напечатал манифест на персидском и татарском языке (VIII – 188).

15 июня Петр прибыл в Астрахань, и там оный манифест обнародован.

Петр повелел поправить болгарские развалины.

Писал Кудрявцеву о лесах.

Дозволил фабрикантам покупать *дубовый* лес.

За необорону бурлаков на Волге, а ямщиков на путях – чинить суд по указам.

О отставных офицерах (кроющих свои чины и называющихся просто дворянами) строгий указ.

Приказал переписать всех подьячих, старых и молодых.

Подтверждено о перспективной дороге от Волхова до Москвы etc.

По смерти Скоропадского учреждается вместо гетмана Малороссийская коллегия. – 20 июля. См. Бантыша-Каменского.

ДЕЛА ПЕРСИДСКИЕ

Гусейн-шах в то время тиранствовал, преданный своим евнухам, изнеможенный вином и харемом. Бунты кипели около него. В поминутных мятежах истребился род Софиев.

На отдаленных границах Персии, близ Индии, кочевал дикий и воинственный народ: афганцы, происшедшие из Ширвана, близ Каспийского моря. Тамерлан (ум. 1405) поселил их в царстве Кандагарском; Мирвейс, происшедший из их рода, умел при дворе шаха снискать его доверенность, и он был назначен главным начальником над своими единоплеменниками во время наместничества Мансур-хана. Грузинец Джюрджи-хан, заступивший место Мансура, отрешил Мирвейса от команды. Мирвейс бежал в Испагань и там при покровительстве евнуха Ахмуд-аги Хадце (государственного казначея) получил вновь начальство над афганцами. Джюрджи-хан долго противился, но принужден был уступить. Мирвейс притворно с ним помирился. Несколько времени после Мирвейс возмутился, убил Джюрджи-хана,

истребил всех персиян, находившихся в Афганской земле, и объявил себя кандагарским ханом.

Шах посылал противу мятежника свои войска. Они были разбиты, и Мирвейс умер в 1717 г., быв спокойным властителем похищенной области.

Мир-Махмуд, сын его, ему наследовал. В 1720 году он с 15 000 афганцев вторгнулся в Персию и, вскоре умножа свое войско 50 000, пошел прямо на Испагань.

Испуганный шах отправил к Петру трех посланников, одного за другим. Он послал Махмуд-бека к шамхалу и Усмею (?) с деньгами и подарками, требуя немедленной помощи. Войска их были собраны и поручены начальству Сурхая, казикумыцкого хана.

В Дербенте содержался тогда под стражею Дауд-бек. Он убежал, под видом службы набрал до 1000 человек войска и, нагнав Сурхая в Ширване, предложил ему свое товарищество в бунте и грабеже. Сурхай, старый его знакомец, с охотою согласился. Оба обнародовали, что они Богом посланы для избавления правоверных от ига. Племена, подвластные шаху, возмутились. Дауд-бек и Сурхай разграбили Ширванскую область и Кубу и осадили Шемаху, которую взяли, шемахийского хана убили, также всех индийских, персидских и русских купцов (последних 300 человек).

Весною 1722 Мир-Махмуд осадил Испагань.

У шаха были 3 сына и дочь. Старший – Мирза-Зефи был его любимец. Шах взял его из харема и сделал его своим наместником. Евнухи, опасаясь деятельности и властолюбия молодого человека, нашли способ его низвергнуть. Мирза-Зефи по повелению отца был заключен в темницу и ослеплен. Наследником избран второй сын, Тахмасиб (или Тахмас). Он успел с 500 воинов пробиться сквозь афганцев, осаждающих Испагань, и поспешил (*в марте*) в окрестных областях набрать войско для освобождения столицы.

Тогда-то Петр прибыл в Астрахань. Устрашенные мятежники Дауд-бек и Сурхай искали покровительства Порты, обещая ему[42)] за то области, близ Каспийского моря лежащие

(*Наставление Петра гвардии подпоручику Толстому, посланному им к Вахтангу, царю грузинскому*). Сие-то предложение и понудило Петра спешить и ускорить поход целым годом.

25 июня Петр писал к Семену Аврамову, консулу в Испагани, чтоб он с шахом вступил в переговоры и предложил ему помощь с тем, чтоб близкаспийские области были ему уступлены.

2 июля отправлен в Грузию князь Борис Туркестанов, предписывая Вахтангу:

Напасть на лезгинцев в их земле и дать о том нам знать в Астрахань, к Теркам, или Дербенту, где будем, и ждать приказа, куда быть.

Когда пойдет на соединение, то бы заказал под смертною казнию не грабить, не разорять, не обижать etc., etc. (политика тамошних войн. См. действия Паскевича в Армении, Турции etc.). Хлеб и скот брать не иначе, как через комиссаров etc.

Коннице Петр повелел идти из Царицына *горами*, под начальством генерал-майора Кропотова.

5 июля дан ему собственноручно указ о сбережении здоровья солдат сообразно климату.

Число судов было 274 (3 шнавы, 2 больших бота, 1 гукор etc.). На флот посажено регулярной пехоты 22 000 и 5000 матросов. Сухим путем отправлено: драгун 9000, казаков донских и малороссийских 20 000, татар 30 000 (?), калмыков 20 000 (?). Голиков замечает, что калмыки в походе не были, но соединились с нами в числе 40 000 уже в сентябре, на обратном пути, при реке Сулак.

17 июля велено выступить в море. См. VIII – 210.

Волынский, Кантемир, Апраксин, кабинет-секретарь Макаров поехали с Петром. Капитан 1-го ранга Гослер и Вильбуа остались в Астрахани с провиантом.

Петр в сие же время писал в Сенат о фабричных учениках etc., о староманирных судах (*с скобками*) (грозный). Демидову (Никите) о железных трубах для Петергофа etc.

18-го июля Апраксин поднял генерал-адмиральский флаг (в первый еще раз) при пушечной пальбе etc. Петр приехал его поздравить. Апраксин плакал... За сим пошли в путь.

20 июля был на море совет. Положено: 1) если буря разнесет корабли, то соединиться при устье реки *Терки* (NB), 2) Петру командовать авангардом, малым и островским судам следовать за ним, вдоль берега, 3) фон Вердену с ластовыми судами идти к острову Чекеню – до указа, 4) Кантемиру и Толстому ехать вдоль берегов.

21-го на якорях при острове Четыре-Бугра Петр получил от терского коменданта письмо шамхала Абдул-гирея (о подданстве). Петр послал кабинет-курьера Чеботаева в Гилянь для разведования etc. В Ряще находился консул Семен Аврамов.

Смотри о шамхале VIII – 217.

23-го Петр прибыл к устью реки Терки.

24-го послан к шамхалу поручик гвардии Лопухин с манифестами в Дербент, Шемаху и Баку.

Петр ездил в город Терки (худо расположенный).

Он думал высадить войско на Агра-Ханский мыс. Соймонов осмотрел оный.

27 июля (день Гангутской баталии) Петр осмотрел берег, избранный Соймоновым для лагеря.

28-го войско вступило в укрепленный лагерь, названный Агра-Ханским ретраншементом.

Тут простояли неделю. Петр окупал весь генералитет.

Жители деревни Эндери (Андреевской) напали на передовое наше войско (конное), отправленное из Астрахани под начальством бригадира Ветерани 23 июля. Неприятель в числе 5000 встретил русских в ущелии и убил 70 драгун и ранил более. Ветерани и полковник Наумов, однако, их отразили, деревню взяли и сожгли, 300 человек положили etc.

Ветерани прибыл в лагерь с лошадьми, отправленными из Астрахани, и мы вновь приготовились к походу.

Петр послал Соймонова отыскивать броду в реке Сулак (20 верст от лагеря), но дно было илистое.

Петр указал переправляться на камышовых плотах. Меж тем островские лодки были оставлены у острова в Аграханском заливе. См. VIII – 232.

В лагере оставлены больные и 200 солдат гарнизону и 1000 казаков под начальством подполковника Маслова, и 5 августа Петр пошел к Дербенту, повелев Соймонову идти с судами, оставленными в заливе, к острову *Чеченю* и, соединясь с фон Верденом, идти к Дербенту.

6-го августа армия начала переправляться через Сулак (6-го и 7-го).

В сие время Петр послал Сенату указ о строении крестьянских изб и дворов во избежание пожаров etc., а фискалам доносить в Вотчинную коллегию. NB.

Султан (?) Махмуд из Аксая и шамхал из *Тарху* прислали послов к государю, который их и принял на берегу Сулака. Первый прислал 6 персидских лошадей и 100 быков, а второй 600 быков с телегами и 150 на пищу и трех персидских аргамаков с богатой сбруей.

Петр подтвердил их права; а шамхалу дал 12 солдат и одного унтер-офицера с барабанщиком («Ежемесячные сочинения», 1760, Ч. II – 38).

11 августа Петр с передовым войском пошел в поход, остальное осталось дожидаться Кропотова и провианта.

12 августа шамхал встретил Петра за пять верст от Тарху. Здесь Петр остановился лагерем, через три дня собралась армия. Петр обедал у шамхала etc.

В лагерь явились депутаты от наиба, дербентского наместника, с приветствиями и просьбами о покровительстве.

Петр послал к наибу полковника Наумова с 12-ю казаками. К Дербенту в то же время прибыл фон Верден, и русские расставили в городе свои караулы.

16-го августа армия выступила из Тарху.

18-го прибыл Петр на границу утемиш и хайтаков. Султан (*утемишский*) Махмуд велел изрубить посланного к нему есаула и трех казаков. У него было до 10 000 своих и 6000 усмевских (Хайтацкого султана).

Они вышли было противу нас, но бежали тотчас и преследуемы были 20 верст до самого Утемиша, которое взяли и сожгли, также и шесть других местечек. 1000 <человек>

убито, 7000 быков, 4000 баранов взято – пленники казнены смертью. Издан татарский манифест.

21-го армия снова пошла в поход. Переход был труден. Жар, вихрь и пыль были несносны. Петр весь день был верхом. См. Беля, III – 171.

Петр обрезал свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле.

Жители из Баку прислали Петру депутатов.

Наиб встретил Петра за версту от Дербента и подал ему ключ от города и произнес очень умную речь. Дербент был обнадежен, лавки открыты, и жители с русскими обходились, как со своими.

Пехота стала лагерем близ моря, а конница при реке Милукенте за пять верст от устья. Фон Верден стал при устье той же реки, ибо рейда была небезопасна от ветров.

В Дербенте, между прочим, взято 230 пушек.

Петр укрепил город двумя крепостцами при Милукенте и Артабугаме.

Наиб сделан генерал-майором и командиром персидской ланд-милиции.

30-го Петр известил обо всем Сенат. (См. VIII – 248.)

Петр, узнав о покушении Августа сделать корону польскую наследственною, предписывает Сенату всячески тому препятствовать и князя Сергея Долгорукова отправляет послом и дает ему *кредитив.*

Старый шах был в осаде, сын его скрывался в отдаленных провинциях от преследования Мир-Махмуда. Шемаха была в руках Дауд-бека и Сурхая.

Петр отправил с войском на шнаве поручика Лунина в Баку с манифестом к начальнику города.

Петр в Дербенте повелел послать в Венгрию за винодельцем и смотреть за разведением шафрана, также заботился он и об овечьей шерсти и разведении стад.

Петр на устье Куры думал построить торговый главный город, центр азиатской торговли.

Дербентский округ занят был русским войском, также и Мушкура, богатая и хлебородная страна, разоренная бунтовщиками.

Лунин возвратился. Начальники Баку его не приняли, говоря, что от бунтовщиков обороняться могут сами, а провианта и гарнизона не примут.

Петр для похода в разные стороны приказал печь хлебы и сухари. Провиант с ластовых судов, стоящих при устье Милукенти, начали выгружать.

Вдруг сделалась буря. Суда стали течь. Отрубили якори, дабы сесть на мель; все 13 судов посажены были на мель в течение двух часов. Мука промокла вся. Суда разломали на дрова для хлебопечения. Из Астрахани ждали провианта на 30 судах. Петр послал о них наведаться к Низобату (10 миль от Дербента). Их не было видно. Тогда получено известие от капитана Вильбуа, что прибыл он в Аграханский залив, но что испорченные суда далее идти не могут.

Хлеба оказалось только на один месяц. Собран был совет. Положили, оставя гарнизон в Дербенте, возвратиться в Астрахань.

Итак, план Петра овладеть Бакою, заложить город при устье Куры, идти к Тифлису по сей реке, возобновить в Грузии христианство и утвердить Вахтанга в союзе и оттуда идти на Терки – не состоялся!

Капитан-лейтенант Бернард, а вслед за ним лейтенант Соймонов посланы к Вильбуа с приказанием в море уж не пускаться, или, коли он уже вышел, то возвратиться к ретраншементу. Но Вильбоу (или Вильбуа) пустился в море и у конца Аграханского мыса потерпел бурю и сел на мель. В сем положении нашли его Бернард и Соймонов; к счастию, провианту еще было достаточно для возвратного похода и для гарнизонов.

В начале сентября Петр выступил из Дербента, оставя гарнизон под начальством Юнгера (полковника).

20 сентября прибыл Петр с армией к Сулаку. Там заложил он новый город на месте, где Аграхань от Сулака от-

деляется, в 20 верстах от ее устья. Город назван крепостью Св. Креста (от имени древнего оной земли – Ставрополь или татарского – *Хучь*).

В сие время прибыли к Петру 40 000 калмыков, высланных старым их ханом. Петр повелел Краснощекову, донскому наказному атаману, с ними и с 1000 казаками разорить Утемышскую и Хайтацкую область.

25-го Краснощеков выступил в поход etc.

Петр осмотрел минеральные терские воды, освидетельствованные доктором Шобером. Возвратясь, Петр повелел в крепость Св. Креста перевести гарнизон и жителей терских и поселенных близ него черкес Нижней Кабарды (Ахочинская слобода, 300 семей – старшина Эльмирза, брат Бековича).

Петр повелел переселить туда же 1000 семей донских казаков (сии казаки названы *семейными*, их селенья Кузминка, Каменка, Прорва).

Петр послал гвардии поручика Ивана Толстова к Вахтангу с грамотой.

Грузинский царь получил от арзрумского паши предложение признать турецкое владычество. Петр опасался, чтоб шах в надежде на помощь не уступил бы им Грузию. Петр через Вахтанга предлагал персидскому шаху то, что уже мы видели, а Грузию старался склонить под свое владычество. Таковое же письмо было послано и к армянскому патриарху Исаию (на Эчмиадзин?).

26-го сентября Петр выступил далее к ретраншементу, оставя в крепости полковника Леонтия Соймонова с пехотой и казаками, с повелением строить оную по данному плану. Крепость окончена была генерал-майором Кропотовым.

4000 под начальством бригадира князя Барятинского пошли вперед.

См. письмо к Апраксину – VIII – 274.

Петр в Аграханском ретраншементе занялся исправлением оного. Апраксин между тем прибыл туда же. Петр, оставя его, сел на бот и 4 октября прибыл в Астрахань.

Апраксин и граф Толстой отправились через 3 дня и претерпели бурю, но все суда прибыли в Астрахань благополучно.

Петр занемог и несколько дней не выходил из своей комнаты.

Петр, слыша о болезни Августа, писал к графу Головкину заблаговременно думать о избрании короля. Август пережил Петра. Но кто *персона*, предлагаемая Петром в преемники польского престола? (16 октября).

17 октября писал ему же. «Писали сюда *Авраам Арап*, Гаврило Резанов и Степан Коровин, что они по указу в свое отечество ехать готовы, токмо имеют на себе долгу каждый ефимков по 200, да сверх того им всем вообще надобно на проезд триста ефимков» etc. VIII – 278.

Генерал-майор де Геннин донес, что на реке Исети медные и стальные заводы строятся, также и Екатеринбург. *Там же.*

Подтвержден указ об инвалидах, увечных и престарелых etc.

Из Астрахани Петр послал двух венгерских винодельцев в Дербент.

Краснощеков возвратился из своего похода к Аграхани 30 сентября, разорив и разграбя владения Усмея и Махмуда.

20 октября Петр отправил в Казань гвардии майора Румянцова для заготовления новых *морских* судов для будущей кампании, а майора гвардии Юсупова в Нижний-Новгород с таковою ж порукою – каждому велено изготовить 15 гекботов и весною отправить в Астрахань.

Осматривая учуги, Петр получил от консула Аврамова из Гилани донесение и письмо *визиря* (?), в коем жители приглашали русских к себе на помощь.

Петр на другой день имел на учуге совет с Апраксиным и с Толстым и положено в ту же осень послать в Гилань войско.

В Астрахани Петр приказал Соймонову (капитан-лейтенанту) и корабельному мастеру Пальчикову осмотреть суда для перевоза войска в Гилань. Мало нашлось их годных. Петр назначил два только батальона пехоты, с полковником

Шиповым. Петр повелел генерал-майору Матюшкину, князю Юрию Трубецкому, Дмитриеву-Мамонову и бригадиру Левашеву и князю Барятинскому неусыпно смотреть за исправлением судов etc.

26 октября Петр повелел Казанской и Нижегородской канцелярии выслать осенью *торговые* суда, нагрузя чем ни попало: товарами, лесами etc.

Старомодные суда велел *заорлить* (заклеймить) etc.

На реке Куре для торговли Тифлиса с Каспийским морем Петр предполагает с Соймоновым заложить торговый город etc. VIII – 289.

См. разговоры <Петра> etc. о Гилани с Банианом Абдураном. *VIII* – 289 *и примеч.*

Петр думал развести шелк и в Терской области (казаки терские обработывали оный).

Шипов, получая инструкцию Петра, спросил, довольно ли двух батальонов? Петр отвечал: «*Стенька Разин с 500 казаков их не боялся (персиян), а у тебя два батальона регулярного войска*».

6-го ноября Шипов и Соймонов отправились в поход в присутствии царя.

27 октября Петр повелел, по старанию архиепископа Питирима (нижегородского), раскольников нижегородских, посланных в Сибирь, поворотить на работу в Рогервик.

В Стокгольм поехали наши мужички с орехами, деревянными ложками etc. Шведы смеялись. Бестужев (наш резидент) писал о том графу Толстому. Петр повелел их не пускать, «а ежели нарочитые купцы с товаром своим повезут и таковой, то дозволить».

Изданы указы о вывозе юфти в Шлезию etc.

Меж тем сын шаха, Тахмас, бесполезно скитался в окрестностях Тавриса и Ардевиля.

Еще до осады шах отправил к Петру посланником Измаила-бека с просьбой о помощи и с уверением уступки провинций приморских. Но Измаил-бек замешкался и Петра уже в Дербенте не застал.

Между тем в Испагани оказался голод. Шах (23 октября или ноября) сложил с себя власть и сам явился в лагерь афганцев.

Мир-Махмуд, овладев престолом, посадил шаха в темницу и поспешил заключить союз с Турцией.

С своей стороны Дауд-бек и Сурхай отправили жалобы свои на Петра в Турцию же, требуя защиты и предлагая Порте Ширван.

Муфти и крымский хан желали войны с Россиею, и Порта думала воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Великий визирь желал мира. Отправлен послом к Петру Махмет-паша. Он прибыл в Астрахань, и Петр с ним объяснился (разумеется, неискренно).

Турки вновь послали к Петру Капиджи-пашу; они требовали, чтоб *Дауд-бек*, уже признанный ими владетелем Ширвана и пожалованный *хвостом*, оставлен был в покое (о Дауд-беке и Сурхае см. VIII – 299 – примеч.).

Петр на то согласился. Австрийский император Карл VI дал знать с своей стороны, что он, в случае войны, вступится за Россию, что и успокоило Порту.

Но меж тем русское войско отправлено для занятия Ряща, и приуготовления военные продолжались.

Вахтанг был согласен на все; он послал к шаху предложения Петра. Но уже было поздно.

Петр присутствовал в Астраханской канцелярии; сделал распоряжения касательно Св. Креста, а заселение оной крепости предписал Матюшкину, <приказав ему затем>, дождавшись 15 гекбогов, с 4 полками идти в море и взять Баку. Гр. Толстого оставил в Астрахани для решения азиатских дел, не терпящих замедления. Надо всем поручил главное наблюдение Апраксину и 13 декабря выехал водою из Астрахани с императрицею. Не доезжая до Царицына 113 верст, Петр поехал сухим путем. Волга стала 15-го. 20-го Петр прибыл в Царицын.

Петр повелел Житкову (?) населить тот край малороссиянами etc.

Шипов и Соймонов, претерпев бурю, прибыли в залив *Зинзили* и стали в виду Ряща, куда Шипов тотчас послал известить о своем прибытии *визиря* и Аврамова. Переводчик Петричи явился от сего последнего к Шипову с объявлением о после низверженного хана. Измаил-бек ездил к молодому Тахмасу (или Тахмасибу) и, уведомя его об участи отца, взял от него уполномочение, и прибыл с оным в Рящ.

Визирь не хотел принять русских и отказал капитану Языкову лошадей для перевоза тяжестей. Шипов поспешил к реке *Перибазар* предупредить визиря и там укрепился.

Однако ж Аврамов успел визиря уговорить. Он приехал к Шипову, принял императорский указ, поцеловал оный и впустил русских в Рящ.

Шипов известил терского коменданта о занятии Ряща, и Волынский донес о том государю.

Рящинский визирь помышлял сделаться самовластным и независимым. Он боялся сношений Тахмаса с Петром и всячески задерживал Измаил-бека, надеясь заставить шаха переменить мысли свои. Аврамов это проник, и Шипов предложил послу перебраться на судно и ехать в Астрахань.

Визирь ожидал уже от шаха повеления послу остаться. Аврамов поехал на встречу курьера, дождался его и задержал, сколько нужно было времени. А Соймонов между тем выпроводил посла под предлогом счастливого положения звезд; и Измаил поехал в начале января 1723 года, и визирь получил указ шаха уже поздно.

Петр приготовил полицмейстерскую инструкцию.

Приготовлены были триумфальные врата с хвастливой надписью.

18-го декабря Петр въехал торжественно в Серпуховские ворота.

В триумфальных вратах встретил Петра Синод, а Феофан произнес речь (VIII – 314).

В отсутствие Петра издано 56 указов в Сенате, Синоде и коллегиях.

Об искоренении фальшивых денег.

О затворении кабаков во время крестных ходов.

О переписи великорослых для Военной коллегии.

О позволении русским купцам записываться в нарвские.

Подтверждение брить бороду, кои подстригают – считать *за бородачей* (брать с оных оброк).

Обер-комендант с.-петербургский Бахмотов завел при гарнизонах школы для солдатских детей.

Примечание к Голикову (ч. VIII, с. 281).

Припадок – accident[43)].

(Петр I в донесении Сенату в октябре 1722 г.)

1723

Петр застал дела в беспорядке. Он предал суду между прочих князя Меншикова и Шафирова; последний обвинен и осужден на лишение чинов, имения и жизни.

Что было их преступление? Одна ли непослушность и высокомерие? Должно исследовать. А за то, что Шафиров при всем Сенате разругал по-матерну обер-прокурора Скорнякова-Писарева (31 октября 1722), кажется, на смерть осудить нельзя.

Обвиняли его в том, что брата своего произвел он в чин и дал ему жалование без указу государя, что не записывал всех своих определений в протокол, что, будучи главным управителем почт, установил прибавочные деньги на письма etc., но все это в то время было бы еще весьма неважно. То ли делал Апраксин!

Он был помилован уже на плахе и сослан в Сибирь со всем семейством.

У Меншикова отняли деревни, приписанные к гор. Почепу, коим он владел уж 11 лет (дело сие было решено Петром в его пользу; Шафиров возобновил его, несмотря на то).

Шафирова Петр неоднократно увещевал и наказывал келейно; что случалось со всеми его сподвижниками, кроме Шереметева и, может быть, князя Якова Долгорукого.

Меншиков писал московскому обер-полицмейстеру указ строить впредь деревянные дома на каменном фундаменте. Сенат, напротив, остановил оный указ (яко противный царским указам?), см. 5 октября 1722 г.

Петр дал инспектору Потемкину инструкцию о судах (см. *VIII – 332*), изъяснение, в чем состояли староманирные суда *со скобками*.

Петр рассмотрел ревизские сказки, и полки расположены по душам.

Петр смягчил строгость указа об утайке душ: вместо 100 р. штрафа – положено 10 р. Генерал-майор Чернышев донес, что некоторые из посланных от воевод, также и земские управители сами велели утаивать и брали взятки. Петр определил таковых смертью казнить.

Синоду дан указ впредь никого не постригать, а на убылые места ставить старых отставных солдат.

Подтвердил указ 1701 *о нежитье* вместе с монахами дьячкам и мирянам, о недержании в келиях чернил и бумаги без дозволения настоятеля. См. *указ*.

В полки указом ставить попов ученых.

В церковь своих икон из дому не носить.

Не целовать икон и мощей во время службы и штрафу брать в церкви же по одному рублю.

Архиереям и прочим в церкви челобитен не принимать и приказных к себе не допускать, кроме как в делах государственных (в бунте и измене?).

Петр запретил делать гроба из выдолбленных дерев, дубу и сосны (из экономии), а из досок указанной меры. Еловые, березовые и ольховые позволено и долбить.

9 февраля указ о том, что коли на новую надобность денег не случится, то разлагать сумму на всех чинов, по мере жалования (кроме иностранных), но обще, *а не вырывом*, и о том для генерального вычету посылать указ из Сената.

В сей год был неурожай и вышеприведенный указ возымел свое действие.

Смотри Сенатский указ *в апреле* и перемены, сделанные в оном Петром.

См. другой государев указ об описке чужого хлеба – *в неурожай* (опять тиранство нестерпимое).

Петр учредил в Военной коллегии всем генералам, по очереди, присутствовать; а президентам переменяться каждые пять лет.

Прибавление к табели о рангах.

Петр строение головинского (купленного у детей покойного Федора Алексеевича Головина) дворца *с огородом* поручил доктору Бидлоу.

23 февраля Петр отправился в Петербург, повелев Сенату следовать за ним немедленно.

Между тем в Реште визирь тайно приготовлялся выжить русских. Ежедневно входили в город вооруженные персияне. Визири кескерский и астарийский прибыли туда. Собралось до 15 тыс. Рештский визирь послал сказать Шипову, чтоб он отваливал. Шипов, взявший свои предосторожности, отвечал, что того не может учинить.

Соймонов готовился ехать на Куру для осмотрения места города предполагаемого. Визирь надеялся, что артиллерия нагружена будет на его суда. Он притворился довольным и успокоенным, но продолжал коварствовать и старался укрепить пролив Зинзили.

В марте Соймонов пошел в море. Персияне узнали, что артиллерия оставлена на берегу и что для защиты гавани осталось три суда. Они возобновили свои требования. Шипов упорствовал. Ему угрожали. Он остался тверд.

Персияне решились напасть на русских. Они открыли огонь из четырех пушек по караван-сараю, 5000 атаковали три суда, на коих находились капитан-лейтенант Золотарев с 100 человеками. Золотарев отразил их в $^1/_4$ часа.

Шипов дождался ночи. И, отрядив капитана Шиллинга с одной ротой гренадер с повелением обойти персиян и напасть на задние ворота, сам пошел в передние с двумя рота-

ми. Персияне бежали и усмирились. Из Астрахани пришло прибавочное войско.

Соймонов осмотрел западный берег Куры и назначил место для города.

Капиджи-паша и Дауд-бек возмутили Турцию. Муфти и прочие настаивали, чтоб быть войне. Верховный визирь все еще противился; положено послать еще спросить у Петра его решительный ответ и требовать очищения Дербента и прочих городов. Франция, имея нужду в Турции касательно Австрии, сильно старалась о соблюдении мира. Кампредон и маркиз де Бонак, согласно с Неплюевым, действовали при Порте. Простодушные турки успокоились. Но вдруг разнесся слух, что 4000 русских дошли уже до Тифлиса. Ага поехал к Петру и в марте прибыл в Петербург с французским курьером, присланным от Кампредона к Бонаку, вместе.

3-го марта Петр приехал в Петербург. Здесь нашел он герцога Holstein и двух гессен-гомбургских принцев и сих принял в свою службу капитанами гвардии, с 6000 руб. жалования.

Как Нева вскрылась, Петр со льдом вместе поехал в Кронштадт и ветшающие корабли разослал в приморские свои города для торговли etc.

Швеция признала Петра императором, а герцогу Holstein дала титул его королевского высочества.

Петр требовал от Дании того же и других пунктов, а для поддержания своих требований велел вооружить 26 кораблей и 40 галер (в Кронштадте).

Петр учредил в Украйне ландмилицкий конный корпус (в полках 10 рот, в роте 150 человек).

Петр занялся Малороссией; облегчил подати etc.

Решил запросы магистрата касательно капиталов, выбывающих из общества купцов, etc.

Петр отправил турецкого посла с тем же прежним ответом, но предписал генералу князю Голицыну, находящемуся в Украйне, расположить свои 70 или 80 тысяч по границам крымским и турецким (при том подробная инструкция).

Указов состоялось множество, касающихся до торговли рыбной, шелковой etc., подтвердительный <о> полицейских <полках> etc., etc.

Апраксин и Толстой прибыли из Астрахани. Петр благодарил Румянцова и Юсупова за суда etc. (30 апреля).

Матюшкину Петр повелел ехать в Баку, кой час суда прибудут.

Герцог Вейсенфельский назначен был женихом Анне Иоанновне. Петр писал Петру Михайловичу Бестужеву в Митаву, чтоб по смерти Фердинанда (больного в Данциге), избрали бы его, вейсенфельского герцога, а Эртману, генералу-аудитору нашему, по смерти герцога арестовать его имение *по претензии ее высочества* (16 мая).

Петр со флотом поехал до Ревеля (для экзерсиции). Датчане весьма встревожились и вооружились наскоро.

Петр пошел в Балтийское море, оттоле приезжал на время в Петербург, издал указы о новой медной монете, о рубке лесов для гуляния etc.

16-го июля Петр опять на море пишет к де Геннину о Екатеринбургской <крепости> etc.

Матюшкин посадил четыре полка на вновь прибывшие суда, разделив эскадру на три части под начальством 1) своим, 2) генерал-майора князя Трубецкого, 3) князя Барятинского. Артиллерию отдал майору Герберу, судами управляли князь Урусов, Пушкин и Соймонов, и 20 июня вышли из Астрахани, а 6-го июля прибыли в Баку.

Матюшкин послал в город султану приглашение их принять. Ему отказали. Он велел солдатам высесть на берег. Конница персидская вышла было из города, но была прогнана. Город был бомбардирован. 25 июля определен штурм, но не состоялся по причине бури на море (?). Город сдался и 26-го июля был занят. 80 пушек взято. 700 человек гарнизону и начальник их взят в нашу службу.

Матюшкин возвратился в Астрахань, оставя в Баку комендантом князя Барятинского.

Петр 27 июля прибыл в Петербург, куда прибыл и посланник шаха, Измаил-бек (см. VIII – 373), 10-го августа.

10-го же триумф старого Ботика, дедушки русского флота (см. Голикова, Ломоносова, Сумарокова etc.).

14-го дана аудиенция персидскому послу (речь его etc. См. «Ежемесячные сочинения», 1767 г. Ч. I – 387).

15-го Петр писал де Геннину благодарственное письмо. Начались конференции. Наши министры требовали себе провинции, нами уже занятые, также Мезандерана и Астрабата. О Шемахе велено объявить, что она уже под властию турок, и так и ее просили в придачу; за то обещали мы вспоможение и покровительство.

Петр повелел обмежевать Ингерманландию.

Поташ и смольчуг отдать в ведомство Коммерц-коллегии.

О цене хлеба из всех провинций присылать ведомости в Камер-коллегию понедельно и помесячно.

12-го заключен с Персиею трактат.

Дагестан, Ширван, Гилань, Мезандеран и Астрабат уступлены России (VIII – 389, весь оный трактат).

14-го сентября дана послу отпускная аудиенция и тогда же Петр получил известие о взятии Баку.

Обрадованный Петр послал к Матюшкину курьером князя Мещерского объявить ему чин генерал-поручика с приказанием князю Барятинскому послать к Куре команду и ту страну завоевать и ехать ему (?) с Соймоновым в Петербург.

Семен Аврамов, привезший сие известие, послан обратно в Гилань (16-го сентября) с подробной инструкцией.

Вахтанг, угнетенный турками, просился в Астрахань. Волынский к великой досаде Петра то и дозволил ему.

Волынскому велено быть в Петербург вместе с Матюшкиным для переговоров о будущей кампании.

Турки повелели крымскому хану готовиться к войне.

В сие время малороссияне, оскорбленные в своих правах учреждением Малороссийской канцелярии, прислали к Петру депутатов. Петр посадил их в крепость.

Петр повелел в Воронеже приготовить тамошних кораблей для учинения диверсии на Азовском море в случае нападения.

Петр повелел от Киева до Черного моря и от Самары до Крыма строить редуты и думал о заселении сих мест сербами, кроатами и другими славянскими народами, и 31 октября через майора Альбанеза послал к ним призывную грамоту.

Матюшкин и Соймонов прибыли в Петербург. Петр посетил больного Матюшкина. Через несколько дней получил от князя Барятинского донесение, что полковник Зимбулатов занял близ Куры лежащие места со всею Салианскою провинцией с одним батальоном. Петр повелел оный умножить (потому-де, что салианская княгиня превеликая воровка). Петр был прав, ибо Зимбулатов и все его солдаты коварно ею умерщвлены.

Петр осмотрел карту и согласно с мнением Соймонова избрал место при устье Куры в Гилане для построения нового города. Он писал казанскому губернатору Салтыкову нарядить черемис и татар для рытья каналов и для построения сего города.

Турки думали притом отобрать обратно у Персии земли, некогда им принадлежавшие. Петр вступил с ними в переговоры, обещая им *эквивалент.*

Петр повелел президентам коллегий выбрать себе асессоров, ни сродников, ни креатур, ни членов иных коллегий.

Издал странный указ о дряхлых, малолетних etc. (VIII – 410).

Печется о мануфактурах.

В Малороссии завел овчарные заводы.

Думает о шелковой мануфактуре.

Заводит компанию китового промысла и для того у города Архангельска повелевает быть пяти кораблям. Мастеров выписать из Голландии.

Учреждает обер-валдмейстера для сохранения лесов (3 декабря дает инструкцию).

Попам запрещено хоронить в неуказанных гробах.

Запрещено винокурение в местах, отколе хлеб водою вывозится.

Учреждает фонари на улицах.

15 ноября указ о короновании императрицы. Он намеревался ехать для того в Москву, но занемог тою болезнию, от которой и умер: запором урины.

Переговоры наши с Турцией шли успешно. Положено было:

1) Персидскому шаху Тахмасибу прислать в Константинополь послов pour sauver les apparences[44)].

2) России владеть землею между кавказскими горами и Каспийским морем – Дербентом, Баку, Гилянем, Мезандераном и Астрабадом до реки Оссы.

3) Границе быть между Шемахою и Баку.

4) Турции владеть (сверх ею завоеванного?) Эриванию, Тавризом и Касбинской областью, до древних турецких границ.

5) О прочем трактовать после.

В первый раз еще мусульмане соединялись с христианами противу своих единоверцев.

Петр сверх города при Куре думал завести еще пристань в Зинзилинском заливе для Гиляни, другую – для складки товаров, третью в Астрабаде для торгов с Хоразанью, Бухарой, Самаркандом и *Индией*. Он приказал их и строить, а между тем отправил (тайно?) к индейскому моголу в Бенгалию вице-адмирала Вильстера, капитана Мяснова и капитан-поручика Кошелева на трех фрегатах (5 декабря).

Велено было им заехать и в Мадагаскар и предложить *королю* наше покровительство.

См. добродушное примечание Голикова (VIII – 434).

Успешные труды де Геннина в Сибири продолжаются.

Петр заводит в Петербурге стеклянную и зеркальную фабрику.

Точит паникадило из кости, что ныне в Петропавловском соборе.

Выстроены у Галерной гавани и в Литейной *замком* постоялые дворы.

Сочинен устав для Невского монастыря.

Пошлины таможенные в Петербурге в сем году

дошли до –	218 844 р.
кабацкие –	128 077
мелочные –	110 333.

Указы

Быть обер-секретарям только в Сенате, в Синоде и в трех первых коллегиях.

О золоте *китайском* и нерчинском.

Зачесть в рекруты 16 456 человек, взятых с Московской губернии в 1704 и 1705.

Завесть на польской границе заставы. Таковые же по большим дорогам, малые дороги засечь и перекопать.

Давать 2 р. награждения тому, кто отыщет мачтовый лес.

Калмыкам хана Аюки дозволено рубить лес (кроме дуба).

То же новгородцам и псковичам.

Заонежцам то же.

Нарвским жителям торговать мачтовым лесом.

Иностранцы неохотно являли пашпорты в полицию. Петр отменил сие.

Бородачам, сидящим под караулом за неимением чем заплатить пошлину, выбрить бороду и выпустить.

За утайку в переписи мордву и черемис прощать, если окрестятся.

В церквах деньги собирать в два кошелька в *разные пения* (для церквей и для богаделен).

Супер-интенданту надзирать, чтоб не продавали портретов государевых, безобразно писанных.

На могилах покойников буток не иметь (?) etc., etc.

1724 и начало 1725-го года

1724

Петр во время праздников занялся с Феофаном учреждениями, до Церкви касающимися.

Еще в 1701 году отдал он монастырские и церковные имения (*тунегиблемые*) в управление светских людей, обратя главные доходы на школы, гошпитали etc.

При установлении Синода (для задобрения монахов?) возвратил он духовенству управление имениями.

20 января повелел он описать доходы монастырские.

22-го учредил при Синоде комиссию для расположения сборов, повелев учинить казначея, цалмейстера и провиантмейстера.

Президентом в сию новую коллегию назначен Кирила Чичерин.

Указ Синоду о монашестве. Петр сим указом превратил монастыри мужские в военные гошпитали, монахов в лазаретных смотрителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц (выписав для них мастериц из Брабандии).

Учреждены две семинарии – в Москве и в Петербурге.

Сей указ, подписанный Петром, остался без исполнения.

Указ о *вольности брака.* Родители должны были давать присягу, что детей не принуждают (т. е. дворяне. Слуги давали господам расписку; а крестьян сей закон не касался).

13-го января инструкция полковничья.

Не писать в партикулярных письмах о государственных делах (с изъятием однако ж).

NB. Цена поденщикам

в летнее время				
	мужику	с лошадью	10	коп.
	———	без ———	5	—
в зимнее				
	———	с ———	6	—
	———	без ———	4	—

Незаконнорожденных записывать в художники.

С подушного окладу убавлено *6 коп.* (вместо 80–74).

Инструкция генерал-провиантмейстеру о магазинах etc. – 22 статьи.

О доносах по службе подчиненного на начальника.

За бранное слово, крик etc. – штраф (в присутственном месте).

Порядок судопроизводства учрежден.

NB NB. Неведением указа не отговариваться.

Петр занялся планом Академии наук и списывался о том с Лейбницем, Вольфом, Фонтенелем и аббатом Биньоном.

См. письмо Лейбница (IX – 56).

Петр 22 января на Академию определил доходы с Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга (таможенные) 24 912 р.

Библиотекарю Шумахеру для угощения посетителей кунсткамеры определено 400 р. (IX – 72, примечание).

Петр учреждает пошлину на железо: 1 коп. с пуда.

В секретари (коллегий) повелено производить одних дворян.

Издан новый морской регламент касательно пошлин etc.

Установлен тариф.

В Петербург из Константинополя прибыл господин d'Alion, племянник Бонака.

Петр, издав множество еще указов, отправился в феврале к Олонецким водам и лечился с 1 марта по 15.

Сочинялось *новое уложение*; Петр новые указы велел печатать, которые в *регламент*, которые в *уложение.*

Запрещает ввозить бакан.

Сенату повелено ехать в Москву для коронации императрицы, также знатным светским и духовным; из провинции – прислать *от всех чинов и народа* депутатов (инструкция дана Курбатову).

Паникадило его повешено в Петропавловской церкви в Олонце (*14 марта*).

См. о прочих его костяных работах (IX – 86).

Петр отправился в Москву, куда прибыл в апреле.

Служивых казанских татар Петр определил на работу судов в Каспийском море.

В Москву прибыли герцогини Курляндская и Мекленбургская.

7-го мая назначено торжество. Накануне Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов через руки старой своей наложницы. Петр согласился на все.

Учреждены для сего дня кавалергарды (*их мундир IX – 92*), начальником *капитан* (генерал-поручик) Ягужинский.

Поручик (генерал-майор) Дмитриев-Мамонов.

Подпоручик (бригадир) Леонтьев.

Прапорщик (полковник) князь Мещерский.

7-го мая. Екатерина коронована новогородским архиепископом *Феодосием*. Феофан произнес речь.

Одно обстоятельство замечательно. За обедом *Волынский* стоял за стулом Петра, а за императрицей камергер *фон Монс*.

Меншиков раздавал медали.

Праздники продолжались до 16-го мая.

Петр в сие время послал по просьбе сербского архиерея Моисея Петровича ризницы, книги церковные etc., учителей также. Для учения детей славянскому и латинскому языку послан Синодский переводчик Максим Суворов.

Китайцы притесняли русских. Они успели выгнать русских купцов, торговавших с монголами из Урги. На жалобу нашего агента Ланга ответили они другою жалобою; именно требовали возвращения 700 (?) семейств, ушедших в Россию. Ланг принужден был выехать и явился в Москву.

Старый богдыхан Камхи меж тем умер. Петр повелел сибирскому губернатору помириться с китайцами. Ушлецы (всего 84 человека) были им выданы, и дружелюбие, повидимому, восстановлено.

Запор возобновился. Петр поехал опять на воды, получил облегчение и возвратился в Москву.

Шталмейстер Алабердеев и инженер (поручик) Любрас осмотрели водяную коммуникацию от Волги до Ладожского озера (22 мая).

Родственникам судиям велено всем выходить.

Запрещено башкирцам рубить леса.

Де Геннину велено строить по линии (Оренбургской восточной) крепости etc.

Раскольники объявлены бесчестными (infâmes).

Указом повелено малороссиянам разводить овец.

См. (IX – 129) в замечании, сколько денег выходило на полки. NBNB. *Все замечание выписать.*

Гвардия содержалась от доходов Сибирской губернии:

на рационы – 196 764

на амуницию – 12 186

27 июня Неплюев заключил трактат с Портою.

5-го августа привезена ратификация.

11-го Петр отправил и свою (*все сие через секретаря Бонака*).

Неплюев получил чин и поместия. Румянцов определен чрезвычайным послом в Царьград, но сперва послан он в Персию для распределения границ (см. *инструкцию*) 24 августа.

Повелевает Синоду запретить попам ходить незваным по домам со св. водою etc. *никогда.*

Осматривает Ладожский канал при надзоре генерал-поручика Миниха.

Лифляндцам и эстляндцам отсрочено окончание спорных дел (на пять вместо трех лет).

Начинает строить полковые дворы.

Указано брать вместо рекрут с купечества деньгами (по 100 р.).

1 августа уничтожено много мелочных податей, с бань, с ульев, с клейма платьев, с попов, с сидельцев etc., etc., прощены посему и недоимки 146 631 р.

Невский монастырь окончен. Петр из Владимира перенес мощи князя (*30 августа*).

Петр повелевает описать Балтийское море.

NB. От С.-Петербурга до Астрахани прогонных *9 рублей*, *23 алтына* (IX – 144).

Крепость Терек и Аграханский ретраншемент Петр повелевает разорить и перевести все в крепость Св. Креста. Кн. Голицыну велено идти за Днепр и оттоле пригнать ушедший народ.

Болезнь Петра усиливалась. Английский оператор *Горн* делал операцию.

Петр почувствовал облегчение и поехал осмотреть ладожские работы. Лейб-медик Блументрост испугался, но не мог его уговорить.

Петр поехал в Шлиссельбург, оттоле на олонецкие железные заводы. 12 октября вытянул железную полосу в 3 пуда, оттоль в Старую Ладогу, в Новгород, в Старую Русь для осмотра соловарен.

Матюшкин опасался в позднее время (в октябре) пускаться в море. Петр послал его.

Матюшкин 9 ноября пустился в море и прибыл в Баку. Здесь застал он солдат убитого Зимбулатова.

Матюшкин осмотрел устье Куры, потом поехал в Решт, где 20 000 персиян под начальством кескерского визиря готовы были напасть на русских (6 батальонов пехоты, 500 драгун и легкое войско из казаков, армян etc.) под командой Левашова, генерал-майора.

В Реште под защитой русских остался несчастный Измаил-бек, признанный шахом изменником.

Аврамов был при шахе в Ардевиле. На него нападала чернь, но он был счастливее Грибоедова. Он отстрелялся и бутылкою вина утушил все сие дело.

В течение двух месяцев персияне атаковали при Реште россиян, но всегда были прогнаны.

5 ноября Петр на яхте своей прибыл в Петербург и, не приставая к берегу, поехал на *Лахту*, думая посетить Систербетские заводы.

Перед вечером Петр туда пристал. Погода была бурная, смеркалось. Вдруг в версте от Лахты увидел он идущий от Кронштадта бот, наполненный солдатами и матросами. Он был в крайней опасности и скоро его бросило на мель.

Петр послал на помочь шлюпку, но люди не могли стащить судна. Петр гневался, не вытерпел и поехал сам. Шлюпка за отмелью не могла на несколько шагов приближиться к боту. Петр выскочил и шел по пояс в воде, своими руками

помогая тащить судно. Потом, распорядясь, возвратился на Лахту, где думал переночевать и ехать далее.

Но болезнь его возобновилась. Он не спал целую ночь и возвратился в Петербург и слег в постель.

(В тот же день указ о жаловании валдмейстеру.)

В сие время камергер Монс де ла Кроа и сестра его Балк были казнены. Монс потерял голову; сестра его высечена кнутом. Два ее сына – камергер и паж – разжалованы в солдаты. Другие оштрафованы.

Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за него просить, она просила за его сестру. Петр был неумолим.

Вольтер ссылается на Бассевича, министра герцога Holstein, бывшего тогда в Петербурге.

Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою.

13 ноября Петр издал еще один из жестоких своих законов касательно тех, которые стараются у приближенных к государю, покупают покровительство и дают *посулы*.

24 ноября обручена старшая царевна Анна Петровна с герцогом Holstein.

Петр почувствовал минутное облегчение.

Он повелел полкам называться не именами полковников, но по провинциям, на коих содержание их было расположено.

Полкам, не имеющим *гербов*, учинить таковые.

Казнить смертию: унтер-офицеров генералам; офицеров – Военной коллегии; штаб-офицеров – государю докладывать.

Знатных дворянских детей записывать в гвардию, а прочих в другие.

Военная коллегия спросила, что такое знатное дворянство? и как его считать? по числу ли дворов или по рангам?

Разрушитель ответствовал: «*Знатное дворянство по годности считать*».

Петр дозволил служащим в Петербурге третий год употреблять на житье в деревнях.

Опять указ о раскольниках: носить им медные знаки, а женам *опашни* и шапки с рогами, старинные.

Дозволил вход в Петербург и староманирным судам.

Татищев говорит о разных степенях духовенства, предполагаемых Петром, но Татищеву верить нельзя.

О доходах сего года см. IX – 182, в примечании.

1725

1 января Феофан говорил проповедь в присутствии Петра.

1-го же издан указ о снятии лишних караулов.

Король испанский Филипп V заключил торговый союз с императором австрийским Карлом VI и женил Дона Карлоса на эрцгерцогине Марии-Терезии.

Георгий I был недоволен. Он подозревал тайные статьи в пользу претендента. Франция завидовала выгодам торговым Австрии.

Фридерик-Вильгельм неохотно платил Австрии магдебургские пошлины. Отселе ганноврский договор, оборонительный.

Франция и Англия обязывались поддерживать права на *Бергское* наследство короля прусского.

Швеция, Дания и Голландия приступили к тому же союзу.

Австрия вступила в союз с Россиею. Петр начал переговоры с Пруссией...

Петр послал в Архангельск корабельному мастеру Баженину приказ строить 3 корабля *груландских*, 3 бота и 18 шлюпок.

Он назначил *Беринга* (капитана) для открытия пути в восточную Индию через Ледовитый океан. Петр получил известие от Матюшкина. Шамхал, собрав 30 000 войска, осадил крепость Св. Креста. Генерал-майор Кропотов его раз-

бил и землю его разорил. Петр уничтожил звание шамхала (см. «Ежемесячные сочинения», 1760, II – 38 etc.).

Петр (по свидетельству Катифора) на Иордане простудился и занемог горячкою.

Петр повелел сало, юфть, воск etc. в чужие края сухим путем не возить.

Издан полицейский указ о продаже съестных припасов.

О размещении солдат, где есть пустые строения в городах.

Объяснен указ об утайке душ.

О сборах.

16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедовался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили три или четыре Сенатора.

25-го сошлись во дворец весь Сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь Синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя. Народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок, она не отходила от постели Петра и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругою.

26-го утром Петр (?) повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме двух первых пунктов[45)] и убийц), *для здравия государя.*

Тогда же дан им указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по Артикулу по делам Воен-

ной коллегии (кроме etc.) простить, дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неявственных, из коих разобрать было можно только сии: «*отдайте все*»... перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе цесаревну Анну, дабы ей продиктовать. Она вошла, но он уже не мог ничего говорить.

Архиереи псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши руки и очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: «С*ие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня*».

Увещевающий стал говорить ему о милосердии Божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: «*Верую и уповаю*». Увещевающий прочел над ним причастную молитву: верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси etc. Петр произнес: «*Верую, Господи, и исповедую; верую, Господи: помози моему неверию*», и сие все, что весьма дивно (сказано в рукописи свидетеля), с умилением, лице к веселию елико мог устроевая, говорил, – по сем замолк...

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором. Потом произнес с усилием: «после»... Все вышли, повинуясь в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку, левая была уже в параличе. Увещевающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку. Его причастили опять. Петр казался в памяти до четвертого часа ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось – в 6 часов утра 28 января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей (велением Меншикова, помощию Феофана и тайного советника Макарова).

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалование. Генерал-майор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к Сенатору графу Матвееву.

2 февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Труп государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30 января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возвещено народу погребение. Через два дня оное совершилось. *См. Голикова.*

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА
(1834)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано все, что было обнародовано правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых.

Дело о Пугачеве, доныне не распечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд – конечно несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцова, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкин

2 ноября 1833
Село Болдино

> Мне кажется, сего вора всех замыслов и похождений не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачев (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удальства в разных вдруг местах происходили.
>
> *Архимандрит Платон Любарский.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало яицких казаков. — Поэтическое предание. — Царская грамота. — Грабежи на Каспийском море. — Стенька Разин. — Нечай и Шамай. — Предположения Петра Великого. — Внутренние беспокойства. — Побег кочующего народа. — Бунт яицких казаков. — Их усмирение.

Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название; течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протекши более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море. Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему заволжские степи; слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков. Его течение быстро; мутные воды наполнены рыбою всякого рода; берега большею частию глинистые, песчаные и безлесные, но в ме-

стах поемных удобные для скотоводства. Близ устья оброс он высоким камышом, где кроются кабаны и тигры.

На сей-то реке, в пятнадцатом столетии, явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю[1]. Они зимовали на ее берегах, в то время еще покрытых лесом и безопасных по своему уединению; весною снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик. Подаваясь все вверх с одного места на другое, наконец они избрали себе постоянным пребыванием урочище Коловратное в шестидесяти верстах от нынешнего Уральска.

В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но в последствии времени вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов. Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход. Один из их атаманов, по имени Гугня, первый преступил жестокий закон, пощадив молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни. Доныне, просвещенные и гостеприимные, жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи[2].

Живя набегами, окруженные неприязненными племенами, казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Федоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. Поселение казаков на бесхозяйном Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна. Царь обласкал новых подданных и пожаловал им грамоту[3] на реку Яик, отдав им ее от вершины до устья и дозволя им *набираться на житье вольными людьми*.

Число их час от часу умножалось. Они продолжали разъезжать по Каспийскому морю, соединялись там с донскими казаками, вместе нападали на торговые персидские суда и гра-

били приморские селения. Шах жаловался царю. Из Москвы посланы были на Дон и на Яик увещевательные грамоты.

Казаки на лодках, еще нагруженных добычею, поехали Волгою в Нижний-Новгород; оттоле отправились в Москву и явились ко двору с повинною головою, каждый неся топор и плаху. Им велено было ехать в Польшу и под Ригу заслуживать там свои вины; а на Яик посланы были стрельцы, в последствии времени составившие с казаками одно племя.

Стенька Разин посетил яицкие жилища. По свидетельству летописей, казаки приняли его как неприятеля. Городок их был взят сим отважным мятежником, а стрельцы, там находившиеся, побиты или потоплены[4].

Предание, согласное с татарским летописцем, относит к тому же времени походы двух яицких атаманов, Нечая и Шамая[5]. Первый, набрав вольницу, отправился в Хиву, в надежде на богатую добычу. Счастие ему благоприятствовало. Совершив трудный путь, казаки достигли Хивы. Хан с войском своим находился тогда на войне. Нечай овладел городом без всякого препятствия; но зажился в нем и поздно выступил в обратный поход. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханом и на берегу Сыр-Дарьи разбиты и истреблены. Не более трех возвратилось на Яик с объявлением о погибели храброго Нечая. Несколько лет после другой атаман, по прозванию Шамай, пустился по его следам. Но он попался в плен степным калмыкам, а казаки его отправились далее, сбились с дороги, на Хиву не попали и пришли к Аральскому морю, на котором принуждены были зимовать. Их постигнул голод. Несчастные бродяги убивали и ели друг друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконец от себя к хивинскому хану просить, чтоб он их принял и спас от голодной смерти. Хивинцы приехали за ними, забрали всех и отвели рабами в свой город. Там они и пропали, Шамай же, несколько лет после, привезен был калмыками в яицкое войско, вероятно для размена. С тех пор у казаков охота к дальним походам охладела. Они мало-помалу привыкли к жизни семейной и гражданственной.

Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа; но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов; никаких письменных постановлений; *в куль да в воду* – за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления[6]. К простым и грубым учреждениям, еще принесенным ими с Дона, яицкие казаки присовокупляли и другие, местные, относящиеся к рыболовству, главному источнику их богатства, и к праву нанимать на службу требуемое число казаков, учреждения чрезвычайно сложные и определенные с величайшею утонченностию[7].

Петр Великий принял первые меры для введения яицких казаков в общую систему государственного управления. В 1720 году яицкое войско отдано было в ведомство Военной коллегии. Казаки возмутились, сожгли свой городок с намерением бежать в киргизские степи, но были жестоко усмирены полковником Захаровым. Сделана была им перепись, определена служба и назначено жалованье. Государь сам назначил войскового атамана.

В царствование Анны Ивановны и Елисаветы Петровны правительство хотело исполнить предположения Петра. Тому благоприятствовали возникшие раздоры между войсковым атаманом Меркурьевым и войсковым старшиною Логиновым и разделение через то казаков на две стороны: Атаманскую и Логиновскую, или народную. В 1740 году положено было преобразовать внутреннее управление яицкого войска, и Неплюев, бывший в то время оренбургским губернатором, представил в Военную коллегию проект нового учреждения; но большая часть предположений и предписаний осталась без исполнения до восшествия на престол государыни Екатерины II.

С самого 1762 года стороны Логиновской яицкие казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпе-

ваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-майоры Потапов и Черепов (первый в 1766 году, а второй в 1767) принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней. В Яицком городке учреждена была следственная комиссия. В ней присутствовали генерал-майоры Потапов, Черепов, Бримфельд и Давыдов и гвардии капитан Чебышев. Войсковой атаман Андрей Бородин был отставлен; на его место выбран Петр Тамбовцев; члены канцелярии осуждены уплатить войску, сверх удержанных денег, значительную пеню; но они умели избегнуть исполнения приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до сведения самой императрицы справедливые свои жалобы. Но тайно посланные от них люди были по повелению президента Военной коллегии графа Чернышева схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики. Между тем велено было нарядить несколько сот казаков на службу в Кизляр. Местное начальство воспользовалось и сим случаем, дабы новыми притеснениями мстить народу за его супротивления. Узнали, что правительство имело намерение составить из казаков гусарские эскадроны и что уже повелено брить им бороду. Генерал-майор Траубенберг, присланный для того в Яицкий городок, навлек на себя народное негодование. Казаки волновались. Наконец, в 1771 году, мятеж обнаружился во всей своей силе.

Происшествие, не менее важное, подало к оному повод. Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осьмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до выс-

шего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снестись с китайским правительством. Им нетрудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток, они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества[8]. Правительство спешило удержать неожиданный побег. Яицкому войску велено было выступить в погоню; но казаки (кроме весьма малого числа) не послушались и явно отказались от всякой службы.

Тамошние начальники прибегнули к строжайшим мерам для прекращения мятежа; но наказания уже не могли смирить ожесточенных. 13 января 1771 года они собрались на площади, взяли из церкви иконы и пошли, под предводительством казака Кирпичникова, в дом гвардии капитана Дурнова, находившегося в Яицком городке по делам следственной комиссии. Они требовали отрешения членов канцелярии и выдачи задержанного жалованья. Генерал-майор Траубенберг пошел им навстречу с войском и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повеления, ни увещания войскового атамана не имели никакого действия. Траубенберг велел стрелять; казаки бросились на пушки. Произошло сражение; мятежники одолели. Траубенберг бежал и был убит у ворот своего дома, Дурнов изранен, Тамбовцев повешен, члены канцелярии посажены под стражу; а на место их учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили от себя выборных в Петербург, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествие. Между тем генерал-майор Фрейман послан был из Москвы для их усмирения, с одною ротой гренадер и с артиллерией. Фрейман весною прибыл в Оренбург, где дождался слития рек, и – взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, пошел к Яицкому городку[9]. Мятежники, в числе трех тысяч, выехали против него; оба войска сошлись в семидесяти верстах от города. 3 и 4 июня произошли жаркие сражения. Фрейман картечью открыл себе дорогу. Мятежники прискакали в свои домы, забрали жен и детей и стали переправляться через реку Чаган, намереваясь бежать

к Каспийскому морю. Фрейман, вслед за ними вступивший в город, успел удержать народ угрозами и увещаниями. За ушедшими послана погоня, и почти все были переловлены. В Оренбурге учредилась следственная комиссия под председательством полковника Неронова. Множество мятежников было туда отправлено. В тюрьмах недостало места. Их рассадили по лавкам Гостиного и Менового дворов. Прежнее казацкое правление было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту, подполковнику Симонову. В его канцелярии повелено присутствовать войсковому старшине Мартемьяну Бородину и старшине (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь; другие отданы в солдаты (NB все бежали); остальные прощены и приведены ко вторичной присяге. Сии строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок; но спокойствие было ненадежно. «То ли еще будет! – говорили прощенные мятежники, – так ли мы тряхнем Москвою». – Казаки все еще были разделены на две стороны: согласную и несогласную (или, как весьма точно переводила слова сии Военная коллегия, на послушную и непослушную). Тайные совещания происходили по степным уметам[10] и отдаленным хуторам. Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появление Пугачева. — Бегство его из Казани. — Показания Кожевникова. — Первые успехи Самозванца. — Измена илецких казаков. — Взятие крепости Рассыпной. — Нурали-Хан. — Распоряжение Рейнсдорпа. — Взятие Нижне-Озерной. — Взятие Татищевой. — Совет в Оренбурге. — Взятие Черноречен-ской. — Пугачев в Сакмарске.

В смутное сие время по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хо-

зяину, то к другому и принимаясь за всякие ремесла[1]. Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостию своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка и что около Рождества или Крещения непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить как возмутителя в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою[2]. Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы с намерением поселиться на реке Иргизе посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как все, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почел за нужное уведомить о том государственную Военную коллегию донесением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он под стражею двух гарнизонных солдат ходил по городу для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев, подошед к ней, вдруг оттолкнул одного из

солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из городу. Это случилось 19 июня 1773 года. Три дня после в Казани получено было утвержденное в Петербурге решение суда, по коему Пугачев приговорен к наказанию плетьми и к ссылке в Пелым на каторжную работу[3].

Пугачев явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, у которого жил он прежде в работниках. Там производились тогда совещания злоумышленников.

Сперва дело шло о побеге в Турцию: мысль издавна общая всем недовольным казакам. Известно, что в царствование Анны Ивановны Игнатий Некрасов успел привести ее в действо и увлечь за собою множество донских казаков. Потомки их доныне живут в турецких областях, сохраняя на чуждой им родине веру, язык и обычаи прежнего своего отечества. Во время последней Турецкой войны они дрались противу нас отчаянно. Часть их явилась к императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодке; так же, как остаток Сечи, они принесли повинную за своих отцов и возвратились под владычество законного своего государя.

Но яицкие заговорщики слишком привязаны были к своим богатым родимым берегам. Они, вместо побега, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось им надежною пружиною. Для сего нужен был только прошлец, дерзкий и решительный, еще неизвестный народу. Выбор их пал на Пугачева. Им нетрудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себе сообщников.

Военная коллегия дала знать о побеге казанского колодника во все места, где, по предположениям, мог он укрываться. Вскоре подполковник Симонов узнал, что беглеца видели на хуторах, находящихся около Яицкого городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имели в том успеха: Пугачев и его главные сообщники спасались от поиска, переходя с одного места на другое и час от часу умножая свою шайку. Между тем разнеслись странные слухи... Многие казаки взяты были под стражу. Схватили Михайла Ко-

жевникова, привели в комендантскую канцелярию и пыткою вынудили от него следующие важные показания:

В начале сентября находился он на своем хуторе, как приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что великая особа находится в их краю. Он убеждал Кожевникова скрыть ее на своем хуторе. Кожевников согласился. Зарубин уехал и в ту же ночь перед светом возвратился с Тимофеем Мясниковым и с неведомым человеком, все трое верхами. Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружен винтовкою. Зарубин и Мясников поехали в город *для повестки народу*, а незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Петр III, что слухи о смерти его были ложны, что он, при помощи караульного офицера, ушел в Киев, где скрывался около года; что потом был в Цареграде и тайно находился в русском войске во время последней турецкой войны; что оттуда явился он на Дону и был потом схвачен в Царицыне, но вскоре освобожден верными казаками; что в прошлом году находился он на Иргизе и в Яицком городке, где был снова пойман и отвезен в Казань; что часовой, подкупленный за семьсот рублей неизвестным купцом, освободил его снова; что после подъезжал он к Яицкому городку, но, узнав через одну женщину о строгости, с каковою ныне требуются и осматриваются паспорта, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался несколько времени, пока наконец с Таловинского умета взят Зарубиным и Мясниковым и привезен к Кожевникову. Высказав нелепую повесть, самозванец стал объяснять свои предположения. Он намерен был обнаружить себя по выступлении казацкого войска на *плавню* (осеннее рыболовство), во избежание супротивления со стороны гарнизона и *напрасного кровопролития*. Во время же плавни хотел он явиться посреди казаков, связать атамана, идти прямо на Яицкий городок, овладеть им и учредить заставы по всем дорогам, дабы никуда преждевременно не дошло о нем известия. В случае же неудачи думал он *броситься в Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить

новых судей (ибо в нынешних, по его словам, присмотрена им многая неправда) и возвести на престол государя великого князя. *Сам же я*, говорил он, *уже царствовать не желаю.* Пугачев на хуторе Кожевникова находился три дня; Зарубин и Мясников приехали за ним и увезли его на Усихину Россашь, где и намерен он был скрываться до самой плавни. Кожевников, Коновалов и Кочуров проводили его.

Взятие под стражу Кожевникова и казаков, замешанных в его показании, ускорило ход происшествий. 18 сентября Пугачев с Будоринского[4] форпоста пришел под Яицкий городок с толпою, из трехсот человек состоявшею, и остановился в трех верстах от города за рекой Чаганом.

В городе все пришло в смятение. Недавно усмиренные жители начали перебегать на сторону новых мятежников. Симонов выслал противу Пугачева пятьсот казаков, подкрепленных пехотою и с двумя пушками под начальством майора Наумова. Двести казаков при капитане Крылове отряжены были вперед. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца и потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своем отряде, Наумов возвратился в город. Захваченные казаки приведены были к Пугачеву, и одиннадцать из них, по приказанию его, повешены. Сии первые его жертвы были: сотники Витошнов, Черторогов, Раинев и Коновалов; пятидесятники Руженников, Толстов, Подъячев и Колпаков, рядовые Сидоровкин, Ларзянев и Чукалин.

На другой день Пугачев приближился к городу; но при виде выходящего противу него войска стал отступать, рассыпав по степи свою шайку. Симонов не преследовал его, ибо казаков не хотел отрядить, опасаясь от них измены, а пехоту не смел отдалить от города, коего жители готовы были взбунтоваться. Он донес обо всем оренбургскому губернатору, генерал-поручику Рейнсдорпу, требуя от него легкого войска

для преследования Пугачева. Но прямое сообщение с Оренбургом было уже пресечено, и донесение Симонова дошло до губернатора не прежде, как через неделю.

С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачев пошел прямо к Илецкому городку[5] и послал начальствовавшему в нем атаману Портнову повеление – выйти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бородою (илецкие, как и яицкие, казаки были все староверцы), реками, лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местию в случае непослушания. Верный своему долгу, атаман думал супротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачев повесил атамана, три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную[6].

Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитою двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ. 24 сентября Пугачев напал на Рассыпную. Казаки и тут изменили. Крепость была взята. Комендант, майор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтораста казаков присоединены к мятежникам.

Слух о самозванце быстро распространялся. Еще с Будоринского форпоста Пугачев писал к киргиз-кайсакскому хану, именуя себя государем Петром III и требуя от него сына в заложники и ста человек вспомогательного войска. Нурали-Хан подъезжал к Яицкому городку под видом переговоров с начальством, коему предлагал он свои услуги. Его благодарили и отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи. Хан послал оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца с первым известием о его появлении. «Мы, люди, живущие на степях, – писал Нурали к губернатору, – не знаем, кто сей, разъезжающий по берегу:

обманщик ли, или настоящий государь? Посланный от нас воротился, объявив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая». При сем, пользуясь обстоятельствами, хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов. Рейнсдорп спешил отвечать, что кончина императора Петра III известна всему свету; что сам он видел государя во гробе и целовал его мертвую руку. Он увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за то милость императрицы. Прошения хана были исполнены. Между тем Нурали вошел в дружеские сношения с самозванцем, не преставая уверять Рейнсдорпа в своем усердии к императрице, а киргизцы стали готовиться к набегам.

Вслед за известием хана получено было в Оренбурге донесение яицкого коменданта, посланное через Самару. Вскоре потом пришло и донесение Веловского о взятии Илецкого городка. Рейнсдорп поспешил принять меры к прекращению возникающего зла. Он предписал бригадиру барону Билову выступить из Оренбурга с четырьмястами солдат пехоты и конницы и с шестью полевыми орудиями и идти к Яицкому городку, забирая по дороге людей с форпостов и из крепостей. Командиру Верхне-Озерной дистанции[7] бригадиру барону Корфу велел как можно скорее идти к Оренбургу, подполковнику Симонову отрядить майора Наумова с полевой командой и с казаками для соединения с Биловым; ставропольской канцелярии[8] велено было выслать к Симонову пятьсот вооруженных калмыков, а ближайшим башкирцам и татарам собраться как можно скорее и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову. Ни одно из сих распоряжений не было исполнено. Билов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озерную, но, в пятнадцати верстах от оной, услышав ночью пушечные выстрелы, оробел и отступил. Рейнсдорп вторично приказал ему спешить на поражение бунтовщиков; Билов не послушался и остался в Татищевой. Корф отговаривался от похода под различными предлогами. Вместо пятисот вооруженных калмыков не собралось их и трехсот, и те бежали с

дороги. Башкирцы и татары не слушались предписания. Майор же Наумов и войсковой старшина Бородин, выступив из Яицкого городка, шли издали по следам Пугачева и 3 октября прибыли в Оренбург степною стороною с донесением об одних успехах самозванца.

Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную[9]. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной, майором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам. Узнав о приближении Пугачева, Харлов отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, а сам приготовился к обороне. Казаки его изменили и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат. Ночью на 26 сентября вздумал он, для их ободрения, палить из двух своих пушек, и сии-то выстрелы испугали Билова и заставили его отступить. Утром Пугачев показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, – сказал ему старый казак, – неравно из пушки убьют». – «Старый ты человек, – отвечал самозванец, – разве пушки льются на царей?» – Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай, взошед на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю[10]. На другой день Пугачев выступил и пошел на Татищеву[11].

В сей крепости начальствовал полковник Елагин. Гарнизон был умножен отрядом Билова, искавшего в ней своей безопасности. Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон – *не слушаться бояр* и сдаться добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесполезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Билов оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотою и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены по-казацки и присоединены к мятежникам. Тринадцать пушек достались победителю.

Известия об успехах Пугачева приходили в Оренбург одно за другим. Едва Веловский успел донести о взятии Илецкого городка, уже Харлов доносил о взятии Рассыпной; вслед за тем Билов, из Татищевой, извещал о взятии Нижне-Озерной; майор Крузе, из Чернореченской, о пальбе, происходящей под Татищевой. Наконец (28 сентября) триста человек татар, насилу собранные и отправленные к Татищевой, возвратились с дороги с известием об участи Билова и Елагина. Рейнсдорп, испуганный быстротою пожара, собрал совет из

главных оренбургских чиновников, и следующие меры были им утверждены:

1) Все мосты через Сакмару разломать и пустить вниз по реке.

2) У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром.

3) Разночинцам, имеющим оружие, назначить места для защищения города, отдав их в распоряжение обер-коменданту, генерал-майору Валленштерну; прочим находиться в готовности, в случае пожара, и быть под начальством таможенного директора Обухова.

4) Сеитовских татар перевести в город и поручить начальство над ними коллежскому советнику Тимашеву.

5) Артиллерию отдать в распоряжение действительному статскому советнику Старову-Милюкову, служившему некогда в артиллерии.

Сверх сего, Рейнсдорп, думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал обер-коменданту исправить городские укрепления и привести в оборонительное состояние. Гарнизонам же малых крепостей, еще не взятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох.

Из Татищевой, 29 сентября, Пугачев пошел на Чернореченскую[12]. В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем на место коменданта, майора Крузе, который скрылся в Оренбург. Они сдались без супротивления. Пугачев повесил капитана по жалобе крепостной его девки.

Пугачев, оставя Оренбург вправе, пошел к Сакмарскому городку[13], коего жители ожидали его с нетерпением. 1-го октября, из татарской деревни Каргале, поехал он туда в сопровождении нескольких казаков. Очевидец описывает его прибытие следующим образом:[14]

«В крепости у станичной избы постланы были ковры и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, нача-

ли звонить в колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: «Вставайте, детушки». Потом все целовали его руку. Пугачев осведомился о городских казаках. Ему отвечали, что иные на службе, другие с их атаманом, Данилом Донским, взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику и грозно приказал ему отыскать их, примолвя: «Ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечаете мне за них своими головами». Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. «Если б твой сын был здесь, – сказал он старику, – то ваш обед был бы высок и честен: но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место свое покинул?» – После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина; но бывшие при нем казаки упросили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? «Возьмите, – отвечал он, – краюшку хлеба: вы проводите меня только до Оренбурга». В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили город. Пугачев к ним выехал и без бою взял всех в свое войско. На берегу Сакмары повесил он шесть человек»[15].

В тридцати верстах от Сакмарского городка находилась крепость Пречистенская. Лучшая часть ее гарнизона была взята Биловым на походе его к Татищевой. Один из отрядов Пугачева занял ее без супротивления. Офицеры и гарнизон вышли навстречу победителям. Самозванец, по своему обыкновению, принял солдат в свое войско и в первый раз оказал позорную милость офицерам.

Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы и более двадца-

ти пушек. Семь крепостей были им взяты или сдались ему. Войско его с часу на час умножалось неимоверно. Он решился пользоваться счастием и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

Меры правительства. — Состояние Оренбурга. — Объявление Рейнсдорпа о Пугачеве. — Разбойник Хлопуша. — Пугачев под Оренбургом. — Бердская слобода. — Сообщники Пугачева. — Генерал-майор Кар. — Его неудача. — Гибель полковника Чернышева. — Кар оставляет армию. — Бибиков.

Оренбургские дела принимали худой оборот. С часу на час ожидали общего возмущения Яицкого войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачев успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков. Служивые калмыки бежали с форпостов. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание.

Губернаторы, казанский – фон-Брант, сибирский – Чичерин и астраханский – Кречетников, вслед за Рейнсдорпом, известили государственную Военную коллегию о яицких происшествиях. Императрица с беспокойством обратила внимание на возникающее бедствие. Тогдашние обстоятельства сильно благоприятствовали беспорядкам. Войска отовсюду были отвлечены в Турцию и в волнующуюся Польшу. Строгие меры, принятые по всей России для прекращения недавно свирепствовавшей чумы, производили в черни общее негодование. Рекрутский набор усиливал затруднения. Пове-

лено было нескольким ротам и эскадронам из Москвы, Петербурга, Новагорода и Бахмута наскоро следовать в Казань. Начальство над ними поручено генерал-майору Кару, отличившемуся в Польше твердым исполнением строгих предписаний начальства. Он находился в Петербурге, при приеме рекрут. Ему велено было сдать свою бригаду генерал-майору Нащокину и спешить к местам, угрожаемым опасностию. К нему присоединили генерал-майора Фреймана, уже усмирявшего раз яицкое войско и хорошо знавшего театр новых беспорядков. Начальникам окрестных губерний велено было, с их стороны, делать нужные распоряжения. Манифестом от 15 октября правительство объявило народу о появлении самозванца, увещевая обольщенных отстать заблаговременно от преступного заблуждения[1].

Обратимся к Оренбургу.

В сем городе находилось до трех тысяч войска и до семидесяти орудий. С таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежников. К несчастию, между военными начальниками не было ни одного, знавшего свое дело. Оробев с самого начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средств к наступательным движениям. Оренбург претерпел бедственную осаду, коей любопытное изображение сохранено самим Рейнсдорпом[2].

Несколько дней появление Пугачева было тайною для оренбургских жителей, но молва о взятии крепостей вскоре разошлась по городу, а поспешное выступление Билова[3] подтвердило справедливые слухи. В Оренбурге оказалось волнение; казаки с угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдаче города. Схвачен был зачинщик смятения, отставной сержант[4], подосланный Пугачевым. В допросе он показал, что имел намерение заколоть губернатора. В селениях, около Оренбурга, начали показываться возмутители. Рейнсдорп обнародовал объявление о Пугачеве, в коем объяснял его настоящее звание и прежние преступления[5]. Оно было писано темным и запутанным слогом. В нем было сказано, что *о злодействующем с яицкой стороны носится слух, якобы он друго-*

го состояния, нежели как есть; но что он в самом деле донской казак Емельян Пугачев, за прежние преступления наказанный кнутом с поставлением на лице знаков. Сие показание было несправедливо[6]. Рейнсдорп поверил ложному слуху, и мятежники потом торжествовали, укоряя его в клевете[7].

Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред. В оренбургском остроге содержался тогда в оковах злодей, известный под именем Хлопуши. Двадцать лет разбойничал он в тамошних краях; три раза ссылаем был в Сибирь и три раза находил способ уходить. Рейнсдорп вздумал[8] употребить смышленого каторжника и чрез него переслать в шайку Пугачевскую увещевательные манифесты. Хлопуша явился в точности исполнить его препоручения. Он был освобожден, явился прямо к Пугачеву и вручил ему самому все губернаторские бумаги. «Знаю, братец, что тут написано», – сказал безграмотный Пугачев и подарил ему полтину денег и платье недавно повешенного киргизца. Хорошо зная край, на который так долго наводил ужас своими разбоями, Хлопуша сделался ему необходим. Пугачев наименовал его полковником и поручил ему грабеж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность. Он пошел по реке Сакмаре, возмущая окрестные селения, явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристанях и на уральских заводах и переслал оттоле Пугачеву пушки, ядра и порох, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоев.

5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Он тотчас двинулся вперед и под пушечными выстрелами поставил одну батарею на паперти церкви у самого предместия, а другую в загородном губернаторском доме. Он отступил, отбитый сильною пальбою. В тот же день по приказанию губернатора предместие было выжжено. Уцелела одна только изба и Георгиевская церковь. Жители переведены были в город, и им обещано вознаграждение за весь убыток. Начали очищать ров, окружающий город, а вал обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленного на зиму сена. Губернатор не успел перевезти оное в город. Противу зажигателей (уже на другой день утром) выступил майор Наумов (только что прибывший из Яицкого городка). С ним было тысяча пятьсот человек конницы и пехоты. Встреченный пушками, он перестреливался и отступил безо всякого успеха. Его солдаты робели, а казакам он не доверял.

Рейнсдорп собрал опять совет из военных и гражданских своих чиновников и требовал от них письменного мнения: выступить ли еще противу злодея, или под защитой городских укреплений ожидать прибытия новых войск? На сем совете действительный статский советник Старов-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: *идти противу бунтовщиков*. Прочие боялись новою неудачею привести жителей в опасное уныние и только думали защищаться. С последним мнением согласился и Рейнсдорп.

8 октября мятежники выехали грабить Меновой двор, находившийся в трех верстах от города[9]. Высланный противу их отряд прогнал их, убив на месте двести человек и захватив до ста шестнадцати. Рейнсдорп, желая воспользоваться сим случаем, несколько ободрившим его войско, хотел на другой день выступить противу Пугачева; но все начальники единогласно донесли ему, что на войско никаким образом положиться было невозможно: солдаты, приведенные в уныние и недоумение, сражались неохотно; а казаки на самом месте сражения могли соединиться с мятежниками, и следствия их измены были бы гибелью для Оренбурга. Бедный Рейнсдорп не знал, что делать[10]. Он кое-как успел, однако ж, уговорить и усовестить своих подчиненных, и 12 октября Наумов вывел опять из города свое ненадежное войско.

Сражение завязалось. Артиллерия Пугачева была превосходнее числом вывезенной из города. Оренбургские казаки с непривычки робели ядер и жались к городу, под прикрытие пушек, расставленных по валу. Отряд Наумова был окружен со всех сторон многочисленными толпами. Он выстроился в карре и начал отступать, отстреливаясь от неприятеля. Сраже-

ние продолжалось четыре часа. Наумов убитыми, ранеными и бежавшими потерял сто семнадцать человек.

Не проходило дня без перестрелок. Мятежники толпами разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров. Пугачев несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами. Но он не имел намерения взять его приступом. «Не стану тратить людей, – говорил он сакмарским казакам, – выморю город мором». Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные свои листы. Схватили в городе несколько злодеев, подосланных от самозванца; у них находили порох и фитили.

Вскоре в Оренбурге оказался недостаток в сене. У войска и у жителей худые и к работе не способные лошади были отобраны и отправлены частию к Илецкой защите и к Верхо-Яицкой крепости, частию в Уфимский уезд. Но в нескольких верстах от города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами, а казаки, гнавшие табун, отосланы к Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранее обыкновенного. С 14 октября начались уже морозы; 16-го выпал снег. 18-го Пугачев, зажегши свой лагерь, со всеми тяжестями пошел обратно от Яика к Сакмаре и расположился под Бердскою[11] слободою, близ летней сакмарской дороги, в семи верстах от Оренбурга. Оттоле разъезды его не переставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон во всегдашнем опасении.

2 ноября Пугачев со всеми силами подступил опять к Оренбургу и, поставя около всего города батареи, открыл ужасный огонь. С городской стены отвечали ему тем же. Между тем человек тысяча из его пехоты, со стороны реки закравшись в погреба выжженного предместья, почти у самого вала и рогаток, стреляли из ружей и сайдаков. Сам Пугачев ими предводительствовал. Егеря полевой команды выгнали их из предместия. Пугачев едва не попался в плен. Вечером огонь утих; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час.

На другой день огонь возобновился, несмотря на стужу и метель. Мятежники в церкви разложили огонь, истопили

избу, уцелевшую в выжженном предместии, и грелись попеременно. Пугачев поставил пушку на паперти, а другую велел втащить на колокольню. В версте от города находилась высокая мишень, служившая целью во время артиллерийских учений. Мятежники устроили там свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась целый день. Ночью Пугачев отступил, претерпев незначительный урон и не сделав вреда осажденным[12]. Утром из города высланы были невольники, под прикрытием казаков, срыть мишень и другие укрепления, а избу разломать. В церкви, куда мятежники приносили своих раненых, видны были на помосте кровавые лужи. Оклады с икон были ободраны, напрестольное одеяние изорвано в лоскутья. Церковь осквернена была даже калом лошадиным и человечьим.

Стужа усилилась. 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел из своего нового лагеря в самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводские крестьяне остались на прежнем месте, в своих кибитках и землянках. Разъезды, нападения и перестрелки не прекращались. С каждым днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оного были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скоплялось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьем, кто пистолетом, кто офицерской шпагой. Иным розданы были штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия. Войско разделено было на полки, состоящие из пятисот человек. Жалованье получали одни яицкие казаки; прочие довольствовались грабежом. Вино продавалось *от казны*. Корм и лошадей доставляли от башкирцев. За побег объявлена была смертная казнь. Десятник головою отвечал за своего беглеца. Учреждены были частые разъезды и караулы. Пугачев строго наблюдал за их исправностию, сам их объезжая, иногда и ночью. Учения (особенно артиллерийские) происходили почти всякий день. Церковная служба от-

правлялась ежедневно. На ектении поминали государя Петра Феодоровича и супругу его, государыню Екатерину Алексеевну. Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал сидя в креслах перед своею избою. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором. Подходящие к нему кланялись в землю и, перекрестясь, целовали его руку. Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удавленных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности. Смельчаки подъезжали к рогаткам оренбургским; иные, наткнув шапку на копье, кричали: «Господа казаки! пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу». Другие требовали, чтобы им выдали Мартюшку Бородина (войскового старшину, прибывшего в Оренбург из Яицкого городка вместе с отрядом Наумова), и звали казаков к себе в гости, говоря: «У нашего батюшки вина много!» Из города противу их выезжали наездники, и завязывались перестрелки, иногда довольно жаркие. Нередко сам Пугачев являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он, пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле, – и едва не попался в плен. Казаки спасли его и утащили, подхватив его лошадь под уздцы[13].

Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним как с товарищем и вместе пьян-

ствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. «Улица моя тесна», – говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына[14]. Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца иметь иных любимцев и поверенных. Пугачев в начале своего бунта взял к себе в писаря сержанта Кармицкого, простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шее в воду. Пугачев о нем осведомился. «Он пошел, – отвечали ему, – к своей матушке вниз по Яику». Пугачев молча махнул рукой. Молодая Харлова имела несчастие привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ – похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении.

В числе главных мятежников отличался Зарубин (он же и Чика), с самого начала бунта сподвижник и пестун Пугачева. Он именовался фельдмаршалом и был первый по самозванце. Овчинников, Шигаев, Лысов и Чумаков предводительствовали войском. Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины. Чика графом Чернышевым, Шигаев графом Воронцовым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым[15]. Отставной артиллерийский капрал Белобородов пользовался полною доверенностию самозванца. Он вместе с Падуровым заведовал письменными делами у безграмотного Пугачева и ввел строгий порядок и повиновение в шайках бунтовщиков. Перфильев, при начале бунта находившийся в Петербурге по делам яицкого войска, обещался правительству привести казаков в повиновение и выдать самого Пугачева в руки право-

судия; но, приехав в Берду, оказался одним из самых ожесточенных бунтовщиков и соединил судьбу свою с судьбою самозванца. Разбойник Хлопуша, из-под кнута клейменный рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачева. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза[16]. Вот какие люди колебали государством!

Кар между тем прибыл на границу Оренбургской губернии. Казанский губернатор еще до приезда его успел собрать несколько сот гарнизонных, отставных и поселенных солдат и расположить их частию около Кичуевского фельдшанца, частию по реке Черемшану, на половине дороги от Кичуева до Ставрополя. На Волге находились человек тридцать рядовых при одном офицере для поимки разбойников: им велено было примечать за движениями бунтовщиков. Брант писал в Москву к генерал-аншефу князю Волконскому, требуя от него войска. Но московский гарнизон был весь отряжен для отвода рекрут, а Томский полк, находившийся в Москве, содержал караулы на заставах, учрежденных в 1771 году во время свирепствовавшей чумы. Князь Волконский мог отрядить только триста рядовых при одной пушке и тотчас послал их на подводах в Казань.

Кар предписал симбирскому коменданту полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линии к Оренбургу, занять как можно скорее Татищеву. Он был намерен, тотчас по прибытии генерал-майора Фреймана, находившегося в Калуге для приема рекрут, послать его на подкрепление Чернышеву. Кар не сумневался в успехе. «Опасаюсь только, – писал он графу З. Г. Чернышеву, – чтобы сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились». Он предвидел затруднения только в преследовании Пугачева, по причине зимы и недостатка в коннице.

В начале ноября, не дождавшись ни артиллерии, ни ста семидесяти гренадер, посланных к нему из Симбирска, ни высланных к нему из Уфы вооруженных башкирцев и меще-

ряков, он стал подаваться вперед. На дороге, во ста верстах от Оренбурга, он узнал, что отряженный от Пугачева ссыльный разбойник Хлопуша, вылив пушки на Овзяно-Петровском[17] заводе и возмутив приписных крестьян и окрестных башкирцев, возвращается под Оренбург. Кар поспешил пресечь ему дорогу и 7 ноября послал секунд-майора Шишкина с четырьмястами рядовых и двумя пушками в деревню Юзееву[18], а сам с генералом Фрейманом и премиер-майором Ф. Варнстедом, только что подоспевшими из Калуги, выступил из Сарманаевой. Шишкин был встречен под самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшие при нем, тотчас передались. Шишкин, однако, рассеял сию толпу несколькими выстрелами. Он занял деревню, куда Кар и Фрейман и прибыли в четвертом часу ночи. Войско было так утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъезды. Генералы решились ожидать света, чтобы напасть на бунтовщиков, и на заре увидели перед собой ту же толпу. Мятежникам передали увещевательный манифест; они его приняли, но отъехали с бранью, говоря, что их манифесты правее, и начали стрелять из бывшей у них пушки. Их разогнали опять... В это время Кар услышал у себя в тылу четыре дальних пушечных выстрела. Он испугался и поспешно начал отступать, полагая себя отрезанным от Казани. Тут более двух тысяч мятежников наскакали со всех сторон и открыли огонь из девяти орудий. Пугачев сам ими предводительствовал. Хлопуша успел с ним соединиться. Рассыпавшись по полям на расстоянии пушечного выстрела, они были вне всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имея добрых лошадей, при наступлении пехоты отдалялись, проворно перевозя свои пушки с одной горы на другую, и таким образом семнадцать верст сопровождали отступающего Кара. Он целых восемь часов отстреливался из своих пяти пушек, бросил свой обоз и потерял (если верить его донесению) не более ста двадцати человек убитыми, ранеными и бежавшими. Башкирцы, ожидаемые из Уфы, не бывали; находившиеся в недальнем расстоянии под началь-

ством князя Уракова бежали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарелые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшие в огне, не умели их ободрить. Гренадеры, отправленные на подводах из Симбирска при поручике Карташове, ехали с такой оплошностию, что даже ружья не были у них заряжены и каждый спал в своих санях. Они сдались с четырех первых выстрелов, услышанных Каром поутру из деревни Юзеевой.

Кар потерял вдруг свою самонадеянность. С донесением о своем уроне он представил Военной коллегии, что для поражения Пугачева нужны не слабые отряды, а целые полки, надежная конница и сильная артиллерия. Он немедленно послал повеление полковнику Чернышеву не выступать из Переволоцкой и стараться в ней укрепиться в ожидании дальнейших распоряжений. Но посланный к Чернышеву не мог уже его догнать.

11 ноября Чернышев выступил из Переволоцкой и 13-го в ночь прибыл в Черноречeнскую. Тут он получил от двух илецких казаков, приведенных сакмарским атаманом, известие о разбитии Кара и о взятии ста семидесяти гренадер. В истине последнего показания Чернышев не мог усомниться: гренадеры были отправлены им самим из Симбирска, где они находились при отводе рекрут. Он не знал, на что решиться: отступить ли к Переволоцкой или спешить к Оренбургу, куда накануне отправил он донесение о своем приближении. В сие время явились к нему пять казаков и один солдат, которые, как уверяли, бежали из Пугачевского стана. Между ими находился казацкий сотник и депутат[19] Падуров. Он уверил Чернышева в своем усердии, представя в доказательство свою депутатскую медаль, и советовал немедленно идти к Оренбургу, вызываясь провести его безопасными местами. Чернышев ему поверил и в тот же час, без барабанного бою, выступил из Черноречeнской. Падуров вел его горами, уверяя, что передовые караулы Пугачева далеки и что если на рассвете они его и увидят, то опасность уже минуется и он беспрепятственно успеет вступить в Оренбург. Утром Чернышев пришел к Сакмаре и при

урочище Маяке, в пяти верстах от Оренбурга, начал переправляться по льду. С ним было тысяча пятьсот солдат и казаков, пятьсот калмыков и двенадцать пушек. Капитан Ружевский переправился первый с артиллерией и легким войском; он тотчас, взяв с собой трех казаков, отправился в Оренбург и явился к губернатору с известием о прибытии Чернышева. – В самое сие время в Оренбурге услышали пушечную пальбу, которая через четверть часа и умолкла... Несколько времени спустя Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева.

Чернышев был обманут Падуровым, который привел его прямо к Пугачеву. Мятежники вдруг на него бросились и овладели артиллерией. Казаки и калмыки изменили. Пехота, утомленная стужею, голодом и ночным переходом, не могла супротивляться. Все было захвачено. Пугачев повесил Чернышева, тридцать шесть офицеров, одну прапорщицу и калмыцкого полковника[20], оставшегося верным своему несчастному начальнику.

В то же самое время бригадир Корф вступал в Оренбург с двумя тысячами четырьмястами человек войска и с двадцатью орудиями. Пугачев напал и на него, но был отражен городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленным от ужаса. 14 ноября Рейнсдорп, не подав накануне никакой помощи отряду несчастного Чернышева, вздумал сделать сильную вылазку. Все войско, бывшее в городе (включая тут же и вновь прибывший отряд), было выведено в поле под предводительством обер-коменданта. Бунтовщики, верные своей системе, сражались издали и врассыпную, производя беспрестанный огонь из многочисленных своих орудий. Изнуренная городская конница не могла иметь и надежды на успех. Валленштерн принужден был составить каре и отступить, потеряв тридцать два человека[21]. В тот же день майор Варнстед, отряженный Каром на Ново-Московскую дорогу, встречен был сильным отрядом Пугачева и поспешно отступил, потеряв до двухсот человек убитыми.

Получив известие о взятии Чернышева, Кар совершенно упал духом и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности. Он донес обо всем Военной коллегии, самовольно отказался от начальства, под предлогом болезни, дал несколько умных советов насчет образа действий противу Пугачева и, оставя свое войско на попечение Фрейману, уехал в Москву, где появление его произвело общий ропот. Императрица строгим указом повелела его исключить из службы. С того времени жил он в своей деревне, где и умер в начале царствования Александра.

Императрица видела необходимость взять сильные меры противу возрастающего зла. Она искала надежного военачальника в преемники бежавшему Кару и выбрала генерал-аншефа Бибикова. – Александр Ильич Бибиков принадлежит к числу замечательнейших лиц екатерининских времен, столь богатых людьми знаменитыми. В молодых еще летах он успел уже отличиться на поприще войны и гражданственности. Он служил с честию в Семилетнюю войну и обратил на себя внимание Фридриха Великого. Важные препоручения были на него возлагаемы: в 1763 году послан он был в Казань для усмирения взбунтовавшихся заводских крестьян. Твердостию и благоразумною кротостию вскоре восстановил он порядок. В 1766 году, когда составлялась Комиссия нового уложения, он председательствовал в Костроме на выборах; сам был избран депутатом и потом назначен в предводители всего собрания. В 1771 году он назначен был на место генерал-поручика Веймарна главнокомандующим в Польшу, где в скором времени успел не только устроить упущенные дела, но и приобрести любовь и доверенность побежденных.

В эпоху, нами описываемую, находился он в Петербурге. Сдав недавно главное начальство над завоеванной Польшею генерал-поручику Романиусу, он готовился ехать в Турцию служить при графе Румянцове. Бибиков был холодно принят императрицею, дотоле всегда к нему благосклонной. Может быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на деле и душою

преданный государыне, Бибиков был брюзглив и смел в своих суждениях. Но Екатерина умела властвовать над своими предубеждениями. Она подошла к нему на придворном бале с прежней ласковой улыбкою и, милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибиков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению:

Сарафан ли мой, дорогой сарафан!
Везде ты, сарафан, пригожаешься;
А не надо, сарафан, и под лавкою лежишь.

Он безоговорочно принял на себя многотрудную должность и 9 декабря отправился из Петербурга.

Приехав в Москву, Бибиков нашел старую столицу в страхе и унынии. Жители, недавние свидетели бунта и чумы, трепетали в ожидании нового бедствия. Множество дворян бежало в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навезенные, распускали по площади вести о вольности и о истреблении господ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова с восторгом, доказывавшим, в какой опасности полагали себя. Он оставил Москву, спеша оправдать ее надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Действия мятежников. — Майор Заев. — Взятие Ильинской крепости. — Смерть Камешкова и Воронова. — Состояние Оренбурга. — Осада Яицкого городка. — Сражение под Бердою. — Бибиков в Казани. — Екатерина II, помещица казанская. — Мнение Европы. — Вольтер. — Указ о доме и семействе Пугачева.

Разбитие Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачные вылазки Валленштерна и Корфа увеличили в мя-

тежниках дерзость и самонадеянность. Они кинулись во все стороны, разоряя селения, города, возмущая народ, и нигде не находили супротивления. Торнов с шестьюстами человек взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область. Чика между тем подступил под Уфу с десятитысячным отрядом и осадил ее в конце ноября. Город не имел укреплений, подобных оренбургским; однако ж комендант Мясоедов и дворяне, искавшие в нем убежища, решились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильные нападения, остановился в селе Чесноковке в десяти верстах от Уфы, взбунтовал окрестные деревни, большею частию башкирские, и отрезал город от всякого сообщения. Ульянов, Давыдов и Белобородов действовали между Уфою и Казанью. Между тем Пугачев послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхне-Озерную, к востоку от Оренбурга. Для защиты сей стороны отряжен был сибирским губернатором Чичериным генерал-поручик Декалонг и генерал-майор Станиславский[1]. Первый прикрывал границы сибирские; последний находился в Орской[2] крепости, действуя нерешительно, теряя бодрость при малейшей опасности и под различными предлогами отказываясь от исполнения своего долга.

Хлопуша взял Ильинскую, на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина; но пощадил офицеров и не разорил даже крепости. Он пошел на Верхне-Озерную. Комендант, подполковник Демарин, отразил его нападение. Узнав о том, Пугачев сам поспешил на помощь Хлопуше и, соединясь с ним 26 ноября утром, подступил тот же час к крепости. Целый день пальба не умолкала. Несколько раз мятежники, спешась, ударяли в копья, но всегда были опрокинуты. Вечером Пугачев отступил в башкирскую деревню, за двенадцать верст от Верхне-Озерной. Тут узнал он, что с Сибирской линии идут к Ильинской три роты, отряженные генерал-майором Станиславским. Он пошел пресечь им дорогу.

Майор Заев, начальствовавший сим отрядом, успел, однако, занять Ильинскую (27 ноября). Крепость, оставленная Хлопушею, не была им выжжена. Жители не были выведе-

ны. Между ими находилось несколько пленных конфедератов. Стены и некоторые избы были повреждены. Войско все было взято, кроме одного сержанта и раненого офицера. Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе. Одна пушка брошена была в воротах. Заев наскоро сделал некоторые распоряжения, расставил по трем бастионам три пушки, бывшие в его отряде (на четвертый недостало); также учредил караулы и разъезды и стал ожидать неприятеля.

На другой день в сумерки Пугачев явился перед крепостью. Мятежники приблизились и, разъезжая около ее, кричали часовым: «Не стреляйте и выходите вон: здесь государь». По них выстрелили из пушки. Убило ядром одну лошадь. Мятежники скрылись и через час показались из-за горы, скача врассыпную под предводительством самого Пугачева. Их отогнали пушками. Солдаты и пленные поляки (особливо последние) с жаром просились на вылазку, но Заев не согласился, опасаясь от них измены. «Оставайтесь здесь и защищайтесь, – сказал он им, – а я от генерала выходить на вылазку повеления не имею».

29-го Пугачев подступил опять, везя две пушки на санях и перед ними подвигая несколько возов сена. Он кинулся к бастиону, на котором не было пушки. Заев поспешил поставить там две, но прежде, нежели успели их перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастион, спешась бросились и доломали его и с обычным воплем ворвались в крепость. Солдаты расстроились и побежали. Заев, почти все офицеры и двести рядовых были убиты. Остальных погнали в ближнюю татарскую деревню. Пленные солдаты приведены были против заряженной пушки. Пугачев, в красном казацком платье, приехал верхом в сопровождении Хлопуши. При его появлении солдаты поставлены были на колени. Он сказал им: «Прощает вас Бог и я, ваш государь Петр III, император. Вставайте!». Потом велел оборотить пушку и выпалить в степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии

смиренные имена. «Зачем вы шли на меня, на вашего государя?» – спросил победитель. – «Ты нам не государь, – отвечали пленники, – у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец». Они тут же были повешены. – Потом привели капитана Башарина. Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. «Коли он был до вас добр, – сказал самозванец, – то я его прощаю». И велел его так же, как и солдат, остричь по-казацки, а раненых отвезти в крепость. Казаки, бывшие в отряде, были приняты мятежниками как товарищи. На вопрос, зачем они тотчас не присоединились к осаждающим, они отвечали, что боялись солдат.

От Ильинской Пугачев опять обратился к Верхне-Озерной. Ему непременно хотелось ее взять, тем более что в ней находилась жена бригадира Корфа. Он грозился ее повесить, злобясь на ее мужа, который думал обмануть его лживыми переговорами[3].

30 ноября он снова окружил крепость и целый день стрелял по ней из пушек, покушаясь на приступ то с той, то с другой стороны. Демарин, для ободрения своих, целый день стоял на валу, сам заряжая пушку. Пугачев отступил и хотел идти противу Станиславского, но, перехватив оренбургскую почту, раздумал и возвратился в Бердскую слободу.

Во время его отсутствия Рейнсдорп хотел сделать вылазку, и 30-го, ночью, войско выступило было из городу; но лошади, изнуренные бескормицей, падали и дохли под тяжестью артиллерии, а несколько казаков бежало. Валленштерн принужден был возвратиться.

В Оренбурге начинал оказываться недостаток в съестных припасах. Рейнсдорп требовал оных от Декалонга и Станиславского. Оба отговаривались. Он ежечасно ожидал прибытия нового войска и не получал о нем никакого известия, будучи отрезан отовсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высылал он иногда до тысячи человек, и то нередко без успеха. Вздумал он, по совету Тима-

шева, расставить капканы около вала и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военной хитростию, хотя им было не до смеха; а Падуров, в одном из своих писем, язвительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмешливо советуя покориться самозванцу[4].

Яицкий городок, сие первое гнездо бунта, долго не выходил из повиновения, устрашенный войском Симонова. Наконец частые пересылки с бунтовщиками и ложные слухи о взятии Оренбурга ободрили приверженцев Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновым из города для содержания караулов или для поимки возмутителей, подсылаемых из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освобождать схваченных бунтовщиков, вязать верных старшин и перебегать в лагерь к самозванцу. Разнесся слух о приближении мятежнического отряда. В ночь с 29 на 30 декабря старшина Мостовщиков выступил противу него. Через несколько часов трое из бывших с ним казаков прискакали в крепость и объявили, что Мостовщиков в семи верстах от города был окружен и захвачен многочисленными толпами бунтовщиков. Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастию, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения. 31 декабря отряд мятежников, под предводительством Толкачева, вошел в город. Жители приняли его с восторгом и тут же, вооружась чем ни попало, с ним соединились, бросились к крепости изо всех переулков, засели в высокие избы и начали стрелять из окошек. Выстрелы, говорит один свидетель, сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. В крепости падали не только люди, стоявшие на виду, но и те, которые на минуту приподымались из-за заплотов. – Мятежники, безопасные в десяти саженях от крепости, и большею частию *гулебщики* (охотники) попадали даже в щели, из которых стреляли осажденные. Симонов и Крылов хотели зажечь ближайшие дома. Но бом-

бы падали в снег и угасали или тотчас были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконец трое рядовых вызвались зажечь ближайший двор, что им и удалось. Пожар быстро распространился. Мятежники выбежали, из крепости начали по них стрелять из пушек; они удалились, унося убитых и раненых. К вечеру ободренный гарнизон сделал вылазку и успел зажечь еще несколько домов.

В крепости находилось до тысячи гарнизонных солдат и послушных; довольное количество пороху, но мало съестных припасов. Мятежники осадили крепость, завалили бревнами обгорелую площадь и ведущие к ней улицы и переулки, за строениями взвели до шестнадцати батарей, в избах, подверженных выстрелам, поделали двойные стены, засыпав промежуток землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить неприятеля, очищая площадь и нападая на укрепленные избы. Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза в день, и всегда с успехом: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады от мятежников.

Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали муку и крупу и стали им производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом. Большая часть их пала и употреблена была в пищу. Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым тайным образом) за двадцать пять рублей. По предложению Рычкова (академика, находившегося в то время в Оренбурге) стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, мешать в хлебы. Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа.

В сей крайности Рейнсдорп решился еще раз попробовать счастия оружия, и 13 января все войска, находившиеся в Оренбурге, выступили из города тремя колоннами под предводительством Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимнего утра, глубина снега и изнурение лошадей препятствовали дружному содействию войск. Наумов первый прибыл к назначенному месту. Мятежники увидели его

и успели сделать свои распоряжения. Валленштерн, долженствовавший занять высоты у дороги из Берды в Каргале, был предупрежден. Корф был встречен сильным пушечным огнем; толпы мятежников начали заезжать в тыл обеим колоннам. Казаки, оставленные в резерве, бежали от них и, прискакав к колонне Валленштерна, произвели общий беспорядок. Он очутился между трех огней; солдаты его бежали; Валленштерн отступил; Корф ему последовал; Наумов, сначала действовавший довольно удачно, страшась быть отрезанным, кинулся за ними. Все войско бежало в беспорядке до самого Оренбурга, потеряв до четырехсот убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудий в руках разбойников. После сей неудачи Рейнсдорп уже не осмеливался действовать наступательно и под защитою стен и пушек стал ожидать своего освобождения.

Бибиков прибыл в Казань 25 декабря. В городе не нашел он ни губернатора, ни главных чиновников. Большая часть дворян и купцов бежала в губернии еще безопасные. Брант был в Козьмодемьянске. Приезд Бибикова оживил унывший город; выехавшие жители стали возвращаться. 1 января 1774 года, после молебствия и слова, говоренного казанским архиереем Вениамином, Бибиков собрал у себя дворянство и произнес умную и сильную речь, в которой, изобразив настоящее бедствие и попечения правительства о пресечении оного, обратился к сословию, которое вместе с правительством обречено было на гибель крамолою, и требовал содействия от его усердия к отечеству и верности к престолу. Речь сия произвела глубокое впечатление. Собрание тут же положило на свой счет составить и вооружить конное войско, поставя с двухсот душ одного рекрута. Генерал-майор Ларионов, родственник Бибикова, был избран в начальники легиона. Дворянство симбирское, свияжское и пензенское последовало сему примеру: были составлены еще два конных отряда и поручены начальству майоров Гладкова и Чемесова и капитана Матюнина. Казанский магистрат также вооружил на свое иждивение один эскадрон гусар.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанской помещицей, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами. Дворянский предводитель Макаров отвечал императрице речью, сочиненной гвардии подпоручиком Державиным, находившимся тогда при главнокомандующем[5].

Бибиков, стараясь ободрить окружавших его жителей и подчиненных, казался равнодушным и веселым; но беспокойство, досада и нетерпение терзали его. В письмах к графу Чернышеву, Фонвизину и своим родственникам он живо изображает затруднительность своего положения. 30 декабря писал он своей жене: «Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская; делаю все возможное и прошу Господа о помощи. Он един исправить может Своею милостию. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера, баталион гренадер и два эскадрона гусар, что я велел везти на почте, прибыли. Но к утушению заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургский пожар, как в разных местах вдруг горело и как было поспевать всюду трудно. Со всем тем, с надеждою на Бога, буду делать, что только в моей возможности будет. Бедный старик губернатор Брант так замучен, что насилу уже таскается. Отдаст Богу ответ в пролитой крови и погибели множества людей невинных, кто скоростию перепакостил здешние дела и обнажил от войск. Впрочем, я здоров, только пить ни есть не хочется, и сахарные яства на ум нейдут. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостивого государя, прошу о родительских молитвах, а праведную[6] Евпраксию нередко поминаю. Ух! дурно».

В самом деле, положение дел было ужасно. Общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю, отовсюду пресекало сообщение. Войско

было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои места и бежали, завидя башкирца с сайдаком или заводского мужика с дубиною[7]. Зима усугубила затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом[8]. Невозможно было двинуться вперед, не запасшись не только хлебом, но и дровами[9]. Селения были пусты, главные города в осаде, другие заняты шайками бунтовщиков, заводы разграблены и выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска, посланные изо всех концов государства, подвигались медленно. Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко. От Илецкого городка до Гурьева яицкие казаки бунтовали. Губернии Казанская, Нижегородская и Астраханская[10] были наполнены шайками разбойников; пламя могло ворваться в самую Сибирь; в Перми начинались беспокойства; Екатеринбург был в опасности. Киргиз-кайсаки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу, грабить хутора, отгонять скот, захватывать жителей[11]. Закубанские народы шевелились, возбуждаемые Турцией; даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в коем находилась тогда Россия[12].

Виновник сего ужасного смятения привлекал общее внимание. В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: C'est apparemment le chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans est sifflée aujourd'hui*.

Императрица, досадуя на сплетни европейские, отвечала Вольтеру с некоторым нетерпением[13]: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec m-r de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un que des entreprises de l'autre. M-r de Pogatschef et m-r de Tott ont cependant cela de commun, que

* По-видимому, этот фарс разыгрывается по воле шевалье де Тотт, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, имевшая успех двести лет назад, ныне освистана *(франц.)*.

le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie*.

Несмотря на свое презрение к разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослепленную чернь. Разосланы были всюду увещевательные манифесты; обещано десять тысяч рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношений Яика с Доном. Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен Сулин. Послано в Черкасск повеление сжечь дом и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякого оскорбления*, отправить в Казань, для уличения самозванца в случае поимки его. Донское начальство в точности исполнило слова высочайшего указа: дом Пугачева, находившийся в Зимовейской станице, был за год пред сим продан его женою, пришедшею в крайнюю бедность, и уже сломан и перенесен на чужой двор. Его перевезли на прежнее место и в присутствии духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развеяли пепел на ветер, двор окопали и огородили, оставя на веки в запустении, как место проклятое. Начальство, от имени всех зимовейских казаков, просило дозволения перенести их станицу на другое место, *хотя бы и менее выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую, покрыв мрачные воспоминания о мятежнике славой имени нового, уже любезного ей и отечеству. Жена Пугачева, сын и две дочери (все трое малолетные) были отосланы в Казань, куда отправлен и родной его брат, служивший казаком во второй армии. Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство[14].

Емельян Пугачев, Зимовейской станицы служилый казак, был сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы

* Одни только газеты подымают шум по поводу разбойника Пугачева, который ни в прямых, ни в косвенных отношениях с г. де Тотт не состоит. Пушки, отлитые одним, для меня значат столько же, сколько предприятия другого. Господин де Пугачев и господин де Тотт имеют, впрочем, то общее, что один изо дня в день плетет себе веревку из конопли, а другой в любую минуту рискует получить шелковый шнурок *(франц.)*.

имел темно-русые, бороду черную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышибен еще в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью[15]. Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину зимовейский атаман спрашивал его на станичном сбору, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачев отвечал, что купил ее в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачев уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачева в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своем хуторе, где и был пойман; но успел убежать; скитался месяца три неведомо где; наконец, в Великом посту, однажды вечером пришел тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о нем казакам. Пугачев был снова пойман и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкасск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачева, в конце 1772 года приведенного в Канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Ветке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Польши, и пробрался на Яик, питаясь милостыней. – Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачеве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя, когда разрешено было писать и печатать о Пугачеве[16]. Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Распоряжения Бибикова. — Первые успехи. — Взятие Самары и Заинска. — Державин. — Михельсон. — Продолжение осады Яицкого городка. — Свадьба Пугачева. — Разорение Илецкой Защиты. — Смерть Лысова. — Сражение под Татищевой. — Бегство Пугачева. — Казнь Хлопуши. — Освобождение Оренбурга. — Пугачев разбит вторично. — Сражение при Чесноковке. — Освобождение Уфы и Яицкого городка. — Смерть Бибикова.

Наконец войска, отовсюду посланные противу Пугачева, стали приближаться к месту своего назначения. Бибиков устремил их к Оренбургу. Генерал-майор князь Голицын с своим корпусом должен был заградить Московскую дорогу, действуя от Казани до Оренбурга. Генерал-майору Мансурову вверено было правое крыло для прикрытия Самарской линии, куда со своими отрядами следовал майор Муфель и подполковник Гринев. Генерал-майор Ларионов послан был к Уфе и к Екатеринбургу. Декалонг охранял Сибирь и должен был отрядить майора Гагрина с одною полевою командою для защиты Кунгура. В Малыковку послан был гвардии поручик Державин для прикрытия Волги со стороны Пензы и Саратова. Успех оправдал сии распоряжения. Бибиков сначала сомневался в духе своего войска. В одном из полков (во Владимирском) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникам городов, через которые полк проходил, велено было разослать по кабакам переодетых чиновников. Таким образом возмутители были открыты и захвачены. Впоследствии Бибиков был доволен своими полками. «Дела мои, Богу благодарение! (писал он в феврале) идут час от часу лучше; войски подвигаются к гнезду злодеев. Что мною довольны (в Петербурге), то я изо всех писем вижу, только спросили бы у гуся: не зябут ли ноги?»

Майор Муфель с одною полевою командою 29 декабря приближился к Самаре, занятой накануне шайкою бунтовщи-

ков, и, встреченный ими, разбил и гнал их до самого города. Тут они под прикрытием городских пушек думали супротивляться. Но драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих. В самое сие время в двух верстах от Самары показались ставропольские калмыки[1], идущие на помощь бунтовщикам. Они побежали, увидя высланную противу их конницу. Город был очищен. Шесть пушек и двести пленных достались победителю. Вслед за Муфелем вступили в Самару подполковник Гринев и генерал-майор Мансуров. Последний немедленно послал отряд к Ставрополю для усмирения калмыков; но они разбежались, и отряд, не видав их, возвратился в Самару.

Полковник Бибиков, отряженный из Казани с четырьмя гренадерскими ротами и одним эскадроном гусар на подкрепление генерал-майора Фреймана, стоявшего в Бугульме безо всякого действия, пошел на Заинск, коего семидесятилетний комендант, капитан Мертвецов, принял с честью шайку разбойников, сдав им начальство над городом. Бунтовщики укрепились как умели; в пяти верстах от города Бибиков услышал уже их пушечную пальбу. Рогатки их были сломаны, батареи взяты, предместия заняты; все бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повиновение. К Бибикову являлось в день до четырех тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты и всех распускали по домам.

Державин, начальствуя тремя фузелерными ротами, привел в повиновение раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза, и орды племен, кочующих между Яиком и Волгою[2]. Узнав однажды, что множество народу собралось в одной деревне с намерением идти служить у Пугачева, он приехал с двумя казаками прямо к сборному месту и потребовал от народа объяснения. Двое из зачинщиков выступили из толпы, объявили ему свое намерение и начали к нему приступать с укорами и угрозами. Народ уже готов был остервениться. Но Державин строго на них прикрикнул и велел своим казакам вешать обоих зачинщиков. Приказ его был тотчас исполнен, и сборище разбежалось.

Генерал-майор Ларионов, начальник дворянского легиона, отряженный для освобождения Уфы, не оправдал общей доверенности. «За грехи мои (писал Бибиков) навязался мне братец мой А. Л., который сам вызвался сперва командовать особливым деташментом, а теперь с места сдвинуть не могу». Ларионов оставался в Бакалах без всякого действия. Его неспособность заставила главнокомандующего послать на его место некогда раненного при его глазах и уже отличившегося в войне противу конфедератов офицера, подполковника Михельсона.

Князь Голицын принял начальство над войсками Фреймана. 22 января перешел он через Каму. 6 февраля соединился с ним полковник Бибиков; Мансуров – 10-го. Войско двинулось к Оренбургу.

Пугачев знал о приближении войск и мало о том заботился. Он надеялся на измену рядовых и на оплошность начальников. «Попадутся сами нам в руки», – отвечал он своим сообщникам, когда настойчиво звали они его навстречу приближающихся отрядов. В случае ж поражения намеревался он бежать, оставя свою сволочь на произвол судьбы. Для того держал он на лучшем корму тридцать лошадей, выбранных им на скачке. Башкирцы подозревали его намерение и роптали. «Ты взбунтовал нас, – говорили они, – и хочешь нас оставить, а там нас будут казнить, как казнили отцов наших». (Казни 1740-го году были у них в свежей памяти[3].) Яицкие же казаки в случае неудачи думали предать Пугачева в руки правительства и тем заслужить себе помилование. Они стерегли его как заложника. Бибиков понимал их и Пугачева, когда писал Фонвизину следующие замечательные строки: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование»[4].

Пугачев из-под Оренбурга отлучился к Яицкому городку. Его прибытие оживило деятельность мятежников. 20 января он сам предводительствовал достопамятным приступом. Ночью взорвана была часть вала под батареей, устроенною при *Старице* (прежнем русле Яика). Мятежники под дымом и пылью с криком бросились к крепости, заняли ров и, ставя лестницы,

силились взойти на вал, но были опрокинуты и отражены. Все жители, даже женщины и дети, подкрепляли их. Пугачев стоял во рву с копьем в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. Приступ длился девять часов сряду при неумолкной пальбе и перестрелке. Наконец подпоручик Толстовалов с пятидесятью охотниками сделал вылазку, очистил ров и прогнал бунтовщиков, убив до четырехсот человек и потеряв не более пятнадцати. Пугачев скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов.

Пугачев в Яицком городке увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в нее. Он стал ее сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: «Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня еще здравствует?» Пугачев, однако, в начале февраля женился на Устинье, наименовал ее императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел, чтоб на ектенье поминали после государя Петра Федоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрешения от Синода. Отказ их огорчил Пугачева; но он не настаивал в своем требовании. Жена его оставалась в Яицком городке, и он ездил к ней каждую неделю. Его присутствие ознаменовано было всегда новыми покушениями на крепость. Осажденные, с своей стороны, не теряли бодрости. Их пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 февраля ночью прибежал из городу в крепость *малолеток*[5] и объявил, что с прошедшего дня подведен под колокольню подкоп, куда и положено двадцать пуд пороху, и что Пугачев назначал того же числа напасть на крепость. Извет показался невероятным. Симонов полагал, что малолеток был подослан нарочно для посеяния пустого страха. Осажденные вели контрмину и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярус-

ную, высокую колокольню. Однако же, как под нею в подвале сохранялся весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), то и поспешили оный убрать, разобрали кирпичный пол и начали вести контрмину. Гарнизон приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двух часов, как вдруг подкоп был приведен в действо; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхние шесть ярусов осели, подавив нескольких людей, находившихся близ колокольни. Камни, не быв разметаны, свалились в груду. Бывшие же в самом верхнем ярусе шесть часовых при пушке свалились оттоле живы; а один из них, в то время спавший, опустился не только без всякого вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, как уже из крепости загремели пушки; гарнизон, стоявший в ружье, тотчас занял развалины колокольни и поставил там батарею. Мятежники, не ожидавшие таковой встречи, остановились в недоумении; чрез несколько минут они подняли свой обычный визг; но никто не шел вперед. Напрасно предводители кричали: «На слом, на слом, атаманы молодцы!» Приступу не было; визг продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обещавшего им, что при взрыве колокольни на крепость упадет каменный град и передавит весь гарнизон.

На другой день Пугачев получил из-под Оренбурга известие о приближении князя Голицына и поспешно уехал в Берду, взяв с собою пятьсот человек конницы и до полуторы тысячи подвод. Сия весть дошла и до осажденных. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспеет к ним чрез две недели. Но минута их освобождения была еще далека.

Во время частых отлучек Пугачева, Шигаев, Падуров и Хлопуша управляли осадою Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствием, вздумал овладеть Илецкою Защитой[6] (где добывается каменная соль) и в конце февраля, взяв с собой четыреста человек, напал на оную. Защита была взята при помощи тамошних ссыльных работников, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кроме одного, пощаженного по просьбе

работников; колодники присоединены к шайке мятежников. Пугачев, возвратясь в Берду, негодовал на своеволие смелого каторжника и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казне. Пугачев выступил против князя Голицына с десятью тысячами отборного войска, оставя под Оренбургом Шигаева с двумя тысячами. Накануне велел он тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова. Несколько дней пред тем они ехали вместе из Каргале в Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысов наскакал сзади на Пугачева и ударил его копьем. Пугачев упал с лошади; но панцирь, который всегда носил он под платьем, спас его жизнь. Их помирили товарищи, и Пугачев пил еще с Лысовым за несколько часов до его смерти.

Пугачев занял крепости Тоцкую и Сорочинскую[7] и с обыкновенною дерзостию ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына, но был отражен майорами Пушкиным и Елагиным. В сем сражении убит храбрый Елагин. В самое сие время Мансуров соединился с князем Голицыным. Пугачев отступил к Новосергиевской[8], не успев сжечь крепостей, им оставленных. Голицын, оставя в Сорочинской свои запасы под прикрытием четырехсот человек при осьми пушках, через два дня пошел далее. Пугачев сделал движение на Илецкий городок и, вдруг поворотя к Татищевой, в ней засел и стал там укрепляться. Голицын послал было к Илецкому городку подполковника Бедрягу с тремя эскадронами конницы, подкрепляемой пехотою и пушками, а сам пошел прямо на Переволоцкую[9] (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обоз под прикрытием одного батальона при подполковнике Гриневе, 22 марта подступил под Татищеву.

Крепость, в прошедшем году взятая и выжженная Пугачевым, была уже им исправлена. Сгоревшие деревянные укрепления были заменены снеговыми. Распоряжения Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве. Голицын сначала отрядил триста человек для высмотру неприятеля[10]. Мятежники, притаясь, подпустили их к самой крепости и вдруг сделали сильную

вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкреплявшими первых. Полковник Бибиков тот же час послал егерей, которые, бегая на лыжах по глубокому снегу, заняли все выгодные высоты. Голицын разделил войска на две колонны, стал приближаться и открыл огонь, на который из крепости отвечали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицын увидел, что одними пушками одолеть было невозможно, и велел генералу Фрейману с левой колонною идти на приступ. Пугачев выставил противу него семь пушек. Фрейман их отнял и бросился на оледенелый вал. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силе правильного оружия – и бежали во все стороны. Конница, дотоле не действовавшая, преследовала их по всем дорогам. Кровопролитие было ужасно. В одной крепости пало до тысячи трехсот мятежников. На пространстве двадцати верст кругом, около Татищевой, лежали их тела. Голицын потерял до четырехсот убитыми и ранеными, в том числе более двадцати офицеров[11]. Победа была решительная. Тридцать шесть пушек и более трех тысяч пленных достались победителю. Пугачев с шестьюдесятью казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что все пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу[12], послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами. Сотник Логинов, сопровождавший бегство Пугачева, явился к Рейнсдорпу с сим известием. Бедный Рейнсдорп не смел поверить своему счастию и целых два часа не мог решиться дать требуемый сигнал! Пугачев и Хлопуша были между тем освобождены ссылочными, находившимися в Берде. Пугачев бежал с десятью пушками, с заграбленною добычею и с двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша

прискакал к Каргале с намерением спасти жену и сына. Татары связали его и послали уведомить о том губернатора. Славный каторжник был привезен в Оренбург, где наконец отсекли ему голову в июне 1774 года.

Оренбургские жители, услышав о своем освобождении, толпами бросились из города вслед за шестьюстами человек пехоты, высланных Рейнсдорпом к оставленной слободе, и овладели жизненными запасами. В Берде найдено осьмнадцать пушек, семнадцать бочек медных денег[13] и множество хлеба. В Оренбурге спешили принести Богу благодарение за нечаянное избавление. Благословляли Голицына. Рейнсдорп писал ему, поздравляя его с победою и называя спасителем Оренбурга[14]. Отовсюду начали в город навозить запасы. Настало изобилие, и бедственная шестимесячная осада была забыта в одно радостное мгновение. 26 марта Голицын приехал в Оренбург; жители приняли его с восторгом неописанным.

Бибиков с нетерпением ожидал сего перелома. Для ускорения военных действий выехал он из Казани и был встречен в Бугульме известием о совершенном поражении Пугачева. Он обрадовался несказанно. «То-то жернов с сердца свалился (писал он от 26 марта жене своей). Сегодня войдут мои в Оренбург; немедленно и я туда поспешу добраться, чтоб еще ловчее было поворачивать своими; а сколько седых волос прибавилось в бороде, то Бог видит; а на голове плешь еще более стала: однако я по морозу хожу без парика».

Между тем Пугачев, миновав разосланные разъезды, прибыл утром 24-го в Сеитовскую[15] слободу, зажег ее и пошел к Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Он полагал наверное, что из Татищевой Голицын со всеми своими силами должен был обратиться к Яицкому городку, и вдруг пошел занять снова Бердскую слободу, надеясь нечаянно овладеть Оренбургом. Голицын, узнав о такой дерзости чрез полковника Хорвата, преследовавшего Пугачева от самой Татищевой, усилил свое войско бывшими в Оренбурге пехотными отрядами и казаками; взяв для них последних лошадей у своих офицеров, немедленно пошел навстречу самозванцу и встретил его в

Каргале. Пугачев, увидя свою ошибку, стал отступать, искусно пользуясь местоположением. На узкой дороге против полковников Бибикова и Аршеневского выставил он семь пушек и под их прикрытием проворно устремился к реке Сакмаре. Но тут к Бибикову подоспели пушки; он, заняв гору, выстроил батарею; Хорват, в последней теснине, бросясь на мятежников, отбил орудия и, обратя в бегство, восемь верст преследовал их толпы и вместе с ними въехал в Сакмарский городок. Пугачев потерял последние пушки, четыреста человек убитыми и три тысячи пятьсот взятыми в плен. В числе последних находились и главные его сообщники: Шигаев, Почиталин, Падуров и другие. Пугачев с четырьмя заводскими мужиками бежал к Пречистенской и оттоле на уральские заводы. Усталая конница не могла его достичь. После сей решительной победы Голицын возвратился в Оренбург, отрядив Фреймана – для усмирения Башкирии, Аршеневского – для очищения Ново-Московской дороги, а Мансурова – к Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шел он на освобождение Симонова.

Михельсон, с своей стороны, действовал не менее удачно. Приняв 18 марта начальство над своим отрядом, он тотчас двинулся к Уфе. Противу него, для преграждения пути, выслано было Чикою две тысячи человек с четырьмя пушками, которые и ожидали его в деревне Жукове. Михельсон, оставя их у себя в тылу, пошел прямо на Чесноковку, где стоял Чика с десятью тысячами мятежников, и, рассея дорогою несколько мелких отрядов, 25-го на рассвете пришел в деревню Требикову (в пяти верстах от Чесноковки). Тут он был встречен толпою бунтовщиков с двумя пушками. Майор Харин разбил их и рассеял: егеря отняли пушки, и Михельсон двинулся вперед. Обоз его шел под прикрытием ста человек и одной пушки. Они прикрывали и тыл Михельсона, в случае нападения. 26-го на рассвете у деревни Зубовки встретил он мятежников. Часть их выбежала на лыжах и верхами и, растянувшись по обеим сторонам дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрепленные десятью пушками, пошли прямо ему навстречу. Между тем открыли огонь из батареи, поставленной

в деревне. Сражение продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконец Михельсон, увидя конницу, идущую к ним на подкрепление, устремил все свои силы на главную толпу и велел своей коннице, спешившейся в начале сражения, садиться на-конь и ударить в палаши. Передовые толпы бежали, брося пушки. Харин, рубя их, вместе с ними вступил в Чесноковку. Между тем конница, шедшая к ним на помощь в Зубовку, была отражена и бежала к Чесноковке же, где Харин встретил ее и всю захватил. Лыжники, успевшие зайти в тыл Михельсону и отрезать от него обоз, в то же время были разбиты двумя ротами гренадер. Они разбежались по лесам. Взято в плен три тысячи бунтовщиков. Заводские и экономические крестьяне распущены были по деревням. Захвачено двадцать пять пушек и множество запасов. Михельсон повесил двух главных бунтовщиков: башкирского старшину и выборного села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Табинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены 16 казаками и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу. После того Михельсон учредил разъезды во все стороны и успел восстановить спокойствие в большей части бунтовавших деревень.

Илецкий городок и крепости Озерная и Рассыпная, свидетели первых успехов Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники их, Чулошников и Кизилбашин, бежали в Яицкий городок. Весть о поражении самозванца под Татищевой в тот же день до них достигла. Беглецы, преследуемые гусарами Хорвата, проскакали через крепости крича: «Спасайтесь, детушки! все пропало!» Они наскоро перевязывали свои раны и спешили к Яицкому городку. Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей. В Озерной старая казачка[17] каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? не ты ли, мой Степушка?

не твои ли черные кудри свежа вода моет?» – и, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп.

Мансуров 6 и 7 апреля занял оставленные крепости и Илецкий городок, нашед в последнем четырнадцать пушек. 15-го, при опасной переправе чрез разлившуюся речку Быковку, на него напали Овчинников, Перфильев и Дегтерев. Мятежники были разбиты и рассеяны; Бедряга и Бородин их преследовали; но распутица спасла предводителей. Мансуров немедленно пошел к Яицкому городку.

Крепость находилась в осаде с самого начала года[18]. Отсутствие Пугачева не охлаждало мятежников. В кузницах приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новые батареи. Мятежники деятельно продолжали свои земляные работы, то обрывая берег Чечоры и тем уничтожая сообщение одной части города с другой, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкам. Они намерены были вести подкопы по яру Старицы, кругом всей крепости, под соборную церковь, под батареи и под комендантские палаты. Осажденные находились в вечной опасности и, с своей стороны, принуждены были отовсюду вести контрмины, с трудом прорубая землю, промерзшую на целый аршин; перегораживали крепость новою стеною и кулями, наполненными кирпичом взорванной колокольни.

9 марта на рассвете двести пятьдесят рядовых вышли из крепости; целью вылазки было уничтожение новой батареи, сильно беспокоившей осажденных. Солдаты дошли до завалов, но были встречены сильным огнем. Они смешались. Мятежники хватали их в тесных проходах между завалами и избами, которые хотели они зажечь; кололи раненых и падающих и топорами отсекали им головы. Солдаты бежали. Убито их было до тридцати человек, ранено до осьмидесяти. Никогда с таким уроном гарнизон с вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да несколько изб. Показание трех захваченных бунтовщиков увеличило уныние осажденных: они объявили о подкопах, веденных под крепость, и о скором прибытии Пугачева. Устрашенный Симонов велел всюду производить новые работы; около его дома беспрестанно пробовали

землю буравами; стали копать новый ров. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла в ружье; другой позволено было только сидя дремать. Лазарет наполнился больными; съестных запасов оставалось не более как дней на десять. Солдатам начали выдавать в сутки только по четверть фунта муки, то есть десятую часть меры обыкновенной. Не было уже ни круп, ни соли. Вскипятив артельный котел воды и забелив ее мукою, каждый выпивал чашку свою, что и составляло их насуточную пищу. Женщины не могли более вытерпливать голода: они стали проситься вон из крепости, что и было им позволено; несколько слабых и больных солдат вышли за ними; но бунтовщики их не приняли, а женщин, продержав одну ночь под караулом, прогнали обратно в крепость, требуя выдачи своих сообщников и обещаясь за то принять и прокормить высланных. Симонов на то не согласился, опасаясь умножить число врагов. Голод час от часу становился ужаснее. Лошадиного мяса, раздававшегося на вес, уже не было. Стали есть кошек и собак. В начале осады, месяца за три до сего, брошены были на лед убитые лошади; о них вспомнили, и люди с жадностию грызли кости, объеденные собаками. Наконец и сей запас истощился. Стали изобретать новые способы к пропитанию. Нашли род глины, отменно мягкой и без примеси песку. Попробовали ее сварить и, составя из нее какой-то кисель, стали употреблять в пищу. Солдаты совсем обессилели. Некоторые не могли ходить. Дети больных матерей чахли и умирали. Женщины несколько раз покушались тронуть мятежников и, валяясь в их ногах, умоляли о позволении остаться в городе. Их отгоняли с прежними требованиями. Одни казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, с недели на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбург, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что он скоро придет к Яицкому городку и что тогда уж пощады не будет. В случае ж покорности обещали они от его имени не только помилование, но и награды. То же старались они внушить и бедным жен-

щинам, которые просились из крепости в город. Начальникам невозможно было обнадеживать осажденных скорым прибытием помощи; ибо никто не мог уж и слышать о том без негодования: так ожесточены были сердца долгим напрасным ожиданием! Старались удержать гарнизон в верности и повиновении, повторяя, что позорной изменою никто не спасется от гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременным сопротивлением, не пощадят и клятвопреступников. Старались возбудить в душе несчастных надежду на Бога всемогущего и всевидящего, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя воле Его, нежели служить разбойнику, и во все время бедственной осады, кроме двух или трех человек, из крепости беглых не было.

Наступила Страстная неделя. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотел умереть голодною смертью. Решились все до одного (кроме совершенно изнеможенных) идти на последнюю вылазку. Не надеялись победить (бунтовщики так укрепились, что уже ни с какой стороны к ним из крепости приступу не было), хотели только умереть честною смертию воинов.

Во вторник, в день, назначенный к вылазке, часовые, поставленные на кровле соборной церкви, приметили, что бунтовщики в смятении бегали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выезжали в степь. Казачки провожали их. Осажденные догадывались о чем-то необыкновенном и предались опять надежде. «Все это нас так ободрило, – говорит свидетель осады, претерпевший весь ее ужас, – как будто мы съели по куску хлеба». Мало-помалу смятение утихло; все, казалось, вошло в обыкновенный порядок. Уныние овладело осажденными пуще прежнего. Они молча глядели в степь, отколе ожидали еще недавно избавителей... Вдруг, в пятом часу пополудни, вдали показалась пыль, и они увидели толпы, без порядка скачущие из-за рощи одна за другою. Бунтовщики въезжали в разные ворота, каждый в те, близ коих находился его дом. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бегут; но еще не смели радоваться; опасались отчаянного при-

ступа. Жители бегали взад и вперед по улицам, как на пожаре. К вечеру ударили в соборный колокол, собрали круг, потом кучею пошли к крепости. Осажденные готовились их отразить; но увидели, что они ведут связанных своих предводителей, атаманов Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помиловании. Симонов принял их, сам не веря своему избавлению. Гарнизон бросился на ковриги хлеба, нанесенные жителями. До Светлого Воскресения, пишет очевидец сих происшествий, оставалось еще четыре дня, но для нас уже сей день был светлым праздником. Самые те, которые от слабости и болезни не подымались с постели, мгновенно были исцелены. Все в крепости было в движении, благодарили Бога, поздравляли друг друга; во всю ночь никто не спал. Жители уведомили осажденных об освобождении Оренбурга и об скором прибытии Мансурова. 17 апреля прибыл Мансуров. Ворота крепости, запертые и заваленные с самого 30 декабря, отворились. Мансуров принял начальство над городом. Начальники бунта, Каргин, Толкачев и Горшков, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были под стражею отправлены в Оренбург.

Таков был успех распоряжений искусного, умного военачальника. Но Бибиков не успел довершить начатого им: измученный трудами, беспокойством и досадами, мало заботясь о своем уже расстроенном здоровье, он занемог в Бугульме горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сделал еще несколько распоряжений. Он запечатал все свои тайные бумаги, приказав доставить их императрице, и сдал начальство генерал-поручику Щербатову, старшему по нем. Узнав по слухам об освобождении Уфы, он успел еще донести о том императрице и скончался 9 апреля, в 11 часов утра, на сорок четвертом году от рождения. Тело его несколько дней стояло на берегу Камы, через которую в то время не было возможности переправиться. Казань желала погрести его в своем соборе и сооружить памятник своему избавителю; но, по требованию его семейства, тело Бибикова отвезено было в его деревню. Андреевская лента, звание Сенатора и чин пол-

ковника гвардии не застали его в живых. Умирая, говорил он: «Не жалею о детях и жене; государыня призрит их: жалею об отечестве[19]».— Молва приписала смерть его действию яда, будто бы данного ему одним из конфедератов. Державин воспел кончину Бибикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами[20]. Петербург и Москва поражены были ужасом. Вскоре и вся Россия почувствовала невозвратную потерю[21].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новые успехи Пугачева. — Башкирец Салават. — Взятие сибирских крепостей. — Сражение под Троицкой. — Отступление Пугачева. — Первая встреча его с Михельсоном. — Преследование Пугачева. — Бездействие войск. — Взятие Оксы. — Пугачев под Казанью.

Пугачев, коего положение казалось отчаянным, явился на Авзяно-Петровских заводах. Овчинников и Перфильев, преследуемые майором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремястами яицких казаков и успели с ним соединиться. Ставропольские и оренбургские калмыки хотели им последовать и в числе шестисот кибиток двинулись было к Сорочинской крепости. В ней находился при провианте и фураже отставной подполковник Мелькович, человек умный и решительный. Он принял начальство над гарнизоном и, на них напав, принудил их возвратиться на прежние жилища.

Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь по-прежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений и, захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года,[1] явился между

ими с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силою. Фрейман должен был преследовать Пугачева; Михельсон силился пресечь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли в бездонной грязи; реки разливались на несколько верст; ручьи становились реками. Фрейман остановился в Стерлитамацке. Михельсон, успевший еще переправиться через Вятку по льду, а через Уфу на осьми лодках, продолжал путь, несмотря на всевозможные препятствия, и 5 мая у Симского завода настиг толпу башкирцев, предводительствуемых свирепым Салаватом. Михельсон прогнал их, завод освободил и через день пошел далее. Салават остановился в осьмнадцати верстах от завода, ожидая Белобородова. Они соединились и выступили навстречу Михельсону с двумя тысячами бунтовщиков и с осьмью пушками. Михельсон разбил их снова, отнял у них пушки, положил на месте до трехсот человек, рассеял остальных и спешил к Уйскому заводу, надеясь настигнуть самого Пугачева; но вскоре узнал, что самозванец находился уже на Белорецких заводах.

За рекою Юрзенем Михельсон успел разбить еще толпу мятежников и преследовал их до Саткинского завода. Тут узнал он, что Пугачев, набрав до шести тысяч башкирцев и крестьян, пошел на крепость Магнитную. Михельсон решился углубиться в Уральские горы, надеясь соединиться с Фрейманом около вершины Яика.

Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев сам был ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена; но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена. В тот же день пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генерал-поручик Декалонг из Челябинска, недавно освобожденного от бунтовщиков, двинулся к Верхо-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачева еще на Белорецких заводах; но, вышед на линию, получил от верхо-яицкого коменданта, полковника Ступишина, донесение, что Пугачев идет вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления. Декалонг спешил к Верхо-Яицкой. Тут узнал он о взятии Магнитной. Он двинулся к Кизильской. Но, прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами на Карагайскую. Декалонг пошел назад. Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины: Пугачев покинул ее накануне. Декалонг надеялся догнать его в Петрозаводской; но и тут уже его не застал. Крепость была разорена и выжжена, церковь разграблена, иконы ободраны и разломаны в щепы.

Декалонг, оставя линию, пошел внутреннею дорогою прямо на Уйскую крепость. У него оставалось овса только на одни сутки. Он думал настигнуть Пугачева хотя в Степной крепости; но, узнав, что и Степная уже взята, пустился к Троицкой. На дороге, в Сенарской, нашел он множество народа из окрестных разоренных крепостей. Офицерские жены и дети, босые, оборванные, рыдали, не зная, где искать убежища. Декалонг принял их под свое покровительство и отдал на попечение своим офицерам. 21 мая утром приблизился он к Троицкой, прошед шестьдесят верст усиленным переходом, и наконец увидел Пугачева, расположившегося лагерем под крепостию, взятой им накануне. Декалонг тотчас на него напал. У Пугачева было более десяти тысяч войска и до тридцати пушек. Сражение продолжалось целых четыре часа. Во все время Пугачев лежал в своей палатке, жестоко страдая от раны, полученной им под Магнитною. Действиями распоряжал Белобородов. Наконец мятежники расстроились. Пугачев сел на лошадь и с подвязанною рукою бросался всюду, стараясь восстановить порядок; но все рассеялось и бежало. Пугачев ушел с одною пушкою по Челябинской дороге. Пресле-

довать было невозможно. Конница была слишком изнурена. В лагере найдено до трех тысяч людей всякого звания, пола и возраста, захваченных самозванцем и обреченных погибели. Крепость была спасена от пожара и грабежа. Но комендант, бригадир Фейервар, был убит накануне, во время приступа, а офицеры его повешены.

Пугачев и Белобородов, ведая, что усталость войска и изнурение лошадей не позволят Декалонгу воспользоваться своею победою, привели в устройство свои рассеянные толпы и стали в порядке отступать, забирая крепости и быстро усиливаясь. Майоры Гагрин и Жолобов, отряженные Декалонгом на другой день после сражения, преследовали их, но не могли достигнуть.

Михельсон между тем шел Уральскими горами, по дорогам малоизвестным. Деревни башкирские были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отряд его был в ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиков кружились около его. 13 мая башкирцы, под предводительством мятежного старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные в болото, они не сдавались. Все, кроме одного, насильно пощаженного, были изрублены вместе с своим начальником. Михельсон потерял одного офицера и шестьдесят рядовых убитыми и ранеными.

Пленный башкирец, обласканный Михельсоном, объявил ему о взятии Магнитной и о движении Декалонга. Михельсон, нашед сии известия сообразными с своими предположениями, вышел из гор и пошел на Троицкую в надежде освободить сию крепость или встретить Пугачева в случае его отступления. Вскоре услышал он о победе Декалонга и пошел на Варламово с намерением пресечь дорогу Пугачеву. В самом деле, 22 мая утром, приближаясь к Варламову, он встретил передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсон не мог сначала вообразить, чтоб это был остаток сволочи, разбитой накануне, и принял его (говорит он насмешливо в своем донесении) за корпус генерал-поручика и кавалера Декалонга; но вскоре удостоверился в истине. Он остановился, удерживая выгодное свое

положение у леса, прикрывавшего его тыл. Пугачев двинулся противу его и вдруг поворотил на Чербакульскую крепость. Михельсон пошел через лес и перерезал ему дорогу. Пугачев в первый раз увидел перед собою того, кто должен был нанести ему столько ударов и положить предел кровавому его поприщу. Пугачев тотчас напал на его левое крыло, привел оное в расстройство и отнял две пушки. Но Михельсон ударил на мятежников со всею своею конницею, рассеял их в одно мгновение, взял назад свои пушки, а с ними и последнюю, оставшуюся у Пугачева после его разбития под Троицкой, положил на месте до шестисот человек, в плен взял до пятисот и гнал остальных несколько верст. Ночь прекратила преследование. Михельсон ночевал на поле сражения. На другой день отдал он в приказе строгий выговор роте, потерявшей свои пушки, и отнял у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое бесчестие[2].

23-го Михельсон пошел на Чербакульскую крепость. Казаки, в ней находившиеся, бунтовали. Михельсон привел их к присяге, присоединив к своему отряду, и впоследствии был всегда ими доволен.

Жолобов и Гагрин действовали медленно и нерешительно. Жолобов, уведомив Михельсона, что Пугачев собрал остаток рассеянной толпы и набирает новую, отказался идти против его под предлогом разлития рек и дурных дорог. Михельсон жаловался Декалонгу; а Декалонг, сам обещаясь выступить для истребления последних сил самозванца, остался в Челябе и еще отозвал к себе Жолобова и Гагрина.

Таким образом, преследование Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Он пошел к Златоустовскому заводу, услыша, что там находилось несколько яицких бунтовщиков; но они бежали, узнав о его приближении. След их чем далее шел, тем более рассыпался и наконец совсем пропал.

27 мая Михельсон прибыл на Саткинский завод[3]. Салават с новою шайкою злодействовал в окрестностях. Уже Симской завод был им разграблен и сожжен. Услыша о Михельсоне, он перешел реку Ай и остановился в горах, где Пугачев, избавясь

от погони Гагрина и Жолобова и собрав уже до двух тысяч всякой сволочи, с ним успел соединиться.

Михельсон на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлению из-под Уфы. Через два дня пошел он против Пугачева и Салавата и прибыл на берег Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противном берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя в безопасности.

Но 30-го, утром, Михельсон приказал пятидесяти казакам переправиться вплавь, взяв с собою по одному егерю. Мятежники бросились было на них, но были рассеяны пушечными выстрелами с противного берега. Егеря и казаки удержались кое-как, а Михельсон между тем переправился с остальным отрядом; порох перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну реки на канатах. Михельсон быстро напал на неприятеля, смял и преследовал его более двадцати верст, убив до четырехсот и взяв множество в плен. Пугачев, Белобородов и раненый Салават едва успели спастись.

Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. Он пошел наудачу, и 2 июня отряженный им капитан Карташевский ночью был окружен шайкою Салавата. К утру Михельсон подоспел к нему на помощь. Мятежники рассыпались и бежали. Михельсон преследовал их с крайнею осторожностию. Пехота прикрывала его обоз. Сам он шел немного впереди с частию своей конницы. Сии распоряжения спасли его. Многочисленная толпа мятежников неожиданно окружила его обоз и напала на пехоту. Сам Пугачев ими предводительствовал, успев в течение шести дней близ Саткинского завода набрать около пяти тысяч бунтовщиков. Михельсон прискакал на помощь; он послал Харина соединить всю свою конницу, а сам с пехотою остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бежали. Тут Михельсон узнал от пленных, что Пугачев имел намерение идти на Уфу. Он поспешил пресечь ему дорогу и 5 июня встретил его снова. Сражение было неизбежимо. Михельсон быстро напал на него и снова разбил и прогнал.

При всех своих успехах Михельсон увидел необходимость прекратить на время свое преследование. У него уже не было ни запасов, ни зарядов. Оставалось только по два патрона на человека. Михельсон пошел в Уфу, дабы там запастися всем для него нужным.

Пока Михельсон, бросаясь во все стороны, везде поражал мятежников, прочие начальники оставались неподвижны. Декалонг стоял в Челябе и, завидуя Михельсону, нарочно не хотел ему содействовать. Фрейман, лично храбрый, но предводитель робкий и нерешительный, стоял в Кизильской крепости, досадуя на Тимашева, ушедшего в Зелаирскую[4] крепость с лучшею его конницею. – Станиславский, во все сие время отличившийся трусостию, узнав, что Пугачев близ Верхо-Яицкой крепости собрал значительную толпу, отказался от службы и скрылся в любимую свою Орскую крепость. Полковники Якубович и Обернибесов и майор Дуве находились около Уфы. Вокруг их спокойно собирались бунтующие башкирцы. Бирск сожжен был почти в их виду, а они переходили с одного места на другое, избегая малейшей опасности и не думая о дружном содействии. По распоряжению князя Щербатова, войско Голицына оставалось безо всякой пользы около Оренбурга и Яицкого городка в местах уже безопасных; а край, где снова разгорался пожар, оставался почти беззащитен[5].

Пугачев, отраженный от Кунгура майором Поповым, двинулся было к Екатеринбургу; но, узнав о войсках, там находящихся, обратился к Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань в опасности. Брант наскоро послал в пригород Осу майора Скрыпицына с гарнизонным отрядом и с вооруженными крестьянами, а сам писал князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатов понадеялся на Обернибесова и Дуве, которые должны были помочь майору Скрыпицыну в случае опасности, и не сделал никаких новых распоряжений.

18 июня Пугачев явился перед Осою. Скрыпицын выступил противу его; но, потеряв три пушки в самом начале сражения, поспешно возвратился в крепость. Пугачев велел своим

спешиться и идти на приступ. Мятежники вошли в город, выжгли его, но от крепости отражены были пушками.

На другой день Пугачев со своими старшинами ездил по берегу Камы, высматривая места, удобные для переправы. По его приказанию поправляли дорогу и мостили топкие места. 20-го снова приступил он к крепости и снова был отражен. Тогда Белобородов присоветовал ему окружить крепость возами сена, соломы и бересты и зажечь таким образом деревянные стены. Пятнадцать возов были подвезены на лошадях в близкое расстояние от крепости, а потом подвигаемы вперед людьми, безопасными под их прикрытием. Скрыпицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одни сутки и сдался на другой день, приняв Пугачева на коленах с иконами и хлебом-солью. Самозванец обласкал его и оставил при нем его шпагу. Несчастный, думая со временем оправдаться, написал, обще с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым, письмо к казанскому губернатору и носил при себе в ожидании удобного случая тайно его отослать. Минеев донес о том Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрипицын и Смирнов повешены, а доносчик произведен в полковники.

23 июня Пугачев переправился через Каму и пошел на винокуренные заводы Ижевский и Воткинский. Венцель, начальник оных, был мучительски умерщвлен, заводы разграблены, и все работники забраны в злодейскую толпу. Минеев, изменою своей заслуживший доверенность Пугачева, советовал ему идти прямо на Казань. Распоряжения губернатора были ему известны. Он вызвался вести Пугачева и ручался за успех. Пугачев недолго колебался и пошел на Казань.

Щербатов, получив известие о взятии Осы, испугался. Он послал Обернибесову повеление занять Шумский перевоз, а майора Меллина отправил к Шурманскому; Голицыну приказал скорее следовать в Уфу, дабы оттуда действовать по своему благоусмотрению, а сам с одним эскадроном гусар и ротою гренадер отправился в Бугульму.

В Казани находилось только полторы тысячи войска, но шесть тысяч жителей были наскоро вооружены. Брант и ко-

мендант Баннер приготовились к обороне. Генерал-майор Потемкин, начальник тайной комиссии, учрежденной по делу Пугачева, усердно им содействовал. Генерал-майор Ларионов не дождался Пугачева. Он с своими людьми переправился чрез Волгу и уехал в Нижний-Новгород.

Полковник Толстой, начальник казанского конного легиона, выступил против Пугачева и 10 июля встретил его в двенадцати верстах от города. Произошло сражение. Храбрый Толстой был убит, а отряд его рассеян. На другой день Пугачев показался на левом берегу Казанки и расположился лагерем у Троицкой мельницы. Вечером, в виду всех казанских жителей, он сам ездил высматривать город и возвратился в лагерь, отложа приступ до следующего утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пугачев в Казани. — Бедствие города. — Появление Михельсона. — Три сражения. — Освобождение Казани. — Свидание Пугачева с его семейством. — Опровержение клеветы. — Распоряжение Михельсона.

12 июля на заре мятежники под предводительством Пугачева потянулись от села Царицына по Арскому полю, двигая перед собою возы сена и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившиеся близ предместья кирпичные сараи, рощу и загородный дом Кудрявцева, устроили там свои батареи и сбили слабый отряд, охранявший дорогу. Он отступил, выстроясь в карре и оградясь рогатками.

Прямо против Арского поля находилась главная городская батарея. Пугачев на нее не пошел, а с правого своего крыла отрядил к предместию толпу заводских крестьян под предводительством изменника Минеева. Эта сволочь, большею частию безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебегала из буерака в буерак, из лощины в лощину, переползывала через высоты, подверженные пушечным

выстрелам, и таким образом забралася в овраги, находящиеся на краю самого предместия. Опасное сие место защищали гимназисты с одною пушкою. Но, несмотря на их выстрелы, бунтовщики в точности исполнили приказание Пугачева: влезли на высоту, прогнали гимназистов голыми кулаками, пушку отбили, заняли летний губернаторский дом, соединенный с предместиями, пушку поставили в ворота, стали стрелять вдоль улиц и кучами ворвались в предместия. С другой стороны, левое крыло Пугачева бросилось к Суконной слободе. Суконщики (люди разного звания и большею частию кулачные бойцы), ободряемые преосвященным Вениамином, вооружились чем ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились к обороне[1]. Башкирцы с Шарной горы пустили в них свои стрелы и бросились в улицы. Суконщики приняли было их в рычаги, в копья и сабли; но их пушку разорвало с первого выстрела и убило канонера. В это время Пугачев на Шарной горе поставил свои пушки и пустил картечью по своим и по чужим. Слобода загорелась. Суконщики бежали. Мятежники сбили караулы и рогатки и устремились по городским улицам. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу. Потемкин вошел вместе с ними. Город стал добычею мятежников. Они бросились грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье. Пугачев, поставя свои батареи в трактире Гостиного двора, за церквами, у триумфальных ворот, стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ее правый угол и коего ветхие стены едва держались. С другой стороны, Минеев, втащив одну пушку на врата Казанского монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрелял по крепости в самое опасное место. Прилетевшее оттоле ядро разбило одну из его пушек. Разбойники, надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая дома. Осаждавшие крепость им завидовали, боясь остаться без добычи... Вдруг Пугачев приказал им отступить и, зажегши еще

несколько домов, возвратился в свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летели в крепость и зажгли несколько деревянных кровель. В сию минуту часть одной стены с громом обрушилась и подавила несколько человек. Осажденные, стеснившиеся в крепости, подняли вопль, думая, что злодей вломился и что последний их час уже настал.

Из города погнали пленных и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгие запрещения Пугачева, били нагайками народ и кололи копьями отстающих женщин и детей. Множество потонуло, переправляясь вброд через Казанку. Народ, пригнанный в лагерь, поставлен был на колени перед пушками. Женщины подняли вой. Им объявили прощение. Все закричали: ура! и кинулись к ставке Пугачева. Пугачев сидел в креслах, принимая дары казанских татар, приехавших к нему с поклоном. Потом спрашивали: кто желает служить государю Петру Федоровичу? – Охотников нашлось множество.

Преосвященный Вениамин[2] во все время приступа находился в крепости, в Благовещенском соборе, и на коленах со всем народом молил Бога о спасении христиан. Едва умолкла пальба, он поднял чудотворные иконы и, несмотря на нестерпимый зной пожара и на падающие бревна, со всем бывшим при нем духовенством, сопровождаемый народом, обошел снутри крепость при молебном пении. К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал. С рассветом жители спешили взойти на крепостные стены и устремили взоры в ту сторону, откуда ожидали нового приступа. Но вместо пугачевских полчищ с изумлением увидели гусаров Михельсона, скачущих в город с офицером, посланным от него к губернатору.

Никто не знал, что уже накануне Михельсон в семи верстах от города имел жаркое дело с Пугачевым и что мятежники отступили в беспорядке.

Мы оставили Михельсона неутомимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева. В Уфе оставил он сво-

их больных и раненых, взял с собою майора Дуве и 21 июня находился в Бурнове, в нескольких верстах от Бирска. Мост, сожженный Якубовичем, был опять наведен мятежниками. Около трех тысяч вышли навстречу Михельсону. Он их разбил и отрядил Дуве противу шайки башкирцев, находившихся не в дальнем расстоянии. Дуве их рассеял. Михельсон пошел на Осу и, 27 июня разбив на дороге толпу башкирцев и татар, узнал от них о взятии Осы и о переправе Пугачева через Каму. Михельсон пошел по его следам. На Каме не было ни мостов, ни лодок. Конница переправилась вплавь, пехота на плотах. Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в пятидесяти верстах от нее.

Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в сорока пяти верстах от Казани, услышал пушечную пальбу. К полудню густой багровый дым возвестил ему о жребии города.

Полдневный жар и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на один час. Между тем узнал он, что недалеко находилась толпа мятежников. Михельсон на них напал и взял четыреста в плен; остальные бежали к Казани и известили Пугачева о приближении неприятеля. Тогда-то Пугачев, опасаясь нечаянного нападения, отступил от крепости и приказал своим скорее выбираться из города, а сам, заняв выгодное местоположение, выстроился близ Царицына, в семи верстах от Казани.

Михельсон, получив о том донесение, пустился через лес одною колонною и, вышед в поле, увидел перед собою мятежников, стоящих в боевом порядке.

Михельсон отрядил Харина противу их левого крыла, Дуве противу правого, а сам пошел прямо на главную неприятельскую батарею. Пугачев, ободренный победою и усилясь захваченными пушками, встретил нападение сильным огнем. Перед батареей простиралось болото, через которое Михельсон должен был перейти, между тем как Харин и Дуве старались обойти неприятеля. Михельсон взял батарею; Дуве на правом фланге отбил также две пушки. Мятежники, разделись на две кучи, пошли – один навстречу Харину и, остановясь в

теснине за рвом, поставили батареи и открыли огонь; другие старались заехать в тыл отряду. Михельсон, оставя Дуве, пошел на подкрепление Харина, проходившего через овраг под неприятельскими ядрами. Наконец, после пяти часов упорного сражения, Пугачев был разбит и бежал, потеряв восемьсот человек убитыми и сто восемьдесят взятыми в плен. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преследовать Пугачева.

Переночевав на месте сражения, перед светом Михельсон пошел к Казани. Навстречу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавших целую ночь на развалинах сгоревшего города. Их рубили и брали в плен. Прибыв к Арскому полю, Михельсон увидел приближающегося неприятеля: Пугачев, узнав о малочисленности его отряда, спешил предупредить его соединение с городским войском. Михельсон, послав уведомить о том губернатора, встретил пушечными выстрелами толпу, кинувшуюся на него с воплем и визгом, и принудил ее отступить. Потемкин подоспел из города с гарнизоном. Пугачев перешел через Казанку и удалился за пятнадцать верст от города, в село Сухую Реку. Преследовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годных лошадей.

Казань была освобождена. Жители теснились на стене крепости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсон не трогался с места, ожидая нового нападения. В самом деле, Пугачев, негодуя на свои неудачи, не терял, однако ж, надежды одолеть наконец Михельсона. Он отовсюду набирал новую сволочь, соединяясь с отдельными своими отрядами, и 15 июля утром, приказав прочесть перед своими толпами манифест, в котором объявлял о своем намерении идти на Москву, устремился в третий раз на Михельсона. Войско его состояло из двадцати пяти тысяч всякого сброду. Многочисленные толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бежали. Облака пыли, дикие вопли, шум и грохот возвестили их приближение. Михельсон выступил противу их с осьмьюстами карабинер, гусар и чугуевских казаков. Он занял

место прежнего сражения близ Царицына и разделил войско свое на три отряда, в близком расстоянии один от другого. Бунтовщики на него бросились. Яицкие казаки стояли в тылу и по приказанию Пугачева должны были колоть своих беглецов. Но Михельсон и Харин с двух сторон на них ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено в одно мгновение. Напрасно Пугачев старался удержать рассыпавшиеся толпы, сперва доскакав до первого своего лагеря, а потом и до второго. Харин живо его преследовал, не давая ему времени нигде остановиться. В сих лагерях находилось до десяти тысяч казанских жителей всякого пола и звания. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми телами; пять тысяч пленных и девять пушек остались в руках у победителя. Убито в сражении до двух тысяч, большею частию татар и башкирцев. Михельсон потерял до ста человек убитыми и ранеными. Он вошел в город при кликах восхищенных жителей, свидетелей его победы. Губернатор, измученный болезнию, от которой он и умер через две недели, встретил победителя за воротами крепости в сопровождении дворянства и духовенства. Михельсон отправился прямо в собор, где преосвященный Вениамин отслужил благодарственный молебен.

Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч осьмисот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехсот убитых и раненых обывателей; около пятисот пропало без вести. В числе убитых находился директор гимназии Каниц, несколько учителей и учеников и полковник Родионов. Генерал-майор Кудрявцев[3], старик стодесятилетний, не хотел скрыться в крепость, несмотря на всевозможные увещания. Он на коленах молился в Казанском девичьем монастыре. Вбежало несколько грабителей. Он стал их увещевать. Злодеи умертвили его на церковной паперти.

Так бедный колодник, за год тому бежавший из Казани, отпраздновал свое возвращение! Тюремный двор, где ожи-

дал он плетей и каторги, был им сожжен, а невольники, его недавние товарищи, выпущены. В казармах содержалась уже несколько месяцев казачка Софья Пугачева с тремя своими детьми. Самозванец, увидя их, сказывают, заплакал; но не изменил самому себе. Он велел их отвести в лагерь, сказав, как уверяют: «Я ее знаю; муж ее оказал мне великую услугу»[4]. Изменник Минеев, главный виновник бедствия Казани, при первом разбитии Пугачева попался в плен и по приговору военного суда загнат был сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размещении жителей по уцелевшим домам. Они были приглашены в лагерь для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратного получения своей собственности. Спешили разделиться кое-как. Люди зажиточные стали нищими; кто был скуден, очутился богат!

История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видели, как быстро и как неутомимо Михельсон преследовал Пугачева. Если Потемкин и Брант сделали бы свое дело и успели удержаться хоть несколько часов, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было бы нам обвинять без доказательства старого, заслуженного воина, проведшего всю жизнь на поле чести и умершего главнокомандующим русскими войсками[5].

14 июля прибыл в Казань подполковник граф Меллин и был отряжен Михельсоном для преследования Пугачева. Сам Михельсон остался в городе для возобновления своей конницы и для заготовления припасов. Прочие начальники наскоро сделали некоторые военные распоряжения, ибо, несмотря на разбитие Пугачева, знали уже, сколь был опасен сей предприимчивый и деятельный мятежник. Его движения были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преследо-

вать; к тому же конница была слишком изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, рассеянные на великом пространстве, не могли всюду поспевать и делать скорые обороты. Должно сказать и то, что редкий из тогдашних начальников был в состоянии управиться с Пугачевым или с менее известными его сообщниками.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

Пугачев за Волгою. — Общее смятение. — Письмо генерала Ступишина. — Намерение Екатерины. — Граф П. Ив. Панин. — Движение войск. — Взятие Пензы. — Смерть Всеволожского. — Споры Державина с Бошняком. — Взятие Саратова. — Пугачев под Царицыном. — Смерть астронома Ловица. — Поражение Пугачева. — Суворов. — Пугачев выдан правительству. — Разговор его с графом Паниным. — Суд над Пугачевым и над его сообщниками. — Казнь бунтовщиков.

Пугачев бежал по Кокшайской дороге на переменных лошадях, с тремястами яицких и илецких казаков, и наконец ударился в лес. Харин, преследовавший его целые тридцать верст, принужден был остановиться. Пугачев ночевал в лесу. Его семейство было при нем. Между его товарищами находились два новые лица: один из них был молодой Пулавский, родной брат славного конфедерата[1]. Он находился в Казани военнопленным и из ненависти к России присоединился к шайке Пугачева. Другой был пастор реформатского исповедания. Во время казанского пожара он был приведен к Пугачеву; самозванец узнал его; некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачев получал от него милостыню. Бедный пастор ожидал смерти. Пугачев принял его ласково и пожаловал в полковники. Пастор-полковник посажен был верхом на башкирскую лошадь. Он сопровождал бегство Пугачева и несколько дней уже спустя отстал от него и возвратился в Казань[2].

Пугачев два дня бродил то в одну, то в другую сторону, обманывая тем высланную погоню. Сволочь его, рассыпавшись, производила обычные грабежи. Белобородов пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезен в Москву и казнен смертию. Несколько сотен беглецов присоединились к Пугачеву. 18 июля он вдруг устремился к Волге, на Кокшайский перевоз, и в числе пятисот человек лучшего своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещеные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли[3]. Он пошел на Цивильск, ограбил город, повесил воеводу и, разделив шайку свою на две части, послал одну по Нижегородской дороге, а другую по Алатырской и пресек таким образом сообщение Нижнего с Казанью. Нижегородский губернатор, генерал-поручик Ступишин, писал к князю Волконскому, что участь Казани ожидает и Нижний и что он не отвечает и за Москву. Все отряды, находившиеся в губерниях Казанской и Оренбургской, пришли в движение и устремлены были против Пугачева. Щербатов из Бугульмы, а князь Голицын из Мензелинска поспешили в Казань; Меллин переправился через Волгу и 19 июля выступил из Свияжска; Мансуров из Яицкого городка двинулся к Сызрани; Муфель пошел к Симбирску; Михельсон из Чебоксаров устремился к Арзамасу, дабы пресечь Пугачеву дорогу к Москве...

Но Пугачев не имел уже намерения идти на старую столицу. Окруженный отовсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам, он уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию. Главные бунтовщики предвидели конец затеянному ими делу и уже торговались о голове своего предводителя! Перфильев,

от имени всех виновных казаков, послал тайно в Петербург одного поверенного с предложением о выдаче самозванца. Правительство, однажды им обманутое, худо верило ему, однако вошло с ним в сношение[4]. Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трех злодеев, чтоб взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки грабителей и бунтовщиков: и каждая имела у себя своего Пугачева...

Сии горестные известия сделали в Петербурге глубокое впечатление и омрачили радость, произведенную окончанием Турецкой войны и заключением славного Кучук-Кайнарджиского мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще в начале июля решилась отозвать его и поручить главное начальство над войском князю Голицыну. Курьер, ехавший с сим указом, остановлен был в Нижнем-Новагороде по причине небезопасности дороги. Когда же государыня узнала о взятии Казани и о перенесении бунта за Волгу, тогда она уже думала сама ехать в край, где усиливалось бедствие и опасность, и лично предводительствовать войском. Граф Никита Иванович Панин успел уговорить ее оставить сие намерение. Императрица не знала, кому предоставить спасение отечества. В сие время вельможа, удаленный от двора и, подобно Бибикову, бывший в немилости, граф Петр Иванович Панин[5], сам вызвался принять на себя подвиг, не довершенный его предшественником. Екатерина с признательностию увидела усердие благородного своего подданного, и граф Панин, в то время как, вооружив своих крестьян и дворовых, готовился идти навстречу Пугачеву, получил в своей деревне повеление принять главное начальство над губерниями, где свирепствовал мятеж, и над войсками, туда посланными. Таким образом, покоритель Бендер пошел войною противу простого казака, четыре года тому назад безвестно служившего в рядах войска, вверенного его начальству.

20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми. Пугачев велел раздать чувашам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску, оставя город под начальством четырех яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопьев. Он оставил за собою малую шайку для задержания графа Меллина. Михельсон, шедший к Арзамасу, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Меллин. Пугачев, узнав о том, обратился к Алатырю; но, прикрывая свое движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным и совсем рассеяна. Меллин поспешил к Алатырю; мимоходом освободил Курмыш, где повесил нескольких мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправдывались тем, что присяга дана была ими *не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса ее императорского величества.* «А что мы, – писали они Ступишину, – перед Богом и всемилостивейшею государынею нашей нарушили присягу и тому злодею присягали, в том приносим наше христианское покаяние и слезно просим отпущения сего нашего невольного греха, ибо не иное нас к сему привело, как смертный страх». Двадцать человек подписали сие постыдное извинение.

Пугачев стремился с необыкновенною быстротою, отряжая во все стороны свои шайки. Не знали, в которой находился он сам. Настичь его было невозможно: он скакал проселочными дорогами, забирая свежих лошадей, и оставлял за собою возмутителей, которые в числе двух, трех и не более пяти разъезжали безопасно по селениям и городам, набирая всюду

новые шайки. Трое из них явились в окрестностях Нижнего-Новагорода; крестьяне Демидова связали их и представили Ступишину. Он велел их повесить на барках и пустить вниз по Волге, мимо бунтующих берегов.

27 июля Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством... Триста человек дворян всякого пола и возраста были им тут повешены; крестьяне и дворовые люди стекались к нему толпами. Он выступил из города 30-го. На другой день Меллин вошел в Саранск, взял под караул прапорщика Шахмаметева, посаженного в воеводы от самозванца, также и других важных изменников духовного и дворянского звания, а черных людей велел высечь плетьми под виселицею.

Михельсон из Арзамаса устремился за Пугачевым. Муфель из Симбирска спешил ему же навстречу, Меллин шел по его пятам. Таким образом три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатов с нетерпением ожидал прибытия войск из Башкирии, дабы отправить подкрепление действующим отрядам, и сам хотел спешить за ними; но, получа указ от 8 июля, сдал начальство князю Голицыну и отправился в Петербург.

Между тем Пугачев приближился к Пензе. Воевода Всеволожский несколько времени держал чернь в повиновении и дал время дворянам спастись. Пугачев явился перед городом. Жители вышли к нему навстречу с иконами и хлебом и пали пред ним на колени. Пугачев въехал в Пензу. Всеволожский, оставленный городским войском, заперся в своем доме с двенадцатью дворянами и решился защищаться. Дом был зажжен; храбрый Всеволожский погиб со своими товарищами; казенные и дворянские дома были ограблены. Пугачев посадил в воеводы господского мужика и пошел к Саратову.

Узнав о взятии Пензы, саратовское начальство стало делать свои распоряжения.

В Саратове находился тогда Державин. Он отряжен был (как мы уже видели) в село Малыковку, дабы оттуда пресечь дорогу Пугачеву в случае побега его на Иргиз. Державин, известясь о сношениях Пугачева с киргиз-кайсаками, успел от-

резать их от кочующих орд по рекам Узеням и намеревался идти на освобождение Яицкого городка; но был предупрежден генералом Мансуровым. В конце июля прибыл он в Саратов, где чин гвардии поручика, резкий ум и пылкий характер доставили ему важное влияние на общее мнение.

1 августа Державин, обще с главным судией конторы Опекунства колонистов Лодыжинским, потребовал саратовского коменданта Бошняка для совещания о мерах, кои должно было предпринять в настоящих обстоятельствах. Державин утверждал, что около конторских магазинов, внутри города, должно было сделать укрепления, перевезти туда казну, лодки на Волге сжечь, по берегу расставить батареи и идти навстречу Пугачеву. Бошняк не соглашался оставить свою крепость и хотел держаться за городом. Спорили, горячились – и Державин, вышед из себя, предлагал арестовать коменданта. Бошняк остался неколебим, повторяя, что он вверенной ему крепости и Божиих церквей покинуть на расхищение не хочет. Державин, оставя его, приехал в магистрат; предложил, чтобы все обыватели поголовно явились на земляную работу к месту, назначенному Лодыжинским. Бошняк жаловался, но никто его не слушал. Памятником сих споров осталось язвительное письмо Державина к упрямому коменданту[6].

4 августа узнали в Саратове, что Пугачев выступил из Пензы и приближается к Петровску. Державин потребовал отряд донских казаков и пустился с ними в Петровск, дабы вывезти оттуда казну, порох и пушки. Но, подъезжая к городу, услышал он колокольный звон и увидел передовые толпы мятежников, вступающие в город, и духовенство, вышедшее к ним навстречу с образами и хлебом. Он поехал вперед с есаулом и двумя казаками и, видя, что более делать было нечего, пустился с ними обратно к Саратову. Отряд его остался на дороге, ожидая Пугачева. Самозванец к ним подъехал в сопровождении своих сообщников. Они приняли его, стоя на коленах. Услыша от них о гвардейском офицере, Пугачев тут же переменил лошадь и, взяв в руки дротик, сам с четырьмя казаками поскакал за ним в погоню. Один из казаков,

сопровождавших Державина, был заколот Пугачевым. Державин успел добраться до Саратова, откуда на другой день выехал вместе с Лодыжинским, оставя защиту города на попечение осмеянного им Бошняка[7].

5 августа Пугачев пошел к Саратову. Войско его состояло из трехсот яицких казаков и ста пятидесяти донских, приставших к нему накануне, и тысяч до десяти калмыков, башкирцев, ясачных татар, господских крестьян, холопьев и всякой сволочи. Тысяч до двух были кое-как вооружены, остальные шли с топорами, вилами и дубинами. Пушек было у него тринадцать.

6-го Пугачев пришел к Саратову и остановился в трех верстах от города.

Бошняк отрядил саратовских казаков для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тем обыватели тайно подослали к самозванцу купца Кобякова с изменническими предложениями. Бунтовщики подъехали к самой крепости, разговаривая с солдатами. Бошняк велел стрелять. Тогда жители, предводительствуемые городским головою Протопоповым, явно возмутились и приступили к Бошняку, требуя, чтоб он не начинал сражения и ожидал возвращения Кобякова. Бошняк спросил: как осмелились они без его ведома вступить в переговоры с самозванцем? Они продолжали шуметь. Между тем Кобяков возвратился с возмутительным письмом. Бошняк, выхватив его из рук изменника, разорвал и растоптал, а Кобякова велел взять под караул. Купцы пристали к нему с просьбами и угрозами, и Бошняк принужден был им уступить и освободить Кобякова. Он, однако, приготовился к обороне. В это время Пугачев занял Соколову гору, господствующую над Саратовом, поставил батарею и начал по городу стрелять. По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели разбежались. Бошняк велел выпалить из мортиры; но бомба упала в пятидесяти саженях. Он обошел свое войско и всюду увидел уныние: однако не терял своей бодрости. Мятежники напали на крепость. Он открыл огонь и уже успел их отразить, как вдруг триста артиллеристов, выхватя из-под

пушек клинья и фитили, выбежали из крепости и передались. В это время сам Пугачев кинулся с горы на крепость. Тогда Бошняк с одним саратовским баталионом решился продраться сквозь толпы мятежников. Он приказал майору Салманову выступить с первой половиною баталиона; но, заметя в нем робость или готовность изменить, отрешил его от начальства. Майор Бутырин заступился за него, и Бошняк вторично оказал слабость: он оставил Салманова при его месте и, обратясь ко второй половине баталиона, приказал распускать знамена и выходить из укреплений. В сию минуту Салманов передался, и Бошняк остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат. Храбрый Бошняк с этой горстию людей выступил из крепости и целые шесть часов сряду шел, пробиваясь сквозь бесчисленные толпы разбойников. Ночь прекратила сражение. Бошняк достиг берегов Волги. Казну и канцелярские дела отправил рекою в Астрахань, а сам 11 августа благополучно прибыл в Царицын.

Мятежники, овладев Саратовом, выпустили колодников, отворили хлебные и соляные амбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачев повесил всех дворян, попавшихся в его руки, и запретил хоронить тела; назначил в коменданты города казацкого пятидесятника Уфимцева и 9 августа в полдень выступил из города. – 11-го в разоренный Саратов прибыл Муфель, а 14-го Михельсон. Оба, соединясь, поспешили вслед за Пугачевым.

Пугачев следовал по течению Волги. Иностранцы, тут поселенные, большею частию бродяги и негодяи, все к нему присоединились, возмущенные польским конфедератом (неизвестно кем по имени, только не Пулавским; последний уже тогда отстал от Пугачева, негодуя на его зверскую свирепость). Пугачев составил из них гусарский полк. Волжские казаки перешли также на его сторону.

Таким образом Пугачев со дня на день усиливался. Войско его состояло уже из двадцати тысяч. Шайки его наполняли губернии Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Беглый холоп Евсигнеев, назвавшись также Петром III, взял

Инсару, Троицк, Наровчат и Керенск, повесил воевод и дворян и везде учредил свое правление. Разбойник Фирска подступил под Симбирск, убив в сражении полковника Рычкова, заступившего место Чернышева, погибшего под Оренбургом при начале бунта; гарнизон изменил ему. Симбирск был спасен, однако ж, прибытием полковника Обернибесова. Фирска наполнил окрестности убийствами и грабежами. Верхний и Нижний Ломов были ограблены и сожжены другими злодеями. Состояние сего обширного края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всех селениях на воротах барских дворов висели помещики или их управители[8]. Мятежники и отряды, их преследующие, отымали у крестьян лошадей, запасы и последнее имущество. Правление было повсюду пресечено. Народ не знал, кому повиноваться. На вопрос: кому вы веруете? Петру Федоровичу или Екатерине Алексеевне? – мирные люди не смели отвечать, не зная, какой стороне принадлежали вопрошатели.

13 августа Пугачев приблизился к Дмитриевску (Камышенке). Его встретил майор Диц с пятьюстами гарнизонных солдат, тысячью донских казаков и пятьюстами калмыков, предводительствуемых князьями Дундуковым и Дербетевым. Сражение завязалось. Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле. Казаки дрались храбро и доходили до самых пушек, но были отрезаны и передались. Диц был убит. Гарнизонные солдаты со всеми пушками были взяты. Пугачев ночевал на месте сражения; на другой день занял Дубовку и двинулся к Царицыну.

В сем городе, хорошо укрепленном, начальствовал полковник Цыплетев. С ним находился храбрый Бошняк. 21 августа Пугачев подступил с обыкновенной дерзостию. Отбитый с уроном, он удалился за восемь верст от крепости. Против него выслали полторы тысячи донских казаков; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачев подступил к городу со стороны Волги и был опять отбит Бошняком. Между тем услышал он о приближении отрядов и поспешно стал удаляться к Сарепте.

Михельсон, Муфель и Меллин прибыли 20-го в Дубовку, а 22-го вступили в Царицын.

Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам*. Адъюнкт Иноходцев, бывший тут же, успел убежать.

Пугачев отдыхал в Сарепте целые сутки, скрываясь в своем шатре с двумя наложницами[9]. Семейство его находилось тут же. Он пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец 25-го на рассвете он настигнул Пугачева в ста пяти верстах от Царицына.

Пугачев стоял на высоте между двумя дорогами. Михельсон ночью обошел его и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Черноярска на четырех лодках и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули.

Сие поражение было последним и решительным. Граф Панин, прибывший в то время в Керенск, послал в Петербург радостное известие, отдав в донесении своем полную справедливость быстроте, искусству и храбрости Михельсона. Между тем новое важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то вре-

мя находился под стенами Силистрии; но граф Румянцов не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! По окончании же войны Суворов получил повеление немедленно ехать в Москву к князю Волконскому для принятия дальнейших препоручений. Он свиделся с графом Паниным в его деревне и явился в отряде Михельсона несколько дней после последней победы. Суворов имел от графа Панина предписание начальникам войск и губернаторам – исполнять все его приказания. Он принял начальство над Михельсоновым отрядом, посадил пехоту на лошадей, отбитых у Пугачева, и в Царицыне переправился через Волгу. В одной из бунтовавших деревень он взял под видом наказания пятьдесят пар волов и с сим запасом углубился в пространную степь, где нет ни леса, ни воды и где днем должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездам.

Пугачев скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также перешедшие через Волгу, отрезывали ему дорогу к северу; легкий полевой отряд шел ему навстречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров преграждали его от Яика; Дундуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова и от Черного до Красного Яра. Пугачев не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую гибель, а с другой – надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачев хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились; но, сказав, что хотят взять с собою жен и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли ко ставке Пугачева.

Пугачев сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спро-

сил, чего им надобно? Они стали говорить о своем отчаянном положении и между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия. Пугачев начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. «Что же? – сказал Пугачев, – вы хотите изменить своему государю?» – «Что делать!» – отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену», – сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «вяжи!». Творогов хотел ему окрутить локти назад. Пугачев не дался. «Разве я разбойник?» – говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтобы вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, приняли Пугачева, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан поручику Маврину, члену следственной комиссии[10].

Маврин допросил самозванца. Пугачев с первого слова открылся ему. «Богу было угодно, – сказал он, – наказать Россию через мое окаянство». – Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащиеся в оковах. Маврин вывел Пугачева и показал его народу. Все узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачев громко стал их уличать и сказал: «Вы погубили меня; вы несколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного великого государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воли». Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками и что

они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и нашел на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек и между ими своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двухколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во сте сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября.

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. «Кто ты таков?» – спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», – отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» – продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает». – Надобно знать, что яицкие бунтовщики в опровержение общей молвы распустили слух, что между ими действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет. Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды. Пугачев стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал свое свидание.

Пугачев ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: «Добро пожаловать», – и пригласил его с ним отобедать. «Из чего, – пишет академик, – я познал его подлый дух». Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? – Пугачев отвечал: «Виноват пред Богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины». И подтверждал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков). Говоря о своем сыне, Рычков не мог удержаться от слез; Пугачев, глядя на него, сам заплакал.

Наконец Пугачева отправили в Москву, где участь его должна была решиться[11]. Его везли в зимней кибитке на переменных обывательских лошадях; гвардии капитан Галахов и капитан Повало-Швейковский, несколько месяцев пред сим бывший в плену у самозванца, сопровождали его. Он был в оковах. Солдаты кормили его из своих рук и говорили детям, которые теснились около его кибитки: «Помните, дети, что вы видели Пугачева». Старые люди еще рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ. Во всю дорогу он был весел и спокоен. В Москве встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением и едва усмиренным поимкою грозного злодея. Он был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи, в течение двух месяцев, любопытные могли видеть славного мятежника, прикованного к стене и еще страшного в самом бессилии. Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса. Перед судом он оказал неожиданную слабость духа[12]. Принуждены были постепенно приготовить его к услышанию смертного приговора. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию; Чика – к отсечению головы; Шигаев, Падуров и Торнов – к виселице; осьмнадцать человек – к наказанию кнутом и к ссылке на каторжную работу. – Казнь Пугачева и его сообщников совершилась в Москве 10 января 1775 года. С утра бесчисленное множество народа столпилось на Болоте, где воздвигнут был высокий намост. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пе-

хотные полки. Офицеры были в шубах по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг все заколебалось и зашумело; закричали: «Везут, везут!» Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем с открытою головою сидел Пугачев, насупротив его духовник. Тут же находился чиновник Тайной экспедиции. Пугачев, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала еще конница и шла толпа прочих осужденных. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

«Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: *на караул*, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак, Емелька Пугачев?» Он столь же громко ответствовал: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев». Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою... прости, народ православный!» При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафта-

нья. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе...»[13].

Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокий кол. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях... В сие время зазвенел колокольчик; Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошелся: осталась малая кучка любопытных около столба, к которому, один после другого, привязывались преступники, присужденные к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и несколько дней после сожжены вместе с телами. Палачи развеяли пепел. Помилованные мятежники были на другой день казней приведены пред Грановитою палату. Им объявили прощение и при всем народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресеченного бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение и повелено все дело предать вечному забвению. Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские, а городок их назвался сим же именем. Но имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую – так выразительно – прозвал он *пугачевщиною*.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

[1] Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении яицких казаков находим мы в «Историческом и статистическом обозрении уральских казаков», сочинения А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинной ученостию и здравой критикою.

«Время и образ казачьей жизни (говорит автор) лишили нас точных и несомненных сведений о происхождении уральских казаков. Все исторические об них известия, теперь существующие, основаны только на преданиях, довольно поздних, не совсем определительных и никем критически не разобранных.

«Древнейшее, впрочем самое краткое, описание сих преданий находим в доношении станичного атамана яикского Федора Рукавишникова государственной Коллегии иностранных дел, 1720 года*.

«Дополнением и продолжением оного служат: 1. Донесение оренбургского губернатора Неплюева Военной коллегии от 22 ноября 1748 года**. 2. Оренбургская история Рычкова. 3. Его же Оренбургская топография. 4. Довольно любопытный рукописный журнал бывшего войскового атамана яикского, Ивана Акутина***. 5. Некоторые новейшие акты, хранящиеся в архивах Уральской войсковой канцелярии и Оренбургской пограничной комиссии.

«Вот лучшие и почти единственные источники для истории уральских казаков.

«То, что писали об них иностранцы, не может быть сюда причислено; ибо большая часть таковых сочинений основана на догадках, ничем не доказанных, часто противоречащих истине и нелепых. Так, например, сочинитель примечаний на Родослов-

* Сие доношение, в копии мною найденное в делах архива Оренбургской пограничной комиссии, есть то самое, о котором говорит Рычков в своей Топографии; но он Рукавишникова называет Крашенинниковым. Некоторые достойные вероятия жители уральские сказывали мне, что атаман сей носил обе фамилии. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

** Отпуск сего донесения нашел я также в архиве Оренбургской пограничной комиссии. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.)*

*** За список сего журнала, равно и за другие сведения, на которых основана часть сего описания, обязан я благодарностию некоторым чиновникам Уральского войска. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.)*

ную историю татар Абулгази Баядур-Хана утверждает, что казаки уральские произошли от древних кипчаков; что они пришли в подданство России вслед за покорением Астрахани; что они имеют особливый смешанный язык, которым говорят со всеми соседними татарами; что они могут выставить 30 000 вооруженных воинов; что город Уральск стоит в 40 верстах от устья Урала, текущего в Каспийское море, и пр.* Все сии нелепости, которые не заслуживают опровержения для русских, приняты, однако ж, в прочих частях Европы за справедливые. Знаменитый Пуффендорф и Дегинь внесли их, к сожалению, в свои сочинения**.

«Возвращаясь к вышеупомянутым пяти источникам нашим и сравнивая их между собою, во всех видим ту главную истину, что яикские или уральские*** казаки произошли от донских; но о времени поселения их на занимаемых теперь местах не находим положительного и единогласного известия.

«Рукавишников, писавший, как сказали мы, в 1720 году, полагал, что предки его пришли на Яик, *может быть, назад около двухсот лет*, т. е. в первой половине XVI столетия.

«Неплюев повторяет слова Рукавишникова.

«Рычков в Оренбургской истории пишет: *начало сего яикского войска, по известиям от яикских старшин, произошло около 1584 года*****. В Топографии же, сочиненной после Истории, он говорит, что первое поселение казаков на Яике случилось в XIV столетии******.

«Сие последнее известие основано им на предании, полученном в 1748 году от яикского войскового атамана Ильи Меркурьева, которого отец, Григорий, был также войсковым атаманом, жил сто лет, умер в 1741 году и слышал в молодости от столетней же бабки своей, что она, будучи лет двадцати от роду, знала очень старую татарку, по имени Гугниху, рассказывавшую ей следующее:

---

* Родословной истории о татарах, часть 2-я, глава 2-я, также часть 9, глава 9. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.)*

** Histoire des Huns et des Tat., liv. 19, chap. 2. <История гуннов и татар, кн. 19, гл. 2.> *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

*** Далее увидим, когда река Яик получила название Урала. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

**** Известия об уральском войске, помещенные в Оренбургской истории Рычкова, собраны им, по собственным словам его, в 1744 году, а те, которые поместил он в Топографии своей, получены в 1748 году. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

***** См. Сочинения и переводы ежемесячные 1762 года, месяц август. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

«Во время Тамерлана один донской казак, по имени Василий Гугна, с 30 человеками товарищей из казаков же и одним татарином, удалился с Дона для грабежей на восток, сделал лодки, пустился на оных в Каспийское море, дошел до устья Урала и, найдя окрестности оного необитаемыми, поселился в них. По прошествии нескольких лет шайка сия напала на скрывшихся близ ее жилища в лесах трех братьев татар, из которых младший был женат на ней, Гугнихе (повествовательнице), и которые отделились от Золотой орды, также рассеявшейся потому, что Тамерлан, возвращаясь из России, намеревался напасть на оную. Трех братьев сих казаки побили, а ее, Гугниху, взяли в плен и подарили своему атаману». Далее, после нескольких пустых подробностей, та же повествовательница рассказывала, что «муж ее еще в детстве слыхал о российском городе Астрахани; что с казаками, ее пленившими, при ней соединилось много татар Золотой орды и русских, что они убивали детей своих и пр.».

«Продолжение ее рассказов сходно с тем, что мы будем описывать за истинное; но изложенное сейчас начало, невзирая на известную ученость, полезные труды и обширные сведения Рычкова о Средней Азии и Оренбургском крае, хронологически невозможно и противно многим несомненным историческим известиям. Поелику же сия повесть принята за единственный и правдоподобнейший источник для истории уральских казаков и поелику она неоднократно повторена в новейших русских и иностранных сочинениях*, то мы обязанностию почитаем войти в некоторые, даже скучные подробности для опровержения оной:

«1. Если атаман Григорий Меркурьев, живший около ста лет, умер в 1741 году, то он родился в 1641 или близ того времени. Столетняя бабка его, рассказывавшая ему такую подробную и важную для всякого казака историю и, следовательно, умершая не прежде, как когда ему было лет 15, то есть около 1656 года, должна была родиться в 1556 году, или хотя в 1550; Гугниху же узнала она на 20 году своего возраста, то есть около 1570 года. Положив теперь, что Гугнихе было тогда лет 90, выйдет, что она родилась в 1480 году, или, короче сказать, в конце XV столетия. Как же она могла помнить такие происшествия, которые были в XIV столетии, то есть почти за сто лет до ее рождения: ибо Тамерлан приходил в Россию в 1395 году?**

* Например, в хозяйственном описании Астраханской губернии 1809 года, в 29 книжке «Сына отечества» на 1821 год и пр. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.)*

** История Российская, г. Карамзина, том 5, с. 144. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

«2. Муж Гугнихи *в малых летах слыхал от стариков, что от реки Яика не очень далеко есть российские города Астрахань и другие*[*]. Известно, что Астрахань взята в 1554 году:[**] и так не должно ли здесь предполагать, что сама Гугниха и муж ее жили в XVI столетии? Таковое предположение ближе к истине и, как увидим сейчас, согласно с прочими известиями о начале уральских казаков.

«3. И Гугниха, и Рукавишников, и Рычков в Истории Оренбургской, и предания, мною самим слышанные в Уральске и Гурьеве, единогласно говорят, что уральские казаки происходят от донских. Но во времена Тамерлана донские казаки еще не существовали, и история нигде нам не говорит об них прежде XVI столетия. Даже если принять, что они составляют один и тот же народ с азовскими казаками, то и о сих последних, как пишет г. Карамзин[***], летописи в первый раз упоминают уже в 1499 году, то есть с лишком чрез сто лет после нашествия Тамерлана.

«4. В XIV столетии Россия еще не свергла ига татарского; границы ее тогда были отдалены от Каспийского моря более нежели на тысячу верст, и обширная степь, от Дона чрез Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами монголо-татарскими. Как же могла горсть буйных казаков не только пробраться чрез такое большое расстояние и чрез тысячи неприятелей, но даже поселиться между ими и грабить их? Миллер, известный своими изысканиями и сведениями в истории нашей, говорит:[****] *пока татары южными Российского государства странами владели, о российских казаках ничего не слышно было.*

«Показав несправедливость повести, помещенной Рычковым в Оренбургской топографии, примем первые его об уральском казачьем войске известия, напечатанные в Оренбургской истории; дополним оные сведениями, заключающимися в помянутых доношениях Рукавишникова и Неплюева, и преданиями, мною самим собранными на Урале; сообразим их с сочинениями знаменитейших писателей и предложим читателям следующее Историческое обозрение уральских казаков».

---

* Подлинные слова Рычкова в той же 2 главе Топографии. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

** Той же истории г. Карамзина, том 8, с. 222. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

*** См. Истор. Рос. государства, том 6, примеч. 495. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.*)

**** В статье «О начале и происхождении казаков». Сочин. и перев. 1760 года. *Левшин.* (*Прим. Пушкина.)*

[2] О Гугнихе смотри подробное баснословие Рычкова в его Оренбургской истории.

[3] Грамота сия не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорела во время бывшего пожара. «Не только сия грамота, – говорит г. Левшин, – без которой нельзя точно определить начала подданства уральских казаков России, но и многие другие, данные им царями Михаилом Феодоровичем, Алексеем Михайловичем и Феодором Алексеевичем, сгорели. Древнейший и единственный акт, найденный Неплюевым в Яикской войсковой избе, была грамота царей Петра и Иоанна Алексеевичей, 1684 года, где упоминается о прежних службах войска со времен Михаила».

«С 1655, то есть с первой службы уральских казаков против поляков и шведов, до 1681 года нет известий о походах их. В 1681 и 1682 годах служили триста казаков под Чигирином. В 1683 послано было из них 500 человек к Мензелинску для усмирения бунтовавших башкирцев, за что, сверх жалованья деньгами и сукном, повелено было снабжать их артиллерийскими снарядами*. Со времен Петра Великого они были употребляемы в большой части главных военных действий России, как-то: в 1696 под Азовом; в 1701, 1703, 1704 и 1707 против шведов; в 1708 году 1225 казаков были опять посланы для усмирения башкирцев; в 1711 году 1500 человек на Кубань; в 1717 году 1500 казаков пошли с князем Бековичем-Черкасским в Хиву; и так далее» (*г. Левшин).*

[4] Г-н Левшин справедливо замечает, что царские стрельцы, вероятно, помешали яицким казакам принять участие в возмущении Разина. Как бы то ни было, нынешние уральские казаки не терпят имени его, и слова *Разина порода* почитаются у них за жесточайшую брань.

[5] «В те ж времена из казаков яицкого войска некто, по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву, уповая быть там великому богатству и получить себе знатную добычу. Со оными отправился он по Яику-реке вверх и, будучи у гор, называемых ныне *Дьяковыми*, от нынешнего городка вверх Яика 30 верст, остановился и по казачьему обыкновению учинил совет, или круг, для рассуждения о том своем предприятии и чтоб изобрать человека для показания прямого и удобнейшего туда тракту. Когда в кругу учинен был о том доклад, тогда дьяк его, или писарь, выступя, стал представлять, коль отважно и не сходно оное их предприятие, изъясняя, что путь будет степной, незнакомый,

* Доношение Неплюева и журнал Акутина. (*Прим. Пушкина.*)

провианта с ними не довольно, да и самих их на такое великое дело малолюдно. Помянутый Нечай от сего дьякова представления так много рассердился и в такую запальчивость пришел, что, не выходя из того круга, приказал его повесить, почему он тогда ж и повешен, а оные горы прозваны и поныне именуются *Дьяковыми*.

Отправясь он, Нечай, в путь свой с теми казаками, до Хивы способно дошел, и, подступя под нее в такое время, когда хивинский хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах, а в городе Хиве, кроме малых и престарелых, никого почти не было, без всякого труда и препятствия городом и всем тамошним богатством завладел, а ханских жен в полон побрал, из которых одну он, Нечай, сам себе взял и при себе ее содержал. По таковом счастливом завладении он, Нечай, и бывшие с ним казаки несколько времени жили в Хиве во всяких забавах и об опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно полюбя его, Нечая, советовала ему: ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался, дабы хан с войском своим тут его не застал; и хотя он, Нечай, той ханской жены наконец и послушал, однако не весьма скоро из Хивы выступил и в пути, будучи отягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог; а хан, вскоре потом возвратясь из своего походу и видя, что город его Хива разграблен, нимало не мешкав, со всем своим войском в погоню за ним, Нечаем, отправился и чрез три дня его настиг на реке, именуемой *Сыр-Дарья*, где казаки чрез горловину ее переправлялись, и напал на них с таким устремлением, что Нечай с казаками своими хотя и храбро оборонялся и многих хивинцев побил, но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско яицкое возвратились и о его погибели рассказали. Во оном войсковых атаманов объявлении показано и сие, якобы хивинцы с того времени оную горловину, которая из Аральского моря в Каспийское впала, на устье ее от Каспийского моря завалили, в таком рассуждении, дабы в предбудущие времена из моря в море судами ходу не было; но я последнее сие обстоятельство за неимением достовернейших известий не утверждаю, а представляю оное так, как мне от помянутых войсковых атаманов сказано.

Несколько лет после того яицкие казаки селением своим перешли к устью реки *Чагана* на то третие место, где ныне яицкий казачий город находится. Утвердившись же тут селением и еще в людстве гораздо умножась, один из них, по прозванию *Шамай*, прибрав себе в товарищество человек до 300, взял такое ж намерение, как и Не-

чай, а именно, чтоб еще опыт учинить походом на Хиву для наживы тамошними богатствами. Итак, согласясь, пошли вверх по Яику до Илека-реки, по которой, вверх несколько дней отошед, зазимовали, а весною далее отправились. Будучи около реки Сыр-Дарьи, на степи усмотрели двух калмыцких ребят, которые ходили для звероловства и разрывали ямы звериные; ибо тогда около оной реки Сыр-Дарьи кочевали еще калмыки. Захватя сих калмыцких ребят, употребляли они их на той степи за вожей ради показания дорог. И хотя калмыки оных своих ребят у них, казаков, к себе требовали, но они им в том отказали. За сие калмыки, озлобясь, употребили противу их такое лукавство, что, собравшись многолюдно, скрылись в потаенное низменное место, а вперед себя послали на высокое место двух калмык и приказали, усмотря яицких казаков, рыть землю и, бросая оную вверх, делать такой вид, якобы они роют звериные ж ямы. Передовые казаки, увидевши их, подумали, что то еще калмыцкие гулебщики роют ямы, и сказали о том Шаме, своему атаману, и потом все из обозу поскакали за ними. Калмыки от казаков во всю силу побежали на те самые места, где было скрытное калмыцкое войско, и так их навели на калмык, которые все вдруг на них, казаков, ударили и, помянутого атамана с несколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана для сего токмо, дабы тем удержанием прежде захваченных ими калмык высвободить; ибо, прочих отпустя, требовали оных своих калмычат к себе обратно; но наказной атаман ответствовал, что у них атаманов много, а без вожей им пробыть нельзя, и с тем далее в путь свой отправились; токмо на то место, где прежде с атаманом Нечаем казаки чрез горловину Сыр-Дарьи переправлялись, не потрафили, но, прошибшись выше, угодили к Аральскому морю, где у них провианта не стало. К тому ж наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на том Аральском море зимовать и в такой великий глад пришли, что друг друга умерщвляя ели, а другие с голоду помирали. Оставшие ж посылали к хивинцам с прошением, чтоб их к себе взяли и спасли б их тем от смерти; почему, приехав к ним, хивинцы всех их к себе и забрали. И так все оные яицкие казаки, 300 человек, там пропали. Означенный же атаман Шамай спустя несколько лет калмыками привезен и отдан в яицкое войско» («Топография Оренбургская»).

[6] Смотри статью г-на Сухорукова «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия», напечатанную в «Соревнователе просвещения» 1824 года. Вот что пишет г. Левшин о казацких кругах: «Коль скоро, бывало, получится какой-нибудь указ или случится какое-нибудь общее войсковое дело, то на колокольне собор-

ной церкви бьют *сполох*, или повестку, дабы все казаки сходились на сборное место к войсковой *избе*, или *приказу* (что ныне канцелярия войсковая), где ожидает их войсковой атаман. Когда соберется довольно много народа, то атаман выходит к оному из избы на крыльцо с серебряною позолоченною булавою; за ним с жезлами в руках есаулы, которые тотчас идут в средину собрания, кладут жезлы и шапки на землю, читают молитву и кланяются сперва атаману, а потом на все стороны окружающим их казакам. После того берут они жезлы и шапки опять в руки, подходят к атаману, принимая от него приказания, возвращаются к народу и громко приветствуют оный сими словами: «Помолчите, атаманы молодцы и все великое войско яицкое!» А наконец, объявив дело, для которого созвано собрание, вопрошают: «Любо ль, атаманы молодцы?» Тогда со всех сторон или кричат: «любо», или подымаются ропот и крики: «не любо». В последнем случае атаман сам начинал увещевать несогласных, объясняя дело и исчисляя пользы оного. Если казаки были им довольны, то убеждения его часто действовали; в противном случае никто не внимал ему, и воля народа исполнялась» («Историч. и статист. обозрение уральских казаков»).

[7] Уральское казачье войско так же, как и все казаки, не платит государству податей; но оно несет службу и обязано во всякое время по первому требованию выставлять на свой счет определенное число одетых и вооруженных конных воинов; а в случае нужды все, считающиеся на службе, должны выступить в поход. Теперь служащих казаков в уральском войске 12 полков. Из них один в Илецкой и один в Сакмарской станицах. Сии оба полка, как не участвующие в богатых рыбных промыслах уральских, не участвуют и в наряде казаков в армию; но отправляют только линейную службу, то есть оберегают границу от киргизов. Остальные 10 полков, считающиеся на службе, но действительно не служащие, выставляют на свой счет полки в армию и стражу на линию по всему пространству земель своих до Каспийского моря. Как первая, так и вторая служба несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первом повелении правительства о наряде одного или нескольких полков делается раскладка: на сколько человек, считающихся в службе, приходит поставить одного вооруженного, и потом каждый таковой участок общими силами нанимает одного казака с тем, чтобы он сам себя и обмундировал и вооружил. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и более; а за 10-месячный поход в Бухарию для сопровождения бывшей там миссии нашей по неизвестности земель платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тот, который

в случае раскладки не может за себя заплатить, сам нанимается в поход. Иные, нанявшись, сдают свою обязанность другим, иногда с барышом для себя. Плата тем, кои нанимаются в линейную стражу, самая малая: потому что они, имея в форпостах и крепостях свои собственные домы, скотоводство, мену и все имущество, невольно идут оберегать границу, хотя, впрочем, необходимость сия лишает их права участвовать в общих рыбных промыслах.

Обыкновение служить по найму, с одной стороны, по-видимому несправедливое, потому что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее, с другой стороны, полезно: ибо – 1-е, теперь всякий казак, выступающий в поход, имеет возможность хорошо одеться и вооружиться; 2-е, он, оставляя семейство свое, может уделить оному довольно денег на содержание во время своей отлучки; 3-е, человек, занимающийся промыслом каким-нибудь или работою, полезен для него и для других, не принужден бросать занятий своих и невольно идти на службу, которую бы отправлял очень неисправно. Отставные казаки уже ни в каких службах не участвуют; а потому и на рыбные ловли без платы ездить не могут («Историч. и статист. обозрение уральских казаков»).

Выписываем из той же книги живое и любопытное изображение рыбной ловли на Урале:

«Теперь обратим внимание на рыболовство уральского войска и рассмотрим оное подробнее как потому, что оно составляет главнейший и почти единственный источник богатства здешних жителей, так и потому, что различные образы производства оного очень любопытны. Прежде же всего заметим, что против города Уральска ежегодно после весеннего половодья делают из толстых бревен чрез Урал загороду или решетку, называемую учуг, который останавливает и не пускает далее вверх рыбу, идущую из моря*.

«Главнейшие рыбные ловли, из которых ни одной нельзя начать прежде дня, определяемого войсковою канцеляриею, суть:

«1-я, багренье, разделяющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа декабря и не продолжается долее 25-го; второе начинают около 6 января и оканчивают в том же месяце. Багрят рыбу только от Уральска верст на 200 вниз; далее не продолжают, потому что там производится осенняя ловля.

«Образ багренья таков: в назначенный день и час являются на Урал атаман багренья (всякий раз назначаемый канцеляриею из

* По словам стариков, прежде так бывало много в Урале рыбы, что от напору оной учуг ломался, и ее прогоняли назад пушечными выстрелами с берега. (*Прим. Пушкина.*)

штаб-офицеров) и все имеющие право багрить казаки, всякий в маленьких одиночных санках в одну лошадь, с пешнею, лопатою и несколькими баграми, коих железные острия лежат на гужах хомута, у оглобли, а деревянные составные шесты, длиною в 3, 4, иногда в 12 сажен, тащатся по снегу. Прибыв на сборное место, становятся впереди атаман и около его несколько конных казаков для соблюдения порядка; а за ним рядами все выехавшие багрить. Число сих последних простирается всегда до нескольких тысяч; ежели кто из них осмелится поскакать с места один, то передовые блюстители порядка рубят у него багры и сбрую.

«Строгая и справедливая мера сия невольно удерживает на месте казаков, из коих почти у каждого на лице написано нетерпеливое желание скорее пуститься вперед. Этого мало: даже у лошадей их, приученных к сему промыслу, в глазах видно нетерпение скакать. Атаман, на которого все взоры устремлены, ходя около саней своих и приближаясь к ним как будто для того, чтоб садиться, и опять отходя, не раз заставляет их ошибаться в сигнале; наконец он действительно бросается в санки, дает знак, пускает во всю прыть лошадь свою, и за ним скачет все собравшееся войско. Тут уже нет никакого порядка и никому пощады. Всякий старается опередить другого, и горе тому, кто по несчастию вывалится из саней. Если он не будет раздавлен, чему примеров мало помнят, то легко может быть изуродован.

«Прискакав к назначенному для ловли месту*, все сани останавливаются; всякий выскакивает из них с наивозможною поспешностию, пробивает во льду небольшой проруб и тотчас опускает в него багор свой. Картина, представляющаяся в сию минуту для зрителей с берегов Урала, обворожительна! Скорость, с каковою все казаки друг друга обгоняют, всеобщее движение, в которое все приходит тотчас по приезде на место ловли, и в несколько минут возрастающий на льду лес багров поражают глаза необыкновенным образом. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумом скачущих лошадей, поднимается с места, суетится и напирается на багры, опускаемые так, чтобы они на несколько вершков не доходили до дна. В изобильном месте, иногда, еще не пройдет четверти часа от начала багренья, как уже везде на льду видны трепещущие осетры, белуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшаяся на багор, столь велика, что один не может ее вытащить, то он тотчас просит помо-

* Места сии называются здесь *етови* и замечаются осенью по множеству рыбы, которая, расположившись в них зимовать, при восхождении и захождении солнечном на поверхности воды показывается. (*Прим. Пушкина.*)

щи, и товарищи его или соседы подбагривают ему. На каждый день багренья назначается рубеж, далее которого никто не должен ехать.

«После малого багренья ежегодно отправляют от лица войска некоторое количество наилучшей икры и рыбы ко двору. Приношение сие, как знак верноподданства, издавна существующее, называется *презентом*, или первым кусом. Для ловли такового презента обыкновенно назначается лучшее место или *етовь*; и если в оной набагрят мало, то недостающее количество рыбы покупают на сумму войсковой канцелярии. Если же во время багренья для двора поймают рыбы более, нежели нужно, то остальную запрещается несколько времени продавать, дабы ее не привезли в Петербург прежде посланной от войска. Офицеры, с презентом отправляемые, получают денежные награды от двора на путевые издержки, на ковш и саблю.

«2-я рыбная ловля есть *весенняя плавня*, или *севрюжное рыболовство*, так называемое потому, что в сие время попадаются почти только одни севрюги. Начинается она в апреле тотчас по вскрытии льда под Уральском и продолжается около двух месяцев по всему пространству Урала до моря. Для нее, так, как и для всех прочих промыслов, назначается день, избирается атаман и дается ему пушка, по выстрелу из которой все собравшиеся на промысел казаки пускаются с места в маленьких бударах, не помещающих в себе более одного человека, и каждый начинает выкидывать определенной длины сеть свою. Употребляемые в сие время сети состоят из двух полотен, одного редкого, а другого частого, дабы между ими запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается из моря вверх по Уралу. Один конец таковой сети привязан к плавающему по воде бочонку или куску дерева; а другой держит казак за две веревки. Для привала назначается рубеж – и против него на берегу ставка атаманская, близ которой все должны оканчивать ловлю. Окончание возвещается вечером опять пушечным выстрелом. Осетров и белуг, кои в сие время попадаются, по положению должно бросать назад в воду; ибо, во-первых, они тогда еще малы, во-вторых, слишком дешевы. Преступающих сие положение наказывают и отнимают у них всю наловленную рыбу.

«3-я, *осенняя плавня*, начинающаяся 1 октября и оканчивающаяся в ноябре, имеет то отличие от весенней, что, во-первых, в оной употребляются сети совсем другого рода, то есть сплетенные наподобие мешка, которым рыбу как бы черпают*, во-вторых, при каждой из сетей сих, *ярыгами* называемых, находятся два человека в

* Это потому, что рыба в сие время избрала место на зимовку. (*Прим. Пушкина.*)

двух бударках по обеим сторонам. Начинают осенний промысел так же, как и прочие, под начальством особого атамана, из назначенного рубежа. Дабы один большею сетью, или ярыгою, не захватил более пространства и, следовательно, более рыбы, нежели другой, у коего сеть меньше, то определена однажды навсегда длина всех сетей. Когда на одном месте выловят всю рыбу, то опять собираются туда, где атаман, и едут далее до следующего рубежа, или, говоря языком казаков, делают другой *удар.*

«Осенняя плавня производится только с того места, где оканчивается багренье, то есть верстах в 200 от Уральска и до моря*.

«4-я, неводами; начинают ловить зимою, также по назначению канцелярии; но не собранием, а поодиночке, кто где желает. Невод пропускается под льдом на шесте, который направляют куда хотят посредством прорубов.

«5-я, рыболовство *аханное*, или *аханами*, то есть особого рода сетями; производится около половины декабря и только в море, то есть недалеко от Гурьева. В день, назначенный для начала сего промысла, начальник оного раздает всем желающим и имеющим право ловить участки по жребию. Участки все равны, то есть каждому казаку отводится равное пространство на определенное число аханов, определенной же меры. Чиновники получают по чинам своим по два, по три и более участков.

«Ахан, опущенный в море под лед, вешается в перпендикулярном к поверхности положении и придерживается на обоих краях и на средине тремя веревками или петлями, для коих делается три проруба и в кои вдевают палки или шестики на льду, над прорубами лежащие.

«Установленные таким образом аханы требуют только того, чтоб промышленник от времени до времени подходил к ним, за средину подымал каждый из среднего проруба, или, как здесь говорят, *наслушивал*, и если по тяжести почувствует, что в нем уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивал бы его, снимал добычу и потом опять по-прежнему устанавливал. Сей способ ловли чрезвычайно выгоден для тех, которые занимаются оным; но, не допуская рыбы вверх Урала, он делает подрыв багренным промышленникам.

«6-я, *курхайский* лов, бывает обыкновенно весною и только в море, или, лучше сказать, на взморье. Он производится посредством сетей, которые в перпендикулярном к поверхности воды

* Каждый казак имеет при сем лове у себя работника. За полутора или двухмесячные труды должен он ему заплатить от 70 до 100 рублей. (*Прим. Пушкина.*)

положении привязываются на концах и средине к трем шестам, вбитым в дно морское. Рыбу, идущую из моря и запутывающуюся в сии сети, снимают в лодки, на коих разъезжает промышленник около своих снастей.

«7-я, лов крючками, навешенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бывает под льдом, менее всех сказанных значителен.

«О ловле удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

«С нынешнего 1821 года, по дозволению высшего начальства, в первый раз начали казаки рыбную ловлю в Чалкажском озере или по здешнему морце, за 80 верст от Уральска в Киргизской степи находящемся.

«Рыбы, попадающиеся в Урале в наибольшем количестве, суть: осетр, белуга, шип, севрюга, белая рыбица, судак, лещ, щука, бершь, сазан, сом, головли. Осетры ловятся иногда пудов в 7, 8 и даже до 9. Белуги пудов 20, 30, а редко и в 40; первые чем больше, тем лучше и дороже; вторые чем больше, тем хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежнего от уменьшения вод в море и Урале. Цены икре и рыбе в багренье не имеют сравнения с ценами в весенний лов; в продолжение сего последнего они вчетверо ниже; ибо время года не позволяет сберегать рыбу, иначе как посолив ее.

«Соль казаки уральские получают или из Индерского и Грязного соленых озер, находящихся недалеко от границы в степи киргизской, или из озер, по берегам Эмбы лежащих. Есть также и около Узеней небольшие соленые озера».

[8] Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностию помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках:

«Нет сомнения в том, что *Убаши* и *Сэрын* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти к Китаю. Они, вероятно, думали и то, что сия держава, по покорении Чжуньгарии, вызвала оттуда свои войска обратно, а в Или и Тарбагатае оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будет вытеснить; в переходе же чрез земли киргиз-казаков тем менее предполагали опасности, что сии хищники, отважные пред купеческими караванами, всегда трепетали при одном взгляде на калмыцкое вооружение. Одним словом, калмыки в мыслях своих представляли, что сей путь будет для них, как прежде всегда было, приятною

прогулкою от песчаных равнин Волги и Урала до гористых вершин Иртыша. Но случилось совсем противное: ибо встретились такие обстоятельства, которые были вне всех предположений.

«Чжуньгарское ойратство на Востоке, некогда страшное для Северной Азии, уже не существовало, и *волжские калмыки*, долго бывшие под российским владением, по выходе за границу считались беглецами, коих российское правительство, преследуя оружием своим, предписало и киргиз-казакам на каждом, так сказать, шагу остановлять их вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походе *торготов* на Восток, приняло, с своей стороны, все меры осторожности* и также предписало казакам и кэргызцам не допускать их проходить пастбищными местами; в случае же их упорства отражать силу силою. Мог ли хотя один кэргызец и казак остаться равнодушным при столь неожиданном для них случае безнаказанно грабить?

«Российские отряды, назначенные для преследования беглецов, по разным причинам, зависевшим более от времени и местности, не могли догнать их. Бывшие яицкие казаки в сие самое время начали уже волноваться и отказались от повиновения. Оренбургские казаки хотя выступили в поход и в половине февраля соединились с Нурали, ханом Меньшой казачьей орды, но, за недостатком подножного корма, вскоре принуждены были возвратиться на границу. После обыкновенных переписок, требовавших довольного времени, уже 12 апреля выступил из Орской крепости отряд регулярных войск и успел соединиться с ханом Нурали; но калмыки между тем, подавшись более на юг, столько удалились, что сей отряд мог только несколько времени, и то издали, тревожить тыл их; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади от голода и жажды не в состоянии были идти далее, начальник отряда Траубенберг принужден был поворотить на север и чрез Уйскую крепость возвратиться на Линию**.

«Но киргиз-казаки, несмотря на то, вооружились с величайшею ревностию. Их ханы: Нурали в Меньшой, Аблай в Средней и Эрали в Большой орде, один за другим нападали на калмыков со всех сторон; и сии беглецы целый год должны были на пути своем беспрерывно сражаться, защищая свои семейства от плена и стада от

* Китай содержит в *Чжуньгарии* охранных войск не более 35 000, которые растянуты по трем дорогам: от Кашгара до Халми, от Или до Баркюля и от Чугучака до Улясутая, на пространстве не менее 7000 верст; почему пограничное китайское начальство в Чжуньгарии не могло спокойно смотреть на приближение волжских калмыков. (*Прим. Пушкина.*)

** См. опис. Кирг.-Кайс. орд и степей г. Левшина. Ч. II, с. 256. (*Прим. Пушкина.*)

расхищения. Весною следующего (1772) года кэргызцы (буруты) довершили несчастие калмыков, загнав в обширную песчаную степь по северную сторону озера Балхаши, где голод и жажда погубили у них множество и людей и скота.

«По перенесении неимоверных трудностей, по претерпении бесчисленных бедствий, наконец калмыки приближились к вожделенным пределам древней их отчизны; но здесь новое несчастие представилось очам их. Пограничная цепь китайских караулов грозно преградила им вход в прежнее отечество, и калмыки не иначе могли проникнуть в оное, как с потерею своей независимости. Крайнее изнеможение народа принудило Убаши с прочими князьями поддаться Китайской державе безусловно. Он вышел из России с 33 000 кибиток, в коих считалось около 169 000 душ обоего пола. При вступлении в Или из помянутого числа осталось не более 70 000 душ*. Калмыки в течение одного года потеряли 100 000 человек, кои пали жертвою меча или болезней и остались в пустынях Азии в пищу зверям или уведены в плен и распроданы по отдаленным странам в рабство.

«Китайский император предписал принять сих несчастных странников и новых своих подданных с примерным человеколюбием. Немедленно доставлено было калмыкам вспоможение юртами, скотом, одеждою и хлебом. Когда же разместили их по кочевьям, тогда для обзаведения еще было выдано им:

Лошадей, рогатого скота и овец	1 125 000 гол.
Кирпичного чаю	20 000 мест**
Пшеницы и проса	20 000 чет.
Овчин	51 000
Бязей***	51 000
Хлопчатой бумаги	1 500 пуд.
Юрт	400
Серебра около	400 пуд.

* Так показал китайскому правительству Убаши с прочими князьями. В книжке: *Си-юй-Вынь-цзянь-лу* число бежавших из России калмыков увеличено. Ошибка сия произошла оттого, что сочинитель помянутой книжки писал свои записки по сказаниям простых калмыков. См. Опис. Чжуньг. и В. Туркест., с. 186 и сл. (*Прим. Пушкина.*)

** Место, или ящик, содержит в себе 36 кирпичей или плиток чая, из коих каждая весит около $3^1/_2$ ф. (*Прим. Пушкина.*)

*** *Бязью* в Туркестане называется белая бумажная ткань, которая бывает неодинакой меры. (*Прим. Пушкина.*)

«Осенью того же года *Убаши* и князья *Цебок-Дорцзи, Сэрын, Гунгэ, Момыньту, Шара-Кэукынь* и *Цилэ-Мупир* препровождены были к китайскому двору, находившемуся в Жэхэ. Сии князья, кроме *Сэрына*, были ближайшие родственники хана *Убаши*, потомки *Чакдор-Чжаба*, старшего сына хана *Аюки*. Один только *Цебок-Дорцзи* был правнук *Гуньчжаба*, младшего сына хана *Аюки*. *Убаши* получил титул Чжорикту Хана; а прочим князьям, в том числе и остававшимся в Или, даны разные другие княжеские титулы. Сии владельцы при отъезде из Жэхэ осыпаны были наградами; по возвращении же их в Или три дивизии из торготов размещены в Тарбагатае или в Хурь-хара-усу, а *Убаши* с четырьмя дивизиями *торготов* и *Гунгэ* с *хошотами* поселены в Харашаре по берегам Большого и Малого Юлдуса*, где часть людей их обязана заниматься хлебопашеством под надзором китайских чиновников**. Калмыки, ушедшие в китайскую сторону, разделены на 13 дивизий.

«Российское правительство отнеслось к китайским министрам, чтоб, по силе заключенного между Россиею и Китаем договора, обратно выдали бежавших с Волги калмыков; но получило в ответ, что китайский двор не может удовлетворить оной просьбы по тем же самым причинам, по которым и российский двор отказал в выдаче *Сэрына*, ушедшего из Чжуньгарии на Волгу для спасения себя от преследования законов.

«Впрочем, волжские калмыки, по-видимому, вскоре и сами раскаялись в своем опрометчивом предприятии. В 1791 году получены с китайской стороны разные известия, что калмыки намереваются возвратиться из китайских владений и по-прежнему отдаться в российское подданство. Вследствие оных известий уже предписано было сибирскому начальству дать им убежище в России и поселить их на первый случай в Колыванской губернии***.

«Но кажется, что калмыки, быв окружены китайскими караулами и лазутчиками и разделены между собою значительным пространством, не имели никакой возможности к исполнению своего намерения».

[9] Полевые команды состояли из 500 человек пехоты, конницы и артиллерийских служителей. В 1775 году они заменены были губернскими батальонами.

[10] Умет – постоялый двор.

* В Вост. Туркестане от Или на юго-восток. (*Прим. Пушкина.*)

** Возвращение *торготов* из России в Чжуньгарию описано в *Синь-цзянь-чжи-лао*: начальной тетради на лист. 51–56. *(Прим. Пушкина.)*

*** См. Полн. собр. росс. зак., т. XXIII, № 16937. (*Прим. Пушкина.*)

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

[1] Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено. В Уральске жива еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды в огороде, вырыл он четыре могилы. Сие обстоятельство истолковано было после как предзнаменование его участи.

[2] Малыковских управительских дел земский Трофим Герасимов и Мечетной слободы смотритель Федот Фадеев и сотник Сергей Протопопов в бытность его в Мечетной слободе письменно объявили: Мечетной слободы крестьянин Семен Филиппов был в Яицке за покупкою хлеба, а ехал оттуда с раскольником Емельяном Ивановым. Сей в городке Яицке подговаривал казаков бежать на *реку Лобу*, к турецкому султану, обещая по 12 рублей жалованья на человека, объявляя, что у него на границе оставлено до 200 тысяч рублей да товару на 70 тыс., а по приходе их паша-де даст им до 5 миллионов. Некоторые казаки хотели было его связать и отвести в комендантскую канцелярию, но он-де скрылся и находится, вероятно, в селе Малыковке.

Вследствие сего вышедший из-за польской границы с данным с Добрянского форпосту пашпортом для определения на жительство по реке Иргизу раскольник Емельян Иванов был найден и приведен ко управительским делам выборным Митрофаном Федоровым и Филаретова раскольничьего скита иноком Филаретом и крестьянином Мечетной слободы Степаном Васильевым с товарищи, – *оказался подозрителен, бит кнутом;* а в допросе показал, что он зимовейский служилый казак Емельян Иванов Пугачев, от роду 40 лет; с той станицы бежал великим постом сего 72 года в слободу Ветку за границу, жил там недель 15, явился на Добрянском форпосте, где сказался вышедшим из Польши; и в августе месяце, высидев тут 6 недель в карантине, пришел в Яицк и стоял с неделю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорил он пьяный, а об подданстве султану и встрече пашою и 5 млн. не говаривал, – а имел-де он намерение в *Симбирскую провинциальную* канцелярию явиться для определения к жительству на реке Иргизе. По резолюции дворцовых дел был он отправлен под караул с мужиками малыковскими, а сообщено сие в коменд. канцелярию, учрежденную в городе Яицке 19 декабря 1772 *(Промемория от дворцовых Малыковских дел в комендантскую канцелярию, учрежденную в городе Яицке, декабря 18, 1772 года, поданная смотрителем Иваном Расторгуевым).*

Крестьянин Семен Филиппов содержался под караулом до самого 1775 года. По окончании следствия над Пугачевым и его со-

общниками велено было его освободить и сверх того о награждении его, Филиппова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на рассмотрение Правительствующему Сенату. *(См. сентенцию 10 января 1775 года.)*

[3] «Оному Пугачеву, за побег его за границу в Польшу и за утайку по выходе его оттуда в Россию о своем названии, а тем больше за говорение возмутительных и вредных слов, касающихся до побега всех яицких казаков в Турецкую область, учинить наказание плетьми и послать так, как бродягу и привыкшего к праздной и предерзкой жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу. 6 мая 1773». *(«Записки о жизни и службе А. И. Бибикова».)*

[4] Форпост Будоринский в 79 верстах от Яицкого городка.

[5] Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга. В нем находилось до 300 казаков. Илецкие казаки были тут поселены статским советником Кирилловым, образователем Оренбургской губернии.

[6] Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизцы вброд через Яик. Она находится в 25 верстах от Илецкого городка, а в 101 от Оренбурга.

[7] В 1773 году Оренбургская губерния разделялась на четыре *провинции*: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. К первой принадлежали дистрикт (уезд) Оренбургский и Яицкий городок со всеми форпостами и станицами, до самого Гурьева, также и Бугульминская земская контора. Исетская провинция заключала в себе Зауральскую Башкирию и уезды Исетский, Шадринский и Окуневский; Уфимская провинция – уезды Осинский, Бирский и Мензелинский. Ставропольскую провинцию составлял один обширный уезд. Сверх сего, Оренбургская губерния разделялась еще на восемь *линейных дистанций* (ряд крепостей, выстроенных по рекам Волге, Самаре, Яику, Сакмаре и Ую); сии дистанции находились под ведомством военных начальников, пользовавшихся правами провинциальных воевод. *(См. Бишинга и Рычкова.)*

[8] Ставропольская канцелярия ведала дела крещеных калмыков, поселенных в Оренбургской губернии.

[9] Нижне-Озерная находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга. Она выстроена на высоком берегу Яика.– Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.

[10] Неизвестный автор краткой исторической записки: Historie de la révolte de Pougatschef* – рассказывает смерть Харлова следующим образом:

Le major Charlof avait épousé, depuis quelques semaines, la fille du colonel Jélagin, jeune personne très aimable. Il avait été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avait rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse, au désespoir, le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur et lui demanda la grâce de son mari. – Je vais le faire pendre en ta présence, – répondit le barbare. A ces mots la jeune femme verse un torrent de larmes, embrasse de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef**. – Автор находит тут невероятности и пускается в рассуждения. – Les peuples les plus barbares respectent les mœurs jusqu'à un certain point, et Pougatschef avait trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc.*** Болтовня; но вообще вся записка замечательна и, вероятно, составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге.

[11] Крепость Татищева, при устье реки Камыш-Самары, основана Кирилловым, образователем Оренбургской губернии, и названа от него Камыш-Самарою. Татищев, заступивший место Кириллова, назвал ее своим именем: *Татищева пристань*. Находится в 28 верстах от Нижне-Озерной и в 54 (прямой дорогою) от Оренбурга.

[12] Чернореченская в 36 верстах от Татищевой и в 18 от Оренбурга.

---

* История восстания Пугачева (*франц.*).

** Майор Харлов несколько недель тому назад женился на дочери полковника Елагина, очень милой молодой особе. Он был опасно ранен при защите крепости, и его отнесли домой. Когда крепость была взята, Пугачев прислал за ним, велел стащить его с кровати и привести к себе. Молодая жена в отчаянии последовала за ним, бросилась к ногам победителя и просила о помиловании мужа. «Я велю его повесить в твоем присутствии», – отвечал варвар. При этих словах молодая женщина проливает потоки слез, снова обнимает ноги Пугачева и умоляет о милосердии; все было напрасно, и Харлов был в ту же минуту повешен в присутствии своей супруги. Едва он испустил дух, как казаки бросились на его жену и принудили ее утолить грубую страсть Пугачева (*франц.*).

*** Самые варварские народы соблюдают до известной степени чистоту нравов, и у Пугачева было достаточно здравого смысла, чтоб не совершать перед солдатами и т. д. (*франц.).*

[13] Сакмарский город, основанный при реке Сакмаре, находится в 29 в. от Оренбурга. В нем было до 300 казаков.

[14] Показание крестьянина Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года. *(Из Оренбургского архива.)*

[15] Повешены два курьера, ехавшие в Оренбург, один из Сибири, другой из Уфы, гарнизонный капрал, толмач-татарин, старый садовник, некогда бывший в Петербурге и знавший государя Петра III, да приказчик с рудников Твердышевских.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

[1] См. Приложения, I*.

[2] Журнал осаде, веденный в губернаторской канцелярии, помещен в любопытной рукописи академика Рычкова. Читатель найдет ее в Приложении. Я имел в руках три списка, доставленные мне гг. Спасским, Языковым и Лажечниковым.

[3] Билов выступил из Оренбурга 24 сентября. В этот день губернатор давал у себя бал. Весть о Пугачеве разошлась на бале.

[4] Сержант сей назывался Иван Костицын. Участь его неизвестна. Его допрашивал подполковник В. Могутов.

[5] См. Приложения, III.

[6] В донесении Малыковской земской конторы сказано о Пугачеве: *оказался подозрителен, бит кнутом*. См. в Примечаниях на II главу, примечание 2.

[7] Падуров, в последствии времени повешенный, писал Мартемьяну Бородину, увещевая его покориться Пугачеву: «А ныне вы называете его (Самозванца) донским казаком Емельяном Пугачевым и якобы у него ноздри рваные и клейменый. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется».

[8] По совету одного из чиновников (говорит Рычков).

[9] Меновой двор, на котором с азиатскими народами чрез все лето до самой осени торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоемное. В нем находится пограничная таможня; лавок вокруг всего двора 246 да анбаров 140. Внутри же построен особый двор для азиатских купцов с 98 лавка-

* Указанные здесь и далее места из приложений см. в разделе примечания. *(Ред.)*

ми и 8 анбарами. В 1762 году полавочных денег взималось 4854 рубля. Меновой двор укреплен батареями. *(Топография Оренбургской губернии.)*

[10] Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit kritischer als ich Ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräter mit 3000*. Rebellen macht ganz Orenburg zittern... Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Komando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten haben wir 12 Spions aufgefangen etc**. *(Письмо Рейнсдорпа к гр. Чернышеву от 9 октября 1773.)*

[11] *Бердская казачья слобода,* при реке Сакмаре. Она обнесена была оплотом и рогатками. По углам были батареи. Дворов в ней было до двухсот. Жалованных казаков считалось до ста. Они имели своего атамана и особых старшин.

[12] В городе убито 7 человек, в том числе одна баба, шедшая за водой.

[13] В другой раз Пугачев, пьяный, лежа в кибитке, во время бури сбился с дороги и въехал в оренбургские ворота. Часовые его окликали. Казак Федулев, правивший лошадьми, молча поворотил и успел ускакать. Федулев, недавно умерший, был один из казаков, предавших самозванца в руки правительства.

[14] Слышано мною от самого Дмитрия Денисовича Пьянова, доныне здравствующего в Уральске.

[15] Кажется, Пугачев и его сообщники не полагали важности в этой пародии. Они в шутку называли также Бердскую слободу – Москвою, деревню Каргале – Петербургом, а Сакмарский городок – Киевом.

[16] Так пишет Кар в письме к графу Чернышеву от 11 ноября 1773.

[17] Овзяно-Петровский завод принадлежал купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смышленому. Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть доныне одни из богатейших людей в России.

[18] Деревня Юзеева в 120 верстах от Оренбурга.

---

* Рейнсдорп в сем числе не считает башкирцев.

** Наиплачевное состояние Оренбургской губернии много опаснее, чем я могу его описать; меня бы не устрашила регулярная вражеская армия в десять тысяч человек, а между тем один предатель с 3000 бунтовщиков приводит в трепет весь Оренбург… Мой гарнизон, состоящий их 1200 человек, – единственная к тому же военная сила, на которую я полагаюсь. По милости Всевышнего мы поймали 12 шпионов и т. д. (*немец.*).

[19] То есть депутат в Комиссии составления Нового уложения. Депутатов было 652 человека. Им розданы были, для ношения в петлице, на золотой цепочке золотые овальные медали с изображением на одной стороне вензелевого е. и. в. имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короною, с надписью: *Блаженство каждого и всех*; а внизу: *1766 год, декабря 14 день.*

[20] Из сего калмыцкого полковника сделали капитана Калмыкова.

[21] При сем сражении пойман был один из первых зачинщиков бунта, Данила Шелудяков. Старый наездник принял оренбургских казаков за своих и подскакал к ним с повелениями. Казак схватил его за ворот; Пугачев, некогда живший у него в работниках, любил его и звал своим отцом. На другой день, не нашед его между убитыми, многие подъезжали к городу и требовали его выдачи. Дня через два, перед светом, три человека подъехали к городскому валу и требовали опять Шелудякова. Им отвечали: приведите к нам и сына его (Пугачева), и обещали за то 500 рублей награждения. Они отъехали молча. Шелудяков был пытан и умер дней через пять.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

[1] У Декалонга со Станиславским было до 5000 войска. Но все они были растянуты на великом пространстве от крепости Верхо-Яицкой до Орской. Декалонг их не сосредоточил, боясь оставить линейные крепости без обороны.

[2] Орская крепость на степной стороне реки Яика, в двух верстах от реки Ори, выстроена в 1735 году под названием Оренбурга. Она имела изрядные земляные укрепления. В ней всегда находился командир Орской дистанции и двойное число гарнизона по причине близ кочующих орд.

[3] Корф после сражения 14 ноября подсылал к Пугачеву казака с предложениями о сдаче Оренбурга и с обещанием выйти к нему навстречу. Пугачев осторожно подъезжал к Оренбургу и, усумнясь в искренности предложений, скоро возвратился в Берду.

[4] Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачева силой оружия, пустился в полемику не весьма приличную. В ответ на дерзкие увещания самозванца он послал ему письмо со следующею надписью: «Пресущему злодею и от Бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву». Секретари Пугачева не остались в долгу. Помещаем здесь письмо Падурова как образец канце-

лярского его слога. «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действу сатанину, ни ухищрял, однако власть Божию не перемудришь. Ведай, мошенник: известно (да и по всему тебе, бестии, знать должно), сколько ты ни пробовал своего всескверного счастия, однако счастие ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, бестия, хотя ты по действу сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя веревочных не станет петель, а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возьмем), да на тебя веревку свить можем; не сумневайся, мошенник, из б... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день бывает; а с нами всегда присутствует. Да и б мы вам советовали, оставя свое невредие, прийти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху: егда придешь в покорение, сколько твоих озлоблений ни было, не только во всех *извинениях* всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, и тако объявя вам сие, да и пребудем по склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года».

[5] Я не имел случая читать эту речь. Помещаем письмо, сочиненное также Державиным по тому же поводу:

«Всеавгустейшая государыня, премудрая и непобедимая императрица!

Дражайшее нам и потомкам нашим неоцененное слово, сей приятный и для позднейшего рода казанского дворянства фимиам, сей глас радости, вечной славы нашей и вечного нашего веселия, в высочайшем вашего императорского величества к нам благоволения слыша, кто бы не получил из нас восторга в душу свою, чье бы не возыграло сердце о толиком благополучии своем? Облиста нас в скорби нашей и печали свет милосердия твоего! А потому, если бы кто теперь из нас не радовался, тот бы поистине еще худо изъявил усердие свое отечеству и вашему императорскому величеству, даянием некоторой части имения своего на составление корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва пред тобою; се счастие наше, се восхищение душ наших!

Но, всемилостивейшая государыня, ваше императорское величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердия, как на великие; изливая окрест престола щедроты благоутробия своего, изливаете оные и в страны отдаленные; осиявая лучами милости

своея всех купно и всех везде своим человеколюбием милуете; а потому, конечно, и посильное даяние долга нашего, собственно самим же нам нужное, ваше императорское величество, толь милостиво и благоугодно от нас приять соизволили.

«Сей есть прямо образ мысли благородных», – ваше императорское величество в честь нам сказать изволили. Что ж мы из сего высочайшего нам признания заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побуждение к исполнению долга нашего? не милосердие ли одно? За то мы похвалу получаем, что истинное дело наше! Но, кроме особливыя и заслугу превышающий почести, хвалится ли за то священнослужитель, что он всенародно Бога молит? Кроме неописанныя вашего императорского величества к нам милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотят защищать свое отечество? Они суть щит его, они подпора престола царского. Пепел предков наших вопиет к нам и зовет нас на поражение самозванца. Глас потомства уже укоряет нас, что в век преславной, великой Екатерины могло возникнуть зло сие; кровь братий наших, еще дымящаяся, устремляет нас на истребление злодея. Что ж мы медлили? Чего давно недоставало нам, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополчению. Чего ж недоставало? не усердия ли нашего? Нет! мы давно горели им, мы давно собиралися и хотели пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости вашего императорского величества, есть у нас и согласитель мыслей наших. Руководством его составился у нас корпус. Избранный в нем начальник трудится, товарищи его усердствуют, все в порядке. Имение наше готово на пожертвование, кровь наша на излияние, души наши на положение; умрем, – кто не имеет мыслей сих, тот не дворянин.

Но сколь ни велик восторг должности нашей, сколь ни жарко рвение сердец наших, однако слабы бы были силы наши на истребление гнусного врага нашего, если б ваше императорское величество не ускорили войсками своими в защищение наше, а паче всего присылкою к нам его высокопревосходительства Александра Ильича Бибикова. Может быть, мы бы были и по сю пору в нерешимости составить корпус наш, ежели б не он подал нам свои благоразумные советы. Он приездом своим рассыпал туман уныния, носящегося над градом здешним. Он ободрил души наши. Он укрепил сердца, колеблющиеся в верности Богу, отечеству и тебе, всемилостивейшая государыня; словом сказать, он оживотворил страну, почти умирающую. Величие монарха паче познается в том,

что он умеет разбирать людей и употреблять их во благовремении: то и в сем не оскудевает вашего императорского величества тончайшее проницание; на сей случай здесь надобен министр, воин, судия, чтитель святыя веры. По прозорливому вашего императорского величества изволению, мы все сие в Александре Ильиче Бибикове видим; за все сие из глубины сердец наших любомудрой душе твоей восписуем благодарение.

Но едва успеваем сказать здесь, всемилостивейшая государыня, вашему императорскому величеству крайние чувствия искренности нашей за милости твои; едва успеваем воскурить пред образом твоим, великая императрица, нам священным и нам любезным, кадило сердец наших за благоволения твои, уже мы слышим новый глас, новые от тебя радости нового нам твоего великодушия и снисхождения. Что ты с нами делаешь? в трех частях света владычество имеющая, славимая в концах земных, честь царей, украшение корон, из боголепия величества своего, из сияния славы своея, снисходишь и именуешься нашею *казанскою помещицею!* О радости для нас неизглаголанной, о счастия для нас нескончаемого! се прямо путь к сердцам нашим! се преславное превозношение праху нашего и потомков наших. Та, которая дает законы полвселенной, подчиняет себя нашему постановлению! та, которая владычествует нами, подражает нашему примеру! тем ты более, тем ты величественнее.

Итак, исполнением долга нашего хотя мы не заслуживаем особливого вашего императорского величества нам признания, любезного и нам дражайшего товарищества твоего; однако высочайшую волю твою разверстым принимаем сердцем и почитаем благополучием, начертаваем неоцененные слова благоволения твоего с благоговением в память нашу. Признаем тебя своею помещицею, принимаем тебя в свое сотоварищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с собою. Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества твоего. Ежели где силы наши слабы совершить усердие наше, помогай нам и заступай нас у тебя. Мы более на тебя, нежели на себя, надеемся.

Великая императрица! чем же воздадим мы тебе за твою матернюю любовь к нам, за сии твои несказанные нам благодеяния? Наполняем сердца наши токмо вящим воспламенением искоренять из света злобу, царства твоего недостойную. Просим Царя царей, да подаст Он нам в том Свою помощь, а вашему императорскому величеству, истинной матери отечества, с любезным вашего императорского величества сыном, с сею бесценною надеждой нашею,

и с дражайшею его супругою, в безмятежном царстве, многие лета благоденствия».

[6] Монахиня Евпраксия Кириловна, бабка Александра Ильича. Он ею был воспитан; в семействе своем почиталась она праведною.

[7] См. в Приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву от 21 января 1774 года. – 5 января того же году писал он к Философову: «Терпение мое час от часу становится короче в ожидании полков, ибо ежечасно получаю страшные известия; с другой же стороны, что башкирцы с всякою сволочью партиями разъезжают, заводы и селения грабят и делают убийства. Воеводы и начальники отовсюду бегут с устрашением, и глупая чернь охотно на обольщение злодейское бежит навстречу к ним же. Не могу тебе, мой друг, подробно описать бедствие и разорение здешнего края, следовательно, суди и о моем по тому положении. Скареды и срамцы здешние гарнизоны всего боятся, никуда носа не смеют показать, сидят по местам, как сурки, и только что рапорты страшные присылают. Пугачевские дерзости и его сообщников из всех пределов вышли; всюду посылают манифесты, указы. День и ночь работаю как каторжный, рвусь, надседаюсь и горю как в огне адском; но варварству предательств и злодейству не вижу еще перемены, не устает злость и свирепство, а можно ли от домашнего врага довольно охраниться, все к измене, злодейству и к бунту на скопищах. Бог один всемогущ, обратит все сие в лучшее. Я при моих заботах непрестанно Его прошу» и проч.

[8] Снег в Оренбургской губернии выпадает иногда на три аршина.

[9] См. в Приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву.

[10] Не должно терять из виду тогдашнее разделение государства на губернии и провинции.

[11] В 1774 году уведено в плен киргизцами до 1380 человек.

[12] См. в Записках Храповицкого (в 1791 году) весьма любопытный разговор государыни о Густаве III.

[13] См. Переписку Вольтера с императрицею.

[14] Помещаем здесь показания жены Пугачева, Софьи Дмитриевой, в том виде, как они были представлены в Военную коллегию.

Описание известному злодею и самозванцу, какого он есть свойства и примет, учиненное по объявлению жены его Софьи Дмитриевой.

1. Мужа ее, войска Донского, Зимовейской станицы служилого казака, зовут Емельян Иванов сын, прозывается Пугачевым.

2. Отец его родной был той же Зимовейской станицы служилый казак, Иван Михайлов сын Пугачев же, который в давних годах умре.

3. Тому мужу ее ныне от роду будет лет сорок, лицом сухощав, во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил саласками*, еще в малолетстве в игре, а от того времени и доныне не вырастает. На левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный величиною с двукопеечник; на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы, отчего и мнит она, что быть надобно признакам же. На лице имеет желтые конопатины; сам собою смугловат, волосы на голове темно-русые по-казацки подстригал, росту среднего, борода была клином черная, небольшая.

4. Веру содержал истинно православную; в церковь Божию ходил, исповедался и Святых Таин приобщался, на что и имел отца духовного, Зимовейской же станицы священника Федора Тихонова; а крест ко изображению совокуплял большой с двумя последними пальцами.

5. Женился тот муж ее на ней, и она шла, оба первобрачные, назад тому лет с 10, и с которым и прижили детей пятерых, из коих двое померли, а трое и теперь в живых. Первый сын Трофим десяти лет, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же муж ее, назад тому три года, послан на службу во вторую армию, где и был два года, и оттуда, ныне другой год, за грудною болезнию, о которой выше значит, по весне отпущен, а посему и был в доме одно лето, в которую бытность и нанял вместо себя в службу в Бахмуте на Донце казака, а как его звать и прозвания, да и где теперь находится, не знает; – а после сего

7. В октябре месяце 772 года он, оставивши ее с детьми, неведомо куда бежал, и где был, и какие от него происходили дела, об ином, как он ничего не сказывал, так и сама не знала; а

8. 773 года, в Великом посту, тот муж ее тайным образом пришел к хуторскому их дому вечером под окошко, которого она и пустила; но того ж самого часа объявила казакам, а они, взявши его, повели к станичному атаману, а он-де отправил в Верхнюю Чирскую станицу к старшине, но о имени его не упомнит, а оттуда в Черкасский; но не довезя, однако ж, до оного, в Цымлянской станице бежал и потому, где теперь находится, не ведает.

9. Во время ж той мужа ее поимки сказывал он атаману и на сборе всем казакам, что был в Моздоке, но что делал, потому ж не знает.

10. Писем он к ней как с службы из армии, так и из бегов своих никогда не присылывал: да и чтоб в станицу их или к кому другому писал, об оном не знает, он же вовсе и грамоте не умеет.

* Технический термин у кулачных бойцов, значит удар по челюстям.

11. Что же муж ее точно есть упоминаемый Емельян Пугачев, то сверх ее самоличного с детьми сознатия и уличения, могут в справедливость доказать и родной его брат, Зимовейской же станицы казак Дементий Иванов сын Пугачев (который ныне находится в службе в 1-й армии), да и родные ж сестры, из коих первая Ульяна Иванова, коя ныне находится в замужестве той же станицы за казаком Федором Григорьевым, по прозванию Брыкалиным, а вторая Федосья Иванова, которая также замужем за казаком из Прусак Симоном Никитиным, а прозвания не знает, кой ныне жительство имеет в Азове, которые все мужа ее также знают довольно.

12. Речь и разговоры муж ее имел по обыкновению казацкому, а иностранного языка никакого не знал.

13. Домом они жили в Зимовейской станице своим собственным, который по побеге мужа (что дневного пропитания с детьми иметь стало не от чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Ереме Евсееву на слом, который его в ту Есауловскую станицу по сломке и перевез; а ныне особою командою паки в Зимовейскую станицу перевезен и на том же месте, где он стоял и они жили, сожжен; а хутор их, состоящий так же неподалеку Зимовейской станицы, сожжен же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отец ее был Есауловской станицы служилый казак, Дмитрий, по прозванию Недюжин, а отчества не припомнит, потому что она после него осталась в малолетстве, и после ж которого остались и теперь вживе находятся дочери его, а ей сестры родные, первая Анна Дмитриева, в замужестве Есауловской станицы за казаком Фомою Андреевым, по прозванию Пилюгиным, который и находится в службе тому ныне 8-й год, а в которой армии, не знает. Вторая Василиса Дмитриева, в замужестве также Есауловской станицы за казаком Григорием Федоровым, по прозванию Махичевым; да третий сын отца ее, а ей брат родной Иван Дмитриев, по прозванию Недюжин, живет в Есауловской же станице служилым казаком и по отъезде ее в здешнее место был при доме своем и к наряду в службу в готовности.

Прилагаю не менее любопытное извлечение из показания бывшего в 1771 году Зимовейской станицы атаманом отставного казака Трофима Фомина:

«В 1771 году, в феврале месяце, Емельян Пугачев отбыл в город Черкасск для излечения болезни, со взятым у меня станичным билетом, и через месяц возвратился на карей лошади. На допрос мой, где он ее достал, отвечал он: на станичном сборе, что купил в Таганрожской крепости конного казацкого полку у казака

Василья Кусачкина. Но казаки, не поверя ему, послали его взять письменный вид от ротного командира. Пугачев и поехал, но пред его возвращением зять его, Прусак, бывший Зимовейской станицы казак, а ныне состоящий в Таганрогском казацком полку, явился у нас и на станичном сборе показал, что он с женою и Василий Кусачкин, да еще третий, по уговору Пугачева, бежали за Кубань на Куму-реку, где он (Прусак), побыв малое время, оставил их и возвратился на Дон. Почему и отправил я при станичном рапорте в Черкасск Прусака с женою и родною ее матерью, по причине их побега. В декабре того же года Пугачев был пойман в его хуторе и содержался под караулом. Намерен был я его, как праздношатающегося, выдать находящемуся тогда в сыске и высылке беглых всякого звания людей, старшине Михайле Макарову. Но Пугачев со станичной избы из-под караула бежал и уже чрез три месяца на том же хуторе пойман и показал на станичном сборе, что был в Моздоке, почему при рапорте и послан мною к старшине Макарову в Нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрез нашу станицу послал уже его при рапорте в Черкасск. Когда его провели, увидя по подорожной, что послан он был в колодке, которой на нем уже не было, приказал я ему набить другую и отослал его в верхнюю Курмоярскую станицу, от которой в принятии оного Пугачева расписку получил. Через две недели спустя от старшины Макарова по всем станицам прислано было объявление, что оный Пугачев бежал с дороги, и не иначе ежели явится где, изловить; а как он бежал, не знаю».

За неумением грамоте, Василий Ермолаев руку приложил.

[15] Г-н Левшин пишет, что самозванец показывал сии пятна легковерным своим сообщникам и выдавал их за какие-то царские знаки. Оно не совсем так: самозванец, хвастая, показывал их как знаки ран, им полученных.

[16] Многие и воспользовались сим разрешением; несмотря на то, история пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А. И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном, но сочинитель довел свой рассказ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием Михельсон в Казани, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти безо всякой перемены, с приобщением незначащих показаний. Г-н Левшин в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины мало еще известен.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

[1] Крещеные калмыки, поселенные в Оренбургской губернии, разделялись на оренбургских и ставропольских. См. в Рычкове (в его Оренбургской топографии) подробное о них известие.

[2] Державин в объяснениях на свои сочинения говорит, что он имел счастие освободить около полуторы тысячи пленных колонистов от киргизов. Державин написал свои Записки, к сожалению, еще не изданные.

[3] Бунтовавшие башкирцы жестоко усмирены были генерал-лейтенантом князем Урусовым, прозванным, как Силла, счастливым, ибо все ему удавалось.

[4] См. в Приложении письмо Бибикова к Фонвизину. Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками Фонвизина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора «Недоросля». Надеемся в непродолжительном времени издать в свет сие замечательное по всем отношениям сочинение.

[5] Малолеток, не достигший 14-летнего возраста.

[6] Илецкая Защита находится от Оренбурга в 62 верстах, в степи, за рекою Уралом, на самом том месте, где добывается славная илецкая соль. «Добывание оной соли, – пишет Рычков, – уже издавна на том месте, сперва от башкирцев, а потом и от крепостных обывателей, чинилось, но о построении сей крепости определение учинено уже в прошлом 1753 году октября 26 числа, по состоявшемуся в Правительствующем Сенате того ж 1753 года мая 24 числа указу, коим в Оренбурге и в принадлежащих к оному новых крепостях и селениях учредить казенные соляные магазины и продажу илецкой и эбелейской соли чинить по тогдашней указной цене по 35 коп. пуд; для чего тогда ж и соляное правление в городе Оренбурге учреждено. Явившийся тогда подрядчик, оренбургских казаков сотник Алексей Углицкий, обязался той соли заготовлять и ставить в оренбургский магазин четыре года, на каждый год по пятидесяти тысяч пуд, а буде вознадобится, то и более, ценою по 6 коп. за пуд, своим коштом, а сверх того в будущий 1754 год, летом построить там своим же коштом, по указанию от Инженерной команды, небольшую защиту оплотом с батареями для пушек, тут же сделать несколько покоев и казарм для гарнизону и провиантский магазин и на все жилые покои в осеннее и зимнее время ставить

дрова, а провиант, сколько б там войсковой команды ни случилось, возить туда из Оренбурга на своих подводах, что все и учинено, и гарнизоном определена туда из Алексеевского пехотного полку одна рота в полном комплекте; а иногда по случаям и более военных людей командируемо бывает, для которых, яко же и для работающих в добывании той соли людей (коих человек ста по два и более бывает), имеется там церковь и священник с церковными служителями. *(Топография Оренбургская).*

[7] Тоцкая крепость, при устье реки Сороки, в 206 верстах от Оренбурга. Выстроена при Кириллове, в 1736 году. – Сорочинская крепость, главная на Самарской дистанции, в 176 верстах от Оренбурга и в 30 от Тоцкой.

[8] Крепость Новосергиевская от Сорочинской в 40, а от Оренбурга в 136 верстах. Выстроена при тайном советнике Татищеве под именем *Тевкелева Брода* и переименована при Неплюеве в Новосергиевскую.

[9] Переволоцкая, большою дорогою в 78 верстах от Оренбурга, а прямо степью в 60. Выстроена в верховье реки Самары.

[10] Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutait qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui, interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étaient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rende compte à Galitzin de ce qu'il venait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements. *(Histoire de la révolte de Pougatschef)*[*].

* Бунтовщики держали себя так тихо в Татищевой, что сам князь сомневался, действительно ли они там. Чтобы разузнать об этом, он послал трех казаков, которые приблизились к крепости, ничего не заметив. Бунтовщики послали к ним женщину, которая поднесла им хлеб-соль по русскому обычаю и, спрошенная казаками, уверила их, что бунтовщики, побывав в крепости, все ушли оттуда. Пугачев, полагая, что он обманул казаков этой хитростью, выслал из крепости несколько сот человек, чтобы их захватить. Один из трех был убит, другой захвачен, но третий скрылся и явился доложить Голицыну о том, что он видел. Князь сразу решил идти на крепость в тот же день и атаковать врага в его укреплениях (История восстания Пугачева) *(франц.).*

[11] Бибиков в письме от 26 марта:

«Мы потеряли: 9 офицеров и 150 рядовых убито; 12 офицеров ранено и 150 рядовых. Вот какая была пирушка! А бедный мой Кошелев* тяжело в ногу ранен; боюсь, чтоб не умер, хотя Голицын и пишет, что не опасно».

[12] Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева и Хлопушу. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга.

[13] Пугачев, вопреки общему мнению, никогда не бил монету с изображением государя Петра III и с надписью Redivivus et ultor** (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатые латинские надписи и довольствовались уже готовыми деньгами.

[14] La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poude de farine coûtait déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. *(Письмо Рейнсдорпа к кн. Голицыну, от 24 марта 1774)****.

[15] Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая в сей Истории, находится в 20 верстах от Берды, а от Оренбурга в 18-ти. Названа по имени казанского татарина Сеита-Хаялина, первого явившегося в оренбургскую канцелярию с просьбой об отводе земель под поселение. В Сеитовской слободе числилось до 1200 душ, состоящих на особых правах.

---

* Р. А. Кошелев, впоследствии обер-гофмейстер. *(Прим. Пушкина.)*

** Воскресший мститель *(лат.)*.

*** Победа, одержанная вашим сиятельством над мятежниками, возвращает жизнь населению Оренбурга. Этот город, выдержавший шестимесячную осаду и доведенный до ужасного голода, теперь полон ликования, и жители его возносят молитвы о благополучии своего славного освободителя. Пуд муки стоил уже 16 рублей, и теперь изобилие идет на смену нищете. Я вывез транспорт в 500 четвертей из Каргале и жду другого в 1000 из Орска. Если отряду вашего сиятельства удастся захватить в плен Пугачева, нам не останется желать ничего больше, и башкирцы не замедлят просить помилования *(франц.)*.

[16] По своем разбитии Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медиплавиленном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в Табинск. Михельсон подарил 500 рублей приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов.

[17] Разина.

[18] Следующие любопытные подробности взяты мною из весьма замечательной статьи («Оборона Яицкой крепости от партии мятежников»), напечатанной в «Отечественных записках» П. П. Свиньина. В некоторых показаниях следовал я журналу Симонова, предполагая более достоверности в официальном документе, нежели в воспоминаниях старика. Но вообще статья неизвестного очевидца носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной.

[19] Слова сии сохранены Державиным в оде его на смерть Бибикова. – Последняя строфа должна была быть вырезана на его гробе:

Он был искусный вождь во брани,
Совета муж, любитель муз,
Отечества подпора тверда,
Блюститель веры, правды друг;
Екатериной чтим за службу,
За здравый ум, за добродетель,
За искренность души его.
Он умер, трон обороняя.
Стой, путник! стой благоговейно.
Здесь Бибикова прах сокрыт.

[20] Императрица велела спросить у вдовы покойного, чего она, собственно, для себя желала; супруга Бибикова просила обеспечить судьбу одного из родственников ее мужа, служившего под его начальством.

[21] Державин, до конца своей жизни чтивший память первого своего покровителя, узнав, что сын А. И. Бибикова намерен был издать записки о жизни и службе отца, написал о нем следующие строки:

«Посвятив краткую, но наполненную славными деяниями жизнь свою на службу отечеству, Александр Ильич Бибиков по всей справедливости заслужил уважение и признательность соотечественников; они не престанут воспоминать с почтением полезные обществу дела сего знаменитого мужа и благословлять его память.

Читая о службе и переменах в оной сего примерного государственного человека, всякий легко усмотрит необыкновенные его способности, мужество, предусмотрение, предприимчивость и расторопность, так, что он во всех родах налагаемых на него должностей с отличием и достоверностию был употребляем; везде показал искусство свое и ревность, не токмо прежде, в царствование императрицы Елисаветы, но и во многих поручениях от Екатерины Великой, ознаменованные успехами. Он был хороший генерал, муж в гражданских делах проницательный, справедливый и честный; тонкий политик, одаренный умом просвещенным, всеобщим, гибким, но всегда благородным. Сердце доброе его готово было к услугам и к помощи друзьям своим, даже и с пожертвованием собственных своих польз; твердый нрав, верою и благочестием подкрепленный, доставлял ему от всех доверенность, в которой он был неколебим; любил словесность и сам весьма хорошо писал на природном языке; знал немецкий и французский язык и незадолго пред смертию выучил и английский; умел выбирать людей, был доступен и благоприветлив всякому; но знал, однако, важною своею поступью, соединенною с приятностию, держать подчиненных своих в должном подобострастии. Важность не умаляла в нем веселия, а простота не унижала важности. Всякий нижний и высший чиновник его любил и боялся. Последний подвиг к защите престола и к спасению отечества соверша, кончиною своею увенчал добродетельную жизнь, к сожалению всей империи тогда пресекшуюся».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

[1] См. Рычкова «Историю Оренбургскую».

[2] Historie de la révolte de Pougatschef*.

[3] Троицко-Саткинский завод, один из важнейших в Оренбургской губернии, на речке Сатке, в 254 верстах от Уфы.

[4] Зелаирская крепость находится в самом центре Башкирии, в 229 верстах от Оренбурга. Она выстроена в 1755 году после последнего башкирского бунта (перед Пугачевским).

[5] Державин в примечаниях к своим сочинениям говорит, что князь Щербатов, князь Голицын и Брант перессорились, друг к другу не пошли в команду, дали скопиться новым злодейским силам и расстроили начало побед.

* История восстания Пугачева (*франц.*).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ

[1] В сентенции сказано было, что Пугачев ворвался в город изменою суконщиков. Следствие доказало, что суконщики не изменили; напротив, они последние бросили оружие и уступили превосходной силе.

[2] Впоследствии Вениамин был оклеветан одним из мятежников (Аристовым) и несколько времени находился в немилости. Императрица, убедясь в его невинности, вознаградила его саном митрополитским и прислала ему белый клобук при следующем письме:

«Преосвященнейший митрополит,
Вениамин Казанский!

По приезде моем, первым попечением было для меня рассматривать дела бездельника Аристова; и узнала я, к крайнему удовольствию моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу сим отличным знаком чести; да будет оный для всякого всегдашним напоминанием торжествующей добродетели вашей; позабудьте прискорбие и печаль, кои вас уязвляли; припишите сие судьбе Божией, благоволившей вас прославить по несчастных и смутных обстоятельствах тамошнего края; принесите молитвы Господу Богу; а я с отменным доброжелательством есмь

Екатерина».

Ответ Вениамина, митрополита Казанского.
«Всемилостивейшая государыня!

Милость и суд беспримерные вашего императорского величества, кои на мне соизволили удивить пред целым светом, воскресили меня от гроба, возвратили жизнь, которую я от младых ногтей посвятил на службу по Бозе в непоколебимой верности вашему монаршему престолу и отечественной пользе, сколько от меня зависит; а продолжалась она пятьдесят три года; но которую клевета, наглость и злоба против совести и человечества исторгнуть покушались. Неоцененным монарших ваших щедрот залогом, который с несказанным чувствованием моего сердца сподобихся прияти на главу мою, покрыся, и отъяся поношение мое, поношение мое в человецех. Что ж воздам тебе, правосуднейшая в свете монархиня, толико попечительному о спасении моем Господеви? Истощение всей

дарованной мне вашим высоко-монаршим великодушием жизни в возблагодарение не довлеет; разве до последнего моего издыхания Вышнего молить не престану день и нощь, да сохранит дражайшую жизнь вашу за толь сердобольное сохранение моей до позднейших человеку возможных лет: да ниспошлет с высоты святыя Своея на венценосную главу вашу вся благословения, коим древле благословен был Соломон. Крепкая десница Господа сил да отвращает во вся дни живота от превожделенного здравия вашего недуги, от неусыпных трудов утомление, от возрастающей и процветающей славы зависть и злобу; да будет дом, держава и престол ваш яко дние неба. С таковым моим усердствованием и всеподданническою верностию, пока дух во мне пребудет, есмь

вашего императорского величества
всеподданнейший раб и богомолец,
смиренный Вениамин, митрополит Казанский».

[3] Генерал-майор Нефед Никитич Кудрявцев, сын Никиты Алферьевича, пользовавшегося доверенностью Петра Великого, в чине поручика гвардии Преображенского полка участвовал в первом Персидском походе; в царствование Анны Иоанновны сражался противу турков и татар, а при императрице Елисавете противу пруссаков; вышел в отставку при императрице Екатерине II. Тело его погребено в той церкви, где он был убит. *(Извлечено из неизданного Исторического словаря, составленного Д. М. Бантыш-Каменским.).*

[4] Так говорит автор исторической записки «Historie de la révolte de Pougatschef»; в официальных документах, бывших у меня в руках, я ничего о том не отыскал. Достоверно, однако ж, то, что семейство Пугачева находилось при нем до 24 августа 1774 года.

[5] Иван Иванович Михельсон, генерал от кавалерии и главнокомандующий Молдавскою армиею, родился около 1735 года, умер в 1809. Под его начальством находился в начале славной службы своей князь Варшавский. Михельсон в глубокой старости сохранял юношескую живость, любил воинские опасности и еще посещал передовые перестрелки.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ОСЬМОЙ

[1] Их было три брата. Старший, известный дерзким покушением на особу короля Станислава Понятовского; меньшой с 1772 года

находился в плену и жил в доме губернатора, которым был он принят как родной.

[2] Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных.

[3] Пред сим цена соли, установленная Пугачевым, была по 5 коп. за пуд; подушный оклад по 3 коп. с души; жалованье военным чинам обещал он утроить, а рекрутский набор производить через каждые 5 лет.

[4] За сообщение бумаг, обнаруживающих сношения Перфильева с правительством (обстоятельство вовсе не известное), обязаны мы благодарностию А. П. Галахову, внуку капитана гвардии, на коего правительством возложены были в то время важные поручения.

[5] Граф Петр Иванович Панин, генерал-аншеф, орденов св. Андрея и св. Георгия первой степени кавалер, и проч., сын генерал-поручика Ивана Васильевича, родился в 1721 году. Начал службу свою под начальством фельдмаршала графа Миниха; в 1736 году находился при взятии Перекопа и Бахчисарая. Во время Семилетней войны служил генерал-майором и был главным виновником успеха Франкфуртского сражения. 1762 года пожалован он в Сенаторы. 1769 назначен он был главнокомандующим Второй армии. 1770 взяты им Бендеры; в том же году вышел он в отставку. Возмущение Пугачева вызвало снова Панина из уединения на поприще трудов политических. Он скончался в Москве в 1789 году на 69 году от рождения.

[6] См. Приложения, II.

[7] Показания казаков Фомина и Лепелина. Они не знают имени гвардейского офицера, с ними отряженного к Петровску; но Бошняк в своем донесении именует Державина.

[8] В то время издан был список (еще не весьма полный) жертвам Пугачева и его товарищей; помещаем его здесь:

Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено Божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в которых местах.

В городе Казани: Ворвавшись они в город и входя во храмы Божии в шапках, со оружием, грабили и выгоняли укрывающихся тамо людей.

А именно: в Казанском Богородицком соборе, во Владимирском соборе, в церкви Московских чудотворцев, в церкви Николая Чудотворца, именуемого Тольского, в церкви Николая чЧудотворца, именуемого Низкого, в церкви Живоначальныя Троицы, в церкви Воскресения Христова, в церкви Варламия Хутынского, в церкви Пресвятыя Богородицы Грузинския, в церкви Вознесения Господня, в церкви Тихвинския Пресвятыя Богородицы, в церкви Четырех евангелистов, в церкви Алексея человека Божия, в Троицком Федоровском монастыре, в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, в Петропавловском соборе, не могши отбить дверей, стреляли с паперти в окошки.

В городе Цивильске, в церкви Казанския Богородицы.

В Чебоксарском уезде, в приходских церквах: в селе Сретенском, в селе Богоявленском, в селе Успенском, в селе Введенском. В оных церквах злодеи не только грабили и убивали, но и святые иконы кололи и утварь церковную раздирали.

То же самое делали Пензенской провинции: в городе Петровске, церкви Казанския Богородицы, в селе Чардыме, в приходской церкви.

Нижегородской губернии, в Арзамасском уезде: в селе Черковском, в приходской церкви. Алатырского уезда: в селе Сутяжном, в приходской церкви, в селе Семеновском, в приходской церкви, в городе Курмыше, в соборной церкви Николаевской и Троицкой. Курмышского уезда, в приходских церквах: в селе Шуматове, в селе Шумшевашах, в селе Больших Туванах, в селе Алменеве, в селе Усе.

Воронежской губернии, в Нижнем Ломове: в Богородском Казанском монастыре.

Оренбургской губернии: в Оренбургском предместии, в церкви Георгиевской. На Меновом дворе, в церкви Захария и Елисаветы, святые иконы вынуты из мест своих и повержены на землю, и некоторые расколоты. В загородном губернаторском доме, в церкви святого Иоанна Предтечи то ж учинено.

В Сакмарском городке, в Татищевой крепости, в Рассыпной крепости, в Сорочинской крепости, в Тоцкой крепости, в Магнитной крепости, в Карагайской; в приходских сих крепостей церквах, входя, злодеи оклады с икон и всю утварь церковную грабили. Бугульминского ведомства, в селе Спасском, в приходскую церковь въезжали на лошадях и грабили церковную утварь. В селе Борисоглебском и в Канжинской слободе в приходских церквах то ж делали.

Пермской провинции: в разных церквах делали грабежи, а в некоторых и в царские двери входили, как-то: на Юговском Осокина заводе, в селе Крестовоздвиженском, селе Дубенском, на Ижевском казенном заводе, в селе Березовке, в селе Троицком, Олшина тож, Осинского уезда в селе Крылове, на Юго-Камском заводе, в селе Николаевском, в Троицкой крепости. Да сожжены церкви: на Саткинском заводе, в пригороде Осе, на Петропавловском и Боткинском заводах, в Икосове винокуренном заводе, в Златоустовском и Сатковском заводах, в Авзяно-Петровском заводе. Сверх того, по Оренбургской линии злодеи, шед даже до Троицкой крепости, церкви Божии сожигали, и образа находили после разбросаны, а иные и расколоты.

В городе Казани убито до смерти: генерал-майор Нефед Кудрявцев, полковник Иван Родионов, сын его артиллерии отставный капитан Александр Родионов, коллежский советник Казимир Гурской, коллежские асессоры: Петр Брюховской, Федор Попов с женою, премьер-майор Данила Хвостов, капитаны: Василий Онучин, Лука Ефимов, поручик Александр Маслов. Подпоручики: Иван Богданов, Иван Носов, Гаврила Нармоцкий. Прапорщики: Павел Лелин, Андрей Герздорф, Алексей Тарбеев. Комиссары: Лука Ефимов, Иван Пономарев, лекарский ученик Иван Михайлов. При гимназии информаторы: немецкого класса: Аарон Тих, рисовального: Иван Кавелин, ученик Иван Петров, часовой мастер Шильд, отставный секретарь Александр Голдобин. Регистраторы: Иван Ворохов, Григорий Овсяников. Канцеляристы: Иван Карпов, Александр Акишев, Герасим Андроников, подканцелярист Степан Попов. Унтер-офицеры: сержант Иван Белобородов, вахмистр Онисим Нармоцкий, подпрапорщики: Степан Реутов, Иван Неудашнов; каптенармус Дмитрий Стрелков. Солдаты: Степан Печищев, Леонтий Чекалин. Счетчики: Онисим Колотов, Никита Спиридонов, Федор Калашников. Инвалидные: Денис Ерофеев, Гаврила Юдин, слесарь Фризиус, седельник Гросман, конюх Иван Красногоров. Купцы: Максим Васильев, Иван Назарьев, сын его Гаврила Назарьев, Кирила Ларионов, Иван Котельников, Козма Игнатьев, Григорий Мордвинов, Борис Ростовцев, Иван Пирожников, Михаила Естифеев, Федор Тюленев, Яков Нижегородов, Роман Федоров, Михайла Сухоруков, Василий Рыбников, Филип Кашкин. Цеховые: Иван Коренев, Петр Ильин, Михайла Росторгуев, Иван Фролов, Петр Белоусов, Петр Кочанов, Илья Петров, Григорий Смирнов, Алексей Андреев, Иван Сапожников, Василий Кисе-

лев, Василий Федосеев, Федор Востряков. Дворовые люди: управителя Петра Кондратьева: Прокофий Алексеев; капитана Аристова: Федор Вербовский; архитектора Кафтырева: Гаврила Васильев; секретаря Аристова: Козма Яковлев; майора Хвостова: Петр Степанов; майорши Ивановой: Данила Ильин; капитана Левашова: Алексей Никифоров, Никифор Федоров, Петр Григорьев, Антип Андреев, Данила Власов, Денис Григорьев, Петр Афанасьев; купца Каменева: Михайла Иванов; бригадира Люткина: Прокофий Шелудяков. Экономические крестьяне: Иван Данилов, Иван Прокофьев, Иван Кондратьев. Казанской суконной фабрики мастеровые и работники: Степан Шумихин, Давыд Пономарев, Яков Герасимов, Кондратий Петров, Петр Самойлов. Да сгорели в Казанском магистрате: ратман Афанасий Шапошников, копиист Федор Копылов. В Свияжском уезде убито до смерти: инвалидной команды полковой обозный Палкин, копиист Федоров. В Цивильске убито до смерти в городе: воевода, коллежский асессор Петр Копьев, штатной команды прапорщик Алексей Абаринов, секретарь Попов и его жена Татьяна Степанова, дворовых людей мужеского пола шесть, женского два, канцелярист один, купец один. В уезде: священников четыре, дьячок один, пономарь один, матросов три, новокрещенных два. В Чебоксарском уезде убито до смерти: Чебоксарской морской инвалидной команды: капитан с сыном, прапорщиков два, подпрапорщик один, штатной команды солдат один, прапорщик Иван Тихомиров с женою его, экономического правления копиист один, престарелых матросов четыре, да молодой один, священников двенадцать, дьяконов пять, дьячков два, купец один. В Царевококшайском уезде убито до смерти: Свияжской провинции отставной канцелярист Андрей Дмитриев, священник один, полковой обозный один, подьячий один, малолетный один.

В городе Пензе убито до смерти: воевода Андрей Всеволожский, товарищ Петр Гуляев. Подпоручики: Михайла Суровцов, Федор Слепцов. Секретари: Степан Дудкин, жена его да сын, подпоручик Игнатий Дудкин; Сергей Григорьев, с женою, с сыном и с двумя дочерьми. Приказные служители: Андрей Петров, Гаврила Елисеевский, Федор Иконников, Василий Терехов с женою, Иван Дмитриев, Семен Терехов, Иван Аврамов. В уезде: генерал-майор Алексей Пахомов, с женою, секунд-майор Иван Веревкин, с женою, поручик Флор Слепцов, капитаны: Алексей Тутаев, Гаврила Юматов; помещик Скуратов,

майорша Дарья Селивачева, поручик Петр Иванов, подпоручик Борис Яковлев и дети Романовы, сержант Петр Неклюдов, с женою и с сыном, секунд-майор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, майорша Федосья Назарьева, с сестрою Марьею Даниловою, с двумя дочерьми, с племянницею Федосьею Шемяковою; поручик Иван Пилюгин, с женою и с дочерью девицею Ольгою, отставной драгун князь Михайла Звенигородский, квартирмистр Ермолай Стяшкин, с женою и с сыном Иваном; майор Егор Мартынов, с женою Афимьею Яковлевою, с сыном Сергеем и с женою его; полковник Никифор Хомяков, майор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, поручик Степан Башен, прапорщик Евдоким Степанов, прапорщика Александра Стромилова дети: сыновья – Михайла, Николай, дочь Авдотья, да брат родной Сергей; прапорщик Фаддей Зеленской с женою, прапорщик Сергей Грязев с женою, вдова майорша Анисья Безобразова, капитанша Елена Романова, капитан Григорий Раков, майор Василий Кологривов с женою, прапорщик Козма Бартенев, майора Михайла Мартынова дети: Николай, Савва; надворная советница Грабова, помещица Анна Репьева, регистратор Алексей Дертев, прапорщик Кадышев, надворная советница Прасковья Ермолаева с сыном, помещица Дарья Халабурдина, поручик Иван Лунин, поручика князя Павла Борятинского жена Прасковья Гаврилова с малолетнею дочерью, прапорщик Андрей из дворян, да однодворец Михайла Слепцовы, секретарь Сергей Сверчков, с женою его Настасьею Ивановою, вахмистр Яков Жмакин, с дочерью его, девкою Мариною, прапорщик Николай Агафонников, с женою и с матерью, секунд-майор Лев Дубенский с женою, подьячий из дворян Василий Агафонников, с женою, капитанши Марфы Киреевой дочь, девица Анна, майор Иван Веревкин, с женою, сержант Тимофей Авксентьев, поручик Максим Дмитриев, капитан Михайла Киреев, с дочерью, поручик Андрей Пансырев, капитан Иван Дмитриев, прапорщик Иван Тутаев, поручик Егор Морев, с женою Анною Петровою, граф Гаврила Головин, майорша Елена Варыпаева, подпоручик Александр Гладков, дворянская жена Прасковья Проскуровская, архитектор, смоленский шляхтич Федор Яковлев, поручик Жмакин, капитан Иван Именников, вдова Елена Юрасова, дворянская жена Наталья Бекетова, вдова Пелагея Шахмаметева и дочь ее, девица, однодворец Иван Юрасов. П р а п о р щ и к и : Иван Буланин, Иван Нетесев, Степан Романов; подпоручик Лев Ергаков с женою, капитан Алексей Козлов, секунд-майор Ивашев, подпоручик Николай, да гвардии капрал Василий Киселевы, поручик Гаврила Алферьев, майор Никита Костяевский с женою, капитан

Тутаев с женою, подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья; сыновья: Алексей и Михайла, да своячина его, девица Пелагея Квашнина; саранский воевода Василий Протасьев, с женою и с сыном, поручик Федор Левин, с женою и с сыном Алексеем, экономический казначей секунд-майор Федор Григоров с женою, майорша Авдотья Возницына, с дочерью, вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровские; помещик Семен Литомгин с женою, поручик Иван, да подпоручик Максим Тоузаковы, вдова подполковница Марфа Агарева, однодворческая жена Пелагея Метлина, майор Григорий Зубарев, с женою и с детьми, двумя сыновьями, с дочерью девицею; поручик Федор Бекетов, с женою Марьею Егоровою, майорша Катерина Конабеева, дворянская жена Варвара Тургенева, княгиня Анна Мустафина, подпоручика Гаврилы Левина жена с детьми, сыновьями: Дмитрием, Николаем, да с дочерью; гвардии капральша Федосья Ермолаева с дочерью вдовою, прапорщицею Авдотьею Юрьевою; подпрапорщик Степан Пересекин с женою, сыном Гаврилом, дочерьми: Катериною, Аграфеною, Анною, Авдотьею; майор Федор Кашкаров, жена его с дочерьми, малолетными детьми, и одна француженка; протоколист Петр Иванов с женою Татьяною Дмитриевою и с детьми, премьер-майором Семеном Ивановым, с женою Елисаветою Михайловою и с сыном Петром; недоросль Дмитрий Иванов, майорша Лукерья Ивина с сыном Алексеем, с дочерью Пелагеею; вахмистр Михайла Брюхов, с женою, прокурорша Марфа Агарева, секунд-майор Николай Степанов, с женою, дворянская жена Пелагея Ховрина, поручик Алексей Зубецкий, с женою, помещица Авдотья Жедринская, вахмистр Никита Никифоров, помещик Никита Подгорнов, титулярный советник Иван Ползамасов, с сыном Сергеем, подпоручика Василья Золотарева жена, камер-лакей Яков Выдрин, с женою, подпоручик Алексей Слепцов, с женою Аграфеною Сергеевою, подпоручица Катерина Платцова, прапорщица Анна Чуфарова, легкой полевой команды подпоручик Иван Обухов, вахмистр Яков Жмакин, с дочерью Мариною, сержант Иван Кашкаров, с зятем, асессором Никитою Иевлевым, с женою его Матреною Михайловою и с их дочерью Марьею, титулярный советник Иван Алферьев с женою, однодворческая жена Дарья Чарыкова, однодворцы: Семен Федорчуков, Петр Митюрин, легкой полевой команды солдат один, штатной команды два солдата, вахмистр Иван Симонов, однодворцев четыре, пахотных солдат три, четыре священника, и один из них с женою, пономарь один, прапорщика Ивана Буланина приказчик, капитана Ивана Осоргина приказчик, графа Гаврила Головкина приказчик, вахмистра Якова

Якушкина приказчик, лейб-гвардии капитана князя Михайла Долгорукова приказчик, полковника Петра Волконского приказчик, капитана Николая Загоскина приказчик, вдовы Анны Смагиной два старосты, вдовы Пелагеи Грецовой приказчик, с женою и дочерью, княжны Марьи Долгоруковой приказчик, с женою, кадета Петра Загряжского приказчик, капитана Василья Новикова приказчик, подпоручика Николая Зыбина приказчик, сержанта Сергея Мартынова дворовый человек, бригадирши Аграфены Киселевой приказчик, архитектора, смоленского шляхтича Яковлева дворовых два человека, поручика Сергея Тухачевского приказчик, прапорщика Ивана Буланина дворовый человек, прапорщика Афанасья Суморокова дворовый человек, графа Андрея Шувалова староста один, выборных два, статского советника Афанасья Зубова дворовый человек, майора Нилы Акинфиева два приказчика и один кучер, коллежской асессорши Катерины Бахметевой дворовый человек, штык-юнкера Аблязова управитель, полковника Степана Ермолаева приказчик, капитана Николая Владимирова дворовый человек, статского советника Ивана Ермолаева приказчик, секунд-майора Александра Соловцова дворовый человек, иноземец Иван Миллер, архитектора Василья Баженова земский, генеральши Екатерины Левашевой приказчик, сержантов Андрея и Ивана Левиных приказчик, с женою, девиц Анны и Марьи Языковых приказчикова жена, новокрещенных два, надворной советницы Прасковьи Ермолаевой крестьянин, коллежского асессора Петра Хлебникова крестьянин, капитана Василья Новикова крестьянин, подполковника Степана Ермолаева крестьянин один, женки две, статского советника Афанасья Зубова крестьянин, девицы Ольги Назарьевой крестьянин.

В Симбирском уезде убито до смерти: полковница, вдова Марья Теплова, помещица, вдова Домна Поспелова, сестра ее, милитинского дворянина Якова Агненова жена Ульяна Александрова, подпоручик Иван Манахтин, майор Василий Аристов, с дочерью девицею, помещицы вдовы Прасковья и Анна, Петровы дочери, Насакины, Симбирского баталиона полковник и комендант Андрей Рычков; экономический казначей, поручик Тишин с женою и два малолетных сына, экономический крестьянин Александр Васильев, подполковник Василий Языков, майор Александр Родионов, подполковника Никиты Философова приказчик Василий Ерофеев, подполковника Петра Зимнинского приказчик Тимофей Михайлов, фабриканта Воронцова формовальщик Алексей Адрианов.

В городе Петровске убито до смерти: воеводской товарищ, секунд-майор Буткевич, теща его Марья Иванова,

секретарь Лука Яковлев, с женою Марьею Михайловою и с сыном Петром, штатной команды барабанщик Иван Хомутинников, пахотный солдат Игнатий Ношкин, солдата Хрулева жена Авдотья Васильева. В уезде: подполковница, вдова Ирина Никитина, дочь Дурасова, капитана Николая Коптева сын, младенец Лев, корнет Михаила Шильников, с женою Прасковьею Макаровою и малолетный сын Григорий; сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина, майорша вдова Анисья Безобразова, помещики: Николай да Василий Киселевы, приказчик их Афанасий Семенов; помещиков Григория и Игнатия Киселевых приказчик Степан Матвеев, прапорщик Иван Яковлев, прапорщик Гаврила Власьев, прапорщик Николай Чемодуров, подпоручик Федот Бекетов, с женою Марьею, капитан-поручика Федора Меиса жена Софья, поручика Николая Бахметева крестьянин Иван Иванов, пахотный солдат Фаддей Скапинцов, малороссиянин Иван Озерецкий.

В Козмодемьянском уезде убито до смерти: священников два, дьяконов два, дьячок один, семинарист один.

В Пермском уезде убито до смерти: Екатеринбургского ведомства: капитан Воинов, подпоручик Посохов, солдат один; Юговских заводов управитель, шихтмейстер Яковлев, унтер-шихтмейстер Бахман, князь Михайла Михайловича Голицына приказчик Михайла Ключников, подьячий Василий Клестов, питейной продажи целовальник один, графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошихинского завода унтер-шихтмейстер Манаков. Священники: Василий Козмин, Аникий Борисов, Родион Леонтьев; дьячок Иван Попов, дьячок Илья Петров, экономических дел копиист Петр Курбатов, атаман Колесников, отставной капрал Лукиан Омельянов, Юговских заводов плавильщик Козма Орлов. Пушкари: Демид Сочин и Никифор Совин, экономический крестьянин Алимпий Карманов, крестьянин Гаврила Трегубов, князя Голицына крестьян четырнадцать человек, графа Строганова крестьян три человека. Государственных: крестьянин Егор Зуев, и еще семь человек, сотник Яков и крестьянин Михайла Поповы, крестьянин Софронов, Ермолай Медеников, Федор Бурков, Иван Осетров, крестьянин Ермаков, и еще два человека, крестьянская девка.

В городе Ставрополе убито до смерти: бригадир и ставропольский комендант Иван фон-Фегезак, воеводский товарищ, надворный советник Сергей Милкович, секретарь Семен Микляев. Ставропольского баталиона секунд-майоры: Павел Алашеев, Алексей Карачев, Никита Семенов. Капитаны: Григорий Калмыков, Петр Лабухин. Поручики: Афа-

насий Семенов, Дмитрий Новокрещенов. Прапорщики: Яков Дворянинов, Василий Трофимов, Федор Попков, Василий Плешивцов; лекарь Иван Финк. В уезде отставные: секунд-майор Артемий Бережнев. Прапорщики: Филат Струйский, Петр Поляков; подпрапорщик Петр Тургенев, с сыном Иваном, сержант Михайла Кулыгин. Ставропольского баталиона сержанты: Иван Свешников, Василий Гущин, Яков Петров, Михайла Савушкин, Семен Львов; подпрапорщик Иван Фомин, капрал Лука Матвеев. Солдаты: Игнатий Буторин, Фрол Бердняков, Петр Вагин, Митрофан Мухановский, Никита Козлов, Василий Григорьев, Григорий Колесников, Афанасий Кондуков, Гурий Ульянов, денщик Максим Андреев, Ставропольского духовного правления копиист Василий Татлин. Дворовые люди: прапорщика Филата Струйского: Елизар Семенов, помещицы Аграфены Стрекаловой: Егор Горох, Осип Александров; помещицы Прасковьи Чемесовой: Иван Михайлов, ясачный крестьянин Осип Звонарев, разночинец Михайла Васильев. Ставропольского калмыцкого корпуса: ротмистр Никанор Буратов, солдат Иван Шонбо.

Нижегородской губернии, в Нижегородском уезде убито до смерти: графа Николая Головина приказчик Алексей Тетеев, с женою Настасьею, брат его Иван Тетеев, с сыном Васильем. Выборные: Андрей Киреев, Иван Фаддеев, крестьянин Павел Кордюков, немец один, француз один, артиллерии капитана, князь Петра Дадияна, приказчик Петр Кучин, с женою Дарьею.

В городе Алатыре убито до смерти: премьер-майор Роман Грабов, с женою Катериною, коллежский асессор Галактион Кляпиков, землемер, подпоручик Федор Вишняков, с женою Анною и братом его двоюродным, Федором Прокофьевым, секретарь Василий Попов, с женою Авдотьею Ивановою, с детьми, с дочерьми: Варварою, Глафирою, с сыном Алексеем и матерью Матреною Васильевою; протоколист Матвей Леонтьев с женою Марьею, с детьми, сыном Николаем, дочерьми: Анною и Александрою; капитан Иван Недоростков, с женою. Штатной команды солдаты: Алексей Зенкин, Тимофей Запылихин. В уезде: прокурор Василий Кривский, капитан Николай Лихутин, с женою Анною Ивановою, сержант Иван Любовцов, майорша Федосья Назарьева, капитан Петр Зубатов, из дворян капрал Александр Зиновьев, майор Семен Марков, из дворян каптенармус Афанасий Ананьин, прапорщик Василий Мещеринов, помещица Прасковья Телегина, помещица, вдова Авдотья Тимашева, полковника Федора Волкова свояченица Татьяна Иванова, прапорщик Василий

Мертваго, с женою Пелагеею Ивановою, майор Борис Мертваго, вахмистр Андрей Назарьев, капитан Алексей Матцынев с женою Мариною Алексеевою, коллежского асессора Ивана Мачавариянова свояченица Нина Егорова, экономического казначея, князь Василья Туркистанова, жена Ирина Борисова. При экономическом винокуренном заводе: прапорщики: Алексей Гедеев с женою Еленою Романовою, Василий Дуров с женою Авдотьею Васильевою, помощник Сергей Бедауров с женою Александрою Петровою; поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова, асессора Мачавариянова дочь, девица Фаина Иванова, племянник его Николай Гаврилов, инвалидного секунд-майора Чеботарева жена Анна Иванова, мать ее Авдотья Гедеева, племянница ее, девица Марья Туркманова; Ардатовской дворцовой волости управитель, секунд-майор Михаил Нелидов, поручик Иван Смолков с женою Афимьею Ивановою, мать его, майорша Дарья Никитина, прапорщика Дмитрия Жмакина жена Анисья Андреева, майора Растригина жена Авдотья Козмина, мать его Прасковья Михайлова; дети его, дочери: Ирина, Федосья, Фекла; поручик Андрей Саврасов с женою Афимьею Матвеевою, теща его Анна Кириллова; дворянин Егор Пазухин с женою Марьею Алексеевою; дети его, сын Алексей, дочери: Анна, Елисавета; дворянина Федота Захарина дочь, девица Татьяна, помещика Ивана Салманова теща Авдотья Афанасьева, жена Акулина Лукианова, сын его Николай, дворянин Афанасий Яхонтов с женою Домною Никитиною; дети их, сын Степан, дочери: Пелагея, Дарья; дворянин Феопемпт Яхонтов с женою Екатериною Семеновою; дети их, сыновья: Дмитрий, Павел, дочери: Авдотья, Акулина; теща Авдотья Антонова; капрал Иван Салманов, капитанша, вдова Анна Брюхова, дворянская жена Прасковья Телегина, поручик Иван Алабин, солдат Василий Шебалин, прапорщик Григорий Куроедов с женою Анною Ивановою, дворянка Прасковья Апраксина, капитанша, вдова Ирина Аленина, помещица Варвара Василисова, капитан Николай Страхов, мать его, вдова поручица Домна Данилова, помещик Василий Апраксин с женою Анисьею Дмитриевою, сын его, прапорщик Алексей, прапорщик Иван Ашанин с женою Авдотьею Семеновою, вдова помещица Агафья Тахтарова, капитан Иван Ляхов, капитана Ивана Полумордвинова сын Михайла, прапорщик Иван Анцыфоров с женою Анною Романовою, девка Вера Данилова, вдова Марья Данилова, подполковница вдова Прасковья Кишенская, сын ее, майор Николай, малолетный Аврам, дворянская жена вдова Анисья Неронова, сын ее, поручик Иван, с женою Прасковьею Андреевою, гвардии прапорщик Иван

Стечкин, с женою Василисою Петровою, помещик Ефим Неронов, дети его: сын Алексей, дочери: Наталия, Анна, Мавра; помещица Федосья Лаптева, прапорщик Григорий Неверов, прапорщик Григорий Нагаткин, с женою Феклою Васильевою; дети: сын Петр, дочь, девица Акулина; прапорщик Андрей Теренин, помещица Авдотья Варыпаева, прапорщик Василий Теренин, сержант Козма Теренин, дворянка Прасковья Григорьева, дворянка Прасковья Иванова, солдатская жена Анна Осипова, помещик князь Артамон Чегодаев, с женою Натальею Ивановою. Прапорщики: Федор и Борис Брюховы, поручица, вдова Прасковья Брюхова, сержант Сергей Ананьин, с женою Марьею Васильевой, дочь его Надежда; канцелярист Федор Крюковской, прапорщик Александр Грязнев, дворянин Зураб Давыдов, служитель его Яков Андреев, прапорщик из грузин Евсевий Семенов, канцелярист Михаила Соколовский, писарь Никита Верин, прапорщик Василий Тимашев, с женою Катериною Антоновою, дочь его девица Елисавета; помещица Марья Пучкова, капитан Яков Бурцов, подпоручик Василий Шалимов, с женою Акулиною Ильиною, приемыш, девка Анна, университетского учителя Грачевского дочь Вера, дворянин Дмитрий Пасмуров, с женою Ириною Федоровою; капитан Михайла Ашанин, капитанша Прасковья Павлова, сын ее, капитан Василий, его сын, сержант Федор, прапорщик Василий Шишкин, фурьер Василий Бабушкин, с женою Марфою Ивановою, и дочь его Елисавета; поручик Александр Зимнинский, с женою Авдотьею Григорьевою, прапорщик Василий Кошкин, прапорщик Василий Зимнинский, с женою Мариамою Васильевою, майор Никифор Юрасов, прапорщик Семен Юрасов, с женою Татьяною Моисеевою, дворян два человека: один мужеского, а другой женского пола; князь Борис Дивеев, подпрапорщик Ефим Шукин, протоколиста Матвея Леонтьева мать Ирина, Данилы Куткина жена Анна Федорова, староста Тимофей Федотов, секунд-майора Андрея Кикина староста Федор Гаврилов, десятский Федор Агафонов, помещика Алексея Сеченова приказчик Захар Андреев, майора Ивана Протасьева приказчик Петр Васильев, помещика Петра Пазухина староста Андрей Алексеев, помещика Ивана Ананьина староста Федор Иванов. Крестьяне: Макар Федоров, Андрей Николаев, помещицы Варвары Языковой дворовый человек Евдоким Фирсов, помещика Нилы Панова крестьянин Авдей Федоров, секунд-майора Афанасья Давыдова дворовые люди: Прокофий Прохоров, Степан Данилов, арзамасская купецкая жена Марья Федорова, полковника Федора Волкова приказчик Иван Козмин, сын его Евграф; помещика Алек-

сея Бахметева приказчик Иван Петров, с женою Федосьею Романовою, генерал-майора и кавалера Михайлы Кричетникова дворовый человек Максим Леонтьев, староста Карп Иванов, артиллерии подполковника Льва Пушкина дворовый человек Семен Иванов, генерал-поручика Ивана Левашова приказчик Федор Логинов, с женою Татьяною Федоровою и с дочерью Елисаветою; Ефим Иванов, Аверьян Борисов, подполковника Григорья Бахметева выборный Алексей Игнатьев, гвардии капрала Егора Кроткого человек Михайла Егоров, капитана Алексея Матцынева приказчик Дементий Дмитриев, секунд-майора Петра Акинфиева приказчик Александр Васильев. Экономического ведомства крестьяне: Прокофий Афанасьев, Иван Володимиров, Михей Яковлев; полковника князь Александра Одоевского приказчик Григорий Лебедев, помещика Александра Зимнинского приказчик Никита Моисеев, с женою Прасковьею Андреевою, бригадира Иевлева приказчик Степан Семенов, солдатская жена Фекла Семенова. Графа Ивана Петровича Салтыкова: штуцмейстер Иван Штепсин, приказчик Антон Дроздов, староста Анкудин Феклистов, приказчик Никита Алымов, с женою и с дочерью, приказчик Алексей Головлев, земский Иван Вернеев, крестьянин Иван Трофимов, приказчик Петр Протопопов, крестьянин Федор Вайцов. Графа Андрея Петровича Шувалова: приказчик Тимофей Щепотев, с женою Настасьею Ивановою, земский Филипп Петров, экономический крестьянин Михей Яковлев, приказчик Михайла Савельев, с женою Авдотьею Федоровою, приказчик Борис Турченинов, приказчик Кондратий Филиппов. Священники: Яков Федоров, Василий Алексеев, Афанасий Иванов, Иван Прохоров, Антип Борисов, Иван Борисов, диакон Федор Михайлов.

В Арзамасском уезде убито до смерти: гвардии конного полка секунд-ротмистр Иван Исупов, с женою Ириною Петровою и с дочерьми Еленою и вдовою Настасьею; титулярного советника Ивана Бахметева дочь, священник Василий Алексеев, поручика Николая Языкова служитель Сергей Борисов, капитана Петра Ермолова дворовый человек Егор Васильев, приказчик Парфен, секунд-майора князь Ивана Кольцова-Масальского земский Семен Алексеев, прапорщика Алексея Дубенского приказчик Кондратий Андреев, служитель Иван Гуняев.

В городе Курмыше убито до смерти: секунд-майоры: Василий Юрлов, Дмитрий Маковнев; вдова Наталья Ульянина. Курмышской канцелярии: квартирмистр Александр Филиппов, канцелярист Михайла Еремеев. В уезде

священники: Афанасий Дмитриев, Алексей Семенов, Василий Антонов, Гаврила Евтропов, Гаврила Михайлов, Андрей Степанов, Михайла Дмитриев, Петр Иванов, Андрей Алексеев, Григорий Матвеев, Михайла Васильев, Федор Алексеев. Диаконы: Андрей Федоров, Василий Гаврилов, Григорий Гаврилов, Константин Васильев, Иван Михайлов, Иван Никифоров, Иван Андреев, Михайла Иванов, Алексей Андреев, Иван Андреянов. Дьячки: Петр Иванов, Иван Григорьев, Корнил Васильев, Иван Васильев, Василий Никитин, Петр Афанасьев, Василий Иванов, Сергей Григорьев. Пономари: Петр Иванов, Матвей Иванов, Василий Тимофеев, Егор Антонов, Петр и Агафон Федоровы, Дмитрий Федоров, Илья Михайлов, Семен Кузьмин, статского советника Ивана Ермолаева приказчик Яков Реутов. Курмышской инвалидной команды: поручик Тимофей Муромцов, солдат Дмитрий Гусев, подпоручик Иван Мантуров, с детьми Кириллом и Николаем, помещика Лариона Любятинского староста Афанасий Васильев; коллежской советницы Прасковьи Стражиной человек Федор Тимофеев; прапорщик Андрей Крашев, Цивильской канцелярии секретарь Никита Попов, и жена его Татьяна Степанова. Дворовых людей: мужеского пола четыре, женского два, малолетных два, матрос Абрам Васильев, духовных дел копииста Павла Попова сын Василий, матрос Иван Львов, священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова, сотник Иван Илдеряков. Крестьяне: Дмитрий Перфильев, Петр Никитин.

Города Ядринска в разных местах убито до смерти: священников и причетников с их женами тридцать восемь.

Города Оренбурга в крепостях убито до смерти: В Чернореченской крепости: капитан Нечаев. В Татищевой: комендант, полковник Елагин с женою. В Рассыпной: комендант, секунд-майор Веловский с женою, капитан Савинич, поручик Кирпичев, прапорщик Осипов, священник один, воинских нижних чинов, регулярных и нерегулярных, двенадцать. В Сорочинской: регулярных шесть, разночинцев пять. В Бузулукской: майора Племянникова приказчик и староста, регистратора Арапова работник. В Борской: отставной капитан Петр Рогов, помещичьих крестьян два человека. В Пречистенской: отставных двенадцать человек. В Зелаирской: адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова с прочими отставных с именами ж в числе четырех человек, с пятью обоих полов младенцами. В Магнитной: священник один, капитан Сергей Тихановский с женою, отставных солдат двое. В Нижней Озерной: комен-

дант секунд-майор Харлов с женою и братом ее. В состоящей на Самарской дистанции деревне Милоховой: отставной капитан Трофим Милохов.

В городе Троицке убито до смерти: воевода, секунд-майор Варфоломей Сталповский, товарищ, капитан князь Алексей Чегодаев, с приписью Михайла Скорняков, Троицких дворцовых управительских дел управитель гоф-фурьер Андрей Половинкин. В уезде: Троицкой штатной команды солдаты: Савелий Волов, Степан Федоров, Петр Горбунов, разночинец Трофим Образцов, дворцовый крестьянин Григорий Павлов, канцеляриста Ивана Григорьева дворовый человек Антон Яковлев.

В городе Краснослободске убито до смерти: воевода, секунд-майор Иван Селунский, секретарь Василий Тютрюмов, помещик, капитан Данила Сталыпин. В уезде оного: поп Иван Яковлев, казенного дворцового Троицко-Острожского винокуренного завода сержант Никита Голов. Дворцовых управительских дел: в должности стряпчего канцелярист Степан Снежницкий, канцелярист Семен Дубровский, дворянин Никита Степанов, дворянин Юдин.

В городе Наровчате убито до смерти: воевода Афанасий Ценин, в должности секретаря регистратор Семен Корольков, капрал Степан Кашин, священник Иван Иванов, города Инсары воеводского товарища Юматова дворовый человек Савелий Иванов, проезжавший человек один, Наровчатской канцелярии отставной копиист Александр Соколов, помещика Арапова дворовый человек Василий Аникеев, дворцовый крестьянин Иван Сорокин.

В городе Инсаре убито до смерти: священники: Козма Семионов, Андрей Миронов. Инсарской инвалидной команды секунд-майоры: Василий Денисьев и жена его Наталья Петрова, Андрей Кузмин и жена его Фекла Емельянова. Капитаны: Дмитрий Куприн, жена его Татьяна Григорьева; Иван Щербаков, жена его Марфа Иванова; Петр Кресников. Поручик Михайла Юрлов, жена его Прасковья Юдина. Подпоручики: Алексей Пьянкин, жена его Меланья Евсевьева, сестра его Меланья Тимофеева; Алексей Корнилов, Нефед Онуфриев, Андрей Каряпин, жена его Ирина Иванова; подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагея Петрова. Прапорщики: Прокофий Соколов, жена его Настасья Тимофеева; Николай Козлов, Савва Агафонов, жена его Степанида Степанова; ротный квартирмистр Иона Стунетов, сержант Гаврила Маклаков, каптенармуса Прокофья Страхова жена Аксинья Васильева. Капралы: Иван

Васильев, Игнатий Салынин, жена его Февронья Филиппова; Михайла Матвеев, жена его Авдотья Федорова; Василий Теплов, жена его Прасковья Игнатьева; Павел Филимонов. Солдаты: Агап Голубчиков, Захар Крылов, Данила Прокофьев, Авдей Мелехов, Иван Юдин, Никита Бельянинов, Василий Ногин, Владимир Иванцов, Федор Трофимов, Степан Евсигнеев, Алексей Пирожков, Иван Вилкин, Александр Караулов, Козма Паршин, Михаила Бакаев, Федор Назаров, Иван Букаев, Тит Хомов, Осип Леонтьевский, Петр Шадрин, Яков Мадрыгин, Федот Федоров, жена его Агафья Григорьева, Гаврила Лосев, жена его Прасковья Васильева, Василий Петин, жена его Устинья Артемьева, Елисей Чеканов, жена его Настасья Иванова, солдата Герасима Киселева жена Пенила Титова, солдата Григорья Иконникова жена Федосья Степанова, канцелярист Иван Андреев. Инсарской штатной команды солдаты: Борис Шульгин, Антон Камшилин, сторож Перфил Герасимов, купец Филипп Соснин. Подпоручики: Алексей Голосеин, Федор Голосеин, сестра его Анна Иванова, корнет Дмитрий Голосеин, жена его Матрена Никитина, московского купца Рюмина приказчик Максим Евстратов.

Пензенского уезда: из дворян отставной драгун Егор Ульянин, жена его Настасья Михайлова, сестра ее Катерина Михайлова ж.

Алатырского уезда: поручик Прокофий Лукин, жена его Пелагея Никифорова.

Наровчатского уезда: прапорщик Николай Ермолов.

Темниковского уезда: татар шестнадцать человек, помещика Платона Орлова приказчик, а как его звали неизвестно.

В Инсарском уезде: поручика Василья Губарева крестьянин Тимофей Гаврилов, секунд-майор Василий Ягодинский, жена его Татьяна Иванова, недоросль князь Онисим Чюрмантеев, жена его Авдотья Данилова, артиллерии майор Николай Нечаев. Инсарской инвалидной команды секунд-майоры: Гаврила Помелов, Кирила Муратов; поручик Петр Долгов, частный смотритель, капитан князь Максим Чюрмантеев; помещицы Елисаветы Шепелевой приказчик Андрей Карпов, коллежский асессор Иван Кожин, жена его Татьяна Сергеева, дочери их, девицы: Аграфена, Авдотья, Варвара, мать его Кожина, Авдотья Николаева; премьер-майор Семен Мерзлятьев, жена его Анна Петрова; управитель, прапорщик Перфилий Унковский, подполковника Дмитрия Чуфаровского приказчик Яков Никифоров, жена его Афимья Матвеева, поручика Андрея Мневского жена Катерина

Михайлова, отставной солдат Павел Енолеев, поручик Ермолаев, дворянин Веденяпин, помещица Мещеринова.

В Шацком уезде убито до смерти: поп Осип, диакон Василий, дьячок, пономарь Михайла, прапорщица Анна Мальцова, помещица Александра Ханыкова, приказчик Фома Никифоров, питейных сборов служитель, однодворец Игнат Белозерцов, поручик Яков Огалин с сыном Львом, помещицы княгини Дашковой приказчик Тимофей Федоров, питейных сборов служитель, кунгурский купец Яков Носков, однодворческие дети: Степан и Петр Подъяпольские, генерал-майора Никиты Смирнова приказчик Иван Петров, жена его Улита Иванова, титулярной советницы Анны Посниковой приказчик Андрей Родионов, целовальник один, помещика Николая Колычева приказчик Михайла Андреев с женою, помещица вдова Татьяна Пятова, помещица Агафья Якутина, корнет Евстрат Евсюков, писчики: Иван Кучуров, Степан Дивеев, помещика Кольцова-Масальского приказчик Восков, подполковник Осип Кузмищев, однодворец Матвей Тверитинов, поручики: Филипп Тенишев, Николай Реткин, вахмистр Козма Марков, помещика Александра Васильчикова приказчик, полковника Василья Измайлова приказчик Семен Мартынов, полковника князь Александра Большаго-Черкасского сотский Степан Федоров.

В городе Темникове убито до смерти: питейных сборов поверенный Яков Кленов, поручица вдова Прасковья Ребинина, капитан Дмитрий Кочеев, подпоручик князь Михайла Мансырев, прапорщик Николай Ермолов, гвардии капрал, князь Илья Еникеев, жена его Матрена Давыдова, гвардии капрал, князь Василий Девлеткильдеев, капитана Александра Мошкова приказчик Терентий Иванов, татарин Аися Халеев.

В Тамбовском уезде убито до смерти: поручика Афанасья Сатина приказчик, из дворян отставной ротный квартирмистр Максим Дасекин, из однодворцев отставной капрал Василий Мишин, надворного советника Ивана Мосолова крестьянин Семен Бирюков.

В городе Нижнем-Ломове убито до смерти: священник Иван Иванов, поручик Петр Анучин, секунд-майор Степан Евсюков, капитан Яков Калмыков, поручик Иван Симаков, прапорщик Тихон Маслов, прапорщик Василий Клишов, майор Иван Соколов.

В уезде: секретарь Никита Григорьев сын Подгорнов, жена его Ирина Степановна, сноха его Авдотья Петрова, прапорщик Иван Слепцов, жена его Акулина Алексеева, подпоручик Алексей Слеп-

цов, жена его Аграфена Сергеева, капитан Лаврентий Слепцов, каптенармус Федор Слепцов, жена его Марья Степанова, прапорщик Василий Лепунов, сержант Александр Микешин, жена его Анна Андреева, князь Михайла Мансырев, прапорщик Петр Скорятин, капитан князь Семен Мамлеев, прапорщик князь Спиридон Мамлеев, поручик князь Михайла Ишеев, прапорщика Василья Гедеева жена Анна Филатьева, поручица Авдотья Малахова, поручица Евгения Исаева, подпрапорщик Иван Малахов, жена его Марья Михайлова, дочь девица Агафья; князь Василий Петров сын Кугушев, майор Федор Никифоров, надворный советник Василий Иванчин, жена его Авдотья Родионова, сын их поручик Аким Иванчин, жена его Ирина Федорова; протоколист Михайла Дедекин.

В городе Верхнем-Ломове убито до смерти: премьер-майор Иван Болоцкой, капитаны: Иван Степанов, Иван Дьяконов, подпоручик Никита Суколенов, поручик Нефед Евлахов, солдат Федор Лепилин, из дворян, канцелярист Михайла Смирнов, жена его Афимья Иванова, воеводского товарища Нетецкого дворовый человек Дмитрий Никитин, воеводский товарищ титулярный советник Петр Нетецкий, дворянская жена вдова Ульяна Сурина, надворный советник Никифор Хомяков, подпоручик Капитон Вышеславцов, помещика Василья Титова, приказчикова жена Ульяна Козмина, надворный советник Иван Богданов, жена его Наталья Иванова, прапорщик Ефим Юматов, жена его Ирина Леонтьева, дочь их малолетняя Марья, прапорщик Пантелей Трунин, жена его Прасковья Ефимова, поручик Федор Мосолов, фурьер Иван Мещеринов, канцелярист Никифор Смирнов, секупд-майора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Иванова, вахмистр Максим Хомяков, дворянин Петр Веденяпин, сын его поручик Кондратий, помещика Матвея Дубасова крестьянин Спиридон Анофриев, капитанша Анна Болкошина, инвалидный солдат Лукиан Курочкин, корнет Иван Мещеринов, прапорщик Артамон Шмаков, поручика Константина Веденяпина жена Пелагея Леонтьева, подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексеева, майор Иван Григоров, племянница его Авдотья Иванова, экономический казначей, поручик Андрей Молчанов, подпоручика Алексея Вышеславцова жена Матрена Иванова, прапорщик Григорий Евсюков, прапорщика Пантелея Трунина крестьянин, а как зовут неизвестно, помещика Языкова приказчик Егор Григорьев, вдова поручица Татьяна Врацкая, татарин Бикмай Дубин, незнаемый офицер, помещица Авдотья Волженская, подпоручик Василий Вышеславцов, поручика Фоки Исаева жена

Евгения Андреева, генерал-поручика и кавалера Амплея Шепелева служитель Иван Уланов.

Самарской дистанции, в Борской крепости, убито до смерти: переводчик Арапов, отставной капитан Петр Рогов, хилковских крестьян два человека, отставных конной гвардии два, тайного советника Обухова крестьян два.

В городе Саратове убито до смерти: отставной прапорщик Артамон Шахматов, полевой артиллерии сержант Павел Шахматов, отставной прапорщик Козма Рахманинов, поручика Матвея Селезнева жена, вдова Марья Иванова, отставной прапорщик Алексей Протопопов, отставной прапорщик Афанасий Толпыгин, из дворян коллежский регистратор Иван Аврамов, жена его Ирина Иванова, бывшего саратовского коменданта Томаса Юнгера жена, вдова Шарлотта Крестьянова, корнет Гаврила Болотин, жена его Фекла Алексеева, дети: Федор, Григорий, дочь Степанида, теща того Болотина, Марфа Ильина; дворянина Алексея Болотина жена Авдотья Степанова, дети: сын Никифор, дочери; Меланья, Марфа; дворянин Степан Родионов, отставной прапорщик Михайло Ахматов, дворянин Яков Болотин, отставной прапорщик Григорий Автамонов сын Быков. Саратовского батальона секунд-майоры: Петр Астафьев, Иван Мосолов. Капитаны: Семен Агишев, Василий Портнов, Андрей Маматов, Алексей Тагаев. Поручики: Иван Пирогов, Михайла Меренков. Прапорщики: Иван Уланов, Евдоким Портнов, лекарь Иоган Рамелов, бывший в городе Петровске смотритель над межевщиками коллежский асессор Борис Наикул; команды его: подпоручик Федор Спижарнов, прапорщик Петр Скуратов, корнет Петр Калмыков. Ведомства Конторы опекунства иностранных поручики: Михайла Ермолаев с женою, Иван Широков с женою, прапорщик Иван Ушаков, протоколист Иван Образцов, регистратор Иван Винш, аптекарь Иван Аменде. Артиллерийского первого фузелерного полку: капитан князь Андрей Баратаев, поручик Михайла Буданов, подпоручик Василий Хотяинцов, штык-юнкер Адриан Федоров, лекарь Семен Рудзевич.

В городе Дмитриевске, что на Камышенке, убито до смерти: полковник и Дмитриевский комендант Каспар Меллин, капитан Семен Агишев, городовой лекарь Степан Беляев, жена его Катерина Федорова, дочь девица Матрена. Бывшие в Николаевской слободе при соляном комиссарстве: присутствующий, титулярный советник Илья Башилов, поручик Сергей Богатырев.

В городе Царицыне убито до смерти: легкой полевой команды командир, секунд-майор барон фон Диц. Капитаны: Дмитрий Шеншин, Иван Шилов. Поручики: Дмитрий Денисьев, Александр Рокотов, адъютант Семен Романов. Прапорщики: Александр Палчевский, Илья Булашев, Иван Буткевич, лекарь Даниель Амброзиус. Царицынских баталионов, первого: поручик Иван Климов, второго: подпоручик Алексей Книгин. В Волском войске убито до смерти: войсковой старшина Григорий Поляков, депутат Андрей Дьячонков, Московского легиона казачьей команды отставной прапорщик Иван Хуторсков. Казаки: Петр Зайченков, Петр Греков, Яков Греков.

В Новохоперском уезде: частный смотритель Новохоперского баталиона подпоручик Павел Еглевский, подпоручик Филипп Тенишев, однодворец Матвей Тверитинов, господ Нарышкиных приказчик Лука Неверов, малороссиянин Николай Ракитинов; означенных же господ Нарышкиных приказчик Иван Евреинов, жена его Наталия, теща его Татьяна Григорьева.

[9] См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.*

[10] Маврин с 1773 года находился при Бибикове; он отряжен был от Секретной комиссии в Яицкий городок, где и производил следствие. Маврин отличился умеренностию и благоразумием.

[11] Императрица 22 октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garrotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le Volga et le Jaïck, où il avait été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruatés qu'ils commettaient et espérant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Jaïck qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Amené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il était marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avait trois enfants, que dans ces troubles il avait épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servaient dans la première armée, que lui-même avait servi, les deux premières campagnes, contre la Porte, etc. etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon

* Кочевые скитания Веньямина Бергмана и т. д. *(немецк.)*.

de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que se soit. Il est à supposer que m-r Pougatechef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisait pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvait attraper; nul endroit où il a passé n'a été épargné, il pillait et saccageait ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchaient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'était devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage je pourrai lui faire grâce et qu'il ferait oublier ses crimes passés par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix*.

---

* Я охотно удовлетворю, сударь, ваше любопытство насчет Пугачева; мне это тем легче сделать, что вот уже месяц как он захвачен, или, говоря точнее, связан и закован своими собственными людьми в необитаемой равнине между Волгой и Яиком, куда он был загнан войсками, посланными против них со всех сторон. Лишенные пищи и способов ее добыть, его товарищи, пресытившись, кроме того, жестокостями, которые они совершали, и надеясь получить прощение, выдали его коменданту Яицкой крепости, который отправил его в Симбирск к генералу графу Панину. Сейчас он находится по пути к Москве. Будучи приведен к Панину, он простодушно сознался при допросе, что он донской казак, назвал место, где он родился, сказал, что был женат на дочери донского казака, что имел троих детей, что во время мятежа женился на другой, что его братья и племянники служили в первой армии, что и сам он служил во время двух первых кампаний против Порты, и т. д. и т. д.

Так как у генерала Панина было много с собой донских казаков и так как войска этой народности никогда к разбойнику на удочку не попадались, то все это и было вскоре проверено соотечественниками Пугачева. Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек крайне смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего следа тому, чтоб он был орудием какой-либо державы или действовал по внушению кого-либо. Надо полагать, что господин Пугачев просто заправский разбойник, а не чей-либо слуга.

Мне кажется, после Тамерлана ни один еще не уничтожил столько людей. Прежде всего он приказывал вешать без пощады и без всякого суда всех лиц дворянского происхождения, мужчин, женщин и детей, всех офи-

[12] Le marquis de Pougatechef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison qu'on a été obligé de la préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ*
(Письмо императрицы к Вольтеру, от 29 декабря 1774 года.)

[13] В скором времени по прибытии нашем в Москву я увидел позорище для всех чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь, жребий Пугачева решился. Он осужден на четвертование. Место казни было на так называемом *Болоте.*

В целом городе, на улицах, домах, только и было речей об ожидаемом позорище. Я и брат нетерпеливо желали быть в числе зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконец, по убеждению одного из наших родственников, она вверила нас ему под строгим наказом, чтоб мы ни на шаг от него не отходили.

Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностию описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось.

В десятый день января тысяча семьсот семьдесят пятого года, в восемь или девять часов пополуночи, приехали мы на Болото; на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вкруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза. Тут же находился и обер-полицеймейстер Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте или помосте лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фрунта все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сто-

---

церов, всех солдат, которых он мог поймать; ни одно место, где он прошел, не было пощажено, он грабил и разорял даже тех, кто, ради того чтоб избежать насилий, старался снискать его расположение хорошим приемом; никто не был избавлен у него от разграбления, насилия и убийства.

Но до какой степени может человек самообольщаться, видно из того, что он осмеливается питать какую-то надежду. Он воображает, что ради его храбрости я могу его помиловать и что будущие его заслуги заставят забыть его прошлые преступления. Если б он оскорбил одну меня, его рассуждение могло бы быть верно, и я бы его простила. Но это дело – дело империи, у которой свои законы *(франц.).*

* Маркиз Пугачев, о котором вы опять пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом. Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха *(франц.).*

рон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг все восколебалось и с шумом заговорило: *везут, везут!* Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; насупротив духовник его и еще какой-то чиновник, вероятно секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал еще отряд конницы.

Пугачев с непокрытою головою кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином.

Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: *на караул,* и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» Он столь же громко ответствовал: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев». Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю*. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!» – При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же». *(Из неизданных записок И. И. Дмитриева.)*

* По словам других свидетелей, Перфильев на эшафоте одурел от ужаса; можно было принять его бесчувствие за равнодушие.

Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами. См. Rélation des particularités de la rébellion de Stenko Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rébellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution, traduit de l'Anglais par C. Desmares*. MDCLXXII. – Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому.

* Известие о подробностях мятежа Стеньки Разина против московского великого князя. Зарождение, ход и окончание этого мятежа вместе с обстоятельствами, при которых был схвачен этот мятежник, смертный ему приговор и его казнь, перевел с английского К. Демар *(франц.)*.

ЗАМЕЧАНИЯ О БУНТЕ

(1834)

1

С т р . 16*. Пугачев был уже пятый самозванец, приявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: «Жив ли мой отец?»

2

С т р . 18. Пугачев говорил, что сама императрица помогла ему скрыться.

3

С т р . 20. Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или *публикации*, Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов.

* Пушкин пометил замечания страницами первого издания.

4

С т р . 25. Бедный Харлов накануне взятия крепости был пьян; но я не решился того сказать из уважения его храбрости и прекрасной смерти.

5

С т р . 34. Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: боюсь, боюсь! он дерется). Нащокин был один из самых странных людей того времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее. Государь Павел Петрович любил его и при восшествии своем на престол звал его в службу, Нащокин отвечал государю: «Вы горячи и я горяч; служба в прок мне не пойдет». Государь пожаловал ему деревни в Костромской губернии, куда он и удалился. Он был крестник императрицы Елисаветы и умер в 1809 году.

6

С т р . 54. Чернышев (тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удален из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина, вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший умер в Петербурге комендантом крепости.

7[1]

С т р . 55. Кар был пред сим употребляем в делах, требовавших твердости и даже жестокости (что еще не предполагает храбрости, и Кар это доказал). Разбитый двумя каторжниками, он бежал под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки. Приехав в Москву, он хотел явиться с оправданиями

к князю Волконскому, который его не принял. Кар приехал в Благородное собрание, но его появление произвело такой шум и такие крики, что он принужден был поспешно удалиться. Ныне общее мнение если и существует, то уж гораздо равнодушнее, нежели как бывало в старину. Сей человек, пожертвовавший честью для своей безопасности, нашел, однако ж, смерть насильственную: он был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостию.

8

Стр. 56. Императрица уважала Бибикова и уверена была в его усердии, но никогда его не любила. В начале ее царствования был он послан в Холмогоры, где содержалось семейство несчастного Иоанна Антоновича, для тайных переговоров. Бибиков возвратился влюбленный без памяти в принцессу Екатерину (что весьма не понравилось государыне). Бибикова подозревали благоприятствующим той партии, которая будто бы желала возвести на престол государя великого князя. Сим призраком беспрестанно смущали государыню, и тем отравляли сношения между матерью и сыном, которого раздражали и ожесточали ежедневные мелочные досады и подлая дерзость временщиков. Бибиков не раз бывал посредником между императрицей и великим князем. Вот один из тысячи примеров: великий князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его (в случае тревоги) может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были не что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: «Скажи брату своему, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчину».

9

С т р . 73. Густав III, изъясняя в 1790 году все свои неудовольствия, хвалился тем, что он, несмотря на все представления, не воспользовался смятением, произведенным Пугачевым. «Есть чем хвастать, – говорила государыня, – что король не вступил в союз с беглым каторжником, вешавшим женщин и детей!»

10

С т р . 78. Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева. «Грех сказать, – говорила мне 80-летняя казачка, – на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал». – «Расскажи мне, – говорил я Д. Пьянову, – как Пугачев был у тебя посажёным отцом». – «Он для тебя Пугачев, – отвечал мне сердито старик, – а для меня он был великий государь Петр Федорович». Когда упоминал я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: «Не его воля была; наши пьяницы его мутили».

11

С т р . 82. И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости.

12

С т р . 84. Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. «Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков), простили, отрезав им носы и уши». Многие из сих прощеных должны были быть живы во время пугачевского бунта.

13[2]

С т р . 93. Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве, на бале (в 1775) и сказала: «Как он хорош! настоящая куколка». Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц князя Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Молва обвиняла Потемкина...

14

С т р . 135. Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство от телесного наказания. Шванвич был сын кронштадтского коменданта, разрубившего некогда палашом, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского).

15

С т р . 137. Кто были сии смышленые сообщники, управлявшие действиями самозванца? – Перфильев? Шигаев?.. – Это должно явствовать из процесса Пугачева, но, к сожалению, я его не читал, не смев его распечатать без высочайшего на то соизволения.

16

С т р . 138. Молодой Пулавский был в связи с женою старого казанского губернатора.

17[3]

С т р . 145. В Саранске архимандрит Александр принял Пугачева со крестом и Евангелием и во время молебствия, на ектении упомянул государыню Устинию Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду в Казани. 13 октября 1774 года, в полдень, приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его посреди церкви, во всем облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волоса и бороду, надели мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе велено было вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин (Павел Сергеевич) отступил от сего, *для большего ефекта*.

18[4]

С т р . 157. Настоящая причина, по которой Румянцев не захотел отпустить Суворова, была зависть, которую питал он к Бибикову, как вообще ко всем людям, коих соперничество казалось ему опасным.

19[5]

С т р . 164. Падуров как депутат, в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть, он его не знал; может быть, судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противузаконна.

О б щ и е з а м е ч а н и я

Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и ар-

химандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противуположны. (NB. Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева. Шванвич один был из хороших дворян).

Все *немцы*, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин, Дуве etc. Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп, Брант, Кар, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг etc. etc.

Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии, слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее, etc.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН

(1833–1835)

I
ПОКАЗАНИЯ КРЫЛОВА (ПОЭТА)

Отец Крылова[1] (капитан) был при Симанове в *Яицком городке*. Его твердость и благоразумие имели большое влияние на тамошние дела и сильно помогли Симанову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.! Так как чин капитана в Яицкой крепости был заметен, то найдено было в бумагах Пугачева в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта Ив. Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелася игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны: городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить.

Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доныне). Мертваго, поймав его в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. – Его отцепил прохожий солдат.

11 апреля 1833

II
ИЗ ДОРОЖНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Чугуны – Кар etc.

Васильсурск – предание о Пугачеве. Он в Курмыше повесил майора Юрлова за смелость его обличения – и мертвого секли нагайками. – Жена его спасена ее крестьянами. Слышал от старухи, сестры ее – живущей милостынею.

Пугачев ехал мимо копны сена – собачка бросилась на него. Он велел разбросать сено. Нашли двух барышень – он их, подумав, велел повесить.

Слышал от смотрителя за Чебоксарами.

В Берде Пугачев жил в доме Кондратия Ситникова, в Озерной у Полежаева.

Харлова расстреляна.

Василий Плотников, Пугачев у него работником.

Карницкий. Илецкий городок.

Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин

Со командою один.
Он нечаянно в крепость въехал
Начальников перевешал
Атаманов до пяти
Рядовых сот до шести.

———

Уральски казаки
Были дураки,
Генерала убили
Госуд. . . . .
. . . . . .

Пугачев повесил академика Ловица[2] в Камышине. Иноходцев[3] убежал.

Оцюш кайбас, бог. Панин. Дом Пустынникова, Смышляевка.

III
КАЗАНСКИЕ ЗАПИСИ

Казань 6 сентября. В. Петр. Бабин[4].

Пугачев с Арского поля послал сволочь свою на третью гору или на немецкое кладбище. Там находилась суконная слобода. Фабриканты разного были звания, стрельцы, мещане etc. Иные в башмаках с пряжками, в шляпах *на три угла* etc. Башкирцы пустили в них стрелами, словно хмелем. Тут была одна чугунная пушка, ее разорвало, канонера убило – едва успели раз выпалить. Суконщики, ободряемые преосв. Вениамином, хотели защищаться рычагами и чем ни попало, но башкирцы зажгли слободу и бросились в улицы. Пугачев запретил колоть народ, по башкирцы его не слушались. Мать Бабина, брося во ржи двух дочерей и неся в подоле годового сына, бросилась в ноги казаку. «Матушка, – сказал он ей, – ведь башкирец убьет же тебя». Казанка запружена была тела-

ми жителей, гонимых в лагерь. Кудрявцев, стодесятилетний старик, на носилках вынесен был в церковь, близ его загородного дома находившуюся. Он был забит нагайками.

Народ, пригнанный в лагерь Пугачева, поставлен был на карачки перед пушками, бабы и дети подняли вой. Им объявили прощение государево. Все закричали ура! и кинулись к его ставке. Потом спрашивали: кто хочет в службу к государю Петру Федоровичу. – Охотников нашлось множество.

Против Шарной горы у Горлова кабака поставлена была пушка. Пугачев к горе подошел лесом и, рассыпавшись по Арскому полю и по третьей горе, ворвался в Казань.

Казни после Пугачева были ужасные, вешали за ребро, сажали на кол (?) etc. Рели стояли лет 10 после Пугачева, и петли болтались.

Фабриканты, кулачные бойцы, приняли было худо вооруженную сволочь в рычаги, в ружья и сабли, но Пугачев, заняв Шарную гору, пустил по них картечью. Вениамин успел уехать в крепость из архиерейского дома.

Народ, возвратясь из плена, нашел все вверх дном. Кто был богат, очутился нищим, кто был скуден, разбогател.

Казак при Пугачеве стал сымать башмаки с отца Бабинова – и как они пришлись не впору, бросил их ему в лицо.

IV
ОРЕНБУРГСКИЕ ЗАПИСИ[5]

Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Менового двора. Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик. Садясь в телеги, они говорили при всем торжище: «То ли еще будет? так ли мы тряхнем Москвою?» – «Молчать, курвины дети», – говорили им оренбургские казаки, их сопровождавшие, но они не унимались. *Папков в (Переволоцкой) Сорочинской*.

Он привел кн. Голицына к Сорочинской крепости, но она уже была выжжена. Голицын насыпал ему рукавицу полну денег.

В Татищевой Пугачев, пришед вторично, спрашивал у атамана, есть ли в крепости провиант. Атаман, по предварительной просьбе старых казаков, опасавшихся голода, отвечал, что нет. Пугачев пошел сам освидетельствовать магазины и, нашед их полными, повесил атамана на застрехе.

Елагину взрезали грудь и кожу задрали на лицо.

Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною. Она была красавица, круглолица и невысока ростом. *Матрена в Татищевой*.

Из Озерной Харлов выслал жену свою 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и все добро спрятал в подвале у Киселева. Пугачева пошли казаки встречать за десять верст. Харлов (хмельной) остался с малым числом гарнизонных солдат. Он с вечеру начал палить из пушек. Билов услышал пальбу из Чесноковки (15 в.) и воротился, полагая, что Пугачев уже крепость взял. Поутру Пугачев пришел. Казак стал остерегать его. – «Ваше царское величество, не подъезжайте, неравно из пушки убьют». – «Старый ты человек, – отвечал ему Пугачев, – разве на царей льются пушки». Харлов приказывал стрелять – никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю. Потом подбежал и к другой пушке, но в сие время бунтовщики ворвались. Харлова поймали и изранили. Вышибенный ударом копья глаз у него висел на щеке. Он думал откупиться и повел казаков к избе Киселева. «Кум, дай мне 40 рублей, – сказал он. – Хозяйка все у меня увезла в Оренбург». Киселев смутился. Казаки разграбили имущество Харлова. Дочь Киселева упала к ним в ноги, говоря: «Государи, я невеста, этот сундук мой». Казаки его не тронули. Потом повели Харлова и с ним 6 чел. вешать в степь. Пугачев сидел перед релями – принимал присягу. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взошед на лестницу, спросил равнодушно: какую петлю надевать? – «Надевай какую хочешь», – отвечали казаки (не видал я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился). Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал

за ним бегом. Он, проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у казака Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство.

Под Илецким городком хотел он повесить Дмит. Карницкого, пойманного с письмами от Симанова к Рейнсдорпу. На лестнице Карницкий, обратись к нему, сказал: «Государь, не вели казнить, вели слово молвить». – «Говори», – сказал Пугачев. «Государь, я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что написано в письме, которое нес. Прикажи себе служить, и буду тебе верный раб». – «Пустить его, – сказал Пугачев, – умеешь ли ты писать?» – «Умею, государь, но теперь рука дрожит». – «Дать ему стакан вина, – сказал Пугачев. – Пиши указ в Рассыпную». Карницкий остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральские казаки из ревности в Татищевой посадили его в куль да бросили в воду. – «Где Карницкий?» – спросил Пугачев. – «Пошел к матери по Яику», – отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал. Такова была воля яицким казакам!

В Озерной.

В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали. Когда прибежал он из *Татищевой*, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, *дабы драки не учинилось*. Вино хлынуло по улице рекою. Оренбурцы после него ограбили жителей.

Старуха в Берде[6].

Пугачев на Дону таскался в длинной рубахе (турецкой). Он нанялся однажды рыть гряды у казачки и вырыл 4 могилы. В Озерной узнал он одну дончиху и дал ей горсть золота. Она не узнала его. По наговору яицких казаков велел он расстрелять в Берде Харлову и 7-летнего брата ее. Перед смертью они *сползлись* и обнялися. Так и умерли и долго лежали в кустах. – Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги. – Когда под Татищевой разбили Пугачева, то яицкие прискакали в Озерную израненные, – кто без руки, кто

с разрубленной головою – человек 12, кинулись в избу Бунтихи. – «Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья» – и стали драть да перевязывать друг у друга раны. Старики выгнали их дубьем. А гусары голицынские и Корфа (?) *так и ржут по улицам, да мясничат их*. Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: – «Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала. – К Пугачеву приводили ребят. Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. У Пугачева рука лежала на пелене – подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку. – Пугачев в Яицке сватался за... но она за него не пошла. Устинью Кузнецову взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем. *(В Берде от старухи).*

Федулев, недавно умерший, вез однажды Пугачева пьяного и ночью въехал было в Оренбург.

Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. – «Разве я разбойник», – говорил Пугачев (?).

В Татищевой Пугачев за пьянство повесил яицкого казака.

V
ДМИТРИЕВ, ПРЕДАНИЯ

Дмитриев[7] услышал о Пугачеве от слуги, ездившего в Симбирскую воеводскую канцелярию с его отцом. Возвратясь, слуга рассказывал о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань в оковах с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнаженными тесаками.

Пугачев сбирал милостыню, скованный с другим колодником. На улице Замочной Решетки стояла кибитка etc.

Полковник Чернышев был тот самый, о котором говорит Екатерина в своих записках. Он и брат его были любимцы Пет-

ра III, который сделал одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала петербургским комендантом, а брата его полковником и комендантом симбирским. Петербургский комендант в старости своей был в связи с Травиной – он целый день проводил в ее доме, сидя под окном: и к зоре отправлялся в крепость.

Белобородов был казнен в Москве прежде поимки Пугачева.

Генерал Потемкин имел связь с Устиньей, второй женою Пугачева.

Панин вырвал клок из бороды Пугачева – рассердясь на его смелость.

Кар был человек светский и слыл умником.

Дурнов лежал между трупами.

(Слышал от Сенатора Баранова[8].) Державин, приближаясь к одному селу близ Малыковки с двумя казаками, узнал, что множество народу собралось и намерены идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (впоследствии богача) изъяснения, зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с государем Петром Федоровичем – и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Державин уверил их, что за ним идут три полка.

Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства.

VI
ЗАПИСЬ СО СЛОВ Н. СВЕЧИНА[9]

Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштадтским комендантом – после переведен в Новгород. Он

был высокий и сильный мужчина. Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. Играя со Свечиным в ломбр, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат был на немке. Сын его старший недавно умер.

Слышано от Н. Свечина.

ОБ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

(Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 года)

Несколько дней после выхода из печати «Истории пугачевского бунта» явился в «Сыне Отечества» разбор этой книги. Я почел за долг прочитать его со вниманием, надеясь воспользоваться замечаниями неизвестного критика. В самом деле, он указал мне на *одну* ошибку и на *три* важные опечатки. Статья вообще показалась мне произведением человека, имеющего мало сведений о предмете, мною описанном. Я собирался при другом издании исправить замеченные погрешности, оправдаться в несправедливых обвинениях и принести изъявление искренней моей благодарности рецензенту, тем более, что его разбор написан со всевозможной умеренностию и благосклонностию.

Недавно в «Северной пчеле» сказано было, что сей разбор составлен покойным Броневским[1], автором «Истории Донского войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную в моем журнале, тем более, что «История пугачевского бунта», не имев в публике никакого успеха, вероятно, не будет иметь и нового издания.

В начале своей статьи критик, изъявляя сожаление о том, что «История пугачевского бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистию Байрона и проч., признает, что эта книга «есть драгоценный материал и что будущему историку и без пособия не распечатанного еще дела о Пугачеве нетрудно бу-

дет исправить *некоторые поэтические вымыслы, незначащие недосмотры* и дать сему мертвому материалу жизнь новую и блистательную». За сим г. Броневский отмечает сии поэтические вымыслы и недосмотры не «в суд и осуждение автору, а единственно для пользы наук, для его и общей пользы». Будем следовать за каждым шагом нашего рецензента.

Критика г. Броневского

«На сей-то реке (Яике), – говорит г. Пушкин, – в XV столетии явились донские казаки».

Выписанное в подтверждение сего факта из «Истории уральских казаков» г. Левшина (см. прим. 1, 3 – 8 стр.) долженствовало бы убедить автора, что донские казаки пришли на Яик в XVI, а не в XV столетии и именно около 1584 года.

Объяснение

Есть разница между *появлением* казаков на Яике и *поселением* их на сей реке. В русских летописях упоминается о казаках не прежде как в XVI столетии; но предание могло сохранить то, о чем умалчивала хроника. Наша летопись в первый раз о татарах упоминает в XIII столетии, но татаре существовали и прежде. Г-н Левшин неоспоримо доказал, что казаки поселились на Яике не прежде XVI столетия. К сему же времени должно отнести и существование полубаснословной Гугнихи. Г-н Левшин, опровергая Рычкова, спрашивает: как могла она (Гугниха) помнить происшествия, которые были *почти* за сто лет до ее рождения? Отвечаю: так же, как и мы помним происшествия времен императрицы Анны Иоанновны,— по преданию.

Критика г. Броневского

Вся первая глава, служащая введением к «Ист. пуг. бун.», как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как

думаем, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована.

Объяснение

Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения я; и потому необходимо и *огромное* (т. е. пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою.

Критика г. Броневского

«Известно,— говорит автор,— что в царствование Анны Иоанновны Игнатий Некрасов успел увлечь за собою множество донских казаков в Турцию». Стр. 16.

Некрасовцы бежали с Дона на Кубань в царствование Петра Великого, во время Булавинского бунта, в 1708 году. См. «Историю Д. войска», «Историю Петра Великого» Берхмана и другие.

Объяснение

Что Булавин и Некрасов бунтовали в 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что в следующем сей последний оставил Дон и поселился на Кубани. Но из сего еще не следует, чтоб при императрице Анне Иоанновне не мог он с своими единомышленниками перейти на турецкие берега

Дуная, где ныне находятся селения некрасовцев. В истории Петра I в последний раз об них упоминается в 1711 году, во время переговоров при Пруте. Некрасовцы поручены *покровительству крымского хана* (к великой досаде Петра I, требовавшего возвращения беглецов и наказания их предводителя). Положившись на показания рукописного «Исторического словаря», составленного учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о святых и угодниках», я поверил, что некрасовцы перешли с Кубани на Дунай во время походов графа Миниха, в то время как запорожцы признали снова владычество русских государей.* *Но это показание несправедливо*: некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно в 1775 году. Г-н Броневский (автор «Истории Донского войска») и сам не знал сих подробностей; но тем не менее благодарен я ему за дельное замечание, заставившее меня сделать новые успешные исследования.

Критика г. Броневского

«Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен *Силин*. Послано повеление в Черкасск сжечь дом Пугачева... Государыня не согласилась по просьбе начальства перенесть станицу на другое место, хотя бы и *менее выгодное*: она согласилась только переименовать Зимовейскую станицу Потемкинскою». Стр. 74.

В 1772 году войсковой атаман Степан Ефимов за недоставление отчетов об израсходованных суммах был арестован и посажен в крепость; вместо его пожалован из старшин в наказные атаманы Алексей Иловайский. Силин не был донским войсковым атаманом. Из Донской истории не видно, чтобы правительство приказало сжечь дом Пугачева; а видно только, что по прошению донского начальства Зимовейская станица перенесена *на выгоднейшее место* и названа Потемкинскою. См. «Историю Д. войска», стр. 88 и 124 части I.

* Изменник Орлик, сподвижник Мазепы, современник Некрасова, был тогда еще жив и приезжал из Бендер уговаривать старинных своих товарищей.

Объяснение

В 1773 и 74 году войсковым атаманом Донского войска был *Семен Сулин* (а не Силин). Иловайский был избран уже на его место. У меня было в руках более пятнадцати указов на имя войскового атамана Семена Сулина и столько же докладов от войскового атамана Семена Сулина. В «Русском инвалиде», в нынешнем 1836 году, напечатано несколько донесений от полковника Платова к войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистрии в 1773 году. Правда, что в «Истории Донского войска» (сочинении моего рецензента) не упомянуто о Семене Сулине. Это пропуск важный и, к сожалению, не единственный в его книге.

Г-н Броневский также несправедливо оспоривает мое показание, что послано было из Петербурга повеление сжечь дом и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Историю Донского войска», где о сем обстоятельстве опять не упомянуто. Указ о том, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно через год, 1775 года 10 января). Вот собственные слова указа:

«Двор Ем. Пугачева, в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет Донское войско, при присланном от обер-коменданта крепости св. Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной жителей, при всех их сжечь и на том месте через палача или профоса пепел развеять; потом это место огородить надолбами или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, как оскверненное жительством на нем все казни лютые и истязания делами своими превосшедшего злодея, которого имя останется мерзостию навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени,— хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оного, ни ревность к нам и отечеству помрачаться и ни малейшего нарекания претерпеть не может».

Я имел в руках и донесение Сулина о точном исполнении указа (иначе и быть не могло). В сем-то донесении Сулин от имени жителей Зимовейской станицы просит о дозволении перенести их жилища с земли, оскверненной пребыванием злодея, на другое место, *хотя бы и менее удобное*. Ответа я не нашел; но по всем новейшим картам видно, что Потемкинская станица стоит на том самом месте, где на старинных означена Зимовейская. Из сего я вывел заключение, что государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую.

Критика г. Броневского

Автор не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием; явно, что свидетельство жены не могло быть верно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признание Пугачева, что он скрывался в Польше, должно предпочесть показанию станичного атамана Трофима Фомина, в котором сказано, что будто бы Пугачев, отлучаясь из дому в разное время, кормился *милостиною!!* и в 1771 был на Куме. – Но Пугачев в начале 1772 года явился на Яик с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.

На Дону по преданию известно, что Пугачев до Семилетней войны промышлял, по обычаю предков, на Волге, на Куме и около Кизляра; после первой Турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словом, в мирное время иногда приходил в дом свой на короткое время; а постоянно занимался воровством и разбоем в окрестностях Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объяснение

Показания мои извлечены из официальных, неоспоримых документов. Рецензент мой, укоряя меня в несообразно-

стях, не показывает, в чем оные состоят. Из показаний жены Пугачева, станичного атамана Фомина и, наконец, самого самозванца, в *конце* (а не в начале) 1772 года, приведенного в Малыковскую канцелярию, видно, что он в 1771 году отпущен из армии на Дон, по причине болезни; что в конце того же года, уличенный в возмутительных речах, он успел убежать и, тайно возвратясь домой в начале 1772 года, был схвачен и бежал опять. Здесь прекращаются сведения, собранные правительством на Дону. Сам Пугачев показал, что весь 1772 год скитался он за польской границею и пришел оттуда на Яик, кормясь милостынею (о чем Фомин не упоминает ни слова). Г-н Броневский, выписывая сие последнее показание, подчеркивает слово *милостыня* и ставит несколько знаков удивления (!!); но что ж удивительного в том, что нищий бродяга питается милостынею? Г-н Броневский, не взяв на себя труда сличить мои показания с документами, приложенными к «Истории пугачевского бунта», кажется, не читал и манифеста о *преступлениях казака Пугачева*, в котором именно сказано, что он *кормился от подаяния*. (См. манифест от 19 декабря 1774 года, в «Приложении к Истории пугачевского бунта»).

Г-н Броневский, опровергая свидетельство жены Пугачева, показания станичного атамана Фомина и официально обнародованное известие, пишет, что *Пугачев в начале 1772 года* явился на Яике *с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог*. Пугачев в *начале* 1772 года был на Кубани и на Дону; он явился на Яик в *конце* того же года не с польским *фальшивым* паспортом, но с русским, данным ему от начальства, им обманутого, с Добрянского форпоста. Предание, слышанное г. Броневским, будто бы Пугачев, *по обычаю предков* (!), промышлял разбоями на Волге, на Куме и около Кизляра, ни на чем не основано и опровергнуто официальными, достовернейшими документами. Пугачев был *подозреваем* в воровстве (см. показание Фомина); но до самого возмущения яицкого войска *ни в каких разбоях не бывал*.

Г-н Броневский, оспоривая достоверность неоспоримых документов, имел, кажется, в виду оправдать собственные

свои показания, помещенные им в «Истории Донского войска». Там сказано, что природа одарила Пугачева *чрезвычайной живостию* и *с неустрашимым мужеством дала ему и силу телесную и твердость душевную*; но что, *к несчастию, ему недоставало самой лучшей и нужнейшей прикрасы – добродетели*; что отец его был убит в 1738; что двенадцатилетний Пугачев, *гордясь своим одиночеством, своею свободою, с дерзостию и самонадеянием вызывал детей равных с ним лет на бой, нападал храбро, бил их всегда*; что в одной из таких забав убил он предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году *он уже не терпел никакой власти*; что на двадцатом году *ему стало тесно и душно на родной земле*; что честолюбие мучило его; что вследствие того он сел однажды на коня и *пустился искать приключений в чистое поле*; что он поехал на восток, *достигнул Волги и увидел большую дорогу*; что, встретив четырех удальцов, начал он с ними грабить и разбойничать; что, *вероятно*, он занимался разбоями только во время мира, а во время войны служил в казачьих полках; что генерал Тотлебен, во время Прусской войны, увидев однажды Пугачева, сказал окружающим его чиновникам: *«Чем более смотрю на сего казака, тем более поражаюсь сходством его с великим князем»*, и проч. и проч. (См. «Историю Донского войска», ч. II, гл. XI). Все это ни на чем не основано и заимствовано г. Броневским из пустого немецкого романа «Ложный Петр III», не заслуживающего никакого внимания. Г-н Броневский, укоряющий меня в каких-то *поэтических вымыслах*, сам поступил неосмотрительно, повторив в своей «Истории» вымыслы столь нелепые.

Критика г. Броневского

«Шигаев, думая заслужить себе прощение, задержал Пугачева и Хлопушу и послал к оренбургскому губернатору сотника Логинова с предложением о выдаче самозванца». Но в поставленном тут же под № 12 примечании автор говорит, что сие показание Рычкова невероятно: ибо Пугачев и Шигаев, после бегства их из-под Оренбурга, продолжали действовать заодно.

Если показание Рычкова невероятно, то в текст и не должно было его ставить; если же Шигаев только в крайнем случае в самом деле думал предать Пугачева, то это обстоятельство не мешало продолжать действовать заодно с Пугачевым: ибо беда еще не наступила. Историку, конечно, показалось трудным сличать противоречивые показания и выводить из них следствия; но это его обязанность, а не читателей.

Объяснение

Выписываю точные слова текста и примечание на оный:

«После сражения под Татищевой Пугачев с 60 казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что все пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу, послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца, и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами.

Примечание. Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга».

Шигаев, человек лукавый и смышленый, мог под каким ни есть предлогом *задержать* нехитрого самозванца; но не думаю, чтоб он его *связал*: Пугачев этого ему бы не простил.

Критика г. Броневского

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Тибинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схва-

чены *казаками* и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу». В примечании же 16-м (стр. 51), принадлежащем к сей V главе, сказано совсем другое, именно: «По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медноплавильном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в *Тобольск*. Михельсон подарил 500 руб. приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов».

Место действия находилось в окрестностях Уфы, а посему приказчик не имел нужды отсылать преступников в Тобольск, находящийся от Уфы в 1145 верстах.

Объяснение

Если бы г. Броневский потрудился взглянуть на текст, то он тотчас исправил бы опечатку, находящуюся в примечании. В тексте сказано, что Ульянов и Чика были выданы Михельсону в *Табинске* (а не в *Тобольске*, который слишком далеко отстоит от Уфы, и не в *Тибинске*, который не существует).

Критика г. Броневского

«Солдатам начали выдавать в сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть меры обыкновенной». Стр. 100.

Солдат получает в сутки два фунта муки, или по три фунта печеного хлеба. По означенной выше мере выйдет, что солдаты во время осады получали двойную порцию или что весь гарнизон состоял из 20 только человек. Тут что-нибудь да не так.

Объяснение

Очевидная опечатка: вместо *четыре фунта* должно читать *четверть фунта*, что и составит около *десятой части* меры обыкновенной, т. е. двух фунтов печеного хлеба. Смотри статью «Об осаде Яицкой крепости», откуда заимствовано сие показание. Вот собственные слова неизвестного повествовате-

ля: «Солдатам стали выдавать в сутки только по четверти фунта муки, что составляет десятую часть обыкновенной порции».

Критика г. Броневского

В примечании 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крепости составлена по статье, напечатанной в «Отечественных записках», и по журналу коменданта полковника Симонова. Как автор принял уже за правило помещать вполне все акты, из которых он что-либо заимствовал, то журнал Симонова, нигде до сего не напечатанный, заслуживал быть помещенным в примечаниях также вполне, как Рычкова – об осаде Оренбурга, и архимандрита Платона – о сожжении Казани.

Объяснение

Я не мог поместить *все* акты, из коих заимствовал свои сведения. Это составило бы более десяти томов: я должен был ограничиться любопытнейшими.

Критика г. Броневского

Стр. 129. «Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в 15 верстах от нее. – Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в 45 верстах от Казани, услышал пушечную пальбу!..» Маленький недосмотр!

Объяснение

Важный недосмотр: вместо *в 15 верстах* должно читать: *в пятидесяти*.

Критика г. Броневского

«Пугачев отдыхал сутки в Сарепте, оттуда пустился вниз к Черному Яру, Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25 ав-

густа на рассвете он настигнул Пугачева в *ста пяти* верстах от Царицына. Здесь Пугачев, разбитый в последний раз, бежал и в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Черноярска». Стр. 155 – 156.

Из сего описания видно, что Пугачев переплыл Волгу в 175 верстах *ниже* Царицына; а как между сим городом и Черноярoм считается только 155 верст, то из сего выходит, что он переправился через Волгу *ниже* Черноярa в 20 верстах. – По другим известиям, Пугачеву нанесен последний удар под самым Царицыном, откуда он бежал по дороге к Черноярy, и в сорока верстах от Царицына переправился через Волгу, то есть верстах в десяти ниже Сарепты.

Объяснение

Выписываю точные слова текста:

«Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон *ночью обошел его* и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Черноярска на четырех лодках и ушел на луговую сторону не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули».

Рецензент пропустил без внимания главное обстоятельство, поясняющее действие Михельсона, который *ночью обошел* Пугачева и, следственно, разбив его, погнал *не вниз, а*

вверх по Волге, к Царицыну. Таким образом мнимая нелепость моего рассказа исчезает. Не понимаю, каким образом военный человек и военный писатель (ибо г. Броневский писал военные книги) мог сделать столь опрометчивую критику на место столь ясное само по себе!

Критика г. Броневского

К VI главе 6 примечания недостает. См. 123 и 55 стр.

На карте не означено многих мест и даже городов и крепостей. Это чрезвычайно затрудняет читателя.

Объяснение

Цифр, означающий ссылку на замечание, есть опечатка.

Карта далеко не полна; но оная была необходима, и я не имел возможности составить другую, более совершенную.

Г-н Броневский заключает свою статью следующими словами:

«Сии немногие недостатки нимало не уменьшают внутреннего достоинства книги, и если бы нашлось и еще несколько ошибок, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною внимания публики».

Если бы все замечания моего критика были справедливы, то вряд ли книга моя была бы достойна внимания публики, которая вправе требовать от историка если не таланта, то добросовестности в трудах и осмотрительности в показаниях. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надеюсь, читатели согласятся, что *Тобольск* вместо *Табинск; в пятнадцати верстах* вместо *в пятидесяти верстах* и наконец *четыре фунта* вместо *четверти фунта* более походят на опечатки, нежели следующие errata,* которые где-то мы видели: *митрополит* – читай: *простой священник, духовник царский*; *зала в*

* Опечатки *(латин.)*.

тридцать саженей вышины – читай: *зала в пятнадцать аршин вышины*; *Петр I из Вены отправился в Венецию* – читай: *Петр I из Вены поспешно возвратился в Москву.*

Рецензенту, наскоро набрасывающему беглые замечания на книгу, бегло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек, таковое небрежение и легкомыслие были бы непростительны. Я должен был поступать тем с большею осмотрительностию, что в изложении военных действий (предмете для меня совершенно новом) не имел я тут никакого руководства, кроме донесений частных начальников, показаний казаков, беглых крестьян, и тому подобного, – показаний, часто друг другу противоречащих, преувеличенных, иногда совершенно ложных. Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in folio* разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою.

Сказано было, что «История пугачевского бунта» не открыла ничего нового, неизвестного. Но вся эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никем не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только с высочайшего соизволения. Взглянув на «Приложения к Истории пугачевского бунта», составляющие весь второй том, всякий легко удостоверится во множестве важных исторических документов, в первый раз обнародованных. Стоит упомянуть о собственноручных указах Екатерины II, о нескольких ее письмах, о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию – достоинствами столь редкими в наше время, о множестве писем знаменитых особ, окружавших Екатерину: Панина, Румянцова, Бибикова, Державина и других... Признаюсь, я полагал себя вправе ожидать от публики

* В лист *(лат.).*

благосклонного приема, конечно, не за самую «Историю пугачевского бунта», но за исторические сокровища, к ней приложенные. Сказано было, что историческая достоверность моего труда поколебалась от разбора г. Броневского. Вот доказательство, какое влияние имеет у нас критика, как бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь к г. Броневскому уже не как к рецензенту, но как к историку.

В своей «Истории Донского войска» он поместил краткое известие о Пугачевском бунте. Источниками служили ему: вышеупомянутый роман «Ложный Петр III», «Жизнь А. И. Бибикова» и наконец предания, слышанные им на Дону. О романе мы уже сказали наше мнение. «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова» по всем отношениям очень замечательная книга, а в некоторых и авторитет. Что касается до преданий, то если оные с одной стороны драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки и осмотрительности. Г-н Броневский не умел ими пользоваться. Предания, собранные им, не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажем и мы на *некоторые вымыслы* (к сожалению, не поэтические), на некоторые *недосмотры* и явные несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдот о Тотлебене, будто бы заметившем сходство между Петром III и Пугачевым, г. Броневский пишет: «Если анекдот сей справедлив, то можно согласиться, что слова сии, просто сказанные, хотя в то время не сделали на ум Пугачева большого впечатления, но впоследствии могли подать ему мысль называться императором». А через несколько страниц г. Броневский пишет: «Пугачев принял предложение яицкого казака Ивана Чики, более его дерзновенного, называться Петром III». – Противоречие!

Анекдот о Тотлебене есть вздорная выдумка. Историку не следовало о нем и упоминать и того менее – выводить из него какое бы то ни было заключение. Государь Петр III был дороден, белокур, имел голубые глаза; самозванец был

смугл, сухощав, малоросл; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем.

С т р. 98. «12 генваря 1773 раскольники (в Яицком городке) взбунтовались и убили как генерала (Траубенберга), так и своего атамана».

Не в 1773, но в 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач. бунта и пр.

С т р. 102. «Полковник Чернышев прибыл на освобождение Оренбурга и 29 апреля 1774 года сражался с мятежниками; губернатор не подал ему никакой помощи» и проч.

Не 29 апреля 1774 г., а 13 ноября 1773; в апреле 1774 года разбитый Пугачев скитался в Уральских горах, собирая новую шайку.

Г-н Броневский, описав прибытие Бибикова в Казань, пишет, что в то время (в январе 1774) *самозванец в Самаре и Пензе был принят народом с хлебом и солью.*

Самозванец в январе 1774 года находился под Оренбургом и разъезжал по окрестностям оного. *В Самаре он никогда не бывал, а Пензу взял уже после сожжения Казани*, во время своего страшного бегства, за несколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первые действия генерала Бибикова и медленное движение войск, идущих на поражение самозванца к Оренбургу, г. Броневский пишет: «Пугачев, умея грабить и резать, не умел воспользоваться сим выгодным для него положением. Поверив распущенным нарочно слухам, что будто от Астрахани идет для нападения на него несколько гусарских полков с донскими казаками, он долго простоял на месте, потом обратился к низовью Волги и чрез то упустил время, чтобы стать на угрожаемом нападением месте».

Показание ложное. Пугачев все стоял под Оренбургом и не думал обращаться *к низовью Волги.*

Г-н Броневский пишет: «Новый главноначальствующий граф Панин не нашел *на месте* (на каком месте?) всех нужных средств, чтобы утишить пожар мгновенно и не допустить распространения оного за Волгою».

Граф П. И. Панин назначен главноначальствующим, когда уже Пугачев переправился через Волгу и когда пожар уже распространился от Нижнего-Новагорода до Астрахани. Граф прибыл из Москвы в Керенск, когда уже Пугачев разбит был окончательно полковником Михельсоном.

Умалчиваю о нескольких незначащих ошибках, но не могу не заметить важных пропусков. Г-н Броневский не говорит ничего о генерал-майоре Каре, игравшем столь замечательную и решительную роль в ту несчастную эпоху. Не сказывает, кто был назначен главноначальствующим по смерти А. И. Бибикова. Действия Михельсона в Уральских горах, его быстрое, неутомимое преследование мятежников оставлены без внимания. Ни слова не сказано о Державине, ни слова о Всеволожском. Осада Яицкого городка описана в трех следующих строках: «Он (Мансуров) освободил Яицкий городок от осады и избавил жителей от голодной смерти: ибо они уже употребляли в пищу землю».

Политические и нравоучительные размышления*, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий.

Я не имел случая изучать историю Дона и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневского; прочитав ее, я не нашел ничего нового, мне не известного; заметил некоторые ошибки, а в описании эпохи мне знакомой – непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневский не имел

* Например: «Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные устрашить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий: добра и зла, то Емелька. Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какою адскою злобою может быть преисполнено его сердце. Если бы деяния Пугачева подвержены были малейшему сомнению, я с радостию вырвал бы страницу сию из труда моего».

ни средств, ни времени совершить истинно исторический памятник. «Тяжкая болезнь, — говорит он в начале “Истории Донского войска”, — принудила меня отправиться на Кавказ. Первый курс лечения пятигорскими минеральными водами хотя не оказал большого действия, но, по совету медиков, я решился взять другой курс. Ехать в Петербург и к весне назад возвращаться было слишком далеко и убыточно; оставаться на зиму в горах слишком холодно и скучно; итак, 15 сентября 1831 года отправился я в Новочеркасск, где родной мой брат жил по службе с своим семейством. Осьмимесячное мое пребывание в городе Донского войска доставило мне случай познакомиться со многими почтенными особами Донского края» и проч. «Впоследствии уверившись, что в словесности нашей недостает истории Донского войска, имея досуг и добрую волю, я решился пополнить этот недостаток» и проч.

Читатели г. Броневского могли, конечно, удивиться, увидя вместо статистических и хронологических исследований о казаках подробный отчет о лечении автора; но кто не знает, что для больного человека здоровье его не в пример занимательнее и любопытнее всевозможных исторических изысканий и предположений! Из добродушных показаний г. Броневского видно, что он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги.

ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНЫ*

(1831)

Sous le nom d'Ukraïne ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réunie au colosse da la Russie et que comprend les gouvernements de Tchernigov, Kiov, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk.

Le climat y est doux, la terre féconde, elle est boisée vers l'occident, au midi s'étendent plaines immenses traversées par les larges rivières et où le voyageur ne rencontre ni bois ni collines.

Les Slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée. Les villes de Kiov, Tchernigov et Lubetch sont aussi anciennes que Novgorod-Veliki, ville libre et commerçante, dont la fondation remonte aux premiers siècles de notre ère.

---

* См. перевод:

Украиной, или Малороссией, называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, пересекаемые широкими реками, где путешественник не встретит ни леса, ни холма.

Славяне с незапамятных времен населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры.

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи – на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи – на берегах Сожа, дреговичи – между Западной Двиной и Припятью, древляне – в Волыни, бужане и дулебы – по Бугу, лутичи и тиверцы – у устьев Днестра и Дуная.

К середине девятого века Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-руссов. Эти предприимчивые удальцы, вторгаясь

далее в глубь страны, подчинили себе одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-руссы стали грозой Восточной Римской империи, и не раз их варварский флот появлялся угрозой у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклонники Перуна услышали проповедь Евангелия, и Владимир принял крещение. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем.

Русские, наводившие ужас на отдаленные народы, сами постоянно подвергались нападениям соседних племен: болгар, печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли, завоеванные его предками.

Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно свое значение. Тем временем в южной России возникли другие города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецк и Вострецк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Новгород-Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира Великого занимались раздорами и воинственные племена, обитавшие к востоку от Черного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им предшествовали все те же половцы, прогнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьям, которым раньше они служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамена. Один только Юрий, великий князь Владимирский, не пожелал принять участие в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, продвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз против половцев, но последние употребили все свое влияние, и послы были перебиты. Войска продвигались все дальше, между тем не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь Киевский и князь Галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав Галицкий перешел ее со своим войском, в то время как остальная армия, под начальством князя Киевского, укрепилась на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 года) враг

Les Polianes habitaient les bords du Dnièpre, les Severiens et les Soulitches les bords de la Desna, de la Seme et du Soula, les Radimitchs sur les rivages de la Soge, les Dregovitches entre la Dvina occidentale et le Pripete, les Drevliens en Volynie; les Bouges et les Doulèbes sur le Boug, les Loutichs et les Tiverces à l'embouchure du Dniestre et du Danube.

Vers le milieu du 9 siècle Novgorod fut conquise par les Normands, connus sous les noms de Varègues-Rousses. Ces hardis aventuriers portèrent plus loin leur invasion, subjuguèrent tour à tour les peuplades qui habitaient les bords du Dnièpre, du Boug, de la Desna. Les différentes peuplades Slaves qui adoptèrent le nom de Russes grossirent l'armée de leurs vainqueurs. Ils s'emparèrent de Kiov; Oleg y établit le siège de sa domination.

Les Varègues-Rousses se rendirent terribles au Bas-Empire et plus d'une fois leur flotte barbare vint menacer la riche et faible Byzaace. Ne pouvant les repousser par la force des armes elle se flatta de les attacher au joug de la religion – l'évangile fut prêché aux sauvages adorateurs de Peroune et Vladimir subit le baptême. Ses sujets adoptèrent avec une stupide indifférence la religion que préférait leur Chef.

Les Russes devenues formidables aux peuples les plus éloignés étaient toujours en butte aux invasions de leurs voisins les Bol-

появился, и началась битва между татарскими войсками и передовым отрядом, состоявшим из войск князя Галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те еще сражались воодушевляемые примером храброго Даниила Волынского, но безрассудная гордость князей была причиной их гибели. Мстислав Киевский не посылал подкрепления князю Галицкому, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы поскорее их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя Киевского, который, оставаясь неподвижным зрителем их поражения, еще рассчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые скоро его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись ужасной участи: татары связали их и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо. Так погибло войско, еще недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Северского, предавая все огню и мечу. Внезапно победители остановились, и их орда ушла на восток, где она соединилась с великой армией Чингисхана, стоявшей в то время в Бухаре *(франц.)*.

gars, les Petchenegues et les Polovtsi. Vladimir partagea entre ses fils les conquêtes de ses ancêtres.

Ces princes dans leurs apanages étaient des délégués du souverain, chargés de contenir les émeutes et de repousser l'ennemi. Ce n'était pas là comme on voit le gouvernement féodal, système basé sur indépendance des individus et le droit égal au butin. Mais bientôt les rivalités, les divisions éclatèrent et pendant plus de deux cents ans durèrent sans interruption. La résidence du souverain fut transférée dans la ville de Vladimir. Tchernigov et Kiov perdirent peu à peu leur importance. Cependant d'autres villes s'élevèrent au midi de la Russie: Korsoune et Boguslave sur la Rossi: (gouvernement de Kiov), Starodub sur le Babentza (gouvernement de Tchernigov), Strezk et Bostrezk (gouvernement de Tchernigov), Tripol (près de Kiov), Loubny et Chorol (gouvernement de Poltava), Prilouk (gouvernement de Poltava), Novgorod-Seversky (gouvernement de Tchernigov). Toutes ces villes existaient déjà vers la fin du XIII siècle.

Tandis que les petits fils de Vladimir le Grand se disputaient entre eux son héritage, et que les peuplades guerrières qui habitaient à l'Est de mer Noire venaient servir d'auxiliaires aux uns et partager les dépouilles des autres – un fléau inattendu vint frapper les princes et les peuples de la Russie.

Les Tartares se présentèrent aux frontières de la Russie. Ils étaient précédés de ces mêmes Polovtsi qui chassés de leurs patûrages se refugiaient en foule auprès des princes qu'ils avaient tour à tour servis et dépouillés. Les princes s'assemblèrent à Kiov, la guerre y fut résolue, la multitude accourut de toute part et se rangea sous leurs drapeaux. Georges, grand prince de Vladimir, fut le seul qui ne voulut pas prendre sa part des dangers de cette expédition. L'affaiblissement des apanages était les fruits qu'il en attendait.

L'armée des princes réunie aux Polovtsi s'avança contre un ennemi inconnu et déjà redoutable. Des envoyés Tartares parurent sur les bords du Dnièpre au moment où l'armée russe en effectuait le passage. Ils proposèrent aux princes l'alliance contre les Polovtsi; mais ceux-ci usèrent de leur influence et les envoyés furent égorgés. L'armée avançait toujours; cependant les dissentions ne tardèrent

pas à s'y élever. Les deux Mstislav, le prince de Kiov et celui de Galitz en vinrent à une rupture ouverte. Arrivé sur les bords de Kalka (rivière du gouvernement de Iekaterinoslav) Mstislav de Galitz le passa avec ses troupes, tandis que le reste de l'armée sous la conduite du prince de Kiov se retrancha sur le bord opposé. Le lendemain (31 mai 1224) l'ennemi parut – et la bataille s'engagea entre l'armée tartare et le corps avancé composé des troupes du prince de Galitz et des Polovtsi. Ceux-ci plièrent d'abord et portèrent le désorde dans les rangs des Russes. Ceux-ci combattaient encore, animés par l'exemple du brave Daniel de Volynie, mais l'orgueil insensé des princes fut cause de leur perte: Mstislav de Kiov n'envoya pas de secours au prince de Galitz et celui ne voulut pas en demander.

Bientôt tout fut en déroute, les Polovtsi en fuyant tuaient les Russes pour les dépouiller à la hâte. Les Russes repassèrent le Kalka poursuivis par les Tartares et dépassèrent le camp du prince de Kiov qui, spectateur immobile de leur défaite, comptait encore sur ses propres forces pour repousser les vainqueurs qui bientôt l'entourèrent. Les Tartares entamèrent une négociation à la faveur de laquelle ils s'emparèrent du camp. Le carnage fut horrible. Mstislav et quelques autres princes subirent un sort affreux. Les Tartares, après les avoir liés et couchés par terre, les couvrirent d'une planche et s'assirent dessus en écrasant tout vifs. Ainsi périt une armée naguère si formidable. Les Russes furent poursuivis jusqu'à Tchernigov et Novgorod-Seversky. Tout fut livré aux fer et aux flammes. Tout à coup les vainqueurs s'arrêtèrent et leurs hordes se retirèrent vers l'Est où ils rejoignirent la grande armée de Tchingis-han campée alors en Bukharie.

О РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

(1822)

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе*.

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон**.

* Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы. *(Прим. Пушкина.)*

** История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких[3] и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III о вольности дворян, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни

кн. Долгоруким[1], и письмо с берегов Прута[2] приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. *(Прим. Пушкина.)*

заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделил с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными, победами в северной Турции*.

Униженная Швеция и уничтоженная Польша – вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест государства**, об обезьяне графа Зубова[4], о кофейнике князя Кутузова[5] и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения во-

* *Бесплодными,* ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турцией и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот. *(Прим. Пушкина.)*

** Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать е... м... *(Прим. Пушкина.)*

все неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства[6], а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку – а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешел из рук Шешковского* в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами[7] – и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное свя-

* Домашний палач кроткой Екатерины. *(Прим. Пушкина.)*

тыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. Екатерина знала все это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь[8] за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*[*].

2 августа 1822 г.

* Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою. *(Перевод Пушкина.)*

ВТОРОЙ ТОМ «ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА» Н. А. ПОЛЕВОГО

(1830)

1

Противуречия и промахи, указанные в разных журналах, доказывают, конечно, не невежество г. Полевого (ибо сих обмолвок можно было избежать, дав себе время подумать или справиться), но токмо непростительную опрометчивость и поспешность. Презрение, с каковым г-н Полевой отзывался в своих примечаниях о Карамзине, издеваясь над его трудом, оскорбляло нравственное чувство уважения нашего к великому соотечественнику. Но сия опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому во мнении малого числа просвещенных и благоразумных читателей, ибо они поколебали, если не вовсе уничтожили, доверенность, которую обязан он был им внушить. Теперь мы читаем «Историю русского народа», не полагаясь на добросовестность труда и верность разысканий, – но на каждое слово невольно требуем подтверждения постоянного, если не имеем терпения или способов справляться сами. «История русского народа» состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа.

Несмотря на сии недостатки «История русского народа» заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB. Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальному и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований.

Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым.

1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее противуречий и многоречия.

2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее.

3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому.

II том начинается взглядом на всеобщее состояние Европы в XI столетии.

2

Г-н Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около.

Он видит, что Россия была совершенно отделена от Западной Европы. Он предчувствует тому и причину, но вскоре желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его. – Он видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом) и в сем феодализме средство задушить феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России. Дело в том, что в России не было еще феодализма, как пэры Карла не суть еще бароны феодальные, а были уделы, князья и их дружина; что Россия не окрепла и не развилась во время княжеских драк (как энергически назвал Карамзин удельные междоусобия), но, напротив, ослабла и сделалась легкою добычею татар; что аристократия не есть феодализм и что аристократия, а не

феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка. Объяснимся.

Феодализм частность.

Аристократия общность.

Феодализма в России не было. Одна фамилия, варяжская, властвовала независимо, добиваясь великого княжества.

Феодальное семейство одно (vassaux).

Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий,

не сосредоточиваясь в малом семействе,

не враждуя противу королей,

не продавая своей помощи городам.

Но

они были вместе,

придворные товарищи об их правах заботились,

составили союз,

считались старшинством,

крамольничали.

Великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить.

Аристократия стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междуцарствие она возросла до высшей степени. Она была наследственная – отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом. Не Феодор, но Языков, то есть меньшое дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле придворного чина, но в смысле аристократии.

Феодализма у нас не было, и тем хуже.

3

История древняя кончилась Богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя

есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы! Зачем же г-н Полевой за несколько страниц выше повторил пристрастное мнение XVIII столетия и признал концом древней истории падение Западной Римской империи – как будто самое распадение оной на Восточную и Западную не есть уже конец Рима и ветхой системы его?

Гизо[1] объяснил одно из событий христианской истории: *европейское просвещение.* Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, все постороннее, случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и, наконец, рассветающие века. Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада. Не говорите: *иначе нельзя было быть.* Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия провидения. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное развитие России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка.

ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ
(1830–1834)

1

Attentat de Феодор[1)] – Lâcheté delà haute noblesse (между прочим и моего пращура Никиты Пушкина).

Pierre I – son *Указ de 1714*[2)]. Les rangs – chute de la noblesse[3)] – opposition de Dolgorouky[4)] (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III[5)] – *истинная причина дворянской грамоты*. Екатерина – Alexandre – Новосильцев, Чарторижский – Кочубей[6)]. Spéransky, popovitch turbulent et ignare[7)].

Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident. – Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La Révolution incarnée.)

La haute-noblesse n'étant pas héréditaire (de fait) elle est donc *noblesse à vie*; moyen d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de haute-noblesse est une garantie de son indépendance – le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces[*].

---

* Покушение Феодора... – Трусость высшего дворянства... – Петр I. Его указ 1714 г. – Чины. – Падение дворянства. Оппозиция Долгоруких (нелепая, вроде оппозиции Панина) . Петр III... – Александр... – Сперанский, прыткий и безвестный попович.

Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. – Петр I – одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

2

Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, то есть награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какою целию? с целию иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain* – образ жизни, то есть неремесленный или земледельческий – ибо все сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник – от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? нужно. Чему учится дворянство? независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. – Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde** трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

Кто составляет дворянство в республиках? богатые люди, которыми народ кормится.

А в государствах? военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем *кончится* дворянство в республиках? Аристократическим правлением. А в государствах? рабством народа, a = b.

Высшее дворянство не потомственное (фактически). Следовательно, оно пожизненное; деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией или, вернее, с низким и дряблым деспотизмом. Деспотизм; жестокие законы и мягкие нравы *(франц.).*

* монарха *(франц.)*

** оплот *(франц.)*

Что составило в России древнюю аристократию? – Варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего г. *Полевой* говорит[8)], что они были наравне со *смердами*? Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время силы нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? при Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин.) Было ли зло местничество? натурально ли оно? везде ли существовало оно? зачем уничтожено было оно? и было ли оно в самом деле уничтожено? *Петр.* Уничтожение дворянства чинами. Майоратства – уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? восшествие Екатерины II, 14 декабря, и т. д.

3

Русское дворянство что ныне значит? какими способами делается дворянин? что из этого следует? Глубокое презрение к сему званию. Дворянин помещик. Его влияние и важность – рекрутство. Права. Дворянин в службе – дворянин в деревне. Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

КАРАМЗИН

(1835)

.....лены печатью вольномыслия[1)].

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянье; но через 6 недель я выздоровел. Сия болезнь[2)] оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто; их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления – одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окны так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своей прелестию. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов «Русской истории» Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моему выздо-

ровлению, я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова «Истории» Карамзина. Одна дама[3)], впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: *«“Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...” Однако!..* Зачем не *но? Однако!* как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!»* – В журналах его не критиковали. Каченовский[4)] бросился на одно предисловие.

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина – зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты* «Русской истории»[5)] свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал «Историю» свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностию историка, он везде ссылался на источники – чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев[6)], молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов[7)] в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале «Истории» не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, то есть требовал романа в

истории – ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*, – конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм[8)]; это не лучшая черта моей жизни.

…Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы[9)]. Оспоривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Скоро Карамзину стало совестно и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сегодня сказали на меня, чего ни Шихматов, ни Кутузов[10)] на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства[11)] только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск[12)] и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

ДЕРЖАВИН

(1835–1836)

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: «Где, братец, здесь нужник?» Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, когда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...

«НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ Я НЕ ХОТЕЛ БЫ ПЕРЕМЕНИТЬ ОТЕЧЕСТВО ИЛИ ИМЕТЬ ДРУГУЮ ИСТОРИЮ»

*(Письмо П. Я. Чаадаеву**
19 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву)

19 окт.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение Церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была

* Перевод с франц. – *Прим. изд.*

достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Дей-

ствительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, что равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № «Современника»? Статья «Вальтер» и «Джон Теннер» – мои, Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова и Раевского, передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане? *(франц.)*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ

ПОЛТАВА
(1828–1829)

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

*Byron**

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе – но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе –
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

* Мощь и слава войны,
Как и люди, их суетные поклонники,
Перешли на сторону торжествующего царя.
Байрон (англ.)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей[1].
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора[2]
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей[3].

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной

В младой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девицей скромной и разумной.
За то завидных женихов
Ей шлет Украйна и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ – и вот
За ней сам гетман сватов шлет[4].

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,
Орла послыша тяжкий лёт;
Одна в сенях невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем,
К ней мать идет и, с содроганьем

Схватив ей руку, говорит;
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев как неживая,
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи – и ни слова
Не говорит. Отец и мать
Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горесть разогнать,
Тревогу смутных дум устроить...
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стеня,
Мария не пила, не ела,
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шепот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,

Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.
Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томилась тайно, воздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала;
Зачем так тихо за столом
Она лишь гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала
Те песни, кои он слагал[5],
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звон литавр, и клики
Пред бунчуком и булавой
Малороссийского владыки[6]...

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.

Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданый и кровавый
Задал ей шведский паладин[1)].
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг[2)],
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг[7].

Украйна глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины

Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украйну,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? юноши твердили, –
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко[8],
Иль Самойлович молодой[9],
Иль наш Палей[10], иль Гордеенко[11]
Владели силой войсковой;
Тогда б в снегах чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки»[12].

Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен[3)],
Богдана счастливые споры;[4)]

Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый,
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды

С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирал;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! –
Скрежеща мыслит Кочубей, –
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полну наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни
Как солью, хлебом и елеем,
Делились чувствами они.

Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы
Наедине вели они –
Пред Кочубеем гетман скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но, в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит –
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна,
Но он и дочери прощает:
Пусть Богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо и закон...»

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.
Во всем открылся он жене[13]:

Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копит,
И, гнева женского полна,
Нетерпеливая жена
Супруга злобного торопит.
В тиши ночей, на ложе сна,
Как некой дух, ему она
О мщеньи шепчет, укоряет,
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует – и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра[14] заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.

Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Мариин огласился
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила,
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.
. . . . . .

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как сткло булат его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже –
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,

Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
За тем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Неужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный езуит[15]
Мятеж народный учреждает
И шаткой трон ему сулит.
Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр универсалов[16],
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.
Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик[17], гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным[18] мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрой подымает[5]
Он на Москву Бахчисарай.

Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;
Он, думой думу развивая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним незапно грянул
Упадший гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские послали[19]
В Полтаве писанный донос
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает Бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу[20]

С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана[21]
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!..»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей[22]...

Чьей казни?.. старец непреклонный!
Чья дочь в объятиях его?
Но хладно сердца своего
Он заглушает ропот сонный.
Он говорит: «В неравный спор
Зачем вступает сей безумец?
Он сам, надменный вольнодумец,
Сам точит на себя топор.
Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупит.
Любовник гетману уступит,
Не то моя прольется кровь».

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия

Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
К душе свирепой и развратной
Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?
Его кудрявые седины,
Его глубокие морщины,
Его блестящий, впалый взор,
Его лукавый разговор
Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном постланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старик заворожил,
Своими тихими речами
В тебе он совесть усыпил;
Ты на него с благоговеньем
Возводишь ослепленный взор,
Его лелеешь с умиленьем –
Тебе приятен твой позор,
Ты им, в безумном упоенье,
Как целомудрием горда –
Ты прелесть нежную стыда
В своем утратила паденье...

Что стыд Марии? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль

Порой, как туча, затмевает:
Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И, мнится, пеням их внимает...
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украйна!
Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами.
Мария нежными очами
Глядит на старца своего.
Она, обняв его колени,
Слова любви ему твердит.
Напрасно: черных помышлений
Ее любовь не удалит.
Пред бедной девой с невниманьем
Он хладно потупляет взор
И ей на ласковый укор
Одним ответствует молчаньем.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встает она
И говорит с негодованьем:

«Послушай, гетман: для тебя
Я позабыла все на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастие мое,

Но ни о чем я не жалею...
Ты помнишь: в страшной тишине,
В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»

Мазепа

Мой друг, несправделива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

Мария

Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;
Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разъездах – я забыта;
Ты долгой ночью иль один,
Иль с нищим, иль у езуита;
Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

Мазепа

И ты
Ревнива? Мне ль, в мои лета
Искать надменного привета

Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,
Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?

Мария

Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.

Мазепа

Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.

Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам приспело;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украйне быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,
Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.

Чрез руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?

Мария

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоим сединам как пристанет
Корона царская!

Мазепа

Постой.
Не все свершилось. Буря грянет;
Кто может знать, что ждет меня?

Мария

Я близ тебя не знаю страха –
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.

Мазепа

А если плаха?..

Мария

С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.

Мазепа

Меня ты любишь?

Мария

Я! люблю ли?

Мазепа

Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?

Мария

Милый друг,
К чему вопрос такой? тревожит
Меня напрасно он. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может
(Какая страшная мечта!)
Моим отцом я проклята,
А за кого?

Мазепа

Так я дороже
Тебе отца? Молчишь...

Мария

О Боже!

Мазепа

Что ж? отвечай.

Мария

Реши ты сам.

Мазепа

Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,

А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

Мария

Ах, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.

Мазепа

Отвечай!

Мария

Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова
Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.

Мазепа

Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом;
Но в замке шепот и смятенье.

В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленье,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Заутра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, Боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть
Как бессловесное созданье,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь – и с нею честь,
Друзей с собой на плаху весть,
Над гробом слышать их проклятья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд и мирный сон,
И все, чем в жизни насладился,
Что добровольно бросил он,
И для чего? –

Но ключ в заржавом
Замке гремит – и, пробужден,

Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую Кровь и Тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всесильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним.
И, отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
«Ты здесь, жестокой человек?
Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?»

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.

Орлик

Еще признанья
Пан гетман требует.

Кочубей

Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?

Орлик

Мы знаем,
Что ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке[23] укрываем.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имение сполна
В казну поступит войсковую –
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орлик

Старик, оставь пустые бредни:
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,
Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?

Кочубей

Злой холоп!
Окончишь ли допрос нелепый?
Повремени: дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам все расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня в покое.

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? – Деньги где? скажи,
Иль выйдет следствие плохое.
Подумай: место нам назначь.
Молчишь? – Ну, в пытку. Гей, палач![24]
Палач вошел...
О ночь мучений!
Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?

В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,
Близь ложа крестницы младой
Сидит с поникшею главой
Мазепа тихий и угрюмый.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чем ближе
Цель гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клеврет
Умрут». Но брося взор на ложе,
Мазепа думает: «О Боже!
Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое –
Но тайна быть сохранена
Не может долее. Секира,
Упав поутру, загремит
По всей Украйне. Голос мира
Вокруг нее заговорит!..
Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цены себе не знает,
Все, все, чем жизнь мила бывает,
Бедняжка принесла мне в дар,

Мне, старцу мрачному, – и что же?
Какой готовлю ей удар!»
И он глядит: на тихом ложе
Как сладок юности покой!
Как сон ее лелеет нежно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь,
Мазепа отвращает взгляд,
Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Но мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стон
Как бы из замка слышит он.
То был ли сон воображенья,
Иль плач совы, иль зверя вой,
Иль пытки стон, иль звук иной –
Но только своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик
Другим ответствовал – тем криком,

Которым он в весельи диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем[6)],
И – с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощ и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
Дремой объятая, и слышит
Сквозь легкой сон, что кто-то к ней
Вошел и ног ее коснулся.
Она проснулась – но скорей
С улыбкой взор ее сомкнулся
От блеска утренних лучей.
Мария руки протянула
И с негой томною шепнула:
«Мазепа, ты?..» Но голос ей
Иной ответствует... о Боже!
Вздрогнув, она глядит... и что же?
Пред нею мать...

Мать

Молчи, молчи;
Не погуби нас: я в ночи
Сюда прокралась осторожно
С единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возможно.
Спаси отца.

Дочь, *в ужасе*

Какой отец?
Какая казнь?

Мать

Иль ты доныне
Не знаешь?.. нет! ты не в пустыне,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила гетмана грозна,
Как он врагов своих карает,
Как государь ему внимает...
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершают суд свирепый,
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор...
Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись, дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвесть.
Рвись, требуй – гетман не откажет:
Ты для него забыла честь,
Родных и Бога.

Дочь

Что со мною?
Отец... Мазепа... казнь – с мольбою
Здесь, в этом замке мать моя –
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

Мать

Бог с тобою,
Нет, нет – не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донес...
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред громадой войсковою,
Когда его не осенит
Десница вышняя Господня,
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покаместь он сидит
В тюремной башне.

Дочь

Боже, боже!..
Сегодня! – бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачут сердюки[25].
В строях ровняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой намост.

На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремучий говор все слилось:
Крик женской, брань, и смех, и ропот.
Вдруг восклицанье раздалось,
И смолкло все. Лишь конской топот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный гетман с старшинами
Скакал на вороном коне.
А там по киевской дороге
Телега ехала. В тревоге
Все взоры обратили к ней.
В ней, с миром, с небом примиренный,
Могущей верой укрепленный,
Сидел безвинный Кочубей,
С ним Искра тихий, равнодушный,
Как агнец, жребию послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликов громогласных.
С кадил куренье поднялось.
За упокой души несчастных
Безмолвно молится народ,
Страдальцы за врагов. И вот
Идут они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат. Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.
Зарделась кровию трава –

И, сердцем радуясь во злобе,
Палач за чуб поймал их обе
И напряженною рукой
Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный
Идет, рассыпавшись, домой
И про свои заботы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили полные боязни.
«*Уж поздно*», – кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намост ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой
Мазепа, грозен, удалялся
От места казни. Он терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто к нему не приближался,
Не говорил он ничего;
Весь в пене мчался конь его.
Домой приехав, «что Мария?»
Спросил Мазепа. Слышит он
Ответы робкие, глухие...
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста –

Он в сад, и там смятенный бродит;
Но вкруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сеней безмятежных
Все пусто, нет нигде следов –
Ушла! – Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.
Они бегут. Храпят их кони –
Раздался дикий клик погони,
Верхом – и скачут молодцы
Во весь опор во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слыхал,
Зачем и как она бежала...
Мазепа молча скрежетал.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яд нося,
В светлице гетман заперся.
Близь ложа там во мраке ночи
Сидел он не смыкая очи,
Нездешней мукою томим.
Поутру, посланные слуги
Один явились за другим.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито –
Но ни один ему принесть
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно в даль
Вождю Украйны не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.
Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бренный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины,
И на коварные седины
Елей таинственный течет.

Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил
Готовя шведам тризну тайну.
Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украйну.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.

Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет – и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал[7)],
Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здрав, и молод стал.

И весть на крыльях полетела.
Украйна смутно зашумела:
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет
Негодованье, гнев царя?[26]
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат[27].
На шумной раде, в вольных спорах
Другого гетмана творят.
С брегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украйну едет в царский стан.
Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель[28] смелый
И запорожский атаман[8)].

И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины.
Они как буря притекли –
И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли.
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И злобясь видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: заутра бой.
Глубокой сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной
Ведется шепотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкой и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? Дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкой и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать[29],

Ответствовать на бомбу смехом[30];
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью стану;
Свалить как нынче казака
И обменять на рану рану[31];
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит –
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлекся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастием побед,
Как дева робкая».

Орлик

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовом

Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее – как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листах его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова как во дни былые
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.
    Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

    Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,

Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкой Шлипенбах[9].
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.

Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се – равнину оглашая
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин[10)],
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин[11)].

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.
Уж на коня не вскочит он,
Одрях, в изгнанье сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,

И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?
Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского[12)] в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит[32].
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,

И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен
И славы полон взор его.
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званый гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?[33]

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом
Степей широкой полукруг,
С ним старый гетман скачет рядом.

Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он стороной во весь опор?
Иль этот запустелый двор,
И дом, и сад уединенный,
И в поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутил, бывало, за столом?
Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью тёмной
Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Щадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул как под топором...
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,

Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

Мария

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

Мазепа

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

Мария

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову – творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья – видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня пугать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой
Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, – говорит она, –
Я помню поле... праздник шумный...

И чернь ... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?... С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж поздно.
Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!..»

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает.»
Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет – и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколенье миновалось –
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране – где мельниц ряд крылатый[13)]
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, –
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор!
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор.
Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила[34].
Цветет в Диканьке древний ряд

Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемою тьмою
От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судия, один из предков нынешних графов.

[2] *Хутор* – загородный дом.

[3] У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

[4] Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

[5] Предание приписывает Мазепе несколько песен, доныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении.

[6] *Бунчук* и *булава* – знаки гетманского достоинства.

[7] См. *Мазепу* Байрона.

[8] Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

[9] Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I.

[10] Симеон Палей, хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

[11] Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

[12] 20000 казаков было послано в Лифляндию.

[13] Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная.*

[14] Искра, полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь.

[15] Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украйну и обратно.

[16] Так назывались манифесты гетманов.

[17] Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

[18] Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.

[19] Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей.

[20] В 1705 году. Смотр. примечания к «Истории Малороссии» Бантыша-Каменского.

[21] Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

[22] В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

[23] Деревня Кочубея.

[24] Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

[25] Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

[26] Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украйну в повиновении.

«1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского.

8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и переяславский архиепископы.

А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы вынесли и, сняв

кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили.

В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...» (*Журнал Петра Великого*).

[27] Малороссийское слово. По-русски – *палач*.

[28] Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова.

[29] В Дрезден к королю Августу. См.: *Voltaire. Histoire de Charles XII.*

[30] – Ах, ваше величество! бомба!.. – «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктуют? пиши». Это случилось гораздо после.

[31] Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

[32] Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. *Ибо* (сказано в Журнале Петра Великого) *непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута.* Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым.

[33] L'Empereur Moscovite, pénétre d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler, (было о чем и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?. . . . . Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! – Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. – Vous, Messieurs les genéraux Suèdois, reprit le Czar. – Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant mailtraité ses maîtres*.

---

* Московский император, проникнутый радостью, которую он не отдавал себе труда скрывать... принимал на поле битвы пленников, которых ему приводили толпой, и то и дело спрашивал: «А где же мой брат Карл?».....

...Тогда, взяв стакан вина, он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его, кого он почтил таким славным титулом. «Вас, господа шведские генералы», – ответил царь. «В таком случае ваше величество очень неблагодарны, – ответил граф, – вы так дурно обошлись со своими учителями» (*франц.).*

[34] Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о нас невѣдущиій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понеже нам страсть и смерть повѣлѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу,
Злуданьем Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны зоставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь Обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены».

БОРИС ГОДУНОВ

(1831)

Драгоценной для россиян
памяти
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА
КАРАМЗИНА
сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностию
посвящает

Александр Пушкин

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

(1598 года, 20 февраля)

Князья Шуйский и Воротынский.

Воротынский

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,

Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там – а там он будет нами править
По-прежнему.

Воротынский

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул все мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Шуйский

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил –
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

Воротынский

Не чисто, князь.

Шуйский

А что мне было делать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,

А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрашит.
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский

Да, кажется.

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский

Да, боле,
Чем Годунов.

Воротынский

Ведь в самом деле!

Шуйский

Что ж?
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Шуйский
(глядит в окно)

Он смел, вот все – а мы..... Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад –
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Народ.

Один

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Другой

О Боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Третий

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решенье Думы.

Народ

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш – слушайте!

Щелкалов
(с Красного крыльца)

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвижется; а с ним синклит, бояре,

Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирою Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с Богом по домам,
Молитеся – да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ
НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

Народ.

Один

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Другой

Что слышно?

Третий

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба
(с ребенком)

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

Один

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Первый

Право, любо!

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?
Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Народ
(на коленах. Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один
(тихо)

О чем там плачут?

Другой

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба
(с ребенком)

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(Бросает его об земь. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,
Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюнёй помажу.
Что там еще?

Первый

Да кто их разберет?

Народ

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, патриарх, бояре.

Борис

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам –
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Бояре

Не изменим присяге, нами данной.

Борис

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,

А там – сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

(Уходит, за ним и бояре.)

Воротынский
(останавливая Шуйского)

Ты угадал.

Шуйский

А что?

Воротынский

Да здесь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйский

Нет, не помню ничего.

Воротынский

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...

Шуйский

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот – народ приветствует царя –
Отсутствие мое заметить могут –
Иду за ним.

Воротынский

Лукавый царедворец!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ
(1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен
(пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду –
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною –
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,

Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает –
Еще одно, последнее сказанье.
(Пишет.)

Григорий
(пробуждается)

Все тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лампадой
Старик сидит да пишет – и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новогородском вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен

Проснулся, брат.

Григорий

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Григорий

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилося, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось –
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

Пимен

Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне – если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи –
Мой старый сон не тих, и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,

Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим насладился;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь – вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,

Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл,
Вы все – обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святый отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася.
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святый владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты

Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял –
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий

Давно, честный отец,
Хотелось мне спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен

Ох, помню!
Привел меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж – а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» – раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,

И чудо – вдруг мертвец затрепетал –
«Покайтеся!» – народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись – и назвали Бориса.

Григорий

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен

Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны –
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.
(Уходит.)

Григорий

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, –

А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриарх

И он убежал, отец игумен?

Игумен

Убежал, святый владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далася ему не от Господа Бога...

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд диавольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно

будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!..* Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святый владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Два стольника.

Первый

Где государь?

Второй

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи.—
Все ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадает он?

Второй

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый

Как он угрюм!

Уходят.

Царь
(входит)

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной –
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать –
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огнь их домы истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком –
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. –
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелося,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы;
Григорий Отрепьев, мирянином; хозяйка.

Хозяйка

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам

Чем Бог пошлет, хозяюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

Мисаил

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Григорий

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка
(входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил

Спасибо, родная, Бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:
Как во городе было во Казани...

Варлаам
(Григорию)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий

Не хочу.

Мисаил

Вольному воля...

Варлаам

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим – нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий

Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь: и я порой складно говорить умею.

Варлаам

А что мне про себя разуметь?

Мисаил

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, – да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

(Пьет и поет: «Молодой чернец постригся».)

Григорий
(хозяйке)

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий
(про себя)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка

А Господь его ведает, вор ли, разбойник – только здесь и добрым людям нынче прохода нет – а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обирают нас бедных.

(Слышен шум.)

Что там еще? ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего – чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

(Входят приставы.)

Пристав

Здорово, хозяйка!

Хозяйка

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав
(другому)

Ба! да здесь попойка идет: будет чем поживиться. (*Монахам.*) Вы что за люди?

Варлаам

Мы Божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

Пристав
(Григорию)

А ты?

Мисаил

Наш товарищ...

Григорий

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

Мисаил

Так ты раздумал...

Григорий
(тихо)

Молчи.

Пристав

Хозяйка, выставь-ка еще вина – а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав
(тихо)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

Первый

Молчи, сейчас до них доберемся. – Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. – Ох плохо, знать пришли наши последние времена...

Хозяйка
(плачет)

Господь помилуй и спаси!

(В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.)

Первый пристав

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Подай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слыхал ли ты это?

Мисаил

Не слыхал.

Пристав

Не слыхал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав
(Варлааму)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав
(Мисаилу)

А ты?

Мисаил

Не умудрил Господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник – ты.

Мисаил

Я! помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий
(выступает вперед)

Я грамотный.

Пристав

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий

У нашего пономаря.

Пристав
(дает ему указ)

Читай же вслух.

Григорий
(читает)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаво-

лом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...»

Пристав
(Мисаилу)

Как же не ты?

Григорий

«И царь повелел изловить его...»

Пристав

И повесить.

Григорий

Тут не сказано повесить.

Пристав

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Григорий

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду... (*смотря на Варлаама*) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

(Все глядят на Варлаама.)

Первый пристав

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам
(вырывая бумагу)

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? – как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. *(Читает по складам.)* «А лет е-му от-ро-ду... 20». – Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав
(Григорию)

Да ты, брат, видно, забавник.

(Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.)

Варлаам
(продолжает)

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

(Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.)

Приставы

Держи! держи!

(Все бегут в беспорядке.)

МОСКВА. ДОМ ШУЙСКОГО

Шуйский, множество гостей. Ужин.

Шуйский

Вина еще.

(Встает, за ним и все.)

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Мальчик

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной – а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;
И царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

Шуйский
(пьет)

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.

(Гости уходят, он провожает их до дверей.)

Пушкин

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Шуйский
(слугам)

Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать. Сбирайте со стола да ступайте вон. Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин

Чудеса да и только.
Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Шуйский

Ну.

Пушкин

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает.)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Шуйский

Да это уж не ново.

Пушкин

Погоди:
Димитрий жив.

Шуйский

Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

Пушкин

Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Шуйский

Не может быть.

Пушкин

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Шуйский

Кто ж он такой? откуда он?

Пушкин

Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Шуйский

Что ж говорят об этом удальце?

Пушкин

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Шуйский

Все это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольно.
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Пушкин

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,

Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнанье.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Все языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместиях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! – Не то, в Приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Шуйский

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

Пушкин

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

Шуйский

Прощай, брат, до свиданья.
(Провожает Пушкина.)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Царевич, чертит географическую карту.
Царевна, мамка царевны.

Ксения
(целует портрет)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

(Входит Борис.)

Царь

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастие твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь? –
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Царь

А это что такое
Узором здесь виется?

Феодор

Это Волга.

Царь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни –

Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

(Входит Семен Годунов.)

Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксении)

Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя Господь.

(Ксения с мамкою уходит.)

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Семен Годунов

Нынче
Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь

Ну.

Семен Годунов

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец – и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Царь

Гонца схватить.

Семен Годунов

Уж послано в догоню.

Царь

О Шуйском что?

Семен Годунов

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,

Да Пушкина – да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Царь

Сейчас послать за Шуйским.

Семен Годунов

Государь,
Он здесь уже.

Царь

Позвать его сюда.

(Годунов уходит.)

Царь

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...

(Входит Шуйский.)

Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется – ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Царь

Я слушаю тебя.

Шуйский
(тихо, указывая на Феодора)

Но, государь...

Царь

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Шуйский

Царь, из Литвы пришла нам весть...

Царь

Не та ли,
Что Пушкину привез вечор гонец.

Шуйский

Все знает он! – Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Царь

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Шуйский

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и паны за него.

Царь

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Шуйский

Не ведаю.

Царь

Но... чем опасен он?

Шуйский

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга

Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Царь

Димитрия!.. как? этого младенца!
Димитрия!.. Царевич, удались.

Шуйский

Он покраснел: быть буре!..

Феодор

Государь,
Дозволишь ли...

Царь

Нельзя, мой сын, поди.

(Феодор уходит.)

Димитрия!..

Шуйский

Он ничего не знал.

Царь

Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Шуйский

Иду.

Царь

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Шуйский

Я, государь?..

Царь

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и Богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Шуйский

Клянусь тебе...

Царь

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Шуйский

Он.

Царь

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь – тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Шуйский

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровожденный.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Царь
(спокойно)

Довольно; удались.

(Шуйский уходит.)

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась – и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да – вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень –
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй – и нет его.
Так решено: не окажу я страха, –
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО

Самозванец и pater Черниковский.

Самозванец

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Pater

Вспомоществуй тебе святый Игнатий,
Когда придут иные времена.

А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит Бог.

Самозванец

Аминь. Кто там?

(Входит слуга.)

Сказать: мы принимаем.

(Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.)

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой. –
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны. –
Но между вас я вижу новы лица.

Гаврила Пушкин

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Самозванец

Рад вам, дети.
Ко мне, друзья. – Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

Пушкин

Князь Курбский.

Самозванец

Имя громко!

(Курбскому)
Ты родственник казанскому герою?

Курбский

Я сын его.

Самозванец

Он жив еще?

Курбский

Нет, умер.

Самозванец

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

Курбский

Мой отец
В Волынии провел остаток жизни,

В поместиях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил,
И до конца по ней он тосковал.

Самозванец

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
– Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да – сына Иоанна...
Все за меня: и люди и судьба. –
Ты кто такой?

Поляк

Собаньский, шляхтич вольный.

Самозванец

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать. –
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Хрущов
(бьет челом)

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь – и за тебя готовы

Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

Самозванец

Мужайтеся, безвинные страдальцы –
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

Карела

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Самозванец

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если Бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Поэт
*(приближается, кланяясь низко
и хватая Гришку за полу)*

Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец

Что хочешь ты?

Поэт
(подает ему бумагу)

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

Самозванец

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приближься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

Все

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий,
Да здравствует великий князь Московский!

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

(Ряд освещенных комнат. Музыка.)
Вишневецкий, Мнишек.

Мнишек

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну – думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московский?

Мнишек

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. и вот
Все кончено. Уж он в ее сетях.

*(Музыка играет польский.
Самозванец идет с Мариною в первой паре.)*

Марина
(тихо Димитрию)

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

Кавалер

Что в ней нашел Димитрий?

Дама

Как! она
Красавица.

Кавалер

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Новая пара.

Дама

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.

Новая пара.

Дама

Когда ж поход?

Кавалер

Когда велит царевич,
Готовы мы; но, видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Дама

Приятный плен.

Кавалер

Конечно, если вы...

(Расходятся. Комнаты пустеют.)

Мнишек

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем –
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей – не так смела,
И красота не так уж весела –
Признайся, друг: все как-то приуныло.
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

Вишневецкий

И дело, друг, пойдем.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

Самозванец
(входит)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертию душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались – я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.

Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет – это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, –
Но час настал – и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Марина
(входит)

Царевич!

Самозванец

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Марина

Димитрий! Вы?

Самозванец

Волшебный, сладкий голос!
(Идет к ней.)
Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина

Часы бегут, и дорого мне время –
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

Самозванец

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать все то, чем сердце полно.

Марина

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клевретов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,

Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

Самозванец

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Марина

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначенья:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванец

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь –
Как! ежели... о страшное сомненье! –
Скажи: когда б не царское рожденье

Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, –
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Марина

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

Самозванец

Нет! полно:
Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт – и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо –
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

Марина

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)

Самозванец
(тихо)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? –
(Вслух.)
Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду
(бросается на колени).

Марина

Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилить?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

Самозванец
(встает)

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

Марина

Достойные позорной петли, дерзкий!

Самозванец

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманывал я Бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина

Чем хвалится, безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

Самозванец

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Марина

Клянешься ты! итак, должна я верить –
О, верю я! – но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли Бога,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Димитрий
(гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла –
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. –
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,

Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но – может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

Марина

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? – Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Марина

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но – слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву –
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но – слышит Бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,

Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.
(Уходит.)

Самозванец

Нет – легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной – черт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! – Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: заутра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

(1604 года, 16 октября)

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.
Полки приближаются к границе.

Курбский
(прискакав первый)

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд – пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости!
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надёжу-государя!..

Самозванец

(едет тихо с поникшей головой)

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнанье,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня –
А на тебя, Борис-цареубийца! –
Вперед!

Курбский

Вперед! и горе Годунову!

(Скачут. Полки переходят через границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА

Царь, патриарх и бояре.

Царь

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! – Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Басманов

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.
(Уходит с Трубецким.)

Царь

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помога;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.
Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей

По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они – таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шепот,
Умы кипят... их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святый отец, свою поведай мысль.

Патриарх

Благословен Всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь – да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.
Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.
Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать – и сам

Он наготой своею посрамится.
Сам Бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет –
В тот самый год, когда тебя Господь
Благословил на царскую державу, –
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В младых летах, – сказал он, – я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал Господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз,
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: – Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив – и я тебя прощу.
— Но кто же ты? – спросил я детский голос.
— Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик.— Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле Бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду – и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу

В святый собор, и слушаю обедню
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: – Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. – И мальчик
Повел меня – и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку».
Вот, государь, что мне поведал старец.

(Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз отирает лицо платком.)

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

(Молчание.)

Князь Шуйский

Святый отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне Его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;

А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства – проще.
Так, государь – когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

Уходит. За ним и все бояре.

Один боярин
(тихо другому)

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Другой

Я – признаюсь – не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

Первый боярин

А выручил князь Шуйский. Молодец!

РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО
(1604 года, 21 декабря)

Битва.

Воины
(бегут в беспорядке)

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

(Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.)

Маржерет

Куда, куда? Allons...* пошоль назад!

Один из беглецов

Сам *пошоль*, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет

Quoi? quoi?**

Другой

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет

Qu'est-ce à dire *pravoslavni?..* Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp***.

* Ну... (*франц.*).

** Что? что? (*франц.*).

*** Что значит православные?.. Рвань окаянная, проклятая сволочь! Черт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать (*франц.*).

В. Розен

Es ist Schande*.

Маржерет

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas – puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?**

В. Розен

Sie haben Recht***.

Маржерет

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?****

В. Розен

Oh, ja!*****

Маржерет

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie******.

---

* Позор (*нем.*).

** Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг – раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? (*франц.*).

*** Вы правы (*нем.).*

**** Черт, дело становится жарким! Этот дьявол – Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? (*франц.).*

***** О, да! (*нем.).*

****** Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, ударил молодец Басманов (*франц.).*

В. Розен

Ich glaube das*.

(Входят немцы.)

Маржерет

Ha, ha! voici nos Allemands. – Messieurs!.. Mein herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!**

В. Розен

Sehr gut. Halt!***

(Немцы строятся.)

Marsch!****

Немцы

(идут)

Hilf Gott!*****

(Сражение. Русские снова бегут.)

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий

(верхом)

Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубят, бьют барабаны.)

---

* Я так полагаю (*нем.*).

** А вот и наши немцы! – Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться и, черт возьми, пойдем в атаку! (*франц.*).

*** Очень хорошо. Становись! (*нем.*).

**** Марш! (*нем.*).

***** С нами Бог! (*нем.*).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ

Народ.

Один

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый

Что? уж проклинали *того*?

Другой

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка Отрепьев – анафема!

Первый

Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

Третий

Чу! шум. Не царь ли?

Четвертый

Нет; это юродивый.

(Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.)

Мальчишки

Николка, Николка – железный колпак!.. тр р р р р...

Старуха

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. – Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый
(садится на землю и поет)

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружают его снова.)

Один из них

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкает его по железной шапке.)* Эк она звонит!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Мальчишка

Неправда! ну покажи.
(Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый
(плачет)

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ

Царь, царь идет.

(Царь выходит из собора. Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.)

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Бояре

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.
(Уходит.)

Юродивый
(ему вслед)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит.

СЕВКС

Самозванец, окруженный своими.

Самозванец

Где пленный?

Лях

Здесь.

Самозванец

Позвать его ко мне.

(Входит русский пленник.)

Кто ты?

Пленник

Рожнов, московский дворянин.

Самозванец

Давно ли ты на службе?

Пленник

С месяц будет.

Самозванец

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

Пленник

Как быть, не наша воля.

Самозванец

Сражался ты под Северским?

Пленник

Я прибыл
Недели две по битве – из Москвы.

Самозванец

Что Годунов?

Пленник

Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

Самозванец

А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?

Пленник

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

Самозванец

Он в войске был нужнее.
Ну что в Москве?

Пленник

Все, слава Богу, тихо.

Самозванец

Что? ждут меня?

Пленник

Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову – такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, – глядь – лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

Самозванец

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

Пленник

Что с ним? одето, сыто,
Довольно всем.

Самозванец

Да много ли его?

Пленник

Бог ведает.

Самозванец

А будет тысяч тридцать?

Пленник

Да наберешь и тысяч пятьдесят.

(Самозванец задумывается.
Окружающие смотрят друг на друга.)

Самозванец

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

Пленник

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

Самозванец
(смеясь)

Так это я на деле
Им докажу: друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.
(Уходит.)

Все

Да здравствует Димитрий!

Лях

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,

А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Другой

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

Пленник

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Лях

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя
(указывая на свою саблю)
вот этим бы смирил.

Пленник

Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого,
(показывая кулак)
безмозглый!

*(Лях гордо смотрит на него и молча отходит.
Все смеются.)*

ЛЕС

Лжедимитрий, Пушкин.
(В отдалении лежит конь издыхающий.)

Лжедимитрий

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сраженье

И, раненый, как быстро нес меня.
Мой бедный конь!

Пушкин
(про себя)

Ну вот о чем жалеет!
Об лошади! когда все наше войско
Побито в прах!

Самозванец

Послушай, может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

Пушкин

Куда! он издыхает.

Самозванец
(идет к своему коню)

Мой бедный конь!.. что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издохнет он.
*(Разуздывает и расседлывает коня.
Входят несколько ляхов.)*

Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Лях

Он лег на поле смерти.

Самозванец

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас –
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

Пушкин

Кто там ни виноват,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванец

А дело было наше;
Я было смял передовую рать –
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то – из них уж непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкин

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске.
Спокойна ночь.
(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

Пушкин

Приятный сон, царевич!
Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

МОСКВА. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, Басманов.

Царь

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басманов

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда Разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

Царь

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Басманов

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Царь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

(Входит боярин.)

Что?

Боярин

Привели гостей иноплеменных.

Царь

Иду принять; Басманов, погоди.

Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Басманов

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?

(Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся.)

Один

За лекарем!

Другой

Скорее к патриарху.

Третий

Царевича, царевича зовет!

Четвертый

Духовника!

Басманов

Что сделалось такое?

Пятый

Царь занемог.

Шестой

Царь умирает.

Басманов

Боже!

Пятый

На троне он сидел и вдруг упал –
Кровь хлынула из уст и из ушей.

*(Царя выносят на стуле;
все царское семейство, все бояре.)*

Царь

Подите все – оставьте одного
Царевича со мною.

(Все удаляются.)

Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчас явлюсь перед тобой – и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,

Ты царствовать теперь по праву станешь.
Я, я за все один отвечу Богу...
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно –
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...
Я, с давних лет в правленье искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но Бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом – а в боярах
Почтенного породой или славой –
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка –
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни – можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,

Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Феодор
(на коленях)

Нет, нет – живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Царь

Все кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

(Входит патриарх, святители, за ними все бояре. Царицу ведут под руки, царевна рыдает.)

Кто там?
А! схима... так! святое постриженье...
Ударил час, в монахи царь идет –

И темный гроб моею будет кельей...
Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен...
Клянетесь ли?

Бояре

Клянемся.

Царь

Я доволен.
Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святый отец, приближься, я готов.

*(Начинается обряд пострижения.
Женщин в обмороке выносят.)*

СТАВКА

Басманов вводит Пушкина.

Басманов

Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

Пушкин

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Басманов

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр – я присягал ему.

Пушкин

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Басманов

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Пушкин

Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава Богу!
Победою я их одушевлю,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберешь –
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помогой,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Басманов

Узнаете вы завтра.

Пушкин

Решись.

Басманов

Прощай.

Пушкин

Подумай же, Басманов.
(Уходит.)

Басманов

Он прав, он прав; везде измена зреет –
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность младого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...
(Задумывается.)

Сюда! кто там?
(Свищет.)
Коня! Трубите сбор.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Пушкин идет, окруженный народом.

Народ

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Пушкин
(на амвоне)

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
(Кланяется.)
Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но Божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Народ

Вестимо, нет.

Пушкин

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властию жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад – все испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов – и весь честной народ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убегать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов – в сопровожденье грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь Бога.

Целуйте крест законному владыке;
Смиритеся, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит.
Шум народный.)

Народ

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец!

Мужик на амвоне

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ
(несется толпою)

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМ БОРИСОВ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА

Феодор под окном.

Нищий

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража

Поди прочь, не ведено говорить с заключенными.

Феодор

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

(Ксения под покрывалом подходит также к окну.)

Один из народа

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой

Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

Ксения

Ах, братец, сердце замирает.

(Голицын, Мосальский, Молчанов и Шерефединов. За ними трое стрельцов.)

Народ

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

(Они входят в дом.)

Один из народа

Зачем они пришли?

Другой

А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.

Третий

В самом деле? – слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...

Народ

Слышишь? визг! – это женский голос – взойдем! – Двери заперты – крики замолкли.

(Отворяются двери.
Мосальский является на крыльце.)

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. *(Народ в ужасе молчит.)* Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ *безмолвствует.*

Конец

СЦЕНЫ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ ПЕЧАТНОЙ РЕДАКЦИИ

1. ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ*

Григорий и злой Чернец.

Григорий

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит – видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать не́чего – соснешь;
Ночью долгою до света все не спится чернецу,
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костылем.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду да бегом.
Мир велик: мне путь-дорога на четыре стороны,
Поминай как звали.

Чернец

Правда: ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

Григорий

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва бы поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними переведаться мечом.
Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг воскрес
И вскричал: «А где вы, дети, слуги верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его!..»

* *Следовало после сцены:* «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

Чернец

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено –
Но послушай: если дело затевать, так затевать...

Григорий

Что такое?

Чернец

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина...
Понимаешь?

Григорий

Нет, нисколько.

Чернец

Слушай: глупый наш народ
Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь?

(Молчание.)

Григорий

Понимаю.

Чернец

Что же скажешь?

Григорий

Решено!
Я – Димитрий, я – царевич.

Чернец

Дай мне руку: будешь царь.

2. ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

(Уборная Марины.)

Марина, Рузя убирает ее; служанки.

Марина
(перед зеркалом)

Ну что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Рузя

Позвольте; наперед решите выбор трудный:
Что вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

Марина

Алмазный мой венец.

Рузя

Прекрасно! помните? его вы надевали,
Когда изволили вы ездить во дворец.
На бале, говорят, как солнце вы блистали.
Мужчины ахали, красавицы шептали...
В то время, кажется, вас видел в первый раз
Хоткевич молодой, что после застрелился.

А точно, говорят: на вас
Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Марина

Нельзя ли поскорей.

Рузя

Сейчас.
Сегодня ваш отец надеется на вас.
Царевич видел вас недаром,
Не мог он утаить восторга своего,
Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.
А точно, панна, он влюблен.
Вот месяц, как, оставя Краков,
Забыв войну, московский трон,
В гостях у нас пирует он
И бесит русских и поляков.
Ах, Боже мой! дождусь ли дня?..
Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий повезет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

Марина

Ты разве думаешь – царицей буду я?

Рузя

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотою
Равняться здесь с моею госпожою?
Род Мнишков – ничьему еще не уступал;
Умом – превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе присвоит —
Кто б ни был он, хоть наш король

Или французский королевич —
Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, Бог весть отколь.

Марина

Он точно царский сын и признан целым светом.

Рузя

А все ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

Марина

Скрывался он.

Рузя

Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе.

Марина

Какие глупости!

Рузя

О я не верю им –
Я только говорю, что должен он, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

Служанка *(вбегает).*

Уж гости съехались.

Марина

Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать,
А между тем я не одета...

Рузя

Сейчас, готово все.

(Служанки суетятся.)

Марина

Мне должно все узнать.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Петербургская повесть

(1833)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным *В. Н. Берхом.*

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял *он,* дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно[1],
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,

Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса[2].
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром[1)],
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,

Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно

Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненье разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливцы,
Ума недальнего, ленивцы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли[2)]
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт:

«Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой –
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...
Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редеет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...[3]
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее брегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,

И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало, все вокруг
Вдруг опустело – воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!
Народ
Зрит Божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?
В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С Божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,

И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил – из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы[4]
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слыхал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, Боже! там –
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива –
Забор некрашеный, да ива
И ветхий домик: там оне,

Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?
    И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

    Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

    Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,

В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет –
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везет.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн – и наконец
Достиг он берега.
Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Все перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,

Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..
Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь вороты –
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою –
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.
Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.
Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний все вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов

Свозили лодки.
Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц – он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось – он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света,

Ни призрак мертвый...
Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бьясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился – и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С подъятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вкруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,

Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?[5]

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой –
Как будто грома грохотанье –
Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхой. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,

И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Альгаротти[3)] где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe» .

[2] Смотри стихи кн. Вяземского[4)] к графине З***.

[3] Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений – Oleszkiewicz[5)]. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было – Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

[4] Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

[5] Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана[6)] – как замечает сам Мицкевич.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

(1836)

Береги честь смолоду.

Пословица.

Глава I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

– Был бы гвардии он завтра ж капитан.
– Того не надобно; пусть в армии послужит.
– Изрядно сказано! пускай его потужит...
. . . . . .
Да кто его отец?

Княжнин[1].

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и

дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, – ворчал он про себя, – кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel*, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, – и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем

* …чтобы стать учителем *(франц.)*.

жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих россий-

ских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

– Да вот пошел семнадцатый годок, – отвечала матушка. – Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна, и когда еще...

«Добро, – прервал батюшка, – пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

– Не забудь, Андрей Петрович, – сказала матушка, – поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

– Что за вздор! – отвечал батюшка нахмурясь. – К какой стати стану я писать к князю Б.?

– Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши?

– Ну, а там что?

– Да ведь начальник Петрушин – князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

– Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его пашпорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастием. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть

под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр **гусарского полку и находится в Симбирске при приеме рекрут, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, – говорил он, – необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко – чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом – вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто руб-

лей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом, – где ты это нагрузился? Ахти господи! отроду такого греха не бывало!» – «Молчи, хрыч! – отвечал я ему, запинаясь, – ты, верно, пьян, пошел спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, – сказал он мне, качая головою, – рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволили брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при, водкю». Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошел и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

«Любезный Петр Андреевич, пожалуйста пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый ко услугам

Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратись к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*[2)], приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» – спросил изумленный Савельич. «Я их ему должен», – отвечал я со всевозможной холодностию. «Должен! – возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление, – да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» – закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, окроме как в орехи...» – «Полно врать, – прервал я строго, – подавай сюда деньги или я тебя взашей прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С неспокойной совестию и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

Глава II

ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покряхивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

– Эх, батюшка Петр Андреич! – отвечал он с глубоким вздохом. – Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!.. Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя все еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

– Барин, не прикажешь ли воротиться?

– Это зачем?

– Время ненадежно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу.

– Что ж за беда!

– А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

– Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

– А вон – вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностию, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали. «Что же ты не едешь?» – спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? – отвечал он, слезая с облучка, – невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

«И охота было не слушаться, – говорил он сердито, – воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное. «Эй, ямщик! – закричал я, – смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А Бог знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

– Гей, добрый человек! – закричал ему ямщик. – Скажи, не знаешь ли где дорога?

– Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, – отвечал дорожный, – да что толку?

– Послушай, мужичок, – сказал я ему, – знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

– Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да, вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

– А почему мне ехать вправо? – спросил ямщик с неудовольствием. – Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. – Ямщик казался мне прав. «В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило не-

далече?» – «А потому, что ветер оттоле потянул, – отвечал дорожный, – и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я вороты и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего вижу в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» – «Все равно, Пет-

руша, – отвечала мне матушка, – это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дергал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

– Куда приехали? – спросил я, протирая глаза.

– На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

– Где же вожатый? – спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», – отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» – «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он

отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, – прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?»

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

«Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, умет, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за

оказанную помочь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! – сказал он, – за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, – сказал я хладнокровно, – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

– Помилуй, батюшка Петр Андреич! – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

– Это, старинушка, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

– Бога ты не боишься, разбойник! – отвечал ему Савельич сердитым голосом. – Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.

– Прошу не умничать, – сказал я своему дядьке, – сейчас неси сюда тулуп.

– Господи владыко! – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей».

Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. «Милостивый государь Андрей Карлович[3)], надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер! так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держать в ежовых рукавицах»... Что такое ешовы рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое «дершать в ешовых рукавицах?» – повторил он, обращаясь ко мне.

– Это значит, – отвечал я ему с видом как можно более невинным, – обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

– Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешовы рукавицы значит не то... «При сем... его паспорт»... Где же он? А, вот... «отписать в Семеновский»... Хорошо, хорошо: все будет сделано... «Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» – а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, – сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, – все будет сделано: ты будешь офицером переведен в *** полк, и, чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека.

Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! – подумал я про себя, – к чему послужило мне то, что еще в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III

КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для

меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» – спросил я у своего ямщика. «Недалече, – отвечал он. – Вон уж видна». Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой – скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. «Где же крепость?» – спросил я с удивлением. «Да вот она», – отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, – отвечал инвалид, – наши дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова[4)], также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» – спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную

мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, – сказала она, – он пошел в гости к отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, – сказал он, – вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, – продолжал он, – зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки», – продолжал неутомимый вопрошатель. «Полно врать пустяки, – сказала ему капитанша, – ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, – продолжала она, обращаясь ко мне, – не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! – сказала ему капитанша. – Отведи господину офицеру квартиру, да почище». – «Слушаю, Василиса Егоровна, – отвечал урядник. – Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» – «Врешь, Максимыч, – сказала капитанша, – у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка? Петр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимыч, все ли благополучно?»

– Все, слава Богу, тихо, – отвечал казак, – только капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

– Иван Игнатьич! – сказала капитанша кривому старичку. – Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с Богом. Петр Андреич, Максимыч отведет вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыко! ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась, и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, – сказал он мне по-французски, – что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными

косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, – прибавил он, – нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! – сказала комендантша. – Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де, ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдет; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? – сказала ему жена. – Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься». – «А слышь ты, Василиса Егоровна, – отвечал Иван Кузмич, – я был занят службой: солдатушек учил». – «И, полно! – возразила капитанша. – Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился; так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! – сказала она, – ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней прида-

ное? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, – сказал я довольно некстати, – что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». – «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» – спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», – отвечал я. «Пустяки! – сказал комендант. – У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы – народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». – «И вам не страшно, – продолжал я, обращаясь к капитанше, – оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» – «Привычка, мой батюшка, – отвечала она. – Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

– Василиса Егоровна прехрабрая дама, – заметил важно Швабрин. – Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

– Да, слышь ты, – сказал Иван Кузмич, – баба-то не робкого десятка.

– А Марья Ивановна? – спросил я, – так же ли смела, как и вы?

– Смела ли Маша? – отвечала ее мать. – Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

Глава IV

ПОЕДИНОК

– Ин изволь, и стань же в позитуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностию. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведен в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где

обыкновенно проводил остаток дня и куда вечерком иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею во всем околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван незапным междуусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя пленили,
Всеминутно предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной,
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой.

– Как ты это находишь? – спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следуемой. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

– Почему так? – спросил я его, скрывая свою досаду.

– Потому, – отвечал он, – что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплетцы.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозою. «Посмотрим, – сказал он, – сдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

– Не твое дело, – отвечал я нахмурясь, – кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

– Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! – продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, – но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

– Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

– С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

Кровь моя закипела.

– А почему ты об ней такого мнения? – спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

– А потому, – отвечал он с адской усмешкою,– что знаю по опыту ее нрав и обычай.

– Ты лжешь, мерзавец! – вскричал я в бешенстве, – ты лжешь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице.

– Это тебе так не пройдет, – сказал он, стиснув мне руку. – Вы мне дадите сатисфакцию.

– Изволь; когда хочешь! – отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Петр Андреич! – сказал он, увидя меня, – добро пожаловать! Как это вас Бог принес? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свои единственный глаз. «Вы изволите говорить, – сказал он мне, – что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

– Точно так.

– Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье – и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: Бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. «Как вам угодно, – сказал Иван Игнатьич, – делайте как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся, что за невидальщина, смею спросить? Слава Богу, ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, – сказал он. – Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодействие, противное казенному

интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвел его в сторону и уведомил его о своем разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, – сказал он мне сухо, – без них обойдемся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, – сказал он мне с довольным видом, – худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

– Что, что, Иван Игнатьич? – сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, – я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня свое обещание, смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

– Иван Игнатьич, – сказал он, – одобряет нашу мировую.

– А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

– Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

– За что так?

– За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

– Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

– Да вот как: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь...

Вышла разладица. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем и дело кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков; по крайней мере никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и с его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал ее конец и лег спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, – сказал он мне, – надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «привел!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки!. На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Петр Андреич! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Петр Андреич! Этого я от тебя не

ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всем моем уважении к вам, – сказал он ей хладнокровно, – не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». – «Ах! мой батюшка! – возразила комендантша, – да разве муж и жена не един дух и едина плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию, чтоб молили у Бога прощения да каялись перед людьми».

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта по-видимому примиренные. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, – сказал я ему сердито, – доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» – «Как Бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил, – отвечал он, – Василиса Егоровна выведала все от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава Богу, что все так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», – сказал я ему. «Конечно, – отвечал Швабрин, – вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» И мы расстались как ни в чем не бывали.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Ва-

силиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностию выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорою с Швабриным. «Я так и обмерла, – сказала она, – когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнию, но и совестию и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

– А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

– Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

– А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему, или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

– Мне кажется, – сказала она, – я думаю, что нравлюсь.

– Почему же вам так кажется?

– Потому что он за меня сватался.

– Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

– В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

– И вы не пошли?

– Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне еще более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? – сказал мне Швабрин, – за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Опустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств.

Глава V

ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь.
Если хуже меня найдешь, воспомянешь.

То же.

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незна-

комой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрыпнула дверь. «Что? каков?» – произнес пошепту голос, от которого я затрепетал. «Все в одном положении, – отвечал Савельич со вздохом, – все без памяти вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» – сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» – сказала она. «Слава Богу, – отвечал я слабым голосом. – Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» Я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнился! опомнился! – повторял он. – Слава тебе, Владыко! Ну, батюшка Петр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна перервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, – сказала она. – Он еще слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала ее... и вдруг ее губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, – сказал я ей, – будь моею женою, согласись на мое счастие». Она опомнилась. «Ради Бога успокойтесь, – сказала она, отняв у меня свою руку. – Вы еще в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастие воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла все мое существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили мое выздоровление. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она безо всякого жеманства призналась мне в сердечной склонности и сказала, что ее родители, конечно, рады будут ее счастию. «Но подумай хорошенько, – прибавила она, – со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался, но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на нее смотреть как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостию молодости и любви.

Со Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтоб хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришел ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы не злопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорбленного само-

любия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с ее мужем я еще не объяснялся; но предложение мое не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них свои чувства, и мы заранее были уж уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что все дело пошло к черту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем как мальчишку, несмотря на твой офицерской чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще недостоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуелей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоем поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на Его великую милость,

Отец твой *А. Г.*»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала; но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперед по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражен как громом. «Помилуй, сударь, – сказал он, чуть не зарыдав, – что это изводишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своею грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» – «Что ты сделал? – отвечал я. – Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» – «Я? писал на тебя доносы? – отвечал Савельич со слезами. – Господи Царю небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочел следующее:

«Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я про-

сил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, – повторял он, – вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топанием убережешься от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошел объявить обо всем Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? – сказала она, увидев меня. – Как вы бледны!» – «Все кончено!» – отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» – «Этому не бывать! – вскричал я, схватив ее за руку, – ты меня любишь; я готов на все. Пойдем, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...» – «Нет, Петр Андреич, – отвечала Маша, – я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастия. Покоримся воле Божией. Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую – Бог с тобою, Петр Андреич; а я за вас обоих...» Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел, погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления. «Вот, сударь, – сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, – посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом». Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович,
отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний; а я, не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за ее здоровие Бога буду молить. А Петр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме у коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Петр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия, то быль молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш
Архип Савельев».

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение мое переменилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла; но, видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичом виделся я только, когда того требовала служба. Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI

ПУГАЧЕВЩИНА

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.

Песня.

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости вы-

строены были в местах, признанных удобными, заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга[5)], своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Все было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости
Капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непро-

стительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

– Принять надлежащие меры! – сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. – Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. «Как ты думаешь, чем это кончится?» – спросил я его. «Бог знает, – отвечал он, – посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отпра-

виться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время ее отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а как от того может произойти несчастие, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». – «А для чего ж было тебе запирать Палашку? – спросила комендантша. – За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к таковому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове ее мужа, о чем бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? – думала комендантша, – уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича, с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи Боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?»

– И, матушка! – отвечал Иван Игнатьич. – Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

– А что за человек этот Пугачев? – спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать дальше побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики. Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны: по возвращении своем лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал.

Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот ужо тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, – сказал он ей покашливая. – Отец Герасим получил, говорят, из города...» – «Полно врать, Иван Кузмич, – перервала комендантша, – ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих не проведешь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, – сказал он, – коли ты уже все знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». – «То-то, батько мой, – отвечала она, – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

«Каков мошенник! – воскликнула комендантша. – Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу,

насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?»

– Кажется, не должно бы, – отвечал Иван Кузмич. – А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

– Видно, он в самом деле силен, – заметил Швабрин.

– А вот сейчас узнаем настоящую его силу, – сказал комендант. – Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

– Постой, Иван Кузмич, – сказала комендантша, вставая с места. – Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, – мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и

сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! – сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. – Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? – продолжал Иван Кузмич, – али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

– Якши, – сказал комендант, – ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, – тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. «Ну, – сказал комендант, – видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем».

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

– Что это с тобою сделалось? – спросил изумленный комендант.

– Батюшки, беда! – отвечала Василиса Егоровна. – Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

– Послушайте, Иван Кузмич! – сказал я коменданту. – Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

– А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

– И, пустое! – сказала комендантша. – Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

– Ну, матушка, – возразил Иван Кузмич, – оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

– Ну, тогда... – Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

– Нет, Василиса Егоровна, – продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. – Маше здесь оставаться не гоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром, что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

– Добро, – сказала комендантша, – так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

– И то дело, – сказал комендант. – Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим; да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

– У Акулины Памфиловны, – отвечала комендантша. – Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! – сказала она мне со слезами. – Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял ее. «Прощай, ангел мой, – сказал я, – прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII

ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? – сказал Иван Игнатьич, догоняя меня.– Иван Кузмич на валу и послал меня за вами.

Пугач пришел». – «Уехала ли Марья Ивановна? – спросил я с сердечным трепетом». – «Не успела, – отвечал Иван Игнатьич, – дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее. «Ну, что? – сказала комендантша. – Каково идет баталья? Где же неприятель?» – «Неприятель недалече, – отвечал Иван Кузмич. – Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» – «Нет, папенька, – отвечала Марья Ивановна, – дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! – закричал Иван Кузмич. – Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочел его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! – сказал комендант. – Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмиревшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оставит. Коли найдется добрый

человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорей». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, – сказала, заплакав, комендантша. – Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила!» – «Прощай, прощай, матушка! – сказал комендант, обняв свою старуху. – Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, – сказал комендант, – будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, – сказал комендант, – теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? – закричал Иван Кузмич. – Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался

колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приближились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» – спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай, – сказал ему Пугачев, – государю Петру Феодоровичу!» – «Ты нам не государь, – отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. – Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» – сказал Пугачев, не взглянув уже на

меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», – повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! – говорил бедный дядька. – Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», – говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямься! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский

крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! – кричала бедная старушка. – Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! – закричала она в исступлении. – Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» – «Унять старую ведьму!» – сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Незваный гость хуже татарина.

Пословица.

Площадь опустела. Я все стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкап был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед

опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

– Ах, Петр Андреич! – сказала она, сплеснув руками. – Какой денек! какие страсти!..

– А Марья Ивановна? – спросил я нетерпеливо, – что Марья Ивановна?

– Барышня жива, – отвечала Палаша. – Она спрятана у Акулины Памфиловны.

– У попадьи! – вскричал я с ужасом. – Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачев пировал с своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

– Ради Бога! где Марья Ивановна? – спросил я с неизъяснимым волнением.

– Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, – отвечала попадья. – Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». – «А молода твоя племянница?» – «Молода, государь». – «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». – У меня сердце так и екнуло, да нечего было делать. – «Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости». – «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаянный за

перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! – и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастию, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать. А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то. – В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. – Ступайте себе домой, Петр Андреич, – сказала она, – теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич. Что будет то будет; авось Бог не оставит.

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! – вскричал он, увидя меня. – Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? все у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду – ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

– Нет, не узнал; а кто ж он такой?

– Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

– Не изволишь ли покушать? – спросил Савельич, неизменный в своих привычках. – Дома ничего нет; пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де «великий государь требует тебя к себе». – «Где же он?» – спросил я, готовясь повиноваться.

– В комендантском, – отвечал казак. – После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почел нужным оспоривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачевым и стараясь предугадать, чем оно

кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши все еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! – сказал Пугачев, увидя меня. – Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак[6)], стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотись на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспоривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, – сказал Пугачев, – затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» Сосед мой за-

тянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что заутра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, – все потрясало меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

– Что, ваше благородие? – сказал он мне. – Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, – продолжал он, – но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

– Чему ты усмехаешься? – спросил он меня нахмурясь. – Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком – было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышленый: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

– Кто же я таков, по твоему разумению?

– Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, – сказал он, – чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

– Нет, – отвечал я с твердостию. – Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, – сказал он, – так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

– Как могу тебе в этом обещаться? – отвечал я. – Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя – пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, – сказал он, ударя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости все было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горюющего по моем отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава тебе, Владыко! – сказал он перекрестившись. – Чем свет оставим крепость и пойдем куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

Глава IX

РАЗЛУКА

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков.

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачева окружали главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, – сказал он мне. – Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовию и послушанием; не то не избежать им лютой каз-

ни. Счастливый путь, ваше благородие! – Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: – Вот вам, детушки, новый командир: слушайтесь его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было подсадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» – спросил важно Пугачев. «Прочитай, так изводишь увидеть», – отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь? – сказал он наконец. – Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух», – сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

– «Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей».

– Это что значит? – сказал, нахмурясь, Пугачев.

– Прикажи читать далее, – отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей.

Штаны белые суконные на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей.

Погребец с чайною посудою на два рубля с полтиною...»

– Что за вранье? – прервал Пугачев. – Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться.

– Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями...

– Какими злодеями? – спросил грозно Пугачев.

– Виноват: обмолвился, – отвечал Савельич. – Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

– Дочитывай, – сказал Пугачев. Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей.

Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

– Это что еще! – вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачев его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? – вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив ее в лицо Савельичу. – Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

– Как изволишь, – отвечал Савельич, – а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачев был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя мое доброе согласие с Пугачевым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха. «Смейся, сударь, – отвечал Савельич, – смей-

ся; а как придется нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет».

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в ее комнату. Я тихо подошел к ее кровати. Перемена в ее лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное мое бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал мое воображение. Облеченный властию от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка – невинный предмет его ненависти, он мог решиться на все. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал ее, орошая слезами. «Прощайте, – говорила мне попадья, провожая меня, – прощайте, Петр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошел по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шел, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне

поводья другой: «Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да еще, – примолвил, запинаясь, урядник, – жалует он вам... полтину денег... да я растерял ее дорогою; простите великодушно». Савельич посмотрел на него косо и проворчал: «Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!» – «Что у меня за пазухой-то побрякивает? – возразил урядник, нимало не смутясь. – Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина». – «Добро, – сказал я, прерывая спор. – Благодари от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку». – «Очень благодарен, ваше благородие, – отвечал он, поворачивая свою лошадь, – вечно за вас буду Бога молить». При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, – сказал старик, – что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да все же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок».

Глава X

ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат
И, в нем перуны скрыв, в нощи привесть под град.

Херасков.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щип-

цами палача. Они работали около укреплений под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпич и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то и повел меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнаженные дыханием осени, и с помощию старого садовника бережно их укутывал теплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим я был свидетель. Я рассказал ему все. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! – сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. – Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! – заметил генерал. – Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкою?» Я отвечал, что до Белогорской крепости недалеко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных ее жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, – сказал он. – Об этом мы еще успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачеве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошел на квартиру, мне отведенную, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможни, толстого и румяного старичка в

глазетовом кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые если и не обличали в нем человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашенные. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чем состояло дело. «Теперь, господа, – продолжал он, – надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: *наступательно* или *оборонительно*? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнем собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Господин прапорщик! – продолжал он, обращаясь ко мне. – Извольте объяснить нам ваше мнение».

Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия.

Мнение мое было принято чиновниками с явною неблагосклонностию. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесенное кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных; это законный порядок. Теперь станем продолжать собирание голосов. Господин коллежский советник! скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

– Как же так, господин коллежский советник? – возразил изумленный генерал. – Других способов тактика не представляет: движение оборонительное или наступательное...

– Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

– Эх-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

– И тогда, – прервал таможенный директор, – будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

– Мы еще об этом подумаем и потолкуем, – отвечал генерал. – Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек, за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастие оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнес следующую речь:

– Государи мои! должен я вам объявить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен, ибо мнение сие основано на всех правилах здравой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие мое торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собою перешептывались с видом неудовольствия и беспокойства.

– Но, государи мои, – продолжал он, выпустив, вместе с глубоким вздохом, густую струю табачного дыму, – я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идет о безопасности вверенных мне провинций ее им-

ператорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками – отражать.

Чиновники, в свою очередь, насмешливо поглядели на меня. Совет разошелся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решался следовать мнениям людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, приближился к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачева уж не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о ее судьбе меня мучила. Единственное развлечение мое состояло в наездничестве. По милости Пугачева, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно

на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностию и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал:

– Здравствуйте, Петр Андреич! Как вас Бог милует?

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался.

– Здравствуй, Максимыч, – сказал я ему. – Давно ли из Белогорской?

– Недавно, батюшка Петр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

– Где ж оно? – вскричал я, весь так и вспыхнув.

– Со мною, – отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. – Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. – Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул ее и с трепетом прочел следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачевым.

Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой[7]). Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал.

Генерал ходил взад и вперед по комнате, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

– Ваше превосходительство, – сказал я ему, – прибегаю к вам как к отцу родному; ради Бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идет о счастии всей моей жизни.

– Что такое, батюшка? – спросил изумленный старик. – Что я могу для тебя сделать? Говори.

– Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти и не ошибался).

– Как это? Очистить Белогорскую крепость? – сказал он наконец.

– Ручаюсь вам за успех, – отвечал я с жаром. – Только отпустите меня.

– Нет, молодой человек, – сказал он, качая головою. – На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация...

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать.

– Дочь капитана Миронова, – сказал я ему, – пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает ее выйти за него замуж.

– Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm[2)], и если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парапете крепости! Но покамест надобно взять терпение...

– Взять терпение! – вскричал я вне себя. – А он между тем женится на Марье Ивановне!..

– О! – возразил генерал. – Это еще не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию; а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица.

– Скорее соглашусь умереть, – сказал я в бешенстве, – нежели уступить ее Швабрину!

– Ба, ба, ба, ба! – сказал старик. – Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Бедный малый! Но все же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем оная состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

Глава XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил он ласково.

А. Сумароков.

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переведываться с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровён час: ни за что пропадешь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: сколько у меня всего-навсе денег? «Будет с тебя, – отвечал он с довольным видом. – Мошенники как там ни шарили, а я все-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра. «Ну, Савельич, – сказал я ему, – отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

– Батюшка Петр Андреич! – сказал добрый дядька дрожащим голосом. – Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение мое было твердо принято.

– Поздно рассуждать, – отвечал я старику. – Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня я не ворочусь...

– Что ты это, сударь? – прервал меня Савельич. – Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтобы я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошел? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить ее. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища пугачевского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише. Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Петр Андреич... батюшка Петр Андреич!.. Не погуби!.. Господи Владыко, пропадет барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами: это был передовой караул пугачевского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутою, пришпорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Саве-

льича со мною не было. Бедный старик на свой хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому главный, объявил нам, что он сейчас поведет нас к государю. «А наш батюшка, – прибавил он, – волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дождаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, – сказал один из мужиков, – сейчас об вас доложим». Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай: наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, – все было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибы-

тии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! – сказал он мне с живостию. – Как поживаешь? Зачем тебя Бог принес?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» – спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, – сказал мне Пугачев, – от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов[8]; второй – Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей)[9], ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действо мое намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

– Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачева засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? – закричал он. – Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?»

– Швабрин виноватый, – отвечал я. – Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

– Я проучу Швабрина, – сказал грозно Пугачев. – Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

– Прикажи слово молвить, – сказал Хлопуша хриплым голосом. – Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

– Нечего их ни жалеть, ни жаловать! – сказал старичок в голубой ленте. – Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать, а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. «Ась, ваше благородие? – сказал он мне подмигивая. – Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

– Добро, – сказал Пугачев. – Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

– Слава Богу, – отвечал я, – все благополучно.

– Благополучно? – повторил Пугачев. – А народ мрет с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

– Ты видишь, – подхватил старичок, – что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастию, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

– Полно, Наумыч, – сказал он ему. – Тебе бы все душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

– Да ты что за угодник? – возразил Белобородов. – У тебя-то откуда жалость взялась?

– Конечно, – отвечал Хлопуша, – и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костливый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье, да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!»...

– Что ты там шепчешь, старый хрыч? – закричал Хлопуша. – Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придет и твое время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородишки не вырвал!

– Господа енаралы! – провозгласил важно Пугачев. – Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным

образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замерз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. «Долг платежом красен, – сказал он, мигая и прищуриваясь. – Расскажика мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

– Она невеста моя, – отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

– Твоя невеста! – закричал Пугачев. – Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! – Потом, обращаясь к Белобородову: – Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести, но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачевым и с его страшными товарищами.

Оргия, коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачев задремал, сидя на своем месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвел меня в приказную избу, где я нашел и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улегся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачева. Я пошел к нему. У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв

на себя вид подобострастия, который сильно противуречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачев весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» – сказал Пугачев широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! стой!» – раздался голос, слишком мне знакомый, – и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачев велел остановиться. «Батюшка, Петр Андреич! – кричал дядька. – Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» – «А, старый хрыч! – сказал ему Пугачев. – Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

– Спасибо, государь, спасибо, отец родной! – говорил Савельич усаживаясь. – Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачева. К счастию, самозванец или не расслыхал, или пренебрег неуместным намеком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачев кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему все; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волоса становились дыбом...

Вдруг Пугачев прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

– О чем, ваше благородие, изволил задуматься?

– Как не задуматься, – отвечал я ему. – Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастие всей моей жизни зависит от тебя.

– Что ж? – спросил Пугачев. – Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

– И ты прав, ей-богу прав! – сказал самозванец. – Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, – прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, – помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почел нужным его оспоривать и не отвечал ни слова.

– Что говорят обо мне в Оренбурге? – спросил Пугачев, помолчав немного.

– Да, говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие.

– Да! – сказал он с веселым видом. – Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

– Сам как ты думаешь? – сказал я ему, – управился ли бы ты с Фридериком?

– С Федор Федоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо. Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву.

– А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

– Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

– То-то! – сказал я Пугачеву. – Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачев горько усмехнулся.

– Нет, – отвечал он, – поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

– А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

– Слушай, – сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсе только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! – Какова калмыцкая сказка?

– Затейлива, – отвечал я ему. – Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней – и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII

СИРОТА

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявляя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился; но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивости. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно:

– Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее.

Швабрин побледнел как мертвый.

– Государь, – сказал он дрожащим голосом... – Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит.

– Веди ж меня к ней, – сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице.

– Государь! – сказал он. – Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей.

Я затрепетал.

– Так ты женат! – сказал я Швабрину, готовяся его растерзать.

– Тише! – прервал меня Пугачев. – Это мое дело. А ты, – продолжал он, обращаясь к Швабрину, – не умничай и не ломайся: жена ли она тебе, или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом:

– Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку.

– Отворяй! – сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало – не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою:

– Хорош у тебя лазарет! – Потом, подошед к Марье Ивановне: – Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?

– Мой муж! – повторила она. – Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрина.

– И ты смел меня обманывать! – сказал он ему. – Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился.

– Милую тебя на сей раз, – сказал он Швабрину, – но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта.

Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково:

– Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь.

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

– Что, ваше благородие? – сказал, смеясь, Пугачев. – Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженым отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьем – и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя.

– Государь! – закричал он в исступлении. – Я виноват, я вам солгал; но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости.

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза.

– Это что еще? – спросил он меня с недоумением.

– Швабрин сказал тебе правду, – отвечал я с твердостию.

– Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

– Сам ты рассуди, – отвечал я ему, – можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

– И то правда, – сказал, смеясь, Пугачев. – Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

– Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнию моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему! – сказал он. – Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» – спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Петр Андреич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне: я сейчас туда же буду».

Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Петр Андреич, – говорила попадья. – Привел Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили? Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то». – «Полно, старуха, – прервал отец Ге-

расим. – Не все то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании. Батюшка Петр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расстаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я, в свою очередь, рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. «С нами сила крестная! – говорила Акулина Памфиловна. – Промчи Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна пошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила свое крестьянское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я схватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне все, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас ее положения, все испытания, которым подвергал ее гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевающем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего ее пугало. Я ее успокоил. Я знал, что отец почтет за счастие и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! – сказал я наконец. –

Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно – и таким образом все было между нами решено.

Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать все, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Все было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше все было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна,

моя голубушка! прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! – говорила добрая попадья. – Счастливый путь, и дай Бог вам обоим счастия!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII

АРЕСТ

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
– Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин.

Соединенный так нечаянно с милой девушкою, о которой еще утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что все со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела еще опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены. Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запрягали, по торопливой услужливости брадатого казака, поставленного Пугачевым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привезшего, меня принимали как придворного временщика.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближились к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: кто едет? – ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяюшкою».

Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! – сказал мне усастый вахмистр. – Вот ужо тебе будет баня, и с твоею хозяюшкою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повел меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи Владыко! чем это все кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещенному. Вахмистр оставил меня при карауле и пошел обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяюшку к себе привести.

– Что это значит? – закричал я в бешенстве. – Да разве он с ума сошел?

– Не могу знать, ваше благородие, – отвечал вахмистр. – Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк. Майор метал. Каково было мое изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в Симбирском трактире!

– Возможно ли? – вскричал я. – Иван Иваныч! ты ли?

– Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку?

– Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

– Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

– Не могу: я не один.

– Ну, подавай сюда и товарища.

– Я не с товарищем; я... с дамою.

– С дамою! Где же ты ее подцепил? Эге, брат! – (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

– Ну, – продолжал Зурин, – так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попировали по-старинному... Гей! малой! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный; ничем не обидит, да хорошенько ее в шею.

– Что ты это? – сказал я Зурину. – Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез ее из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставлю ее.

– Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что ж это значит?

– После все расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоем, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Все это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя черт несет жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра ж одну к родителям твоим; а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадешься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них еще раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдет сама собою, и все будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы. Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтоб на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей

Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. «Друг ты мой, Архип Савельич! – сказал я ему. – Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твердо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неописанного.

– Жениться! – повторил он. – Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?

– Согласятся, верно согласятся, – отвечал я, – когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Петр Андреич! – отвечал он. – Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу ее, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лег спать в одной комнате с Зуриным. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришел я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась.

Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив ее Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Петр Ан-

дреич! – сказала она тихим голосом. – Придется ли нам увидаться, или нет, Бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моем сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять: мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачев все еще стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни, при виде наших войск, приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и все предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачева, рассеял его толпы, освободил Оренбург, и, казалось, нанес бунту последний и решительный удар. Зурин был в то время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачев не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и опять начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани[10)] и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу*.

* К этому месту относится «Пропущенная глава», отброшенная Пушкиным и сохранившаяся только в черновом автографе. См. стр. 870. *(Ред.)*

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребенок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься – ни за что пропадешь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля, Емеля! – думал я с досадою, – зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до

меня дело. «Что такое?» – спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность, – отвечал он, подавая мне бумагу. – Прочитай, что сейчас я получил». Я стал ее читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань в Следственную комиссию, учрежденную по делу Пугачева.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! – сказал Зурин. – Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачевым как-нибудь да дошел до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть на несколько еще месяцев, устрашала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV

СУД

Мирская молва –
Морская волна.

Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, во еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидаю-

щих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посереди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востер, – сказал он мне нахмурясь, – но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

– Каким же образом, – возразил мой допросчик, – дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

– «На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...»

Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными изветами злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку – эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея.* Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел – Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, – как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть

показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б **. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявлял ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах

бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! – повторял он, выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым[11]. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастия. Она скрывала от всех свои слезы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевертывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? – сказала она. – Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит

от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. «Поезжай, матушка! – сказал он ей со вздохом. – Мы твоему счастию помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, – словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыха-

нием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

– Вы, верно, не здешние? – сказала она.

– Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

– Вы приехали с вашими родными?

– Никак нет-с. Я приехала одна.

– Одна! Но вы так еще молоды.

– У меня нет ни отца, ни матери.

– Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

– Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

– Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

– Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

– Позвольте спросить, кто вы таковы?

– Я дочь капитана Миронова.

– Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

– Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, – сказала она голосом еще более ласковым, – если я вмешиваюсь в ваши

дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменилось, – и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

– Вы просите за Гринева? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

– Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

– Как неправда! – возразила дама, вся вспыхнув.

– Неправда, ей-богу неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. – Тут она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. «Где вы остановились?» – спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объ-

явлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти Господи! – закричала она. – Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? Все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Чрез несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы

не богаты, – сказала она, – но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель

19 окт. 1836.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пропущенная глава*

Мы приближались к берегам Волги; полк наш вступил в деревню ** и остановился в ней ночевать. Староста объявил мне, что на той стороне все деревни взбунтовались, шайки пугачевские бродят везде. Это известие меня сильно встревожило. Мы должны были переправиться на другой день утром. Нетерпение овладело мной. Деревня отца моего находилась в тридцати верстах по ту сторону реки. Я спросил, не сыщется ли перевозчика. Все крестьяне были рыболовы; лодок было много. Я пришел к Гриневу и объявил ему о своем намерении. «Берегись, – сказал он мне. – Одному ехать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и приведем в гости к твоим родителям 50 человек гусаров на всякий случай».

Я настоял на своем. Лодка была готова. Я сел в нее с двумя гребцами. Они отчалили и ударили в весла.

Небо было ясно. Луна сияла. Погода была тихая – Волга неслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, быстро скользила по темным волнам. Я погрузился в мечты воображения. Прошло около получаса. Мы уже достигли середины реки... вдруг гребцы начали шептаться между собою. «Что такое?» – спросил я, очнувшись. «Не знаем, Бог весть», – отвечали гребцы, смотря в одну сторону. Глаза мои приняли то же направление, и я увидел в сумраке что-то плывшее вниз по Волге. Незнакомый предмет приближался. Я велел гребцам остановиться и дождаться его. Луна зашла за облако. Плывучий призрак сделался еще неяснее. Он был от меня уже близко, и я все еще не мог различить. «Что бы это было, – говорили гребцы. – Парус не парус, мачты не мачты...» – Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, три тела висели на

* Глава эта не включена в окончательную редакцию «Капитанской дочки» и сохранилась в черновой рукописи, где названа «Пропущенная глава». В тексте этой главы Гринев именуется Буланиным, а Зурин – Гриневым.

перекладине. Болезненное любопытство овладело мною. Я захотел взглянуть на лица висельников.

По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, лодка моя толкнулась о плывучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. Яркая луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти. Но, взглянув на третьего, я сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший к Пугачеву. Над ними прибита была черная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: «Воры и бунтовщики». Гребцы смотрели равнодушно и ожидали меня, удерживая плот багром. Я сел опять в лодку. Плот поплыл вниз по реке. Виселица долго чернела во мраке. Наконец она исчезла, и лодка моя причалила к высокому и крутому берегу...

Я щедро расплатился с гребцами. Один из них повел меня к выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошел с ним вместе в избу. Выборный, услыша, что я требую лошадей, принял было меня довольно грубо, но мой вожатый сказал ему тихо несколько слов, и его суровость тотчас обратилась в торопливую услужливость. В одну минуту тройка была готова, я сел в тележку и велел себя везти в нашу деревню.

Я скакал по большой дороге, мимо спящих деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дороге. Если ночная встреча моя на Волге доказывала присутствие бунтовщиков, то она вместе была доказательством и сильного противудействия правительства. На всякий случай я имел в кармане пропуск, выданный мне Пугачевым, и приказ полковника Гринева. Но никто мне не встретился, и к утру я завидел реку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщик ударил по лошадям, и через четверть часа я въехал в **.

Барский дом находился на другом конце села. Лошади мчались во весь дух. Вдруг посереди улицы ямщик начал их удерживать. «Что такое?» – спросил я с нетерпением. «Застава, барин», – отвечал ямщик, с трудом остановя разъяренных

своих коней. В самом деле, я увидел рогатку и караульного с дубиною. Мужик подошел ко мне и снял шляпу, спрашивая пашпорту. «Что это значит? – спросил я его, – зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?» – «Да мы, батюшка, бунтуем», – отвечал он, почесываясь.

– А где ваши господа? – спросил я с сердечным замиранием...

– Господа-то наши где? – повторил мужик. – Господа наши в хлебном анбаре.

– Как в анбаре?

– Да Андрюха, земский, посадил, вишь, их в колодки и хочет везти к батюшке-государю.

– Боже мой! Отворачивай, дурак, рогатку. Что же ты зеваешь?

Караульный медлил. Я выскочил из телеги, треснул его (виноват) в ухо и сам отодвинул рогатку. Мужик мой глядел на меня с глупым недоумением. Я сел опять в телегу и велел скакать к барскому дому. Хлебный анбар находился на дворе. У запертых дверей стояли два мужика также с дубинами. Телега остановилась прямо перед ними. Я выскочил и бросился прямо на них. «Отворяйте двери!» – сказал я им. Вероятно, вид мой был страшен. По крайней мере оба убежали, бросив дубины. Я попытался сбить замок, а двери выломать, но двери были дубовые, а огромный замок несокрушим. В эту минуту статный молодой мужик вышел из людской избы и с видом надменным спросил меня, как я смею буянить. «Где Андрюшка земский, – закричал я ему. – Кликнуть его ко мне».

– Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, – отвечал он мне, гордо подбочась. – Чего надобно?

Вместо ответа я схватил его за ворот и, притащив к дверям анбара, велел их отпирать. Земский было заупрямился, но *отеческое* наказание подействовало и на него. Он вынул ключ и отпер анбар. Я кинулся через порог и в темном углу, слабо освещенном узким отверстием, прорубленным в потолке, увидел мать и отца. Руки их были связаны, на ноги набиты были

колодки. Я бросился их обнимать и не мог выговорить ни слова. Оба смотрели на меня с изумлением, – три года военной жизни так изменили меня, что они не могли меня узнать. Матушка ахнула и залилась слезами.

Вдруг услышал я милый знакомый голос. «Петр Андреич! Это вы!» Я остолбенел... оглянулся и вижу в другом углу Марью Ивановну, также связанную.

Отец глядел на меня молча, не смея верить самому себе. Радость блистала на лице его. Я спешил саблею разрезать узлы их веревок.

– Здравствуй, здравствуй, Петруша, – говорил отец мне, прижимая меня к сердцу, – слава Богу, дождались тебя...

– Петруша, друг мой, – говорила матушка. – Как тебя Господь привел! Здоров ли ты?

Я спешил их вывести из заключения, – но, подошед к двери, я нашел ее снова запертою. «Андрюшка, – закричал я, – отопри!» – «Как не так, – отвечал из-за двери земский. – Сиди-ка сам здесь. Вот ужо научим тебя буянить да за ворот таскать государевых чиновников!»

Я стал осматривать анбар, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться.

– Не трудись, – сказал мне батюшка, – не таковской я хозяин, чтоб можно было в анбары мои входить и выходить воровскими лазейками.

Матушка, на минуту обрадованная моим появлением, впала в отчаяние, видя, что пришлось и мне разделить погибель всей семьи. Но я был спокойнее с тех пор, как находился с ними и с Марьей Ивановной. Со мною была сабля и два пистолета, я мог еще выдержать осаду. Гринев должен был подоспеть к вечеру и нас освободить. Я сообщил все это моим родителям и успел успокоить матушку. Они предались вполне радости свидания.

– Ну, Петр, – сказал мне отец, – довольно ты проказил, и я на тебя порядком был сердит. Но нечего поминать про старое. Надеюсь, что теперь ты исправился и перебесился. Знаю, что ты служил, как надлежит честному офицеру. Спасибо. Утешил

меня, старика. Коли тебе обязан я буду избавлением, то жизнь мне вдвое будет приятнее.

Я со слезами целовал его руку и глядел на Марью Ивановну, которая была так обрадована моим присутствием, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудни услышали мы необычайный шум и крики. «Что это значит, – сказал отец, – уж не твой ли полковник подоспел?» – «Невозможно, – отвечал я. – Он не будет прежде вечера». Шум умножался. Били в набат. По двору скакали конные люди; в эту минуту в узкое отверстие, прорубленное в стене, просунулась седая голова Савельича, и мой бедный дядька произнес жалобным голосом: «Андрей Петрович, Авдотья Васильевна, батюшка ты мой, Петр Андреич, матушка Марья Ивановна, беда! злодеи вошли в село. И знаешь ли, Петр Андреич, кто их привел? Швабрин, Алексей Иваныч, нелегкое его побери!» Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною.

– Послушай, – сказал я Савельичу, – пошли кого-нибудь верхом к * перевозу, навстречу гусарскому полку; и вели дать знать полковнику об нашей опасности.

– Да кого же послать, сударь! Все мальчишки бунтуют, а лошади все захвачены! Ахти! Вот уж на дворе – до анбара добираются.

В это время за дверью раздалось несколько голосов. Я молча дал знак матушке и Марье Ивановне удалиться в угол, обнажил саблю и прислонился к стене у самой двери. Батюшка взял пистолеты и на обоих взвел курки и стал подле меня. Загремел замок, дверь отворилась, и голова земского показалась. Я ударил по ней саблею, и он упал, заградив вход. В ту же минуту батюшка выстрелил в дверь из пистолета. Толпа, осаждавшая нас, отбежала с проклятиями. Я перетащил через порог раненого и запер дверь внутреннею петлею. Двор был полон вооруженных людей. Между ими узнал я Швабрина.

– Не бойтесь, – сказал я женщинам. – Есть надежда. А вы, батюшка, уже более не стреляйте. Побережем последний заряд.

Матушка молча молилась Богу; Марья Ивановна стояла подле нее, с ангельским спокойствием ожидая решения судьбы нашей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятия. Я стоял на своем месте, готовясь изрубить первого смельчака. Вдруг злодеи замолчали. Я услышал голос Швабрина, зовущего меня по имени.

– Я здесь, чего ты хочешь?

– Сдайся, Буланин, противиться напрасно. Пожалей своих стариков. Упрямством себя не спасешь. Я до вас доберусь!

– Попробуй, изменник!

– Не стану ни сам соваться по-пустому, ни своих людей тратить. А велю поджечь анбар и тогда посмотрим, что ты станешь делать, Дон-Кишот Белогорский. Теперь время обедать. Покамест сиди да думай на досуге. До свидания, Марья Ивановна, не извиняюсь перед вами: вам, вероятно, не скучно в потемках с вашим рыцарем.

Швабрин удалился и оставил караул у анбара. Мы молчали. Каждый из нас думал про себя, не смея сообщить другому своих мыслей. Я воображал себе все, что в состоянии был учинить озлобленный Швабрин. О себе я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моих не столько ужасала меня, как судьба Марьи Ивановны. Я знал, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми, батюшка, несмотря на свою строгость, был также любим, ибо был справедлив и знал истинные нужды подвластных ему людей. Бунт их был заблуждение, мгновенное пьянство, а не изъявление их негодования. Тут пощада была вероятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовил ей развратный и бессовестный человек? Я не смел остановиться на этой ужасной мысли и готовился, прости Господи, скорее умертвить ее, нежели вторично увидеть в руках жестокого недруга.

Прошло еще около часа. В деревне раздавались песни пьяных. Караульные наши им завидовали и, досадуя на нас, ругались и стращали нас истязаниями и смертию. Мы ожидали последствия угрозам Швабрина. Наконец сделалось большое движение на дворе, и мы опять услышали голос Швабрина.

– Что, надумались ли вы? Отдаетесь ли добровольно в мои руки?

Никто ему не отвечал. Подождав немного, Швабрин велел принести соломы. Через несколько минут вспыхнул огонь и осветил темный анбар и дым начал пробиваться из-под щелей порога. Тогда Марья Ивановна подошла ко мне и тихо, взяв меня за руку, сказала:

– Полно, Петр Андреич! Не губите за меня и себя и родителей. Выпустите меня. Швабрин меня послушает.

– Ни за что, – закричал я с сердцем. – Знаете ли вы, что вас ожидает?

– Бесчестия я не переживу, – отвечала она спокойно. – Но, может быть, я спасу моего избавителя и семью, которая так великодушно призрела мое бедное сиротство. Прощайте, Андрей Петрович. Прощайте, Авдотья Васильевна. Вы были для меня более, чем благодетели. Благословите меня. Простите же и вы, Петр Андреич. Будьте уверены, что... что... – тут она заплакала... и закрыла лицо руками... Я был как сумасшедший. Матушка плакала.

– Полно врать, Марья Ивановна, – сказал мой отец. – Кто тебя пустит одну к разбойникам! Сиди здесь и молчи. Умирать, так умирать уж вместе. Слушай, что там еще говорят?

– Сдаетесь ли? – кричал Швабрин. – Видите? через пять минут вас изжарят.

– Не сдадимся, злодей! – отвечал ему батюшка твердым голосом.

Лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительною бодростию, глаза грозно сверкали из-под седых бровей. И, обратясь ко мне, сказал:

– Теперь пора!

Он отпер двери. Огонь ворвался и взвился по бревнам, законопаченным сухим мохом. Батюшка выстрелил из пистолета и шагнул за пылающий порог, закричав: «Все за мною». Я схватил за руку матушку и Марью Ивановну и быстро вывел их на воздух. У порога лежал Швабрин, простреленный дряхлою рукою отца моего; толпа разбойников, бежавшая от

неожиданной нашей вылазки, тотчас ободрилась и начала нас окружать. Я успел нанести еще несколько ударов, но кирпич, удачно брошенный, угодил мне прямо в грудь. Я упал и на минуту лишился чувств. Пришед в себя, увидел я Швабрина, сидевшего на окровавленной траве, и перед ним все наше семейство. Меня поддерживали под руки. Толпа крестьян, казаков и башкирцев окружала нас. Швабрин был ужасно бледен. Одной рукой прижимал он раненый бок. Лицо его изображало мучение и злобу. Он медленно поднял голову, взглянул на меня и произнес слабым и невнятным голосом:

– Вешать его... и всех... кроме ее...

Тотчас толпа злодеев окружила нас и с криком потащила к воротам. Но вдруг они нас оставили и разбежались; в ворота въехал Гринев и за ним целый эскадрон с саблями наголо.

Бунтовщики утекали во все стороны; гусары их преследовали, рубили и хватали в плен. Гринев соскочил с лошади, поклонился батюшке и матушке и крепко пожал мне руку. «Кстати же я подоспел, – сказал он нам. – А! вот и твоя невеста». Марья Ивановна покраснела по уши. Батюшка к нему подошел и благодарил его с видом спокойным, хотя и тронутым. Матушка обнимала его, называя ангелом избавителем. «Милости просим к нам», – сказал ему батюшка и повел его к нам в дом.

Проходя мимо Швабрина, Гринев остановился. «Это кто?» – спросил он, глядя на раненого. «Это сам предводитель, начальник шайки, – отвечал мой отец с некоторой гордостью, обличающей старого воина, – Бог помог дряхлой руке моей наказать молодого злодея и отомстить ему за кровь моего сына».

– Это Швабрин, – сказал я Гриневу.

– Швабрин! Очень рад. Гусары! возьмите его! Да сказать нашему лекарю, чтоб он перевязал ему рану и берег его как зеницу ока. Швабрина надобно непременно представить в секретную Казанскую комиссию. Он один из главных преступников, и показания его должны быть важны.

Швабрин открыл томный взгляд. На лице его ничего не изображалось, кроме физической муки. Гусары отнесли его на плаще.

Мы вошли в комнаты. С трепетом смотрел я вокруг себя, припоминая свои младенческие годы. Ничто в доме не изменилось, все было на прежнем месте. Швабрин не дозволил его разграбить, сохраняя в самом своем унижении невольное отвращение от бесчестного корыстолюбия. Слуги явились в переднюю. Они не участвовали в бунте и от чистого сердца радовались нашему избавлению. Савельич торжествовал. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападением разбойников, он побежал в конюшню, где стояла Швабрина лошадь, оседлал ее, вывел тихонько и благодаря суматохе незаметным образом поскакал к перевозу. Он встретил полк, отдыхавший уже по сю сторону Волги. Гринев, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал марш, марш в галоп – и, слава Богу, прискакал вовремя.

Гринев настоял на том, чтобы голова земского была на несколько часов выставлена на шесте у кабака.

Гусары возвратились с погони, захватя в плен несколько человек. Их заперли в тот самый анбар, в котором выдержали мы достопамятную осаду.

Мы разошлись каждый по своим комнатам. Старикам нужен был отдых. Не спавши целую ночь, я бросился на постель и крепко заснул. Гринев пошел делать свои распоряжения.

Вечером мы соединились в гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай, я сел подле нее и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрели на нежность наших отношений. Доселе этот вечер живет в моем воспоминании. Я был счастлив, счастлив совершенно, а много ли таковых минут в бедной жизни человеческой?

На другой день доложили батюшке, что крестьяне явились на барский двор с повинною. Батюшка вышел к ним на крыльцо. При его появлении мужики стали на колени.

– Ну что, дураки, – сказал он им, – зачем вы вздумали бунтовать?

– Виноваты, государь ты наш, – отвечали они в голос.

– То-то, виноваты. Напроказят, да и сами не рады. Прощаю вас для радости, что Бог привел мне свидеться с сыном Петром Андреичем. Ну, добро: повинную голову меч не сечет. – Виноваты! Конечно, виноваты. Бог дал ведро, пора бы сено убрать; а вы, дурачье, целые три дня что делали? Староста! Нарядить поголовно на сенокос; да смотри, рыжая бестия, чтоб у меня к Ильину дню все сено было в копнах. Убирайтесь.

Мужики поклонились и пошли на барщину как ни в чем не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его с конвоем отправили в Казань. Я видел из окна, как его уложили в телегу. Взоры наши встретились, он потупил голову, а я поспешно отошел от окна. Я боялся показывать вид, что торжествую над несчастием и унижением недруга.

Гринев должен был отправиться далее. Я решился за ним последовать, несмотря на мое желание пробыть еще несколько дней посреди моего семейства. Накануне похода я пришел к моим родителям и по тогдашнему обыкновению поклонился им в ноги, прося их благословения на брак с Марьей Ивановной. Старики меня подняли и в радостных слезах изъявили свое согласие. Я привел к ним Марью Ивановну бледную и трепещущую. Нас благословили... Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет, – кто не бывал, о том только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить от родителей благословение.

На другой день полк собрался, Гринев распростился с нашим семейством. Все мы были уверены, что военные действия скоро будут прекращены; через месяц я надеялся быть супругом. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцеловала меня при всех. Я сел верхом. Савельич опять за мною последовал – и полк ушел.

Долго смотрел я издали на сельский дом, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствие тревожило меня. Кто-то мне шептал, что не все несчастия для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончания Пугачевской войны. Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.

Пугачев бежал, преследуемый Ив. Ив. Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Гринев получил от своего генерала известие о поимке самозванца, а вместе и повеление остановиться. Наконец мне можно было ехать домой. Я был в восторге; но странное чувство омрачало мою радость.

АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО

(1827)

Железной волею Петра
Преображенная Россия.

Н. Языков.

ГЛАВА I

Я в Париже:
Я начал жить, а не дышать.

Дмитриев.
Журнал путешественника.

В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне[1)] и, тяжело раненный, возвратился в Париж. Император посреди обширных своих трудов не преставал осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения. Петр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предлогами, то раною, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровии, благодарил за ревность к учению и,

крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления.

По свидетельству всех исторических записок ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностию двора, важностию и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский[2)], соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастию, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен. На ту пору явился Law[3)]; алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей.

Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, все, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое почтение. Проказы герцога Ришелье[4)], Алкивиада новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах сего времени.

Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D’un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l’on fait tout excepté pénitence*

* Счастливое время, отмеченное вольностью нравов,
Когда безумие, звеня своей погремушкой,
Легкими стопами обегает всю Францию,

Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя le Nègre du czar* и ловили его наперехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера; он присутствовал на ужинах, одушевленных молодостию Аруэта[5)] и старостию Шолье[6)], разговорами Монтескье и Фонтенеля; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостию своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербургского двора не одна ужасала Ибрагима. Другие сильнейшие узы привязывали его к Парижу. Молодой африканец любил.

Графиня D., уже не в первом цвете лет, славилась еще своею красотою. Семнадцати лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился. Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем, ибо нельзя было упрекнуть ее в каком-нибудь смешном или соблазнительном приключенье. Дом ее был самый модный. У ней соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания; это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего. Он

Когда ни один из смертных не изволит быть богомольным,
Когда готовы на все, кроме покаяния (*франц.).*

* царского негра (*франц.*).

даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть обращению его с женщинами. Разговор его был прост и важен; он понравился графине D., которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у ней. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудреных париков ее гостиной. (Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку.) Ему было двадцать семь лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство, но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал, или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини, недоверчивость его исчезала. Ее глаза выражали такое милое добродушие, ее обхождение с ним было так просто, так непринужденно, что невозможно было в ней подозревать и тени кокетства или насмешливости.

Любовь не приходила ему на ум, – а уже видеть графиню каждый день было для него необходимо. Он повсюду искал ее встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостию неба. Графиня, прежде чем он сам, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает сердце женское вернее всех расчетов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следовала за всеми его движениями, вслушивалась во все его речи; без него она задумывалась и впадала в обыкновенную свою рассеянность... Мервиль первый заметил эту взаимную склонность и поздравил Ибрагима. Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору. Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселе не представлялась его воображе-

нию; надежда вдруг озарила его душу; он влюбился без памяти. Напрасно графиня, испуганная исступлению его страсти, хотела противуставить ей увещания дружбы и советы благоразумия, она сама ослабевала. Неосторожные вознаграждения быстро следовали одно за другим. И наконец, увлеченная силою страсти, ею же внушенной, изнемогая под ее влиянием, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается от взоров наблюдательного света. Новая связь графини стала скоро всем известна. Некоторые дамы изумлялись ее выбору, многим казался он очень естественным. Одни смеялись, другие видели с ее стороны непростительную неосторожность. В первом упоении страсти Ибрагим и графиня ничего не замечали, но вскоре двусмысленные шутки мужчин и колкие замечания женщин стали до них доходить. Важное и холодное обращение Ибрагима доселе ограждало его от подобных нападений; он выносил их нетерпеливо и не знал, чем отразить. Графиня, привыкшая к уважению света, не могла хладнокровно видеть себя предметом сплетней и насмешек. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтоб напрасным шумом не погубить ее совершенно.

Новое обстоятельство еще более запутало ее положение. Обнаружилось следствие неосторожной любви. Утешения, советы, предложения – все было истощено и все отвергнуто. Графиня видела неминуемую гибель и с отчаянием ожидала ее.

Как скоро положение графини стало известно, толки начались с новою силою. Чувствительные дамы ахали от ужаса; мужчины бились об заклад, кого родит графиня: белого ли, или черного ребенка. Эпиграммы сыпались насчет ее мужа, который один во всем Париже ничего не знал и ничего не подозревал.

Роковая минута приближалась. Состояние графини было ужасно. Ибрагим каждый день был у нее. Он видел, как силы душевные и телесные постепенно в ней исчезали. Ее слезы, ее ужас возобновлялись поминутно. Наконец она почувствовала первые муки. Меры были приняты наскоро.

Графа нашли способ удалить. Доктор приехал. Два дня перед сим уговорили одну бедную женщину уступить в чужие руки новорожденного своего младенца; за ним послали поверенного. Ибрагим находился в кабинете близ самой спальни, где лежала несчастная графиня. Не смея дышать, он слышал ее глухие стенанья, шепот служанки и приказанья доктора. Она мучилась долго. Каждый стон ее раздирал его душу; каждый промежуток молчания обливал его ужасом... вдруг он услыхал слабый крик ребенка и, не имея силы удержать своего восторга, бросился в комнату графини – черный младенец лежал на постеле в ее ногах. Ибрагим к нему приближился. Сердце его билось сильно. Он благословил сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но доктор, опасаясь для больной слишком сильных потрясений, оттащил Ибрагима от ее постели. Новорожденного положили в крытую корзину и вынесли из дому по потаенной лестнице. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель в спальне роженицы. Ибрагим уехал немного успокоенный. Ждали графа. Он возвратился поздно, узнал о счастливом разрешении супруги и был очень доволен. Таким образом публика, ожидавшая соблазнительного шума, обманулась в своей надежде и была принуждена утешаться единым злословием.

Все вошло в обыкновенный порядок. Но Ибрагим чувствовал, что судьба его должна была перемениться и что связь его рано или поздно могла дойти до сведения графа D. В таком случае, что бы ни произошло, погибель графини была неизбежна. Он любил страстно и так же был любим; но графиня была своенравна и легкомысленна. Она любила не в первый раз. Отвращение, ненависть могли заменить в ее сердце чувства самые нежные. Ибрагим предвидел уже минуту ее охлаждения; доселе он не ведал ревности, но с ужасом ее предчувствовал; он воображал, что страдания разлуки должны быть менее мучительны, и уже намеревался разорвать несчастную связь, оставить Париж и отправиться в Россию, куда давно призывали его и Петр и темное чувство собственного долга.

ГЛАВА II

Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен...
Желанием честей размучен.
Зовет, я слышу, славы шум!

Державин

Дни, месяцы проходили, и влюбленный Ибрагим не мог решиться оставить им обольщенную женщину. Графиня час от часу более к нему привязывалась. Сын их воспитывался в отдаленной провинции. Сплетни света стали утихать, и любовники начинали наслаждаться большим спокойствием, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущем.

Однажды Ибрагим был у выхода герцога Орлеанского. Герцог, проходя мимо его, остановился и вручил ему письмо, приказав прочесть на досуге. Это было письмо Петра Первого. Государь, угадывая истинную причину его отсутствия, писал герцогу, что он ни в чем неволить Ибрагима не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или нет, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. С той минуты участь его была решена. На другой день он объявил регенту свое намерение немедленно отправиться в Россию. «Подумайте о том, что делаете, – сказал ему герцог, – Россия не есть ваше отечество; не думаю, чтоб вам когда-нибудь удалось опять увидеть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребывание во Франции сделало вас равно чуждым климату и образу жизни полудикой России. Вы не родились подданным Петра. Поверьте мне: воспользуйтесь его великодушным позволением. Останьтесь во Франции, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте уверены, что и здесь ваши заслуги и дарования не останутся без достойного вознаграждения». Ибрагим искрен-

но благодарил герцога, но остался тверд в своем намерении. «Жалею, – сказал ему регент, – но, впрочем, вы правы». Он обещал ему отставку и написал обо всем русскому царю.

Ибрагим скоро собрался в дорогу. Накануне своего отъезда провел он, по обыкновению, вечер у графини D. Она ничего не знала; Ибрагим не имел духа ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она несколько раз подзывала его к себе и шутила над его задумчивостью. После ужина все разъехались. Остались в гостиной графиня, ее муж да Ибрагим. Несчастный отдал бы все на свете, чтоб только остаться с нею наедине; но граф D., казалось, расположился у камина так спокойно, что нельзя было надеяться выжить его из комнаты. Все трое молчали. «Bonne nuit»*,– сказала наконец графиня. Сердце Ибрагима стеснилось и вдруг почувствовало все ужасы разлуки. Он стоял неподвижно. «Bonne nuit, messieurs»**, – повторила графиня. Он все не двигался... наконец глаза его потемнели, голова закружилась, он едва мог выйти из комнаты. Приехав домой, он почти в беспамятстве написал следующее письмо:

«Я еду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебе, потому что не имею сил иначе с тобою объясниться.

Счастие мое не могло продолжиться. Я наслаждался им вопреки судьбе и природе. Ты должна была меня разлюбить; очарование должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преследовала, даже в те минуты, когда, казалось, забывал я все, когда у твоих ног упивался я твоим страстным самоотвержением, твоею неограниченною нежностию... Легкомысленный свет беспощадно гонит на самом деле то, что дозволяет в теории: его холодная насмешливость, рано или поздно, победила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу и ты наконец устыдилась бы своей страсти... что было б тогда со мною? Нет! лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

Твое спокойствие мне всего дороже: ты не могла им наслаждаться, пока взоры света были на нас устремлены. Вспом-

* Доброй ночи (*франц.*).

** Доброй ночи, господа (*франц.*).

ни все, что ты вытерпела, все оскорбления самолюбия, все мучения боязни; вспомни ужасное рождение нашего сына. Подумай: должен ли я подвергать тебя долее тем же волнениям и опасностям? Зачем силиться соединить судьбу столь нежного, столь прекрасного создания с бедственной судьбою негра, жалкого творения, едва удостоенного названия человека?

Прости, Леонора, прости, милый, единственный друг. Оставляя тебя, оставляю первые и последние радости моей жизни. Не имею ни отечества, ни ближних. Еду в печальную Россию, где мне отрадою будет мое совершенное уединение. Строгие занятия, которым отныне предаюсь, если не заглушат, то по крайней мере будут развлекать мучительные воспоминания о днях восторгов и блаженства... Прости, Леонора – отрываюсь от этого письма, как будто из твоих объятий; прости, будь счастлива – и думай иногда о бедном негре, о твоем верном Ибрагиме».

В ту же ночь он отправился в Россию.

Путешествие не показалось ему столь ужасно, как он того ожидал. Воображение его восторжествовало над существенностию. Чем более удалялся он от Парижа, тем живее, тем ближе представлял он себе предметы, им покидаемые навек.

Нечувствительным образом очутился он на русской границе. Осень уже наступала. Но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его с быстротою ветра, и в семнадцатый день своего путешествия прибыл он утром в Красное Село, чрез которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось двадцать восемь верст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошел в ямскую избу. В углу человек высокого росту, в зеленом кафтане, с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. «Ба! Ибрагим? – закричал он, вставая с лавки. – Здорово, крестник!» Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился. Государь приближился, обнял его и поцеловал в голову. «Я был предуведомлен о твоем приезде, – сказал Петр, – и поехал тебе навстречу. Жду тебя здесь

со вчерашнего дня». Ибрагим не находил слов для изъявления своей благодарности. «Вели же, – продолжал государь, – твою повозку везти за нами; а сам садись со мною и поедем ко мне». Подали государеву коляску. Он сел с Ибрагимом, и они поскакали. Чрез полтора часа они приехали в Петербург. Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца так называемого Царицына сада. На крыльце встретила Петра женщина лет тридцати пяти, прекрасная собою, одетая по последней парижской моде. Петр поцеловал ее в губы и, взяв Ибрагима за руку, сказал: «Узнала ли ты, Катенька, моего крестника: прошу любить и жаловать его по-прежнему». Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Две юные красавицы, высокие, стройные, свежие как розы стояли за нею и почтительно приближились к Петру. «Лиза, – сказал он одной из них, – помнишь ли ты маленького арапа, который для тебя крал у меня яблоки в Ораньенбауме? вот он: представляю тебе его». Великая княжна засмеялась и покраснела. Пошли в столовую. В ожидании государя стол был накрыт. Петр со всем семейством сел обедать, пригласив и Ибрагима. Во время обеда государь с ним разговаривал о разных предметах, расспрашивал его о Испанской воине, о внутренних делах Франции, о регенте, которого он любил, хотя и осуждал в нем многое. Ибрагим отличался умом точным и наблюдательным. Петр был очень доволен его ответами; он вспомнил некоторые черты Ибрагимова младенчества и рассказывал их с таким добродушием и веселостью, что никто в ласковом и гостеприимном хозяине не мог бы подозревать героя полтавского, могучего и грозного преобразователя России.

После обеда государь, по русскому обыкновению, пошел отдохнуть. Ибрагим остался с императрицей и с великими княжнами. Он старался удовлетворить их любопытству, описывал образ парижской жизни, тамошние праздники и своенравные моды. Между тем некоторые из особ, приближенных к государю, собралися во дворец. Ибрагим узнал великолепного князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающего с Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукого, крутого советника Петра; ученого Брюса, прослывшего в народе русским Фаустом; молодого Рагузинского, бывшего своего товарища, и других пришедших к государю с докладами и за приказаниями.

Государь вышел часа через два. «Посмотрим, – сказал он Ибрагиму, – не позабыл ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною». Петр заперся в токарне и занялся государственными делами. Он по очереди работал с Брюсом, с князем Долгоруким, с генерал-полицмейстером Девиером и продиктовал Ибрагиму несколько указов и решений. Ибрагим не мог надивиться быстрому и твердому его разуму, силе и гибкости внимания и разнообразию деятельности. По окончанию трудов Петр вынул карманную книжку, дабы справиться, все ли им предполагаемое на сей день исполнено. Потом, выходя из токарни, сказал Ибрагиму: «Уж поздно; ты, я чай, устал: ночуй здесь, как бывало в старину. Завтра я тебя разбужу».

Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться. Он находился в Петербурге, он видел вновь великого человека, близ которого, еще не зная ему цены, провел он свое младенчество. Почти с раскаянием признавался он в душе своей, что графиня D., в первый раз после разлуки, не была во весь день единственной его мыслию. Он увидел, что новый образ жизни, ожидающий его, деятельность и постоянные занятия могут оживить его душу, утомленную страстями, праздностию и тайным унынием. Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия.

В сем расположении духа он лег в приготовленную для него походную кровать, и тогда привычное сновидение перенесло его в дальний Париж в объятия милой графини.

ГЛАВА III

Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ,
Что любим днесь, то завтра ненавидим.

В. Кюхельбекер.

На другой день Петр по своему обещанию разбудил Ибрагима и поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей он сам был капитаном. Придворные окружили Ибрагима, всякий по-своему старался обласкать нового любимца. Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметев[7)] осведомился о своих парижских знакомых, а Головин[8)] позвал обедать. Сему последнему примеру последовали и прочие, так что Ибрагим получил приглашений по крайней мере на целый месяц.

Ибрагим проводил дни однообразные, но деятельные – следственно, не знал скуки. Он день ото дня более привязывался к государю, лучше постигал его высокую душу. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. Ибрагим видал Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным[9)] и Долгоруким[10)], разбирающего важные запросы законодательства, в адмиралтейской коллегии утверждающего морское величие России, видел его с Феофаном[11)], Гавриилом Бужинским[12)] и Копиевичем[13)], в часы отдохновения рассматривающего переводы иностранных публицистов или посещающего фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинет ученого. Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом. Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка

и старался как можно менее сожалеть об увеселениях парижской жизни. Труднее было ему удалить от себя другое, милое воспоминание: часто думал он о графине D., воображал ее справедливое негодование, слезы и уныние... но иногда мысль ужасная стесняла его грудь: рассеяние большого света, новая связь, другой счастливец – он содрогался; ревность начинала бурлить в африканской его крови, и горячие слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утром сидел он в своем кабинете, окруженный деловыми бумагами, как вдруг услышал громкое приветствие на французском языке; Ибрагим с живостью оборотился, и молодой Корсаков, которого он оставил в Париже, в вихре большого света, обнял его с радостными восклицаниями. «Я сей час только приехал, – сказал Корсаков, – и прямо прибежал к тебе. Все наши парижские знакомые тебе кланяются, жалеют о твоем отсутствии; графиня D. велела звать тебя непременно, и вот тебе от нее письмо». Ибрагим схватил его с трепетом и смотрел на знакомый почерк надписи, не смея верить своим глазам. «Как я рад,– продолжал Корсаков, – что ты еще не умер со скуки в этом варварском Петербурге! что здесь делают, чем занимаются? кто твой портной? заведена ли у вас хоть опера?» Ибрагим в рассеянии отвечал, что, вероятно, государь работает теперь на корабельной верфи. Корсаков засмеялся. «Вижу, – сказал он, – что тебе теперь не до меня; в другое время наговоримся досыта; еду представляться государю». С этим словом он перевернулся на одной ножке и выбежал из комнаты.

Ибрагим, оставшись наедине, поспешно распечатал письмо. Графиня нежно ему жаловалась, упрекая его в притворстве и недоверчивости. «Ты говоришь, – писала она, – что мое спокойствие дороже тебе всего на свете: Ибрагим! если б это была правда, мог ли бы ты подвергнуть меня состоянию, в которое привела меня нечаянная весть о твоем отъезде? Ты боялся, чтоб я тебя не удержала; будь уверен, что, несмотря на мою любовь, я умела бы ею пожертвовать твоему благополучию и тому, что почитаешь ты своим долгом». Графиня заключала письмо страстными уверениями в любви и закли-

нала его хоть изредка ей писать, если уже не было для них надежды снова свидеться когда-нибудь.

Ибрагим двадцать раз перечел это письмо, с восторгом целуя бесценные строки. Он горел нетерпением услышать что-нибудь об графине и собрался ехать в адмиралтейство, надеясь там застать еще Корсакова, но дверь отворилась, и сам Корсаков явился опять; он уже представлялся государю – и по своему обыкновению казался очень собою доволен. «Entre nous*, – сказал он Ибрагиму, – государь престранный человек; вообрази, что я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принужден я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на веревочной лестнице и не имел довольно места, чтоб сделать приличный реверанс, и совершенно замешался, что отроду со мной не случалось. Однако ж государь, прочитав бумаги, посмотрел на меня с головы до ног и, вероятно, был приятно поражен вкусом и щегольством моего наряда; по крайней мере он улыбнулся и позвал меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я в Петербурге совершенный чужестранец, во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения, пожалуйста будь моим ментором, заезжай за мной и представь меня». Ибрагим согласился и спешил обратить разговор к предмету, более для него занимательному. «Ну, что графиня D.?» – «Графиня? она, разумеется, сначала очень была огорчена твоим отъездом; потом, разумеется, мало-помалу утешилась и взяла себе нового любовника; знаешь кого? длинного маркиза R.; что же ты вытаращил свои арапские белки? или все это кажется тебе странным; разве ты не знаешь, что долгая печаль не в природе человеческой, особенно женской; подумай об этом хорошенько, а я пойду, отдохну с дороги; не забудь же за мною заехать».

Какие чувства наполнили душу Ибрагима? ревность? бешенство? отчаянье? нет; но глубокое, стесненное уныние. Он повторял себе: «Это я предвидел, это должно было случиться». Потом открыл письмо графини, перечел его снова, повесил голову и горько заплакал. Он плакал долго. Слезы облегчили

* Между нами (*франц.*).

его сердце. Посмотрев на часы, увидел он, что время ехать. Ибрагим был бы очень рад избавиться, но ассамблея была дело должностное, и государь строго требовал присутствия своих приближенных. Он оделся и поехал за Корсаковым.

Корсаков сидел в шлафорке, читая французскую книгу. «Так рано», – сказал он Ибрагиму, увидя его. «Помилуй, – отвечал тот, – уж половина шестого; мы опоздаем; скорей одевайся и поедем». Корсаков засуетился, стал звонить изо всей мочи; люди сбежались; он стал поспешно одеваться. Француз-камердинер подал ему башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли. Корсаков всунул в него стриженую головку, потребовал шпагу и перчатки, раз десять перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он готов. Гайдуки подали им медвежие шубы, и они поехали в Зимний дворец.

Корсаков осыпал Ибрагима вопросами, кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде? Ибрагим весьма неохотно удовлетворял его любопытству. Между тем они подъехали ко дворцу. Множество длинных саней, старых колымаг и раззолоченных карет стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера в ливрее и в усах, скороходы, блистающие мишурою, в перьях и с булавами, гусары, пажи, неуклюжие гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своих господ: свита необходимая, по понятиям бояр тогдашнего времени. При виде Ибрагима поднялся между ними общий шепот: «Арап, арап, царский арап!» Он поскорее провел Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворил им двери настичь, и они вошли в залу. Корсаков остолбенел... В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыму, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперед при беспрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали

всею роскошию моды. Золото и серебро блистало на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку. Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием, присутствовали на сих нововведенных игрищах и с досадою косились на жен и дочерей голландских шкиперов, которые в канифасных юбках и в красных кофточках вязали свой чулок, между собою смеясь и разговаривая как будто дома. Корсаков не мог опомниться. Заметя новых гостей, слуга подошел к ним с пивом и стаканами на подносе. «Que diable est-ce que tout cela?»*, – спрашивал Корсаков вполголоса у Ибрагима. Ибрагим не мог не улыбнуться. Императрица и великие княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, приветливо с ними разговаривая. Государь был в другой комнате. Корсаков, желая ему показаться, насилу мог туда пробраться сквозь беспрестанно движущуюся толпу. Там сидели большею частию иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опорожнивая глиняные кружки. На столах расставлены были бутылки пива и вина, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма, и государь так был озадачен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова, как он около их ни вертелся. В это время толстый господин, с толстым букетом на груди, суетливо вошел, объявил громогласно, что танцы начались,– и тотчас ушел; за ним последовало множество гостей, в том числе и Корсаков.

Неожиданное зрелище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звуке самой плачевной музыки, дамы и

* Что за чертовщина все это? (*франц.*)

кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже приседали, сперва прямо против себя, потом поворотясь направо, потом налево, там опять прямо, опять направо и так далее. Корсаков, смотря на сие затейливое препровождение времени, таращил глаза и кусал себе губы. Приседания и поклоны продолжались около получаса; наконец они прекратились, и толстый господин с букетом провозгласил, что церемониальные танцы кончились, и приказал музыкантам играть менуэт. Корсаков обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна в особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лет, она была одета богато, но со вкусом, и сидела подле мужчины пожилых лет, виду важного и сурового. Корсаков к ней разлетелся и просил сделать честь пойти с ним танцевать. Молодая красавица смотрела на него с замешательством и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидевший подле нее, нахмурился еще более. Корсаков ждал ее решения, но господин с букетом подошел к нему, отвел на средину залы и важно сказал: «Государь мой, ты провинился: во-первых, подошед к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса; а во-вторых, взяв на себя самому ее выбрать, тогда как в менуэтах право сие подобает даме, а не кавалеру; сего ради имеешь ты быть весьма наказан, именно должен выпить *кубок большого орла*». Корсаков час от часу более дивился. В одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленного исполнения закона. Петр, услыша хохот и сии крики, вышел из другой комнаты, будучи большой охотник лично присутствовать при таковых наказаниях. Перед ним толпа раздвинулась, и он вступил в круг, где стоял осужденный и перед ним маршал ассамблеи с огромным кубком, наполненным мальвазии. Он тщетно уговаривал преступника добровольно повиноваться закону. «Ага, – сказал Петр, увидя Корсакова, – попался, брат, изволь же, мосье, пить и не морщиться». Делать было нечего. Бедный щеголь, не переводя духу, осушил весь кубок и отдал его маршалу. «Послушай, Корсаков, – сказал ему Петр, – штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я

тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтоб я с тобой не побранился». Выслушав сей выговор, Корсаков хотел выйти из кругу, но зашатался и чуть не упал, к неописанному удовольствию государя и всей веселой компании. Сей эпизод не только не повредил единству и занимательности главного действия, но еще оживил его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы приседать и постукивать каблучками с большим усердием и уж вовсе не наблюдая каданса. Корсаков не мог участвовать в общем веселии. Дама, им выбранная, по повелению отца своего, Гаврилы Афанасьевича, подошла к Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагим протанцевал с нею менуэт и отвел ее на прежнее место; потом, отыскав Корсакова, вывел его из залы, посадил в карету и повез домой. Дорогою Корсаков сначала невнятно лепетал: «Проклятая ассамблея!.. проклятый кубок большого орла!..» – но вскоре заснул крепким сном, не чувствовал, как он приехал домой, как его раздели и уложили; и проснулся на другой день с головною болью, смутно помня шарканья, приседания, табачный дым, господина с букетом и кубок большого орла.

ГЛАВА IV

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.

Руслан и Людмила.

Теперь должен я благосклонного читателя познакомить с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским. Он происходил от древнего боярского рода, владел огромным имением, был хлебосол, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русский барин, по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранить обычаи любезной ему старины.

Дочери его было семнадцать лет от роду. Еще ребенком лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, то есть окружена мамушками, нянюшками, подружками и сенными девушками, шила золотом и не знала грамоты; отец ее, несмотря на отвращение свое от всего заморского, не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким у пленного шведского офицера, живущего в их доме. Сей заслуженный танцмейстер имел лет пятьдесят от роду, правая нога была у него прострелена под Нарвою и потому была не весьма способна к менуэтам и курантам, зато левая с удивительным искусством и легкостию выделывала самые трудные *па*. Ученица делала честь ее стараниям. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступку Корсакова, который на другой день приезжал извиняться перед Гаврилою Афанасьевичем; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который и прозвал его остроумно французской обезьяною.

День был праздничный. Гаврила Афанасьевич ожидал несколько родных и приятелей. В старинной зале накрывали длинный стол. Гости съезжались с женами и дочерьми, наконец освобожденными от затворничества домашнего указами государя и собственным его примером. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный поднос, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпил свою, жалея, что поцелуй, получаемый в старину при таком случае, вышел уж из обыкновения. Пошли за стол. На первом месте, подле хозяина, сел тесть его, князь Борис Алексеевич Лыков, семидесятилетний боярин; прочие гости, наблюдая старшинство рода и тем поминая счастливые времена местничества, сели – мужчины по одной стороне, женщины по другой; на конце заняли свои привычные места: барская барыня в старинном шушуне и кичке; карлица, тридцатилетняя малютка, чопорная и сморщенная, и пленный швед в синем поношенном мундире. Стол, уставленный множеством блюд, был окружен суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкий строгим взором, толстым брюхом и величавой неподвиж-

ностию. Первые минуты обеда посвящены были единственно на внимание к произведениям старинной нашей кухни, звон тарелок и деятельных ложек возмущал один общее безмолвие. Наконец, хозяин, видя, что время занять гостей приятною беседою, оборотился и спросил: «А где же Екимовна? Позвать ее сюда». Несколько слуг бросились было в разные стороны, но в ту же минуту старая женщина, набеленная и нарумяненная, убранная цветами и мишурою, в штофном робронде, с открытой шеей и грудью, вошла припевая и подплясывая. Ее появление произвело общее удовольствие.

– Здравствуй, Екимовна, – сказал князь Лыков, – каково поживаешь?

– Подобру-поздорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаючи.

– Где ты была, дура? – спросил хозяин.

– Наряжалась, кум, для дорогих гостей, для Божия праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смех всему миру, по немецкому маниру.

При сих словах поднялся громкий хохот, и дура стала на свое место, за стулом хозяина.

– А дура-то врет, врет, да и правду соврет, – сказала Татьяна Афанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно им уважаемая. – Подлинно, нынешние наряды на смех всему миру. Коли уж и вы, батюшки, обрили себе бороду и надели кургузый кафтан, так про женское тряпье толковать, конечно, нечего: а, право, жаль сарафана, девичьей ленты и повойника. Ведь посмотреть на нынешних красавиц, и смех и жалость: волоски-то взбиты, что войлок, насалены, засыпаны французской мукою, животик перетянут так, что еле не перервется, исподницы напялены на обручи: в колымагу садятся бочком; в двери входят – нагибаются. Ни стать, ни сесть, ни дух перевести – сущие мученицы, мои голубушки.

– Ох, матушка Татьяна Афанасьевна, – сказал Кирила Петрович Т., бывший в Рязани воевода, где нажил себе три тысячи душ и молодую жену, то и другое с грехом пополам. – По мне жена как хочешь одевайся: хоть кутафьей, хоть болдыха-

ном; только б не каждый месяц заказывала себе новые платья, а прежние бросала новешенькие. Бывало, внучке в приданое доставался бабушкин сарафан, а нынешние робронды – поглядишь – сегодня на барыне, а завтра на холопке. Что делать? разорение русскому дворянству! беда, да и только. – При сих словах он со вздохом посмотрел на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старине, ни порицания новейших обычаев. Прочие красавицы разделяли ее неудовольствие, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностию молодой женщины.

– А кто виноват, – сказал Гаврила Афанасьевич, напеня кружку кислых щей. – Не мы ли сами? Молоденькие бабы дурачатся, а мы им потакаем.

– А что нам делать, коли не наша воля? – возразил Кирила Петрович. – Иной бы рад был запереть жену в тереме, а ее с барабанным боем требуют на ассамблею; муж за плетку, а жена за наряды. Ох, уж эти ассамблеи! наказал нас ими Господь за прегрешения наши.

Марья Ильинична сидела как на иголках; язык у нее так и свербел; наконец она не вытерпела и, обратясь к мужу, спросила его с кисленькой улыбкою, что находит он дурного в ассамблеях?

– А то в них дурно, – отвечал разгоряченный супруг, – что с тех пор, как они завелись, мужья не сладят с женами. Жены позабыли слово апостольское: *жена да убоится своего мужа*; хлопочут не о хозяйстве, а об обновах; не думают, как бы мужу угодить, а как бы приглянуться офицерам-вертопрахам. Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами? и добро бы еще с родственниками, а то с чужими, с незнакомыми.

– Сказал бы словечко, да волк недалечко, – сказал, нахмурясь, Гаврила Афанасьевич. – А признаюсь – ассамблеи и мне не по нраву: того и гляди, что на пьяного натолкнешься, аль и самого на смех пьяным напоят. Того и гляди, чтоб

какой-нибудь повеса не напроказил чего с дочерью; а нынче молодежь так избаловалась, что ни на что не похоже. Вот, например, сын покойного Евграфа Сергеевича Корсакова на прошедшей ассамблее наделал такого шуму с Наташей, что привел меня в краску. На другой день, гляжу, катят ко мне прямо на двор; я думал, кого-то Бог несет – уж не князя ли Александра Даниловича? Не тут-то было: Ивана Евграфовича! небось не мог остановиться у ворот да потрудиться пешком дойти до крыльца – куды! влетел! расшаркался, разболтался!.. Дура Екимовна уморительно его передразнивает; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла под мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардон». Общий и продолжительный хохот снова изъявил удовольствие гостей.

– Ни дать ни взять – Корсаков, – сказал старый квязь Лыков, отирая слезы смеха, когда спокойствие мало-помалу восстановилось. – А что греха таить? Не он первый, не он последний воротился из неметчины на святую Русь скоморохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать Бог весть на каком наречии, не почитать старших да волочиться за чужими женами. Изо всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости Господи), царский арап всех более на человека походит.

– Конечно, – заметил Гаврила Афанасьевич, – человек он степенный и порядочный, не чета ветрогону... Это кто еще въехал в ворота на двор? Уж не опять ли обезьяна заморская? Вы что зеваете, скоты? – продолжал он, обращаясь к слугам, – бегите, отказать ему; да чтоб и впредь...

– Старая борода, не бредишь ли? – прервала дура Екимовна. – Али ты слеп: сани-то государевы, царь приехал.

Гаврила Афанасьевич встал поспешно из-за стола; все бросились к окнам; и в самом деле увидели государя, который всходил на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сделалась суматоха. Хозяин бросился навстречу Петра; слуги раз-

бегались как одурелые, гости перетрусились, иные даже думали, как бы убраться поскорее домой. Вдруг в передней раздался громозвучный голос Петра, все утихло, и царь вошел в сопровождении хозяина, оторопелого от радости. «Здорово, господа», – сказал Петр с веселым лицом. Все низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали в толпе молодую хозяйскую дочь; он подозвал ее. Наталья Гавриловна приближилась довольно смело, но покраснев не только по уши, а даже по плеча. «Ты час от часу хорошеешь», – сказал ей государь и по своему обыкновению поцеловал ее в голову; потом, обратясь к гостям: «Что же? Я вам помешал. Вы обедали; прошу садиться опять, а мне, Гаврила Афанасьевич, дай-ка анисовой водки». Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку и подал ее с поклоном государю. Петр, выпив, закусил кренделем и вторично пригласил гостей продолжать обед. Все заняли свои прежние места, кроме карлицы и барской барыни, которые не смели оставаться за столом, удостоенным царским присутствием. Петр сел подле хозяина и спросил себе щей. Государев денщик подал ему деревянную ложку, оправленную слоновой костью, ножик и вилку с зелеными костяными черенками, ибо Петр никогда не употреблял другого прибора, кроме своего. Обед, за минуту пред сим шумно оживленный веселием и говорливостию, продолжался в тишине и принужденности. Хозяин, из почтения и радости, ничего не ел, гости также чинились и с благоговением слушали, как государь по-немецки разговаривал с пленным шведом о походе 1701 года. Дура Екимовна, несколько раз вопрошаемая государем, отвечала с какою-то робкой холодностию, что (замечу мимоходом) вовсе не доказывало природной ее глупости. Наконец обед кончился. Государь встал, за ним и все гости. «Гаврила Афанасьевич! – сказал он хозяину: – Мне нужно с тобою поговорить наедине», – и, взяв его под руку, увел в гостиную и запер за собою дверь. Гости остались в столовой, шепотом толкуя об этом неожиданном посещении, и, опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль. Тесть его, дочь

и сестра провожали их тихонько до порогу и остались одни в столовой, ожидая выхода государева.

ГЛАВА V

Я тебе жену добуду
Иль я мельником не буду.

Аблесимов,
в опере Мельник.

Чрез полчаса дверь отворилась, и Петр вышел. Важным наклонением головы ответствовал он на тройной поклон князя Лыкова, Татьяны Афанасьевны и Наташи и пошел прямо в переднюю. Хозяин подал ему красный его тулуп, проводил его до саней и на крыльце еще благодарил за оказанную честь. Петр уехал.

Возвратясь в столовую, Гаврила Афанасьевич казался очень озабочен. Сердито приказал он слугам скорее сбирать со стола, отослал Наташу в ее светлицу и, объявив сестре и тестю, что ему нужно с ними поговорить, повел их в опочивальню, где обыкновенно отдыхал он после обеда. Старый князь лег на дубовую кровать, Татьяна Афанасьевна села на старинные штофные кресла, придвинув под ноги скамеечку; Гаврила Афанасьевич запер все двери, сел на кровать в ногах князя Лыкова и начал вполголоса следующий разговор:

– Недаром государь ко мне пожаловал; угадайте, о чем он изволил со мною беседовать?

– Как нам знать, батюшка-братец, – сказала Татьяна Афанасьевна.

– Не приказал ли тебе царь ведать какое-либо воеводство? – сказал тесть. – Давно пора. Али предложил быть в посольстве? что же? ведь и знатных людей – не одних дьяков посылают к чужим государям.

– Нет, – отвечал зять, нахмурясь. – Я человек старого покроя, нынче служба наша не нужна, хоть, может быть, право-

славный русский дворянин стоит нынешних новичков, блинников да басурманов, – но это статья особая.

– Так о чем же, братец,– сказала Татьяна Афанасьевна, – изволил он так долго с тобою толковать? Уж не беда ли какая с тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

– Беда не беда, а признаюсь, я было призадумался.

– Что же такое, братец? о чем дело?

– Дело о Наташе: царь приезжал ее сватать.

– Слава Богу, – сказала Татьяна Афанасьевна, перекрестясь.– Девушка на выданье, а каков сват, таков и жених, – дай Бог любовь да совет, а чести много. За кого же царь ее сватает?

– Гм, – крякнул Гаврила Афанасьевич, – за кого? то-то, за кого.

– А за кого же? – повторил князь Лыков, начинавший уже дремать.

– Отгадайте, – сказал Гаврила Афанасьевич.

– Батюшка-братец, – отвечала старушка, – как нам угадать? мало ли женихов при дворе: всякий рад взять за себя твою Наташу. Долгорукий, что ли?

– Нет, не Долгорукий.

– Да и Бог с ним: больно спесив. Шеин, Троекуров?

– Нет, ни тот ни другой.

– Да и мне они не по сердцу: ветрогоны, слишком понабрались немецкого духу. Ну так Милославский?

– Нет, не он.

– И Бог с ним: богат да глуп. Что же? Елецкий? Львов? нет? неужто Рагузинский? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого ж царь сватает Наташу?

– За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыков приподнял голову с подушек и с изумлением повторил: «За арапа Ибрагима!»

– Батюшка-братец, – сказала старушка слезливым голосом, – не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному диаволу.

– Но как же,– возразил Гаврила Афанасьевич,– отказать государю, который за то обещает нам свою милость, мне и всему нашему роду?

– Как, – воскликнул старый князь, у которого сон совсем прошел, – Наташу, внучку мою, выдать за купленного арапа!

– Он роду не простого, – сказал Гаврила Афанасьевич, – он сын арапского салтана. Басурмане взяли его в плен и продали в Цареграде, а наш посланник выручил и подарил его царю. Старший брат арапа приезжал в Россию с знатным выкупом и...

– Батюшка, Гаврила Афанасьевич, – перервала старушка, – слыхали мы сказку про Бову-королевича да Еруслана Лазаревича. Расскажи-тко нам лучше, как отвечал ты государю на его сватание.

– Я сказал, что власть его с нами, а наше холопье дело повиноваться ему во всем.

В эту минуту за дверью раздался шум. Гаврила Афанасьевич пошел отворить ее, но, почувствовав сопротивление, он сильно ее толкнул, дверь отворилась – и увидели Наташу, в обмороке простертую на окровавленном полу.

Сердце в ней замерло, когда государь заперся с ее отцом. Какое-то предчувствие шепнуло ей, что дело касается до нее, и когда Гаврила Афанасьевич отослал ее, объявив, что должен говорить ее тетке и деду, она не могла противиться влечению женского любопытства, тихо через внутренние покои подкралась к дверям опочивальни и не пропустила ни одного слова из всего ужасного разговора; когда же услышала последние отцовские слова, бедная девушка лишилась чувств и, падая, расшибла голову о кованый сундук, где хранилось ее приданое.

Люди сбежались; Наташу подняли, понесли в ее светлицу и положили на кровать. Через несколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жар обнаружился, она твердила в бреду о царском арапе, о свадьбе – и вдруг закричала жалобным и пронзительным голосом: «Валериан, милый Валериан, жизнь моя! спаси меня: вот они, вот они!..» Татьяна Афанасьевна с беспокойством взглянула на брата, который побледнел, закусил губы и молча вышей из

светлицы. Он возвратился к старому князю, который, не могши взойти на лестницу, оставался внизу.

– Что Наташа? – спросил он.

– Худо,– отвечал огорченный отец, – хуже, чем я думал: она в беспамятстве бредит Валерианом.

– Кто этот Валериан? – спросил встревоженный старик. – Неужели тот сирота, стрелецкий сын, что воспитывался у тебя в доме?

– Он сам, – отвечал Гаврила Афанасьевич, – на беду мою, отец его во время бунта спас мне жизнь, и черт меня догадал принять в свой дом проклятого волчонка. Когда, тому два году, по его просьбе, записали его в полк, Наташа, прощаясь с ним, расплакалась, а он стоял как окаменелый. Мне показалось это подозрительным, и я говорил о том сестре. Но с тех пор Наташа о нем не упоминала, а про него не было ни слуху, ни духу. Я думал, она его забыла; ан, видно, нет. Решено: она выйдет за арапа.

Князь Лыков не противуречил: это было бы напрасно. Он поехал домой; Татьяна Афанасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Афанасьевич, послав за лекарем, заперся в своей комнате, и в его доме все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима по крайней мере столь же, как и Гаврилу Афанасьевича. Вот как это случилось: Петр, занимаясь делами с Ибрагимом, сказал ему:

– Я замечаю, брат, что ты приуныл; говори прямо: чего тебе недостает? – Ибрагим уверил государя, что он доволен своей участию и лучшей не желает.

– Добро, – сказал государь, – если ты скучаешь безо всякой причины, так я знаю, чем тебя развеселить.

По окончанию работы Петр спросил Ибрагима:

– Нравится ли тебе девушка, с которой ты танцевал минавет на прошедшей ассамблее?

– Она, государь, очень мила и, кажется, девушка скромная и добрая.

– Так я ж тебя с нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?

– Я, государь?..

– Послушай, Ибрагим, ты человек одинокий, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап? Надобно тебе пристроиться, пока есть еще время; найти опору в новых связях, вступить в союз с русским боярством.

– Государь, я счастлив покровительством и милостями вашего величества. Дай мне Бог не пережить своего царя и благодетеля, более ничего не желаю; но если б и имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и ее родственники? моя наружность...

– Твоя наружность! какой вздор! чем ты не молодец? Молодая девушка должна повиноваться воле родителей, а посмотрим, что скажет старый Гаврила Ржевский, когда я сам буду твоим сватом? – При сих словах государь велел подавать сани и оставил Ибрагима, погруженного в глубокие размышления.

«Жениться! – думал африканец, – зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека потому только, что я родился под пятнадцатым градусом? Мне нельзя надеяться быть любимым: детское возражение! разве можно верить любви? разве существует она в женском, легкомысленном сердце? Отказавшись навек от милых заблуждений, я выбрал иные обольщения – более существенные. Государь прав: мне должно обеспечить будущую судьбу мою. Свадьба с молодою Ржевскою присоединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моем отечестве. От жены я не стану требовать любви, буду довольствоваться ее верностию, а дружбу приобрету постоянной нежностию, доверенностию и снисхождением».

Ибрагим, по своему обыкновению, хотел заняться делом, но воображение его слишком было развлечено. Он оставил бумаги и пошел бродить по невской набережной. Вдруг услышал он голос Петра; оглянулся и увидел государя, который, отпустив сани, шел за ним с веселым видом. «Все, брат, кончено, – сказал Петр, взяв его под руку. – Я тебя сосватал. Завтра поезжай к своему тестю; но смотри, потешь его бояр-

скую спесь; оставь сани у ворот; пройди через двор пешком; поговори с ним о его заслугах, о знатности – и он будет от тебя без памяти. А теперь, – продолжал он, потряхивая дубинкою, – заведи меня к плуту Данилычу, с которым надо мне переведаться за его новые проказы».

Ибрагим, сердечно отблагодарив Петра за его отеческую заботливость о нем, довел его до великолепных палат князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА VI

Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон. Дрожащий свет ее слабо озарял занавешенную кровать и столик, уставленный склянками с ярлыками. У печки сидела служанка за самопрялкою, и легкий шум ее веретена прерывал один тишину светлицы.

– Кто здесь? – произнес слабый голос. Служанка встала тотчас, подошла к кровати и тихо приподняла полог. – Скоро ли рассветет? – спросила Наталья.

– Теперь уже полдень, – отвечала служанка.

– Ах Боже мой, отчего же так темно?

– Окна закрыты, барышня.

– Дай же мне поскорее одеваться.

– Нельзя, барышня, дохтур не приказал.

– Разве я больна? давно ли?

– Вот уж две недели.

– Неужто? а мне казалось, будто я вчера только легла...

Наташа умолкла; она старалась собрать рассеянные мысли. Что-то с нею случилось, но что именно? не могла вспомнить. Служанка все стояла перед нею, ожидая приказанья. В это время раздался снизу глухой шум.

– Что такое? – спросила больная.

– Господа откушали, – отвечала служанка; – встают из-за стола. Сейчас придет сюда Татьяна Афанасьевна.

Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавес и села опять за самопрялку.

Через несколько минут из-за двери показалась голова в белом широком чепце с темными лентами, и спросили вполголоса:

– Что Наташа?

– Здравствуй, тетушка, – сказала тихо больная; и Татьяна Афанасьевна к ней поспешила.

– Барышня в памяти, – сказала служанка, осторожно придвигая кресла.

Старушка со слезами поцеловала бледное, томное лицо племянницы и села подле нее. Вслед за нею немец-лекарь, в черном кафтане и в ученом парике, вошел, пощупал у Наташи пульс и объявил по-латыни, а потом и по-русски, что опасность миновалась. Он потребовал бумаги и чернильницы, написал новый рецепт и уехал, а старушка встала и, снова поцеловав Наталью, с доброю вестию тотчас отправилась вниз к Гавриле Афанасьевичу.

В гостиной, в мундире при шпаге, с шляпою в руках, сидел царский арап, почтительно разговаривая с Гаврилою Афанасьевичем. Корсаков, растянувшись на пуховом диване, слушал их рассеянно и дразнил заслуженную борзую собаку; наскуча сим занятием, он подошел к зеркалу, обыкновенному прибежищу его праздности, и в нем увидел Татьяну Афанасьевну, которая из-за двери делала брату незамечаемые знаки.

– Вас зовут, Гаврила Афанасьевич, – сказал Корсаков, обратясь к нему и перебив речь Ибрагима. Гаврила Афанасьевич тотчас пошел к сестре и притворил за собою дверь.

– Дивлюсь твоему терпению, – сказал Корсаков Ибрагиму. – Битый час слушаешь ты бредни о древности рода Лыковых и Ржевских и еще присовокупляешь к тому свои нравоучительные примечания! На твоем месте j'aurais planté là* старого враля и весь его род, включая тут же и Наталию Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной, une petite santé...** Скажи по совести, ужели ты влюблен в эту ма-

* …я бы плюнул на… (*франц.*).

** …слабой здоровьем (*франц.*).

ленькую mijaurée?* Послушай, Ибрагим, последуй хоть раз моему совету; право, я благоразумнее, чем кажусь. Брось эту блажную мысль. Не женись. Мне сдается, что твоя невеста никакого не имеет особенного к тебе расположения. Мало ли что случается на свете? Например: я, конечно, собою не дурен, но случалось, однако ж, мне обманывать мужей, которые были, ей-богу, ничем не хуже моего. Ты сам... помнишь нашего парижского приятеля, графа D.? Нельзя надеяться на женскую верность; счастлив, кто смотрит на это равнодушно! Но ты!.. С твоим ли пылким, задумчивым и подозрительным характером, с твоим сплющенным носом, вздутыми губами, с этой шершавой шерстью бросаться во все опасности женитьбы?..

– Благодарю за дружеский совет, – перервал холодно Ибрагим, – но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать...

– Смотри, Ибрагим, – отвечал, смеясь, Корсаков, – чтоб тебе после не пришлось эту пословицу доказывать на самом деле, в буквальном смысле.

Но разговор в другой комнате становился горяч.

– Ты уморишь ее, – говорила старушка. – Она не вынесет его виду.

– Но посуди ты сама, – возражал упрямый брат. – Вот уж две недели ездит он женихом, а до сих пор не видал невесты. Он наконец может подумать, что ее болезнь пустая выдумка, что мы ищем только как бы время продлить, чтоб как-нибудь от него отделаться. Да что скажет и царь? Он уж и так три раза присылал спросить о здоровье Натальи. Воля твоя – а я ссориться с ним не намерен.

– Господи Боже мой, – сказала Татьяна Афанасьевна, – что с нею, бедною, будет? По крайней мере пусти меня приготовить ее к такому посещению. – Гаврила Афанасьевич согласился и возвратился в гостиную.

– Слава Богу, – сказал он Ибрагиму, – опасность миновалась. Наталье гораздо лучше; если б не совестно было оставить

* ...жеманницу (*франц.*).

здесь одного дорогого гостя, Ивана Евграфовича, то я повел бы тебя вверх взглянуть на свою невесту.

Корсаков поздравил Гаврилу Афанасьевича, просил не беспокоиться, уверил, что ему необходимо ехать, и побежал в переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тем Татьяна Афанасьевна спешила приготовить больную к появлению страшного гостя. Вошед в светлицу, она села, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успела еще вымолвить слова, как дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришел. Старушка обмерла и онемела. Гаврила Афанасьевич отдернул занавес, холодно посмотрел на больную и спросил, какова она? Больная хотела ему улыбнуться, но не могла. Суровый взгляд отца ее поразил, и беспокойство овладело ею. В это время показалось, что кто-то стоял у ее изголовья. Она с усилием приподняла голову и вдруг узнала царского арапа. Тут она вспомнила все, весь ужас будущего представился ей. Но изнуренная природа не получила приметного потрясения. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце в ней билось болезненно. Татьяна Афанасьевна подала брату знак, что больная хочет уснуть, и все вышли потихоньку из светлицы, кроме служанки, которая снова села за самопрялку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за карлицею. Но в ту же минуту круглая, старая крошка как шарик подкатилась к ее кровати. Ласточка (так называлась карлица) во всю прыть коротеньких ножек, вслед за Гаврилою Афанасьевичем и Ибрагимом, пустилась вверх по лестнице и притаилась за дверью, не изменяя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслала служанку, и карлица села у кровати на скамеечку.

Никогда столь маленькое тело не заключало в себе столь много душевной деятельности. Она вмешивалась во все, знала все, хлопотала обо всем. Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ и ненависть всего дома, которым управляла самовластно. Гаврила Афанасьевич слушал ее доносы, жалобы и мелочные просьбы; Татьяна Афана-

сьевна поминутно справлялась с ее мнениями и руководствовалась ее советами; а Наташа имела к ней неограниченную привязанность и доверяла ей все свои мысли, все движения шестнадцатилетнего своего сердца.

– Знаешь, Ласточка? – сказала она, – батюшка выдает меня за арапа.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ее сморщилось еще более.

– Разве нет надежды, – продолжала Наташа, – разве батюшка не сжалится надо мною?

Карлица тряхнула чепчиком.

– Не заступятся ли за меня дедушка али тетушка?

– Нет, барышня. Арап во время твоей болезни всех успел заворожить. Барин от него без ума, князь только им и бредит, а Татьяна Афанасьевна говорит: жаль, что арап, а лучшего жениха грех нам и желать.

– Боже мой, Боже мой! – простонала бедная Наташа.

– Не печалься, красавица наша, – сказала карлица, целуя ее слабую руку. – Если уж и быть тебе за арапом, то все же будешь на своей воле. Нынче не то, что в старину; мужья жен не запирают: арап, слышно, богат; дом у вас будет как полная чаша, заживешь припеваючи...

– Бедный Валериан! – сказала Наташа, но так тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

– То-то барышня, – сказала она, таинственно понизив голос, – кабы ты меньше думала о стрелецком сироте, так бы в жару о нем не бредила, а батюшка не гневался б.

– Что? – сказала испуганная Наташа, – я бредила Валерианом, батюшка слышал, батюшка гневается!

– То-то и беда, – отвечала карлица. – Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, так он подумает, что Валериан тому причиною. Делать нечего: уж покорись воле родительской, а что будет то будет.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ее сердца известна отцу ее, сильно подействовала на ее воображение. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершения не-

навистного брака. Эта мысль ее утешила. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребию.

ГЛАВА VII

В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная каморка с одним окошечком. В ней стояла простая кровать, покрытая байковым одеялом, а пред кроватью еловый столик, на котором горела сальная свеча и лежали открытые ноты. На стене висел старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картина, изображающая Карла XII верхом. Звуки флейты раздавались в этой смиренной обители. Пленный танцмейстер, уединенный ее житель, в колпаке и в китайчатом шлафорке, услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая старинные шведские марши, напоминающие ему веселое время его юности. Посвятив целые два часа на сие упражнение, швед разобрал свою флейту, вложил ее в ящик и стал раздеваться.

В это время защелка двери его приподнялась, и красивый молодой человек высокого росту, в мундире, вошел в комнату.

Удивленный швед встал испуганно.

– Ты не узнал меня, Густав Адамыч, –сказал молодой посетитель тронутым голосом, – ты не помнишь мальчика, которого учил ты шведскому артикулу, с которым ты чуть не наделал пожара в этой самой комнатке, стреляя из детской пушечки.

Густав Адамыч пристально всматривался...

– Э-э-э,– вскричал он наконец, обнимая его,– сдарофо, тофно ли твой сдесь. Садись, твой тобрий повес, погофорим.

……

ИСТОРИЯ СЕЛА ГОРЮХИНА

(1830)

Если Бог пошлет мне читателей, то, может быть, для них будет любопытно узнать, каким образом решился я написать Историю села Горюхина. Для того должен я войти в некоторые предварительные подробности.

Я родился от честных и благородных родителей в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа и первоначальное образование получил от нашего дьячка. Сему-то почтенному мужу обязан я впоследствии развившейся во мне охотою к чтению и вообще к занятиям литературным. Успехи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятом году от роду я знал уже почти все то, что поныне осталось у меня в памяти, от природы слабой и которую по причине столь же слабого здоровья не дозволяли мне излишне отягощать.

Звание литератора всегда казалось для меня самым завидным. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего письмовника[1)], никаких книг не находилось. Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты. После генерала Племянникова, у которого батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком. Я расспрашивал о нем у всех, и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему лю-

бопытству, никто не знал его лично, на все мои вопросы отвечали только, что Курганов сочинил Новейший письмовник, что твердо знал я и прежде. Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования. Имя его казалось мне вымышленным и предание о нем пустою мифою, ожидавшею изыскания нового Нибура[2)]. Однако же он все преследовал мое воображение, я старался придать какой-нибудь образ сему таинственному лицу и наконец решил, что должен он был походить на земского заседателя Корючкина, маленького старичка с красным носом и сверкающими глазами.

В 1812 году повезли меня в Москву и отдали в пансион Карла Ивановича Мейера – где пробыл я не более трех месяцев, ибо нас распустили перед вступлением неприятеля – я возвратился в деревню. По изгнании двухнадесяти языков хотели меня снова везти в Москву посмотреть, не возвратился ли Карл Иванович на прежнее пепелище или, в противном случае, отдать меня в другое училище, но я упросил матушку оставить меня в деревне, ибо здоровье мое не позволяло мне вставать с постели в семь часов, как обыкновенно заведено во всех пансионах. Таким образом достиг я шестнадцатилетнего возраста, оставаясь при первоначальном моем образовании и играя в лапту с моими потешными, единственная наука, в коей приобрел я достаточное познание во время пребывания моего в пансионе.

В сие время определился я юнкером в** пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18 ** года. Пребывание мое в полку оставило мне мало приятных впечатлений, кроме производства в офицеры и выигрыша 245 рублей в то время, как у меня в кармане всего оставалося рубль 6 гривен. Смерть дражайших моих родителей принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину.

Сия эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намерен о ней распространиться, заранее прося извинения у благосклонного читателя, если во зло употреблю снисходительное его внимание.

День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино, нанял я вольных и поехал проселочною дорогой. Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение вновь увидеть места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями, и как удобнее было мне толкать его в спину, нежели вынимать и развязывать кошелек, то, признаюсь, раза три и ударил его, что отроду со мною не случалось, ибо сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно. Ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, все-таки затягивал гужи. Наконец завидел Горюхинскую рощу; и через десять минут въехал на барский двор. Сердце мое сильно билось – я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Восемь лет не видал я Горюхина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Двор, бывший некогда украшен тремя правильными цветниками, меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком, теперь обращен был в некошеный луг, на котором паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у переднего крыльца. Человек мой пошел было отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни были открыты и дом казался обитаемым. Баба вышла из людской избы и спросила, кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре дворня меня окружила. Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица – и дружески со всеми ими целуясь: мои потешные мальчишки были уже мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылок девчонки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии: «Как ты постарела», – и мне отвечали с чувством: «Как вы-то, батюшка, подурнели». Повели меня на заднее крыльцо, навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея. Побежали топить баню. Повар, ныне в бездействии

отрастивший себе бороду, вызвался приготовить мне обед или ужин – ибо уже смеркалось. Тотчас очистили мне комнаты, в коих жила кормилица с девушками покойной матушки, и я очутился в смиренной отеческой обители и заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился.

Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого роду – я возился с заседателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной; я успокоился, но скоро скука бездействия стала меня мучить. Я не был еще знаком с добрым и почтенным соседом моим **. Занятия хозяйственные были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною в ключницы и управительницы, состояли счетом из пятнадцати домашних анекдотов, весьма для меня любопытных, но рассказываемых ею всегда одинаково, так что она сделалась для меня другим новейшим письмовником, в котором я знал, на какой странице какую найду строчку. Настоящий же заслуженный письмовник был мною найден в кладовой, между всякой рухлядью, в жалком состоянии. Я вынес его на свет и принялся было за него, но Курганов потерял для меня прежнюю свою прелесть, я прочел его еще раз и больше уже не открывал.

В сей крайности пришло мне на мысль, не попробовать ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги и что не имел я случая приобрести сам собою то, что было раз упущено, до шестнадцати лет играя с дворовыми мальчишками, а потом переходя из губернии в губернию, из квартиры на квартиру, провождая время с жидами да с маркитантами, играя на ободранных биллиардах и маршируя в грязи.

К тому же быть сочинителем казалось мне так мудрено, так недосягаемо нам непосвященным, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смел ли я надеяться попасть когда-нибудь в число писателей, когда уже пламенное желание мое встретиться с одним из них никогда не было исполнено? Но это напоминает мне случай, который намерен

я рассказать в доказательство всегдашней страсти моей к отечественной словесности.

В 1820 году еще юнкером случилось мне быть по казенной надобности в Петербурге. Я прожил в нем неделю и, несмотря на то, что не было там у меня ни одного знакомого человека, провел время чрезвычайно весело: каждый день тихонько ходил я в театр, в галерею четвертого яруса. Всех актеров узнал по имени и страстно влюбился в **, игравшую с большим искусством в одно воскресенье роль Амалии в драме «Ненависть к людям и раскаяние»[3]. Утром, возвращаясь из Главного штаба, заходил я обыкновенно в низенькую конфетную лавку и за чашкой шоколаду читал литературные журналы. Однажды сидел я углубленный в критическую статью «Благонамеренного»; некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок «Гамбургской газеты»[4]. Я так был занят, что не поднял и глаз. Незнакомый спросил себе бифштексу и сел передо мною; я все читал, не обращая на него внимания; он между тем позавтракал, сердито побранил мальчика за неисправность, выпил полбутылки вина и вышел. Двое молодых людей тут же завтракали. «Знаешь ли, кто это был? – сказал один другому: – Это Б., сочинитель[5]». – «Сочинитель!» – воскликнул я невольно – и, оставя журнал недочитанным и чашку недопитою, побежал расплачиваться и, не дождавшися сдачи, выбежал на улицу. Смотря во все стороны, увидел я издали гороховую шинель и пустился за нею по Невскому проспекту – только что не бегом. Сделав несколько шагов, чувствую вдруг, что меня останавливают, – оглядываюсь, гвардейский офицер заметил мне, что-де мне следовало б не толкнуть его с тротуара, но скорее остановиться и вытянуться. После сего выговора я стал осторожнее; на беду мою поминутно встречались мне офицеры, я поминутно останавливался, а сочинитель все уходил от меня вперед. Отроду моя солдатская шинель не была мне столь тягостною, – отроду эполеты не казались мне столь завидными; наконец у самого Аничкина моста догнал я гороховую шинель. «Позвольте

спросить, – сказал я, приставя ко лбу руку, – вы г. Б., коего прекрасные статьи имел я счастие читать в «Соревнователе просвещения?»[6)] – «Никак нет-с, – отвечал он мне, – я не сочинитель, а стряпчий, но** мне очень знаком; четверть часа тому я встретил его у Полицейского мосту». Таким образом уважение мое к русской литературе стоило мне тридцати копеек потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста – а все даром.

Несмотря на все возражения моего рассудка, дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову. Наконец, не будучи более в состоянии противиться влечению природы, я сшил себе толстую тетрадь с твердым намерением наполнить ее чем бы то ни было. Все роды поэзии (ибо о смиренной прозе я еще и не помышлял) были мною разобраны, оценены, и я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из отечественной истории. Недолго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика – и принялся за работу.

К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно: «Опасного соседа»[7)], «Критику на Московский бульвар», «на Пресненские пруды»[8)] и т. п. Несмотря на то поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию Рюрик. Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу – но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика.

Несмотря на то, что надпись моя была не вовсе недостойна внимания, особенно как первое произведение молодого стихотворца, однако ж я почувствовал, что я не рожден поэтом, и довольствовался сим первым опытом. Но творческие мои попытки так привязали меня к литературным занятиям, что уже не мог я расстаться с тетрадью и чернильницей. Я хотел низойти к прозе. На первый случай, не желая заняться предварительным изучением, расположением плана, скреплением частей и т. п., я вознамерился писать от-

дельные мысли, без связи, без всякого порядка, в том виде, как они мне станут представляться. К несчастию, мысли не приходили мне в голову – и в целые два дня надумал я только следующее замечание:

Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию. Мысль конечно справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повести, но, не умея с непривычки расположить вымышленное происшествие, я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ, и старался украсить истину живостию рассказа, а иногда и цветами собственного воображения. Составляя сии повести, мало-помалу образовал я свой слог и приучился выражаться правильно, приятно и свободно. Но скоро запас мой истощился, и я стал опять искать предмета для литературной моей деятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования истинных и великих происшествий давно тревожила мое воображение. Быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя. Но какую историю мог я написать с моей жалкой образованностию, где бы не предупредили меня многоученые, добросовестные мужи? Какой род истории не истощен уже ими? Стану ль писать историю всемирную – но разве не существует уже бессмертный труд аббата Милота[9)]? Обращусь ли к истории отечественной? что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова? и мне ли рыться в летописях и добираться до сокровенного смысла обветшалого языка, когда не мог я выучиться славянским цифрам? Я думал об истории меньшего объема, например об истории губернского нашего города; но и тут сколько препятствий, для меня неодолимых! Поездка в город, визиты к губернатору и к архиерею, просьба о допущении в архивы и монастырские кладовые и проч. История уездного нашего города была бы для меня удобнее, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика и представляла мало пищи красноречию.

*** был переименован в город в 17** году, и единственное замечательное происшествие, сохранившееся в его летописях, есть ужасный пожар, случившийся десять лет тому назад и истребивший базар и присутственные места.

Нечаянный случай разрешил мои недоумения. Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами. Весь дом знал охоту мою к чтению. Ключница моя, в то самое время как я, сидя за моей тетрадью, грыз перо и думал об опыте сельских проповедей, с торжеством втащила корзинку в мою комнату, радостно восклицая: «книги! книги!» – «Книги!» – повторил я с восторгом и бросился к корзинке. В самом деле, я увидел целую груду книг в зеленом и синем бумажном переплете – это было собрание старых календарей. Сие открытие охладило мой восторг, но все я был рад нечаянной находке, все же это были книги, и я щедро наградил усердие прачки полтиною серебром. Оставшись наедине, я стал рассматривать свои календари, и скоро мое внимание было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цепь годов от 1744 до 1799, то есть ровно 55 лет. Синие листы бумаги, обыкновенно вплетаемые в календари, были все исписаны старинным почерком. Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только замечания о погоде и хозяйственные счеты, но также и известия краткие исторические касательно села Горюхина. Немедленно занялся я разбором драгоценных сих записок и вскоре нашел, что они представляли полную историю моей отчины в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом порядке. Сверх сего заключали они неистощимый запас экономических, статистических, метеорологических и других ученых наблюдений. С тех пор изучение сих записок заняло меня исключительно, ибо увидел я возможность извлечь из них повествование стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно с драгоценными сими памятниками, я стал искать новых источников истории села Горюхина. И вскоре обилие оных изумило меня. Посвятив целые шесть месяцев

на предварительное изучение, наконец приступил я к давно желанному труду и с помощию Божиею совершил оный сего ноября 3 дня 1827-го года.

Ныне, как некоторый мне подобный историк[10)], коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвиг, кладу перо и с грустию иду в мой сад размышлять о том, что мною совершено. Кажется и мне, что, написав Историю Горюхина, я уже не нужен миру, что долг мой исполнен и что пора мне опочить!

Здесь прилагаю список источников, послуживших мне к составлению Истории Горюхина:

1. Собрание старинных календарей. 54 *части*. Первые 20 частей исписано старинным почерком с титлами. Летопись сия сочинена прадедом моим Андреем Степановичем Белкиным. Она отличается ясностию и краткостию слога, например: 4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6 – корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 – погода ясная. 9 – дождь и снег. Тришка бит по погоде. 11 – погода ясная. Пороша. Затравил 3 зайцев, и тому подобное, безо всяких размышлений... Остальные 35 частей писаны разными почерками, большею частию так называемым *лавочничьим* с титлами и без титлов, вообще плодовито, несвязно и без соблюдения правописания. Кой-где заметна женская рука. В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксии Алексеевны, также и записки приказчика Гарбовицкого.

2. Летопись горюхинского дьячка. Сия любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатого на дочери летописца. Первые листы были выдраны и употреблены детьми священника на так называемые змеи. Один из таковых упал посреди моего двора. Я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых строк увидел я, что змей составлен был из летописи, и, к счастию,

успел спасти остальное. Летопись сия, приобретенная мною за четверть овса, отличается глубокомыслием и велеречием необыкновенным.

3. Изустные предания. Я не пренебрегал никакими известиями. Но в особенности обязан Аграфене Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей (говорят) любовницею приказчика Гарбовицкого.

4. Ревижские сказки[11)], с замечаниями прежних старост (счетные и расходные книги) касательно нравственности и состояния крестьян.

Страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин. Число жителей простирается до 63 душ. К северу граничит она с деревнями Дериуховым и Перкуховом, коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинственному упражнению заячьей охоты. К югу река Сивка отделяет ее от владений карачевских вольных хлебопашцев, соседей беспокойных, известных буйной жестокостию нравов. К западу облегают ее цветущие поля захарьинские, благоденствующие под властию мудрых и просвещенных помещиков. К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное квакание лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса.

NB. Сие болото и называется *Бесовским*. Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней недалече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса; но сия сказка недостойна внимания историка, и после Нибура непростительно было бы тому верить.

Издревле Горюхино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. Рожь, овес, ячмень и гречиха родятся на тучных его нивах. Березовая роща и еловый лес снабжают обитателей деревами и валежником на построение и отопку жилищ. Нет недостатка в орехах, клюкве, бруснике и чернике. Грибы произрастают в необыкновенном количестве; сжаренные в сметане, представляют приятную, хотя и нездоровую пищу. Пруд наполнен карасями, а в реке Сивке водятся щуки и налимы.

Обитатели Горюхина большей частию росту середнего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серы, волосы русые или рыжие. Женщины отличаются носами, поднятыми несколько вверх, выпуклыми скулами и дородностию. NB. *Баба здоровенная,* сие выражение встречается часто в примечаниях старосты к Ревижским сказкам. Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя и славятся в околотке кулачными бойцами; все вообще склонны к чувственному наслаждению пиянства. Женщины сверх домашних работ разделяют с мужчинами большую часть их трудов; и не уступят им в отважности, редкая из них боится старосты. Они составляют мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барском дворе, и называются *копейщицами* (от словенского слова *копье*). Главная обязанность копейщиц как можно чаще бить камнем в чугунную доску и тем устрашать злоумышление. Они столь целомудрены, как и прекрасны; на покушения дерзновенного отвечают сурово и выразительно.

Жители Горюхина издавна производят обильный торг лыками, лукошками и лаптями. Сему способствует река Сив-

ка, через которую весною переправляются они на челноках, подобно древним скандинавам, а прочие времена года переходят вброд, предварительно засучив портки до колен.

Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями – некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно.

Мужчины женивались обыкновенно на тринадцатом году на девицах двадцатилетних. Жены били своих мужей в течение четырех или пяти лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено.

Обряд похорон происходил следующим образом. В самый день смерти покойника относили на кладбище – дабы мертвый в избе не занимал напрасно лишнего места. От сего случалось, что к неописанной радости родственников мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гробе за околицу. Жены оплакивали мужьев, воя и приговаривая: «Свет-моя удалая головушка! на кого ты меня покинул? чем-то мне тебя поминати?» При возвращении с кладбища начиналася тризна в честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два-три дня или даже целую неделю, смотря по усердию и привязанности к его памяти. Сии древние обряды сохранилися и поныне.

Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть отличительный признак их славянского происхождения. Зимою носили они овчинный тулуп, но более для красы, нежели из настоящей нужды, ибо тулуп обыкновенно накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения.

Науки, искусства и поэзия издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии. Сверх священника и церковных причетников, всегда водились в нем грамотеи. Летописи упоминают о земском Терентии, жившем около 1767 году, умевшем писать не только правой, но и левою ру-

кою. Сей необыкновенный человек прославился в околотке сочинением всякого роду писем, челобитьев, партикулярных пашпортов и т. п. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время, как приучался писать правою ногою, ибо почерка обеих рук его были уже слишком известны. Он играет, как читатель увидит ниже, важную роль и в истории Горюхина.

Музыка была всегда любимое искусство образованных горюхинцев, балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла[12)].

Поэзия некогда процветала в древнем Горюхине. Доныне стихотворения Архипа Лысого сохранились в памяти потомства.

В нежности не уступят они эклогам известного Виргилия, в красоте воображения далеко превосходят они идиллии г-на Сумарокова. И хотя в щеголеватости слога и уступают новейшим произведениям наших муз, но равняются с ними затейливостию и остроумием.

Приведем в пример сие сатирическое стихотворение:

Ко боярскому двору
Антон староста идет, (2)
Бирки в пазухе несет, (2)
Боярину подает,
А боярин смотрит,
Ничего не смыслит.
Ах ты, староста Антон,
Обокрал бояр кругом,
Село по миру пустил,
Старостиху надарил.

Познакомя таким образом моего читателя с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нра-

вами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию.

БАСНОСЛОВНЫЕ ВРЕМЕНА СТАРОСТА ТРИФОН

Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властию старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиком, и наконец непосредственно под рукою самих помещиков. Выгоды и невыгоды сих различных образов правления будут развиты мною в течение моего повествования.

Основание Горюхина и первоначальное население оного покрыто мраком неизвестности. Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оного были зажиточны, что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому на нескольких возах. В то время все покупали дешево, а дорого продавали. Приказчиков не существовало, старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припеваючи, и пастухи стерегли стадо в сапогах. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения. Вот что достоверно:

Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных. Но предки мои, владея многими другими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом.

Но в течение времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат

уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался, – а господа, вместо двойного оброку, получали лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом.

Мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял. В последний год властвования Трифона, последнего старосты, народом избранного, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое) или бродил по улицам, обнявшись между собою и громко воспевая песни Архипа Лысого, въехала в село плетеная крытая бричка, заложенная парою кляч едва живых; на козлах сидел оборванный жид, а из брички высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ. Жители встретили повозку смехом и грубыми насмешками. (NB. Свернув трубкою воскраия одежд, безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо!..» – Летопись горюхинского дьячка.) Но сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда приезжий, выпрыгнув из нее, повелительным голосом потребовал старосты Трифона. Сей сановник находился в увеселительном здании, откуда двое старшин почтительно вывели его под руки. Незнакомец, посмотрев на него грозно, подал ему письмо и велел читать оное немедленно. Старосты горюхинские имели обыкновение никогда ничего сами не читать. Староста был неграмотен. Послали за земским Авдеем. Его нашли неподалеку, спящего в переулке под забором, и привели незнакомцу. Но по приводе или от внезапного испуга, или от горестного предчувствия, буквы письма, четко написанного, показались ему отуманенными, и он не был в состоянии их разобрать. Незнакомец с ужасными проклятиями отослал спать старосту Трифона и земского Авдея, отложил чтение письма до завтрашнего дня и пошел в приказную избу, куда жид понес за ним и его маленький чемодан.

Горюхинцы с безмолвным изумлением смотрели на сие необыкновенное происшествие, но вскоре бричка, жид и незнакомец были забыты. День кончился шумно и весело – и Горюхино заснуло, не предвидя, что ожидало его.

С восходом утреннего солнца жители были пробуждены стуком в окошки и призыванием на мирскую сходку. Граждане один за другим явились на двор приказной избы, служивший вечевою площадию. Глаза их были мутны и красны, лица опухлы; они, зевая и почесываясь, смотрели на человека в картузе, в старом голубом кафтане, важно стоявшего на крыльце приказной избы, – и старались припомнить себе черты его, когда-то ими виденные. Староста Трифон и земский Авдей стояли подле него без шапки с видом подобострастия и глубокой горести. «Все ли здесь?» – спросил незнакомец. «Все ли-ста здесь?» – повторил староста. «Все-ста», – отвечали граждане. Тогда староста объявил, что от барина получена грамота, и приказал земскому прочесть ее во услышание мира. Авдей выступил и громогласно прочел следующее. (NB. «Грамоту грозновещую сию списах я у Трифона старосты, у него же хранилася она в кивоте вместе с другими памятниками владычества его над Горюхиным». Я не мог сам отыскать сего любопытного письма.)

Трифон Иванов!

Вручитель письма сего, поверенный мой **, едет в отчину мою село Горюхино для поступления в управление оного. Немедленно по его прибытию собрать мужиков и объявить им мою барскую волю, а именно: Приказаний поверенного моего ** им, мужикам, слушаться, как моих собственных. А все, чего он ни потребует, исполнять беспрекословно, в противном случае имеет он ** поступать с ними со всевозможною строгостию. К сему понудило меня их бессовестное непослушание, и твое, Трифон Иванов, плутовское потворство.

Подписано NN.

Тогда **, растопыря ноги наподобие буквы хера и подбочась наподобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь: «Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте; вы, я знаю, народ избалованный, да я выбью дурь из ваших голов небось скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было. Горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы – и с ужасом разошлись по домам.

ПРАВЛЕНИЕ ПРИКАЗЧИКА**

** принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы; она заслуживает особенного рассмотрения.

Главным основанием оной была следующая аксиома. Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смирнее. Вследствие сего ** старался о смирности вотчины как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю; ибо от оного по очереди откупались все богатые мужики, пока, наконец, выбор не падал на негодяя или разоренного *[*]. Мирские сходки

* Посадил окаянный приказчик Антона Тимофеева в железы, а старик Тимофей сына откупил за 100 руб.; а приказчик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 руб., и хотел окаянный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес, и приказчик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах, а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку пьяницу (Донесение горюхинских мужиков).

были уничтожены. Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Сверх того, завел он нечаянные сборы. Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало.

Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа Лысого умолкли. Ребятишки пошли по миру. Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного.

.....

ПРИМЕЧАНИЯ

Сочинения А. С. Пушкина, вошедшие в настоящее издание, так же как и примечания, публикуются на основе Полного собрания сочинений Пушкина в 10 томах под редакцией Б. В. Томашевского.

Среди многочисленных изданий произведений А. С. Пушкина следует отметить:

Полное собрание сочинений писателя в 20 томах (Российская академия наук. Институт русусской литературы (Пушкинский Дом). – СПб.: Наука, 1999.

«Большое» (16-томное) и «малое» (10-томное), а также расширенное переиздание большого академического собрания (в 17 томах с 2 дополнительными томами). Оба академических издания органично дополняют друга. Шестнадцатитомное издание и по сей день является самым полным собранием литературных творческих текстов Пушкина, поэтому в научной литературе пушкинские цитаты принято приводить именно по нему. Дополненное переиздание прежде всего ценно материалами, не попавшими в 16-томник.

Полное собрание сочинений Пушкина в 16 томах, приуроченное к столетней годовщине со дня смерти поэта (1937), готовилось с 1933 г. при участии всех виднейших ученых-пушкинистов. Оно было осуществлено издательством АН СССР в 1937–1949 гг.; дополнительный семнадцатый том (не имеющий нумерации) увидел свет в 1959 г.

Полное собрание сочинений Пушкина в 10 томах под редакцией Б. В. Томашевского (так называемое “малое академическое” издание) было подготовлено на основе “большого академического” собрания 1937–1949 гг. и выпущено к 150-летию со дня рождения Пушкина (1949). Второе, исправленное и дополненное издание академического 10-томника было напечатано в 1956–1958 гг. Последнее, 4-е издание 10-томника (Л., Наука: 1977—1979), включенное в ЭНИ “ПУШКИН”, перепечатано со 2-го издания с исправлением явных погрешностей.

Часть первая
ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

Клеветникам России
(1831)

Написано 16 августа 1831 г., т. е. до взятия Варшавы (26 августа). Напечатано в брошюре «На взятие Варшавы», содержавшей три стихотворения Пушкина и Жуковского (сентябрь 1831 г.).

1) В автографе стихотворения был эпиграф: «Vox et praetera nihil»*

2) Народные витии – члены французской палаты депутатов – Лафайет, Моген и др.

3) Оставьте: это спор славян между собою... ср. письмо к Вяземскому от 1 июня 1831 г. (т. 9).

4) Сии кровавые скрижали – многовековая борьба украинского казачества и крестьянства с шляхетской Польшей, а также польская интервенция 1610–1611 гг., когда польские войска были в Москве и горел Кремль.

5) Прага – древнее варшавское предместье на правом берегу Вислы – связана с событиями 1794 г., когда Варшава была взята Суворовым.

6) ...на развалинах пылающей Москвы // Мы не признали наглой воли // Того, под кем дрожали вы – то есть Наполеона.

7) Измаильский штык – намек на взятие турецкой крепости Измаил войсками Суворова в 1790 г.

Бородинская годовщина
(1831)

Написано по поводу взятия предместья Варшавы, Праги – 26 августа 1831 г., в день годовщины Бородинского боя 1812 г. Напечатано Пушкиным впервые в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина», СПб., 1831.

1) *Знакомый пир их манит вновь...* – имеется в виду план интервенции, предлагавшийся депутатами французской палаты (см. выше – «Клеветникам России»).

* Звук и больше ничего (*лат.*).

[2] *Уж Польша вас не поведет* – напоминание об участии Польши (Варшавского герцогства, созданного Наполеоном в 1807 г.) в войне Наполеона против России в 1812 г.

[3] *Вновь наши вторглись знамена* – имеется в виду взятие Варшавы Суворовым в 1794 г.

[4] *Того, что старые скрижали // Хранят в преданиях немых* – разорение и сожжение Москвы во время польской интервенции 1611 г.

[5] *Но вы, мутители палат* – речь идет о выступлениях во французской палате депутатов Могена и Лафайета, которых Пушкин разумел в стихотворении «Клеветникам России», и новых выступлениях (30 июля и 15 августа ст. ст.) Клозеля, Лараби, Одиллона-Барро и Лафайета.

[6] Подчеркнутый Пушкиным стих *Больной, расслабленный колосс* – очевидно, слова одного из них, пытающиеся представить Россию слабой в военном отношении (в выражении этом использован библейский образ колосса на глиняных ногах).

[7] Деятели польского восстания 1830 г. претендовали на присоединение украинских, белорусских и литовских земель.

[8] Наследие Богдана – то есть Богдана Хмельницкого, – Украина.

[9] *Святыню всех своих гробов* – «дело идет о могилах Ярослава и печерских угодников», – так объяснил этот стих сам Пушкин в письме к Е. М. Хитрово от середины сентября 1831 г.

[10] *Война, и мор, и бунт* – русско-турецкая война 1828–1829 гг., эпидемия холеры 1830–1831 гг. и, вероятно, восстание новгородских военных поселений летом 1831 г.

[11] *Внешних бурь напор* – планы интервенции.

[12] *Вокруг одра, где он лежит* – речь идет о И. Ф. Паскевиче (1782–1856), главнокомандующем русскими войсками, взявшими Варшаву, контуженном при штурме Праги.

[13] *Кто покорил вершины Тавра* (горной цепи в южной Армении), *Пред кем смирилась Эривань* – имеется в виду русско-персидская война 1827–1828 гг. и взятие крепости Эривани 1 октября 1827 г.

[14] *Венок сплела тройная брань* – Паскевич был победителем в трех войнах: русско-персидской 1827–1828 гг., русско-турецкой 1829 г. и русско-польской 1831 г.

[15] *И весть триумфа твоего // И с ней летящего за Прагу // Младого внука твоего.* – Донесение Паскевича о взятии Варшавы было доставлено в Петербург внуком Суворова, кн. А. А. Суворовым (1804–1882).

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году

(1815)

Написано по поручению директора департамента народного просвещения И. И. Мартынова на ожидавшуюся торжественную встречу Александра I, который возвращался в Петербург после взятия Парижа русскими войсками. В Петербург он приехал ночью (2 декабря 1815 г.), и встреча в Царском Селе не состоялась.

Впервые опубликовано, вероятно, без ведома Пушкина, в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности при имп. Московском Университете». М., 1817, ч. IX, с. 25–28. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

1) *Венчанный исполин* – Наполеон.

2) *Кульмские герои* – I гвардейская пехотная дивизия, отличившаяся в сражении с французами близ села Кульм в Чехии 17–18 августа 1813 г.

Рефутация г-на Беранжера

(1827)

Написано предположительно 1827 г., не позднее октября. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в 1861 г.

Возражение (рефутация – опровержение) бонапартистской песне «T'en souviens-tu, disait un capitaine...»* , которую стихотворение Пушкина пародирует в духе грубоватой солдатской песни. Пушкин считал автором песни Беранже, однако она написана поэтом Дебро.

1) Во II строфе имеется в виду швейцарский поход Суворова против французских войск в 1799 г.; в последующих строфах – Отечественная война 1812 г.

Орлову

(1819)

Напечатано впервые без разрешения Пушкина М. А. Бестужевым-Рюминым в его альманахе «Северная Звезда. 1829». СПб. 1829.

* Ты помнишь ли, говорил один капитан (*франц.*).

Генерал Орлов Алексей Федорович (1786–1861) в то время был командиром лейб-гвардии Конного полка. Генерал Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) – с 1819 г. начальник штаба Второй армии, находившегося в местечке Тульчине Подольской губ.; он обещал Пушкину взять его в армию. Пушкин «не на шутку собирается в Тульчин, – писал 12 марта А. И. Тургенев Вяземскому, – а оттуда в Грузию и бредит уже войною». (Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПб. 1899, с. 202.) Однако Киселев не сдержал своего обещания. Встретив Пушкина, уже ссыльного, в Кишиневе у Инзова, Киселев «кинул Пушкину мимоходом несколько слов», после чего поэт говорил о том, что он не переносит «оскорбительной любезности временщика, для которого нет ничего священного» (Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, с. 252).

Олегов щит

(1829)

Написано в августе-октябре 1829 г. Напечатано Пушкиным впервые в «Северных Цветах на 1830 год», СПб., 1829.

Вызвано Адрианопольским миром, завершившим русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Во время этой войны русские войска, перейдя в июле 1829 г. Балканы, 8 августа взяли Адрианополь (в 240 км к северо-западу от Константинополя), где 2 сентября 1829 г. был заключен мир. Первая строфа посвящена походу киевского князя Олега (воинственный варяг) на Византию (907).

[1)] *Ты пригвоздил свой щит булатный // На цареградских воротах* – стихи эти восходят к летописи: «повесил щит свой на вратах в знак победы и ушел из Царьграда». Смысл второй строфы, а потому и всего стихотворения – неясен. Многочисленные толкования его, существующие в литературе, – неубедительны.

«Опять увенчаны мы славой...»

(1829)

Написано по поводу мира в Адрианополе, заключенного 2 сентября 1829 г. и завершившего войну с Турцией 1828–1829 гг. Опубликовано Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг Пушкина» в 1903 г.

[1] *Опять увенчаны мы славой, // Опять кичливый враг сражен* – то есть вновь после Наваринского морского сражения (1827) союзного флота – России, Франции, Англии и Греции – против Турции, которое закончилось полным уничтожением турецко-египетского флота.

[2] *Кичливый враг* – Турция систематически отказывалась от всяких переговоров с союзниками и даже после Наваринского поражения не пошла на уступки в пользу греков, которых требовали союзники.

[3] *Эдырне* (Эдирне) – турецкое название Адрианополя.

[4] *И дале двинулась Россия, // И юг державно облегла, // И пол-Эвксина вовлекла...* – Россия получила по Адрианопольскому миру устье Дуная и весь восточный берег Черного моря (Эвксин) – от Анапы до Поти.

«Перед гробницею святой...»

(1831)

Датируется концом мая (после 18) – первой половиной июня 1831 г. Первые три строфы были опубликованы Пушкиным в статье «Объяснение» по поводу стихотворения «Полководец», «Современник», 1836, № IV.

С самого начала польского восстания (17/29 ноября 1830 г.) Пушкин с большой тревогой следил за ходом событий. Он считал, что «теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году» (слова Пушкина гр. Е. Е. Комаровскому – «Русский архив», 1879, I, с. 385). Стихотворение, посвященное М. И. Кутузову, было написано «в такую минуту, когда позволительно было пасть духом» (признание Пушкина дочери Кутузова, Е. М. Хитрово, в письме к ней от сентября 1831 г.; подлинник на французском языке).

[1]*Святая гробница* – гробница Кутузова в Казанском собора в Петербурге.

Наполеон

(1821)

Написано по получении 18 июля 1821 г. известия о смерти Наполеона (5 мая 1821 г.). Две предпоследние строфы, написанные

позднее, предназначались для стихотворения «К морю» (1824). Напечатано Пушкиным впервые в «Стихотворениях А. Пушкина», изд. 1826 г.

Наполеон на Эльбе
(1815)

Написано вскоре после появления в русских газетах известия о бегстве Наполеона с острова Эльба и о вступлении его в Париж. Впервые напечатано в «Сыне Отечества», 1815, ч. 22, № XXV–XXVI.

[1] *Полнощи царь младой* – Александр I.

Стансы («В надежде славы и добра...»)
(1826)

Написано 22 декабря 1826 г., в Москве. Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 1.

Обращены к Николаю I в то время, когда Пушкин еще заблуждался в своей оценке нового императора и верил, что он сможет быть полезным России. Поэт ставит царю в пример Петра и как бы начертывает Николаю программу деятельности. Намекая в первой строфе на казнь декабристов, поэт в последней строфе дает понять царю, что ждет прощения сосланных декабристов.

[1] Князь Яков Долгорукий, сподвижник Петра, прославившийся прямотой и независимостью. Однажды он разорвал указ, подписанный Петром.

К морю
(1824)

Напечатано в альманахе «Мнемозина», 1824 г., ч. IV (вышел в свет в октябре 1825).

Прощание с морем связано с отъездом Пушкина из Одессы, где он прожил год, в новую ссылку – в Михайловское. В Одессе написана первоначальная редакция, в Михайловском – строфы о Наполеоне и о Байроне. Центральная по значению тринадцатая строфа не могла

появиться в печати при жизни Пушкина. В 1825 г. она была напечатана в следующем виде:

Мир опустел...

За этой строкой следовал пропуск, соответствующий трем строкам, а под текстом дано лукавое примечание: «В сем месте автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено кн. П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. Издатели». Два месяца спустя, в первом сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб. 1826), эта строфа появилась уже в несколько расширенном виде:

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
.....
.....

[1] *Не удалось навек оставить // Мне скучный, неподвижный брег* – Пушкин замышлял бегство из Одессы морем в Европу.

[2] *Могучей страстью очарован* – имеется в виду чувство к гр. Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1790–1880).

[3] *Одна скала, гробница славы* – остров Св. Елены, где с 1815 г. находился в заключении Наполеон и где он умер в 1821 г.

[4] *Другой от нас умчался гений... // Исчез, оплаканный свободой* – Байрон умер 7/19 апреля 1824 г. в Греции, куда он приехал летом 1823 г. для участия в национально-освободительной борьбе греков.

[5] *Где капля блага, там на страже // Уж просвещенье иль тиран.* – Сближение просвещенья и тирании как отрицательных явлений отражает свойственное романтикам представление о губительности цивилизации для морали, для блага человека.

Друзьям
(1828)

Написано 22 июля 1836 г.

«Москва неблагородно поступила с ним, – вспоминал Шевырев о пребывании Пушкина в Москве в 1826–1827 гг., имея в виду отно-

шение к поэту после стихотворения «Стансы» («В надежде славы и добра...»), – после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем» (Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л. 1936, с. 463). Ответом на такого рода обвинения и явилось стихотворение «Друзьям».

1) *Россию вдруг он оживил // Войной...* – вероятно, имеется в виду война с Персией 1826–1828 гг., а также участие России в Наваринской битве (1827) против Турции во время войны Греции за независимость,

2) *...надеждами, трудами* – надежды возлагались на деятельность «секретного комитета 6 декабря 1826 года», который должен был заняться обсуждением вопроса о положении крестьян. Оживилась надежда и на изменение внутренней политики в связи с отставкой 30 апреля 1826 г. А. А. Аракчеева.

3) *Он скажет: просвещенья плод // Разврат и некий дух мятежный* – слова льстеца повторяют слова Бенкендорфа из письма его от 21 декабря 1826 г. к Пушкину по поводу записки «О народном воспитании».

4) *Беда стране, где... небом избранный певец // Молчит, потупя очи долу* – намек на собственное положение Пушкина, когда он, освобожденный из ссылки, должен был посылать все свои готовящиеся к печати произведения царю, а во всех своих поездках, чтениях произведений друзьям – отчитываться перед шефом жандармов; когда за отрывок из «Андрея Шенье» его неоднократно вызывали на объяснение к московскому и петербургскому полицмейстерам.

Пушкин представил свои стансы «Друзьям» на цензуру Николая I. Тот наложил резолюцию: «это можно распространять, но нельзя печатать» (см. «Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине», СПб., 1906, с. 66). Пушкину же Бенкендорф ответил: «Что же касается до стихотворения Вашего под заглавием «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано» (письмо от 5 марта 1828 г.).

«Отцы пустынники и жены непорочны…»
(1836)

Вторая половина стихотворения является поэтическим переложением великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...».

Воспоминания в Царском Селе
(1814)

Стихотворение было написано в октябре – ноябре 1814 г. для чтения на публичном экзамене (8 января 1815 г.) при переходе с младшего трехлетнего курса лицея на старший. Впервые напечатано в журнале «Российский музеум», 1815 г., № 4, с примечанием.

Чтение стихов в присутствии многочисленных гостей стало подлинным триумфом юного поэта. Державин, уже старик, «был в восхищении».

«Воспоминания в Царском Селе» было первым произведением, напечатанным поэтом в 1815 г. с полной подписью. Подготовляя в 1819 г. к печати первый сборник своих стихов (не осуществленный тогда), Пушкин переработал текст стихотворения, освободив его от похвал Александру I (как спасителю Европы). В 1825 г. стихотворение было включено по желанию Пушкина в рукопись его сборника, посланного в цензуру; однако в вышедшей книге оно не появилось. Возможно, цензор обратил внимание на отсутствие строфы, посвященной царю: стихотворение было хорошо известно в первоначальном виде, так как именно в этой первой редакции печаталось в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (1817 и 1823 гг.).

1) «Камеронова галерея» близ Екатерининского дворца в Царском Селе.

2) *Минерва* – италийская богиня мудрости. Минерва росская – Екатерина II.

3) *Элизиум* – по верованиям древних греков, место пребывания душ усопших, в поэтическом словоупотреблении – рай.

4) То есть северный.

5) В эпоху царствования Екатерины II.

6) *Над... скалой вознесся памятник* – ростральная колонна посреди большого пруда, воздвигнутая Екатериной II в память морской победы над турками под Чесмою в 1770 г.

7) Обелиск в память победы над турками при реке Кагуле в 1770 г., которую одержали русские войска под руководством гр. П. А. Румянцева.

8) Петров В. П. (1736–1799) – поэт-одописец.

9) *Вселенной бич* – Наполеон.

10) *Беллона* – в римской мифологии богиня войны.

[11)] *Воитель поседелый* – М. И. Кутузов.

[12)] *Скальд России* – В. А. Жуковский, автор стихотворения «Певец во стане русских воинов» (1812).

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
(1836)

Датировано 21 августа 1836 г. При жизни Пушкина не было напечатано.

Написано на тему оды Горация «К Мельпомене» (XXX ода книги III), откуда взят и эпиграф. Эту же оду Горация перевел Ломоносов; ей подражал Державин в своем стихотворении «Памятник».

[1)] Александровская колонна, памятник Александру I в Петербурге на Дворцовой площади; Пушкин «выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, моими товарищами» (запись в дневнике 28 ноября 1834 г.). Причина была, конечно, глубже – Пушкин не желал участвовать в прославлении Александра I.

[2)] *Восславил я Свободу* – имеется в виду вольнолюбивая лирика Пушкина.

[3)] *Милость к падшим призывал* – Пушкин говорит о своих «Стансах» («В надежде славы и добра...»), о стихотворении «Друзьям», о «Пире Петра I», может быть, о «Герое», – тех стихотворениях, в которых он призывал Николая I вернуть с каторги декабристов.

Разговор книгопродавца с поэтом
(1824)

Стихотворение, написанное 26 сентября 1824 г., вскоре по приезде в Михайловское, появилось в печати в качестве предисловия к первой главе «Евгения Онегина».

[1] *Лорд Байрон был того же мненья* – мысль о суетности славы многократно встречается у Байрона, особенно сильно выражена она в «Дон-Жуане» (строфа 218 песни первой):

В чем слава? В том, чтоб именем своим
Столбцы газет заполнить поплотнее.

Что слава? Просто холм, а мы спешим
Добраться до вершины поскорее.
Мы пишем, поучаем, говорим,
Ломаем копья и ломаем шеи,
Чтоб после смерти нашей помнил свет
Фамилию и плохонький портрет!
(Перевод *Т. Гнедич*)

[2] *Жуковский то же говорил* – в следующих словах из «Светланы»:

Слава, нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.

Пророк
(1826)

Написано 8 сентября 1826 г. Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 3.

Взяв в основу стихотворения отдельные мотивы VI главы библейской книги пророка Исайи, Пушкин уходит от библейского сюжета, изображая иносказательно пророческое назначение поэта.

Поэт
(1827)

Написано 15 августа 1827 г. в Михайловском. Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 23.

Поэт и толпа
(1828)

Напечатано под названием «Чернь» в «Московском вестнике», 1829 г., ч. I. Стихотворение было переименовано Пушкиным в 1836 г. при подготовке нового издания стихотворений, не вышедшего в свет.

Эпиграф — восклицание жреца из 6-й песни «Энеиды» Вергилия.

Часть вторая
ИСТОРИЯ ОТЧЕСТВА

История Петра I
(1831–1837)

Текст «Истории Петра I», опубликованный в Полн. собр. соч. Пушкина в 16 т., АН СССР, т. 10, 1938 и напечатанный затем с уточнениями в Полн. собр. соч. Пушкина в 10 т., АН СССР, т. 9, 1949, печатается в настоящем издании по: Полн. собр. соч. Пушкина в 10 т., Л., «Наука», 1979. Т. 9.

[1] Мир со Швецией.

[2] Речь идет об Украине (и заключении перемирия с Польшей).

[3] …уничтожил местничество.

[4] …облагаемый оброком по прихоти и по произволу (*франц.*).

[5] Из «Введения» И. И. Голикова к «Деяниям Петра Великого», содержащего критику книги Штраленберга (Страленберга).

[6] Филипп Иоганн фон Страленберг, «Северная и Восточная часть Европы и Азии», Стокгольм, 1730 (*нем.*).

[7] …«а корпусными командирами» (сообщает Голиков).

[8] В скобках приводится число указов, изданных Петром в данном году.

[9] «сбавьте, сбавьте!» (*франц.*)

[10] «кассационного суда» (*франц.*)

[11] Король Август.

[12] То есть доведя его до 25 000.

[13] Курфюрста Фридриха.

[14] 33 пункта о воинских делах.

[15] Комиссаров Конвента (*франц.*)

[16] Князю И. Потоцкому (Киевское воеводство – название одного из польских воеводств).

[17] Петр дешево ценил Августа. Он, по-видимому, ничего не имел против избрания другого короля *(франц.)*

[18] У Пушкина описка; следует – генерал-поручик Синицкий.

[19] То есть: «Брат мой Карл хочет быть Александром, но не найдет во мне Дария».

[20] Русское – название одного из польских воеводств (в Галиции).

[21] Я никогда еще не видел, чтоб пили столько венгерского *(франц.).*

[22] Ренне, Ренне, друг мой! В другой стране ты не стал бы так скоро превосходительством *(франц.).*

[23] Если он опять примется за прежнее, Ваше величество может наказать его кнутом *(франц.).*

[24] В «Полном собрании законов», 1830, т. IV, с. 635 – «понеже деньги суть артерию войны».

[25] …прекрасная черта храбрости и человеколюбия Шереметева *(франц.).*

[26] …приказал пройти войскам перед его величеством королем датским *(франц.).*

[27] *Махмет-Баядур-хан.* – Голиков, ссылаясь на данные венецианского историка Феодази, именует его «ханом узбекских татар». Голиков пишет и о том, что по имеющемуся у него «манускрипту» «сей узбекский хан именуется... киргизским». Эти не совсем ясные данные заставили Пушкина зачеркнуть написанное на полях слово «киргизский» против имени данного хана.

Аюка-хан, по сведениям Голикова, – предводитель татар, подвластных России, стремившийся объединиться «с татарами (калмыками), Китайскому государству подвластными». Пушкин написал на полях против имени Аюка-хана «калмыцкий», но затем зачеркнул, так как, видимо, его смутило примечание Голикова, что калмыками именовались лишь «подвластные Китаю татара».

[28] Эско.

[29] Монтрель.

[30] Абевиль.

[31] в Бомоне. Дюкло.

[32] де Тессе.

[33] Отель Лангр *(франц.).*

[34] Ледигиер, близ Арсенала (Дюкло) *(франц.).*

[35] Витфорд.

[36] О прислуживающих за столом и подслушивающих разговоры (см. у Голикова).

[37] Подручный или шут Хаджи-Нефеса *(франц.).*

[38] Афросинии.

[39] «Историю Карла XII». Вольтер *(франц.).*

[40] Смерть короля, верность королю – смерть моя *(лат.)*

[41] Под 1719 и 1721 гг. печатаются строки, исключенные цензурой в 1840 году из тетрадей Пушкина, до нас не дошедших, и сохранившиеся в виде отдельных выписок.

[42] То есть султану.

[43] Так Петр называет шторм, разбивший суда.

[44] Чтоб сохранить внешнее приличие *(франц.)*.

[45] То есть предусматривающих наказания за важнейшие государственные преступления.

История Пугачева

Опубликована под заглавием «История пугачевского бунта» в 1834 г. в 2-х частях, из которых первая часть содержит собственно историю Пугачева, а вторая часть – приложения, состоящие из документов, материалов (манифестов, донесений), мемуаров и других исторических памятников эпохи Пугачевского восстания.

В настоящем издании воспроизводится лишь первая часть «Истории Пугачева» со всеми примечаниями. Вторая же часть, не заключающая в себе текста, писанного Пушкиным, не перепечатывается, кроме тех документов, к которым Пушкин отсылает в примечаниях первого тома (эти документы приводятся в примечаниях к соответствующим местам текста).

Начало работы Пушкина над «Историей Пугачева» относится к январю 1833 г. Он задумывает написать историческую повесть («Капитанскую дочку») и в то же время чисто исторический труд («История Пугачева», или «История Пугачевщины», как она названа поэтом в одном месте).

«История пугачевского бунта» вышла в свет в декабре 1834 г. в количестве 3000 экземпляров, но успеха у читателей не имела. Большая часть экземпляров издания осталась нераспроданной. К этому прибавились и другие неприятности. Помимо выпадов С. С. Уварова и других недоброжелателей и врагов поэта, в январе 1835 г. появилась в «Сыне отечества» анонимная рецензия, использованная в целях дискредитации труда Пушкина Ф. В. Булгариным и вызвавшая ответ поэта в «Современнике» 1836 г.

Приводим те тексты из «Приложений» к «Истории пугачевского бунта», на которые имеются ссылки в примечаниях.

К примечанию 1 главы первой.

Манифест 15 октября 1773 года, об отправлении на Яик генерал-майора Кара для усмирения мятежников.

Объявляем всем, до кого сие надлежит. Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожалением мы усмотрели, что беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев бежал в

Польшу в раскольнические скиты и, возвратясь из оной под именем выходца, был в Казани, а оттуда ушел вторично, собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостцах по реке Яику к стороне Оренбурга и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы, о таковых матерински сожалея, чрез сие их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем немедленно от сего безумия отстать, ибо мы таковую продерзость по сие время не самим в простоте и в неведении живущим нижнего состояния людям приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению. Но ежели кто за сим нашим милостивым увещанием и императорским повелением отважится остаться в его шайке и тотчас не придет в настоящее раскаяние и рабское свое повиновение, тот сам уже от нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет и никаким образом, яко сущий нарушитель своей присяги и общего спокойствия, законного нашего гнева и тягчайшего по оному наказания не избежит. Мы для восстановления порядка и тишины в тех пределах отправили от нас нарочно нашего генерал-майора Кара, которому и сей манифест публиковать повелели, повелевая и надеясь, что каждый, впадший в сие заблуждение, сам узнает тягость своего преступления, возвратится к законному повиновению и обще со всеми нашими верноподданными стараться и споспешествовать будут по мере сил своих и по своему званию так, как каждый присягою верности обязан, к прекращению сего безбожного между народом смятения и к доставлению скорейшего способа тому нашему генерал-майору к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца.

К примечанию 5 главы первой. Объявление Рейнсдорпа: *По указу ее императорского величества, из Оренбургской губернской канцелярии публикация*

Известно учинилось, что о злодействующем с яицкой стороны в здешних обывателях по легкомыслию некоторых разгласителей носится слух, якобы он другого состояния, нежели как есть. Но он злодействующий в самом деле беглый донской казак Емельян Пугачев, который за его злодейства наказан кнутом с постановлением на лице его знаков; но чтоб он в том познан не был, для того пред предводительствуемыми им никогда шапки не снимает, чему некоторые из здешних бывших у него в руках самовидцы, из которых один солдат Демид Куликов, вчерась выбежавший, точно засвидетельствовать может. А как

он, Пугачев, с изменническою его толпою по учинению некоторым крепостям вреда сюда идет, то по причине того ложного разглашения всем здешним обывателям объявляется, что всяк сам из поступков его может понять, что он, Пугачев, злодей и как изверженный от честного общества старается верноподданных ее императорского величества честных рабов поколебать и ввергнуть в бездну погибели, а притом имением их набогатиться, как то он в разоренных местах и делает; к предварению чего всякий увещевается во время наступления его с изменническою толпою стараться для сохранения общества, дому и имения своего стоять против толпы его до последней капли крови своея, так, как верноподданным ее императорского величества рабам надлежит и присяжная каждого должность обязует, и отнюдь никаким ложным разглашениям не верить. Сентября 30 дня 1773 года.

К примечанию 7 главы первой.

Письмо А. И. Бибикова графу З. Г. Чернышеву из Казани от 21 января 1774

Милостивый государь, граф Захар Григорьевич! Из донесения моего к ее императорскому величеству увидеть изволите, что войски, прибывшие сюда, действовать начали, и полковник Бибиков с деташементом своим, состоящим в четырех ротах пехоты и трех ротах гусар, разбил злодейскую сволочь, не потеряв ни одного человека, город Заинск освободил от злодеев. Надеюсь очистить сей угол; но прискорбные вести получаю со стороны сибирской: господин Калонг не находит средства не только сделать транспорт провианту и фуражу в Оренбург, но и сам идти опасается, написав премножество затруднений. Советует он мне сей транспорт сделать. Я и без того все способы к тому употребляю, да время проходит, а оно драгоценно. Я писал к нему, чтоб он по крайней мере хотя в Башкирию сделал диверсию в то время, как я к Оренбургу подвинусь в исходе нынешнего месяца или в начале февраля.

Екатеринбург в опасности от внутренних предательств и измены. О Кунгуре слуху после 10 числа нет. Зло распространяется весьма далеко. Позвольте и теперь мне вашему сиятельству повторить: не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение. Тушить оное, кроме войск, в скорости не видно еще теперь способов, а могут ли на такой обширности войски поспевать и делиться, без моего объяснения представить можете. Спешу и все силы употребляю запасать провиант и фураж, тож и подводы к подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликим затруднениям по нынешнему времени все сие подвержено, и тем паче, что внутрь и вне злодейство, предательство и

непослушание от жителей. Не очистя саранчу злую, вперед шагу податься нельзя. В том теперь и упражняюсь, а войски подаются вперед. Жду с нетерпением Чугуевского казачьего полку, о котором слышу, что уже в Москву пришел. Вот, милостивый государь, все то, что я теперь донесть вам могу; а заключу истинным моим высокопочитанием, и проч. *(Собственноручно:) P.S.* Приложенную реляцию покорнейше прошу ее величеству поднесть.

К примечанию 9 главы четвертой.

В письме А. И. Бибикова графу З. Г. Чернышеву от 30 декабря 1773 г. говорится: «Сволочь Пугачева злодейской толпы конечно порядочного вооружения, ниже´ строю иметь не может, кроме свойственных таковым бродягам буйности и колобродства; но их более шести тысяч по всем известиям считать должно, а считая ныне воров башкирцев, число крайне быть должно велико. Не считаю я трудности, милостивый государь, разбить сию кучу, но собрать войска, запастись не только провиантом и фуражом, но и дровами, проходить в настоящее время степные и пустые места с корпусом суть наиглавнейшие трудности; а между тем отражать во всех концах убивства и разорения и удерживать от заразы преклонных от страху и прельщения простых обывателей».

К примечанию 4 главы пятой.

Письмо А. И. Бибикова Д. И. Фонвизину из Казани от 29 января 1774 г.

Благодарю тебя, мой любезный Денис Иванович, за дружеское и приятнейшее письмо от 16 генваря и за все сделанные вами уведомления. Лестно слышать полагаемую от всех на меня надежду в успехе моего нынешнего дела. Отвечаю за себя, что употреблю все способы, и забочусь ежечасно, чтоб истребить на толиком пространстве разлившийся дух мятежа и бунта. Бить мы везде начали злодеев, да только сей саранчи умножилось до невероятного числа. Побить их не отчаиваюсь, да успокоить почти всеобщего черни волнения великие предстоят трудности. Более ж всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! делаю и буду делать что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев чучела, которою воры яицкие казаки играют. Уведомляй, мой друг, сколь можно чаще о делах внешних. Неужели и теперь о мире не думаете? Эй пора, право, пора! Газеты я получил; надеюсь, что по твоей дружбе и впредь получать буду. J’avais diaboliquement peur de mes soldats, qu’ils ne fassent

pas comme ceux de garnison: de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage*. Да то беда, как нарочно все противу нас: и снега, и метели, и бездорожица. Но все, однако же, одолевать будем. Прости, мой друг; будь уверен, что я тебя сердцем и душою люблю.

Напомни, мой друг, графу Никите Ивановичу о бароне Аше. Он обещался ему по крайней мере хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человеку поможешь.

К примечанию 6 главы осьмой.

Письмо Державина полковнику Бошняку из Саратова, от 30 июля 1774 г.

Высокоблагородному и высокопочтенному господину города Саратова коменданту и правящему в оном городе воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вам его превосходительство господин астраханский губернатор П. Н. Кречетников, отъезжая отсюду, не дал знать, с чем я прислан в страну сию, то через сие имею честь вашему высокоблагородию сказать, что я прислан сюда от его высокопревосходительства покойного господина генерал-аншефа и кавалера А. И. Бибикова вследствие именного ее императорского величества высочайшего повеления по секретной комиссии, и предписано по моим требованиям исполнять все; а как по обстоятельствам известного бунтовщика Пугачева сего месяца 16 числа приехал я в Саратов и требовал, чтоб в сем городе была от оного злодея взята предосторожность, вследствие чего 24 числа, при общем собрании нашем в конторе опекунства иностранных и сделано определение, по которому все, согласясь, и подписались, чтоб около магазинов и в месте, найденном за способное его высокородием господином статским советником М. М. Лодыженским, яко служащим штаб-офицером и Инженерном корпусе, сделать для защищения людей и казенного имущества полевое укрепление и прочие готовности, что в том определении именно значит, которое определение при рапорте моем послано уже главнокомандующим куда надлежит, да и чаять должно было, что все, в вышеупомянутом определении написанное, уже исполнено. А как сего 30 числа прибыв я паки в Саратов, не только по тому определению какую готовность нашел, но ниже´ какой не принято предосторожности; а как из рапорта вашего конторе опекунства ино-

* Я чертовски боялся за своих солдат, как бы они не поступили подобно гарнизонным и не сложили оружие перед мятежниками. Но нет, они бьют их как следует и поступают с ними как с мятежниками. Это меня ободряет *(франц.)*

странных 29 числа вижу я, что вы от своего определения отступились и ретраншамента, прожектированного его высокородием господином статским советником М. М. Лодыженским, делать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсем правил военной архитектуры, делать около почтового жительства города Саратова вал, не рассуди ниже места способности, лежащего под высокою горою, отрезанного от воды и столь обширного, что ниже 3000 регулярного войска и великою артиллерией защищать невозможно, приемля только в непреклонное свое правило, что вы, яко комендант города, и в нем церквей Божиих покинуть не можете: то на сие, окроме всех гг. штаб- и обер-офицеров, находящихся здесь, согласных со мною, объяснить вам имею, что комендант вверенной себе крепости никак до конца жизни своей покинуть не должен, тогда, когда уже он имеет ее укрепленною и довольною людьми и потребностьми к защищению оной; а ежели всего оного не имеет так, как теперь и сожженный город Саратов, имеющий единственное наименование города, то должен находить способы, чтоб укрепиться в пристойном по правилам военной архитектуры месте, и в нем иметь от неприятеля оборону. Мы же, как в вышеупомянутом определении согласились, чтоб малое число оставить для защищения в ретраншаменте, а с прочими силами идти навстречу злодея, то чем вы свой обширный вал, выходя навстречу злодея, защищать будете? Это никому не понятно. Да и какое вы, не зная инженерного искусства, лучше укрепление сделать хотите, то также всем благоразумным неизвестно. Церкви же Божии защитить, конечно, должно; но как церковь не что иное есть, как собрание людей правоверных, следовательно, ежели вы благоразумно защитите оных, то в них защитите и церковь, а утвари оных церквей в том ретраншаменте поместить можете. На сие на все прошу ваше высокоблагородие скорейше мне дать ответ для донесения его превосходительству, господину генерал-майору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику высочайшей ее величества власти, присланному ныне по комиссии бунтовщика Пугачева именным ее императорского величества высочайшим повелением. Мы же, находящиеся здесь штаб- и обер-офицеры, приемлем всю тягость законов на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укреплению неспособный лоскут земли, именуемой вами крепостию Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздельно сделать нам вышеозначенный ретраншамент, так и поражать злодеев, приказав ныне же всему вами собранному народу делать прожектированное господином статским советником Лодыженским укрепление, в чем во всем при вас же и купцы здешнего города давно уже согласились.

Замечания о бунте*

(1834)

Замечания написаны в декабре 1834 г. 26 января 1835 г. были представлены Пушкиным при письме к А. Х. Бенкендорфу для сведения Николая I, как «замечания, которые не могли войти в Историю пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны». Тут же Пушкин вновь просил позволения на ознакомление с «Пугачевским делом, находящимся в Архиве». Разрешение было дано вместе с выражением благодарности Пушкину за доставление «Замечаний о бунте».

1) В черновой рукописи имеется пропущенная фраза: «В Радоме он был стражем Радзивила».

2) Замечание в черновике оканчивалось словами: «Князь Голицын был обручен с княжной Прозоровской, матерью княгини Голицыной».

3) В черновике указан источник сведений: «Из писем архимандрита Платона Любарского к Бантышу-Каменскому».

4) В черновике замечание оканчивалось: «Вместо Суворова прислал он Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцева за его низкий характер».

5) В черновом тексте после слов «он его не знал» следовало: «Может быть, сама государыня о том не подумала. Тем не менее казнь сего злодея противузаконна. Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов».

Приложение

(1833–1835)

Собранные здесь записи устных рассказов, преданий и песен относятся к 1833–1835 гг. и отражают творческий процесс работы Пушкина над «Историей Пугачева».

1) Отец Крылова – Андрей Прохорович (1738–1778) – капитан, отец знаменитого баснописца И. А. Крылова; во время восстания Пугачева находился под командованием полковника И. Д. Симонова при защите Яицкого городка и фактически руководил этой защитой.

2) Академик Ловиц Давыд Егорович (р. 1722) – профессор (академик) Петербургской Академии наук по кафедре астрономии; на-

* Пушкин пометил замечания страницами первого издания. В тексте пометы Пушкина сопровождены в скобках ссылками на страницы настоящего издания. Пушкин пометил замечания страницами первого издания. В тексте пометы Пушкина сопровождены в скобках ссылками на страницы настоящего издания.

ходился в экспедиции и, попав в плен к Пугачеву, был убит пугачевцами в Иловле (на Волге) 13 августа 1774 г.

3) Иноходцев Петр Борисович (1742–1806) – адъюнкт Петербургской Академии наук по кафедре астрономии; участвовал вместе с Д. Е. Ловицем в экспедиции на Волге, остался невредим и был впоследствии (1779) профессором астрономии.

4) Бабин Василий Петрович – казанский житель, один из тех стариков, с которыми Пушкин по приезде в Казань 6 сентября 1833 г. «возился», как он писал жене 8 сентября. Самый рассказ Бабина относится к событиям на Арском поле около Казани, куда 7 сентября Пушкин специально ездил.

5) Оренбургские записи сделаны со слов разных лиц на пути следования в Оренбург и Уральск в сентябре 1833 г. и представляют собою позднейшую сводку.

6) Старуха в Берде – 75-летняя казачка Бунтова, с которой, по свидетельству современника, жил Пугачев, когда ей было 14–15 лет от роду; она была жива еще в 1848 г. Другая свидетельница сообщает, что она рассказывала Пушкину «много любопытного и даже пела ему несколько пугачевских песен». Сначала Бунтова приняла Пушкина за антихриста, увидав длинные его ногти. О ней Пушкин писал жене 2 октября 1833 г. из Болдина.

7) Дмитриев Иван Иванович – поэт, очевидец казни Пугачева, описанной им в его известных записках «Взгляд на мою жизнь», тогда еще не изданных.

8) Сенатор Баранов Дмитрий Осипович (1773–1834) – поэт, Сенатор с 1817 г. Запись эту можно датировать не позднее летних месяцев 1834 г., так как уже 23 августа 1834 г. Баранов умер.

9) Свечин Николай Сергеевич (1759–1850) – генерал-от-инфантерии, родственник С. А. Соболевского.

Анекдот о разрубленной щеке гр. А. Г. Орлова развит Пушкиным, вероятно со слов того же Н. С. Свечина, в черновой редакции «Замечаний о бунте».

Об «Истории пугачевского бунта»

(Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 года)

Эту статью Пушкин написал в июле 1836 г. и напечатал в своем «Современнике» 1836 г., т. III, с . 109–134.

В «Сыне Отечества» 1835 г. (кн. I, отд. 3, с. 177–186) появилась анонимная рецензия на «Историю Пугачева», только что перед тем вы-

шедшую из печати. Имя автора этой рецензии стало известно Пушкину значительно позже, из статьи Ф. В. Булгарина «Мнение о литературном журнале “Современник”, издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным, на 1836 год», появившейся в «Северной пчеле» 9 июня 1836 года, № 129. Здесь, полемизируя с «Современником», Булгарин, говоря об «Истории Пугачева», заявлял, что она «поколебалась в своем основании от одного замечания покойного Броневского». Этот выпад и дал повод Пушкину в подробности разобрать рецензию Броневского.

[1] Броневский Владимир Богданович (1784–1835) – генерал-майор, военный историк-дилетант, автор ряда официозных исторических сочинений, среди них «Истории Донского войска» (ч. I–IV, СПб., 1834), член Российской академии, автор «Записок морского офицера» (1818–1819), «Обозрения южного берега Тавриды» (1822) и др.

Очерк истории Украины

(1831)

Написан в 1831 году. Интерес Пушкина к истории Украины может быть отнесен еще к 1829 г., когда 28 апреля М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «Пушкин собирается писать историю Малороссии». В это время печаталась поэма «Полтава», и Пушкин, располагая тогда списком рукописи «История руссов», найденной в 1824–1825 гг., долгое время считавшейся трудом Георгия Кониского и, вероятно, по цензурным условиям не печатавшейся, предполагал подготовить ее к печати и издать; однако работа над подготовкой к изданию этого текста задержалась, а затем и вовсе приостановилась. Следом подготовительной работы над этим памятником остался написанный Пушкиным очерк истории Украины, а также следующий план:

Что ныне называется Малороссией?
Что составляло прежде Малороссию?
Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар?
От Гедимина до Сагайдачного.
От Сагайдачного до Хмельницкого.
От Хмельницкого до Мазепы.
От Мазепы до Разумовского.

Этот очерк и план представляют собою пересказ отдельных мест I–III томов «Истории государства Российского» Карамзина

и первых глав «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского. В частности, из труда Д. Н. Бантыша-Каменского целиком выписаны абзацы от слов: «Les Polianes habitaient: до...» «Danube» и изложение событий о разорении половцами Киева и Чернигова. Из «Истории руссов» Пушкин воспользовался периодизацией событий для наброска плана, целиком следуя изложению рукописи «Истории руссов», а не изложению Карамзина и Бантыша-Каменского. Из «Истории руссов», например, взят период «От Сагайдачного до Хмельницкого», которого нет у названных историков.

О русской истории XVIII века
(1822)

Датированы в рукописи 2 августа 1822 г. и писаны в Кишиневе. По-видимому, представляют собой историческое введение в те автобиографические записки, которые Пушкин сжег после 1825 г. Эта часть сохранилась потому, что рукопись находилась у Н. С. Алексеева, которому Пушкин передал ее еще в Кишиневе.

1) Князь Яков Федорович Долгоруков (см. анекдот в «Table-talk»).

2) Письмо с берегов Прута – легенда о написанном будто бы Петром I письме в Сенат 10 июля 1711 г., когда он был в армии, окруженной турками на р. Прут. В этом письме содержалось распоряжение – на случай, если бы он был взят в плен, – «не почитать его царем и государем и ничего не исполнять, что им, хотя бы то по собственному повелению, будет требуемо»; далее было добавлено, что если он погибнет и будут получены точные известия о его смерти, то выбрать «между собою достойнейшего» наследника. Это письмо Пушкин предполагал использовать в неосуществленной повести «Сын казненного стрельца», 1835 г.

3) Замыслы Долгоруких – князей Долгоруковых – Василия Лукича, Алексея Григорьевича и его братьев: попытка ограничить самодержавие аристократической конституцией, с верховным советом во главе правительства. Попытка выразилась в составлении «условий», которые подписала Анна Иоанновна при вступлении на престол в 1730 г. Условия «верховников» были уничтожены Анной в результате оппозиции «шляхетства» (среднего дворянства), а Долгоруковы сосланы и имущество их конфисковано. «Условия» были написаны по образцу шведской конституции, но с устранением народного представительства.

4) Зубов – князь Платон Александрович. О его обезьяне сохранились многочисленные рассказы в мемуарах современников.

[5] Когда М. И. Кутузов вернулся в 1794 г. из Константинополя, П. Зубов поручал ему изготовление кофе по-турецки и заставлял его приносить чашку кофе по утрам. Князем Кутузов стал только в 1812 г.

[6] Имеется в виду указ Екатерины II от 15 февраля 1786 г. о запрещении употребления слова «раб» при подписании бумаг, ей адресованных, и о подписании их впредь словами: «всеподданнейший» или «верноподданный».

[7] Получившая распространение легенда о будто бы насильственной смерти драматурга Я. Б. Княжнина (1742–1791) под пытками в Тайной канцелярии в связи с дознанием о написанной им трагедии «Вадим».

[8] Шутка г-жи де Сталь. В книге «Десять лет изгнания», говоря о дворцовых переворотах в России, Сталь писала: «Ces gouvernements despotiques, dont le seule limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et du devoir dans la tête des hommes»*.

Пушкин очень вольно изложил слова г-жи де Сталь.

О втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого
(1830)

Статья, оставшаяся в черновике. Второй том «Истории» Полевого вышел в свет в конце августа 1830 г. Пушкин взял его с собой в Болдино, где и писал о нем статью.

[1] Гизо Франсуа (1787–1874) – французский историк, публицист и государственный деятель, идеолог буржуазии, автор трудов по истории европейской культуры от падения Римской империи до французской революции.

[2] Полиньяк Жюль, князь (1780–1847) – французский реакционный политический деятель, глава кабинета министров, свергнутого июльской революцией 1830 г.

Заметки о русском дворянстве
(1830–1834)

При жизни Пушкина не печаталось. Написано в 30-е годы.

[1] Attentat de Феодор. Отмена местничества боярского начата распоряжением царя Феодора Алексеевича в 1682 г. (довершена при Петре I).

* Эти деспотические правительства, для которых единственным пределом является убийство деспота, опрокидывают понятия чести и долга в головах людей *(франц.)*.

[2] Указ Петра I от 23 марта 1714 г., по которому помещикам дано было право передавать поместья только одному наследнику, т. е. запрещалось дробить вотчины. Этот указ создал класс безземельного дворянства, нужный для государственной службы, армии и флота.

[3] «Les rangs – chute de la noblesse…». «Табель о рангах» по указу от 24 января 1722 г. давала возможность проникать в дворянство выходцам из других классов по службе.

[4] *Opposition de Dolgorouky.* Аристократическая оппозиция Долгоруких, пытавшихся (при Петре II и Анне Иоановне) ограничить власть монарха советом 10–12 представителей знатнейших русских фамилий.

[5] «Pierre III – истинная причина дворянской грамоты». «Указ о вольности дворянства», изданный Петром III в 1762 г., отменял обязательность службы дворян и давал им право свободного выезда за пределы России. Истинные причины этого указа Пушкин, по-видимому, хотел противопоставить обычному анекдотическому объяснению о том, что указ сочинен секретарем конференции Волковым, в доказательство ночных занятий Петра III государственными делами, в то время как царь развлекался со своей любовницей.

[6] Alexandre – Новосильцов, Чарторижский – Кочубей. Речь идет о первых годах царствования Александра и о членах «Интимного комитета», молодых представителях аристократических родов, которые должны были осуществить либеральные реформы и парализовать влияние старой аристократической оппозиции.

[7] М. М. Сперанский (сын бедного священника), сторонник демократических радикальных идей; в 1808 г. Александр I призвал его для составления планов государственного преобразования, но уже в 1811 г. он был арестован и отправлен в ссылку, ненавидимый аристократией и бюрократической правящей верхушкой.

[8] В «Истории русского народа», т. II, с. 87, Полевой говорит: «Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу: перед лицом князя все сливалось в одно звание – рабов. Его первый чиновник и последний смерд были перед ним равны».

Карамзин
(1835)

Отрывок, по-видимому, представляет собой фрагмент тех воспоминаний, которые Пушкин писал в Михайловском и вынужден был уничтожить в 1826 г., после восстания декабристов.

[1] В уничтоженном начале этого отрывка «Записок» Пушкин писал, очевидно, о своих юношеских политических стихах.

[2] Пушкин проболел шесть недель в январе – феврале 1818 г.

[3] Одна дама, впрочем, весьма почтенная – кн. Евдокия Ивановна Голицына.

[4] То есть в статье «От киевского жителя к его другу» (подписанной буквой «Ф».), рецензирующей два французских перевода предисловия к «Истории Государства Российского» («Вестник Европы», 1819, № 2–6). В 1829 г. в заметке «Несколько московских литераторов...» Пушкин вновь иронически говорит об этой статье Каченовского.

[5] Ноты Русской истории – примечания Карамзина, содержащие много исторических документов и превосходящие размером основной текст.

[6] Никита Муравьев... разобрал предисловие, – будущий декабрист, автор «Мыслей об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина». Пушкину была известна первая часть этой критики, посвященная предисловию и ходившая в списках (см. «Лит. наследство», т. 59, 1954, с. 582–586).

[7] Письмо это, от 4 июля 1818 г., см. в «Лит. наследстве», т. 59, 1954, с. 566–567.

[8] Вероятно, Пушкин разумеет эпиграмму «В его истории изящность, простота...».

[9] Пушкин имеет в виду идеи Карамзина о незыблемости монархии и крепостного права в России.

[10] П. И. Голенищев-Кутузов (1767–1829) – одописец и переводчик, член Российской академии; политический и литературный противник Карамзина, которого он обвинял в 1810 г. в «вольнодумческом и якобинском яде», в «безбожии и безначалии».

[11] Пушкин общался с Карамзиным четыре года – с 1816 г. (когда историк приезжал в Царское Село) до своей ссылки в 1820 г.

[12] Карамзин ездил к жившей в Павловске императрице Марии Федоровне, вдове Павла I.

Державин

(1835–1836)

Рассказ о Державине является отрывком из сожженных Пушкиным «Записок». В 1835–1836 гг. Пушкин перебелил воспоминание о Державине и вложил листок в «Table-Talk».

«Ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю»
(Письмо П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву)

Письмо касается знаменитого первого «Философического письма» Чаадаева, напечатанного в «Телескопе», 1836 г., т. XXXV, № 15 (с французского языка на русский было переведено другом Герцена Н. Х. Кетчером). В связи с репрессиями, постигшими Чаадаева, отослано не было.

Часть третья
РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ

Полтава
(1828–1829)

Написано в 1828 г., напечатано в 1829 г. Начав весной 1828 г. и вскоре бросив работу, Пушкин вернулся к поэме осенью (когда к нему обычно приходило вдохновение) и необыкновенно быстро, по его словам, «в несколько дней», закончил свою вторую по величине (после «Руслана и Людмилы») поэму.

1) Шведский паладин – Карл XII.

2) *В дни наши новый, сильный враг* – Наполеон и его поход на Москву.

3) *Богдана счастливые споры* – борьба Богдана Хмельницкого против Польши и ее притязаний на овладение Украиной.

4) *Святые брани, договоры* – Переяславская рада 1654 года, на которой Украина была принята в подданство России.

5) *Угрозой хитрой подымает он на Москву Бахчисарай.* – Подготовлялся поход крымских татар на Москву, для чего велись переговоры с ханом Девлет-Гиреем.

6) Забела Степан и Гамалея Г. М. – сторонники Мазепы, украинские полковники. В 1687 г. вместе с В. Кочубеем, Мазепой и еще пятью представителями той же мазепинской партии подали донос князю Голицыну на гетмана Самойловича, в результате которого Самойлович был низложен и в гетманы избран Мазепа. После избрания в гетманы Мазепа наградил своих сторонников высшими чинами.

[7)] Хитрый кардинал – Монтальто (1521 – 1590). После смерти папы Григория XIII в 1585 г. на конклаве при избрании нового папы, по преданию, голоса разделились, и в порядке компромисса было решено избрать самого дряхлого и больного кардинала, папство которого не могло быть длительным. Таким казался 424 кардинал Монтальто. Избранный папой (под именем Сикста V), он отбросил костыли, выпрямился, громким голосом пропел благодарственный гимн и во время своего папства проявил чрезвычайную энергию.

[8)] Запорожский атаман – Гордеенко (см. 11 примечание Пушкина).

[9)] В начале Полтавского сражения шведы начали наступление на слабо укрепленный пункт русских войск. Атаку начали генералы Шлипенбах и Розен. Однако сильные фланговые удары отрезали отряд Шлипенбаха, и он принужден был сдаться; Розен, теснимый с обоих флангов, отступил к оборонительной линии Полтавы, но все же принужден был также сдаться.

[10)] Шереметев, фельдмаршал, командовал центром русской армии, Брюс – артиллерией; Боур заменил раненого Ревне и командовал правым флангом; он руководил операцией, окончившейся взятием в плен Шлипенбаха и Розена; князь Репнин находился при Петре.

[11)] То есть князь Меншиков. Он командовал левым флангом; на войска левого фланга выпала наиболее ответственная часть военных операций во время Полтавского сражения.

[12)] Войнаровский – племянник Мазепы, полковник шведской службы; герой поэмы Рылеева «Войнаровский».

[13)] *В стране, где мельниц ряд крылатый* – в Молдавии. Карл XII после поражения при Полтаве бежал в Турцию и был интернирован в Бендерах. После заключения мира с Россией турецкое правительство предложило Карлу покинуть Турцию; он оказал сопротивление, но был обезоружен, и ему пришлось некоторое время пробыть в заключении; затем он покинул Турцию и вернулся в Швецию (ноябрь 1714 г.).

Борис Годунов
(1831)

Трагедия писалась в Михайловском с декабря 1824 г. по ноябрь 1825 г. Напечатана впервые только в 1831 г. На сцене при жизни Пушкина не могла быть поставлена по цензурным соображениям. Пушкин несколько раз читал ее публично, после возвращения из ссылки в 1826 г., в Москве и позже в Петербурге.

Впервые «Борис Годунов» был поставлен (с сокращениями и цензурными искажениями) лишь в 1870 г. в Петербурге.

Медный всадник
Петербургская повесть
(*1833*)

Поэма (или, как ее назвал Пушкин, петербургская повесть) была написана в Болдине осенью 1833 г.: в рукописях ее начало помечено 6 октября, конец 31 октября. Полностью поэма не была разрешена Николаем I к печати, и лишь ее начало Пушкин напечатал в «Библиотеке для чтения», 1834, кн. XII, под названием: «Петербург. Отрывок из поэмы» (от начала и кончая стихом «Тревожить вечный сон Петра», с пропуском четырех стихов, начиная со стиха «И перед младшею столицей»). О запрещении «Медного всадника» Пушкин написал в своем дневнике 14 декабря 1833 г. Пушкин пробовал изменить места, на которых остановилось внимание Николая I, но бросил исправления, не доведя их до завершения. Переделывал все эти места уже Жуковский после смерти Пушкина и напечатал поэму в томе 5 «Современника», 1837 г.

Для описания наводнения 7 ноября 1824 г. Пушкин обратился к журнальным сообщениям, в частности к статье Булгарина, напечатанной в книге Берха.

1) То есть пушечные выстрелы с верков Петропавловской крепости.

2) В то время на Неве еще не было постоянных мостов; все мосты были плавучие, и их разводили в случае ледохода или наводнения, прекращая тем связь между берегами Невы.

3) Альгаротти (1712–1764) – итальянский литератор; посетил Россию в 1739 г.; издал письма о России, где и находится цитируемая Пушкиным фраза.

4) Стихотворение кн. Вяземского «Разговор 7 апреля 1832 г.», посвященное Е. М. Завадовской; там имеются стихи:

Я Петербург люблю, с его красою стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью – дня соперницей беззнойной
И с свежей зеленью младых ее садов.

5) «Oleszkiewicz» – небольшая поэма Мицкевича о польском художнике Олешкевиче, жившем в Петербурге. Там говорится, как

художник, спустившись на лед, измеряет глубину Невы и предсказывает наводнение.

6) Рубан В. Г. – мелкий поэт XVIII века, написавший следующие стихи о памятнике Петра:

Нерукотворная здесь росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Пришла во град Петров чрез невские пучины
И пала под стопы великого Петра.

Эти стихи пользовались большой известностью.

Капитанская дочка
(1836)

Впервые была напечатана в «Современнике» (1836, т. IV). Осталась неопубликованной, вероятно по цензурным соображениям, глава о бунте крестьян в деревне Гринева, которую Пушкин в своих бумагах назвал «Пропущенной главой». Она увидела свет только в 1880 г.

1) Эпиграфы в «Капитанской дочке» взяты: к первой главе – из комедии Княжнина «Хвастун» (1786); ко второй – из сборника Чулкова «Собрание русских песен», 1770–1774, ч. III; к четвертой – из комедии Княжнина «Чудаки» (1793); к пятой, шестой и седьмой главам – из сборника Чулкова, ч. 1 и 2; к девятой – из стихотворения Хераскова «Разлука»; к десятой – из поэмы его «Россияда» (1779), песнь одиннадцатая; к главе одиннадцатой – эпиграф, приписанный А. Сумарокову, сочинен самим Пушкиным в подражание «Притчам» Сумарокова; к двенадцатой – переделка народной песни, записанной Пушкиным в Михайловском; к тринадцатой – сочинен Пушкиным в стиле комедии Княжнина.

2) Цитата из стихотворения Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1769).

3) Оренбургским губернатором был Иван Андреевич Рейнсдорп (ум. в 1781 г.), и Пушкин некоторые черты Рейнсдорпа перенес на персонаж своего романа – Андрея Карловича. Однако изображенный Пушкиным генерал старше Рейнсдорпа: он вспоминает об участии в прусском походе Миниха (1733 г.), в то время как Рейнсдорп в службу вступил в 1746 г.

4) Имеется в виду осада русскими войсками прусской крепости Кюстрин в1758 г. во время Семилетней войны и взятие турецкой крепости Очаков в 1737 г. во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

[5] Подробно об этом событии см. в главе I «Истории Пугачева».

[6] *Сосед мой, молодой казак...* – Далее Пушкин называет его. Это – Чумаков Федор Федотович, начальник артиллерии Пугачева. В 1773 г. ему было 45 лет. Пугачев называл его графом Орловым. Чумаков позднее оказался одним из тех людей, которые выдали Пугачева властям; за это он был освобожден от всякого наказания.

[7] О судьбе Лизаветы Харловой см. «Историю Пугачева», главы 2 и 3.

[8] Белобородов Иван Наумович, один из главных предводителей пугачевцев, служил с 1759 г. сперва в войсках, затем на Охтинском пороховом заводе. С 1766 г., выйдя в отставку, жил в селе Богородском около Красноуфимска; в январе 1774 г., когда пугачевцы вошли в его село, он примкнул к ним и организовал отряд, преимущественно из горнозаводских рабочих. Этот отряд действовал в районе Екатеринбурга. Впервые Белобородов встретился с Пугачевым в Магнитной крепости 7 мая 1774 г. Таким образом, изображение Белобородова в Бердской слободе противоречит историческим фактам.

[9] Афанасий Соколов (Хлопуша) находился в 1773 г. в Оренбургской тюрьме, послан Рейнсдорпом к Пугачеву с увещательными манифестами, но немедленно перешел на его сторону, произведен им в полковники и в дальнейшем был одним из главных его помощников.

[10] Взятие Казани Пугачевым произошло 12 июля 1774 г.

[11] Имеется в виду дело А. П. Волынского (1689–1740), кабинет-министра императрицы Анны Иоанновны, казненного в 1740 г. вместе с его другом А. Ф. Хрущевым за попытку свергнуть власть немца Бирона, фаворита императрицы.

Арап Петра Великого

(1827)

Опубликовано в виде двух отрывков в альманахе «Северные цветы» в 1829 г. и в «Литературной газете» в марте 1830 г. Эти отрывки были затем перепечатаны в сборнике «Повести, изданные Александром Пушкиным» (1834) под заголовком: «Две главы из исторического романа. 1. Ассамблея при Петре I. 2. Обед у русского боярина».

[1] Испанская война – война между Испанией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой, в 1719–1720 гг.

[2] Герцог Орлеанский Филипп – регент Франции (с 1715 по 1723 г.) при несовершеннолетнем Людовике XV.

[3] Джон Лоу (1671–1729), финансовый делец; организовал во Франции выпуск бумажных денег и дутых акций основанной им Индийской компании. В 1720 г. финансовые операции Лоу провалились, что повлекло за собой разорение многих владельцев акций и обесценение бумажных денег.

[4] Герцог Ришелье, Луи Франсуа Арман дю Плесси (1696–1788) – маршал Франции, известный своими легкомысленными похождениями. Пушкин сравнивает его с Алкивиадом, афинским военачальником (V в. до н. э.), человеком блестящих способностей и безнравственного поведения.

[5] Аруэт – подлинная фамилия Вольтера.

[6] Шолье (1639–1720) – французский поэт, аббат, воспевавший наслаждение жизнью; автор фривольных песенок.

[7] Шереметев Борис Петрович (1652–1719) – фельдмаршал.

[8] Головин Иван Михайлович (1672–1737) – адмирал.

[9] Бутурлин Иван Иванович (1661–1738) – член военной коллегии, Сенатор.

[10] Долгорукий Яков Федорович (1659–1720) – Сенатор, президент ревизионной коллегии, ведавший государственным контролем, пользовался репутацией человека честного и прямого. О спорах Бутурлина и Долгорукого с Петром рассказывается в очерках А. Корниловича, послуживших одним из источников романа Пушкина.

[11] Феофан Прокопович (1681–1736) – церковный и общественный деятель, ученый и поэт, поддерживал реформы Петра.

[12] Гавриил Бужинский (1680–1731) – ученый монах, переводчик, «протектор школ и типографий». Автор ряда проповедей, в которых прославлялись преобразования Петра.

[13] Копиевич Илья Федорович (ум. после 1708 г.) – переводчик, издатель русских книг в Амстердаме.

История села Горюхина
(1830)

Начата в октябре 1830 г. после окончания «Повестей Белкина». С многочисленными искажениями и пропусками, с произвольным заглавием «Летопись села Горохина» повесть была впервые напечатана уже после смерти Пушкина в «Современнике» (1837, т. VII).

[1] Новейший письмовник. – Впервые вышедшая в 1769 г. и многократно затем переиздававшаяся книга Н. Г. Курганова, в первом издании называвшаяся: «Российская универсальная граммати-

ка, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку, с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей».

2) Нибур (1776–1831) – немецкий историк; в своей «Римской истории» (1811–1812, 1832) критически пересмотрел многие легенды из истории Древнего Рима.

3) «Ненависть к людям и раскаяние» (1789) – мелодрама немецкого писателя А. Коцебу.

4) Полное название: «Политическая и ученая газета гамбургских беспартийных корреспондентов», одна из старейших немецких газет.

5) Б., сочинитель – имеется в виду Ф. Булгарин.

6) «Благонамеренный» и «Соревнователь просвещения» – петербургские журналы 10-х – 20-х гг. XIX в.

7) «Опасный сосед» (1811) – шутливая поэма В. Л. Пушкина.

8) «Критика на Московский бульвар», «на Пресненские пруды» – анонимные сатирические стихотворения, ходившие в рукописях.

9) Труд аббата Милота – учебник французской истории («Курс истории Франции», 1769), появившийся в русском переводе в 1819–1820 гг.

10) Имеется в виду Эдуард Гиббон (1737–1794) – английский историк, автор книги «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1787).

11) Ревижские сказки – здесь списки крепостных крестьян, вносивших налоги.

12) ...в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла, – то есть в казенном питейном заведении.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. **ВЕЛИКАЯ РОССИЯ** 11
Клеветникам России *(1831)* 13
Бородинская годовщина *(1831)* 14
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году *(1815)* 17
Рефутация г-на Беранжера *(1827)* 20
Орлову *(1819)* 21
Олегов щит *(1829)* 23
Опять увенчаны мы славой *(1829)* 23
Перед гробницею святой *(1831)* 24
Наполеон *(1821)* 25
Наполеон на Эльбе *(1815)* 29
Стансы *(1826)* 32
К морю *(1824)* 32
Друзьям *(1828)* 35
Отцы пустынники и жены непорочны *(1836)* 36
Воспоминания в Царском Селе *(1814)* 37
Я памятник себе воздвиг нерукотворный *(1836)* 42
Разговор книгопродавца с поэтом *(1824)* 43
Пророк *(1826)* 49
Поэт *(1827)* 50
Поэт и толпа *(1828)* 51

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. **ИСТОРИЯ ОТЧЕСТВА** 53
История Петра I *(1831–1837)* 55

История пугачевского бунта *(1834)* 387
Замечания о бунте *(1834)* 533
Приложение. Записи устных рассказов, преданий, песен *(1933–1835)* 540
Об «Истории пугачевского бунта» *(Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества»в январе 1835 года)* ... 549
Очерк истории Украины *(1831)* 567
О русской истории XVIII века *(1822)* 572
Второй том «Истории русского народа» Н. А. Полевого *(1830)* 577
Заметки о русском дворянстве *(1830–1834)* 581
Карамзин *(1835)* 584
Державин *(1835–1836)* 587
«Ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю» *(Письмо П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву)* 588

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. **РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ**.....591
Полтава *(1828–1829)* 593
Борис Годунов *(1831)* 645
Медный всадник *(1833)*.....748
Капитанская дочка *(1836)* 764
Арап Петра Великого *(1827)* 881
История села Горюхина *(1830)*.....915

Примечания 933

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 90 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 07.12.2012 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 38,15 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие в трех томах *(вышли)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*

Русская архитектура и скульптура

Русская живопись

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.

Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)